

жизнь даниэл-бека
ПИРУМЯНА

Книга подготовлена к великому событию — 95-летию Сардарapatского сражения, победа в котором 28 мая 1918 года над регулярными турецкими войсками не только предотвратила полное уничтожение армянского народа, но и обеспечила условия для создания первой в его истории демократической республики.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Оганяна Ованеса Арменаковича.

Юрий Пирумян

НА ОБРЫВКАХ ЛЕТ И ДНЕЙ
Жизнь Даниэл-бека Пирумяна

Москва, 2013

УДК 355.33(47)(092)+929Пирумян
ББК 63.3(2)5-283.3,8 Пирумян
ПЗЗ

Пирумян, Юрий Леонович.
ПЗЗ На обрывках лет и дней : жизнь Даниэл-бека Пирумяна / Юрий Пирумян. — Москва : Ключ-С, 2013. — 592 с.

ISBN 978-5-93136-199-4

В книге Юрия Пирумяна прослежена жизнь его родного деда, национально-героя Армении Даниэл-бека Пирумяна, одного из видных участников судьбоносной Сардарapatской битвы в мае 1918 года.

Выходец из карабахского рода, офицер русской армии, участник Первой мировой войны на Кавказском фронте, Георгиевский кавалер, Даниэл-бек Пирумян в дни турецкого наступления на сердце Армении — Ереван проявил все свои способности и весь накопленный годами службы и участия в войне опыт, чтобы не только остановить численно превосходящего противника, но и заставить его с потерями отступить.

Последующие два года генерал Даниэл-бек Пирумян отдал службе в Армянской армии, два с лишним года практически непрерывно противостоящей мятежным силам внутри страны и внешним агрессорам.

Несмотря на то что имя Даниэл-бека Пирумяна широко известно в Армении, до сих пор в многочисленных публикациях встречаются ошибки при описании его жизни и даже его кончину некоторые исследователи представляют следствием расстрела после советизации Армении, что не имело места в действительности.

Такие же ошибки автору удалось выявить в результате тщательного изучения документов и при описании судеб семейного окружения Даниэл-бека Пирумяна: жены, детей, а также братьев, сестер и их потомков.

Книга представляет интерес для историков и политиков, а также может служить примером глубокого генеалогического исследования.

УДК 355.33(47)(092)+929Пирумян
ББК 63.3(2)5-283.3,8 Пирумян

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Автор настоящей книги посвятил ее своему родному деду, уроженцу Арцаха, национальному герою Армении Даниэл-беку Абисогомовичу Пирумяну, биография которого вызывала и продолжает вызывать у многих исследователей и литераторов повышенный интерес. Потому что его имя, наряду с такими именами, как Арам Манукян, Товмас Назарбекян, Мовсес Силикян, и некоторыми другими неразрывно связано с победой в Сардарapatской битве, давшей армянскому народу шанс на выживание.

Однако, как показывает автор, в книгах и публикациях, посвященных Сардарapatской битве и конкретному участию в ней Даниэл-бека Пирумяна, до настоящего времени встречаются факты, не опирающиеся на достоверные источники, да и сама биография героя в большинстве изданий полна «белых» пятен и противоречий. Достаточно сказать, что даже год и место кончины Даниэл-бека Пирумяна многими историками и писателями приводятся ошибочно.

Учитывая это, автор считал необходимым подкреплять описание любого события в жизни своего героя ссылкой либо на вышедшие издания, либо на подлинные архивные документы, либо на свидетельства родных и очевидцев. Только такой способ, по мнению автора, способен дать правильное представление о Даниэл-беке Пирумяне как о человеке и военачальнике и устранить ошибки и нестыковки в его биографии.

Сам автор очень постепенно и последовательно «знакомился» со своим героем, начиная с исследования генеалогических корней рода и описания арцахской деревни Нахичеваник, в которой до сегодняшнего дня сохранился дом Даниэл-бека Пирумяна, и кончая открытием многих имен его семейного окружения.

В книге приведены интересные сведения о системе начального образования в России в 1870 – 1880-е годы, в частности в городских училищах, и показано, что уровень полученных в них знаний вполне позволял продолжить образование. А потому Даниэл-бек Пирумян, окончив 4-хклассное Шушинское городское училище и решив стать военным, поступил с первого раза в Тифлисское юнкерское училище, атмосфера и система учебы в котором раскрыта автором на основе архивных документов.

Много места в книге отведено службе Даниэл-бека Пирумяна в 153-м пехотном Бакинском полку в мирное и военное время. Особое внимание автор уделил описанию участия своего деда в главных операциях на Кавказском фронте Первой мировой войны, особенно Эрзерумской: за дей-

ствия на подступах к этой мощнейшей турецкой крепости Даниэл-бек Пирумян был награжден Георгиевским золотым оружием.

Очень «бедным» с точки зрения количества найденных документов оказался период непосредственно после Февральской революции. Не меньшую трудность для исследования биографии Даниэл-бека Пирумяна представляли дни, предшествовавшие Сардарapatской битве, и дни самой битвы.

С максимально возможной для автора полнотой исследована деятельность Даниэл-бека Пирумяна как военачальника на службе в армии независимой Армении. Большой массив документов раскрывает энергию, с которой он защищал родину от внутренних и внешних врагов, его заботу о мирном населении и о подчиненных, а также беззаветную преданность своему народу при отстаивании его интересов, даже в трудных условиях диктата со стороны европейских союзников Армении, в частности англичан.

В то же время автор не избегал цитирования документов, в которых Даниэл-бек Пирумян предстал не идеальной мифической личностью, а реальным человеком, не лишенным отдельных недостатков, впрочем, никоим образом не умаляющих заслуг этого человека перед армянским народом и Арменией.

Издатель выражает надежду, что книга будет с интересом встречена жителями родины героя и жителями России, специалистами и людьми, интересующимися новейшей историей двух стран.

ОТ АВТОРА

*...вот когда посожалею,
что я не смерть и ноль в сравнении с ней.
Я б разузнал, чем держится без клею
живая повесть на обрывках дней.*

Борис Пастернак

Я взял эти строки великого поэта, написанные в другое время и по другому поводу, эпитафией к авторскому предисловию. Но они могут служить эпитафией и ко всей книге. Потому что она соткана действительно из обрывков воспоминаний, литературных публикаций и архивных документов. Почти тридцать лет я собирал их. Так могло бы продолжаться и дальше. Но неумолимый ход времени поторапливает меня, требует описать жизнь моего деда Даниэл-бека Пирумяна сейчас, пока еще живы поколения его внуков и правнуков, а также поколения внуков и правнуков его соратников по Сардарапатской битве в мае 1918 года.

Дед ворвался в мою жизнь реальным человеком, когда мне было уже 26 лет. Шел 1967 год, еще были живы две его дочери — родные сестры моего отца, для которых участие Даниэл-бека в Сардарапатском сражении, как мне теперь представляется, явилось неожиданностью. С тех пор я словно сросся с дедом, которого никогда не видел. Думаю о нем непрестанно. Вспоминаю эпизоды его жизни. Переживаю их так, будто сам был их участником. И теперь, наверное, знаю о нем больше, чем его дети, включая самого младшего — моего отца. Правда, они знавали Даниэл-бека живым...

Дорого я дал бы теперь, чтобы узнать от них хоть какую-нибудь деталь из дедовской биографии. Но при мне они о нем никогда не говорили, во всяком случае, я этих разговоров не слышал. Да и мысли мои тогда не были заняты делами взрослых. Я много думал о каких-то своих, важных, как мне казалось, проблемах, и очень мало — о родных людях.

Как тут не вспомнить Даниила Гранина, сказавшего: «Мы все начинаем понимать обиды наших родителей, ценить их терпение, вспоминать их бессловесное ожидание, когда сами становимся отцами. Проходя путь отцовства, мы замечаем следы и знаки, когда-то оставленные на этой дороге нашими отцами и дедами. К концу пути следов все больше. Родителей нет, и когда ничего уже нельзя исправить, мы начинаем понимать их. Зачем же нужна столь поздняя наука? Ее некому передать, раскаяние не в силах ничего изменить».

Но в каком направлении должен идти жизнеописатель? Искать солнечные стороны своего героя или теньевые? Думаю, что надо писать правду, какой бы горькой она ни была, понимая, что все мы «человеки». И здесь появляется, пожалуй, то главное, что движет мною в этой работе — любовь. Любовь к деду. И как права биограф А.И. Солженицына Людмила Сараскина, выпустившая в серии «Жизнь замечательных людей» почти тысячестраничный труд о писателе, сказав: «Там нет истины, где нет любви», — этой христианской максимой решается вечный спор между «биографами — апологетами» и «биографами — судьями».

Я не апологет и тем более не судья. Я просто исследователь сложной жизни и судьбы человека, оказавшегося в переломные моменты своей страны если и не в самом центре событий, то уж никак не на их периферии.

По ходу поиска мне посчастливилось познакомиться, иногда заочно, со многими людьми, готовыми помогать по мере сил. Не всех я запомнил, но всем благодарен: писателям и историкам, государственным служащим и добровольным помощникам — искателям исторической правды.

Не все возможности я использовал и много ошибок совершил, прежде чем сумел правильно выбрать цель и метод исследования. Главная же моя ошибка в том, что я слишком поздно взялся за дело. Впрочем, в юности мало кто задумывается о судьбе дедов и прадедов, зачастую даже о жизни отцов-то не в курсе...

Потомкам, которые, надеюсь, будут жить в России в более спокойные времена, нежели мой дед и его дети, наверное, трудно будет понять, почему я так поздно узнал об участии деда в Сардарapatской битве, а заодно и о самой битве. Нашему старшему поколению было что скрывать! Чин полковника царской армии и генерала Армянской — мягко говоря, не лучший штрих в биографии в советские времена. Не случайно мой отец в нескольких рукописных вариантах автобиографии постарался сказать правду так, чтобы, по сути, не сказать ничего.

Не сомневаюсь, он был бы рад моей книге. Но она, к сожалению, написана почти через шестьдесят лет после его смерти. И да не обидятся на меня остальные дети Даниэл-бека, если я посвящу эту книгу моему отцу. Самому младшему из них. Так меня любившему и так рано ушедшему из жизни.

Да, теперь я знаю о своем деду много, очень много. И самое главное, недавно мне посчастливилось изучить документ, неоспоримо свидетельствующий о дате и месте его смерти и даже о дате похорон. Эти данные на протяжении нескольких десятилетий воспринимались многими исследователями и авторами художественных произведений чем-то вроде ничем не подтвержденных гипотез. Конечно, некоторые факты еще требуется уточнить. Но основные жизненные вехи прослежены четко. И я могу со спокойной совестью предложить свой труд читателям, заранее извинив-

шись перед ними за обильное цитирование архивных документов. Порой утомляющих своим однообразием, но зато дающих возможность прикоснуться к подлинной истории не только человека, но и двух стран — России и Армении.

На страницах книги, как бы «за кулисами», а иногда и весьма рельефно присутствует еще одна страна — Турция, существование которой в современном мире было обеспечено (об этом, к сожалению, не все знают, а осведомленные не всегда вспоминают) большевиками. Этими квислингами России, отдавшими Турции по Брестскому миру омытые кровью русской армии исторические земли Армении. Недаром на памятнике Кемалю Ататюрку в Стамбуле среди фигур его соратников изображены Ворошилов и Фрунзе.

Но суть в данном случае не в них, а в других людях. Судьба Даниэлбека, на мой взгляд, в чем-то очень типична для военнослужащих того поколения. Честно служа своему отечеству — Российской империи, попавшие сначала в вихрь Первой мировой войны, а затем — революции, они не всегда могли перестроиться и принять новый миропорядок.

На их глазах рушилось государство, которому они присягали и которому отдали лучшие годы своей жизни. Но большинство российских офицеров-армян (а я говорю сейчас об офицерах именно этой нации) нашли свое место — они стали служить в армии независимой Армянской Республики. И страницы книги, посвященные этому периоду, для меня не менее волнующи, чем страницы, посвященные непосредственно Сардапатской битве.

Мне остается надеяться, что читатели, добравшиеся до соответствующих мест в книге, разделят мои чувства и отдадут дань уважения всем, кто защищал в то нелегкое время право Армении на существование.

Глава 1

ПОЯВЛЕНИЕ ВТОРОГО ДЕДУШКИ

*Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая...*

Михаил Лермонтов. Валерик

Дворовые мальчишки принимали меня за еврея, хотя мои папа и мама были, как говорится, «чистокровными армянами», родившимися в армянском городе Александрополе (ныне Гюмри). В детстве они не знали друг друга, кажется, каким-то образом были знакомы их семьи. Мама в юности мне что-то об этом говорила, но я тогда не запомнил, что конкретно, о чем теперь жалею. Впрочем, можно понять, почему моя мама родилась именно в Александрополе, если заглянуть в послужной список ее отца — моего дедушки Арама Васильевича Тер-Шмаонова, проходившего службу в этом городе. Там еще сказано, что он имеет двух детей: сына Георгия, родившегося в 1903 году, и дочь Эжен (Евгению) — мою маму, 1906 года рождения. Правда, и сын, и дочь всю жизнь в документах советского периода не только делали себя на год моложе, но и писали другие числа действительных месяцев своего рождения. Так, Георгий (для меня он всегда был и остается дядей Жоржем, как я его звал) писал, что он родился 23 ноября (и в нашей семье его поздравляли в этот день). Тогда как на самом деле он родился 10 ноября. А моя мама принимала поздравления 27 октября, хотя в послужном списке дедушки Арама ее днем рождения значится 18 октября. Если сдвиг даты рождения у дяди Жоржа еще можно объяснить переходом со старого на новый стиль, то есть ровно на тринадцать дней, то мамино укрывательство истинного дня рождения я ничем логично объяснить не могу. Но так уж случилось, что написанием неправильных дат рождения «грешили» практически все мои близкие, включая моего папу. И отнюдь не из-за плохой памяти. Обстоятельства диктовали...

Дедушка Арам — первый и единственный дедушка из поколения родителей моих родителей, кого я застал живым. Он родился в селе Верхний Арташат в семье священника, в 1901 году окончил медицинский факультет Московского университета, а в 1902 году был определен младшим врачом на службу в 39-ю артиллерийскую бригаду, дислоцировавшуюся сравнительно недалеко от его родных мест. К этому времени он был уже женат на моей бабушке, Софии Георгиевне, дочери тифлисского куп-

ца Георгия Саруханова, получившей прекрасное образование и воспитание. К моменту рождения первенца Георгия (в послужном списке написано «Геогрия») мужу и жене было, соответственно, 30 и 31 год. Где дядя Жорж родился, он мне говорил, но я это тоже не запомнил, поэтому пришлось перебрать оставшиеся после его смерти документы, из которых я узнал, что он родился в Камарлинском районе Армянской ССР. А Камарлю — это старое название города Арташата — центра Араратской области (по-армянски — марза) нынешней Республики Армения. Город находится на расстоянии около 25 — 30 километров к югу от Еревана, а в нескольких километрах от районного центра лежит село Верхний Арташат. Ясно, что в родном доме своего отца и родился мой дядя Жорж. Поскольку из послужного списка дедушки Арама я узнал, что с 15 мая 1904 года по 27 февраля 1907 года он был прикомандирован к Александропольскому местному лазарету, и поскольку в Александрополе, о чем я твердо знал с самого детства, родился мой папа, то вероятность знакомства папиной и маминой семей именно в Александрополе вполне реальна.

Дом в Верхнем Арташате построил мой прадедушка Тер-Гукас Шмавовян. Он был деревенским священником. У меня сохранилась его фотография.

Мой прадедушка Тер-Гукас Шмавовян

В 1916 году дедушка Арам перевез свою семью в Москву, но моя мама очень часто на протяжении своей жизни с нежностью вспоминала годы, проведенные в доме Тер-Гукаса, и деревню Верхний Арташат.

Мне запомнились некоторые детали из ее рассказов. Например, что дом Тер-Гукаса был первым и, скорее всего, единственным домом с балконом в этой деревне, причем балкон выходил не во внутренний двор, а на улицу. Дом окружала каменная стена с аркой для входа, а слева от входа, во дворе располагалась терраса, на которой мама ела персики и часами любовалась Араратом. Еще она вспоминала, как бродила по развалинам древней армянской столицы — Двина, находившимся метрах в четырехстах от деревни, и однажды нашла там древнеримскую камею. Эти картины всегда вставали у меня перед глазами, когда речь заходила об Армении.

И дом Тер-Гукаса, и арка, и терраса, и балкон — все сохранилось. В доме уже в мою бытность жил со своей семьей Вазген, сын младшего брата дедушки Арама, Вагаршака. А рядом построил свой дом младший брат Вазгена, Рафик. В семьях этих двух двоюродных братьев моей мамы родилось много детей — и мальчиков, и девочек. Три дочери Вазгена со временем переехали со своими семьями в другие места Армении. И только его сын Арам остался в родительском доме и жил там с женой и дочерью. В его доме до сих пор стоят старинный письменный стол и шкаф моего дедушки. Он бережно хранит эти вещи, и я в каждый свой приезд в деревню люблю заходить в комнату, где они стоят, и смотреть на них, думая о дедушке и маме. Младший сын Рафика, Рубен, со своей семьей продолжает жить в доме отца. А старший сын, Шмавон, у которого с детства обнаружилась склонность к живописи, вырос, в конце концов, в известного армянского художника. Он пристроил встык свой двухэтажный дом с балконом, выходящим во двор, и теперь из его мастерской на втором этаже открывается чудесный вид на Арарат. Оба брата часто видятся со своими тремя родными сестрами, семьи которых обосновались в районном центре, и охотно им помогают.

У меня и моей жены Наташи сложились особенно теплые и близкие отношения со Шмавоном, с его женой Нелли, его детьми и даже с родными Нелли, чему немало способствовали их природная открытость и доброты. Шмавон мне очень много помогал, откликаясь на любые просьбы, особенно когда дело шло об установлении контактов с нужными мне людьми в Армении.

Семья Шмавона бережно хранит память о дедушке Араме. В их ереванской квартире висит копия с оригинала фотографии из моего семейного архива, на котором запечатлены дедушка, бабушка София, дядя Жорж и моя мама. Это одна из самых моих любимых семейных фотографий. Снимок сделан в Тифлисе (наверное, родители повезли детей показать

*Мои дедушка Арам Васильевич Тер-Шмаонов,
бабушка София Георгиевна, дядя Жорж и мама*

дом моего прадедушки Георгия Саруханова). На нем моей маме с виду лет пять-шесть. Значит, это 1911 – 1912 годы.

То ли мой семи- или восьмилетний возраст пришелся на кампанию «с безродными космополитами», то ли сыграло свою роль пресловутое «дело врачей», но только я часто слышал из уст сверстников обидные прозвища — «Зяма-газиривщик» и «Абрам с паяльником», намекающие на мое якобы еврейское происхождение, судя по всему, из-за длинного носа.

Дворовых мальчишек можно было понять. Я говорил грамотно и чисто по-русски, но картавил, как и моя мама, — верные признаки еврейства, по мнению многих московских обывателей той поры. Хотя мама

картавила из-за того, что в детстве учила с гувернанткой-француженкой французский язык.

Когда мои родители хотели поговорить между собой так, чтобы я ничего не понял, они переходили на французский. Желая проникнуть в тайны родителей, я тоже решил выучить этот язык, и мама начала со мной потихоньку заниматься. Когда папы уже не стало, я смог почти на равных беседовать с мамой на бытовые темы и читать французские книги, в основном исторические, потому что в нашей домашней библиотеке их было много. Именно тогда у меня появился интерес к истории, в большей степени, правда, к периоду Великой французской революции и наполеоновских войн, что в седьмом классе послужило поводом для исключения меня из пионеров. Мама же предпочитала пьесы на любовные и исторические темы из дореволюционных французских журналов.

Раз в глазах дворовых мальчишек я был евреем, то меня не только дразнили, но и часто, собравшись ватагой из пяти-шести пацанов, пытались поколотить. Приходилось драться, иногда меня спасали мои быстрые ноги, а иногда вовремя появлялся мой защитник Владимир Ковалев — сосед, живший под нами, бывший зэк, во времена моего отрочества периодически сильно пьющий. «Его не трогайте, — с многозначительным видом говорил Ковалев дворовой шпане, — он князь». Я не знал, как реагировать на эти слова, ведь мама утверждала, что мы, по сути, из крестьян: мой прадед, Тер-Гукас, хоть и был священником, но деревенским, а значит, скорее всего, был выходцем из крестьян. Правда, по линии второго мамино деда, Георгия Саруханова из Тифлиса, мы были купеческого происхождения. Но «князь...»! Возможно, Ковалев преисполнился большого почтения к бабушке, производившей, по словам моей мамы, на всех людей, видевших и знавших ее, впечатление утонченной аристократки. Она жила вместе с моими родителями в нашей комнате в коммуналке, где я родился и где она умерла спустя два месяца после моего рождения. Мама часто повторяла мне ее последние слова: «Женя, иди, маленький плачет...»

Дворово-школьное детство кончилось, и я поступил после семи классов в химико-технологический техникум, где, по мнению многих однокурсников, вновь оказался евреем. Среди них был один особенно упрямый студент по фамилии Абрамцис, который никак не хотел смириться с тем, что я армянин, а не еврей. Дело дошло до того, что когда я, наконец, в 1957 году получил долгожданный паспорт, этот Абрамцис специально поехал ко мне домой, чтобы посмотреть графу «национальность». Но даже когда он увидел, что в этой графе написано «армянин», он продолжал сомневаться, только выражал свои сомнения в приличной мирной манере.

Но мои физические страдания и моральные муки были не в счет по сравнению с тем, что приходилось порой выдерживать моей маме. Од-

нажды кто-то из наших соседей по коммунальной квартире подсыпал в ее кастрюлю с супом горсть земли, а когда мама обнаружила это, ей заявили, чтобы мы убирались в Израиль. На возражения, что мы не евреи, а армяне, последовал ответ: «Все равно, убирайтесь в Израиль!» Это случилось уже после смерти папы, при нем вряд ли соседи позволили бы себе такое.

Со временем мама привыкла к тому, что ее принимают за еврейку и что если ей случалось встречаться в компании с малознакомыми людьми этой национальности, то они, считая, что мама «своя», обсуждают всякие беды и невзгоды, связанные с «пятым пунктом». У мамы для того, чтобы не очутиться в ложном положении, был свой метод предотвращения неприятных ситуаций. Дождавшись, когда беседа переходила на бытовые темы, например о кулинарии или нарядах, мама вставляла заранее заготовленную фразу: «У нас, у армян... (готовят, одеваются и так далее, в зависимости от контекста беседы)». Реакция на ее слова почти всегда бывала одна и та же: разговор на еврейские темы тут же прекращался.

Вершиной маминого «еврейства» я считаю случай, очевидцем которого был сам. Как-то раз мы с ней возвращались из Большого театра, где, одеваясь, замешкались в гардеробе. За нами увязалась женщина средних лет, которая до самого здания метро «Площадь Свердлова» (ныне «Театральная») пыталась выяснить у мамы, понравилась ли ей одна певица. У певицы была еврейская фамилия. Предположив, что имеет дело с представительницей определенной национальности, мама постаралась объяснить, что ей понравилась не только эта певица, но и некоторые другие. Однако женщина делала упор лишь на исполнительнице с еврейской фамилией. В конце концов, уже находясь на эскалаторе, ведущем к станции, женщина, стоя ступенькой ниже и укоризненно глядя на маму, очень громко сказала: «Что же это вы, не интересуетесь нашими артистами?» — сделав акцент на слове «нашими». Тогда мама, поняв, что разговора на бытовые темы уже не предвидится и ей не удастся воспользоваться своей коронной фразой, вынуждена была прямо заявить назойливой собеседнице: «Вы, очевидно, принимаете меня за еврейку, а я армянка». Но женщина еще громче прежнего закричала: «Стыдно отказываться от своей национальности!» Мама была в ужасе и долго не могла прийти в себя. Она была уязвлена не тем, что ее приняли за еврейку, к этому она успела привыкнуть, а тем, что кто-то мог усомниться в ее правдивости.

Но ни мама, ни я и в мыслях не допускали, что можно отказаться, в какой бы то ни было форме, от «своей» национальности. А ведь в отличие от мамы, которая хотя бы в детстве соприкоснулась с Арменией, я был очень далек от родины моих родителей и географически, и ментально. Правда, вопреки тщеславному чувству ничем не оправданной избранности, ко-

торое жило во мне и которым я объяснял свою непохожесть на окружающих меня сверстников, мои сведения о земле предков были до крайности скудны. Конечно, я знал кое-какие основные периоды армянской истории, знал о войнах Тиграна Великого с Римом, о принятии христианства, о геноциде и добровольной советизации, но не более того. Мой дядя Жорж по этому поводу иногда подтрунивал, говоря про меня: «Не то еврей, не то грузин, не то советский армянин». Играл и учился я с русскими, по-армянски не знал ни слова, нет, два слова все-таки знал: «бжишка туне» («доктор дома»). Да и то только потому, что их часто произносил дядя Жорж, слышавший, как говорят больные, приходившие на прием к дедушке Араму.

Этого дедушку я видел в своей жизни нечасто. Грустная история, потому что он в конце Первой мировой войны обзавелся на фронте, как теперь говорят, «военно-полевой женой» — молодой медицинской сестрой. Через некоторое время он развелся с моей бабушкой, женился на этой сестре, переехал с ней на Маросейку и оповестил родных в Верхнем Арташате, что хочет представить им новую жену. Однако в ответ получил от родственников-верхнеарташатцев категорическую телеграмму, которую я храню в своем архиве: «Все согласны видеть тебя одного только. Решай, как знаешь. Всеми любимая Соня здесь. Все». Дату телеграммы определить трудно. Цифры такие: 70 – 22 – 19 – 11 – 10. Сопоставляя со временем приема телеграммы: 19-го в 16 ч. 5 мин., можно предположить, что последние три цифры: 19 – 11 – 10 означают дату и время отправки. Но в каком месяце и в каком году? Цифра 70 вообще никак не интерпретируется, а цифра 22 может означать 1922 год. Косвенно этот год можно подтвердить названием районного центра, из которого послана телеграмма, — Камарлю, ставшего Арташатом позднее. Мама мне рассказывала, что телеграмму послал следующий по возрасту за Арамом брат — Вагаршак — дедушка Шмавона.

Так моя бабушка осталась одна. Девятнадцатилетний сын и шестнадцатилетняя дочь как могли, поддерживали ее. А в новой семье дедушки, когда ему было уже под шестьдесят, сначала появился один сын, Тигран, а затем, когда дедушке было уже шестьдесят два года, второй — Эдуард.

Естественно, что отношения дедушки с двумя старшими детьми — дядей Жоржем и моей мамой — осложнились настолько, что они перестали с ним видеться. Дядя так и остался непреклонным, несмотря на то что дедушка несколько раз пытался с ним объясниться, а моя мама, когда я уже немного подрос, несколько смягчилась и дедушку приняла. Я помню, как он к нам приходил, иногда со своими двумя мальчиками, младший из которых был старше меня всего на шесть лет, и всегда приносил мне шоколадку. Он умер в 1948 году, когда мне было семь лет, через год умер мой

папа, но мама и я не чувствовали себя забытыми, родственники с папиной стороны не оставили нас...

Мы жили в центре Москвы, в районе нынешней Триумфальной площади (бывшей площади Маяковского). К нам часто приходили старший брат папы — Микаэл (для меня — дядя Миша) и его старшая сестра — Мария, которую все близкие называли Марусей. Они были одинокими людьми, жили возле Чистых прудов и могли быстро добраться до нас или до дома своей младшей сестры.

Дом их младшей сестры, Софии, для меня — «тети Сони», в моем представлении был настоящим семейным «армянским центром», находившимся на Большой Дмитровке (бывшей улице Пушкина) недалеко от Камергерского переулка (бывшего проезда Художественного театра). Другой наш семейный «армянский центр», где жили родственники Халатовы, располагался в Лялином переулке, совсем близко от Покровских ворот и Чистых прудов. Мы с мамой ходили в гости и в тот, и в другой, но чаще все же бывали у тети Сони, очень сердечной и приветливой женщины, которая сочувствовала моей маме, неожиданно потерявшей мужа и оставшейся с маленьким сыном на руках.

Дом тети Сони был «армянским центром» главным образом благодаря ее мужу — армянину «до мозга костей», известному московскому адвокату Оганесу Барсеговичу Барсегянцу, которого я называл «дядей Оником». Он свободно говорил и писал по-армянски, знал древнюю армянскую историю, всегда интересовался современными армянскими делами, был хорошо известен не только в московской армянской среде, но и большинству общественных деятелей в Армении. Он был автором многочисленных книг, и мама мне даже рассказывала, что одной из его работ интересовался Ленин и эта работа, якобы, лежит раскрытой на столе в кабинете музея «Ленинские Горки». Я не раз собирался это проверить, но так и не собрался.

Еще до революции Оганес Барсегович поселился со своей матерью в коммунальной квартире на третьем этаже большого дома. В те времена, а я говорю о пятидесятых годах XX века, когда многие жались в тесных комнатухах, семья моей тети Сони жила в трех довольно просторных комнатах. Я очень хорошо помню эти комнаты:ходишь в квартиру и из прихожей попадаешь в центральную комнату — гостиную с немецким пианино черного цвета и старинными бронзовыми часами на нем. Дверь направо — спальня дочерей, моих двоюродных сестер Рипсимэ и Люсик, налево — спальня родителей. Меня маленького особенно манила спальня родителей, куда редко кто заходил днем. В ней всегда царил полумрак. Слева от двери стояли две широченные кровати и висели два большущих портрета родителей дяди Оника. Около единственного окна, почти всегда зашторенного, стоял письменный стол-бюро, кото-

рый мне очень нравился. Рядом — полки с русскими и армянскими книгами. Я брал одну из русских книг, усаживался за стол и начинал просматривать. Именно просматривать, потому что книги в основном были не художественные, а юридические, и зачитываться ими маленькому мальчишке было рановато.

Мы с мамой любили приходить в гостеприимный дом дяди Оника и тети Сони, сюда же часто навещались и дядя Миша с тетей Марусей. Не проходило недели, чтобы я не видел кого-нибудь из них, беседующих в гостиной на разные темы. Я с интересом слушал эти разговоры, правда, когда они касались армянской тематики, слушал несколько отрешенно. Многие из слов взрослых было мне непонятно. Знать бы тогда, как много они могли рассказать о досоветской своей жизни, да несмышленишем я был в те годы. И потом, спустя несколько лет, когда еще была возможность, тоже почему-то не воспользовался благоприятными обстоятельствами для сбора того самого материала, который по крупицам собираю теперь...

Таким вот несведущим русифицированным армянином я и дорос до двадцати лет, учась в техникуме и одновременно работая, затем поступил в Московский университет им. М.В. Ломоносова, а в декабре 1964 года отправился в армию. И только демобилизовавшись в 1967 году, после почти трехгодичной службы на Дальнем Востоке, узнал о главном семейном событии.

Как это было, первой мне рассказала Люсик. По ее словам, однажды осенним днем 1966 года к подъезду их дома на Большой Дмитровке подошли два кавказца: «Я столкнулась с ними у подъезда и сразу подумала, что это армяне и что они идут к моему папе». Так оно и оказалось. Это действительно были армяне, приехавшие из Еревана и искавшие Оганеса Барсеговича.

Один из гостей назвался армянским писателем Арутюном Геворковичем Туршняном, другой представился как Мнацаканов, работник Центрального комитета Коммунистической партии Армянской ССР (его имени и отчества моя сестра не запомнила).

Партийное подкрепление не было случайным. В Армении тогда усиливался никогда, впрочем, не угасавший интерес к национальной истории, в том числе и к тем событиям, на которых официальная историография предпочитала не акцентировать внимание. Например, на провозглашении демократической республики в мае 1918 года, явившейся результатом борьбы армянского народа против регулярной турецкой армии. Апофеозом этой борьбы стала Сардарapatская битва, произошедшая так близко от Еревана, что дальше отступать было некуда, позади только Ереван, да та небольшая территория, что оставалась от Армении.

Как раз об этой битве писатель Туршян и подготовил к печати книгу на армянском языке. Издать ее намеревались к 50-й годовщине сражения, то есть к маю 1968 года. А так как, по сведениям Туршяна, командовал этой битвой полковник Даниэл-бек Пирумян, то у автора возникла мысль отыскать, если удастся, его потомков, которые, как он выяснил, жили в Москве.

К этому времени Коммунистическая партия Армении уже не могла игнорировать столь очевидно проявляемый народом интерес к своей недавней истории, поэтому было решено отметить годовщину битвы на высоком уровне в рамках государственного мероприятия. И, в частности, построить на месте сражения этнографический музей, один из разделов которого был бы посвящен Сардарapatским событиям.

Ну а музею нужны экспонаты, документы, фотографии и прочие материалы, которые гости надеялись найти в семейных архивах потомков полковника. А так как армянские связи Оганеса Барсеговича не ограничивались Москвой и он был достаточно известен в Армении, Туршяну посоветовали обратиться к нему за помощью.

Постараюсь передать суть диалога между хозяином дома и гостями по воспоминаниям моей двоюродной сестры Люсик, узнавшей об этом разговоре от самого Оганеса Барсеговича.

«Помогите, пожалуйста, найти детей полковника Пирумяна Даниэл-бека», — попросил писатель после того, как рассказал о Сардарapatском сражении, о роли Пирумяна в нем, о своей книге и о планируемом мероприятии, намеченном на май 1968 года. «Только учтите, — заметил Мнацаканов, — что в 1918 году в соответствии с традициями, принятыми в русской армии, фамилия полковника была не Пирумян, а Пирумов».

Опешивший в первый момент Оганес Барсегович, всякое повидавший в своей жизни и сначала решивший, что его пришли арестовывать, в некотором замешательстве ответил: «Ничего не может быть проще, чем выполнить вашу просьбу, уважаемые гости, ибо девичья фамилия моей жены «Пирумова», и я знаю, что она дочь царского офицера, кажется полковника. К тому же ее отчество «Даниловна», а в силу той же традиции имя ее отца «Даниэл» могло быть также переделано на русский лад».

Так Туршян познакомился с тетей Соней, которая сначала очень разволновалась. Для нее оказались неожиданной новостью и сама битва, и участие в ней ее отца. И хотя ей и ее мужу казалось, что еще не время говорить о таких вещах, но раз Туршян привел с собой партийного функционера высокого ранга, значит, уже можно, нестрашно и пора.

Убежденная доводами этого партийца, тетя Соня достала из шкафа фотопортрет Даниэл-бека, сидящего в кресле с папашой в руке, и передала его писателю. Вот он, этот портрет. Его копии есть теперь в музеях и в книгах.

Полковник Даниэл-бек Пирумян

Супруги прониклись к Туршяну таким доверием, что тетя пообещала писателю в ближайшее время прислать свои воспоминания, дополнив их сведениями от старшей сестры, Марии.

Долгие десятилетия версия знакомства писателя с тетей Соней, рассказанная мне моей сестрой, оставалась для меня главной и единственной. Я целиком полагался на хорошую память сестры, позволяющую ей и в 85 лет читать блестящие лекции по своей специальности — судебной медицине.

Признаюсь, версия эта мне очень нравилась. В ней была определенная доля романтики: два армянина, пустившиеся в поиски по Москве, неожиданная встреча у подъезда и политическая подоплека: коммунистическая партия ослабляла свою жесткую хватку и разрешала приоткрыть завесу над одной из досоветских исторических дат.

Однако...

Когда в мае 2008 года я вместе со своей женой Наташей приехал в Армению на празднование годовщины этой самой Сардарapatской битвы,

то решил встретиться с потомками писателя. Чтобы выяснить, принадлежит ли перу писателя одна безымянная статья, которая сохранилась в моем домашнем архиве и о которой у меня были основания думать, что это статья А. Г. Туршяна.

Сначала по имевшемуся у меня адресу писателя я нашел его внука — Симона, а через него — младшую дочь Арутюна Геворковича, Евгению Арутюновну Тер-Оганову.

Она обещала поискать в архиве отца журнал с этой статьей, естественно, если та вообще была его статьей. Но когда я завел речь о том, как, на мой взгляд, у Арутюна Геворковича возник замысел его книги, и пересказал версию своей сестры о его счастливом знакомстве с тетей Соной, то Евгения Арутюновна сказала, что дело было совсем не так. Что Арутюн Геворкович в те годы в Москве не бывал, а в дом тети Сони по его просьбе приезжал муж Евгении Арутюновны — Эдуард Семенович Тер-Оганов.

К сожалению, встреча наша была краткой. Расставаясь, я попросил у Евгении Арутюновны разрешения написать ей письмо с вопросами. Уж очень мне хотелось узнать, как, по ее мнению, все было, пусть, мол, она напишет мне свою версию. Для связи Евгения Арутюновна дала мне электронный адрес своей внучки Маргариты.

Вернувшись в Москву, я довольно быстро составил вопросы и отправил по указанному электронному адресу Маргариты письмо следующего содержания:

«Дорогая Евгения Арутюновна!

Очень рад был с Вами познакомиться и жалею только о том, что не было много времени поговорить с Вами.

Посылаю Вам фрагмент из моей книги, посвященный началу литературной жизни Сардарапата по воспоминаниям моей двоюродной сестры Люсик Оганесовны Барсемянц, родной внучки Даниэл-бека. Прошу Вас написать свою версию, которая мне представляется реальной и которую я хотел бы опубликовать вместе с описанием нашего с Вами знакомства, и как я «вышел» на Вас и Маргариту через Симона. Прошу Вас обратить особое внимание на следующие моменты:

1) как вообще Арутюн Геворкович пришел к мысли исследовать Сардарапатскую битву (случайно или целенаправленно, откуда он вообще о ней узнал, ведь о ней почти ничего не было известно);

2) кем точно был Мнацаканов (Мнацаканян), его имя, отчество и должность, чем и как он помогал Арутюну Геворковичу в его поиске;

3) как Арутюн Геворкович узнал, что потомки Даниэл-бека живут в Москве, и почему сам не поехал (был болен и пр.), а послал Вашего мужа, и откуда Ваш муж, Тер-Оганов (имя, отчество, должность на тот момент) узнал адрес Барсемянца — мужа моей тети, и когда (год, месяц, число, если

можно) Ваш муж приехал в Москву, специально поехал или был в командировке (туристом?);

4) какие конкретно материалы получил Ваш муж от дочери (дочерей) Даниэл-бека;

5) не скупитесь, пожалуйста, на подробности, особенно что касается поисков Вашего отца, все войдет в книгу, которая уже стоит в государственном плане мероприятий, посвященных Сардарпату, и которую мне надо послать в Армению уже готовой не позднее конца сентября 2008 года.

Не забудьте, пожалуйста, про статью о Вагане Тер-Аракеляне. Буду ждать от Вас (через Маргариту) известий. Желаю вам обоим здоровья, и передайте привет Симону. Юрий Левонович Пирумян».

Ждал я ответа от Евгении Арутюновны приблизительно четыре месяца и, не дождавшись, решил позвонить ей в Ереван. И тут выяснилось, что мое электронное письмо до нее не дошло.

Как назло, в этот момент в моем компьютере перестала функционировать электронная почта. И мне пришлось выслать повторное письмо Евгении Арутюновне через моего друга — Эмануила Долбакяна. Письмо это он со своего компьютера послал моему брату — Шмавону, а тот отнес распечатку письма Евгении Арутюновне домой, на улицу Пароняна, благо его квартира в Ереване находилась по соседству. Вот какие связи приходится порой задействовать исследователю, даже когда, вроде бы, все обстоятельства благоприятствуют поиску!

Через некоторое время, уже в сентябре, Евгения Арутюновна отнесла несколько рукописных листков Шмавону, брат их отсканировал и прислал по электронной почте Эмануилу, а Эмануил, наконец, передал их мне в «живом» виде.

Любопытству моему не было предела. Уже по дороге от Эмануила домой, прямо в метро прочитал записи Евгении Арутюновны: «Уважаемый Юрий Левонович! Арутюн Геворкович Туршян написал книгу о Сардарпатской битве не только целенаправленно, эта книга была целью и мечтой его жизни, которую он носил в себе и ждал оттепели в политической жизни, чтобы издать ее. У него были соратники, которые помогли осуществить эту мечту: сын Мартироса Сарьяна, Казарос Сарьян, Грачья Кочар, академик Ашот Оганесян (Иоаннисян. — Ю.Л.); историк, тогда министр внешних сношений, Джон Киракосян (министр иностранных дел. — Ю.Л.), писатель Наири Зарьян и другие. Это была армия смелых и порядочных людей, которые помогли ему издать книгу.

Отец, будучи учеником выпускного класса Высшей духовной семинарии, в Тифлисе поступил в юнкерскую школу при правительстве дашнаков, чтобы получить оружие и обмундирование, поехал в Ереван добровольцем сражаться против турок. На подступах к Еревану при сражении в Сурмалу он получил ранение в ногу. После чего начал работать в воен-

ном штабе писарем и был в центре всех событий (посылаю его фото), вот откуда его первое впечатление об этой битве. Потом он, конечно, долго работал в государственных архивах, изучал документацию, всю прессу того времени и так далее.

Его книга вышла в свет в 1965 году, второе издание было в 1968 году.

После 1953 года отец не бывал в Москве, у Барсегианцев был мой муж (зять Туршяна) Эдуард Семенович Тер-Оганов, по поручению моего отца. Он тогда работал заместителем начальника Управления Материального фонда Госплана при Совмине Армянской ССР и часто бывал в командировках в Москве. О втором человеке, который сопровождал его, я ничего не знаю, по всей вероятности, это был его сотрудник или друг. В дальнейшем он (Эдуард Семенович. — Ю.П.) часто бывал у ваших и говорил, что его очень хорошо принимали, и что он с удовольствием поддерживал связь между отцом и вашей тетей. Он привез несколько фото (что я помню). Жаль, что тогда я не интересовалась политикой и не могу дать большей информации. Помню, что к нам приехала Люся Барсегианц, и они с отцом, сидя на кухне, завтракали и долго беседовали. Потом отец рассказывал, что она отказалась от участия в каком-то банкете, организованном в Министерстве юстиции, чтобы больше общаться с отцом. Все фото и документы, которые дала Ваша тетя моему мужу, папа передал в музей в Сардарапате».

В конце письма была информация о неудачном поиске статьи. А также приветы моей сестре и жене.

Я был очень благодарен Евгении Арутюновне за воспоминания. Писательский облик Арутюна Геворковича, дополненный его фотографией, стал мне понятнее. Я решил воспроизвести в книге и эту фотографию. Все-таки именно Арутюн Геворкович был первым литератором, который написал о Сардарапатской битве.

После того как я прочитал письмо дочери писателя, ее рассказ показался мне более похожим на истину, чем версия сестры. И мне захотелось отыскать ответы еще на четыре вопроса. От кого Арутюн Геворкович узнал о московских родственниках Даниэл-бека, как называлась книга, вышедшая в 1965 году (я о ней до сих пор ничего не знал и считал, что первая книга Туршяна о Сардарапате была издана только в 1969 году), кто такой Мнацаканов и какова его роль в подготовке встречи? Ведь не могла же моя сестра придумать такую фамилию, тем более что при разговоре с Евгенией Арутюновной в Ереване я упоминал об этом человеке. И Евгения Арутюновна что-то мне о нем ответила, но я не запомнил, что.

Пришлось снова обратиться к Евгении Арутюновне. Я позвонил ей в Ереван и сказал, что у меня остались вопросы и что я пошлю ей электронное письмо с этими вопросами. Опять были задействованы Эману-

Писатель Арутюн Геворкович Туршян

ил и Шмавон. Тем же путем, что и в первый раз, я получил от нее ответ, датированный 27 сентября 2008 года:

«Уважаемый Юрий Леонович!

Книга была издана в 1965 году издательством «Айастан» тиражом 10 000 экземпляров (г. Ереван, 270 стр.) под названием «Героическое сражение под Сардарабадом». В 1969 году книга была переиздана без изменений тиражом 30 000 экземпляров.

Даже я знала из разговоров отца с моим мужем, что известный юрист и адвокат Барсемян — зять Пирумова, автор первых декретов Ленина (так в тексте. — Ю.Л.). Папа говорил, что Барсемян — заметный человек в Москве, ты можешь найти его, используя свои связи, а, в крайнем случае, через адресный стол. Больше я ничего не могу передать.

Видимо, ваши спутали Тер-Оганова с Мнацакановым. Есть такой историк Мнацаканян — преподаватель истории КПСС, но он никакого отношения не имел к Сардарабаду и к моему отцу.

P.S. Отец был ярким противником дашнаков и осуждал их авантюрные действия на протяжении всей своей жизни».

В связи с замечанием Евгении Арутюновны о дяде Онике — «авторе первых декретов Ленина», я вспомнил слова мамы о книге в Горках Ленинских.

Если не считать противоречий в указании года второго издания книги (в первом письме был назван 1968 год, а во втором — 1969 год, что и оказалось, в конце концов, истиной), то, повторюсь, версия Евгении Арутюновны выглядела более реальной, хотя и менее романтической, чем версия моей сестры. Но я решил оставить в своей книге обе. Суть происшедшего была ясна, а воспоминания женщин, на мой взгляд, в чем-то дополняли друг друга. Тем более что в конечном итоге Арутюн Геворкович получил-таки от моей тети необходимую ему информацию.

Сведения о Сардарapatской битве и о роли в ней моего деда Даниэл-бека оказались главной семейной новостью, будоражащей умы и сердца всей моей родни. Я разминулся с этими событиями приблизительно на полгода, но зато приехал как раз вовремя, чтобы узнать главное: **У МЕНЯ ПОЯВИЛСЯ ВТОРОЙ ДЕДУШКА.**

Кто бы ни приехал в Москву к Оганесу Барсеговичу в дом — сам писатель или его зять, но между Арутюном Геворковичем и тетей Соней завязалась переписка. Теперь по его ответным письмам, по прошествии времени осевшим у меня, я могу восстановить все этапы нашего семейного знакомства с Даниэл-беком.

Тетя Соня, будучи очень обязательным человеком, отправила свои воспоминания Туршяну быстро, еще до моего возвращения из армии. Поэтому я их не видел. У меня остались на руках только три, по-видимому, черновых листочка с ее воспоминаниями.

Первый из них исписан с двух сторон и представляет собой почти законченное письмо, два другие — явные наброски, причем на втором листе находится лишь одна фраза о нашем фамильном гербе. Приведу полностью сначала письмо, написанное хорошим ровным почерком.

«Глубокоуважаемый Арутюн Геворкович! Я и сестра сердечно благодарим Вас за большой Ваш труд над книгой, в которой Вы увековечили память нашего отца — Даниил-Бек Пирумова. Хочу к тому, что написано и, возможно, будет еще писано (так в тексте. — Ю.П.) Вами, прибавить кое-что об отце.

Отец наш был человеком скромным и никогда не стремился достигнуть слава (так в тексте. — Ю.П.). Он был только смелым, бесстрашным и справедливым человеком. К тому же он был очень способный. Благодаря своим способностям он окончил в 1913 г. в 50-летнем возрасте Стрелковую школу в гор. Ораниенбауме (Петербург) с отличием. Он хорошо владел русским языком и обладал необыкновенной памятью.

В 1912 году к 100-летию (нему) юбилею Бородинского боя ему было поручено прочитать лекцию о Бородинском бое всему гарнизону. Обладая прекрасной памятью, он прочел большую, обстоятельную лекцию на память, не пользуясь записями. В городе (в Александрополе. — Ю.П.) в это время стояла целая дивизия, и поэтому ему пришлось повторить лекцию несколько раз. Для иллюстрации лекции под его руководством и с его помощью была организована большая панорама Бородинского боя.

Тема следующей его лекции — Русско-японская война. Эта лекция, которую он прочитал, была очень интересной и глубокой. В нее были включены такие мельчайшие подробности, что некоторые слушатели, участники войны, были удивлены его докладом и после лекции, подходя к нему, говорили: «Вы не были на войне. Откуда Вам известны все эти подробности?»

В войну 1915 — 1916 г. (так в тексте. — Ю.П.) на Кавказском фронте было тяжело с доставкой (последнее слово зачеркнуто и сверху карандашом надписано что-то вроде «поставкой». — Ю.П.) патронов, поэтому говорили, что отец взял город Эрзинджан без патронов (так в тексте. — Ю.П.), с криком «ура» и с дубинкой в руке.

Посылаю Вам 2 фотокарточки гор. Эрзинджана. На обороте карточек его рукой написано название города.

В 1914 г. на фронте он отморозил ноги. Через два м-ца он вновь вернулся на фронт и был ранен в ногу, поэтому он опирался на палку.

Все, кто приезжал с фронта, передавали, что турки очень боялись Пирумова. Его имя наводило на них страх.

О его деятельности на фронте в 1914 — 1917 г.г. написано в книге генерала Корсуна «Эрзерумская операция».

Уважающая Вас, Мария Пирумова».

Слова «Уважающая Вас, Мария Пирумова» в этом черновом письме почему-то зачеркнуты, что дает мне основание думать: писала его все-таки тетя Соня. Но сомнения по поводу ее авторства остаются.

После опровергнутой подписи тети Маруси есть следующее добавление:

«Отец прослужил в одном полку свыше 30 лет. Он пользовался всеобщей любовью и уважением офицерского состава и нижних чинов. Солдаты называли его «наш батюшка-командир». Еще раз благодарю Вас и желаю Вам здоровья и долгой жизни». Слова «долгой жизни» автор зачеркнул, переправил на слово «благополучия», а затем сделал еще одну приписку карандашом:

«Извините за то, что я пишу на русском языке, боюсь сделать орфографические ошибки (очевидно, на армянском. — Ю.П.)».

А вот тексты набросков, написанных неровными строками, в которых неестественно крупные буквы валяются друг на друга или гуляют сами по себе. Сначала первый лист:

«В 1913 году после (далее слово непонятно. — *Ю.П.*) Даниил Бек Пирумюну дается чин полковника.

В этом же году по возвращении в Александрополь полковник Даниил Бек Пирумюна назначается в 153-й стрелковый Бакинский полк.

Когда в 1914 году в июле начинается война России с Германией, была очень тяжелая война. Потому что Германия была в союзе с Турцией. Даниил Бек Пирумюна свою семью: жену и пятерых детей отправляет (это слово зачеркнуто, и над ним надписано «перевозит». — *Ю.П.*) в Москву.

По приезде в Александрополь получает распоряжение двигаться по направлению Эрзерума».

Теперь второй лист:

«Герб Пирумовых, учрежденный в 1828 г.: всадник с обнаженной саблей».

Что можно сказать об этих отрывочных воспоминаниях?! Первый вариант, написанный на двух сторонах листа хорошим ровным почерком, очевидно, был предтечей окончательного варианта, посланного А.Г. Туршяну вскоре после знакомства моих родных с семьей писателя. У меня есть серьезные основания думать, что все же этот вариант был написан тетей Марусей, поскольку тетя Соня в двух-трех сохранившихся у меня письмах к А.Г. Туршяну неизменно обращалась к нему «Многоуважаемый» и лишь в этом черновом варианте обращение к писателю звучит иначе: «Глубокоуважаемый». Не случайно и зачеркивание имени автора чернового варианта — Марии Пирумовой. Очевидно, сестры решили, что поскольку в самом начале своих московских поисков А.Г. Туршян (или его зять) познакомился именно с тетей Соней, то ей и продолжать с ним контакты, что и произошло в дальнейшем на самом деле.

Наброски на двух листах непонятно почему такими буквами, зачем и когда написаны? Или в момент написания тетя Соня была нездорова, или эти два листа были написаны незадолго до ее смерти в 1980 году, но к тому времени все, что она помнила, она уже высказала А.Г. Туршяну, их переписка оборвалась, да к тому же его уже не было на свете.

Я не знаю, что еще было в воспоминаниях тети. Косвенно об этом можно судить по ответу Туршяна от 2 марта 1967 года, в котором, в частности, есть такие строки:

«Мне очень интересно было узнать, что Даниэл-бек Абесаломович был не только храбрым командиром, но одновременно имел и солидный теоретический багаж. Если книга моя удостоится второму изданию (так в письме. — *Ю.П.*), то я непременно учту Ваши драгоценные сведения».

Последнюю фразу писателя я до последнего времени интерпретировал таким образом: что он уже подготовил книгу к годовщине Сардарабадской битвы, и может так получиться, что воспоминания моей тети в нее

уже не войдут, но вот если книга «удостоится второму изданию...», быть может, тогда эти воспоминания и удастся в нее вставить.

И только теперь, после последнего письма от Евгении Арутюновны все встало на свои места. Я понял, что когда Туршян через своего зятя в 1966 году заочно познакомился с дядей Оником и тетей Соней, его книга уже год как была издана. И когда Арутюн Геворкович писал о надежде на второе издание, то имел в виду переиздание материала, уже вышедшего в печать, а не готовящегося к изданию. Но воспоминания тети Сони не вошли и во второе издание его книги, и она была в 1969 году «переиздана без изменений», только в три раза увеличился тираж.

Одновременно в этом письме Туршян сетует на живущего в Ереване профессора Христофора Николаевича Пирумова, который «был молодым врачом в частях Вашего отца во время Сардарабадского сражения в 1918 году. Он был с Вашим отцом и в Карсе в 1920 году и с ним вместе попал в плен и вместе вернулся обратно в Ереван в конце 1921 года или же в начале 1922 года. Он много чего знает о последних днях Даниэл-бека Абесаломовича, но два раза я был у него, но он отказывался отвечать на мои вопросы. Я не хочу обвинять его. Это было до издания моей книги (эти строки письма долгие годы также смущали меня, так как я считал, что книга еще не вышла, но теперь, в свете ответа Евгении Арутюновны, ясно, что речь в письме Туршяна идет об издании 1965 года. — Ю.Л.) и «мудрость» диктовала не упоминать имя Сардарабата».

Пусть читателей не смущают различия в написании слова «Сардарапата». Не вдаваясь в подробности, скажу, что в литературе встречаются и вариант с окончанием «пата», и вариант с окончанием «бата». Я же буду придерживаться названия «Сардарапата», приведенного в энциклопедии «Армянский вопрос» (Ереван, 1991, на рус. яз.).

Не имею права обвинять Христофора Николаевича и я, но тем более горжусь своими близкими, что они не побоялись в те, еще довольно отдаленные от свободы времена не только признаться в родстве с царским офицером, но и поделиться своими воспоминаниями о нем, пусть даже очень скудными.

Да, тема Сардарапата нелегко пробивала себе дорогу в сознании многих людей, в том числе даже участников и очевидцев. Не случайно в приведенном выше письме писатель далее просил мою тетю связаться с профессором «напрямую или же найти другого пожилого родственника и узнать биографического характера подробности».

Больше всего меня тогда удивила не столько руководящая роль деда в Сардарапатском сражении, сколько его имя и библейское отчество «Абесаломович». Ведь я уже встречался в одном семейном документе и с этим именем, и с этим отчеством, только написанными несколько иначе...

Но прежде чем взглянуть на этот документ вместе с вами, дорогие читатели, я продолжу рассказ о взаимоотношениях писателя Туршяна с любимшейся ему темой Сардарapatской битвы.

Итак, Арутюн Геворкович получил в свои руки, казалось бы, желанный материал: воспоминания дочери (или дочерей, хотя о степени участия в воспоминаниях старшей дочери Даниэл-бека — Марии у меня не осталось никаких письменных свидетельств) своего героя и его фотографию. Но в книгу этот материал, очевидно, уже войти не успел. Она уже была сдана в печать. Так надо понимать слова писателя в его письме. Но совсем не воспользоваться полученной информацией, тем более в предверии празднования в Армении 50-летия битвы он, видимо, не хотел и не мог.

Правда, когда в 1968 году в журнале «Эчмиадзин»¹, экземпляр которого писатель прислал тете Соне (он теперь хранится в моем домашнем архиве), появилась его статья «50-летие героической Сардарabadской битвы» с тем самым портретом Даниэл-бека, то под ним стояла дата рождения — 1860 год, видимо, без учета тетиных слов об окончании Даниэл-беком «в 1913 году в 50-летнем возрасте Стрелковой школы в гор. Ораниенбауме».

Дядя Оник, из всей семьи лучше всех читавший по-армянски, просмотрев статью (когда Туршян прислал ее в Москву, я не помню), сказал, что в ней говорится только о битве и никаких биографических подробностей жизни Даниэл-бека, полученных от нашей семьи, нет. Только портрет с датами и подписью «общий командующий», да полученная от тети Сони фотография католикоса Хримяна, которую последний через своего помощника вручил в 1895 году Даниэл-беку — члену Комиссии по приему столь высокого духовного лица. На обороте этой фотографии католикос собственноручно написал по-армянски «Айрик» («Отец»). Вот и все, что относилось в этой статье к Даниэл-беку.

Но уже в следующей своей журнальной работе, посвященной Сардарapatской битве, и опубликованной в 1969 году под названием «Сардарabadский герой»², Арутюн Геворкович указывает под портретом Даниэл-бека другую дату рождения — 1863 год, а сам текст изобилует фактами из биографии моего деда.

Я не помню, когда попал мне в руки журнал с этой последней статьей, и кто и когда мне ее перевел на русский язык. Мне кажется, что это случилось только спустя три или четыре года после ее опубликования, в течение которых я, к сожалению, не очень интересовался дедушкиной тематикой. Вот как выглядела биография моего второго дедушки в изложении автора статьи, явно опиравшегося на воспоминания моих родных.

«Командующий войсками в Сардарabadской битве Даниэл-бек Пирумян родился в 1863 году в деревне Нахичеваник Карабахской губернии».

¹ Эчмиадзин. 1968. № 5. С. 16 — 23 (на арм. яз.).

² Вестник архивов Армении. 1969. № 1 (22). С. 167 — 182 (на арм. яз.).

(Явная неточность, такой губернии в России не было никогда, была Елисаветпольская. — Ю.П.).

«Военное образование Даниэл-бек получил в Тифлисском кадетском корпусе, после окончания которого служил в звании офицера в различных городах России, а также Александрополе (ныне город Ленинакан в Армении).

Помимо смелости и бесстрашия он был офицером-книголюбом и, хотя после окончания кадетского корпуса служил в царской армии, не был похож на офицеров-армян, которые с золотистыми погонами на плечах забывали о своем происхождении.

Молодой офицер, беспрекословно выполняя свои офицерские обязанности, жил общественной жизнью армян, активно участвовал в событиях, тревоживших его нацию.

Как сообщают его дочери, Даниэл-бек Пирумян в 1912 году к столетию Бородинской битвы, будучи в звании капитана, получил поручение читать лекцию об этой грандиозной битве. Лекция прошла до того успешно, что командование Александропольского гарнизона приказывает повторить ее во всех расквартированных в городе подразделениях дивизии. Командование гарнизона, увидев в капитане, окончившем военную школу на периферии, похвальную черту офицера — готовность честно служить отечеству, поручает ему читать лекцию перед офицерами гарнизона о Русско-японской войне и ее уроках. После блестяще прочитанной лекции командование находит нужным, чтобы Пирумян имел звание офицера Генерального штаба, и с этой целью его отправляют в Ораниенбаумское артиллерийское училище Генерального штаба, которое пятидесятилетний капитан блестяще оканчивает за один год с отличными оценками. Это было в 1913 году. В училище ему присваивают звание сначала подполковника, а затем полковника. В том же году, вернувшись в Александрополь, полковник Даниэл-бек Пирумян назначается командиром 153-го Бакинского артиллерийского полка.

Когда в начале августа 1914 года началась война между Россией и Германией, становится ясно, что неизбежна и война с союзником Германии — Турцией. Даниэл-бек Пирумян срочно оформляет краткосрочный отпуск и перевозит свою многочисленную семью (жену и пять детей) в Москву.

Возвратившись в Александрополь, он получает приказ о передвижении полка, который входил в состав 1-й Кавказской армии, в направлении на Эрзерум».

Еще в этой статье упоминалось участие деда в Эрзерумской операции. Со ссылкой на работу Николая Корсуна,³ причем Туршян писал, что якобы после этой операции Даниэл-беку было присвоено звание генерала,

³ Корсун Н.Г. Эрзерумская операция. М.: Государственное издательство наркомата обороны Союза ССР. 1938. С. 113 — 117.

но утверждение задержалось, а тем временем грянула Февральская революция.

Интересен эпизод Сардарпатской битвы, описанный Туршяном со ссылкой на воспоминания бывшего начальника штаба Александра Шнеура: «С высоты водонапорной башни Даниэл-бек Пирумян видит легкую панику в рядах наступающих (армянских отрядов. — Ю.П.). Спускаясь вниз с башни, он надевает шинель красной подкладкой наизнанку, переходит на передовую и лично своим примером, игнорируя смертельную опасность, ведет в атаку своих солдат».

И еще один факт, приведенный писателем в статье: «После Сардарпатской битвы уже в апреле 1919 года Даниэл-беку присваивают звание генерала и назначают комендантом Карсской крепости».

А вот эпизод с трагическим оттенком: «...Осенью 1920 года, когда бои подходили к Карсу, генерал Пирумян назначается командующим всего фронта. Как мы уже знаем, он был не из тех командиров, которые управляют боем на безопасном расстоянии. Он сразу отправляется на передовую линию, но, попав в автомобильную катастрофу, ломает себе ногу. В день падения Карса он в гипсе лежит в своей комнате». Сдачу Карса и поведение Даниэл-бека, по словам Туршяна, подробно описал епископ Гарегин Овсепян в своих мемуарах, опубликованных в газете «Молодая Армения» в США в 1958 году.

В итоге Даниэл-бек вместе с начальником штаба Ваганом Тер-Аракеляном попадает к туркам в плен. Там Тер-Аракелян ухаживает за своим командиром и лечит его, а летом 1921 года накануне Карсской конференции Александру Мясникяну⁴ удается вернуть на Родину пленных военнослужащих, в числе которых был и Даниэл-бек.

В 1922 году генерал находит адрес семьи, проживающей в Москве. Он пишет ей, что скоро выедет из Еревана, но жена и дети напрасно ждали. Во время подготовительных сборов к путешествию Даниэл-бек скоропостижно скончался в возрасте 59 лет. Его похоронил архиепископ Гарегин Овсепян во дворе храма Гаянэ».

Из приведенных отрывков статьи видно, что А.Г. Туршян художественно обработал не только воспоминания моих родных, но и основательно изучил другие источники, составив более-менее цельную картину жизни Даниэл-бека.

Но как выяснится потом, воспоминания тети Сони страдали приближенностью, а многие сведения, полученные писателем из других источников, — неточностью.

К примеру: учился Даниэл-бек в школе (Ораниенбаумской) не Генерального штаба, а просто офицерской, и не артиллерийской, а стрелко-

⁴ Александр Мясникян — советский государственный, партийный и военный деятель, литературовед. В 1921 году был назначен председателем СНК и наркомом по военным делам ССР Армении.

вой. Но все это выяснится много позже. А в начале семидесятых годов двадцатого века это было все, что наша семья знала о деде.

Наконец, в 1969 году книга Арутюна Геворковича «Героическое сражение под Сардарабадом», по его собственному выражению, «удостоилась второму изданию», но мы в первые годы после ее издания не получили экземпляра, а если бы и получили, не смогли бы прочитать. Наш семейный переводчик с армянского, Оганес Барсегович, в 1971 году скончался.

Мы думали, что уж в книгу-то Арутюн Геворкович обязательно вставит все те сведения о Даниэл-беке, которые он получил от тети Сони и из других источников. Это теперь я понимаю всю иллюзорность наших надежд. Возможно, автор и хотел ее дополнить, да у него ничего не получилось. Но тогда мое семейное окружение было так радо ее появлению, что, даже не имея экземпляра и не зная толком содержания, ориентируясь только на название и авторство Туршяна, тетя Соня принялась хлопотать о ее переводе на русский язык.

Не помню точно, в какие организации она обращалась, но помню, что одной из них был Воениздат СССР. Да и сохранившийся черновик ее письма туда не дает мне об этом забыть. И кажется, именно на этом этапе я и решил подключиться к общесемейному делу, рассудил, что могут пригодиться мои знакомства.

Отец моего армейского товарища, Михаила Соминского, Евгений Михайлович (оба, к сожалению, не так давно скончались), в прошлом журналист, работал старшим редактором в отделе переводной литературы Воениздата СССР. Я подумал: надо попробовать найти переводчика и издать книгу, пользуясь этим знакомством. Мы встретились, поговорили, Евгений Михайлович к кому-то обращался, хлопотал, но ничего не вышло. Книга на такую тему Воениздат не заинтересовала.

Между тем появился еще один исследователь Сардарапатской эпопеи, некто Сурен Агабекович Карапетов, житель Степанакерта. В первую неделю нового 1971 года он прислал тете Соне письмо: «Я собрал богатый материал о славном поколении Пирумовых. Намерен подготовить к изданию такую брошюру, почему хотел беспокоить Вас и просить от Вас сведения — автобиографию и фотоснимок (9 x 12) 2 штуки. Об отце в изданных журналах кое-как собрал материал, если что имеете дополнительно, прошу мне помочь в их получении. Ваш адрес дал мне профессор Христофор Николаевич из Еревана. Кроме того, если знаете адреса других Пирумовых, то прошу написать их адреса. Заранее приношу мою благодарность. С глубоким уважением Карапетов Сурен Агабекович».

Вот ведь как бывает! Сам Христофор Николаевич Пирумов не пожелал ничего рассказать одному исследователю, Туршяну, но переадресовать другого, Карапетова, к моей тете не замедлил.

По поводу письма Карапетова тетя в считанные дни отправляет письмо Туршяну, в котором, в частности, пишет: «Мне очень бы хотелось узнать Ваше мнение об этом человеке. Я ничего не хочу предпринимать без Вас».

Несколько дней спустя, после того как тетя отправила письмо с вопросом о Карапетове, Туршян, не отвечая на него (может быть, еще не получил этого письма), пишет, что, по его сведениям, «в Москве в Институте истории войны интересовались моей книгой и искали сотрудников-армян, чтобы они могли прочитать книгу. Больше я ничего не знаю. К сожалению, как видите, я ничего отрадного сообщить Вам не могу». Да, мой второй дедушка хоть и «появился», но как бы не в полный рост. Тогда я еще не понимал, что только начинаю свой путь к нему.

Первая большая публикация о Сардарapatской битве не переведена на русский язык до сих пор. Но я впоследствии все же нашел добровольных помощников и, в конце концов, получил перевод интересующих меня страниц.

Не знаю, ответила ли тетя Соня Карапетову письмом и что именно ответила, но только переписка с Туршяном, прервавшись на несколько месяцев, возобновилась в сентябре 1972 года (к этому моменту с их первого знакомства прошло уже шесть лет), когда он написал тете письмо со словами соболезнования по поводу смерти ее мужа. В нем же он попытался приободрить тетю известием о том, что Католикос всех армян собирается издать кондак (указ. — Ю.П.) о введении Дня Сардарapatского сражения в церковный календарь и что теперь, мол, это событие будет ежегодно отмечаться 22 мая.

Время шло, круг ближайших родственников постепенно сужался. Вслед за Оганесом Барсеговичем, в феврале 1974 года после продолжительной болезни умерла любимица всей семьи — тетя Маруся. В последние месяцы перед ее смертью мы с мамой отдали так много сил, ухаживая за ней и дома, и в различных лечебных заведениях, куда тетю периодически помещали, что маме потребовался капитальный отдых. Лучшего мы не придумали, чем поехать в Армению, к ее двоюродным братьям в деревню Верхний Арташат — Вазгену и Рафику Шмавонянам, со старшим из которых, Вазгеном, мама постоянно переписывалась. Предварительно мы неделю провели в Тбилиси у моего троюродного брата, Феликса Георгиевича Пирумова, любимого папиного племянника, который в один из послевоенных годов, будучи студентом, несколько месяцев жил вместе с нами в Москве еще при жизни папы.

Первое посещение Армении для меня навсегда останется окрашенным присутствием мамы и ее восторгом от встречи с домом ее детства. Мы ночевали в комнате, выходившей на тот самый балкон. В ней еще сохранились письменный стол моего дедушки, Арама Васильевича, и старинные шкафы. Через арку в каменной стене мы с мамой выходили на дорогу,

ведшую к развалинам Двина, но главное — я сидел на той же самой террасе, где в детстве сидела мама, вместе с ней ел персики и без усталости смотрел на Арарат. Это зрелище не утомляло ни меня, ни маму... Целую неделю мы провели в Армении, посещая разные исторические места и возвращаясь в Верхний Арташат. Вот они, мои корни, думал я тогда, еще не догадываясь, что когда-нибудь мне предстоит познакомиться и с другими — карабахскими корнями.

Наше пребывание в Армении оказалось таким насыщенным, что я не смог встретиться с Туршыяном, переписка которого с тетей Соней перешла в вялотекущую стадию: в 1975 — 1976 годах он написал тете Соне еще два-три письма, скорее поздравительных, и на этом все закончилось. Никакой другой дополнительной информации, кроме той, что успели обменяться, они друг другу дать не могли. Тете уже исполнилось восемьдесят, она устала бороться за перевод и издание книги Туршыяна. Эта книга для моих старших родственников так и осталась тайной за семью печатями. Да и далась же она нам тогда! Знать бы, какое разочарование я испытаю, когда завеса таинственности, наконец, развеется! Но Туршян в этом не будет виноват. Просто он был первым и, как это часто бывает, использовал лишь поверхностный слой.

К этому времени его книга оказалась у меня на руках. Не помню только, каким образом. То ли кто-то подарил мне ее в Армении, то ли я ее раздобыл уже по приезду в Москву.

И я решился написать Туршыяну сам — такая вот своеобразная передача эстафетной палочки из рук стареющей тети. В конце концов, прошло уже десять лет с тех пор, как мы впервые узнали о славном прошлом моего второго дедушки. И что же? Никакой новой информации, за исключением некоторых второстепенных деталей.

И вот в начале февраля 1977 года я получаю от Туршыяна ответное письмо. Он написал, что очень рад, «что герой Сардарапата (в письме это слово было написано вопреки книжному варианту через «п». — Ю.Л.) имеет такого энергичного внука». Эта похвала была явно незаслуженной, ибо за десять лет я мало что сделал. Туршян посоветовал обратиться к члену Союза писателей СССР Аршаруйсу Михайловичу Аршаруни, обладателю буклета о Сардарапате на русском языке. По мнению Туршыяна, Аршаруйс Михайлович мог помочь и с переводом книги.

Я обрадовался. Еще бы! Наконец-то новая публикация, пусть и в масштабе буклета, зато на русском языке. Еду к Аршаруйсу Михайловичу, он принимает меня очень любезно. И хотя встреча оказалась недолгой, но такой плодотворной! Хозяин дома подарил мне красочно оформленный буклет «Сардарапат», изданный в 1973 году⁵. И по поводу перевода кни-

⁵ Туршян А.Г., Секоян В.Г. Сардарапат. М.: Центральный совет по туризму и экскурсиям ВЦСПС, 1973.

ги подсказал, к кому обратиться: к литератору Аиде Фаддеевне Гюмреци, она совсем рядом — в Москве!

Вообще-то Туршян сообщал тете Соне о буклете в одном из своих последних писем, но буклет-то вышел раньше — в 1973 году. Как неторопливо развивались события, и как много времени было упущено!

Но вот он, вожделенный буклет, в моих руках. Тетя Соня, мама и я вчитываемся в его скупые строки, пытаемся увидеть между ними нечто большее, чем есть на самом деле.

О дедушке было написано вот что: «19 мая (1918 года. — *Ю.П.*) командующий фронтом полковник Д.А. Пирумян — герой русско-турецкой войны 1914 — 1917 годов — начал переводить свои войска на левый берег Аракса». Далее через абзац: «Полковник Пирумян перестраивает свои войска, в общую боевую операцию включает вооруженных крестьян и приказывает атаковать врага. Удары с флангов оказались решающими...»

Конечно, буклет в некотором смысле конкретизировал то, что Даниэл-бек совершил под Сардарapatом. Но никак не продвинул нас в поиске каких-либо неизвестных нам фактов его биографии.

Оставалось надеяться на встречу с Аидой Фаддеевной Гюмреци. И я отправился просить ее сделать перевод книги. Просьба моя была очень нахальной. Я хотел, чтобы незнакомый мне пожилой человек сделал за просто так большую работу. И седовласая женщина с пронизательными черными глазами, какой оказалась Аида Фаддеевна, переводить книгу, разумеется, отказалась, но согласилась написать аннотацию и даже не сочла за труд напечатать ее на пишущей машинке.

О дедушке в этой аннотации было всего две фразы, посвященные событиям после Сардарapatской победы: «Даниэл-бек Пирумян был против перемирия: «Я не сообщу о перемирии моим славным, храбрым солдатам и не отведу их от завоеванных кровью земель, чтобы открыть дорогу врагу!» Так Пирумян и не вышел к войскам, предоставив другим позорно отступить от завоеванных в Сардарабаде позиций».

Я практически ничего не добился. Опять пусто? Но тут мне повезло. В начале 1978 года по туристической путевке я приехал на три дня в Армению. И взял с собой книгу Туршяна, надеясь уточнить некоторые факты. И в первый же день отправился к писателю домой. Уж, думаю, при личной-то встрече ему не удастся отвертеться от рассказа о каких-нибудь подробностях!

Жил он в самом центре Еревана, на тогдашнем проспекте Ленина. Дверь открыл невысокого роста человек, показавшийся очень больным. И в самом деле, болезнь явно очень мучила его. А я мучился оттого, что наша беседа не клеилась. Туршян уже плохо владел речью. И большинство слов и фраз, произнесенных писателем, пишущим на своем родном языке, на плохом русском прозвучали для меня непонятно. Ничего полезного из

этой первой и последней встречи с ним я не вынес, а спустя, кажется, год мне сообщили, что больше мне от него уже никогда ничего и не узнать...

От нашего с ним свидания у меня остались два зримых доказательств — журнал «Вестник архивов Армении» со статьей писателя и надпись на его книге, изданной в 1969 году: «Дорогому потомку своего деда Пирумяна Даниэл-бека Пирумяну Юрию Левоновичу от автора. 24.01.1978. Ереван». Я храню и журнал, и книгу как память об Арутюне Геворковиче.

Приблизительно в то же время мне, наконец, перевели нужные страницы текста из его книги, где речь шла о Даниэл-беке.⁶ Не имея возможности процитировать все, поделюсь лишь одной фразой: «...К счастью в этот ответственный момент (то есть в двадцатых числах мая 1918 года. — Ю.П.) опытный, смелый организатор эвакуации Сурмалу, полковник Даниэл-бек Пирумян, в стихийно начатом бою взял на себя командование Сардарабадской битвой...»

Я благодарен Арутюну Геворковичу за эти слова. За книгу, с которой в нашей семье было связано столько надежд. За моего деда. Туршян сделал все, что смог. И наши несбывшиеся надежды тут ни при чем.

Но себя самого я продолжал казнить. В моих действиях не было ни продуманного плана, ни последовательности в его выполнении. Я не знал, с чего начать поиски. Пример туршяновской книги показал, что одной из главных трудностей при знакомстве с публикациями может оказаться языковой барьер. Исходя из этого, я стал продумывать возможность обращения в официальные структуры Армении, чтобы получить информацию, не нуждающуюся в переводе на русский язык.

Рассуждения мои свелись к простой мысли: раз в Армении стали отмечать «круглые» даты Сардарапатского сражения, то возможно, что в 1978 году традиция будет продолжена. И я решил написать в Армению...

Первое письмо я направил в Католикосат с вопросом, будет ли праздноваться 60-летие Сардарапатской битвы и правда ли, что Даниэл-бек похоронен под стенами храма Гаянэ в Эчмиадзине? В мае 1977 года пришел ответ, заставивший меня упрекнуть самого себя в некорректности:

«Уважаемому Юрию Левоновичу.

Получил Ваше письмо (которое, кстати, не подписано и не датировано) о месте захоронения Вашего деда — командующего войсками Сардарабадского сражения Пирумова Даниэл-бека.

По имеющимся у нас достоверным сведениям на Эчмиадзинском кладбище нет его могилы. В те времена на монастырском кладбище хоронили только церковнослужителей.

Насколько мне известно, после падения Карса, где он был комендантом крепости до осени 1920 года, полковник (в дальнейшем генерал) Пирумов вернулся в Ереван, где и умер в 1922 году.

⁶ Туршян А.Г. Героическое сражение под Сардарабадом. Ереван.: Айастан, 1969. С. 144.

По всей видимости, он был похоронен на Ереванском старом кладбище, где впоследствии был разбит парк имени Комитаса.

Католикосату ничего не известно о том, как будет отмечаться 60-летие Сардарабадского сражения, так как подобные мероприятия проводятся по линии правительства, а не Эчмиадзина.

С уважением: Епископ Июсик Сантурян, Член Верховного духовного Совета»

Другое письмо я послал в Государственный музей истории Армении. Вот дословный ответ, отправленный мне 11 ноября 1978 года заместителем директора музея, господином К. Оганесяном:

«Мы интересовались о месте захоронения Даниэл-бека Пирумяна, но до сих пор установить не удалось (на наш запрос похоронное бюро справок выдать не смогло). Поиски наши мы продолжаем.

В Сардарапате открыт этнографический музей. А в экспозиции нашего музея мы имеем угол, посвященный Сардарапатской битве, во временной выставке, организованной к 150-летию вхождения Восточной Армении в состав России.

К сожалению, в фондах нашего музея документы, относящиеся к Даниэл-беку Пирумяну, отсутствуют. Имеется лишь одна фотография с портретом Католикоса Хримяна. Под изображением рукой Католикоса написано «Айрик». А на оборотной стороне — Католикос поручает вручить фотографию Д. Пирумяну. С уважением К. Оганесян».

Эта была все та же фотография Католикоса Хримяна, которую тетя Соня когда-то отдала писателю Туршяну и которую он давно опубликовал в журнале «Эчмиадзин», иллюстрируя свою статью, так до сих пор и не переведенную на русский язык. Но текст на оборотной стороне фотографии Католикоса Хримяна мне все же перевели. Вот он:

«Высококочтимому господину Даниэл-беку Пирумяну, члену комиссии по приему Его Святейшества — Католикоса всех армян Мкртича I.

Имею честь, вручить Вам сей портрет Его Святейшества, на котором Его Святейшество своей правой рукой написал обожаемое имя «Отец». Ваш покорный слуга Г.Б.Ф.Т.»

Третье письмо я написал в редакцию журнала «Вестник архивов Армении» (по-армянски — «Банбер Айастан архивнери»). И получил от главного редактора Ашота Осиповича Арутюняна довольно любопытный ответ, лишь усиливший мое намерение пробираться собственным путем, не считая факты, найденные Туршяном, истиной в последней инстанции. Вот текст этого ответа, напечатанного на официальном бланке Главного архивного управления при Совете Министров Армянской ССР (№ 4 — 853 от 27.10.1978 г.):

«Уважаемый Юрий Леонович! С интересом прочел Ваше письмо. Действительно, в одном из номеров журнала «Банбер Айастан архивнери»,

издаваемом нами, была опубликована статья А. Туршяна «Сардарабадский герой», посвященная Даниэл-беку Пирумяну. Автор этой статьи, к сожалению, 2 года назад скончался.

В этом же номере журнала есть интересная статья М. Мартиросяна о Сардарабадском сражении, в которой также говорится о Даниэл-беке Пирумяне. Других публикаций, связанных с Сардарабадской битвой и его героями, в редактируемом мной журнале не было.

Посылаю Вам указанные публикации, напечатанные в «Банбер Айа-стани архивнери», 1969, № 1.

С уважением и наилучшими пожеланиями (см. на оборотной стр.)

Начальник и главный редактор журнала А.О. Арутюнян»

Когда я утверждал, что получил любопытный ответ, я имел в виду как раз вот эту «изюминку» на оборотной странице. Текст на ней был написан Арутюняном от руки:

«т. Пирумян. При использовании книги и статей Туршяна А. прошу учесть, что они страдают очень серьезными принципиальными ошибками. Суть этих ошибок сводится к тому, что автор совершенно необоснованно игнорирует роль Армянских регулярных воинских частей, их генералов и офицеров и считает, что решающей силой против турецких регулярных войск были ополченцы, добровольцы и т.д., т.е. стихийно поднявшаяся масса людей.

В действительности же разгром турецких войск осуществили армянские войска во главе (со) своими генералами (Назарбеков, Силиков) и офицерами (Даниэл-бек Пирумов и десятки других). Крестьяне же на самом деле не могли (последняя фраза написана именно так. — Ю.Л.). Эти мои выводы полностью одобряет маршал тов. Баграмян, который и пишет книгу. А моя работа уже год находится в АН Арм. ССР».

К такому мнению специалистов я отчасти был готов, но не мне было судить, кто прав в споре о том, чей вклад в Сардарабатскую победу весомее — армянского ополчения или регулярных войск? Моя цель была куда скромнее: узнать как можно больше подробностей о жизни моего дедушки.

Месяцем позже Ашот Осипович прислал мне письмо, напечатанное на машинке, где написал, что, во-первых, по моей просьбе выслал мне книгу Хачатура Абовяна «Раны Армении». (Мне очень хотелось прочитать ее, но я не смог купить эту книгу в Москве.) А во-вторых, что мою просьбу приобрести для меня книгу Н.Г. Корсуна «Кавказский фронт» он выполнить не может, так как ее «давно нет на книжных полках».

Эту книгу я тоже очень хотел заполучить, потому что в ней с завидным тщанием была разобрана знаменитая Эрзерумская операция, в которой Даниэл-бек принял самое непосредственное участие.

С тех пор, как от Ашота Осиповича пришло последнее письмо, прошло много лет. К сожалению, и его уже нет на этом свете. И хотя нам

с ним не довелось увидеть друг друга, и я не смог тогда пожать ему руку и сказать «спасибо», я мысленно пожимаю ему руку сейчас, со словами благодарности за доброту и отзывчивость.

Ситуация складывалась странная. Какие бы действия я ни предпринимал, я не мог вырваться за пределы информационного круга, очерченного когда-то Туршяном. А ведь я твердо решил узнать о своем втором дедушке все, что можно, и не ограничиваться только его участием в Сардарапатском сражении.

Мне вспомнилось, что, как писал заместитель директора Государственного музея истории Армении К. Оганесян, в Сардарапате открыт Этнографический музей — филиал Ленинанканского краеведческого музея. А что если попробовать написать в Ленинанкан, может быть, там о Даниэл-беке знают больше? И в конце февраля 1979 года я отправил письмо в музей.

Ответ от директора музея, тоже заслуженного деятеля Армянской ССР, но только деятеля искусств, и тоже по фамилии Арутюнян, пришел довольно быстро. Сурен Аршакович написал:

«Получил Ваше письмо и сразу же отвечаю. В Ленинанканском краеведческом музее представлена Сардарабадская битва. Экспозиция начинается с фотографии Даниэла-бег (так в оригинале. — Ю.П.) Пирумьяна, командующего Сардарабадской битвой (в военной форме, сидит в кресле). При хорошем знакомстве с Ленинанканским литературным фондом и с архивом исторических документов, вряд ли Вы найдете здесь данные о бег Пирумовых, так как в Ленинанкане не хранятся старые газеты, журналы. Советую Вам обратиться в Госархив Армении. В Ереване Вы получите удовлетворительный ответ».

В дополнение к своему письму Сурен Аршакович прислал мне открытку с комбинированным изображением аллеи, ведущей к Этнографическому музею, с орлами и с портретом Даниэл-бека в левом верхнем углу.

Круг опять замкнулся, ибо фотография, о которой шла речь в письме Сурена Аршаковича, — все та же копия с портрета, отданного когда-то тетей Соней Туршяну. Не только я, но и музейные работники, и армянские историки, которых жизнь героя интересовала по долгу службы, топтались на месте.

Я вновь написал Сурену Аршаковичу письмо с просьбой указать, что еще входит в экспозицию битвы. Его ответ от 28 марта 1977 года начинается практически теми же словами, что и предыдущий:

«Получил Ваше письмо и отвечаю.

В композицию Сардарабадской битвы входят:

а) портреты Даниэл-бека Пирумьяна, его брата (троюродного. — Ю.П.) Погоса Пирумьяна и маршала О. Баграмяна;

б) краткое описание об историческом значении Сардарабадского сражения. Отрывок из воспоминаний маршала О. Баграмяна, посвященный

Сардарабадской битве, где упоминается о подвигах Даниэл-бека Пирумяна и его брата Погоса Пирумяна;

в) представлены призыв и обращение Главнокомандующего Ереванским подразделением генерал-майора Силикова к армянскому народу об освобождении Александрополя».

Конечно, это было уже больше похоже на системную подборку материалов, но для изучения жизненного пути родного деда годилось мало. Надо было искать другие возможности...

И тут словно всплыло в памяти. А ведь я уже видел имя и отчество деда на каком-то документе, только звучали они несколько по-иному. Ну, конечно! Это же было метрическое свидетельство моего отца! И я вновь буквально впился взглядом в много раз читанное-перечитанное метрическое свидетельство отца — большой пожелтевший лист бумаги, бережно хранимый моей мамой. У нее была замечательная привычка — не выкидывать никаких справок и документов, при Советской власти надо было быть готовым в любой момент документально что-либо подтвердить или опровергнуть.

Читаю стандартную, по-видимому, по тем временам, но труднопроизносимую для современников фразу: «...от законного брака поручика Даниэль-Бека Абисогомянъ Пирумянъ с Ерануи Маркарянъ родился...» Значит, в 1898 году, когда родился мой отец, Левон, дед пребывал в чине поручика, а отца деда, то есть моего прадеда, звали Абисогом. Это библейское имя дало немалый импульс для вариантов отчества Даниэл-бека: «Абессаломович» или «Авессаломович», иногда только с одной буквой «с». Повезло: хронологическая и генеалогическая вехи найдены, причем не выдуманные, а подтвержденные официальным документом.

Заодно более внимательно изучил метрическое свидетельство старшего брата отца, моего дяди Миши. Все то же самое: и имя, и отчество, и чин деда, только дата рождения у дяди, естественно, другая — 1889 год.

В ворохе документов обнаружил четыре анкеты, заполненные моим отцом, и несколько экземпляров автобиографий. Привычка многих советских граждан заполнять «пробные» экземпляры анкет и писать «пробные» автобиографии сослужила хорошую службу.

В одной анкете, заполненной в 1940 году, в графе «отец» написано: «Пирумов Данил Абесоломович, родился в 1861 году в Шуше, военнослужащий старой армии. Умер в 1922 году в гор. Эривани». В другой анкете, без даты, та же графа выглядит иначе: «Пирумов Данил Абессаломович, родился в г. Шуше Азербайджанской ССР, военнослужащий, умер в 1921 году». Даты смерти не совпадают, и чин «военнослужащего старой армии» не указан. Понятно, что дату смерти своего отца мой отец действительно мог не знать точно, но вот чина не знать не мог. Скрывал его умышленно. Так же, как умышленно указывал неправильную дату свое-

го рождения — 1896 год, тогда как в свидетельстве о рождении стоит 1898 год. Сознательно или нет, но мой отец пишет в этих анкетах и различные даты смерти своей матери, жены Даниэл-бека — то 1925 год, то 1926-й. Эта последняя дата, если он ее все-таки просто перепутал, отчетливо видна на надгробном памятнике — бабушка похоронена на Армянском участке Ваганьковского кладбища в Москве.

Три автобиографии — рукописные. А одна напечатана на пишущей машинке, на ней есть дата — 1946 год: «Родился... в семье военнослужащего старой армии, после Октябрьской революции отец мой служил в отделе снабжения воинских частей Красной армии в Армении. Умер в 1923 году в Эривани, где и похоронен». А вот в рукописной автобиографии от 1947 года информация немного шире: «Родился... в семье военнослужащего. После Октябрьской революции и советизации Армении отец мой служил в Управлении по снабжению частей Красной армии в г. Эривани. Умер в 1923 году в г. Эривани, где и похоронен». Еще в одной автобиографии, где, на мой взгляд, самые интересные строки, касающиеся Даниэл-бека, некоторые слова сначала зачеркнуты, потом снова надписаны и снова зачеркнуты.

В этой автобиографии в результате кропотливого труда мне удалось разобрать следующее: «Отец мой был произведен в зауряд-прапорщики, участвовал в войне 1877 — 1878 гг. (Русско-турецкой) и за отличие оставлен на службе. Во время войны 1914 г. был призван на войну, но с получением ранения ушел на гражданскую службу. Впоследствии был в отставке, служил по разным ведомствам. Последняя его работа — Отд. (отдел. — Ю.П.) военного снабжения и Почтово-телеграфная контора (1921 — 1922). Умер в 1922 (последняя цифра «2» в этой дате переправлена на цифру «3», но обе цифры видны отчетливо. — Ю.П.) в СССР в возрасте 70 лет».

Наконец, в последнем варианте, написанным ровным почерком без единой помарки, читаю: «Родился (всюду один и тот же 1896 год. — Ю.П.)... в семье военнослужащего в чине капитана старой армии. Отец умер в 1922 году в г. Эривани, работал по снабжению армии».

Разночтения в бумагах вполне объяснимы, если учесть, что моему отцу надо было сказать правду в основе, но солгать в деталях. Ведь одного только факта рождения «в семье военнослужащего старой армии» было достаточно, чтобы попасть под жернова репрессивной машины государства «рабочих и крестьян». Моему отцу так хорошо удавалось скрывать свою «подмоченную» родословную, что я, исследуя жизнь деда, до сих пор не могу разобраться, где отец сознательно писал неправду, чтобы к нему нельзя было придраться, а где и сам не знал всей правды.

Может, именно на случай опасных придинок отец и написал в одной из автобиографий: «Мать моя, домашняя хозяйка, жила в разводе с мужем». Видимо, все сведения о Даниэл-беке должны были звучать неопределен-

но и как бы доказывать отсутствие каких-либо тесных семейных и духовных связей между отцом и сыном.

И все же некоторые сведения из метрического свидетельства, «пробных» анкет и автобиографий стали для меня хоть и относительными, но настоящими ориентирами в биографии деда. Несомненными были только место рождения — Карабах, дата рождения — начало 60-х годов XIX века, военное образование, производство в офицеры и смерть в начале 20-х годов XX века. Для моих генеалогических изысканий также важно было узнать, что прадеда звали Абисогом.

Участие деда в Русско-турецкой войне 1877 — 1878 годов я посчитал маловероятным. Даже если верить, что он родился в 1860 году, как было указано в одной из статей Туршяна, а также в одной из анкет моего отца, то к началу войны деду исполнилось бы только 17 лет. В таком возрасте в царской России на войну без особой необходимости не отправляли.

Смуцал и возраст ухода деда из жизни — в 70 лет. Эта цифра никак не укладывается во временные рамки: либо нужно признать, что Даниэл-бек родился раньше 1860 года, либо, что он дожил до 1930 года. Но ведь в эти относительно спокойные годы он мог бы встретиться с семьей, во всяком случае, жена и дети знали бы тогда о нем что-то более определенное. Нет, похоже, рубеж 1921 — 1922 годов оказался для Даниэл-бека непреодолимым.

Правда, гражданские занятия дедушки после советизации Армении представляются вполне логичными. Таким путем шли многие бывшие офицеры. Но вот где и кем он работал? С каждым шагом вопросов все больше, а достоверной информации все меньше...

А 1980 год уже заявил о себе. Умерла последняя свидетельница из числа родных, видевших Даниэл-бека при жизни, тетя Соня. И ничего, кроме небольшого фрагмента ее воспоминаний, да писем к ней А.Г. Туршяна, не осталось.

За шесть лет до этого, после смерти тети Маруси, мне по наследству досталось несколько книг об Армении и по армянской истории, изданных на русском языке до 1917 года. Но я об этих книгах долго не вспоминал, погрузившись в переписку с различными армянскими организациями и в изучение семейного архива.

В начале 1981 года, в очередной раз перебирая письма, я наткнулся на послание С.А. Карапетова, жителя Степанакерта, который в 1971 году прислал тете Соне письмо, где сообщал, что «собрал богатый материал о славном поколении Пирумовых». Тогда ни тетя Соня, ни я, заворожившись идеей опубликовать книгу А.Г. Туршяна на русском языке, возможно зря, не придали письму Карапетова должного значения. Но, может быть, теперь...

И я написал Карапетову в Степанакерт. На ответ не надеялся. Ведь прошло девять лет! Заодно отправил письмо в Краеведческий музей го-

рода Шуши с просьбой сообщить, какие материалы у них есть о Сардарapatской битве и о Даниэл-беке. О, моя неосведомленность советского человека, не подозревавшего о сложных межнациональных отношениях в этом регионе! Представляю изумление работников музея, если таковой в Шуше вообще был.

Зато Карапетов не подвел. Он долго не отвечал, и я уже решил, что мое письмо затерялось, как вдруг в середине апреля 1981 года достаю из почтового ящика долгожданный конверт. Шел он целых восемь дней...

Что нового ждало меня в этом конверте? Сурен Агабекович написал, что давно занимается сбором материалов о знатных (он, наверное, хотел сказать «знаменитых») людях Карабаха, среди которых особое место занимают представители славного рода Пирумовых из села Нахиджеваник, и что он «еще 21 августа 1971 года выступил на эту тему в газете «Советский Карабах» на армянском языке. Газету со своей статьей он прислал мне позднее.

О чем и о ком конкретно шла речь в статье, я сразу узнать не мог — требовался перевод, но совет, данный мне Суреном Агабековичем в письме, запомнил: «...для того, чтобы описать жизнь этих великих людей, надо начинать с села Нахиджеваник Аскеранского района, так как там похоронены их предки». Предлагал он также и свою помощь и сотрудничество в этом деле.

Конечно, без опоры в Армении и тем более в Карабахе в моей работе не обойтись, думал я, но пока что мне нужно опять искать переводчика, чтобы понять содержание статьи Карапетова.

Выходило, что местом рождения Даниэл-бека могут быть либо город Шуша, как писал мой отец в анкетах и автобиографиях, либо далекая и таинственная деревня Нахиджеваник, раз знающий человек, каким в моем представлении был Карапетов, упоминает ее. В любом случае все нити вели в Карабах.

Я снова послал в Шушу письмо и снова не получил ответа. И когда с огорчением рассказывал об этом своим армянским знакомым, кто-то заметил: «Ничего удивительного, ты разве не знаешь, кто там живет?» А я тогда не знал, что в этом городе в основном живут азербайджанцы, которые, конечно же, ничего толком не знали, да и не хотели знать ни о какой Сардарapatской битве и ни о каких Пирумянах. Мои познания об этом межнациональном конфликте пополнились только много лет спустя, когда я стал принимать посильное участие в деятельности армянской общественности Москвы.

А статью Карапетова мне все-таки перевели. Ее первый абзац наиболее интересен с точки зрения изучаемого вопроса:

«В селе Нахиджеваник, когда разговор заходит о семье Пирумянц, местные жители показывают двор, где много деревьев и где прошли детские

годы членов семьи. Их родословное древо начинается с XVIII века, когда рядом с Давид-беком был Асри Баяндарян (Баяндур-ишхан). У Асри был сын Пирум, живший около Нахиджеваник, он, как и отец, очень любил свою родину. У Пирума было четыре сына. Один из них, Асри-бек, был человеком, очень близким к известному генералу Мадатову. Второй сын — Джавад, третий — Даниэл, четвертый — Гусейн. От этих четырех произошли Пирумьяны — герои, революционеры, ученые. Они прославились во второй половине XIX века и в первые десятилетия XX века».⁷

Редкая удача! Известно не только место происхождения моего рода, но даже имена родоначальников: Асри Баяндарян, Пирум! Вот они, корни, о которых я гадал еще в школе, размышляя, откуда у меня такая фамилия.⁸

Мои одноклассники так и прозвали меня: «Пирум». При чтении строки из стихотворения Пушкина «Песнь о вешем Олеге»: «...покорный Перуну старик одному...» все головы поворачивались в мою сторону, реагируя на формальное созвучие. Некоторые из одноклассников, счастливычки в моих глазах, иногда встречали свои фамилии напечатанными в газетах или еще где-нибудь, так много у них было однофамильцев. Моей же фамилии я никогда не видел напечатанной. А очень хотелось...

Да что это я, я же видел ее как-то! Но где? Вспомнил! В одной из дореволюционных книг об Армении,⁹ доставшихся мне от тети Маруси. Тогда, в 1974 году, я ее бегло пролистал и, хотя и обратил внимание на строчку, где речь шла о каком-то Асри-беке Пирумове, никаких важных выводов из этого обстоятельства не сделал. Но теперь...

Снова написал письмо Карапетову, желая кое-что уточнить. Но он неожиданно скончался. Опять я опоздал и продолжаю опаздывать, но теперь уже не из-за преклонного возраста других, а из-за своего...

Кинулся перечитывать книгу В.А. Потто, нашел некоего Асри-бека Пирумова, с грустью наблюдавшего за сражением между персами и русскими, — в тексте речь шла о событиях Русско-персидской войны в 1805 году.

Предположим, это тот самый, близкий к известному генералу Мадатову Асри-бек, о котором шла речь в статье Карапетова. Тогда у меня в руках еле ощутимая нить, держась за которую, если повезет, можно будет «прийти» в более поздние годы XIX века. А там уж и до моего второго дедушки недалеко, размышлял я, уносясь мечтами то в начало XIX века, то во времена Сардарапата.

Вскоре случилась еще одна негаданная встреча — и новый поворот в поиске. Я познакомился с жителем подмосковного города Реутова Кином Погосовичем Григоряном, который, узнав, кто я и чем занимаюсь,

⁷ *Карапетов С.А.* Прославленные гении или счастливые последователи // Советский Карабах. 1971. 21 авг. (на арм. яз.).

⁸ До 1977 года я носил фамилию «Пирумов».

⁹ *Потто В.А.* Первые добровольцы Карабага в эпоху водворения русского владычества. Тифлис: Скоропечатня М. Мартиросянца, 1902. 77 с.

рассказал мне, что в Ереване живет доктор исторических наук, известный специалист по Карабаху, тоже изучающий род Пирумянов и Сардарапатскую битву, Баграт Аршакович Улубабян.

Теперь, по прошествии стольких лет я считаю это знакомство поворотным моментом в моих изысканиях, потому что неточности при описании жизненного пути Даниэл-бека в публикациях такого маститого ученого заставили меня, в общем-то, дилетанта в исторической науке, взяться, наконец, за изучение проблемы системно, как и подобает ответственному исследователю.

А тогда дело обстояло так. Ким Погосович Григорян, выполняя обязанности добровольного помощника Улубабяна, собирал для него материалы и отсылал их ему, довольно в этом преуспев. Например, снабдил его такими редкими фотографиями, что некоторых из них нет теперь ни у кого из моего ближнего и дальнего родственного круга. И вот этот добровольный помощник предложил мне списаться с историком Улубабяном и дал его адрес.

Я послал Улубабяну письмо в Ереван с подробным перечнем вопросов, которые меня интересовали в первую очередь. И в ответ получил большое письмо от 19 января 1985 года, напечатанное на пишущей машинке, что, как известно, очень облегчает чтение. Вот несколько фрагментов из этого, очень важного для дальнейшего понимания моих действий, письма:

«Я написал роман о Сардарабадской битве, об этом звездном часе нашего народа, и главными героями являются: Даниэл-бек Пирумян, командовавший сражением (командир фронта), Погос-бек Пирумян, командир 5-го (Карабахского) полка, вынесшего основную тяжесть битвы, Гарегин Овсепян, духовный руководитель армянского войска, Арам Манукян, председатель Национального совета Араратской страны, организатор тыла и т.д.

Роман, как бы то ни было, художественное произведение, но его основу составляют исторически реальные люди, достоверные события, конкретные факты, документы, известные и совершенно новые, найденные мною в архивах, в тогдашней печати, воспоминаниях очевидцев (опубликованных и неопубликованных)».

Далее Баграт Аршакович посетовал на то, что роман задерживается с выходом в свет, и добавил:

«...Вы прислали мне часть списка материалов, хранящихся у Вас (о славном деде). Но должен сказать Вам, что большинство из них (если не сказать — все) — общеизвестны, их можно найти во всех публичных библиотеках (кроме, конечно, фотоснимков) и архивах. О них знали даже мои предшественники, авторы, писавшие до меня. А я, слава богу, пошел дальше, нашел массу новых материалов, сведений, свидетельств, особенно документов, созданных руками моих героев. Материалы эти находились под архивной пылью, и до них никто не имел дела.

Другая же часть Вашего списка не может считаться достоверной. Ибо там есть даже предположение о том, что, якобы, Даниэл-бек Пирумян похоронен на Ереванском кладбище. А этого не могло быть, т.к. в начале 20-х годов Пирумян был репрессирован, сослан в Рязанскую область. Там он стал безвинной жертвой гнусного произвола. Узнав об этом, Погос-бек Пирумян прямо на площади в присутствии общественности застрелился. Это было единственным способом выразить возмущение.

Два года назад, после окончания работы над книгой, во избежание всяких ляпсусов и с надеждой найти еще что-нибудь ценное, я обратился к Вашим однофамильцам — ереванским и московским, просил поделиться сведениями, биографическими и другими данными о моих героях. Ким Григорян, мой земляк и близкий друг, от моего имени обратился к Вашим родным в Москве (я сам не мог приехать — сердце шалит, и врачи запрещают большие переезды). Они (родные. — Ю.Л.) прислали несколько фотографий, в основном знакомых мне, и Киму чистосердечно признались, что не имеют письменных документов и других материалов, которые могли бы быть полезными пишущему о Сардарабаде.

Во время работы над романом я часто виделся с ереванскими Пирумянами, в частности с Меджи Богдановной, Николаем Христофоровичем и родителями уважаемого контр-адмирала (Владимира Семеновича Пирумова. — Ю.Л.), у которых и черпал кое-что, но, к сожалению, не более...»

О каких документах идет речь, в каких архивах нашел их писатель? На дворе январь 1985 года, еще не началась перестройка, и доступ в архивы отнюдь не такой свободный, как после 1991 года. И откуда Баграту Аршаковичу известно о ссылке Даниэл-бека в Рязанскую область и о самоубийстве Погос-бека? И разве мог случиться такой казус, чтобы одного из видных участников Сардарapatской битвы сначала сослать, чтобы потом репрессировать?! А другого, наоборот, оставить на свободе, чтобы он смог потом позволить себе застрелиться в людном месте? И как бы познакомиться с романом и прочитать страницы, относящиеся к дедушке?!

Я снова написал Баграту Аршаковичу, сообщил, что у меня есть схема родословного древа Пирумянов. Попросил прокомментировать. Он ответил (письмо от 23 февраля 1985 года):

«Получил Ваше письмо от 9 февраля 1985 года и отвечаю по пунктам.

1. Перевод тех мест в романе, где речь идет о Даниэл-беке и Погос-беке. Это означало бы переводить весь роман, ибо они — главные герои романа, о них говорится или они сами говорят почти на каждой странице книги. А в ней страниц 550. Переведут роман, по-видимому, издатели, но после выхода в свет на армянском. А на какой стадии издания находится этот армянский вариант, об этом было в прошлом письме.

2. Некоторые мои замечания, с которыми Вы не согласны. Помню, они касались конкретных вопросов, об одном из которых Вы пространно пи-

жете. Это последний путь Даниэл-бека. Я о нем писал на основе изученных мною документов, свидетельств очевидцев, которые опубликованы. А Вы говорите: «Туршян так писал, Католикос считает, что возможно...» и т.д. Но разве так спорят? Особенно, когда под рукой нет ни одного конкретного факта, документа, свидетельства и т.п.»

Да, конечно, так не спорят. На этом наша переписка оборвалась, но знакомство не прекратилось. В последующие годы я дважды посещал историка на его даче в Егварде под Ереваном. Все просил разрешить мне снять копии с фотографий, он каждый раз давал обещание, но так и не собрался его выполнить.

Сейчас Баграта Аршаковича нет среди нас. Спорить мне больше не с кем и не о чем. Ясно одно: даже основные вехи жизни моего дедушки не прослежены исследователями с достаточной достоверностью, и свидетельства моих родных, включая отца, тоже страдают приближительностью. Мой отец в анкетах и автобиографиях писал, что Даниэл-бек родился в Шуше, а Туршян в своей статье утверждал, что дедушка родился в селе Нахичеваник. Этой же версии придерживался и Карапетов. Не уточнена и дата рождения. Тетя Соня думала, что это 1863 год, Туршян писал и о 1860, и о 1861, а мой отец — о 1861 годе. Два варианта и у даты смерти: либо 1921 год, либо 1922 год. Отец, очевидно, считал, что дедушка умер естественной смертью в Ереване, а по мнению Улубабяна, Даниэл-бек был репрессирован и погиб в Рязанской области. И в эту схему надо еще как-то уложить слова моей мамы о том, что отец в 1920 году попал в плен к туркам и его держали в том же концентрационном лагере, где в то же самое время был дедушка. А ведь Туршян об этом тоже писал, как и о том, что больного дедушку выходил Тер-Аракелян. Но мой отец из плена вернулся через год, у меня о его освобождении из плена сохранилась справка, а вот что стало с дедушкой?

На опытно-экспериментальном заводе научно-исследовательского института, где в 70-е годы прошлого века я работал старшим научным сотрудником, должность главного инженера занимал Эрнест Санатрукович Арустамян. После ухода из института в 1979 году я несколько лет не встречался с ним, как вдруг не то в 1985, не то в 1986 году увидел его на мероприятии, организованном московскими армянскими общественными организациями. К этому времени я уже перестал быть типичным московским армянином, далеким от проблем армянства, а живо интересовался ими, но пока еще ориентировался в них недостаточно.

Мы разговорились с Эрнестом Санатруковичем, и я рассказал ему о своих генеалогических поисках. А в ответ услышал, что родственник его жены, живущий, кстати, рядом с моим домом на Садовом кольце вблизи Триумфальной площади, генерал в отставке Амаяк Николаевич Ахназаров, наверняка участник событий 1918 — 1921 годов, так как ему уже далеко за восемьдесят.

Я позвонил Амаяку Николаевичу, и он пригласил меня к себе домой. Не без волнения входил я в этот дом. В нем долгие годы помещалась библиотека, и я, тогда семнадцатилетний, был без памяти влюблен в одну из библиотекарш. Звали ее Нелли, и мне она казалась воплощением всех женских достоинств. Ее квартира находилась на втором этаже, прямо над библиотекой на улицу выходил балкон. Однажды я, затаив дыхание, осмелился позвонить в ее квартиру, но суровый отец Нелли, как я потом узнал, офицер КГБ, предостерег меня от дальнейших попыток приходить к ним в гости. Потом она вышла замуж за дипломата и уехала с мужем в Чили, а моя безответная любовь не проходила еще несколько лет. И вот теперь, спустя почти двадцать пять лет, испытывая неожиданное для самого себя волнение, я ехал на лифте мимо заветной когда-то квартиры, но уже в другую, этажом выше.

Мне не забыть атмосферу наших двух-трех встреч с Амаяком Николаевичем и то, с какой уверенностью он говорил о том, что знал, а знал он много. И память у него была, по его словам, несмотря на почтенный возраст, отличная.

Амаяк Николаевич был убежден, что Даниэл-бек в числе других офицеров Армянской армии был арестован не то в конце 1920, не то в начале 1921 года и отправлен на север в Россию. По этому поводу Амаяк Николаевич даже оставил мне письменное свидетельство. Но раз так, то, возможно, Улубабян был прав и Даниэл-бек был репрессирован и, в конце концов, попал в Рязанскую область.

В конце 80-х годов XX века, в связи с карабахскими событиями, мой интерес к истории Карабаха и Армении усилился. Участвуя в митингах московской армянской общественности, я стал ближе к армянской среде «оттуда», из Армении, от которой раньше был отгорожен своим московским рождением и менталитетом. Войдя в одну из первых армянских общественных организаций под названием «Московская армянская община», я даже стал членом комиссии по благотворительности. Офис «Общины....» помещался на улице Чехова (сейчас улица Малая Дмитровка) в старинном двухэтажном доме зеленого цвета, требовавшем капитального ремонта. Спускаясь по ветхой лестнице с трех-четырёхкилограммовыми коробками в руках, мои коллеги по комиссии и я разъезжались в разные стороны на общественном транспорте порой в самые отдаленные районы к армянским беженцам. В коробках были консервы, сахар, рис, сыр, чай — все то, что в период магазинного продуктового коллапса оказалось дефицитом. Помощь шла, кажется, по линии Церкви. Случались и казусы. Раз или два мне заявляли: «Знаете, мы такого не едим...» Но это были исключения, большинство беженцев были очень благодарны нам.

Работая в комиссии, постигая нужды беженцев, я почувствовал свое родство с ними и с Арменией. Ожилились и мои связи с родственниками

по материнской линии, проживающими в Верхнем Арташате. Я стал туда чаще ездить и в один из приездов узнал от маминого двоюродного брата Вазгена (он умер сравнительно недавно, в 2005 году), что в 12-м томе Армянской советской энциклопедии, вышедшей в 1985 году на армянском языке, есть краткая статья В. Эвояна о моем дедушке. Дядя Вазген мне ее перевел, благо 12-й том был в его домашней библиотеке. В статье оказались новые, неизвестные мне факты:

«Пирумян Даниэл-бек родился 22 ноября 1861 года в деревне Нахичеваник, ныне Аскеранский район Нагорно-Карабахской автономной области. Умер в 1921 году. Военный деятель, полковник российской армии (1915 год). Сын дяди Погос-бека Пирумяна по отцу. Окончил Шушинское городское училище. Военную службу начал в 1881 году в 13-м Лейб-гвардии Ереванском полку. В 1881 — 1883 гг. учился в юнкерском пехотном училище в Тифлисе. В 1913 году окончил курс офицерской стрелковой школы в Ораниенбауме (ныне г. Ломоносов Ленинградской области). В 1881 году был подпрапорщиком, в 1888 году — поручиком, в 1900 — капитаном, в 1913 году — подполковником. Был командиром роты, батальона, полка. В годы Первой мировой войны воевал на Кавказском фронте. Участвовал в Сардарабадской битве в 1918 году как общий руководитель Сардарабадского отряда. Был награжден российскими орденами и Георгиевским именованным оружием».

Наконец, передо мной была пусть краткая, но последовательная биография деда. Авторитет столь высокого с научной точки зрения издания, как энциклопедия, внушал доверие к фактам, хотя некоторые из них и противоречили собранной мной информации. Но логичнее было поверить этой статье, к тому же ее автор — В. Эвоян оказался директором Государственного исторического архива Армении.

Его статья отвечала на вопросы о дате и месте рождения моего деда, о его образовании, начале военной службы и продвижении по иерархической лестнице, об участии в Первой мировой войне и наградах. Так что о расхождениях, которые, начиная от родных и кончая писателями-историками, мучили нас и не давали нам покоя, кажется, можно забыть.

Основные факты биографии деда теперь известны. Неужели на этом и остановиться? Но ведь за каждой строчкой В. Эвояна события, в которых формировалась личность человека, проявившего талант и мужество в дни Сардарапата. Нет, останавливаться нельзя! Наоборот, нужно собрать все сведения о деде, какие я только смогу найти, и свести их воедино в виде подробной биографии. Цель обозначена: дополнить энциклопедическую статью, расширить ее рамки, дифференцировать жизнь деда по годам, месяцам и дням. Опрос родных исключался: кроме моей мамы, из старшего поколения уже никого не осталось. А она все равно знала только, что мой папа был в Первую мировую войну артиллеристом и в 1920 году по-

пал в плен к туркам, а оба его старших брата были офицерами и воевали в Первую мировую войну на Кавказском фронте.

Чтобы проследить жизнь деда год за годом и день за днем, мало было найти соответствующие документы, их еще надо было осмысливать с точки зрения «духа» эпохи, представлять военно-административное устройство России и оценивать политическую ситуацию.

В Энциклопедии были упомянуты еще с десяток Пирумянов. Однажды ереванская журналистка Ирина Петросян стала участницей семейного вечера в Москве, на который собрались некоторые представители этого рода. Свои впечатления о вечере она опубликовала в заметке «Родословное древо».¹⁰ Газету мне дали в Ереване, во время очередной поездки в Армению. Так я узнал, что в Москве живут несколько представителей нашего рода с русифицированным вариантом фамилии — «Пирумовы». И что на этом вечере была моя старшая двоюродная сестра, Рипсимэ, дочь тети Сони, где она, со слов своей мамы, рассказала о том, что бабушка вместе с дочерьми Марусей и Соней приехали в годы революции в Москву. Однажды бабушка получила от Даниэл-бека телеграмму из Ростова, в которой сообщалось, что он скоро приедет. Несколько дней они ходили на вокзал встречать поезд, но дедушку так и не дождалась. Бабушка всегда говорила своим дочкам, что их отец сражался не против Советской власти, а против турок.

Вскоре, приехав в очередной раз в Армению, я встретился с И. Петросян и рассказал ей о своих поисках. Она тщательно все записала и обещала опубликовать небольшую статью на эту тему.

Странно все получалось. Я хотел изучить жизнь дедушки «от истоков», а обстоятельства все время заставляли меня заниматься его последними годами и днями. Я еще раз перебрал в уме все известные мне на тот момент варианты расставания Даниэл-бека с жизнью: Туршян считал, что мой дед умер и захоронен у храма Гаянэ, мой отец — что дед умер и похоронен в Ереване, Улубабян — что он арестован и отправлен в Рязанскую область, где расстрелян, тетя Соня — что арестован и сослан вместе с другими офицерами в Ростов, откуда, по-видимому, так и не вырвался. Вариант ареста преваляровал, но где именно и когда?

Аресты и высылка армянских офицеров в январе-феврале 1921 года действительно были, а применявшиеся при этом методы критиковали даже руководители советизированной Армении. Карательные акции осуществлялись под руководством ВЧК — этой прародительницы КГБ. Именно туда, в это логово я и решил написать, чтобы внести ясность в мучивший меня вопрос. Чем теряться в догадках, обдумывая противоречившие друг другу версии, рассуждал я, лучше получить сведения из «первых рук», пусть даже кровавых.

¹⁰ Коммунист. 1989. 14 окт.

Одновременно я решил проверить, прав ли был Улубаян, утверждая, что Даниэл-бек был сослан в Рязанскую область. И послал запрос в Государственный архив Рязанской области (ГАРО).

Первым пришел ответ Начальника отдела КГБ Республики Армения, Р.А. Саадяна, от 3 июля 1991 года, заставивший меня поверить в наступление иных времен. Впечатление было такое, словно и обо мне, и о моих поисках «в органах» были осведомлены давно и только и ждали, когда же я обращусь к ним за помощью:

«Уважаемый Юрий Левонович! В ответ на Ваше заявление в отношении получения информации о Вашем деде Пирумьяне Даниэл-беке и других членах семьи Пирумьянов (Пирумовых) сообщаем, что в архиве КГБ Республики Армения никаких сведений по интересующим Вас вопросам, к сожалению, не имеется». Р.А. Саадян посоветовал обратиться в Центральный государственный архив Армении, где в нескольких фондах есть сведения о Пирумьянах. И пожелал «всяческих успехов в исследовательской работе по подготовке публикаций о Пирумьяне Даниэл-беке, герое Сардарабадской битвы, который навсегда вошел в историю нашего народа и светлая память о котором всегда живет в наших сердцах».

После уточнения у Саадяна, какой именно архив — исторический или новейшей истории — он имел в виду, я успокоился. Потому что окончательно удостоверился: по документам архива КГБ Армении Даниэл-бек «не проходил», следовательно, сведения о конце его жизни надо искать в другом месте.

А 2 августа 1991 года за № 295 пришел официальный ответ из Рязани:

«ГАРО сообщает, что в документах Рязанской губернской тюрьмы за 1917 — 1921 гг., Рязанского губернского концентрационного лагеря за 1919 — 1921 гг., Рязанской губернской чрезвычайной комиссии за 1919 — 1921 гг. сведений о Пирумьяне Даниэл-беке не имеется. Директор Т.П. Синельникова».

Ответ директора ГАРО не опровергал фактов ареста и ссылки, он отрицал пребывание Даниэл-бека в рязанских застенках. Но говорил же А.Н. Ахназаров о высылке армянских офицеров на север, так что гибель деда могла произойти где угодно, не обязательно в конечном пункте.

В это же время я получил от журналистки Ирины Петросян газету «Республика Армения» со статьей, в которой она рассказывала о Даниэл-беке и о моих поисках. Статья называлась «По следам знаменитого дедушки»¹¹, и в ней, в частности, говорилось, что, изучая материалы московских военных архивов, я пересмотрел очень много документов в поисках сведений о дедушке, даже листал его полевые книжки с фронтовыми телефонограммами, отправленными в 1916 году. Это так и было. Ошиблась журналистка только в одном: я был не в «архивах», а в одном-единственном

¹¹ Республика Армения. 1991. 5 июня.

Центральном государственном военно-историческом архиве.¹² А попал я туда весной 1991 года по совету Ремаля Николаевича Пирумова — организатора семейного вечера, о котором упоминала Ирина Петросян в заметке «Родословное древо».

Заручившись рекомендательным письмом от одной из армянских общественных организаций (в «Московской армянской общине» произошел раскол, и ее печать оказалась недоступной), я отправился в старинный особняк на берегу Яузы, принадлежавший когда-то сподвижнику Петра Первого — Лефорту. В небольшом по размерам зале, стены которого украшают портреты знаменитых русских военачальников, я нашел по каталогу номера послужных списков более десятка Пирумянов и среди них того, кого искал в первую очередь, — своего деда, значившегося в каталоге Даниил-беком Абессаломовичем Пирумовым.

Дедушка оказался самым «богатым» по количеству послужных списков — их было целых пять¹³ (у других Пирумянов — максимум три). Один из них, под номером 106 — 684 был «составлен» 28 апреля 1917 года. Я заказал в архиве все пять списков, но просмотр начал именно с номера 106 — 684, надеясь добыть наиболее полную информацию о службе Даниэл-бека, вплоть до февраля 1917 года. И я не обманулся в своих ожиданиях... Подтвердилось все, что было напечатано в Армянской советской энциклопедии. Оставалось, сопоставляя списки, изложить найденные факты в непрерывной череде событий.

От «Московской армянской общины» у меня дома остался плакат, нарисованный членом этой организации, ныне покойным армянским художником Чалтыкьяном, на котором он под впечатлением от событий в Вильнюсе в январе 1991 года на фоне льющейся крови написал пророческие слова: «Вчера Карабах, сегодня Литва, завтра Россия!» «Завтра» пришло для России 19 августа 1991 года, и я взял этот плакат с собой, когда отправился на баррикады к Белому дому. Наступали другие, новые времена...

¹² Сейчас он называется: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

¹³ Ф. 409. № (в скобках указаны годы составления послужных списков) 80 — 643/23 (1899), 1074 (1914), 359 (1916), 106 — 684 (1917), 118 — 612 (1917).

Глава 2

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЙ ПОИСК

*Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.*

Гавриил Державин. Бог

Путч гэкачепистов и последующий за ним непростой период ворвались в мою жизнь и стремительно закружили меня в вихре встреч и знакомств с различными людьми. Среди них появился и такой, для которого имени Баяндур и его потомка Асри-бека Пирумова оказались не только знакомы, но и вписаны на листе ватмана в самое настоящее родословное древо. Это был генерал-майор в отставке Ремаль Николаевич Пирумов, хозяин квартиры, в которой и проходил вечер, описанный журналисткой Ириной Петросян. Моя первая встреча с ним произошла в 1990 году. Мир действительно тесен, а связующим звеном стала моя двоюродная сестра Рипсимэ.

Станкостроитель по профессии, она преподавала в Московском высшем техническом училище им. Н.Э. Баумана, где на военной кафедре работал и Ремаль Николаевич. Имя Ремаль получилось от сокращения слов «революционный мальчик». Через сестру я и получил его координаты. Очень доброжелательный, с мягкой улыбкой и совершенно лысый, он напоминал мне моего отца. Впрочем, и у Даниэл-бека голова тоже словно бильярдный шар. Видимо, это у нас родовое...

Тогда, в начале знакомства, Ремаль Николаевич дал мне лист ватмана с нашим родословным деревом. Сильное впечатление — увидеть представителей своего рода, собранных на одном «стволе». Древо составил отец Ремалю Николаевича — Николай Джавадович вместе со своим братом Богданом Джавадовичем. Я перерисовал древо и с тех пор вношу в него дополнения и уточнения в соответствии с найденными архивными документами и свидетельствами потомков. Сын Богдана Джавадовича — московский бизнесмен Александр Богданович и дочь — Меджи Богдановна, известный в Армении литератор, о которой упоминал когда-то Б.А. Улубаян, тоже включились в работу по уточнению родословной.

В основании нашего древа был Баяндур-ишхан, явно тот самый, которого имел в виду С.А. Карапетов. Кто же он такой, этот Баяндур? И от-

куда известно, что он родоначальник Пирумянов? Я решил разобраться в этом тщательнее, насколько позволят отдаленность событий и незнание армянского языка.

Как ни странно, подтолкнул меня к этому отрывок на русском языке из тогда еще не опубликованного романа Б.А. Улубабяна «Сардарapat», напечатанный в газете «Советский Карабах».¹ В этом отрывке упоминалось о происхождении нашего рода: «...Пирумяны являлись побочной ветвью родословного древа варандского княжеского рода Мелик-Шахназарянов. До XVIII века, до изменнической политики Мелик-Шахназара Второго военная дружина Пирумянов составляла костяк меликского войска». И буквально через несколько строк: «...Шахназара Второго покинули многие из его сородичей, в том числе и предок Пирумянов — Пирум. Последний поступил на военную службу к персидскому шаху, чтобы, добившись здесь высокого положения, покарать коварного изменника и узурпатора Варанды...» И еще: «...Сами наследники рода Пирумянов сохранили довольно любопытные сведения о своих предках. В этих, в корне своем достоверных, но зачастую овеянных дымкой волшебной таинственности старинных преданиях, отражена история происхождения храброго рода Пирумянов — выходцев из села Нахичеваник провинции Варанда. В них представители рода Пирумянов выступают то как полководцы варандских меликов, то как искусные и красноречивые дипломаты, готовые при необходимости мечом решать те вопросы, которые не удалось решить красноречием. Но не только храбростью отличались Пирумяны. Есть среди них и историк, рассказавший потомкам о происхождении рода. Речь идет о Багатур- или Баяндур-беке, который в первой четверти XVIII века слыл одним из прославленных полководцев персидской армии. Устав от шахского произвола и возвратившись на родину, он впоследствии отправился в Грузию, где, сблизившись с Давид-беком, стал одним из предводителей освободительного движения сюникских и арцахских армян против турецких варваров.

Следующий представитель рода Пирумянов — Асри-бек (историки не могут установить, кем он доводился Баяндур — внуком или правнуком), вдохновленный славным прошлым Баяндур, также поступил на военную службу в персидскую армию и завоевал храбростью и мудростью доверие и симпатии шаха. Однако, когда шахские войска вторглись на землю его предков, покинул персидскую армию и перешел к генералу Валериану-Ростому Мадатову. Благодаря богатым сведениям о персидской армии, которыми располагал Асри-бек, прославленный армянский полководец русской армии разгромил персидские войска под Шамхором и Гандзаком, а затем и на самой персидской земле, куда вскоре победным маршем вступили полки Мадатова. Персидский поход состоялся зимой

¹ Советский Карабах. 1989. 27 мая.

1828 года, как свидетельствуют источники, в условиях непривычных для северной Персии жесточайших холодов. Находясь на вражеской территории, русские войска, как писал Раффи, «столкнулись бы с рядом непреодолимых препятствий и неудач, не имея они такого ловкого и храброго поводыря, каким был Асри-бек...»

У меня дух захватило, когда я прочитал эти строки. Все сходилось. И по генеалогической схеме, данной мне Ремалем Николаевичем, и по С.А. Карапетову, и по Б.А. Улубабяну выходило, что нашего родоначальника звали Баяндур. В первой четверти XVIII века он был видным участником армянского освободительного движения, возглавляемого известным в истории Давид-беком. Он же, оказывается, стал и тем историком, который описал происхождение рода, что для меня самое неожиданное. Получалось, что сам родоначальник считал себя родоначальником и написал об этом. Но ведь так не могло быть!

Смушала меня и дата смерти Асри-бека — 1883 год. Потому что в 1805 году, когда о нем упоминает В.А. Потто в своей книге,² Асри-беку было уже никак не меньше 20 — 25 лет. Выходит, он родился около 1780 года и умер почти в столетнем возрасте. И хотя в принципе такое возможно, на Кавказе всегда было много долгожителей, но верится с трудом.

Да и мнение Б.А. Улубабяна о том, что отец Даниэл-бека, Абисогом, был сыном Асри-бека, явно расходилось с генеалогической схемой, по которой отца Абисогома звали Джавад. Все требовало проверки и уточнения. Хотелось также узнать поподробнее о Баяндуре и его сыне Пируме, от которого, видимо, и пошла наша фамилия.

Когда в 1991 году я приехал в Армению и посетил Улубабяна на его даче в Егварде, он подарил мне экземпляр своего романа «Сардарapat» на армянском языке, опубликованного всего два года назад.³ Баграт Аршакович написал на титульном листе: «Дорогому Ю.Л. Пирумяну в честь нашей встречи и с пожеланиями здоровья, счастья и всяких удач. Баграт Улубабян. Егвард. 1 мая 1991 года». Я был благодарен известному в Армении писателю за подарок и теплые пожелания и надеялся, что найду знакомых, которые помогут мне проникнуть в содержание книги и переведут все, что относится к Даниэл-беку.

Но удача улыбнулась мне только шесть лет спустя. Мой новый друг, обретенный на ниве общественной деятельности в Москве, Эмануил Долбакян знал несколько языков и был влюблен в Армению, в которой провел детские и юношеские годы. С 1998 года он возглавляет Армянское культурно-просветительское общество «Арарат», внимательно следит за новинками, опубликованными на армянском языке (и не только на армян-

² Потто В.А. Первые добровольцы Карабага в эпоху водворения русского владычества. Тифлис: Скоропечатня М. Мартиросянца, 1902. С. 18.

³ Улубабян Б.А. Сардарapat. Ереван: Советский писатель, 1989. 558 с. (на арм. яз.).

ском). Он с большим интересом прочитал роман Б.А. Улубабяна и перевел для меня те места, где речь шла о Пирумянах вообще и о Даниэл-беке в частности.

На страницах 181 – 186 о нашем роде рассказывалось так:

«...В меликских домах воины-дворяне часто назывались беками, что на восточных языках означает дворянин, знатный человек. Уделом ветви Пирумянов была служба в дружине варандинских меликов Мелик-Шахназарянов, которая до предательских поступков Мелик-Шахназара Второго была главной военной силой в этой области Карабаха...»

«...Потомки рода Пирумянов сохранили интересные предания о своих легендарных предках. В этих, в основе своей правдивых, но внешне сказочных рассказах, славную биографию имеют храбрые Пирумяны, выходцы из села Нахичеваник гавара Варанда. Они были полководцами мелика Варанды или его искусными дипломатами, которые в нужный момент брали в руки оружие и мечом разрешали те проблемы, которые не решались путем переговоров. И среди героев этих преданий был один, который попал и в письменные источники, связав предания о славном роде с реальной его биографией. Это был Бахадур или Баяндур-бек, который в первой четверти XVIII века, будучи одним из полководцев персидской армии, устав от шахских несправедливостей, вернулся на родину, потом ушел в Грузию, подружился с Давид-беком, а затем стал одним из руководителей славной антитурецкой борьбы Сюника и Арцаха...»

Благодаря переводу Эмануила Долбакяна я понял, что Баяндур не рассказывал о себе как о родоначальнике, что следовало из газетного материала восьмилетней давности, просто в редакцию попал неточный перевод. И значит, мне надо было все уточнять. Кто они, эти потомки, «сохранившие интересные предания», пересказывали ли они их кому-нибудь (Б.А. Улубабяну, например) устно или оставили письменные воспоминания?

Ответ пришел с неожиданной стороны. И опять мне помогло знакомство с армянской общественностью. Я встретил армянина, увлекающегося генеалогическими изысканиями. Молодой человек, в то время студент, обучался на финансиста. Звали его Рафаэл Абрамян. Энергичный и начитанный, хороший организатор, он в 1998 году возглавил в Москве Армянское историко-родословное общество. А я стал членом этого общества практически со дня его основания. Конечно же, я рассказал Рафаэлу о своих поисках, а он сообщил мне, что Баяндур — реальное историческое лицо, упомянутое, как Пайинтур, в книге известного историка Гукаса Себастици (1709 – 1752), члена Венецианской конгрегации мхитаристов.⁴ Рафаэл передал мне напечатанные два листа со своим переводом подви-

⁴ Себастици Г. Давид-бек, или История кафанцев. Ереван: Ереванский университет, 1992. 112 с. (пер. с древнеарм. яз.).

гов Пайинтура, описанных Себастаци, и переводом некоторых мест из предисловия А. Мадояна.

В предисловии А. Мадоян писал, что в основу книги легли рассказы непосредственных участников восстания — Степаноса Шаумяна и Тер-Аветиса и что книга Себастаци никогда не переводилась на русский язык.

Далее в предисловии сказано, что Пайинтур — один из военачальников Давид-бека,⁵ приехавший в Сюник вместе с ним из Грузии. На это указывает и прозвище — «грузинский князь». Себастаци дважды (на страницах 43 и 83) специально подчеркивает княжеский титул Пайинтура, причем из пятидесяти военачальников Давид-бека с этим титулом упомянуто менее десятка человек.

Еще в предисловии отмечено, что участие представителей армянских дворянских родов Грузии в сюникском движении документально засвидетельствовано (Шергилянцы, Кузаненцы и др.). По всей видимости, Баяндур, как и Давид-бек, находился на службе у грузинского царя Вахтанга VI, по приказу которого и отправился на помощь восставшим сюникцам.

Борьба капанских армян хотя и имела несомненный успех, но в стратегическом плане была обречена, ибо примыкавшие к армянонаселенным областям две воинственные мусульманские державы — Персия и Турция — не оставляли попыток подчинить себе эти территории.

Не случайно 24 марта 1726 года армянские патриоты, сподвижники Мхитар-бека, принявшего после Давид-бека руководство движением на себя, направили русскому правительству послание с просьбой о помощи.⁶ Под этим посланием есть и подпись Баяндур. Можно считать указанный год последней более-менее достоверной датой жизни знаменитого воина.

В конечном итоге, сведения о Баяндуре-Пайинтуре от Себастаци восходят к Раффи (сам Раффи в предисловии к своему роману «Давид-бек» дважды ссылается на книгу мхитариста), а от него — к Б. Улубаяну.

Лестно, что родоначальник — такой известный в истории нашего народа человек. Так мы считали с Рафаэлом Абрамяном, когда опубликовали нашу совместную статью «О происхождении бекского рода Пирумьянов».⁷

А кто же следует за Баяндуrom? Судя по всему, Пирум. Далее — Асрибек. Не тот ли Асри-бек, упомянутый в книге В. Потто, на восемнадцатой странице которой я впервые увидел свою фамилию напечатанной?

Вот как звучит эта фраза в книге: «... Там (в Карабахе, у деревни Храморт, недалеко от входа в Аскеранское ущелье. — Ю.П.) он (Вани Атабеков, один из главных добровольцев, о которых рассказывает автор. — Ю.П.) застал

⁵ Давид-бек — руководитель освободительной борьбы армян Зангезура против персидских и турецких завоевателей в первой четверти XVIII века.

⁶ Архив внешней политики России, Ф. «Сношения России с Арменией», 1726, Д. 4.

⁷ Абрамян Р.М., Пирумьян Ю.Л. О происхождении бекского рода Пирумьянов. Литературно-художественный и историко-генеалогический альманах «Бекский дом». Пятигорск: Фонд «АПАК и ДРиФ». 2004. № 11. С. 38 — 41.

мелика Адама (сына мелика Меджлума Чаропертского), Асри-бека Пирумюва и других армян, взиравших с дальних высот с сокрушением сердца на борьбу горсти христиан с многочисленными персиянами...»

В другом источнике рассказ об Асри-беке передан в художественной форме. Это известное произведение Раффи «Меликства Хамсы (1600 — 1827). Материалы для новой армянской истории».⁸ Замечательную работу Раффи перевел с армянского Л. Казарян.

На странице 180 читаю: «...Мы расскажем лишь об одном из служивших при Аббас-Мирзе армянине, деятельность которого имеет отношение к нашей истории и который, вероятно, был одним из тех двух армян, о которых упоминает русский биограф князя Мадатова. Этого смельчака звали Асри-бек Байиндуриан, или Бахатуриан.

В нашей истории мы стремились рассказать не только о представителях знатных родов, но и о героях, вышедших из глубин народа, воплощающих его силу и дух...

Одним из таких людей был и Асри-бек Байиндуриан, который, оставив службу у Аббас-Мирзы, явился к князю Мадатову и вместе с ним совершил множество доблестных деяний...»

И далее у Раффи: «...Асри-бек — один из внуков этого Байиндура. Предания о героических подвигах деда хранились в семье, и Асри-бек, воодушевленный рассказами о деде, еще в юношеском возрасте оставил Карабах, уехал в Персию на поиски своего счастья. Смелому, стройному юноше удалось во время скачек привлечь к себе внимание Аббас-Мирзы, и он стал одним из адъютантов наследника престола. Затем, достойно проявив себя во многих сложных ситуациях, он еще более возвысился в глазах Аббас-Мирзы.

Во время похода в Карабах Асри-бек состоял в отряде телохранителей наследника престола. Аббас-Мирза поручил ему особо опасное задание, которое мог доверить только близкому человеку. Для того чтобы поднять закавказских мусульман против русских, Аббас-Мирза подготовил обращение к различным ханам, бекам и другим влиятельным лицам и поручил ловкому Асри-беку доставить его обращение адресатам. Он должен был совершить длительный путь через Талыш, Баку, Дербент, Ширван и Шеки в Дагестан. Но Асри-бек, предпочтя интересы русских христиан интересам персов, изменил своему господину. Он направился прямо в Гандзак и вручил порученные ему бумаги князю Мадатову. Каково было значение подобного поступка во время войны — понятно само собой. Кроме того, Асри-бек был одним из приближенных Аббас-Мирзы, и ему были известны многие военные секреты персов, их сильные и слабые стороны, замыслы наследника и т.д. Обо всем этом он сообщил князю

⁸ Раффи. Меликства Хамсы (1600 — 1827). Материалы для новой армянской истории. Ереван: Наир, 1991. 240 с. (пер. с арм.).

Мадатову в тот момент, когда персидское войско находилось в 7 верстах от Гандзака, а генерал Паскевич и князь Мадатов, находившиеся в Гандзаке, не имели об этом представления.

Нашим читателям известно, как закончилось сражение под Гандзаком. В результате этой победы князь Мадатов и генерал Паскевич освободили все Закавказье.

Князь Мадатов зачислил Асри-бека в отряд своих телохранителей, дав ему щедрые обещания. Фаворит персидского наследника стал нашим оружием в его руках».

Сравниваю с текстом Раффи текст романа Баграта Улубаяна «Сарда-рапат» в переводе моего друга Эмануила Долбакяна:

«...Внуком или правнуком этого Баяндура был Асри-бек, который, воодушевленный славными страницами биографии храброго предка своего Баяндура, был в армии персидской, своей храбростью и мудростью завоевал доверие и симпатии шаха. Но когда шахские войска совершили опустошительный разбойничий набег на землю его предков, он покинул их, перешел на сторону генерала Валериана-Ростома Мадатова. Благодаря ценным сведениям, полученным от Асри-бека, храбрый армянского происхождения полководец русской армии несколько раз разгромил персидских захватчиков под Шамхором, под Гандзаком, а потом и в собственно персидских землях, куда Мадатов осуществил свой рейд, вызвавший панику у персов. Персидский поход имел место зимой 1828 года, по свидетельству источников, в период непривычно жестоких морозов для северной Персии. И вот в этих условиях, особенно на незнакомой территории, как еще писал Раффи (Раффи, собр. соч., том 10, Ереван, 1959, 384 — 385): «Русские войска встретились бы с большими препятствиями и неудачами, если бы не имели такого умелого и храброго полководца, каким был Асри-бек».

На древнем кладбище деревни Нахичеваник на одном из надгробий рода Пирумьянов в орнаментированной рамке высечено: «Тут покоится славный и знаменитый Асри-бек бутбарашик (подпоручик. — Ю.П.)... из рода Пурумовых, в 1833 году». Значит, герой русско-персидской войны, подпоручик Асри-бек Пирумьян скончался в 1833 году. Его наследниками были «благородный Алаверди», «Пурум-бек» (который есть сын Асри-бека, который из рода Пурумовых). Сыном Пурум-бека был Абисогом, который, видимо, занимался только земледелием. Поскольку другие родные были украшены бекскими (полководческими) титулами и должны были быть и такие, которые для них зарабатывали на хлеб насущный. Земледелец и садовод Абисогом дожил до двадцатого века, оставив наследником своим Даниэл-бека».

Тексты явно совпадают. И по содержанию, и, возму на себя смелость утверждать, даже по стилю. Очевидно, что когда Б. Улубаян говорил мне:

«Есть данные...», то имел в виду именно сочинение Раффи, из которого он их и почерпнул.

Из всего приведенного важнейшим фактом стало то, что Асри-бек умер не в 1883 году, как было сказано в газетном отрывке из еще не опубликованного романа Б. Улубабяна «Сардарapat», а на пятьдесят лет раньше — в 1833 году.

В 1998 году я ездил в Карабах, в деревню Нахичеваник и там увидел дату, высеченную на надгробии Асри-бека, — «1833 год». На надгробии, помимо имени и даты, еще была высечена фигура всадника с саблей, считавшаяся гербом нашего рода. Так, по крайней мере, говорила тетя Соня. Все-таки отголоски происшедших событий, хотя и в несколько искаженном виде, доходят через поколения до потомков...

Итак, возник некий «треугольник» из исторически достоверных лиц, в одной из вершин которого оказался интересующий меня предок — Асри-бек, а две другие заняли два военачальника: персидский — наследник престола Аббас-Мирза и русский — князь Мадатов.

Анализируя фразу из книги В. Потто, в которой речь идет о 1805 годе, когда недалеко от входа в Аскеранское ущелье, где защищался русский отряд под руководством полковника Карягина, вдруг оказалась вся 30-тысячная персидская армия под руководством самого Аббас-Мирзы, замечаешь, что автор посчитал возможным и, может быть, даже необходимым выделить среди «других армян» мелика Адама и Асри-бека Пирумова. Можно предположить, что, скорее всего, Асри-бек к этому времени уже не юноша, а зрелый человек, достойный упоминания рядом с меликом. К тому же, в отличие от мелика упомянут с фамилией, транскрибированной в соответствии с русскими традициями. Да еще в напряженном эпизоде книги, казалось бы, осведомленного писателя. Не значит ли все это, что именно к 1805 году Асри-бек уже проявил себя достойно и перешел на русскую службу, но не в качестве простого воина, а в качестве проводника и человека, знакомого с некоторыми тайнами персидского военачальника Аббас-Мирзы? Недаром Асри-бек не в гуще боя, а «взирает с дальних высот с сокрушением сердца».

Если отталкиваться от года смерти Асри-бека и считать, что в среднем человек, судьба которого полна военных невзгод и лишений, живет на свете лет шестьдесят, то получается, что Асри-бек родился приблизительно в середине 1770-х годов. Тогда к 1805 году ему было 30 или немногим более лет, и в этом возрасте он, конечно, уже мог заслужить упоминания рядом с таким знатным человеком, каким был мелик Адам.

Но как интерпретировать рассказ Раффи о том, что «ловкому, стройному юноше удалось привлечь внимание наследника персидского престола Аббас-Мирзы...», когда, если мои рассуждения верны, юношеские годы Асри-бека пришлись приблизительно на начало 1790-х годов, а сам

Аббас-Мирза родился только в 1789 году? Кстати, скончался он в один год с Асри-беком — в 1833 году.

И раз уж речь зашла об этом противнике России первой четверти XIX века, думаю, нужно и о нем сказать несколько слов, которые помогут в анализе. Вот что сказано об Аббас-Мирзе в Военной энциклопедии:

«Второй сын Фет-Али-шаха персидского (Баба-хана), назначенный виолагдом (наследником престола), помимо старшего брата, Магомета-Али, рожденного от грузинки (Аббас-Мирза был провозглашен номинальным наследником 21.03.1799 года. — Ю.П.). Будучи с детства наместником (беглер-бегом) Азербейджана (по другим источникам, назначен вали Азербейджана в 1806 году. — Ю.П.), старался реорганизовать введенные ему войска по европейскому образцу при помощи французских инструкторов (чиновников посольства). Но эта попытка успеха не имела. В 1806 — 12 гг. Аббас-Мирза командовал частью персидских войск, боровшихся с Россией, а в 1827 году — всеми войсками, но во всех главных делах потерпел поражение. В 1828 году был назначен для ведения переговоров о мире и подписал Туркменчайский договор, закончивший войну».⁹

Как же нелегко продвигаться в генеалогическом поиске, если даже в отношении такого известного исторического деятеля, как Аббас-Мирза, существует разночтение. У В.А. Потто: 1805 год — вторжение персидской армии под непосредственным руководством Аббас-Мирзы, а в Военной энциклопедии: 1806 — 1812 годы — время его командования частью персидских войск.

И все-таки не исключено, что на самом деле Асри-бек прожил не 60 — 70 лет (к сожалению, ни в одном документе, относящемся к нему, нет даты его рождения), а лет 40 — 50. Тогда, может быть, действительно, они с Аббас-Мирзой если и не ровесники, то, во всяком случае, люди одного поколения, и пока не ставлю под сомнение, что «смелый стройный юноша мог привлечь внимание наследника престола, и тот сделал Асри-бека своим адъютантом», как сказано у Раффи в его книге «Меликства Хамсы».

В статье, которую мы с Рафаэлом Абрамяном написали в соавторстве, есть такая мысль:

«Следует подчеркнуть, что «Меликства Хамсы» — это, прежде всего, художественное произведение и, следовательно, приводимые в романе данные нуждаются в дополнительной проверке. Для сбора материалов Раффи совершил специальную экспедицию в Карабах, во время которой изучал и копировал местные рукописи, эпиграфические надписи, документы родовых архивов, многочисленные фольклорные материалы, в том числе рассказы потомков описываемых в романе лиц. Многие из этих источников недоступны современным исследователям...

⁹ Военная энциклопедия. Петербург: Т-во И.Д. Сытина, 1911. Т. 1. С. 5.

Приведенный выше отрывок (из книги Раффи. — *Ю.П.*), касающийся происхождения Пирумянов, содержит ряд неточностей хронологического и иного порядка. Так, Асри-бек назван внуком Баяндурра. В другом месте он упоминается с фамилией Баяндурян — явно искусственной. Это естественно, поскольку источником данных сведений являются народные предания или, скорее, семейные легенды...»¹⁰

Генеалогический поиск требует рассмотрения и третьей вершины «треугольника» — личности князя Мадатова. Предположим, что ко времени вторжения в Карабах персидской армии (в данный момент неважно, было это в 1805 году или в 1806-м), Асри-бек уже перешел на русскую службу под фамилией Пирумов, как упоминает В.А. Потто. Но мог ли Асри-бек «вручить» порученные ему (Аббас-Мирзой. — *Ю.П.*) бумаги князю Мадатову», как об этом написано у Раффи? Здесь уже можно категорически утверждать об ошибке: и первоначальной — Раффи, и вторичной — Улубабяна, без критического анализа перенесшего в свой роман данные Раффи об Асри-беке.

Мадатов родился в 1782 году, в 1799-м поступил на военную службу в чине портупей-прапорщика, дослужился до чина капитана в 1808 году. Ясно, что никакими войсками в 1805 — 1806 годах в Карабахе он не командовал и командовать не мог. Если Асри-бек и вправду перешел на службу к русским, то очевидно, что не под начало Мадатова, а под начало князя Цицианова — главнокомандующего русскими войсками на Кавказе, убитого как раз в 1806 году.

И уж никак Асри-бек не мог быть, как написано в книге Раффи «Меликства Хамсы»,¹¹ «одним из тех двух армян, которые перед битвой в Гандзаке покинули лагерь Аббас-Мирзы, прибыли к князю Мадатову»¹² и «о которых упоминает русский биограф князя Мадатова».¹³ Битва при Гандзаке произошла в 1826 году, а к тому времени Асри-бек (по тому же Раффи) уже почти двадцать лет, как перешел к русским. Вряд ли к 1826 году он мог снова перейти к персам, стать приближенным к Аббас-Мирзе, без риска лишиться головы, а затем снова перейти к русским, но уже под начало князя Мадатова.

Что касается «русского биографа» князя Мадатова, то эта скучная, с моей точки зрения, биография написана двумя соратниками Мадатова — А.С. Хомяковым и Н.М. Бакуниным.¹⁴ В ней не описываются его ранние годы, когда, казалось бы, и должны были познакомиться две вершины рассматриваемого мной «треугольника». Речь в ней идет главным образом о годах управления князем на Кавказе, когда в 1816 году он стал

¹⁰ Абрамян Р.М., Пирумян Ю.Л. Указ. соч. С. 40.

¹¹ Раффи. Указ. соч.

¹² Там же. С. 177.

¹³ Там же. С. 180.

¹⁴ Хомяков А.С., Бакунин Н.М. Жизнь генерал-лейтенанта князя Мадатова. СПб: 1874. Изд. 3. 245 с.

по представлению Ермолова командующим войсками, расположенными в Карабахском ханстве, а в 1817 году был назначен в округ начальником ханств Шемахинского, Ширванского и Карабахского.

Вот фраза из сочинения А.С. Хомякова и Н.М. Бакунина, которая позволила Раффи и Улубабяну утверждать, что Асри-бек был одним из тех двух армян, которые явились к князю Мадатову из персидского лагеря:¹⁵

«...В ночь на 13 сентября явились из персидского лагеря 2 армянина, из коих один был у Аббас-Мирзы переводчиком русского языка и некогда служил в доме князя Мадатова...» Но Асри-бек авторами не упомянут ни как переводчик, ни как приближенный князя. И кем же он мог служить в доме Мадатова, имея наследственный титул бека? И вообще, вся эта история с переходом двух армян относится уже ко времени 1826 года, когда Асри-беку оставалось жить всего семь лет, если верить надгробной надписи.

Не знаю, сыграл ли какую-либо «советническую или проводническую роль» Асри-бек во время вторжения Аббас-Мирзы в 1826 году, но есть документы, подтверждающие, что мой предок действительно служил под начальством князя Мадатова, только несколькими годами раньше и в войне против другого противника.

В Военной энциклопедии о Мадатове, уже назначенном в 1817 году начальником ханств, есть такие строки: «...Знание горских обычаев и языков, благородный характер, справедливость и честность скоро привлекли к нему сердца населения и, пользуясь своим личным обаянием на народ, Мадатов первый стал организовывать из местных жителей вооруженные отряды для совместных действий с русскими войсками...»¹⁶

К этому времени и относится служба Асри-бека под началом Мадатова. И я могу из области предположений и догадок перейти к интерпретации подлинных документов.

В.А. Потто¹⁷ пишет: «...князь Мадатов, управлявший мусульманскими ханствами, получил приказание Ермолова собрать отряд карабахской конницы и итти (так в тексте. — Ю.П.) в Дагестан, где предпринималось тогда покорение Кайтага и Табасарани. Это было в августе 1819 года...»

Я получил словам В.А. Потто документальное подтверждение. Судьба свела меня с еще одним важным в моей жизни человеком, который оказал мне помощь на этом этапе моего генеалогического поиска. Вот как это было.

На одном из армянских общественных собраний начала 1990-х годов на трибуну взошел невысокий молодой человек, представившийся московским корреспондентом газеты «Советский Карабах», Мелик-

¹⁵ Там же. С. 118

¹⁶ Военная энциклопедия. Петербург: Т-во И.Д. Сытина, 1914. Т. 15. С. 102, 103.

¹⁷ Потто В.А. Указ. соч. С. 49.

Шахназаровым. Он очень интересно и аргументированно рассказал о карабахских проблемах, и я, после окончания его выступления, познакомился с ним, рассказал о себе и о своих поисках, а также о том, что у нас есть родственники Шахназаровы. Звали этого молодого человека Арсен Ашотович, он был потомком знаменитого карабахского рода Мелик-Шахназарянов, владетелей Варанды, где жили Пирумяны. Скоро он стал для меня просто Арсеном, вошел в круг близких друзей и пребывает в нем до сих пор. Побыв некоторое время на дипломатической работе, он, после начала карабахских событий, решил направить свои способности на пользу родине своих предков, к которым после нашего с ним разговора у него появился еще и «генеалогический» интерес.

Я помог ему, выписав номера послужных списков его родственников-военнослужащих, и некоторое время мы вместе работали в РГВИА, разбирая найденные документы.

Затем он, помогая мне, в 1995 году послал запрос в Российский государственный исторический архив (РГИА) в Санкт-Петербург, с просьбой найти какие-нибудь материалы, относящиеся к нашим двум родам: Мелик-Шахназарянов (Мелик-Шахназаровых) и Пирумянов. Через довольно короткий срок он передал мне солидную пачку документов, пришедших на его имя. Это были прошения некоторых потомков Асри-бека о подтверждении их дворянских прав, а в качестве доказательств были приложены два свидетельства о службе Асри-бека в русской армии и генеалогические схемы. Вот эти документы в современной орфографии.

Первое свидетельство: «Дано сие в том, что находившийся в отряде под команду Генерал-майора князя Мадатова житель Карабахского ханства Асри-бек за отличие, оказанное в сражениях против чеченцев и при покорении Табасаранской области 14 и 15 августа и 3 сентября 1819 года, по Высочайшему повелению, сообщенному в отзыве дежурного генерала Главного штаба Его Императорского Величества от 4 ноября 1819 года № 11343, произведен в чин **прапорщика** (выделено мною. — Ю.Л.) без жалованья, о чем объявлено в приказе по Грузинскому Отдельному корпусу 25 января 1820 года, № 4. В удостоверение чего подписано и приложением казенной печати удостоверяю, г. Тифлис, 13 сентября 1887 г. Подлинное за подписью Начальника штаба Кавказского военного округа, генерал-майора Лимановского и скрепою помощника старшего адъютанта, поручика Шереметева».¹⁸

И второе свидетельство: «Дано сие в том, что служивший в татарской коннице Карабахского ханства прапорщик Асри-бек за отличие, оказанное в сражениях против неприятеля при покорении Табасарани во владениях Каракайдакских, при разбитии Акушинских войск и прочих горских народов в сел. Леваша и овладении Акушинской областью, Всемилошти-

¹⁸ РГИА. Ф. 1343, оп. 27, д. 3101, л. 14.

вейше произведен в чин **подпоручика** (выделено мною. — *Ю.П.*) без жалования, о чем сообщено в отзыве Начальника Главного штаба Его Императорского Величества от 11 февраля 1820 года за № 2311. В удостоверение чего подписано и приложением казенной печати удостоверяю, г. Тифлис, 13 сентября 1887 г. Подлинное, подписал Начальник штаба Кавказского военного округа, генерал-майор Лимановский, скрепил помощник старшего адъютанта, поручик Шереметев».¹⁹

С первым свидетельством вполне согласуется выдержка из сочинения двух соратников князя: «...В начале августа (1819 г. — *Ю.П.*) в селе Истальяре соединился небольшой отряд войск из двух батальонов пехоты, роты артиллерии, 300 казаков и 650 человек конницы, состоявшей из Карабахцев, Ширванцев и Шекинцев, которые князь генерал-майор Мадатов, как областной Начальник, склонил к предприятю похода против их единоверцев...»²⁰

И еще абзац, заимствованный у тех же авторов, но относящийся скорее ко второму свидетельству: «...В 1820 году возобновлен был поход в Северный Дагестан. Поводом было возмущение Сурхай-хана Казыкумыкского, который, нарушив присягу, принял сторону чеченцев...» И через страницу: «...Князь Мадатов собрал 500 всадников Карабахских, 300 Шекинских и 400 Ширванских, не взирая на то, что Мустафа-хан Ширванский был родственник Сурхай-хана...»²¹

И, наконец, по поводу пресловутого «персидского похода», состоявшегося зимой 1826 года (по Раффи) или зимой 1828 года (по Улубабяну), «в период непривычно жестоких морозов для Северной Персии», когда Мадатову так помог Асри-бек. Этот поход состоялся не для того, чтобы, как пишет Раффи, «держать персов в постоянном страхе», а для того, чтобы прекратить набеги кочевого племени шахсеванцев, периодически вторгавшихся на приграничную российскую территорию. Вот как об этом пишут сподвижники князя: «...В первых числах декабря (1826 года. — *Ю.П.*) князь Мадатов получил от Ермолова секретное предписание сделать экспедицию за Аракс...»²² Поход был кратковременным, и уже 9 января 1827 года Мадатов предпринял обратный путь, а вскоре, 22 апреля этого же года, по повелению Паскевича, сменившего Ермолова, сдал отряд генерал-майору Панкратьеву.

Сергей Яковлевич Исраэлян. Я узнал о существовании этого человека уже в конце 90-х годов XX века. Из документа, полученного из Центрального государственного исторического архива Республики Армении (теперь Национального архива Армении — НАА). Дело в том, что Сергей Яковле-

¹⁹ РГИА. Ф. 1343, оп. 27, д. 3101, л. 15.

²⁰ Хомяков А.С., Бакунин Н.М. Указ. соч. С. 32.

²¹ Там же. С. 62.

²² Там же. С. 131.

вич, заинтересовавшись генеалогией, составил список Пирумянов и обратился к двум его представителям — известному врачу Николаю Христофоровичу (я о нем упоминал в первой главе) и инженеру-железнодорожнику Богдану Джавадовичу (одному из авторов генеалогического древа) с просьбой просмотреть его, исправить или дополнить. Один из них, кто именно, сказать трудно, так как ответ подписан просто фамилией, написал Исраэляну в октябре 1971 года:

«Глубокоуважаемый Сергей Яковлевич!

Возвращаю Вам:

1. Составленный Вами список лиц из Пирумовых. В нем проставлены годы рождения, чернилами (справа) отмечены годы вполне достоверные, а карандашом (слева) — предположительные, которые, возможно, отличаются от действительных дат рождения на 2-3 года, что вряд ли имеет какое-нибудь значение.

2. «Генеалогию» Пирумовых, более полную. Правильнее сказать, к взятому у Вас экземпляру я на двух листах привел более детальные данные, но эти листы не приклеил, чтобы не закрыть Ваших заметок.

Я буду отсутствовать в городе до 9 октября включительно. Если Вам понадобится от меня что-нибудь, прошу звонить 10 октября и позднее. С приветом, Пирумов».²³

По-видимому, обработав сведения, полученные от Николая Христофоровича и Богдана Джавадовича (или от одного из них), и совместив их с теми, что у него уже имелись, Сергей Яковлевич попытался составить списки представителей нашего рода. Эти списки хранятся в НАА.^{24,25}

Вот отдельный список, названный «Родоначальники рода Пирумянов» (Так озаглавлен документ — *Ю.П.*):

Баяндур образование получает в Персии;

Персы за храбрость звали его «Батман-Клич»;

Батман-Клич — Асри Баяндурян с Давид-беком воевал против персов в Сюнике.

Асри Баяндурян был другом детства генерала Мадатова.

Когда Аббас-Мирза двинулся в Закавказье, Асри Баяндурян находился в его войсках. По поручению Аббас-Мирзы он должен был перейти в Закавказье и организовать восстание местного населения против русских.

Асри Баяндурян, переходя в Закавказье, присоединяется к другу детства, генералу Мадатову, против Аббас-Мирзы в Персии. Он (очевидно, Мадатов. — *Ю.П.*) из местного населения организывает войско числен-

²³ НАА. Ф. 481, оп. 1, д. 21, л. 1 — 2.

²⁴ Там же. Ф. 481, оп. 1, д. 5, л. 2.

²⁵ Там же. Ф. 481. оп. 1, д. 4. л. 3.

ностью 12 000 человек и сражается против персов. По ходатайству Ермолова, Паскевич присуждает ему дворянство».²⁶

А вот фрагмент из другого списка:

«Асри Баяндурян имел сыновей: 1. Давид; 2. Пирум; 3. Асри.

Пирум имел: 1. Асри-бек, друг генерала Мадатова; 2. Даниэл; 3. Джавад; 4. Гусейн.

Асри-бек имел семь сыновей: 1. Аслан; 2. Газар; 3. Пирум; 4. Мукел; 5. Баба; 6. Аллаверди; 7. Сайи.

Джавад имел Абисогома».²⁷

Что сказать об этих выкладках? С первого взгляда видна их связь с романом Раффи, к содержанию которого, по крайней мере, в том, что касается Асри-бека, следует относиться осторожно.

Итак, схема: родоначальник — Баяндур, у него был (по Карапетову и Израэляну) сын Пирум, а внук Баяндур — Асри-бек — реальное историческое лицо, есть его могила с датой смерти, он упомянут в произведениях В.А. Потто и Раффи. И логично вроде бы получалось, что, перейдя на русскую службу, правда, как бы и не в штат и без жалованья, Асри-бек стал Пирумовым, взяв фамилию отца. Собственно, у многих цивилизованных народов часто именно так и образовывались фамилии.

Но вот какая мысль не давала мне покоя: если Баяндур в 1726 году было, как пишет Раффи в своем романе «Давид-бек», 40 — 45 лет, то при обычном раскладе его сын должен был бы родиться, когда отцу исполнилось бы приблизительно 30 лет. Даже с поправкой на военные бури, когда, может быть, Баяндур было не до рождения детей, маловероятно, что он решился бы завести их позже 45-летнего возраста. Хотя исключить такую версию тоже нельзя. Ну, хорошо, пусть крайний срок рождения Пирума будет в шестидесятилетнем возрасте Баяндур. Это приблизительно 1740 год. А Асри-бек мог родиться не ранее середины 1770-х годов. И что же, тогда и Пирум, поселившийся в относительно спокойное время около Нахичеваник, должен был идти по стопам своего отца и жениться поздно? По моему мнению, между Пирумом и Асри-беком на нашем генеалогическом древе должен был кто-то находиться. Но кто?

Подсказка, как это часто бывает, появилась неожиданно, с негаданной стороны. Рафаэл Абрамян попросил своего знакомого, Эльдара Исмаилова, проводившего собственные исследования в Центральном государственном архиве Азербайджанской ССР (ныне Государственный исторический архив Азербайджанской республики — ГИА АР), найти документы, относящиеся к селу Нахичеваник и к Пирумьянам. Удивлению моему не было предела, когда Рафаэл передал мне «Описание Карабахской провинции, составленное в 1823 году Действительным Статским Совет-

²⁶ Там же. Ф. 481, оп. 1, д. 5, л. 2.

²⁷ Там же. Ф. 481, оп. 1, д. 4, л. 3.

ником Могилевским и полковником Ермоловым 2-м»²⁸ и «Дело» Шушинской бекской комиссии».²⁹

«Дело» Шушинской бекской комиссии начато 11 мая 1870 года, по видимому, из-за желания называющего себя сыном Асри-бека жителя села Нахичеваник, прапорщика Михаила Пирумова причислить его род к бекскому сословию. Однако в своем желании он встретил препятствие в лице племянника Асри-бека — Саркисджан-бека Джавадовича. На титульном листе «Дела», после вписанных рукою Эльдара Исмаилова слов: «Дело по прошению...», напечатано: «... (тех. — Ю.П.) из жителей сел. Нахичеваник Шушинского уезда Михаил-бека и Саркисджан-бека Пирумовых о причислении их рода к бекскому сословию». Наверное, аргументы Саркисджан-бека прозвучали для Шушинской бекской комиссии достаточно весомо, если на титульном листе «Дела» значит, что оно было окончено только 29 мая 1872 года.

В этом интересном документе меня ждали важные открытия. Я, волнуясь, перевернул титульный лист. Первые страницы «Дела» занимал «Семейный список наличия членов лиц обоего пола прапорщика Михаил-бека с братьями». Того самого Михаила Пирумова, претендующего на причисление к бекскому сословию. «Список» содержал еще три графы: «сколько лет от роду», «ныне владеет населенным имением» и «прежде владел населенным имением». Он был написан очень мелким почерком и не особенно меня заинтересовал. Тем более что дальше, на листе двойного формата была приведена родословная схема, во главе которой находился «поручик» Асри-бек. Это была ошибка, я уже знал и из надписи на надгробии, и из свидетельства 1820 года, что последний присвоенный ему чин — это чин подпоручика. Но в родословной не было предыдущих представителей рода: Баяндура и Пирума.

А следующие листы содержали «Семейный список, представленный в Шушинскую бекскую комиссию при прошении Саркисджан-бека Джавадбековича Пирумова» (Далее везде «Список...» Саркисджана Пирумова — Ю.П.), выполненный очень четким почерком, в немалой степени стимулирующим его детальное изучение. В этом списке, помимо имен, также были три графы и с теми же названиями.

Под номером один³⁰ по списку шел Манасан-бек, его сыновья, дочери, брат, капитан Шахназар-бек. Это потомки родного брата Асри-бека — Даниэла. Под номером два — двоюродный брат Манасана, сам податель указанного «Списка...» — Саркиджан-бек, сын Джавад-бека и члены его семьи. Под номером три — братья Саркисджан-бека, причем лист 9 кончался братом Саркисджана — Бегляр-беком и некоторыми членами его семьи.

²⁸ ГИА АР. Ф. 24, оп. 1, ед. хран. 141.

²⁹ ГИА АР. Ф. 69, оп. 1, ед. хран. 26.

³⁰ Там же, л. 9.

Открытие ждало меня на оборотном листе.³¹ После оставшихся членов семьи Бегляр-бека, читаю и глазам не верю...

Номер 46, следующий брат: Абисогом-бек — 44 (здесь и ниже цифры после имени обозначают возраст члена семьи, указанный во второй графе «Списка...» Саркисджана Пирумова. — *Ю.П.*); жена его: Далита-ханум — 31; сыновья его: Джавад-бек — 13; Даниэл-бек — 9; Михаил-бек — 7 (эту цифру «переправляет» поперек некий знак в виде латинской буквы «s». — *Ю.П.*); дочери его: Мина-ханум — 5; Майко — 3.

Далее под номером пять указан двоюродный брат Саркисджан-бека — Гараман (Каграман. — *Ю.П.*) с сыновьями, первый из которых — Павел (Погос)-бек. Правда, возраст разобрать невозможно — цифры не видны. А жаль! Это ведь тот самый Погос-бек Пирумян, командир 5-го Карабахского полка в Сардарпатской битве, о котором почти во всех публикациях расходятся даты рождения и смерти, а также почти во всех публикациях упоминается, что Даниэл-бек и он — двоюродные братья. Но из генеалогического древа, составленного когда-то отцом и дядей моего родственника, Ремаля Николаевича Пирумова, было видно, что они — троюродные братья. И сейчас «Список...» Саркисджана Пирумова это подтвердил. Переведа дух, попробую сделать некоторые выводы.

Во-первых, я узнал имя своего прапрадеда. Поскольку автор «Списка...» — Саркисджан-бек «Джавадбекович», то, стало быть, и его родной брат Абисогом — тоже Джавадбекович, по-современному — «Джавадович». Значит, прапрадеда звали Джавад. Пока все в соответствии с имеющимся у меня генеалогическим «древом» на листе ватмана. Очевидно, и старшего сына Абисогома в честь деда назвали Джавадом.

Во-вторых, все упомянутые в «Списке...» Саркисджана Пирумова мужчины — указаны с приставкой «бек», в том числе и мой прадед, Абисогом, которого Улубабян считал просто земледельцем, лишенным бекского достоинства.

В-третьих, я нашел имя своей прабабушки, вернее, если быть справедливым, удостоверился в точности сведений, полученных от Реганы Каграмановны Мирзабековой — внучки мужа Мины-ханум (или просто Мины) от первого брака. Несмотря на не прямое родство, Регана Каграмановна была хорошо осведомлена о некоторых представителях семейного клана Мины, второй жены своего деда. Так, в первую же мою с ней встречу она сказала, что мою прабабушку звали «Дальтой». Имя показалось мне слишком экзотическим, и я тогда не очень-то поверил Регане Каграмановне, зная по опыту своих исследований, как искажаются имена и даты, передаваемые из поколения в поколение. Но «Дальта» и «Далита» — расхождение оказалось минимальным. И в две следующие наши

³¹ Там же, л. 9 об.

встречи я узнал от Реганы Каграмановны еще кое-какие интересные вещи, но об этом несколько позже...

В-четвертых, знаю теперь имена двух братьев и двух сестер моего второго деда, хотя в «Списке...» Саркисджан-бека не упомянут еще один брат — Аршак, родившийся годом позже открытия «Дела...»

В-пятых, узнал годы рождения членов семьи моего прадеда.

Разве этих пяти удач мало, чтобы считать, что в моем генеалогическом поиске произошел перелом — я на пороге открытия!

В «Списке...» Саркисджана Пирумова есть еще две графы. Они заполнены, каждая — одной фразой вертикально.³²

Графа «Ныне владеет населенным имением» заполнена фразой: «Все семейства, которые заключаются в этом семейном списке, пользуются по раздельному акту 1833 года (год смерти Асри-бека. — Ю.Л.) 6 апреля, населенными землями сел. Нахичеваник и другими летними и зимними пастбищными и яйлагными местами».

Графа «Прежде владел населенным имением» заполнена фразой: «Предки всех семейств и членов их, заключающихся в этом семейном списке, владели сел. Нахичеваник Челябинского (бывшего Варандинского) участка».

Переворачиваю лист «Дела...»,³³ ведь «Список...» Саркисджана Пирумова — всего лишь его часть. И вот на следующей странице, точнее, на развернутом листе двойного формата... Ура! Новое открытие!

Лист озаглавлен «Родословная Пирумовых». И начиналась она не с Баяндур, а с... Пирум-бека.

Рядом с именем Пирум-бека красными чернилами была сделана приписка рукою Эльдара Исмаилова: «Получил потомственное бекское достоинство от хана Карабахского Ибрагим Халил-хана (листы 2 и 8)». Но именно этих листов в «Деле ...» и не было.

Ах, господин Исмаилов! Если бы Вы только знали, как я Вам благодарен за найденное «Дело». Но как сожалею, что Вы не взяли листы 2 и 8 с да-той! Как хочется верить, что Пирум получил потомственное бекское достоинство! Понятно, что каждая из двух представленных в «Деле...»³⁴ сторон, и прапорщик Михаил Пирумов, и Саркисджан Пирумов, представила этот документ. Потому-то он и на двух листах: 2 и 8. Теперь придется ориентироваться на годы правления Ибрагим Халил-хана — 1760 — 1806 годы (с перерывом в 1797 году). Когда же Пирум получил потомственное бекское достоинство?

Следующим после Пирума в «Родословной...» был выведен некто Газарбек. А в качестве его сыновей фигурировали... Асри-бек, Даниэл-бек (не

³² Там же, л. 9.

³³ Там же, л. 10 об.—11.

³⁴ ГИА АР. Ф. 69, оп. 1, ед. хр. 26.

путать с моим дедом), Джавад-бек (мой прапрадед) и Гусейн-бек — дед Погос-бека Пирумяна — троюродного брата Даниэл-бека, моего деда.

А ведь имя «Газар» фигурировало в схеме Сергея Яковлевича Исраэляна. Только по этой схеме Газар был одним из сыновей Асри-бека. Но оказывается, все наоборот: Асри-бек — сын Газара. Вот оно, звено, которого мне так не хватало в генеалогической схеме.

Но можно ли верить Саркисджану Пирумову? Ведь когда он представлял эти данные в Шушинскую бекскую комиссию, им владело желание воспрепятствовать прапорщику Михаилу Пирумову в получении подтверждения комиссией его бекского достоинства.

Мне кажется, что и «Семейному списку», и «Родословной Пирумовых», представленным Саркисджаном Пирумовым в Шушинскую бекскую Комиссию, можно доверять. Ибо он, оказывается, не оспаривал аналогичные документы, представленные прапорщиком Михаилом Пирумовым, а только утверждал незаконность рождения последнего. Аргументы свои Саркисджан изложил на двух листах, оформив как «Объявление» (сегодня его назвали бы «Заявлением»):

«Господину Председателю
Шушинской бекской комиссии
Жителя сел. Нахичеваник
Челябуртского Участка
Саркисджана Джавадбековича Пирумова

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Имея в виду, что права нашей фамилии должны быть рассматриваемы во вверенной Вам Комиссии, по просьбе прапорщика Михаила, основываясь на представленные права ими, а после него мною 28 мая текущего года на бекское происхождение нашего рода; а так как названный Михаил прежде меня представил родословную и семейный список, следовательно, при очередном рассмотрении может случиться некоторое заблуждение, относительно происхождения их с нашим семейством от родоначальника нашего Пирум-бека. А потому считаю необходимым довести до сведения Вашего Высокородия, что хотя прапорщик Михаил и братья его: Исай, Пирум, Аллаверди, Балас и Бабы в представленной Михаилом родословной и семейном списке называют себя законными сыновьями дяди моего Асри-бека, это совершенно несправедливо, ибо они родились от наложницы дяди нашего Асри-бека Пирумова, которая называлась Малакой и была дочь Бабаева из деревни Катикли и умерла даже при жизни Асри-бека. Это могут удостоверить не то, что все члены вверенной Вам Комиссии, даже все жители Шушинского уезда, ибо это явный факт и известен всем.

Законная жена дяди нашего Асри-бека была Етар-Ханум дочь Аниева из дер. Гюльятаг и умерла в 1856 году. От законной жены Асри-бека родились законный сын его прапорщик Иосиф-бек, умерший без детей и две дочери его: Теллу-Ханум и Герикна-Ханум, также умершие, но они имеют детей.

А потому покорнейше прошу Ваше Высочество при рассмотрении прав нашей фамилии иметь в виду выше объясненные обстоятельства и по удостоверении о их незаконности поступить с ними по закону. Саркисджан-бек Джавадбекович Пирумов.

16 июня 1870 г.
г. Шуша». ³⁵

По-видимому, аргументы Саркисджана Пирумова в конце концов в 1872 году были отвергнуты Шушинской бекской комиссией, так как, например, два внука Асри-бека (сыновья его «незаконного» сына, Пирума) Николай и Маркос, в разное время, но получили свидетельства о причислении их к дворянскому сословию.

Думаю, что Шушинская бекская комиссия поступила правильно, уравняв в правах всех потомков Асри-бека, законных и незаконных. Ведь незаконные не были виноваты в том, что рождены от наложницы. А за то, что Асри-бек не был ангелом, несмотря на свое доблестное поведение во время сражений, не нам его судить.

Сейчас важнее то, что «Родословные» его законных и незаконных потомков не упоминают в качестве родоначальника Баяндур. Этот фактстораживает. Тут же всплыли в памяти все сомнения, которые мы с Рафаэлом Абрамяном высказывали в нашей совместной статье. Уж не являются ли все уважаемые авторы публикаций о Даниэл-беке, так же как и мои родственники — составители генеалогического древа, жертвами ошибок Раффи, невольно допущенных им в ходе сбора материалов о Карабахе?! Да, и Баяндур-Пайинтур, и Асри-бек Пирумов — исторически реальные лица. Но в их биографиях много неясного и запутанного. И действительно ли между ними существует приписываемая им Раффи и другими исследователями родственная связь?

Наши сомнения с Рафаэлом только усилились, когда от японского историка Хиротаке Маеда, специализирующегося на изучении участия кавказцев в истории Ирана эпохи Сефевидов, мой соавтор получил экземпляр книги Галуста Шермазаняна «Материалы для национальной истории. Видные армяне Персии». Тридцать третья глава этой книги называлась «Асри-бек Багатурянц». Некоторые основные для меня места этой главы Рафаэл перевел сам, но полностью главу перевел и отпечатал

³⁵ Там же, л. 14 и 14 об.

Эмануил Долбакян, несмотря на то что он в это время лежал в больнице. К сожалению, автор не приводит ни одной даты, что затрудняет анализ, но уже сама фамилия «Багатурянц» заставляет думать, что речь идет как раз о потомке Баяндур.

Исследуя текст по кусочкам, попробую разобраться в неожиданно найденном новом материале об Асри-беке, но уже с фамилией «Багатурянц».

Вот начало тридцать третьей главы: «Асри-бек был карабахец и родился он в крепости Джраберд или в деревне Мохратаг или Ксапат и потому некоторые его называли Джрабердци, а другие — Ксапатци. Его деды и отец были преданными и храбрыми соратниками Джрабердских Меликов, и когда Гандзакская крепость была осаждена (смешанными русско-грузинско-тюркско-лезгинскими войсками. — Ю.П.), и погибает мелик Меджлум (в 1796 году. — Ю.П.), владелец Джраберда, Асри-бек видит, что его сын, мелик Адам, юн и неопытен и что его враги, вассалы карабахского Ибрагим-Халил-хана, захотели лишить его меликства...(Асри-бек. — Ю.П.) с несколькими молодыми людьми принимает решение покинуть свои наследные владения и мигрирует в Старый Нахичеван, к заклятому врагу карабахского Ибрагим-Халил-хана, Кеалб-Али-хану...»³⁶

По Раффи, единственного сына мелика Меджлума звали Атам II. Он умер в молодом возрасте, а его дочь Саар-наз вышла замуж за Саи-бека, сына нахичеванского Асри-бека (подчеркнуто мною. — Ю.П.).³⁷ Не о том ли самом Асри-беке Багатурянце в данном случае идет речь?

Затем Асри-бек Багатурянц становится во главе отряда из 150 всадников и совершает набеги на деревни, принадлежавшие карабахскому Ибрагим-Халил-хану. Вскоре он женится на дочери Саркис-аги по имени Лили.

Тут явное расхождение с биографией Асри-бека Пирумова, законную жену которого звали Етар-ханум, а «незаконную» — Малакой («Список...» Саркисджана Пирумова).

В 1797 — 1799 или 1797 — 1800 годы (в тексте точной даты нет, приходится ее «высчитывать», сопоставляя известные исторические факты. — Ю.П.) Асри-беку с помощью смешанного отряда в 300 человек (150 армян и 150 персов) удается уладить сложный внутриплеменной конфликт в Совух-Булахе, благодаря чему он становится известен молодому шахзаде Аббас-Мирзе, оценившему его способности. Асри-бек Багатурянц понравился Аббас-Мирзе. Он начинает поручать Асри-беку и другие дела и записывает его в свои личные гулямы.

Далее автор книги, Галуст Шермазанян, пишет, что был лично знаком с Асри-беком Багатурянцем и помнит его рассказы о службе у Аббас-Мирзы.

³⁶ Шермазанян Г. Материалы для национальной истории. Видные армяне Персии. Ростов-на-Дону: Типография Ована Тер-Абрамяна, 1890 (на арм. яз.).

³⁷ Раффи. Указ. соч. С. 111.

Какое-то пересечение этого периода с периодом, описанным Раффи, о том, как был приближен Асри-бек к Аббас-Мирзе, конечно, есть, но очень отдаленное. И пока нет и намека на переход Асри-бека Багатуриянца к русским. Более того, в главе сразу описан период персидско-турецкой войны 1820 — 1821 годов, когда Асри-бек Багатуриянец, возглавляя конный отряд из армян, воюет на стороне персов. Но вспомним, что в 1819 — 1820 годы Асри-бек Пирумов участвовал в войне на стороне русских, под командованием князя Мадатова против горских народов Северного Кавказа. Не мог же один и тот же человек сражаться то на стороне русских — противников персов, то на стороне персов — противников турок.

Сложность для анализа представляют и дальнейшие события, описанные Галустом Шермазаняном. После окончания персидско-турецкой войны Асри-бек Багатуриянец берет отпуск у Аббас-Мирзы и отправляется в Шушу, чтобы вернуть свои наследные владения, розданные Мехти Кули-ханом, наследовавшим Ибрагим Халил-хану. После бегства Мехти Кули-хана в Персию, Асри-бек хотел вернуться в Нахичеван, но в 1826 году началась новая Русско-персидская война, и Аббас-Мирза осадил Шушу, в которой застрял Асри-бек Багатуриянец вместе со своей семьей. Вот тут-то, на мой взгляд, и возникает эпизод, позволяющий считать, что Асри-бек изменил Аббас-Мирзе и перешел на сторону русских — основополагающий поступок, по версии Раффи. Асри-бек ползком выбирается из осажденной Шуши. И, благополучно миновав занятые персами местности, отправляется с письмом коменданта Шуши, полковника Реута, к русским. Но почему-то не к Мадатову, находящемуся в Елисаветполе, а в Тифлис — к самому Ермолову. По дороге он нанимает проводника и, очевидно, вместе с ним добирается до Тифлиса.

Может быть, этот эпизод и стал основанием для «биографов» князя Мадатова и для Раффи, чтобы написать, что к Мадатову от Аббас-Мирзы явились два армянина? Да, возможно, «два армянина» и явились, но получается, что не от Аббас-Мирзы, а из осажденной крепости Шуши, и не к Мадатову в Карабах, а к Ермолову в Тифлис.

Тогда непонятно, для чего Асри-бек Багатуриянец рисковал своей жизнью, доставляя письмо Ермолову. Ведь дополнительных войск для снятия осады с Шуши генерал выделить не мог, а участь Шуши и весь исход войны в пользу русских решились в результате их победы под Шамхором, а затем и под Гандзаком, благодаря недюжинным военным способностям князя Мадатова.

Как бы то ни было, но за свой героический поступок Асри-бек Багатуриянец получает чин прапорщика (Асри-бек Пирумов уже в 1820 году — подпоручик, правда, без жалования).

Возвратившись с письмом от Ермолова в Шушу, Асри-бек Багатуриянец через некоторое время умирает, оставив после себя единственного сына

Аствацатура (Алаверди, впоследствии — Богдан) и трех дочерей. Между тем известно, что у Асри-бека Пирумова был только один «законный» сын — Иосиф и две дочери. О «незаконных» детях уж и не говорю.

Между двумя авторами, описывающими жизнь человека с одинаковым именем, явные расхождения. Книга Раффи «Меликства Хамсы» издана в 1882 году, а книга Галуста Шермазаняна «Материалы для национальной истории. Видные армяне Персии» — позже, в 1890 году. И если первый автор для написания своей книги предпринял путешествие в Карабах и собрал там документы и устные рассказы местных жителей, то второй выступает как очевидец, лично знавший Асри-бека. Не случайно в конце тридцать третьей главы Галуст Шермазанян пишет в сноске: «Именуемый себя Раффи, который в 1882 г. в Тифлисе издал книгу «Меликства Хамсы»: все, что он пишет на стр. 349 — 353 об Асри-беке, все мифы, никакими источниками он не пользовался и не был современником, посему все это надуманные произведения (романчики)».

Оценка достаточно категоричная. Я же, со своей стороны, больше склоняюсь к тому, что Раффи при описании жизни Асри-бека в основном опирался не на письменные источники, а на устные рассказы местных жителей, в сознании которых переплелись общие детали биографии обоих носителей этого имени: и Пирумова, и Багатурянца. В результате получился некий собирательный героический образ, который очень заманчиво было соотнести со знаменитым предком — сподвижником Давид-бека.

Следующий шаг исследователей был вполне логичен. Имелся героический литературный Асри-бек, внук Баяндур, и имелся реальный Асри-бек, умерший в 1833 году и похороненный на кладбище деревни Нахичеваник. Оставалось идентифицировать одного с другим под указанной на надгробии фамилией. Такой логикой, наверное, и руководствовались и С.Я. Израэлян, и мои дальние родственники, и Б.А. Улубабян. Но если изыскания С.Я. Израэляна и упомянутых выше представителей моего рода остались «для внутреннего употребления», то роман Б.А. Улубабяна, «Сардарпат», разошелся по Армении большим тиражом и стал источником генеалогической информации.

Что же в сухом остатке? Выскажу свое мнение. Жаль, конечно, отказываться от такого героического, исторически достоверного родоначальника, каким, несомненно, являлся сподвижник Давид-бека, Баяндур-ишхан. Но пока что аргументы в пользу прямой родственной связи с ним Асри-бека Пирумова сомнительны. А вот аргументы за то, чтобы считать своим родоначальником Пирума, пусть и не совершившего громких подвигов, в числе его потомков — Газара и сыновей Газара — храброго, реально-го Асри-бека, принявшего фамилию Пирумов, и его родного брата Джавада, ставшего дедом Даниэл-бека, кажутся мне весомыми и опирающимися на хоть и немногочисленные, но *подлинные* архивные документы.

Остается только порадоваться, что их малой родиной стала деревня Нахичеваник в Карабахе, в которой родился и провел, как я думаю, детские и юношеские годы мой главный герой.

А деревня Храморт, о существовании которой, как и о человеке по имени Асри-бек Пирумов, я впервые узнал из книги В.А. Потто, существует и поныне, севернее от родины Даниэл-бека. Но, к сожалению, во время моего приезда в Карабах, о чем я подробно расскажу в следующей главе, я смог повидать только деревню Нахичеваник. А вот до деревни Храморт я не доехал, а жаль. Мне хотелось увидеть и деревню, и «дальние высоты», с которых «взирал с сокрушением» Асри-бек и где более двухсот лет назад происходили события, описанные в книге В.А. Потто. Этим местам не повезло и в конце двадцатого века. Но уровень вооружения воюющих сторон был гораздо выше, чем во времена Асри-бека, и счастье еще, что деревня осталась не стертой с карты, ведь здесь шли интенсивные бои. Приведу для иллюстрации слова директора храмортской средней школы Армо Мкртчяна в беседе с корреспондентом Донарой Багирян, опубликованной в журнале «Арцах»:

«В годы вооруженного противостояния между Нагорным Карабахом и Азербайджаном село Храморт подвергалось регулярному артобстрелу со стороны города Агдам. 1 января 1992 года из Агдама было совершено нападение на деревню. В этот день было сожжено 40 домов и убито 12 жителей преклонного возраста. На следующий день деревня была освобождена, однако в конце января — начале февраля она вновь была оккупирована азербайджанцами и почти полтора года находилась под их контролем. В селе почти не осталось домов. В июле 1993 года Храморт был освобожден подразделениями Армии обороны НКР».³⁸

Как удержаться и не сказать, может быть, банальные слова о передаче воли к свободе и независимости от предков к потомкам. Кстати, если уж говорить о потомках поколения Асри-бека в широком плане, то в один из моих приездов в Ереван Меджи Богдановна Пирумова подарила мне фотографию, где, по ее мнению, запечатлены Пирумяны, проживавшие в Карабахе в начале XX века.

Вдруг кто-нибудь из читателей, сличив ее с фотографиями, имеющимися в семейном архиве, обнаружит своих родственников?! Тогда я буду считать, что не зря поместил ее в свою книгу, и вообще — не зря написал эту главу.

В результате вышеприведенных генеалогических рассуждений подтвердилась та часть «ватмановской» схемы Ремаля Николаевича, которая относится к нашим двум «ветвям». Меджи Богдановна и Ремаль Николаевич, между собой двоюродные брат и сестра, являются по отношению ко

³⁸ Арцах. 2007. № 3 — 4. С. 34.

Пирумяны с. Нахичеваник (1920-е годы)

мне пятиюродными братом и сестрой, потому что наши прапрадеды, соответственно Асри-бек и Джавад, — родные братья.

Соблазнительно, конечно, заканчивая эту главу, представить всю линию Даниэл-бека от Пирума, но я несколько повременю с этим, покажу ее позже и даже затрону поколения, следующие за моим дедом. А пока поведу речь о Пируме.

Итак, Пирум получил потомственное бекское достоинство от Ибрагим Халил-хана карабахского, правившего с 1760 по 1806 годы. Эльдар Исмаилов в своем исследовании «Правители Азербайджана»³⁹ писал, что хан правил с перерывами (при этом приводит только один перерыв — в 1797 году), но для моих рассуждений это роли не играет. Я попробую высчитать годы рождения Пирума, отталкиваясь от предположения, что хан с первых же лет своего правления должен был опираться на местных землевладельцев, а значит, к началу 1760-х годов Пируму было никак не меньше 25 — 30 лет, он был зрелым человеком, способным обосноваться на новом месте. Скорее всего, именно в этом возрасте Пирум и получил бекское достоинство. У меня получается в результате, что он мог родиться приблизительно в 1730 — 1740-х годах.

³⁹ Исмаилов Э.Э. Правители Азербайджана. (Хронологические и родословные таблицы.) Баку, 1998.

И Пирум, и Газар не носили никаких фамилий, что было распространенным явлением среди жителей Кавказа до его покорения русскими. Но вот Асри-бек уже не просто Асри-бек, а Асри-бек Пирумов, он явно взял фамилию по имени своего деда, о чем я уже писал. Но откуда у деда Асри-бека взялось такое имя, которое в школьные годы почему-то прилипло ко мне в качестве прозвища?

Когда-то некоторые из знакомых в Армении уверяли меня, что имя Пирум происходит то ли от древнеперсидского слова «пир» или «пфир» — слон, то ли от другого корня, обозначающего «образование», «образованный человек». Но мне хотелось некоего документального подтверждения какой-либо из версий.

Опять помог Рафаэл Абрамян, мой неизменный проводник по лабиринтам генеалогической науки. В его домашней библиотеке нашлась книга Рачья Ачаряна «Словарь армянских имен», из которой Рафаэл и перевел мне нужный фрагмент:

«Пирум — мужское имя, производное от персидского слова «пир» (старец, святой) и турецкого слова «ум», что вместе означает «мой святой». Отсюда армянская фамилия Пирумянц. Первое упоминание имени Пирум относится к 1512 году, затем оно упоминается в 1555 году, в 1580, в 1611 и 1634 годах. Это же имя встречается в форме «Пирим» в одной недатированной эпиграфической надписи».⁴⁰

Я уже рассказывал, что все детство и юность ощущал себя обособленно, не таким, как другие. И в этом в немалой степени была «виновата» моя редкая фамилия. Но со времени, когда я начал интересоваться своей генеалогией, ко мне потоком хлынула информация о множестве Пирумовых и Пирумянов. С некоторыми я познакомился лично, с некоторыми вступил в длительную переписку. Большинство оказалось однофамильцами, происхождение которых было темно для них самих. А мне, выходит, просто повезло, что я знаю свои корни с отцовской стороны. А поскольку Пирум поселился в карабахской деревне Нахичеваник, могу с определенностью и гордостью утверждать про нашу «ветвь» рода Пирумянов: «Мы из Карабаха!»

⁴⁰ Ачарян Р.А. Словарь армянских имен. Алеппо: Киликия, 2006. Т. 5. С. 209 (на арм. яз).

Глава 3

КАРАБАХ. ДЕРЕВНЯ НАХИЧЕВАНИК. ДОМ И СЕМЬЯ

Мне довелось вместе с моей женой, Наташей, побывать в Карабахе и в деревне Нахичеваник в памятном для меня 1998 году, когда по приглашению Правительства Республики Армении мы приехали на празднование 80-летия Сардарapatской битвы и провозглашения государственной независимости.

Визит получился кратким, всего на один день. А в нашей родовой деревне мы пробыли и вовсе не более трех часов и, конечно, кроме небольшого «пятачка» в центре, дома бабушки и кладбища больше ничего не успели увидеть.

Но много ли я знал о Карабахе до этой поездки? Почти ничего, если не считать участия в московском армянском общественном движении конца 80-х — начала 90-х годов XX века, у которого был лозунг — «миацум» (по-армянски — «объединение», «воссоединение»), а также сведений из книги «Нагорный Карабах».¹ Из нее я узнал, что за свою многовековую историю Карабах поменял множество названий: в урартских клинописях — Уртехе-Уртехини, отсюда армянское Арцах, у античных греческих авторов — Орхистена, отражающее название Арцах.

Именовали этот край и по-другому. Раннесредневековые источники фиксируют два его других названия, связанных с перемещением центра административного образования, — Цавдек (Цавдекское княжество) и Хачен — от крепости Хачен, служившей резиденцией армянских князей из рода Араншахиков.

Последнее название пользовалось особенной популярностью в X — XIII веках и фигурировало не только в многочисленных памятниках эпиграфики Карабаха, но и в византийской и персидской номенклатуре. Это было связано с тем, что коренными обитателями края были именно армяне (по-армянски «хач» — крест). Слово «хач» прижилось в православных странах (в Византии, Грузии, России), а за армянами закрепился соответствующий термин, близкий армянскому «хачецары» (по-гречески «хачинцариой», по-грузински «хачецарни», по-русски «хандзири»). В литературе можно встретить еще два названия Арцаха — Малый Сюник и Малая Армения.

¹ Нагорный Карабах (историческая справка). Ереван: АН Арм. ССР, 1988. 94 с.

И только с XIV века название «Карабах» впервые появляется в исторических первоисточниках: в сочинении «Грузинского хронографа» и у персидского историка Хамдаллаха Казвини. Оно отражено и в персидской географической номенклатуре: в отличие от равнинной части, именуемой Баг-и-Сафид (Белый сад), горная часть края стала называться Баг-и-сиах, что в тюркоязычном осмыслении превратилось в Карабах (Черный сад).

В 1813 году, в результате победоносной войны, к России отошли бывшие вассальные персидские ханства: Карабахское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское и Талышинское.

Часть этих территорий с 1868 года вошла в Елисаветпольскую губернию с центром в городе Елисаветполе (бывшая крепость Ганджа, взятая штурмом русскими войсками в 1804 году), названном так в 1804 году в честь императрицы Елизаветы Алексеевны, жены императора Александра I.

В настоящее время на части территории этой бывшей губернии образована независимая Нагорно-Карабахская республика (НКР), состоящая из Аскеранского, Гадрутского, Мардакертского, Мартунинского, Шаумянского и Шушинского районов со столицей в Степанакерте (Аскеранский район).² Недалеко от столицы, километрах в десяти находится малая родина Даниэл-бека — деревня Нахичеваник.

Живя в Москве, я, тем не менее, внимательно следил за событиями в Карабахе. Особенно после того, как мы с Арсеном еще в 90-е годы XX века достали крупномасштабную карту Карабаха с населенными пунктами на армянском языке. Перевели (говоря «перевели», невольно искажаю действительность — переводил Арсен) названия этих пунктов на русский, напечатали их на отдельных бумажках, заклеили ими армянские, сделали ксерокопию и получили прекрасную карту Карабаха на русском языке. Для меня, не знающего армянский язык, это оказалось отличным способом быть в курсе локальных событий. Я не отрывал взгляда от дедушкиной деревни, так как она находилась в непосредственной близости от границы с Азербайджаном на территории бывшего Варандского меликства, владельцами которого, напомним, были предки Арсена — Мелик-Шахназаровы.

Вот что он сам писал об этой области Карабаха в своей недавней статье:³

«Варанда, или Варандское меликство, — одна из исторических областей Арцаха, расположенная в юго-восточной части Малого Кавказа, в южной части Карабахского хребта. Будучи понятием не географическим, а скорее историко-политическим, Варанда являла собой с первой половины XVIII века самостоятельное феодальное княжество — меликство, находившееся в вассальной зависимости от шахской Персии. Варанда и еще четыре подобных ей княжества-меликства составляли «Хамсу», или «пятери-

² Шаумянский район и часть Мардакертского и Мартунинского районов до сих пор незаконно оккупированы армией Азербайджанской республики.

³ *Мелик-Шахназаров А.А.* Варанда — сердце Арцаха // Анив. 2006. № 6 (9). С. 27.

цу», — союз пяти меликств этой части Арцаха, именуемый по-армянски «Хамсаи меликутьюн» («меликства Хамсы»).

На следующей странице Арсен пишет: «Если посмотреть на современную карту (может быть, он при этом вспомнил и нашу полусамодельную карту?!), станет ясно, что Варанда охватывала территории современных Мартунинского и Шушинского районов, почти половину Аскеранского, северную часть Гадрутского района НКР и часть Бердзорского (бывшего Лачинского) района Нагорного Карабаха — в общей сложности, никак не менее 1500 кв. км. Это и сегодня наиболее плотно заселенная часть Нагорного Карабаха. По сравнению с другими зонами края здесь и в прошлом, и теперь больше всего населенных пунктов, включая старую и современную столицы Нагорного Карабаха — города Шуши и Степанакерт.

Интересно также, что в годы многочисленных войн и нашествий Варанда в целом менее других районов Нагорного Карабаха подвергалась оккупации и разрушению неприятелем. Многие сельские поселения края веками не знали разрушений и пожарищ. Так было в годы агрессии новообразованного Азербайджана и его турецких покровителей (1918 — 1920 гг.) — речь, конечно, не идет о сожженной столице края Шуше и ее окрестностях, а о территории Варанды в целом. Так было и в годы войны за независимость (1991 — 1994 гг.), когда лишь 5-6 окраинных сел Аскеранского района, соседних с мощной Агдамской азербайджанской военной базой, на короткое время перешли под контроль противника».

Арсен знал, что писал. Эти места во время карабахских событий 90-х годов XX века попадали в полосу интенсивных боев, и до меня доходили известия, что наша деревня подверглась сильному обстрелу со стороны азербайджанской армии. Я думал, что мне уже никогда не удастся увидеть дом, где жил дедушка. И вздохнул с облегчением, когда кто-то из активистов «Московской армянской общины» показал мне газету «Эпоха», в которой была опубликована статья «Пусть Родина полюбит их так, как они ее любят».⁴ Свидетельства командира отряда самообороны «Сурмалу» Артура Хачатряна и начальника штаба Артура Маргаряна меня успокоили: «...В мае этого года (то есть, в 1992 году. — Ю.П.) мы обороняли рубеж на линии Нахичеваник-Пирджамал Аскеранского района. Наши посты находились в селе Нахичеваник, родине Даниэл-бека Пирумова, героя Сардарпатской битвы. Тогда в селе еще сохранился его дом...»

Некоторые сведения я почерпнул из известной книги Шагена Мкртчяна «Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха».⁵

Эту книгу 1 мая 1991 года мне подарил Б.А. Улубаян, снабдив такой надписью: «Дорогой Юрий Леонович! Будьте здоровы и продолжайте

⁴ Сарфарян А. «Пусть Родина полюбит их так, как они ее любят». Эпоха. 1992. 3 дек.

⁵ Мкртчян Ш.М. Историко-архитектурные памятники Нагорного Карабаха. Ереван: Айастан, 1988. 360 с.

славный путь Пирумянов». С тех пор я часто в нее заглядываю и вот что вычитал, в частности, в разделе «Памятники окрестности Нахичеваника»:⁶ «На территории деревни Нахичеваник находится скала-крепость Хашха (видимая). Здесь заметны следы древних оборонительных сооружений, наблюдательных пунктов оповестительной системы. Отсюда как на ладони видна знаменитая крепость поселок Караглух-Шикакар на левой стороне, Мец наатак — на правой, Шушинская крепость — на юго-западной стороне. А впереди раскинулась Арцахская долина. Роль наблюдательно-оповещательного пункта сыграло и небольшое укрепление Ихтыл-хаз, расположенное на холме Чахмах между деревнями Нахичеваник и Пирджамал.

В 4 километрах от деревень Нахичеваник и Пирджамал раскинулось селище Вардер. Сохранились церковь, кладбище, хачкары с надписями XII — XIII веков и надгробные плиты. В деревне Пирджамал находятся церковь Сурб Аствацацин и древнее кладбище, где похоронены деды героев Сардарapatской битвы 1918 года — Даниэл-бека и Погос-бека Пирумянов. В 5 километрах к западу от Пирджамал находится святыня Спитак кар, а в 4 километрах к северу от него — Нахатак.

На территории деревень Нахичеваник и Пирджамал сохранилось скальное жилище Кост Прак и скальное укрытие Цак Кар у родника Газан».

Мне удалось подробнее узнать о демографическом и социальном прошлом деревни Нахичеваник из уже упоминавшегося документа. Это «Описание Карабагской провинции, составленное в 1823 году Действительным Статским Советником Могилевским и Полковником Ермоловым 2-м».⁷ А в нем — «Ведомость доходам с деревень карабагского магала Чилабюрт, с показанием числа семейств, платящих и неплатящих; также сколько с какой деревни собиралось в пользу Хана окладных податей, должествующих ныне поступать в казну, и с объяснением — какие из сих деревень, состоя под управлением магального мелика, обязаны платить все доходы Хану или теперь казне, и из каких часть оных предоставлена в пользу других лиц».

В этой «Ведомости...» в графе «Звание деревень» написано, что «армянская деревня Нахичеваник — имение Асри-бека, и в ней платящих 17 дымов; не платящих: Асри-бека 1 дым, его речбаров 5 дымов, нукеров 3 дыма, катерщика 1 дым, садовников 2 дыма, бедных 3 дыма, священников 2 дыма, чауши или десятника 1 дым, цырюльника 1 дым. Итого число семейств неплатящих 19».

Графа так называемых «Окладных податей» и графа «Итого всего» изобилуют «денежными» подробностями, поэтому я решил сразу перейти к графе «Кем управляется и кому принадлежит». В ней указано: «Управ-

⁶ Там же. С. 150 — 151.

⁷ ГИА АР. Ф. 24, оп. 1, ед. хран. 141.

ляется Асри-беком». А в «Примечании»: «Прочие все повинности отбывают Асри-беку».

Эта «Ведомость...» наглядно доказывает, что еще в 1823 году деревня Нахичеваник была нашим родовым гнездом, а Асри-бек был, по-видимому, самым главным в большой семье Пирумянов, и потому именно он управлял всем именем.

Время шло, и к концу XIX века деревня заметно разрослась: 36 «платящих» и «неплатящих дымов» превратились в две сотни домов, а распределение земельных угодий, похоже, не претерпело серьезных изменений, и Пирумяны продолжали владеть значительной их частью. В статье Нвард Согомонян «Нахичеваник: никто не покидает село и не возвращается», опубликованной в газете «Азат-Арцах», я вычитал:

«...согласно данным, изложенным в книге Макара Бархударянца «Арцах» (изданной в 1895 г.), «село раскинулось на восточном склоне горы Агве, жители — эмигранты из старого Нахичевана, **земля бекская** (выделено мною. — Ю.П.), наполовину орошаемая, климат смешанный, вода чистая, домов 193, мужчин 618, женщин 521».⁸

В XX веке население деревни уменьшилось. Война, революция, этнические междоусобицы... Выходец из Нахичеваника, мой московский знакомый, Самвел Михайлович Мирзоян (к сожалению, недавно скончавшийся), в 2006 году рассказывал мне, что в недавнем прошлом в деревне проживало около 400 человек в 56 домах и что он еще лет шесть назад по памяти составил список семей, населявших деревню.

Мне хочется перечислить все фамилии из этого списка, потому что, несмотря на те невзгоды, которые выпали на долю жителей Нахичеваника, они продолжают жить на родной земле, заботиться о ней и растить здесь своих детей.

1. Агабекияны
2. Амбарцумяны
3. Арустамяны
4. Арутюняны
5. Асрияны (среди них библиотекарь Арамаис)
6. Ашияны
7. Балаяны (среди них 96-летний Арутюн)
8. Ванаяны
9. Вердияны
10. Габриэляны
11. Григоряны
12. Даниэляны
13. Егияны
14. Закаряны

⁸ Азат-Арцах. 2009. 11 дек.

15. Исфаэляны
16. Карамяны
17. Метлумяны
18. Саакяны
19. Саямяны
20. Саркисяны
21. Саруханяны (семья бывшего учителя математики Эрнеста Михайловича)
22. Цатуряны
23. Цахгеляны
24. Мирзояны
25. Пирумяны

В своей статье Нвард Согомонян рассказала и о том, как сегодня живут в родной деревне Даниэл-бека:

«Село Нахичеваник в целом производит хорошее впечатление, хотя есть еще разрушенные и пустые дома. У общины богатая история, она дала обществу известных людей. Сельчане, и не только они, с гордостью произносят имена братьев Даниел-Бека и Погос-Бека Пирумянов — героев Сардарapatской битвы. Дом Пирумянов стоит, но он разрушен, а до 60-х годов была цела и конюшня. На мой вопрос, есть ли в селе музей, последовал ответ: хотим превратить в музей дом Пирумянов.

Жители Нахичеваника трудолюбивы. Ежедневно они пешком преодолевают семь километров, чтобы заняться работами на полях в низменной зоне. Трудолюбие взрослых передается и детям, которых с малых лет приучают к труду. По словам заместителя директора школы Галины Межлумян, по сравнению с советским периодом успеваемость учеников заметно уступает, но трудолюбия им не занимать.

До Карабахского движения в селе было 120 семей с 472 жителями, сегодня — 72 семьи с 243 жителями. Глава сельской общины Анатолий Саакян представил такую картину: «Село никто не покидает и не возвращается. В последние годы рост населения незначителен. К примеру, в 2009 г. в селе родились всего 6 детей». Молодежь привязана к селу. Глава общины отметил, что пока не решен вопрос организации досуга молодежи. Построенное в 1990 г. здание клуба азербайджанцы сожгли, остались только стены. Правда, на повестке дня стоит ремонт здания. Инвентарь для клуба уже приобретен. Жители Нахичеваника реалисты, не любят приукрашивать жизнь. В селе имелась вода, но во время войны водопровод был разрушен. В 2007 г. из Вазгенашена был проложен 15-километровый водопровод, но из-за небольшого объема воды село ежедневно получает ее лишь на час. Проложенный в советские годы водопровод уже отремонтирован на госбюджетные средства и через 2-3 месяца вступит в строй. С прилегающей к Аскерану территории вода через насосную станцию бу-

дет подаваться в Нахичеваник и Вардадзор. Разрешится и вопрос орошения. В преддверии нового года орошаемыми станут 400 га земель. Село полностью газифицировано. Линии электропередач отремонтированы на государственные средства. Актуальным остается ремонт дорог — как внутрисельских, так и ведущих в райцентр. Поскольку село включено в программу заселения, на средства государства построено 6 домов (5 уже заселены), а также один дом для многодетной семьи, отремонтировано 3 дома: для семей погибшего воина-освободителя, участника войны и инвалида. За последние 5-6 лет Фондом армянской помощи отремонтированы 21 дом и медпункт. Тем не менее, проблема ремонта домов не снята с повестки дня.

В селе основным занятием являлись животноводство и земледелие, но в последние годы добавилось садоводство (виноград и гранат). Большое внимание уделяется созданию гранатовых садов. Забегая вперед, скажем, что в населенных пунктах сельчане связывают оживление экономической жизни с энергичной деятельностью нового руководства районной администрации.

Лицо села — школа. Там, где заканчиваются дома общины, на возвышенном склоне, между Нахичеваником и Вардадзором, располагается школа, построенная в 1974 году. Здесь учатся 57 учеников: 3 из Варазбуна и поровну из Вардадзора и Нахичеваника. В самом большом классе 9 учеников. С директором встретиться не удалось: уехала в Аскеран на открытый урок. Варя Арамян — известный педагог, с 1980 г. — завуч, с 1990 г. — директор. Слушая слова похвалы в ее адрес со стороны коллег, я не удивилась, потому как четыре года дружили и учились с ней в одном из ереванских вузов. Глубокие и прочные знания, творческая натура, трудолюбивая, организованная и серьезная личность — такова характеристика Вари. В школе преподают 22 учителя, т.е. специалистами она полностью обеспечена. В годы войны школа размещалась в степанакертском квартале Ачапняк (два года), а в сентябре 1994 г. в Нахичеванике вновь прозвенел школьный звонок. Вначале число учащихся составляло 50, затем достигло 84 и снова сократилось. В 1994 г. при содействии Всеармянского фонда «Айастан» было отремонтировано одно крыло школьного здания, приобретен кое-какой инвентарь. В последнее время ежегодно проводится текущий ремонт. По словам учителя физкультуры Шагена Манасяна, в школе есть все возможности и условия для проведения уроков физкультуры и спортивных мероприятий: три года назад усилиями властей республики капитально был отремонтирован разрушенный спортзал. Разрешен вопрос питьевой воды: раньше дети приносили с собой воду в бутылках. Материально-техническая база школы слабая. Классов много, а оборудованных лабораторий нет. В школе есть библиотека, но основную часть книжного фонда составляет спецлитература. Книжных полок нет, и книги

разложены на полу. Хотя построена газовая котельная, но по сей день она не действует, классы продолжают отапливать дровяными печами. Направляемся к сельской площади, чтобы встретиться и поговорить с жителями. Идем по неблагоустроенным, но чистым улицам. Заселенные дома радуют глаз. Приусадебные участки обработаны, дворы чистые и ухоженные... Сельские поля и сады Нахичеваника находились на границе с азербайджанскими населенными пунктами. 12 июня 1992 г. азербайджанцы крупными вооруженными силами напали на село и заняли как Нахичеваник, так и близлежащие села. Депортированные жители уехали в Россию, на Северный Кавказ. Через три месяца, когда силами самообороны Арцаха село было освобождено, они постепенно стали возвращаться. В селе поставлен памятник 14 павшим в Арцахской войне односельчанам».⁹

Эта статья была опубликована в 2009 году. Надеюсь, что большинство проблем все-таки удалось разрешить.

В 1998 году, когда мы были в деревне, мне очень хотелось увидеть все места, связанные с жизнью Даниэл-бека и его семьи. Полагаться пришлось на провожатых. Особенно помог библиотекарь Арамаис Асриян. Он знал каждый дом в деревне, каждый камень на старом кладбище. И только он мог прочитать и перевести надписи на древних надгробиях.

Он отнесся к моей просьбе серьезно. Он вообще удивительный человек. Нвард Согомонян написала про него: «...пенсионер Арамаис Асрян, бывший библиотекарь села, выпускник Ереванского клубно-библиотечного техникума имени Акселя Бакунца, на общественных началах заведует книжным фондом из 2000 книг, которые были приобретены после возвращения в село, так как имевшиеся книги сгорели. Глава общины выделил для этого комнату. Помимо книг Арамаис разделяет свое одиночество со свирелью. Годы назад он гастролировал по всему Карабаху и за его пределами. «Сегодня ребенок думает о том, как он будет зарабатывать деньги, когда вырастет, — говорит Арамаис. — Но ничего, уметь слушать — это тоже искусство. Меня часто просят сыграть на свирели на свадьбах или проводах в армию». На вопрос, есть ли у него ученики и не хочет ли он передать кому-нибудь свое искусство, он ответил, что сделал бы это с большим удовольствием, но, к сожалению, пока никто не изъявил желания. С наступлением сумерек он начинает играть, а люди слушают и на какое-то время забывают о повседневных заботах, и душа как будто очищается ...»¹⁰

Забывать о таком человеке невозможно. Как и о том, что я увидел и узнал на родине Даниэл-бека.

В Шушу мы приехали затемно. Переночевали в гостинице и спозаранку отправились в город. Его нельзя впитывать бегло, но нам пришлось: торопились в Нахичеваник.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

И вот добрались... Как же долго я стремился сюда! Мой первый шаг, мои первые, такие щемящие чувства, и неизбежная горечь оттого, что мы пробыли в деревне только три коротких часа. Я не прошел ее «из конца в конец», не надыхался ее воздухом. А так хотелось неторопливо, навсегда вобрать в себя и эти горы, и заросли цветущего граната...

На маленькой площади на скамеечке сидели и разговаривали местные старики. Старшим из них оказался 95-летний Арутюн Балаян. Он рассказал мне интересные подробности о некоторых представителях нашего рода, которых знал лично. Правда, прямого отношения к дедушке его воспоминания не имели.

По уверениям Самвела Михайловича, возраст Арутюна Балаяна — не исключение. Многие из односельчан и в прошлом, и в настоящем были долгожителями. Незадолго до своей кончины Самвел Михайлович вручил мне свой небольшой материал о прошлом деревни. Один фрагмент из этого материала дает дополнительную пищу для размышлений о правдивости многих печатных публикаций:

«Теперь мы обратимся к другим историческим первоисточникам, где упоминается название нашей древней деревни — Нахичеваник. Вот что писал один из самых популярных в крестьянской среде армянских журналов — «Мшак» 24 декабря 1899 года о долгожителях нашей деревни, в том числе и о представителях славной династии Пирумянов, чьи потомки стали героями знаменитого Сардарабадского сражения против турецких войск: «На днях в деревне Нахичеваник Карабаха скончался Балас-бек Пирумян в возрасте 120 лет. Почти что в таком же возрасте умер отец Балас-бека, знаменитый Асри-бек. А брат Балас-бека, Микаэл-бек, скончался в возрасте 125 лет. Словом, целая династия (семья) долгожителей».

А вот другой журнал, «Здравоохранение», в № 9 за 1975 год справедливо замечал: «...В последние сто лет из династии Пирумянов деревни Нахичеваник среди 167 мужчин 29 прожили более ста лет. Словом, есть о чем задуматься нашим современным сородичам. Ведь не зря сегодняшние жители Нахичеваника с гордостью произносят название местности «Сады Балас-бека».

Не могу сказать ничего определенного по поводу возраста Балас-бека (кстати, напомним, он один из сыновей Асри-бека, рожденный от наложницы Малаки, как писал в своем «Объявлении» Саркисджан Пирум). Но если принять, что Асри-бек, умерший в 1833 году, дожил до 120 лет, то получается, что он в возрасте 107 лет сражался в 1819 — 1820 годах под началом князя Мадатова. Это сомнительно. И если действительно он прожил так долго, то должен был появиться на свет в 1713 году. Тогда его отец, Пирум, должен был бы родиться никак не позже 1693 — 1695 годов. Но в эти годы, если верить Раффи, самому Баяндурю должно было бы быть не более 13 — 15 лет (по роману Раффи «Давид-бек» в 1725 — 1726 годах

Баяндурю было 40 – 45 лет). Еще один косвенный довод против родства Асри-бека с Баяндуром.

В нашей родовой деревне я увидел место, где когда-то был дом моего дедушки — двухэтажный, с террасой, выходящей в небольшой двор, метрах в тридцати от центральной площади. Мне сразу вспомнились слова С.А. Карапетова из его статьи «Прославленные гении или счастливые последователи»: «В селе Нахиджани, когда разговор заходит про семью Пирумянц, местные жители показывают двор, где много деревьев и где прошли детские годы членов семьи...» Но во дворе я увидел всего два или три деревца. Даже поверхностного взгляда было достаточно, чтобы понять: этому дому от силы лет пятьдесят. Местные жители сообщили, что дом дедушки много раз перестраивался и что в нем теперь живет семья Эрнеста Михайловича Саруханяна — бывшего учителя математики, пенсионера, ветерана войны с Азербайджаном, раненого в ходе боев (позже семья Эрнеста Михайловича уедет из дома дедушки, кто в нем поселился сейчас, я не знаю).

Мы с женой познакомились с Эрнестом Михайловичем и его матерью Евгенией и осмотрели дом снаружи и внутри. Стало ясно, что от дома времен дедушки осталась лишь часть задней стены, от которой потом и стали возводить стены современного дома.

Сохранилась только конюшня — единственное старое сооружение на территории двора. Пол и стены конюшни, сделанные из серого базальта, были углублены, каменная крыша чуть поднималась над землей. Внутри в стенах остались небольшие ниши, возможно, бывшие кормушки, а может, сюда ставили лампы. Часть сооружения обвалилась, а та, что уцелела, служила Саруханянам складом. Несмотря на скудное освещение, решено было все же сфотографировать эту конюшню. Уж очень она полюбилась мне своей подлинностью.

Я и Наташа очень волновались, оглядывая двор и постройки. Это же были овеществленные семейные корни! Годы, отделявшие меня от дедушки, отступили, и мне на миг показалось, что вот прямо сейчас кто-нибудь из его домашних или даже он сам выйдет к нам, и мы, наконец, познакомимся...

Наш мысленный уход в прошлое был прерван семидесятивосьмилетней односельчанкой Амест Арутюнян, рассказавшей, что в 1929 году в доме организовали начальную школу, в которой она училась. Школа просуществовала до 1975 года, потом в доме пару лет была библиотека, а затем до 1989 года он простоял пустой.

А Арутюн Балаян махнул рукой в сторону другого дома, без крыши и окон, и сказал, что тот когда-то принадлежал одному из Пирумянов. На доме сохранилась надпись — 1702 год — очевидно, дата постройки. По словам Арутюна Балаяна, в этом доме была колхозная канцелярия,

Конюшня в доме Даниэл-бека

Такие дома строили предки Пирумьянов в деревне Нахичеваник

а во время войны с Азербайджаном — штаб армянского отряда самообороны под руководством местного жителя Арама Саруханяна. Если пристально взглянуть в этот дом, можно мысленно представить, как он выглядел в прошлые века.

Я с большой теплотой вспоминал встречу с Арутюном Балаяном и очень огорчился, когда Самвел Михайлович Мирзоян сообщил мне, что славный старик умер в 2003 году. Мир праху его... Думаю, его похоронили на том самом кладбище, которое находится совсем рядом с центральной площадью.

Косогор, на котором оно раскинулось, был усеян неогороженными белокаменными надгробиями, а между ними тут и там паслись домашние животные. Есть снимок, как мы идем туда: величественность окружающего пейзажа, древность кладбища и горстка людей, поднимающихся по склону..

Наконец-то я увидел могилу Асри-бека и высеченную на камне фигуру всадника с кривой саблей. Это изображение и считала тетя Соня гербом рода Пирумянов. Что, конечно же, было ошибкой. Изображенный всадник относился персонально к Асри-беку и никаким родовым гербом не служил. Надгробий на кладбище было много, некоторые в плохом состоянии, а некоторые перевернуты надписями к земле, и нам не суждено было их увидеть. Все же с 21 надгробия надписи были с помощью библиотекаря переведены. Я их не записывал, но помню, что по одной из них Баласу было 95 лет, когда он умер в сентябре 1899 года, а не 120 лет, как было написано в газете «Мшак». Что куда ближе к моим хронологическим выкладкам.

Так как некоторых надгробий мы не увидели, то, вернувшись в Москву, я написал письмо в Ереван (24 августа 1998 года) одному из руководителей Управления по охране памятников Республики Армении, Сурену Тиграновичу Сагумяну. Обратиться к нему рекомендовал Рафаэлу Абрамянну историк Армен Октемберянович Асатрян, и уже Рафаэл передал мне координаты Сагумяна. В моем письме были, в частности, такие строки:

«...Из-за кратковременности поездки и вследствие языковых трудностей мне, несмотря на помощь местных жителей и сопровождавшего переводчика, не удалось полностью и в точности перевести многие надписи на могильных плитах. К тому же некоторые надгробия были опрокинуты надписями к земле, и потому ознакомиться с ними не было никакой возможности, ибо без использования специальной техники их нельзя поднять.

По моим сведениям, полученным через третьих лиц от знакомого Вам Армена Асатряна, в прошлом Вашим Управлением проводилась каталогизация всех архитектурных и надгробных памятников Армении и Карабаха.

Учитывая вышеизложенное, прошу дать указание о подборе письменных (и если можно, фотографических) материалов, относящихся к надгробным памятникам представителей рода Пирумянов в деревне Нахиче-

На этом старинном кладбище в деревне Нахичеваник покоится не одно поколение Пирумянов

ваник Аскеранского района Карабаха, и высылке их мне на мой домашний адрес. Одновременно прошу поручить квалифицированному сотруднику Вашего Управления перевести найденные письменные материалы с армянского (грапар) на русский...»

Я не очень надеялся получить ответ на свою просьбу, но все же рассчитывал, что имя дедушки сыграет свою роль и у меня, в конце концов, появится нужная информация. И я оказался прав. Через какое-то время я получил от Сурена Тиграновича большой конверт с фотографиями и списком надгробных надписей. Вот что он сообщил мне в сопроводительном письме:

«Уважаемый г. Пирумян! В связи с тем, что Ваше письмо я получил с опозданием, и учитывая то обстоятельство, что надгробные памятники представителей рода Пирумянов в деревне Нахичеваник Аскеранского района не исследованы, и в наших архивах нет какой-либо информации, ответ высылаю с большим опозданием.

Пришлось поехать в с. Нахичеваник, по мере возможности сфотографировать и исследовать надгробные памятники. Однако из-за погодных условий и нехватки времени 14-15 надписей не были достаточно изучены. Ниже приводятся переводы 8 надгробных записей...»

Письмо Сурена Тиграновича косвенно подтверждало, что всего на старом кладбище деревни Нахичеваник находятся приблизительно два с половиной десятка захоронений Пирумянов, и значит, во время нашего с Наташей приезда мне перевели надписи почти со всех надгробий. Но почему-то Арамаис Асриян не упомянул имени моего прапрадедушки Джавада и имен моих прадедушки и прабабушки Абисогома и Далиты.

Из девяти фотографий, находящихся в конверте, к сожалению, не было фотографии надгробной плиты на могиле Асри-бека, но зато была фотография небольшого участка, дающая представление о близости кладбища к деревне. Я очень благодарен Сурену Тиграновичу за возможность видеть эту фотографию!

Из «Списка...» Саркисджана Пирумова я вычислил, что Абисогом родился в 1826 году, а Далита – в 1839. От Реганы Каграмановны узнал, что прабабушка происходила из карабахского рода Сарухановых. Не правда ли, символично, что когда-то в семью Абисогома вошла Саруханова и что

Мать Даниэл-бека Далита с детьми Джавадом и Миной

уже в наше время в его доме поселилась семья Эрнеста Михайловича Сарухяна. Эта фамилия касается меня и с третьей стороны, так как моя бабушка по маме, София Георгиевна, была дочерью тифлисского купца Саруханова. Но это так, к слову..

Мне повезло. Я могу показать фотографию прабабушки Далиты (со старшим сыном Джавадом и старшей дочерью Миной), полученную от моей троюродной сестры Седы Сергеевны Иванашвили, проживавшей в Тбилиси, и фотографии двух родных братьев Далиты — Алена и Джумшуда, переданные Реганой Каграмановой Мирзабековой.

А вот как выглядел прадед Абисогом, я не знаю. И все, что мне известно о нем, — это вычисленный год рождения и предположение Б.А. Улубябяна, что Абисогом был земледельцем. Видимо, в те времена это занятие вполне сочеталось с его титулом. В «Списке...» Саркисджана Пиру-

Родные дяди Даниэл-бека со стороны матери Ален и Джумшуд Сарухановы

мова черным по белому написано «Абисогом-бек». Дата смерти прадеда и место захоронения оставались для меня загадкой.

Но удивительные встречи, а с ними и счастливые находки, продолжали мне сопутствовать. Выяснились истинные даты рождения и смерти Абисогома, я узнал, где он похоронен, как выглядит надгробие и какая надпись на нем выбита.

Хочется рассказать, как стали известны эти подробности.

Когда-то еще на раннем этапе поисков я самонадеянно вознамерился составить картотеку всех Пирумянов, каких только сумею отыскать в доступных источниках. Составил список нескольких десятков владельцев этой фамилии, среди которых оказался преподаватель Московского авиационного института, доктор технических наук, член-корреспондент Российской академии наук Ульян Гайкович Пирумов. Я два раза разговаривал с ним, пытался «привязать» его генеалогическую «ветвь» к имевшемуся у меня «древу», но ничего не получилось, и я оставил это дело «на потом». А спустя какое-то время понял всю безнадежность своей картотечной затеи: понадобились бы многие годы, чтобы собрать данные обо всех персонах, носящих нашу фамилию, и нарисовать фрагменты родословных схем с датами.

Но вот летом 2011 года я неожиданно познакомился с сыном Ульяна Гайковича, московским бизнесменом, кандидатом физико-математических наук Григорием Ульяновичем Пирумовым.

Григорий Ульянович решил к 80-летию своего отца (октябрь 2011 года) собрать сведения о представителях рода Пирумовых и издать их в виде книги. Не имея времени заниматься этим делом лично, он обратился к армянскому историку Армену Октемберяновичу Асатрянцу с просьбой найти материалы на интересующую его тему. О своем плане Григорий Ульянович рассказал Беатриче Гайковне, родной сестре юбиляра, а та посвятила в задумку свою давнишнюю подругу, Джульетту Аванесовну Ананян, жену историка Жореса Амбарцумовича Ананяна, к сожалению, скончавшегося восемь лет назад.

Так сложилось, что Жорес Амбарцумович был хорошо знаком с одним из активнейших членов армянского родословного общества, Самвелом Хачатуровичем Мурадяном, которого знала и Джульетта Аванесовна. Она и рассказала Мурадянцу о намерении Григория Ульяновича. И Самвел Хачатурович сообщил ей о моих генеалогических исследованиях и дал номер телефона.

Обратная связь сработала быстро. Мы с Григорием Ульяновичем встретились, обсудили возможные направления поисков, и я решил помочь А.О. Асатрянцу. Да и как я мог не помочь, когда сам в своих исследованиях многократно опирался на помощь других. К тому же давнишняя мечта о семейной картотеке, благодаря плану Григория Ульяновича, пусть несколько в другом виде, могла воплотиться в жизнь.

И началась переписка с Арменом Октемберяновичем. Я поделился с ним некоторыми сведениями, он — своими находками, а в одном из писем сообщил мне, что нашел могилу Абисогома. Я заинтересовался. И вот 24 сентября 2011 года получил от него письмо следующего содержания:

«Мои́ла Абисогом-бека находится в Нахичеванике... На надгробии написано, что он сын Джавада и что родился в 1821 году и умер 5 сентября 1872 года...»

Я был благодарен историку за то, что узнал действительный год рождения прадеда, но огорчился, узнав, что Абисогом умер до обидного рано — всего в пятьдесят один год.

Кроме того, А.О. Асатрян сообщил, что на надгробии прадеда имеется памятная надпись, и что она «самая длинная», и что «...в Нахичеванике похоронены более 40 Пирумянов, и все надписи я читал. Они войдут в книгу. По надписи Джавад умер в 1824 году. Его жена Хаса-ханум умерла в 1856 году. Там похоронены Этар, жена Асри-бека, которая умерла в 1856 году, дочь Михаила, Лиза (умерла в 1885 г.), дочь Алаверди, Марианна (умерла в 1861 г.), дочь Абисогом-бека, Сапачгюл и т.д. Могилы жены Абисогом-бека там нет.

Недавно я был в Эчмиадзине и цветы положил у могилы твоего дедушки, Даниэл-бека».

Мне было интересно узнать, как выглядит надгробие на могиле Абисогома и что написано на плите.

Армен Октемберянович откликнулся и на эту просьбу. В начале ноября 2011 года я получил через Григория Ульяновича фотографию надгробия и перевод надписи. Привожу письмо Армена Октемберяновича без изменений.

«Вот правильный текст надписи, который вошел в книгу.

На южной стороне:

«Это надгробие покойного Абисогом-бека, который сын Джават Бека из рода Пируменц. Родился в 1821 году и скончался в 1872 году 5 числа сентября месяца в деревне Нахичеваник».

На западной стороне:

«Оставляю вам этот мир, мои любимые и ухожу от вас, мои милые; кто любит мою могилу пусть полюбит и колыбель моих детей».

На северной стороне:

«Когда я был молодым, мир благоухал для меня, сердце только начало гореть, как вдруг безжалостная смерть настигла меня и дни моих юных детей стали черными».

На восточной стороне нет надписи.

Надпись на ашхарабаре.

Правильно Пируменц.

На верхней части надгробия изображен крест».

Да, можно себе представить горе прабабушки Далиты, оставшейся без мужа с шестью детьми. Даниэл-беку, когда он потерял отца, было всего одиннадцать лет.

Сколько лет прожила моя прабабушка, я не знаю. Армен Октемберянович пока (!) ее могилы на старом кладбище в деревне Нахичеваник не нашел. Надеюсь, что она прожила долго.

И хотя судьбы родных братьев и сестер Даниэл-бека сложились по-разному, некоторые сведения об их жизни мне удалось собрать.

О потомках старшего брата Даниэл-бека, Джавада, названного так, очевидно, в честь деда, мне рассказал Ремаль Николаевич и передал письмо, присланное ему в феврале 1990 года некоей Илоной Пирумовой из города Коммунарска Ворошиловградской области.

Вот что она, в частности, писала:

«Извините меня за беспокойство, но мне необходимо было с Вами поделиться после того, как я прочитала статью «Родословное древо» в газете «Коммунист» от 14 октября 1989 года...

Как я поняла из статьи, все Пирумовы, находящиеся в прямом родстве, знают почти всё друг о друге (если бы Илона только знала, что не все и не всё. — Ю.Л.). Но есть еще одна ветвь Пирумовых, к которой принадлежим и мы, до недавнего времени жившие в Баку. В связи с общеизвестными печальными событиями в Азербайджане мы оказались в г. Коммунарске Ворошиловградской области, предварительно сильно помучившись. Но, слава Богу, из нас никто не пострадал. А теперь я хочу Вам рассказать, что я знаю о нашей ветви Пирумовых. Может быть, у меня неполная информация о моих родственниках, но мне очень хочется, чтобы Вы нашли место нашей семьи в генеалогическом древе Пирумовых и осветили «белые пятна» в их истории.

Мой дед — Пирумов Рубен Джавадович родился в 1908 году в г. Шуше Нагорного Карабаха. Его мать убили во время резни в марте 1920 года в Шуше, отец умер раньше — в феврале 1920 года.

Оставшись сиротой и без крова, он до 1922 года был беспризорным и скитался по приютам. В июне 1922 года Ленинский Комсомол подобрал его с улицы и направил в Фабзавуч Азнефти. И с этого времени, то есть с 14-летнего возраста, начинается трудовая деятельность моего деда. В этом же 1922 году он вступает в комсомол, а в 1926 году — в партию. Совмещая работу с учебой, он получил высшее образование, окончил Высшие Курсы Выдвиженцев вечерней промышленной Академии в г. Баку.

С 1930 года находился на руководящей хозяйственной работе в системе Госторговли, а в 1932 году по решению ИК АзКП (б) был переброшен на работу в Азеритторге, где и работал до 1938 года.

В августе 1938 года он был незаконно арестован органами НКВД АзССР и невинно осужден как «враг народа» на 10 лет. Отбывая незаслуженное

наказание в ИТЛ, он продолжал работать. Он выполнял работу старшего экономиста и начальника плановой части и за отличную работу был досрочно (всего на полгода !!!) освобожден 8 февраля 1948 года.

За это время у него родился и вырос сын — Рубен, названный так в его честь, но все в семье называли и называют его Баликом (*бала* — ребенок, младший).

Возвратившись в Азербайджан, лишенный прописки, а следовательно, и возможности жить с семьей, дед работал в городах Шамхоре и Геогчае.

В январе 1950 года деда вновь арестовывают, но уже МГБ АзССР и высылает в Красноярский край, где он находился до сентября 1954 года. Из ссылки он возвращается в Баку и поступает работать старшим экономистом на Бакинскую Карамельную фабрику.

Решением Президиума Верховного суда и постановлением Бюро ЦК КП Азербайджана его полностью реабилитировали и восстановили в партии с прежним стажем. Далее он работал директором Бакзаводуправления Азербинтреста.

Мой дед — Пирумов Рубен Джавадович скончался 9 февраля 1960 года задолго до моего рождения.

Но у моего деда остались два сына: Пирумов Эдуард Рубенович и Пирумов Рубен Рубенович.

Эдуард родился в 1933 году, Рубен (Балик) — 1938 года рождения. А я являюсь дочерью младшего сына Рубена-Балика. Зовут меня Илона, и я тоже пока Пирумова. Мой отец — педагог физики. Его старший брат, Эдуард, в настоящее время живет в Ростове-на-Дону. Он кандидат исторических наук и преподает научный коммунизм в Ростовском государственном университете. У него есть сын — Юрий Эдуардович — мой двоюродный брат. Что касается брата моего дедушки — Абесалома, то я знаю, что у него трое детей — Карен и двойня — Карина и Марина.

Карен Пирумов уже давно живет с семьей в Москве. А Карина и Марина до этих событий жили, как и мы, — в Баку. Сейчас они тоже в Москве.

Еще, насколько мне известно, у деда были две родные сестры: Анна и Заруи. Анна, в замужестве Торосова, имела двоих детей — Альберта и Джулию.

Альберт — инвалид ВОВ, имеет ряд правительственных наград и в настоящее время живет в Москве.

Его родная сестра Джулия — музыкант, вышла замуж за болгарина Ганева и сейчас живет в Софии. Джулия и ее муж Константин являются всемирно известным фортепианным дуэтом Ганевых. У них есть сын Митрий, тоже работающий в искусстве.

Заруи Пирумова — в замужестве Азарян, также имела двоих детей — Терезу и Павла. Тереза с семьей проживает в Ереване, а Павел живет в Ташкенте. О них я больше ничего не знаю.

Ну вот и все, что я знаю о большом роде Пирумовых и чем я очень хотела с Вами поделиться. Буду Вам очень признательна, если Вы ответите на мое письмо и пришлете мне схему нашего древа, о котором идет речь в вышеупомянутой статье.

С искренним уважением Илона Пирумова».

Джавад, Абесалом — это же были знакомые имена деда и отца Даниэл-бека, и одно время я даже думал, что речь идет о моих прапрадеде и прадеде, у которых, как и у Асри-бека, могли быть незаконные дети.

Однако такая версия не подтверждалась текстом письма, в котором речь явно шла о людях XX века, и потому послание Илоны долгие годы пролежало в письменном столе без всякого движения. Только познакомившись со «Списком...» Саркисджана Пирумова, я понял, что Джавад, упомянутый в письме, и Джавад в «Списке...» — один и тот же человек, родной брат Даниэл-бека.

Но еще до получения «Списка...» Саркисджана Пирумова и, следовательно, до осознания факта, что у моего деда был брат с таким именем, я познакомился с сыном Заруи «в замужестве Азарян», которая, как было сказано в письме Илоны, «имела двоих детей — Терезу и Павла».

Расскажу, как я познакомился с сыном Заруи, только его звали не Павел. Илона ошиблась — Павлом был его отец, а сына звали Валерий Павлович Азарьянц.

Приблизительно в середине апреля 1998 года мне позвонили из редакции журнала «Армянский вестник» и сообщили, что на Армянском участке Ваганьковского кладбища к главному редактору этого издания и его заместителю обратился случайно оказавшийся рядом человек, назвавшийся Валерием Павловичем Азарьянцем, сыном Заруи Джавадовны, в девичестве Пирумовой. Валерий Павлович попросил собеседников познакомиться с кем-нибудь из Пирумовых и передал им свою визитную карточку. Меня знали в редакции журнала, знали, что я занимаюсь генеалогическими исследованиями, и сообщили этот телефонный номер. Я позвонил, и мы договорились встретиться в кинотеатре «Варшава», где 24 апреля должно было состояться собрание армянской общественности Москвы, посвященное памяти жертв геноцида.

Долго мы беседовали с Валерием Павловичем в ту первую встречу, сразу перешли на «ты» и постепенно привязались друг к другу, почти как родные братья. Сказалось и то, что мы одного возраста. Недавно он уехал из России и теперь живет вдалеке — в Доминиканской Республике.

О своем деде, Джаваде, Валерий рассказал, что тот был довольно состоятельным человеком, жил с семьей в Шуше в собственном большом двухэтажном доме, который находился в самом центре города напротив церкви Казанчеоц. Как и многие дома армянского квартала, дом Джавада 23 марта 1920 года превратился в руины. У Валерия даже сохранилась

фотография разрушенного особняка. Одно время мой брат хотел купить дом деда, но переговоры зашли в тупик, и от идеи пришлось отказаться.

Наверное, к счастливому времени относится фотография, на которой, кроме самого Джавада, сняты его жена, их старшая дочь Анна (стоит) и младшая дочь Заруи (сидит на коленях). Двух младших сыновей Абесалома и Рубена на этой фотографии нет, наверное, потому что они были еще слишком малы (их годы рождения я узнал позднее и не от Валерия): Абесалому — пять лет, а Рубену — три года.

Поскольку Заруи родилась в 1903 году, а на фотографии ей лет семь-восемь, можно считать, что снимок относится приблизительно к 1910 — 1911 годам, значит, Джаваду на фото около 53-54 лет.

Старший брат Даниэл-бека Джавад с женой и дочерьми — старшей Анной и младшей Зарик

А вот узнать, сколько прожил старший брат Даниэл-бека, оказалось делом трудным и до конца не выясненным.

Илона в своем письме утверждала, что Джавад умер в феврале 1920 года, а Валерий говорил, что приблизительно в 1915 году. Разногласия между правнучкой и внуком касаются и жены Джавада, имя которой, как ни печально, не знали оба. Одна писала, что ее убили через месяц после смерти Джавада — в марте 1920 года, а другой рассказал, что бабушку смертельно ранили в один из шушинских погромов в 1918 году. Валерий знал и о том, как сложилась судьба детей после гибели матери. По его словам, они спрятались под крыльцом дома, а ночью пришли к воротам женского монастыря, в котором и укрывались около двух лет до установления в начале мая 1920 года Советской власти во всем Азербайджане. Тогда настоятельница монастыря отправила сирот к своим родственникам в Баку.

Версия Илоны о смерти прабабушки вполне согласуется с трагическими событиями в Шуше 23 марта 1920 года, а рассказ Валерия требует некоторого хронологического анализа. Известно, что в 1918 — 1919 годах массовых погромов и убийств в Шуше не было. Это видно из опубликованных документов периода 1918 — 1923 годов (да и Арсен подтвердил, что с 1918 года до 23 марта 1920 года массовых репрессий в отношении армянского населения в Шуше не было). Только в сентябре-октябре 1918 года, во время оккупации города турками, казнили нескольких армян и мусульман. Наверное, бабушка Валерия стала жертвой не погрома, а случайного выстрела осенью 1918 года.

А вот о внуках Джавада, детях его старшей дочери Анны, Альберте Рубеновиче Торосове и Джулии Рубеновне Ганевой, Валерий сообщил те же сведения, что и Илона.

Один или два раза я был у Альберта Рубеновича. Пожилой, прошедший войну и не очень здоровый человек, встретил меня любезно. К сожалению, он ничего не знал о своих дедушке и бабушке. Вскоре Альберт Рубенович уехал в США, а с другими внуками Джавада я не знаком.

О дальнейшей судьбе Заруи Джавадовны и ее детей я расскажу, опираясь на книгу Валерия «Крутится колесо судьбы, или Где эта страна», изданную в 2006 году.

Вскоре после переезда в Баку Анна вышла замуж за Рубена Торосяна, и Заруи, Абесалом и Рубен некоторое время жили в доме старшей сестры. В Баку и познакомились будущие родители Валерия: Заруи, еще с гимназии хорошо владевшая французским языком, работала в военной комендатуре переводчицей, а Павла Азарьянца доставили туда из-за отсутствия каких-то нужных документов.

Семья отца Валерия после событий 1918 года перебралась из Нагорного Карабаха в Туркмению в город Теджен. В 1921 году Павел и Заруи поженились и вскоре переехали из Баку к родителям Павла. Все свободное

время Заруи отдавала чтению, любовь к которому ей привили в детстве мама и преподаватели гимназии. Кроме того, она очень любила музыку.

Вскоре родились дети: в 1924 году — Сергей, в 1926 году — Тереза, а в 1936 году вся семья переехала в Ташкент, где родился еще один сын — Георгий, проживший всего пять лет, и, наконец, в 1941 году — Валерий.

Павел Азарьянц умер в 1970 году, Заруи пережила его на девять лет.

Сергей в 1942 году пошел добровольцем на фронт, был дважды ранен и контужен. В 1949 году окончил энергетический факультет политехнического института и тут же женился. Работал в Ташкенте, Минске, Москве, занимая ответственные должности.

Под конец жизни он снова оказался в Ташкенте, где и умер в 1998 году, спустя приблизительно пару месяцев после нашего с Валерием знакомства. У него остались сын Рубен, родившийся в 1962 году, и внук Арсен, 1987 года рождения.

Старшая сестра Валерия, Тереза, окончила лечебный факультет Ташкентского медицинского института. В 35 лет она вышла замуж и уехала к мужу в Ереван, где в 1963 году родила дочь Рузанну, а в 1967 — сына Тиграна, у которого в 1993 году появился сын Ашот. Тереза скончалась в Ереване в 1995 году.

Сам Валерий окончил факультет автоматики, телемеханики и связи Ташкентского института инженеров железнодорожного транспорта, получил специальность «Инженер путей сообщения — электрик», работал в Ташкенте, в Воронеже, два года за Полярным кругом, потом в Москве. В 1964 году у него родилась дочь Стелла, а в 1998 году — внучка Нина.

Пожалуй, сегодня это все, что я знаю о Джаваде и его семье. Напомню, что следующим ребенком в доме Абисогома был мой дед, Даниэл-бек, но о нем разговор отдельный.

Третьим по старшинству шел Михаил. Год его рождения я могу указать только с некоторой натяжкой, поскольку в «Списке...» Саркисджана Пирумова его возраст обозначен цифрой «7», и, как я уже писал, эту цифру «переправляет» поперек некий знак в виде латинской буквы «s». Получается с учетом года составления «Списка...», что Михаил родился в 1863 году (в семье Абисогома с завидной закономерностью каждые два года рождался ребенок, традицию нарушил только последний — Аршак, родившийся спустя четыре года после рождения самой младшей дочери, Майко). Кто-то из родственников сказал мне, что в семье Михаила звали Михак. Я пытался узнать о нем что-нибудь у его внучки, моей троюродной сестры, Седы Сергеевны Иванашвили. Посылал ей письма в Тбилиси, где она жила, но ответа не получил. Расспрашивал я и дочь Седы Сергеевны — москвичку Лиану, с которой виделся раза два. И через некоторое время получил из ее рук несколько интересных фотографий.

Спасибо Седе Сергеевне, которая, к сожалению, недавно скончалась и с которой мне так и не довелось познакомиться, и Лиане за фотографии. А за информацию о Михаиле выражаю благодарность другому своему троюродному брату, родному внуку Михаила — Феликсу Георгиевичу Пирумову. С Феликсом я был знаком с детских лет. Он даже жил у нас некоторое время во второй половине 1940-х годов, будучи студентом, когда еще жив был мой папа. Почти всю жизнь Феликс прожил в Тбилиси, мы изредка встречались то в Москве, то в Тбилиси, а в 90-е годы XX века он с семьей переехал в Краснодарский край, и я потерял его из виду.

Все, что я знаю о жене Михаила, это то, что ее звали Цагик. У меня есть фотография, где они оба еще такие молодые!

Эту фотографию с надписью на обороте в июле 1899 года Михаил прислал самому младшему члену семьи — брату Аршаку (о нем речь впереди). А до этого, в сентябре 1897 года, Аршак получил от Михаила другую фотографию, где тот был снят один, без жены, в гражданском костюме

Младший брат Даниэл-бека Михаил (Михак) с женой Цагик

и с галстуком-бабочкой. Из чего можно предположить с большой долей вероятности, что Михаил женился в промежутке между этими двумя датами.

По воспоминаниям Феликса, которые он прислал Ремалю Николаевичу Пирумову в 1985 году, Михаил был судьей и очень любил людей. Например, в дни получения жалованья он брал извозчика и, разъезжая в экипаже по улицам, раздавал свои деньги беднякам.

У меня в отдельной папке хранятся несколько документов, относящихся к Михаилу. В основном это финансовые документы весны-лета 1919 года о зарплате, причитающейся ему как секретарю при прокуроре Эриванской Судебной палаты. Но как он им стал? Ответ отыскался в следующем документе:

«Господину Министру юстиции Республики Армения
от судебного пристава Тифлисского окружного суда,
Михаила Абесоломовича Пирумова

ПРОШЕНИЕ

Почтительнейше прошу Вас, Господин Министр, не отказать принять меня на службу Республики Армения и предоставить мне соответственное место судейского звания по вверенному Вам Министерству юстиции.

Михаил Пирумов
г. Тифлис, 19 ноября 1918 г.
Ртищевская ул., № 20».¹¹

И он был принят, но стал не судьей, как считал мой троюродный брат Феликс (впрочем, судьей Михаил все же мог, наверное, со временем стать), а секретарем прокурора. Похоже, с наличными в Республике Армения, по крайней мере, по линии Министерства юстиции, было туговато. Если несколько раз в течение весны-лета 1919 года для выдачи жалованья Михаилу (и не только ему одному) требовалось представление то исполняющего должность председателя Судебной палаты, то прокурора этой палаты, а то и самого министра юстиции. С трехкратным предложением Эриванскому казначейству выписать в расход из наличного фонда различных сумм и выдать секретарю прокурора Судебной палаты М.А. Пирумову «для удовлетворения его прибавкой к содержанию за апрель месяц». Однажды дело дошло до того, что прокурор выдал своим подчиненным «на разъезды по делам службы» 758 рублей из личных средств, а потом был вынужден просить министра юстиции компенсировать ему эти деньги.

В таких вот суровых финансовых тисках жила страна, и Михаил наверняка хорошо представлял это, когда подавал свою просьбу о желании слу-

¹¹ НАА. Ф. 206, оп. 1, д. 83, л. 59.

жить ей. Его опыт юриста должен был пригодиться молодому государству. И пригодился, в 1920 году, когда Михаил стал одним из служащих в Дипломатической миссии Республики Армения в Азербайджане. С Консульским и Беженским отделами при ней. Эти два документа датированы 12 и 26 ноября 1920 года соответственно.¹²

От жены Цагик у Михаила было четверо детей: сыновья Сергей (1898 — 1976), Георгий (1901 — 1971), Сурен (умер в 1920 году) и дочь Рузанна (1906 — 1970). С Сергеем я был знаком. Он работал экономистом. За склонность к абстрактным рассуждениям домашние звали его «Филия» — от слова «философ». Сергей умер бездетным. Георгий (мой троюродный брат, Феликс — его сын) — инженер-строитель, участвовал в Великой Отечественной войне. Феликс писал, что Сергей и Георгий попали к туркам в плен (когда точно — неизвестно) и им обоим пришлось выдавать себя за других, так как была известна ненависть турок к фамилии Пирумян.

От историка Игоря Алабина я узнал о судьбе Сурена. Будучи учеником 3-го класса 3-й Тифлисской гимназии, он умер от болезни в Тифлисе, где и похоронен 5 декабря 1920 года на Ходживанском кладбище.

Рузанна, выйдя замуж за Сергея Хачатурова, жила в Тбилиси. Моя троюродная сестра Седа Сергеевна (по мужу Иванашвили) — ее дочь.

У самого Феликса были дочь от первого брака — Ирина и сын от второго брака — Аркадий. Он вместе с родителями переехал из Тбилиси в Краснодарский край.

Следующая по старшинству, с кем в детстве общался Даниэл-бек, была старшая из сестер, Мина. Если верить «Списку...» Саркисджана Пирумова, она родилась в 1865 году.

Феликса я знал с детских лет, но долгие годы он воспринимался мною не как троюродный брат, а как племянник папы. Только позднее, занимаясь биографией деда, я смог расставить многих родственников с папиной стороны по своим местам. К их числу принадлежат и потомки сестры Даниэл-бека, Мины.

В детстве, когда папа был еще жив, мы всей семьей часто ходили в гости к его родственнику, дяде Беко, так его звали и папа, и мама. Жил он недалеко от нашего дома на улице Чайковского (нынешнем Новинском бульваре). Это все, что я помнил. После смерти папы в 1949 году мы иногда с мамой ходили к дяде Беко, а потом он, наверное, умер, потому что мы перестали приходить в гости в его дом. Я не знал его настоящего имени и не знал, кем он приходился папе.

Но вот после смерти мамы в 1989 году я, перебирая ее записные книжки, наткнулся на номер телефона, против которого ее рукой было написано: «Беко Тер-Минасов — двоюродный брат Левона». В первый момент я подумал, что это ошибка, фамилия-то не наша. Но, уже имея не-

¹² НАА. Ф. 278, оп. 1, д. 36, л.л. 31, 42.

который генеалогический опыт, быстро сообразил, что, значит, у дедушки была родная сестра, вышедшая замуж за какого-то Тер-Минасова, а «дядя Беко» — их сын.

Я позвонил по этому телефону, откровенно говоря, ни на что не надеясь. И каково же было мое удивление, когда на другом конце провода раздался голос женщины и я, представившись, узнал, что ее зовут Мария Александровна Тер-Минасова. Она оказалась женой «дяди Беко», которого на самом деле звали «Бегляр». Я приехал к Марии Александровне домой и узнал, что ей больше 90 лет, что она урожденная Шахназарова и что ее муж — Бегляр Исаевич Тер-Минасов, сын сестры Даниэл-бека Мины, жившей и умершей в Москве.

Мария Александровна снабдила меня номерами телефонов своего сына, Георгия, живущего в Москве (я с ним потом виделся, но он практически ничего не знал о своих корнях), и Реганы Каграмановны Мирзабековой, тоже проживавшей в Москве.

Я поехал домой к Регане Каграмановне и, как я уже писал, в первую же встречу услышал от нее имя своей прабабушки. Кроме того, она отлично разбиралась в генеалогическом древе не только Тер-Минасовых, но и Пирумянов, а также в генеалогии Халатовых — наших родственников со стороны жены Даниэл-бека. В следующий мой приезд к ней Регана Каграмановна передала мне две фотографии Мины. На одной Мина была изображена со своим мужем Исаджаном Тер-Минасовым, на другой — со своей внучкой Седой.

На обороте той фотографии, что с внучкой Седой, надпись: «Дяде Айро и «тете» Рае от ее сестренки Седы и бабушки. 26.03.1935 г.». Тетя Рая — Регана Каграмановна — сообщила мне еще и номера телефонов двух внучек другой сестры Даниэл-бека — Майко: Нонны Григорьевны и Ирины Григорьевны Шахназаровых.

В конце 2007 года я решил перепроверить некоторые данные и позвонил дочери Реганы Каграмановны, Маргарите Мирзабековой. От нее узнал, что Реганы Каграмановны больше нет. И что никаких фотографий, кроме тех, что уже давала мне ее мама, тоже нет. Но посоветовала обратиться к Светлане Григорьевне Тер-Минасовой, внучке Мины, проживающей в Москве. А я и не знал, что возможна такая встреча с вновь обретенной троюродной сестрой.

Я созвонился со Светланой Григорьевной и приехал к ней домой на Ленинский проспект. Оказалось, что она — лингвист и работает в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова деканом факультета иностранных языков и регионоведения. Мы быстро нашли общий язык и как родственники, и как выпускники одного и того же учебного заведения, и постепенно перешли на «ты». Потом я приехал к ней еще раз. С помощью ее старшей сестры, Седы Григорьевны (именно она

Старшая сестра Даниэл-бека Мина с мужем Исаджаном Тер-Минасовым

изображена на фотографии с надписью на обороте), мне удалось узнать кое-какие подробности из жизни Мины.

Сестра Даниэл-бека в первый раз вышла замуж за карабахца. Но детей у них не было, а вскоре Мина овдовела. Во второй раз она вышла замуж за шушинца, краснодеревщика Исаджана Тер-Минасова. Его первая жена Сара умерла, у него от нее остались трое детей: дочери Ермония (Регана Каграмановна как раз ее дочь) и Анна, а также сын Иван. Исаджан Тер-Минасов очень надеялся, что Мина станет для его детей хорошей матерью. И она стала хорошей матерью, но не для троих, а для... семерых детей. У Мины и Исаджана в Шуше родились еще четверо: дочь Тамара (годы жизни неизвестны) и сыновья — Бегляр («дядя Беко», 1901 — 1970), Шмавон (1906 — 1980) и Григорий — отец Светланы Григорьевны и Седы Григорьевны (1908 — 1976).

Через какое-то время вся семья перебралась в Баку и поселилась на Канитапинской улице. Исаджан был очень хорошим мастером, он искусно подбирал сорта дерева для изготовления музыкальных инструментов и, видимо, хорошо зарабатывал. По сведениям Светланы Григорьевны, которые, в свою очередь, она получила от своего отца, Исаджан даже имел до революции банковский счет в Марселе. К сожалению, приблизительно в 1920 году Исаджан трагически погиб, попав под автомобиль, но его дети, несмотря на трудные времена, сумели выжить и получить образование.

Тамара работала в Баку бухгалтером в юридической консультации. Остальные дети перебрались в Москву, вместе с ними переехала и Мина.

Бегляр, окончив в Баку гимназию с золотой медалью, стал финансовым работником. В Москве он был начальником планового отдела в управлении «Союзвзрывпром».

Шмавон в Москве работал в Комитете по кинематографии, а потом стал директором Дворца съездов.

Григорий окончил в Баку железнодорожный техникум и некоторое время был начальником Ярославского вокзала в Москве, а затем стал начальником всех московских вокзалов.

Все семеро детей Исаджана — и две дочери от первого брака, и дети от Мины — очень дружили между собой и всегда поддерживали друг друга. Мина была этому бесконечно рада, как и тому, что все они выросли достойными и порядочными людьми. Сама она никогда нигде не работала (никто из потомков не знает, было ли у нее хоть какое-то образование, она даже по-русски говорила с большим трудом), была домашней хозяйкой. Умерла Мина 20 мая 1940 года, похоронена на Армянском участке Ваганьковского кладбища в Москве.

Младшая дочь Абисогома, Майко, в соответствии со «Списком...» Саркисджана Пирумова, родилась через два года после Мины — в 1867 году. Узнав от Реганы Каграмановны о существовании двух своих троюродных сестер Мелик-Шахназаровых — Ирины Григорьевны и Нонны Григорьевны, проживающих в Москве, я встретился с ними. Ирина Григорьевна мало что знала о своих корнях, а вот Нонна Григорьевна помнила много. На какое-то время я выпустил обеих сестер из виду, но в конце 2007 года встретился с Нонной Григорьевной вновь. На этот раз я упросил ее рассказать хоть немного о себе, а о Майко и ее детях все, что она знала.

И уже в марте 2008 года я снова был в ее квартире на проспекте Мира. Она по-прежнему, несмотря на свой солидный возраст, работала ведущим научным сотрудником отдела музыки в Государственном институте искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. Кстати, оказалось, что ее имя по метрике не Нонна, а Нелли, но этим именем ее никто из родных и друзей не зовет. И даже свои научные работы она подписывает как Нонна Григорьевна, только не Мелик-Шахназарова, а Шах-

назарова, считая, что с приставкой «мелик» фамилия получается чересчур длинной. Я был просто очарован ее доброжелательностью и любезностью, и, в конце концов, мы отбросили наши отчества и стали обращаться друг к другу по имени. Но пока остаемся на «вы».

Итак, Нонна дала мне два печатных листа с рассказом о жизни Майко, дополнив их еще некоторыми деталями при разговоре. Из написанного и услышанного я узнал, что Майко вышла замуж за шушинца — Амбарцума Хосроевича Мелик-Шахназарова. В Шуше, как предполагала Нонна, у супругов родились семеро детей (восьмой мальчик умер в младенчестве).

Когда точно родились некоторые из детей, Нонна не знала. Но знала, что старшей была дочь Арусаяк или Арося (1890 — 1920). Следом за ней появились Хосров (умер в 60-е годы XX века), Григорий (1895 — 1975), Ашот (умер в 1959 году), Арам (умер в 1936 году), Евгения (умерла в 1972 году) и Левон (пропал без вести в 1942 году в Крыму во время боев за полуостров). Может быть, кто-то из них родился в Баку, куда со временем переехали супруги вслед за старшей сестрой Майко — Миной, но наверняка Нонна этого не знала.

Поселились Амбарцум и Майко на Телефонной улице в трехкомнатной квартире на втором этаже двухэтажного дома. По сведениям Нонны, муж Майко работал управляющим одного из нефтяных промыслов.

По воспоминаниям отца Нонны, в какой-то момент, перед взятием турками Баку в сентябре 1918 года, семья Амбарцума уехала в Иран и там в течение месяца пережила погром и разрушение города захватчиками.

Возвратившись, Амбарцум и Майко обнаружили, что их дом полностью разграблен. И гордая Майко, чтобы не показать соседям, в основном армянам, что семья впала в крайнюю бедность, кипятила воду в кастрюле, имитируя приготовление супа.

Когда уже в 1927 году в эту квартиру из Махачкалы приехала семья отца Нонны: сам Григорий, его жена Ольга из рода Микаэлян, трехлетняя Нонна и ее младшая сестра Ирина, Амбарцум был еще жив, и в квартире вместе с ним жили его жена, сын Ашот и дочь Евгения. Амбарцум сразу полюбил внучек. На вопрос Ольги — мамы Нонны, почему он их любит больше, чем своих детей, глава семьи не без юмора отвечал: «Дети — это капитал, внуки — процент с капитала, а для финансиста самое сладкое — это процент с капитала».

В конце разговора Нонна передала мне фотографию, на которой Майко вместе со своим сыном Григорием, отцом Нонны.

Я переживал, что фотография Мины с мужем у меня есть, а вот фотографии мужа Майко нет. Не было ее и у Нонны, и ни у кого из опрашиваемых мной родственников.

Но счастливые случаи помогают исследователям порой не меньше, чем интеллект и логика. Вскоре мне позвонил Арсен и сказал, что полу-

Младшая сестра Даниэл-бека Майко с сыном Григорием

чил из Италии, от некоего Карло Чезарини Сарухан-бека ксерокопии нескольких фотографий, в том числе и ксерокопию фотографии Амбарцума Мелик-Шахназарова. Я позвонил Нонне, она обрадовалась возможности увидеть облик своего деда. А когда я показал ей ксерокопию, присланную из Италии, воскликнула: «Это он, я когда-то уже видела его фотографию, но где и когда, не помню».

Карло Сарухан-бек оказался холостым пенсионером, проживающим в Риме. Арсен дал ему номер моего телефона, и Карло несколько раз мне звонил. Мы очень тепло с ним говорили, и поскольку моя прабабушка по папе, Далита, была из карабахского рода Сарухановых, а моя бабушка по маме, София, тоже из Сарухановых, только из Тбилиси — нам было о чем поговорить. Я обещал Карло прислать родословные схемы и с той, и с другой стороны, и он их получил.

Карло, в свою очередь, обещал прислать более качественные ксерокопии имеющихся у него фотографий, и в октябре 2008 года я получил от него большой конверт с письмом и снимками. Привожу некоторые места из этого письма:

«Уважаемый дорогой Друг!

Посылаю Вам фотокопии, которые я получил уже много лет назад от моего дорогого родственника, Завена Мелик-Шахназарова, жившего в Нью-Йорке. Много, очень много могли бы мы говорить о наших Карабахских семьях, но теперь я хочу прислать это письмо как можно скорее.

Моя прабабушка, Шахдана Моисеевна Сарухан-бек (жена Амбарцума Сарухан-бека), урожденная Долухан. Со стороны матери она была Валерьян-Мадатова и была сестрой Нубары — жены Хосрова Мелик-Шахназарова и матери Амбарцума, который был мужем Майко Пирумян. Амбарцум Мелик-Шахназаров умер, и его похоронили в Баку.

Всегда желаю Вам всего хорошего и с чувством дружбы. Поклон Вашей супруге. Ваш Карло».

Я был очень благодарен Карло, так быстро откликнувшемуся на мою просьбу, и поспешил сообщить о находке Нонне. А затем приехал к ней, чтобы показать уже не ксерокопию, а фотографию Амбарцума. И она еще раз с грустью сказала, что когда-то уже видела фотографию своего деда, но не знает, куда она делась.

Итак, есть фотографии Майко и Амбарцума, осталось, опираясь на воспоминания Нонны, коротко рассказать об их детях.

Арусая (Арося) окончила Бестужевские курсы, стала поэтессой, была своей в кружке футуристов и лично знала Игоря Северянина. В одном из номеров журнала «Вопросы литературы» за 1972 год в статье К. Рудницкого использованы ее воспоминания и отрывки из писем.

Хосров окончил Санкт-Петербургский университет и стал адвокатом. Его сын — Георгий Хосроевич Шахназаров — политолог, помощник Горбачева, а внук — Карен Георгиевич Шахназаров — известный кинорежиссер, ныне директор киностудии «Мосфильм».

Григорий — отец Нонны — тоже был адвокатом.

Ашот некоторое время работал в Бакинском оперном театре помощником директора.

Арам был инженером.

Евгения отлично знала английский язык, хотела учиться в Гарварде и два раза пыталась уехать в США, но обе попытки провалились. По воспоминаниям Нонны, во второй раз Евгения смогла доехать до Риги, но на дальнейшее путешествие у нее не хватило денег. Она вернулась в Баку, проработала там какое-то время в Наркомздраве, а затем, уже после смерти Майко, переехала в Москву, где и умерла в 1972 году.

Левон работал в системе Осовиахима.

По воспоминаниям Нонны, Майко была очень красивой женщиной, с белой мраморной кожей. Лицо ее до конца жизни не обезобразили морщины. В молодости у нее были яркие карие глаза с зелеными вкрапинками и вьющиеся волосы, но Нонна помнила бабушку уже седой. Майко была среднего роста, с возрастом она немного согнулась. Всегда ходила только в черном. Нередко она тихо плакала и объясняла внукам: «Как не плакать, когда умерли дети (Арусаяк, Арам, Левон), когда потеряла таких братьев, как генерал Даниэл-бек и полковник Александр».

Я убедился в правоте слов Нонны насчет черной одежды и мраморных черт Майко, когда увидел фотографию младшей сестры Даниэл-бека с другим сыном, Арамом.

Несмотря на то что Майко не получила образования, была она человеком редкого такта и деликатности, с большим чувством достоинства. И очень выделялась этими свойствами среди своих сверстниц. Она никогда не позволяла себе беспокоить родных жалобами, просьбами, старалась по возможности оградить их от трудностей быта. И никогда не вмешивалась в их личную жизнь.

Вот только один штрих (по воспоминаниям Нонны): «Мама курила, но не позволяла себе этого при бабушке. Майко подозревала, что она курит, но не подавала виду. И однажды, когда мама, усталая после работы, прилегла у себя в комнате и закурила папиросу, неожиданно вошла бабушка. Мама тут же спрятала папиросу под одеяло. А бабушка, выйдя из ее комнаты, попросила мужа: «Скажи Оле, пусть вытащит папиросу, а то одеяло сожжет».

У Майко были привычки, свойственные только ей, например, она никогда не садилась за стол первой, никогда не пила воду, а только чай и только из стакана, который всегда стоял у ее кровати.

Жизнь многодетной семьи была нелегкой. У каждого из домочадцев был свой характер и темперамент, но Майко пользовалась неизменным уважением у всех членов семьи и у всех, кто знал ее. Дети даже представить себе не могли, что можно как-то неуважительно к ней обратиться или обидеть каким-либо поступком.

Майко, в отличие от своей старшей сестры, Мины, так и прожила до конца жизни в Баку. Там она и умерла в 1948 году, там и похоронена. Цела ли ее могила после Бакинских событий 1988 года?

Я подарил внукам двух сестер Даниэл-бека, Светлане и Нонне, которые друг для друга и для меня — троюродные сестры, по копии «Дела...», и теперь они знают документально подтвержденную, точную дату рождения своих бабушек, остальных членов семьи нашего прадеда, Абисогома, и его самого.

Вот такими они были, Мина и Майко: простыми женщинами, прожившими нелегкую жизнь, но умудрившимися воспитать очень достойных

детей и внуков. Волею судьбы, они с некоторого времени жили в разных городах, где и умерли и похоронены. На фотографии из домашнего архива Светланы Григорьевны они сняты вместе и так внешне похожи друг на друга, что без пояснения — кто из них где — не обойтись: Мина — слева, а Майко — справа.

О существовании младшего брата Даниэл-бека, Аршака (это именно его имела в виду Майко, говоря о «полковнике Александре»), я узнал лишь после того, как просмотрел в РГВИА послужные списки военнослужащих нашего рода, какие смог обнаружить. У Аршака Абесаломовича был только один послужной список.¹³ Им я и воспользуюсь, чтобы рассказать о самом младшем члене большой семьи моего прадедушки Абисогома.

Аршак родился в деревне Нахичеваник 5 сентября 1871 года, годом позже составления «Списка...» Саркисджана Пирумова, поэтому имя последнего ребенка семьи Абисогома и отсутствует в документе. Удивительно, но в послужном списке фамилия Аршака — Пирумянц, а не Пирумов (кроме Аршака мне известны еще только два представителя нашего рода из числа военнослужащих, фамилии которых в послужных списках оканчиваются на «янц»).

Надо сказать, чехарда с нашей родовой фамилией вносит известную сложность при подготовке публикаций о ее носителях, в том числе, разумеется, и о Даниэл-беке. Например, в метрических свидетельствах сыновей Даниэл-бека, Микаэла и моего отца, Левона, дедушка упомянут с фамилией Пирумянц, хотя по послужным спискам он Пирумов.

Окончив Шушинское городское училище, Аршак в 1890 году вступил вольноопределяющимся 2-го разряда в тот же самый 153-й пехотный Бакинский полк, где служил Даниэл-бек. Затем он со второй попытки поступает в 1893 году в Тифлисское пехотное юнкерское училище. Выходит из него в 1895 году подпрапорщиком и переводится в 8-й Закаспийский стрелковый батальон. Оттуда он снова переводится в 7-й Закаспийский стрелковый батальон, дислоцирующийся в одном из древнейших городов Средней Азии — Мерве (на берегу реки Мургаб близ современного города Байрам-Али в Туркменистане).

Но, обретаясь так далеко от Кавказа, Аршак не теряет связи с родными. Не случайно в Мерве его застаёт фотография «одинокого» Михаила в цивильном костюме с галстуком-бабочкой. На обороте фотографии текст: «Скажи дорогому брату Саше (очевидно, фотография была прислана не по почте, а с оказией; Сашей Аршака иногда называли родные, это подтверждают и слова Майко о «полковнике Александре». — Ю.Л.), что вдали от него я вечно храню о нем память, что, хотя судьба нас и разлучила, мы связаны тесными родными узами, и что на высоте орлиной красуется Шуша град, что разной пустяковиной занят его брат. А потому пусть он

¹³ РГВИА. Ф. 409. № 2662 (1909).

его извиняет и забудет, что брат слову изменяет... Карточку эту посылает тебе, Саша, любящий тебя брат Миша. 21.IX.1897 г.».

В 1898 году Аршака переводят на Волынь в 128-й пехотный Старо-Оскольский полк, а 13 июля 1899 года производят в подпоручики.

И опять проявляется связь с родными. Уже женатый Михаил, видимо, получив известие о присвоении Аршаку следующего чина, посылает ему на Волынь фотографию, где он снят с женой, и пишет на обороте: «Любезному и незабвенному брату Аршаку от любящего его брата и невестки. 19.07.1899 г.».

В 1900 году Аршака прикомандируют к 261-му пехотному резервному Шемахинскому полку. Приблизительно к этому времени относится фотография его сослуживца, Н. Кузьмина (из архива Седы Сергеевны Иванашвили), которую он прислал Аршаку с памятной надписью: «На добрую память товарищу и сослуживцу по 8-му стрелковому Закаспийскому батальону А. Пирумянцу». В 1903 году Аршака производят в чин поручика. В архиве Седы Сергеевны Иванашвили сохранилась фотография Аршака в чине поручика с его матерью Далитой.

В октябре 1904 года Аршак командирован в город Мукден в резерв Манчжурской армии, а в декабре этого же года его переводят на службу в 10-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, где он командует сначала 11-й, а потом 7-й ротой. В сражениях он проявляет себя с лучшей стороны и потому «Приказом Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действующими против Японии от 15 июня 1905 года, за № 1036, за отличия в делах против Японцев (так в тексте: с прописной буквы. — Ю.П.) награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

В ноябре этого же года Аршака, «за отличия, оказанные им в боях с Японцами под Мукденом», награждают чином штабс-капитана. Война кончается, и Аршака в сентябре 1906 года командируют в качестве помощника начальника эшелона по сопровождению запасных нижних чинов на родину. Затем в апреле 1907 года его снова прикомандируют к 261-му пехотному резервному Шемахинскому полку, где он командует то одной, то другой ротой. В 1909 году он уже капитан и большинством голосов избран членом суда общества офицеров.

Но семьей он так и не обзавелся. По воспоминаниям Реганы Каграмановны Мирзабековой, Аршак должен был приехать в Шушу, чтобы жениться, но вдруг было получено известие (кем, она не знала), что он погиб на Кавказском фронте (предположительно) в Первую мировую войну. Это вполне могло быть, так как Аршак в 1914 году принял участие в Первой мировой войне в звании подполковника, и по сведениям, полученным мною от историка С.В. Волкова, в 1915 году и в августе 1916 года он был полковником. Так что если младший брат и собирался жениться, то

Младший брат Даниэл-бека Аршак с матерью

не успел. Дальнейшая его судьба мне неизвестна. Может быть, он погиб еще до Февральской революции, так как ни в одном архивном документе периода 1917 – 1920 годов я не нашел упоминания о нем.

Вот, вкратце, жизнь и судьба братьев и сестер Даниэл-бека, составлявших вместе с ним большую семью моего прадеда Абисогома. Со временем она пополнилась новыми членами в виде зятьев и невесток. Часть этого большого клана можно увидеть на фотографии.

О том, как проходило детство самого Даниэл-бека, приходится только догадываться. Помогал ли он родителям по дому, был ли близок с братьями и сестрами, занимался ли воспитанием младших и когда вообще закончились детские годы Даниэл-бека в родном доме, неизвестно. Но

Даниэл-бек (во втором ряду в центре) с сестрой Миной (слева), братьями Михаилом (во втором ряду справа), Аршаком (в первом ряду справа), Исаджаном Тер-Минасовым — мужем Мины (в первом ряду слева) и Цагик — женой Михаила (во втором ряду справа)

можно смело предположить, что уклад в семье был типичным для кавказцев: младшие беспрекословно слушались старших и кидались наперегонки, чтобы помочь им в любом деле. Подробностей, увы, теперь уже не узнать. Как не узнать и того, учился ли Даниэл-бек, живя в деревне Нахичеваник, например, в церковно-приходской школе или получал наряду с другими детьми домашнее образование. О его начальном образовании можно судить только по записи в послужных списках: «окончил курс 4-хклассного Шушинского городского училища».

Но, даже располагая этими данными, трудно сказать, когда он поступил в Шушинское городское училище и когда его окончил. Говорить об уровне знаний, полученных им в этом заведении, а также о его дальнейшей учебе в Тифлисском пехотном юнкерском училище можно лишь косвенно, исходя из общих сведений о городских и юнкерских училищах.

Глава 4

УЧЕБА В ШУШЕ И ТИФЛИСЕ

Годы учебы Даниэл-бека прошли в двух замечательных городах — Шуше и Тифлисе. Но если о втором городе известно достаточно, то, думаю, Шуша для многих остается «terra incognita». Я и сам ничего толком не знал о Шуше, а по наивности писал туда письма с вопросами о Сардарпатской битве.

А история у этого славного города Нагорно-Карабахской Республики уникальная. Крепость Шуша (в армянской транскрипции — Шуши) была основана в 20-е годы XVIII века в провинции Варанда и располагалась на высоком плато (средняя высота 1500 метров над уровнем моря) в самом центре Нагорного Карабаха.

Первые сведения о крепости появляются в письменных источниках начала XVIII века, хотя сохранившиеся в различных частях Шушинского плато следы древних поселений, надгробные плиты с армянскими надписями, капители и хачкары относятся к IX — XVII векам. На северной оконечности плато сохранилось городище обширного поселения Зарист, упоминание о котором можно найти на армянских картах IV века.

Название Шуши упоминается значительно раньше XVIII века. Об этом свидетельствует памятная запись в рукописи Матенадарана:¹ «В районе Пос, провинции Варанда, в деревне, что называется Шушо, при покровительстве Сурб Степаноса... в лето 1024 (1575 г.)». И, что еще значительнее, топоним Шошо неоднократно встречается в надписях надгробий XIII — XVIII веков на кладбище деревни Шош.

Для застройки и градостроительного развития Шуши переломным явился 1805 год, когда Карабах добровольно принял русское господство, которое было утверждено русско-персидским договором 1813 года в крепости Гюлистан.

С 1847 года Шуша получает статус города и, находясь в стратегически важном месте центрального Закавказья, начинает стремительно расти и к 60-м годам XIX века превращается в один из значительных деловых и культурных центров всего Закавказья.

Вот что писал о Шуше того времени В. Верещагин в своем «Путешествии по Закавказью» в 1864 — 1865 годах: «...Шуши представляет совершенный контраст с городами. Дома ее правильны, красивы, высоки и освещены прекрасными многочисленными окнами. Город построен из кам-

¹ Рукопись № 4375 Матенадарана. С. 164.

ня, взятого из утесов, на которых он расположен. Улицы везде вымощены широкими плитами, крыши сделаны из теса — на манер европейских».

В городское училище этого «одного из значительных деловых и культурных центров всего Закавказья» и приехал учиться юноша из деревни Нахичеваник Шушинского уезда. В энциклопедическом словаре «Брокгауз и Ефрон» есть некоторые необходимые мне сведения, и если их еще дополнить информацией, почерпнутой из Большой Советской энциклопедии, можно представить, хотя бы в общих чертах, чему и как обучалась в этих училищах тогдашняя молодежь.

«Городские училища существуют на основании Положения с 31 мая 1872 года. По мысли законодателей — это «общеобразовательные заведения, назначенные для городского населения и преимущественно бедной части его» (в Большой Советской энциклопедии сказано, что в них могли учиться и дети зажиточных крестьян. — *Ю. П.*). Цель — доставить законченное общее элементарное образование и дать те сведения, которые могут быть наиболее полезны в практической жизни. Они возникли по мысли графа Д.А. Толстого в бытность его министром народного просвещения.

Городские училища разделяются на одно-, двух-, трех- и четырехклассные, но в особых случаях и по особым ходатайствам могут быть учреждены пяти- и шестиклассные. Во всех этих училищах, несмотря на разное число классов, курс учения продолжается шесть лет; деление основано не столько на объеме курса, сколько на числе учителей и количестве денежных средств, отпускаемых на содержание городских училищ.

В четырехклассных училищах курс первых двух классов продолжается по два года, а третьего и четвертого — по одному году.

Положение 31 мая 1872 года устанавливало классную систему преподавания, то есть каждому штатному учителю поручалось преподавание во вверенном ему классе всех предметов (кроме закона Божия, пения и гимнастики). Неудобства этой системы были очевидны и в 1872 году, поэтому при издании Положения мнением Гос(ударственного) Совета было предоставлено Министерству народного просвещения «в тех случаях, когда это будет им признано полезным, назначать в городские училища вместо классных — предметных учителей».

Городские училища создавали на базе уездных училищ, основанных еще в начале XIX века, и по замыслам царской администрации новые учебные заведения должны были охватывать широкий круг предметов, в частности, закон Божий; чтение и письмо, русский язык и церковно-славянское чтение; арифметика; практическая геометрия; география и история отечества с необходимыми сведениями из всеобщей истории и географии; сведения из естественной истории и физики; черчение и рисование; пение; гимна-

стика. В Большой Советской энциклопедии написано, что учеников обучали также и некоторым ремеслам, например работам по дереву и металлу.

А в 1880 году Министр народного просвещения даже признал желательным введение в преподавание городских училищ краткого курса популярной медицины.

Учебный материал во всех отделениях и классах располагался концентрически: в каждом отделении давали более или менее полный курс, который постепенно расширяется и пополняется сведениями в последующих отделениях. И даже если ученик прерывал свое обучение, он все равно выходил из училища с набором систематизированных знаний.

Обучение в городских училищах было платным. Размер платы определялся педсоветом городского училища и колебался, смотря по местным условиям, от 2 до 18 рублей в год. В городские училища принимали детей всех званий и вероисповеданий (не моложе 7 лет), причем прием в тот или иной класс не был обусловлен каким-либо предельным возрастом. Ученики, успешно освоившие курс первых четырех лет городских училищ (10 – 18-тилетнего возраста), могли поступать без экзамена в первый класс гимназий или реальных училищ. Те же, кто окончил полный курс городских училищ, при производстве в первый классный чин освобождались от установленного испытания. В Большой Советской энциклопедии сказано, что «права выпускников городских училищ на продолжение образования были ограничены. Они могли поступать в низшие профессиональные школы или на одно- и двухгодичные педагогические курсы, существовавшие при некоторых училищах».

Прошедшим курс городских училищ предоставлялась льгота II разряда по воинской повинности (3 года на действительной службе), вышедшие же из 3-го отделения училища причислялись к IV разряду.

При каждом городском училище было столько штатных учителей, сколько классов: один из учителей (с утверждения попечителя учебного округа) назначался «заведующим училищем»; учителя, заведующие 3-х и 4-х классными городскими училищами, назывались инспекторами. Существовало и звание «учительского помощника».

Учителями в городских училищах могли быть лица, окончившие курс в учительских институтах или выдержавшие соответствующий экзамен. Законоучители, учителя и их помощники числились на государственной службе. При каждом городском училище был положен почетный смотритель, который избирался на три года или инспектором городского училища (если городское училище содержалось на средства казны), или земством и обществами (в городских училищах, содержавшихся на их счет). В том и другом случае смотритель утверждался попечителем учебного округа.

Ну, хорошо, я кое-что узнал об этих учебных заведениях Российской империи. Но когда же Даниэл-бек поступил в конкретное четырехклассное Шушинское городское училище?

Я понимал, что Положение от 31 мая 1872 года только декретировало организацию городских училищ, но ведь не на следующий же день возникли новые учебные заведения. Когда же городское училище появилось в Шуше?

Сколько ни искал, нигде не мог найти по этому поводу никакой информации. Ни в различных справочниках, ни в Интернете. Как уже часто бывало на моем исследовательском пути, помощь пришла неожиданно, но вовремя. У Арсена Мелик-Шахназарова имелась небольшая книжка, изданная по поводу взятия Шуши армянскими карабахскими воинами в 1992 году. Этакая «книжка-раздвижка».²

Из нее то я и вычитал, что городское училище в Шуше было организовано в 1875 году.

Если Даниэл-бек поступил в Шушинское городское училище в год его открытия, то, значит, он начал учебу в этом заведении в четырнадцатилетнем возрасте, и, наверное, он не казался учителям и одноклассникам «переростком», ведь прием в тот или иной класс не был обусловлен каким-либо предельным возрастом. Важно, чтобы ученику было больше семи лет. А вот где Даниэл-бек учился до поступления в Шушинское городское училище, скорее всего, мне уже никогда не узнать. Два варианта: либо дома, либо в церковно-приходской школе. Второй вариант кажется мне более правдоподобным. Но при любом раскладе в биографии Даниэл-бека остаются не исследованными мною 14 лет. Эти гипотетические 14 лет — пожалуй, один из немногих периодов в жизни Даниэл-бека, оставшийся для меня «белым пятном» в его биографии. Другие нестыковки все-таки не превышают года. «Склеить» жизнь деда из уже известных и вновь обнаруженных мною фактов в непрерывную цепь событий оказалось трудно. Потому и названа моя книга «На обрывках лет и дней».

Правда, непонятно, почему семья не отправила Даниэл-бека на учебу раньше, например, в Шушинское уездное училище, основанное, по моим сведениям, еще в 1829 году. Но так или иначе, а следующие шесть лет, если Даниэл-бек поступил в Шушинское городское училище в 1875 году, можно с уверенностью «списать» на его пребывание в стенах этого учебного заведения (за исключением каникул, разумеется, которые, думаю, он проводил под кровом родителей в деревне Нахичеваник).

Что же до полученных им знаний, то, судя по количеству предметов, они были вполне достаточными для продолжения образования. Другое дело, в какой степени они были усвоены...

² Шуши. Столетие культурной жизни (1820 — 1920). Изд-во Музея литературы и искусства, Ереван, 1992 (без пагинации).

И вот через шесть лет после поступления учеба в Шушинском городском училище закончилась. Голос ли предков позвал его на военную службу или материальное положение семьи вынудило, но только 25 августа 1881 года Даниэл-бек стал военнослужащим на правах вольноопределяющегося 3-го разряда и на следующий день был зачислен в 13-й Лейб-Гренадерский Эриванский Его Величества полк. Не в Лейб-Гвардейский, как написано в Армянской Советской энциклопедии, а в Лейб-Гренадерский. А что означало «вольноопределяющийся 3-го разряда»? В книге историка Сергея Владимировича Волкова, который консультировал меня по разным вопросам, в том числе сообщал данные о некоторых военнослужащих нашего рода, есть такое объяснение:

«С установлением всеобщей воинской повинности в 1874 году изменились и правила производства в офицеры. Исходя из них, все вольноопределяющиеся делились на разряды по образованию (теперь это было единственным делением, происхождение в расчет не принималось): 1-й — с высшим образованием (служили до производства в офицеры 3 месяца), 2-й — со средним образованием (служили 6 месяцев) и 3-й — с неполным средним образованием (испытывались по специальной программе и служили 2 года). Все вольноопределяющиеся принимались на военную службу только рядовыми и могли поступать в юнкерские училища».³

Значит, образование у Даниэл-бека было «неполным средним», раз его приняли на военную службу вольноопределяющимся 3-го разряда, и он правильно решил, что надо использовать возможность, предоставленную вольноопределяющимся, и поступить в юнкерское училище.

Уже на следующий день, 26 августа 1881 года, в годовщину Бородинской битвы, о которой он впоследствии будет читать блестящие лекции, его командируют в Тифлисское пехотное юнкерское училище «для держания вступительных экзаменов в младший класс». Лишний раз убеждаюсь, как много из написанного о Даниэл-беке страдало приблизительностью: А.Г. Туршян писал, что военное образование дедушка получил в Тифлисском кадетском корпусе, и он действительно учился в Тифлисе, только не в кадетском корпусе, а в юнкерском училище; Б.А. Улубабян вообще переместил Даниэл-бека в столицу всей России — в Петербург, в военную школу..

Хотя что кадетский корпус, что юнкерское училище или военная школа, цель у таких заведений одна — выращивать будущих офицеров. Как это происходило в России XIX века и каков был контингент учащихся? Стал разыскивать необходимые сведения. И в книге Ю.А. Галушко и А.А. Колесникова «Школа российского офицерства» прочел:

«Две трети офицерского корпуса, то есть командный состав армейской пехоты и кавалерии, никакой систематической подготовки в 1-й половине

³ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 62.

XIX века не имели. В полках после несложного экзамена вольноопределяющимся или войсковым юнкерам, поступившим туда «по праву рождения», присваивалось офицерское звание. Поэтому даже у многих командиров полков в личном деле в графе «образование» можно было довольно часто прочесть «получено на службе». Чтобы покончить с таким ненормальным положением, в 1864 году было принято решение о создании **юнкерских училищ** (выделено мною. — *Ю.П.*) в Москве и Вильне, в которых вольноопределяющиеся и юнкера из войск проходили двухлетний курс обучения. В эти же училища могли поступать и унтер-офицеры так называемого обязательного срока службы, получившие унтер-офицерские знания. Юнкерские училища в учебном отношении подчинялись Главному управлению военно-учебных заведений, а во всем остальном — командующим войсками военных округов. «Приготовление дельных людей, хороших офицеров для службы в строю — есть конечная цель училищ (юнкерских)» — так предельно ясно и лаконично формулировались задачи этих военно-учебных заведений». ⁴

Москвой и Вильно дело не ограничилось. В 1865 году были открыты еще шесть юнкерских училищ: Киевское, Одесское, Рижское и Чугуевское — пехотные, Тверское и Елисаветградское — кавалерийские, а через год — еще два пехотных юнкерских училища: Казанское и Тифлисское. Впоследствии пехотные училища появились в Гельсингфорсе, Варшаве, Иркутске и Петербурге.

После организации юнкерских училищ запретили присваивать офицерские звания в войсках лицам, не прошедшим двухлетнюю подготовку в этих училищах. Таким образом, войсковые юнкера и вольноопределяющиеся должны были либо пойти учиться, либо уволиться из армии. В юнкерские училища шли также и выпускники военных прогимназий.

Первоначально окончившим юнкерские училища присваивали звания портупей-юнкеров. При этом в соответствии с результатами учебы и дисциплины их делили на три разряда. Окончившим учебный курс по 1-му разряду офицерское звание присваивали в полку, даже если там не было свободных должностей; тем, кто окончил училище по 2-му разряду, офицерское звание присваивали только при наличии свободных должностей, ну а выпустившиеся по 3-му разряду могли получить офицерское звание не раньше, чем через год после того, как получат звание последние из окончивших училище с ними в один год, но по 2-му разряду.

Учитывая уже имеющийся опыт в подборе и подготовке преподавателей и командиров-воспитателей в кадетских корпусах и военных училищах, в юнкерских училищах ввели должности как штатных, так и приват-

⁴ Галушко Ю.А., Колесников А.А. Историческая справка. Школа российского офицерства. М.: Русский мир, 1993. С. 113.

ных преподавателей, на которые приглашались преподаватели, имевшие достаточный педагогический опыт.

Начальниками училищ назначали офицеров, окончивших одну из академий и имевших опыт службы, как в войсках, так и в военно-учебных заведениях. Начальник училища пользовался правами командира полка. К нему в помощь назначали ротного командира, имевшего опыт командования ротой. Младшие офицеры до назначения в училище должны были прослужить не менее четырех лет в строевой пехотной части.

В юнкерских училищах, естественно, учитывали слабую начальную подготовку воспитанников, зная перечень предметов и систему обучения в городских училищах, но за два года старались подготовить из юнкеров хороших строевых офицеров. Но шли по линии минимизации знаний. То есть полагали, что «юнкера, оставляя училище, должны знать немного, одно лишь необходимое, но так основательно все усвоить и переработать посредством практических упражнений и частых повторений, чтобы приобретенные немногие знания служили бы им сильным оружием для дальнейшего развития... **Обобщенные и ясные понятия и принципы должны войти в плоть и кровь учащихся и служить им родным материалом для приложения в будущей службе** (выделено мною. — Ю.П.)».⁵

Учебный год длился с 1 сентября по 1 апреля. Учебное отделение включало до 40 человек, учащиеся должны были находиться в классе не более пяти часов в день и не более двух часов на плацу. «Надобно наблюдать, — указывалось в инструкции, — чтобы из числа назначенных часов по каждому предмету преподаватели уделяли не менее половины на репетирование (то есть активное повторение) и чтобы каждый учащийся был опрошен из каждого отдела курса».

В апреле назначались переводные и выпускные экзамены, причем существовало правило: экзамен принимает у юнкера тот преподаватель, который будет у него вести этот предмет в старшем классе, а преподаватель младшего класса выступал в роли ассистента. После экзаменов юнкера направлялись на практические работы в поле, а потом на все лето — в войска «для ознакомления со службой и с солдатским бытом». Каникул у юнкеров не было.

Ясно, что условия учебы в юнкерских училищах были рассчитаны на крепких телом и духом, хотя их начальную подготовку, как я уже писал, штатный персонал юнкерских училищ рассматривал как слабую. Но, возможно, это мнение не совсем соответствовало действительности. Вот что по этому поводу писал П.А. Зайончковский:

«Поступавшие в юнкерские училища из числа окончивших низшие учебные заведения, как правило, были людьми способными, с сильной волей, оканчивавшие эти заведения с большими для себя лишениями.

⁵ Там же.

В основном, это были выходцы из крестьян. Для них поступление в юнкерское училище было результатом упорного труда, а нередко и лишений.

Лица, не имевшие шестиклассного образования, представляли более желательный элемент, так как в большинстве случаев оказывались хорошо подготовленными, особенно те, кто окончил курс в городских училищах (выделено мною. — Ю.П.)».⁶

Вот потому-то и трудно судить однозначно о качестве начального образования Даниэл-бека. Но главное — оно позволило ему продолжить учебу..

Итак, 11 сентября 1881 года Даниэл-бек был «зачислен в состав юнкеров». Почему в юнкерское, а не в военное училище поступает Даниэл-бек?! На этот вопрос ответ есть у того же П.А. Зайончковского: «Для поступления в военное училище требовалось законченное среднее образование, и пополнялись эти училища главным образом за счет оканчивающих кадетские корпуса. В юнкерские же училища поступали молодые люди, не получившие среднего образования и имевшие познания в объеме 4 — 6 классов гимназии или уездного училища. Первые выпускались офицерами, вторые — подпрапорщиками».⁷

После Шуши Тифлис, по-видимому, оказался вторым крупным городом, в котором Даниэл-беку довелось пожить, обучаясь в юнкерском училище. Два года — солидный срок для восстанавливаемой биографии, и мне хотелось найти сведения об этом учебном заведении, в стенах которого Даниэл-бек провел их. В Российской государственной библиотеке (как я обрадовался, когда она перестала носить имя Ленина, не имевшего к ее созданию никакого отношения!) я ознакомился с «Памяткой Тифлисского пехотного юнкерского училища 1864 — 1900 годов». Составлена она в 1900 году в Тифлисе поручиком 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского полка Тарасенковым К.Н. по поручению Начальника училища, полковника Генерального штаба Верещагина.

Приведу «Памятку...» Тарасенкова полностью, потому что считаю, что она дает возможность очень четко детально представить условия пребывания Даниэл-бека в училище:

«В 1864 году Великий князь Михаил Николаевич распорядился об организации Тифлисского временного юнкерского училища на 50 человек. Оно было помещено в Покровских казармах. Прием начался с осени 1865 года.

В 1864 году по сформированию военных округов приступили к учреждению постоянных юнкерских училищ, и 23 июня 1866 года штатный состав был определен в 200 юнкеров, составлявших одну строевую роту. Но до осени 1869 года был ежегодный некомплект. К 1 сентября 1866 года установился прочный порядок, а 15 октября 1866 года состоялось торже-

⁶ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX — XX столетий. М.: Мысль, 1975. С. 335.

⁷ Там же.

ственное открытие Тифлисского пехотного юнкерского училища, переведенного из Покровских казарм в частный дом Алепова (Николаевская улица, дом 86).

Училище состояло в ведении Главнокомандующего Кавказской армией и было подчинено Начальнику штаба округа на правах Начальника дивизии, наблюдение за учебной частью было возложено на Главное Управление военно-учебных заведений. Первый выпуск состоялся в мае 1867 года, причем аттестаты на право производства в офицеры получили всего 11 юнкеров. Остальные в первый раз были прикомандированы к частям войск на лагерное время.

В 1868 году инспектировавший Училище полковник Генерального штаба Бобровский нашел его в отличном состоянии. 17 сентября 1868 года Училище было переведено из частного дома Алепова в ныне занимаемое здание, переданное Кавказской Учебной ротой.

В то время здание оканчивалось флигелем во дворе, где ныне квартира командира 1-й роты и 3-е отделение младшего класса; другая половина здания для 2-й роты была построена военно-инженерным ведомством в 1872 году. Для разбора ссор между юнкерами и других поступков 26 февраля 1869 года была образована комиссия под общим наблюдением офицера, состоящая из обвинителя, защитника и трех судей (все 5 человек из числа юнкеров).

В 1879 году при Училище были созданы собственные учебные лагеря. И 10 июня в первый раз Училище проводит летние месяцы, с начала июня до конца августа, в лагере, где первые годы жили в палатках. Но в 1881 году было отпущено 6700 рублей на возведение лагерных построек: столовой, канцелярии, библиотеки, каменной кухни, пекарни, оружейной мастерской и прачечной, а из остатков суммы был построен барак для офицерской столовой.

В течение курсов 1879 – 1895 гг. для принятия в училище вольноопределяющихся с более слабой первоначальной подготовкой был временно открыт приготовительный класс, в котором проходили предметы в объеме вступительной программы.

С 1880 года юнкера, выписанные из Училища по окончании курса, стали переименовываться в подпрапорщики и подхорунжие.

В отчете о результатах смотров стрелковых частей в войсках за 1881 год объявлено, что при проверке состоявших в войсках подпрапорщиков в знании ими стрелкового дела основательностью своих познаний обратили на себя внимание выпущенные из трех училищ: Казанского, Варшавского и Тифлисского.

6 сентября 1882 года в приказе по войскам Кавказского Военного округа объявлено, что на бывших летом смотрах командующего войсками Генерал-Адьютанта князя Дондукова-Корсакова Тифлиское пехотное

училище представилось в отличном состоянии. В 1881 — 1882 гг. в Училище была устроена собственная оружейная мастерская, и был передан из упраздненной Кавказской Учебной роты оружейный музей, существующий и поныне.

К 1900 году, когда была составлена памятка, из офицеров и преподавателей некоторые служат в Училище более 20 лет.

Первоначально установленные правила заключали в себе следующее: поступать в Училище могли юнкера (дворяне) и вольноопределяющиеся (пользующиеся правами по образованию); учебный курс разделялся на два класса — младший и старший (общий и специальный), в которых изучались проходимые и теперь (1900 г.) предметы, но только по более сокращенным программам. Зимние занятия продолжались с 1 сентября по 1 апреля.

По окончании экзаменов и практических работ в поле, обучающиеся на все летнее время прикомандировывались к ближайшим войсковым частям для изучения службы и строевых занятий. Окончившие курс возвращались в свои части со званием портупей-юнкеров и производились в офицеры по представлению ближайшего начальства. Содержание обучающихся в Училище относилось на средства частей войск, в которых они числились; сверх того, на улучшение пищи был установлен добавочный отпуск по 10 копеек в сутки на человека, сохранившийся и до сего времени.

Кавалеров ордена Св. Георгия, награжденных за бои с текинцами, с мятежниками в Дагестане и за войну в 1877 — 78 гг., — 14 человек.

Убитых и умерших от ран в 1877 — 78 гг. и в делах с текинцами 1879 — 1880 — 1881 гг. — 23 человека, из них один прапорщик 153-го Бакинского пехотного полка Владимир Девель.

Начальник Училища 1881 — 1889 гг. — подполковник Генерального Штаба Шатилов.

Из офицерско-преподавательского состава (с годами прибытия и убытия):

Штабс-капитан Никифоров — отделенный офицер и делопроизводитель 1872 — 1884 гг.

Капитан Воропаев — преподаватель 1873 — 1892.

Подпоручик Турбин — отделенный офицер, командир роты 1875 — 1891.

Подпоручик Ананьин — отделенный офицер 1877 — 1883.

Штабс-капитан Буткевич — младший офицер 1879 — 1886.

Штабс-капитан Козловский — младший офицер и командир роты 1879 — 1897 (он из 153-го Бакинского пехотного полка).

Штабс-капитан Дидебулидзе — адъютант, младший офицер, командир роты 1880 — в 1900 году еще работал.

Капитан Кувязев — преподаватель 1880 — 1887.

Штабс-капитан Кузьмин — младший офицер 1881 — 1886.

Капитан Мальцев — казначей 1881 — 1889 (он из 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского полка).

Поручик Горбунов — младший офицер 1881 — 1884.

Поручик Петров — младший офицер 1881 — 1886.

Штабс-капитан Амбаров — младший офицер 1881 — 1884.

К невыразимому горю юнкеров Тифлисского Училища 26 июня 1877 года последовало распоряжение высшего начальства о недопущении юнкеров на войну впредь до производства их в офицеры, но окончившие в этом году курс училища по 1-му разряду 8 юнкеров тотчас же были произведены в прапорщики и командированы на театр военных действий.

31 августа 1878 года Училищу объявлена благодарность Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича за пожертвования чинами Училища 209 рублей на устройство Добровольного флота.

На строевом учении 12 ноября 1878 года, в присутствии Главнокомандующего, Училище представилось в отличном состоянии и удостоилось самой лестной похвалы Е.И.В. Великого Князя Михаила Николаевича, который обратился к Училищу со словами, выразившими уверенность, что настоящий состав Училища окажет себя достойным своих предшественников — товарищей, которые службой своей и подвигами в войну 1877 — 1878 гг. доставили честь и славу Тифлисскому Пехотному Юнкерскому училищу».⁸

Как хорошо, что существуют документы такого рода. Они не только позволяют представить детали учебы и быта юнкеров, но и оставить в нашей памяти имена рядовых преподавателей, потративших, надо думать, немало сил и здоровья, чтобы направить ум и энергию воспитанников в надлежащее русло.

В юнкерских училищах обучение длилось два года. Для Даниэл-бека это были 1881 — 1883 годы. На втором году обучения в связи с общей тенденцией, утвердившейся в Военном министерстве, обращать большее внимание на военную подготовку в ущерб общеобразовательной, объем некоторых предметов был сокращен. И потому Даниэл-беку не довелось изучать историю словесности, историю литературы, тригонометрию, раздел логарифмов и химию. Даже физику и географию — столь необходимые, на мой взгляд, предметы для военнослужащего — молодой человек вкусил только в сокращенном виде.

Естественно, мне очень хотелось найти в РГВИА какие-либо документы, проливающие свет на успеваемость юнкеров за эти годы и конкретно — на успеваемость Даниэл-бека. Я нашел список юнкеров, окончивших Тифлисское училище в 1882 году. Их 75 человек, и в специальных графах списка подсчитана сумма полученных молодыми людьми баллов.

⁸ Тарасенков К.Н. Памятка Тифлисского пехотного юнкерского училища 1864 — 1900 годов. Тифлис, 1900.

Интересно, что из 75 человек по 1-му разряду окончили училище всего 24. Остальные окончили по 2-му разряду. Имелся также и «Годовой отчет о состоянии Тифлисского пехотного юнкерского училища за учебный курс 1881 — 1882 годов».

А Даниэл-бек в 1882 году только перешел из младшего класса в старший. Этот переход ознаменовался присвоением ему 1 сентября 1882 года унтер-офицерского чина.

Меня интересовали его успехи именно в этом старшем классе, то есть период 1882 — 1883 годов. К сожалению, список окончивших Тифлисское училище в 1883 году в архиве отсутствовал. Не повезло...

Правда, имелся «Отчет о состоянии Тифлисского пехотного юнкерского училища за 1882 — 1883 годы»,⁹ а также «Ведомость распределения взысканий, наложенных в дисциплинарном порядке на юнкеров Тифлисского пехотного юнкерского училища в течение 1882 — 1883 годов».¹⁰

В первом документе, очень важном для моего исследования, я посчитал количество названий учебных пособий, приборов и книг, поступивших в библиотеку училища, которой пользовались юнкера в период 1881 — 1882 годов, а значит, и в период 1882 — 1883 годов, когда Даниэл-бек учился в старшем классе. Список существовал в отдельной «Ведомости учебным пособиям и книгам, поступившим в библиотеку Тифлисского Пехотного Юнкерского Училища в учебный курс 1881 — 1882 годов».

Перечислю все названия, не меняя орфографии и в том порядке, в каком они приведены в деле, без указания количества экземпляров. Порядковые номера названиям присвоены мною. Делаю это отчасти из желания показать лишний раз на конкретном примере, что в России и до 1917 года кое-что было. И сколько было...

Названия учебников, учебных пособий и книг:

1. Малинин и Буренин. Физика для гимназий и реальных училищ.
2. Рудаков. История Христианской православной церкви.
3. Рождественский. Отечественная история без связи со всеобщей.
4. Малинин и Буренин. Алгебра.
5. Устав о строевой пехотной службе и инструкция для действий роты и батальона в бою. Изд. 81 г. (здесь и далее под годами издания, очевидно, подразумеваются 1800-е годы. — Ю.П.)
6. Драгомиров. Учебник тактики. Изд. 81 г.
7. Устав о службе в гарнизоне (проект 81 г.)
8. Наставление по самоокапыванию пехоты малою лопатою. Изд. 81 г.
9. Кюи. Земляные закрытия для полевой артиллерии.
10. Пржевальский. Собрание алгебраических задач. Изд. 81 г.

⁹ РГВИА. Ф. 725, оп. 21, д. 260.

¹⁰ Там же.

11. Циркули.
12. Роско. Химия из серии первоначальных учебников. Изд. 79 г.
13. Пушкин. Борис Годунов, Скупой рыцарь, Капитанская дочка.
14. Устав полевой службы. 81 г.
15. Давидов. Элементарная геометрия.
16. Бычков. Собрание примеров и задач, относящихся к курсу алгебры.
17. Малинин и Буренин. Руководство по космографии и физической географии. Изд. 80 г.
18. Карты для решения тактических задач.
19. Карты Азиатской России, составленные по новейшим сведениям Люсилиным. Изд. Картографического зав. Ильина.
20. Потоцкий. Сведения о полевой и горной артиллерии.
21. Фогем. Карты восточного полушария, западного полушария, Европы.
22. Мензул с треногами и алидадами (мензула — землемерный столик с отвесом и компасом, алидада — астрономический прибор для определения высоты светил. — Ю.П.)
23. Компасы.
24. Теллурий металлический.
25. Кавказский сборник, издаваемый по указанию Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской армией. Т. 4. Изд. 79 г.
26. Сочинения Островского. Т. 1, 2, 3, 4 и 10. Изд. 74 — 81 г.
27. Некрасов. Полное собрание стихотворений. Изд. 81 года (в одном томе).
28. Сочинения Никитина, с его портретом и биографией. Т.т. 1 и 2. Изд. 78 г.
29. Майков. Стихотворения. Изд. 72 г. Т.т. 1, 2, 3.
30. Писемский. Масоны. Роман. Т.т. 1 и 2. Изд. 81 г.
31. Писемский. Мещане. Роман в 3-х частях (в одной книге). Изд. 78 г.
32. Гончаров. Четыре очерка. Изд. 81 г.
33. Лажечников. Последний новик. Исторический роман. Изд. 74 г.
34. Лажечников. Бусурман. Исторический роман. Изд. 74 г.
35. Каразин. Повести, рассказы и очерки. Изд. 74 г.
36. Немирович-Данченко. Плевна и Шипка. Роман. Изд. 81 г.
37. Немирович-Данченко. После войны. Изд. 80 г.
38. Гоголь. Полное собрание сочинений. Изд. 67 и 80 гг. Т.т. 1, 2, 3, 4.
39. Байрон. Сочинения в переводах русских поэтов. Т.т. 1, 2, 3, 4.
40. Сочинения Пушкина. Издание 3-е под редакцией Ефремова. 80 — 81 гг. Т.т. 1 — 6.
41. Сочинения Вальтер-Скотта; Кенильворт. Изд. 75 г.; Вэверлей. Изд. 74 г.; Антикварий. Изд. 74 г.; Гай Маннеринг. Изд. 74 г.; Монастырь. Изд.

- 77 г.; Айвенго. Изд. 74 г.; Эдинбургская темница. Изд. 76 г.; Роб Рой. Изд. 74 г.; Пуритане. Изд. 75 г.; Ламмермурская невеста. Изд. 75 г.
42. Гр. Толстой. Анна Каренина. Роман в 3-х томах. Изд. 78 г.
43. Салтыков. Губернские очерки. Изд. 64 г.
44. Гр. Толстой. Война и мир.
45. Шпильгаин. Один в поле не воин. Изд. 71 г.
46. Грибоедов. Горе от ума. Комедия. Изд. 66 г.
47. Каразин. Погоня за наживой. Роман. Изд. 76 г.
48. Каразин. В пороховом дыму. Роман. Изд. 78 г.
49. Достоевский. Записки из мертвого дома.
50. Достоевский. Преступление и наказание.
51. Диккенс. Святочные рассказы. Изд. 75 г.
52. Корш. Всеобщая история литературы.
53. Атлас времен Императрицы Екатерины II.
54. Плюцинский. Окопы и позиционные работы пехоты. Изд. 81 г.
55. Острогорский. Хронология всеобщей и русской истории.
56. Бобровский. Происхождение артикула воинского и изображение процессов Петра Великого по уставу воинскому 1716 г. Изд. 81 г.
57. Семашко. Арифметика. Изд. 81 г.
58. Редигер. Унтер-офицерский вопрос в главных европейских армиях. Изд. 80 г.
59. Драгомиров. Сборник оригинальных и переводных статей. Т.т. 1, 2. Изд. 81 г.
60. Бриальмон. Исследование боевых порядков пехоты, атака и оборона позиций и укреплений. Изд. 81 г.
61. Давидов. Начальная алгебра.
62. Костомаров. Черниговка. Быль второй половины XIX века. Изд. 81 г.
63. Элизе Реклю. Земля и люди. Всеобщая география. Т.т. 2, 3, 4, 5.
64. Стюарт. Физика.
65. Гейки. Физическая география.
66. Фостер. Физиология.
67. Локиер. Астрономия.
68. Готтенрот. История внешней культуры.
69. Фальке. Эллада и Рим.
70. Статковский. Задачи климатологии Кавказа.
71. Статковский. Макроскопические организмы.

Пособия по физике:

72. Платиновые тигли.
73. Термометры Цельсия.
74. Пирометры палочные.
75. Прибор Ингенгуса.

76. Гигрометр Даниэля.
77. Разрез машины Уатта.
78. Прибор для сфероидального состояния жидкостей.
79. Колбы из меди.
80. Фотометр Румфорда.
81. Прибор для отражения.
82. Параллельные и угловые зеркала.
83. Заотроп
84. К нему картины.
85. Зеркало увеличительное.
86. Зеркало уменьшительное.
87. Цилиндрическое зеркало.
88. Ахроматическая призма.
89. Спектроскоп.
90. Камера-обскура
91. Модели зрительных труб.
92. Монохорд.
93. Сирена.
94. Акустический стол.
95. Воздушный насос.
96. К нему принадлежности.
97. Пожарная труба.
98. Ареометр Никольсона.
99. Центробежная машина.
100. Система маятников.
101. Мультипликатор Нобили.
102. Электромагнит.
103. Спираль Румкорфа.
104. Гейолеровые трубки.
105. Термоэлектрический элемент Зеебека.
106. Гидравлический пресс.
107. Спитометр Траллеса.
108. Барометр сифонный.
109. Барометр анероид.
110. Прибор Мгравезанда (медные шары).
111. Термометр с тремя шкалами.
112. Кривофор.
113. Шар, плавающий в воде.
114. Изолированная скамейка.
115. Конденсатор.
116. Электрическая машина.
117. Прибор Ампера.

Журналы (за 1881 год):

118. Русская мысль.
119. Русский вестник.
120. Вестник Европы.
121. Русская старина.
122. Отечественные записки.
123. Слово.
124. Русский архив.
125. Артиллерийский журнал.
126. Инженерный журнал.
127. Оружейный сборник.
128. Семья и школа.
129. Педагогический сборник.

Не буду детально анализировать эту, с моей точки зрения, бессистемно и нелогично составленную ведомость. Отмечу только, что заказанные книги, пособия и журналы поступили в училище наверняка не на пустое место. И до 1881 года в фондах заведения, очевидно, уже что-то находилось. И еще. Среди книг много классиков отечественной и мировой литературы, названия многих пособий говорят об их соответствии техническому уровню того времени, а все до единого журналы — последнего года выпуска. Условия для обучения юнкеров весьма неплохие.

Начальник училища, полковник Шатилов, на основании имеющихся в его распоряжении отчетов подготовил письменное «Заключение», проливающее дополнительный свет на учебный процесс, быт и нравы юнкеров. Мне показалось, что его отчет представляет несомненный интерес как взгляд человека, непосредственно отвечающего за качество подготовки юнкеров конкретно Тифлисского училища, и потому я позволю себе привести этот документ полностью, сохранив орфографию оригинала:

«Касаясь вопроса о ходе учебных занятий и достигнутых результатов в отчетном учебном году, следует заметить, что курс этот не был вполне нормальным; так, вместо назначенных вновь утвержденною программю 7-ми уроков по тактике оставались, согласно предписанию Главного Управления Военно-Учебных Заведений определенныя прежнею программю 6 уроков, в виду того, что юнкера старшего класса топографию раньше не проходили, и на этот предмет вместо положенного 1-го (одного. — Ю.П.) урока в старшем классе, пришлось назначить 2 урока в неделю и вследствие этого сократить число практических занятий по тактике. Некоторые уставы (внутренняя служба, самоокапывание) вновь введенныя для младшего класса, не были в этом классе пройдены в курсе 1881 — 1882 годов и поэтому все упомянутые уставы проходились в старшем классе, увеличивая таким образом число служебных предметов этого класса.

Изложенные обстоятельства в совокупности делали учебные занятия истекшего курса **тяжелыми, в особенности для старшего класса, требуя особенного напряжения сил учащихся** (выделено мною. — Ю.П.).

Естественно, что необходимость усиленных занятий не могла не отразиться неблагоприятно на результатах экзаменов для некоторых более слабых по умственным способностям и менее усердных юнкеров; так, в истекшем учебном курсе 7 юнкеров в старшем классе показали неудовлетворительные успехи, почему и оставлены на 2-й год в классе.

С текущего учебного курса установилось вполне нормальное и согласное с вновь изданною программю распределение занятий, посему возможно рассчитывать и на улучшение в окончательных результатах выпускных и переводных экзаменов.

В отчетном учебном курсе, несмотря на увеличение числа уроков по фортификации с 3 на 4, обнаружилось, что необходимые сведения по долговременной фортификации в объеме, указанном программю, а также понятие о постепенной атаке крепостей, усваиваются юнкерами с большими затруднениями, отчасти потому, что в училище не имеется хороших моделей по долговременной фортификации, а также по атаке крепостей. Приобретение этих моделей было бы очень желательно, если бы они не были дороги, и училище могло получить указания, куда следует обратиться с заказом или где приобрести.

Равно считаю долгом заявить, что с значительным расширением, согласно установленной программы, практических занятий юнкеров в поле по топографии и тактике оказывается необходимым приглашать большое число руководителей (в истекший курс было 7) и сверх того, производить значительные расходы на наем для них верховых лошадей и на приобретение большого количества инструментов, вследствие чего отпускаемой на практические занятия суммы оказывается недостаточно, почему желательно увеличение ея, согласно мнению комиссии, собиравшейся в Петербург для обсуждения различных вопросов, касающихся юнкерских училищ.

Результаты, достигнутые по строевому образованию юнкеров и по усвоению ими военно-служебных предметов нельзя не признать, несмотря на указанные выше неблагоприятные условия, вполне удовлетворяющими требованиям, какие могут быть предъявлены строевым офицерам; что засвидетельствовано и войсковою экзаменною комиссиею, бывшею под председательством Генерал-Майора Коханова.

Нравственное состояние юнкеров также должно быть признано удовлетворительным, так как большинство проступков относится к мелочным нарушениям правил внутреннего порядка, и в течение всего курса не было ни одного случая, который повлек бы за собою исключение из училища; несмотря на то, что всякое нарушение дисциплины и внутреннего порядка преследовалось весьма строго, на одного юнкера приходится:

в приготовительном классе 2, в младшем классе 1,9 и в старшем 1,5 взыскания. Эти числа, постепенно уменьшающиеся, показывают, что даже и незначительные проступки уменьшаются с увеличением времени пребывания юнкеров в училище, т.е. по мере того, как они проникаются требованиями дисциплины и правил внутреннего порядка, наиболее крупные проступки, за которые юнкера подвергались отчислению от училища на срок, всего в числе 10, заключаются в следующем: отчислены — 1 — за ссору с нанесением удара частному лицу; 2 — за ссору между собой, кончившуюся нанесением удара одним другому; 2 — за самовольную отлучку из училища; 3 — за явку из отпуска в нетрезвом виде; 1 — за грубый ответ преподавателю; 1 — за нарушение установленных правил внутреннего порядка.

Для того, чтобы доставить юнкерам нравственные развлечения, которые с одной стороны, отвлекали бы молодых людей от разного рода злых вредного характера, что большей частью всегда сопряжено с праздным препровождением времени, а с другой, — с целью сообщить юнкерам приличную внешность и манеры в обращении, обладая которыми, юнкера могли бы впоследствии держать себя в обществе соответственно званию офицера, употреблялись все меры, чтобы развить в юнкерах любовь к занятиям музыкой, пением и танцами; с этой целью были приглашены учителя этих искусств, результаты занятий которых дали вполне желательные успехи, так как юнкера относились к этим занятиям с полной охотой. В настоящее время в училище составлен из юнкеров довольно удовлетворительный хор духовой музыки.

Относительно состояния здоровья юнкеров следует заметить, что заболеваемость их, особенно поступивших в первый раз в госпиталь, значительно увеличивалась в лагерное время; так из ведомости «Б» («А» — Ведомость распределения взысканий, наложенных в дисциплинарном порядке на юнкеров Тифлисского пехотного юнкерского училища в течение 1882 — 1883 годов, «Б» — Ведомость о числе госпитальных и околоточных больных Тифлисского пехотного юнкерского училища. — Ю.П.) видно, что из числа 73, всех поступивших в первый раз в течение курса в госпиталь, 32 человека приходится на июнь, июль и август месяцы; это обстоятельство объясняется как большим количеством для юнкеров физического труда в лагере, так и общим развитием лихорадок в Закавказье в летнее время. Больные, поступающие в течение учебного курса в околоток при училище, по установленным правилам посещали лекции и освобождались от них только на основании особых заявлений врача, пользующего в училище надворного советника (Тихомирова. — Ю.П.).

Из числа 73-х юнкеров, поступивших в 1-й раз в течение учебного курса в госпиталь, было 29 человек с венерической болезнью; из них 8 с признаками общего заражения. Такое значительное число заболевающих вене-

рической болезнью, помимо несдержанности в этом отношении молодых людей, объясняется неудовлетворительностью врачебно-полицейского надзора в гор. Тифлисе».¹¹

Конечно, это только мнение, пусть и непосредственного руководителя Тифлисского пехотного юнкерского училища. Но Военное министерство не пускало на самотек подготовку будущих офицеров и время от времени посылало с инспекторскими проверками своих представителей весьма высокого ранга. Именно таким оказался Генерал-майор Генерального штаба Нарбут, инспектировавший в июне и июле 1882 года юнкерские училища, в том числе и Тифлиское. Свое впечатление он изложил в отчете, направленном 9 декабря 1882 года в Комиссию Главного управления военно-учебных заведений Военного министерства. Оттуда его отчет за № 16352 был направлен 18 декабря 1882 года Помощником Главного начальника военно-учебных заведений, генерал-майором, бароном Зедделером Начальнику штаба Кавказского военного округа с сопроводительным письмом, в котором под бланком была начертана приписка: «Относительно недостатков по учебной части, найденных Генерал-Майором Нарбутом в Тифлиском и Ставропольском юнкерских училищах». Правда, в этом сопроводительном письме критике подверглось в основном Ставропольское училище, но буквально было сказано следующее: «полевые работы юнкеров Тифлисского пехотного и Ставропольского казачьего училищ вследствие неудовлетворительной подготовки юнкеров в топографическом черчении были довольно слабы». Впрочем, разберу лучше сам отчет генерал-майора Нарбута. Прочитую его фрагментарно. Чтобы уровень Тифлисского училища был более ясен, во фрагментах упомяну и некоторые другие юнкерские училища.

«В течение июня и июля месяцев настоящего года мною были осмотрены шесть юнкерских училищ: пехотных — Киевское, Одесское и Тифлиское; кавалерийских — Елисаветградское; казачьих — Новочеркасское и Ставропольское.

В виду того, что только с прошлого года училища начали выводиться на летнее время в свои лагерные расположения, главной целью моего осмотра было: ознакомиться с устройствами лагерей, нуждами училищ в этом отношении и постановкой всех летних занятий в названных училищах. Приведу важнейшие цифровые данные о составе юнкеров».¹²

Далее следует таблица, из которой можно узнать, что в Тифлиском училище по штату полагалось 300 юнкеров, а было — 280, не хватало 20 юнкеров (6,6%). Этих 280 юнкеров распределяли по классам так: в старшем — 103 человека (37%), в младшем — 104 (37%), в подготовительном — 73 (26%). А по возрастам вот так: до 18 лет — 29 человек, от 18 до

¹¹ Там же.

¹² Там же.

21 года — 151, от 21 года до 25 лет — 94, от 25 лет до 30 — 5, после 30 лет — 1. Таким образом, Даниэл-бек, которому летом 1882 года было приблизительно двадцать с половиной лет, попал в самую крупную по численности возрастную группу из 151 юнкера. По вероисповеданию больше всего было православных — 244 человека, затем — приверженцев Армянской Апостольской церкви (по терминологии, принятой в Российской империи, — армяне-григориане) — 16 человек. Католиками, лютеранами и мусульманами считали себя 11, 4 и 5 человек соответственно.

Любопытно и распределение юнкеров Тифлисского училища по происхождению: из потомственных дворян — 70, из личных — 162, из граждан и купцов — 9, детей священнослужителей — 8, мещан и крестьян — 31. В послужных списках Даниэл-бека написано, что он «из дворян Елисаветпольской губернии», значит, не «личный дворянин», и значит, он входил в группу из 70 юнкеров.

В отчете еще есть различные финансовые выкладки и данные о том, во сколько обошелся казне каждый штатный юнкер. В Тифлисском училище на 300 человек по штату сумма составила 299 рублей 59 копеек. Из пояснения к отчету: «В этот отдел расходов включены только приварочные деньги, отпускаемые училищам в размере, установленном для войск, и добавочные на улучшение пищи, по 10 копеек в день на каждого юнкера. Стоимость провианта, получаемого училищами из интендантства натурой, сюда не вошла. На каждого штатного юнкера приходится в пехотных училищах 51 рубль 59 копеек. По каждому училищу отдельно расход на продовольствие выражается следующими цифрами: в Тифлисском (300 человек) — 63 рубля 79 копеек...»¹³

После всех этих финансовых выкладок опять следует текст отчета:

«Как общее замечание, могу сказать, что, вследствие недавнего устройства лагерей, ведение летних занятий по строевому образованию не установилось в училищах единообразно; недостаток этот, с будущего года, по определительности сделанных указаний Инструкции, утвержденной 22 мая 1882 г., по всей вероятности замечаться не будет.

Эта же причина влияла и на разнообразие в ведении полевых занятий по топографии, тактике и саперному делу.

Полевые работы по топографии и тактике особенно хорошо поставлены в Новочеркасском училище, где они ведутся под руководством Генерального штаба капитана Шуваева. Работы вообще всех юнкеров старшего класса до такой степени хороши, что едва ли оставляют желать большего. Кроме замечательного трудолюбия, выказываемого капитаном Шуваевым в занятиях с юнкерами, успешность работы обуславливается также тем, что юнкера до выхода в поле уже вполне овладевают техникой топографического черчения, которая доведена у них до блестящих успехов.

¹³ Там же.

Остальные училища резко в этом отношении отличаются от Новочеркасского и по достоинству полевых работ их можно поставить в следующем порядке: Елисаветградское, Тифлисское, Ставропольское, Одесское и Киевское. Особенно слабы работы последних двух училищ, что я объясняю исключительно неудовлетворительной подготовкой юнкеров в топографическом черчении. Училища должны сознавать, что пока искусство черчения, главным образом ситуационного, не будет доведено в зимнее еще время до возможного совершенства, трудно надеяться достигнуть хороших работ в поле по рокировке. А что отличные успехи в черчении вполне достижимы даже в то непродолжительное время, которое для этого назначено (2 часа в неделю), свидетельствуют училища — Новочеркасское, Виленское, Варшавское и в особенности Казанское, в которых чертежные работы всех вообще юнкеров достигают замечательных результатов. Все дело зависит от умения преподавателей заставить юнкеров внимательно относиться к этому роду занятий, успешность которых зависит вовсе не от тех или иных умственных способностей, но исключительно от воли, характера, развитие которых в желаемом направлении особенно необходимо в молодых людях, готовящихся быть офицерами.

В частности, в чертежных и полевых работах юнкеров мною замечены следующие недостатки:

- 1) чертежных работ в подготовительном классе Елисаветградского училища слишком мало, по сравнению с другими училищами;
- 2) в младшем и старшем классах недостаточно работ по черчению с моделей;
- 3) в большинстве училищ, при черчении с образцов юнкера снимают горизонталь не от руки, а выдавливают с восковок;
- 4) мало практикуются в составлении профилей;
- 5) в съемочных работах, при выражении неровностей местности, встречаются такие несообразности, которые показывают, что при прохождении теории, юнкера не усвоили себе способов нанесения рельефа на план;
- 6) полевые работы вычерчены небрежно; на многих планах нет вовсе надписей или они сделаны неправильно и часто безграмотны;
- 7) многие работы юнкеров Киевского и Ставропольского училищ вычерчены в горизонталях, а не в штрихах, как было бы необходимо для ясности плана;
- 8) оценка работ в Киевском и Одесском училищах слишком высока.

Тактические полевые работы, в виду недавнего их введения, можно назвать вообще неудовлетворительными; лучше других они ведутся в училищах Новочеркасском, Елисаветградском и **Тифлиском** (выделено мною. — Ю.П.).

В Ставропольском училище, хотя и много было решено задач в поле, но они были исполнены наскоро; приложенные к ним приказания по от-

рядом крайне многословны, неясны и вообще не отвечают требованиям, установленным полевым уставом. Сделанные юнкерами ошибки не указаны преподавателем, почему в последующих работах они и повторяются.

Как на недостаток, свойственный большинству училищ, необходимо указать на спешность работ; на работы в поле смотрят не как на учебные, а как на отчетные, которые производятся в определенно-заданное время. Мне кажется, что из подобных отчетных работ можно требовать только одну, все же остальные должны быть исключительно учебные; от юнкеров следует требовать тщательности, преследуя ту цель, что лучше сделать немного, но обстоятельно, чем много, но как-нибудь. Приказания по отрядам и вообще все письменные приложения должны не только быть правильно составленными, но и написанными ясно, четко, прилично, словом, удобочитаемо.

Саперные работы в поле были производимы всеми училищами; с будущего года, когда войдет в силу выработанная вновь Инструкция, работы эти получат более однообразный характер, чем это замечалось теперь...

Осматривая письменные упражнения юнкеров, произведенные в течение учебного курса по русскому языку, я нашел число их вообще недостаточным; чем отчасти следует объяснить грубые грамматические ошибки, встречаемые в письменных работах по прочим предметам...

Лагеря осмотренных мною шести юнкерских училищ расположены:

Тифлисское училище расположено близ сел. Сурама и Сурамского перевала, неподалеку от лагеря Кавказской стрелковой бригады. Местность во всех отношениях прекрасная. Юнкера живут в солдатских палатках по 5-6 человек в каждой...

Продовольствие юнкеров вообще удовлетворительно. Получая кроме провианта и приварочных денег, отпускаемых в размере, установленном для войск того округа, в котором расположено училище, еще и по 10 копеек в сутки на улучшение пищи, училища в денежном отношении обставлены весьма хорошо. Необходимо, чтобы училища обратили более серьезное внимание на качество приготавливаемой пищи и возможное ее разнообразие, что находится в тесной зависимости от умения выбрать знающих и опытных поваров. В Новочеркасском училище, где имеется отличный повар, юнкеры продовольствуются так хорошо, что лучшего трудно и желать; как доказательство этого приведу тот факт, что в течение всего лагерного сбора Начальник училища и все офицеры со включением и офицеры Генерального штаба продовольствуются из общего юнкерского котла и даже обедают вместе с юнкерами за особым столом с платой разумеется в артель стоимости продовольствия. Как противоположный пример, приведу Тифлисское училище, в котором во время моего осмотра повар был болен, и его обязанности были возложены на его помощника, как видно, мало знающего в этом деле; несмотря на то, что

юнкеры получали по 1½ фунта мяса в день и вообще на обилие отпускаемых припасов, пища приготавливалась неудовлетворительно, крайне безвкусно, что я объясняю исключительно неумелостью повара.

В Тифлисском училище построены:

- 1) кухня с пекарней;
- 2) флигель для помещения канцелярии, цейхгаузов и учебных пособий, здания эти выстроены из кирпича, как материала более дешевого близ с. Сурама;

- 3) легкий навес для артельной лошади и повозки.

Постройки эти обошлись около 3700 рублей. На оставшуюся сумму около 2600 рублей училище в будущем году должно будет выстроить:

- 1) навес для столовой с буфетом;
- 2) погреб;
- 3) умывальники;
- 4) отхожие места;
- 5) прачечную, которая хотя и не вошла в число построек, указанных Главным штабом, но настоятельно необходима именно этому училищу, как расположенному летом в значительном отдалении от Тифлиса;
- 6) карцеры;
- 7) околосок.

Начальник училища заявил, что оставшейся суммы будет далеко недостаточно на возведение необходимых построек, вследствие значительной дороговизны материалов и рабочих рук в Сураме, и ходатайствует об отпуске 6000 рублей для приведения лагеря в благоустроенное состояние.

Необходимо отдать полную справедливость Начальникам училищ — все, что сделано, сделано основательно, прочно, на продолжительное время, словом, хозяйственно; видимо, что отпущенная им сумма была расходована крайне бережливо...»¹⁴

Основательный отчет генерал-майора Нарбута дает возможность взглянуть на состояние Тифлисского пехотного юнкерского училища глазами еще более «высокого начальства», чем его руководитель полковник Шатилов. Непонятно только, почему в сопроводительном письме, отправленном Помощником Главного начальника военно-учебных заведений, генерал-лейтенантом бароном Зедделером Начальнику Штаба Кавказского военного округа особо отмечено, наряду со Ставропольским казачьим училищем, Тифлисское пехотное училище, юнкера которого слабо выполнили полевые работы вследствие неудовлетворительной подготовки их в топографическом черчении. В тексте отчета этот факт не подтвержден. Наоборот, когда в пример приводится Новочеркасское училище, то Тифлисское «по достоинству полевых работ» стоит на третьем месте после Новочеркасского и Елисаветградского. А если учесть, что Но-

¹⁴ Там же.

вочеркаское училище — казачье, а Елисаветградское — кавалерийское, то приходится признать, что Тифлисское училище находится на первом месте по уровню этих работ среди пехотных юнкерских училищ.

День расставания Даниэл-бека с Тифлисским пехотным юнкерским училищем наступил, когда 8 августа 1883 года он, только что произведенный в подпрапорщики, а значит, окончивший училище по 1-му разряду, произнес слова присяги: «...и во всем так себя вести и поступать, как честному, послушному, храброму и расторопному офицеру надлежит...», после чего 14 августа отправился в 13-й Лейб-Гренадерский Эриванский полк.

Глава 5

СЛУЖБА В 153-м ПЕХОТНОМ БАКИНСКОМ ПОЛКУ: МИРНОЕ ВРЕМЯ

Путешествие до Эриванского полка заняло у Даниэл-бека целых девять дней. Скорее всего, он заезжал в родную деревню, как это обычно делают все выпускники учебных заведений, расположенных далеко от дома.

В этом полку Даниэл-бек прослужил около десяти месяцев: до 11 июня 1884 года, когда приказом № 36 по 1-му Кавказскому армейскому корпусу был переведен в 156-й пехотный Елисаветпольский полк. Восемью днями позднее, так сказать, «задним числом», Даниэл-бек был исключен из списков Эриванского полка. Бюрократическая машина царской военной администрации то ли срабатывала с опозданием, то ли это было общепринятой практикой, но зачисление в 156-й пехотный Елисаветпольский полк состоялось только 25 июня 1884 года. Причем молодой подпрапорщик так и не прибыл в этот полк, потому что уже 4 июля приказом № 335 по 39-й пехотной дивизии он был переведен на службу в 153-й пехотный Бакинский полк, сыгравший в судьбе Даниэл-бека определяющую роль на многие годы. Через три дня после этого события, то есть 7 июля, он был зачислен в списки 153-го пехотного Бакинского полка, а еще через день — 8 июля 1884 года — исключен из списков 156-го пехотного Елисаветпольского полка.

Именно 7 июля 1884 года следует считать началом постоянной службы Даниэл-бека в одной воинской части. Хотя перед самой Первой мировой войной его снова направят в 156-й Елисаветпольский полк и свое боевое крещение Даниэл-бек получит под знаменами именно этого полка.

Из-за краткости службы Даниэл-бека в 13-м Лейб-Гренадерском Эриванском полку я не стал изучать историю этой части, слишком далеко бы меня это увело. А вот с историей 153-го пехотного Бакинского полка и города Александрополя — места неизменной дислокации этого полка и места рождения моих родителей — я ознакомился обстоятельно.

Все географические перемещения Даниэл-бека по службе пока происходили сравнительно недалеко от его малой родины, деревни Нахичеваник, — в Закавказье. Что же представлял собой этот район и населявшие его народы ко времени начала военной службы Даниэл-бека? Сошлюсь на библиографическую редкость — книгу известного английского путешественника по Востоку Х.Ф.Б. Линча, «Армения», которая есть в моей библиотеке. В своей книге, вышедшей в двух томах, писатель рассказы-

вает о русских и турецких провинциях Армении конца XIX века. Его зарисовки и характеристики настолько ярки, глубоки, что, кажется, написаны только вчера. Остается удивляться, как сугубый европеец сумел разобраться в тонкостях этнографических хитросплетений Закавказья. Вот что он пишет о народах, населяющих этот край:

«...Из общего населения Закавказья в 4.186.000 душ армян в 1886 году насчитывалось 962.000 душ, что составляет около четверти всего закавказского населения. Но при оценке значения армянского элемента должна быть принята в соображение не столько численность его, сколько солидарность армянского народа, в особенности по сравнению с окружающими его народностями. Религиозные разногласия вносят мало розни в среду армян, так как римско-католики в солидной массе грегориан составляют только ничтожную горсть. И грегорианская церковь (официальное ее название Армянская Апостольская церковь. — *Ю.П.*) служит не только символом национального существования, но и лучшим оплотом национальных надежд. Два других народа Закавказья слегка превосходят армян своей численностью: татары в числе 1.139.000 душ, включая Дагестан, и различные отрасли картвельской группы, составляющие около 1 миллиона душ. Но татары расколоты жестоким религиозным антагонизмом между суннитами и шиитами, а грузины находятся в стадии перехода от старой феодальной системы к новому более прочному порядку; соединение же грузинской церкви с православной русской церковью лишило их естественного средоточия той общности чувства, которое основано на сознательной народной гордости. **Если бы русские завладели армянскими провинциями Турецкой империи, то армянская нация сделалась бы самым многочисленным и самым солидным элементом закавказского населения** (выделено мною. — *Ю.П.*)».¹

И далее:

«Распределение армян в нынешних пределах русского Закавказья, но вне области армянского плоскогорья, может быть представлено в следующих чертах: в Елисаветпольской губернии, к которой принадлежит Карабах, их насчитывается 258.000, но только в Шушинском и Зангезурском уездах, т.е. в области, лежащей между Араксом на востоке и юго-восточным берегом озера Гокчи (Севана. — *Ю.П.*) на западе они являются численно преобладающей национальностью, тогда как в других уездах и во всей Елисаветпольской губернии татары значительно превышают их числом...

...Армяне, будучи коммерческим и промышленным, а также земледельческим народом, распространились за естественные пределы своей страны, притягиваемые развивающимися промышленными центрами. Здесь они составляют ценный и все возрастающий контингент городско-

¹ *Линч Х.Ф.Б.* Армения. Путевые очерки и этюды. Тифлис: Торговый дом «И.Е. Питоев и К°», 1910. Т. 1. С. 571, 572.

го населения. Но только по ту сторону горных хребтов, отделяющих армянское нагорье от остального Закавказья, мы чувствуем, что находимся на армянской почве. По всему протяжению от Ахалкалак и Александрополя на северо-востоке до Егина и Харпута на юго-западе, возвышенная область армянских плоскогорий носит скорее отпечаток индивидуальности армянского народа, чем всякого другого... Но едва ли в этой стране найдется захолустная долина или одинокий островок, которые бы не привлекали толпы паломников к какому-нибудь прекрасному монастырю, воздвигнутому еще во времена армянских царей и сохранившему вживе историю армянского народа...

...Плодородная почва по большей части возделывается армянским крестьянством, жилища которых похожи на большие муравьиные кучи и еле заметны в ландшафте. Весь механизм той небольшой цивилизации, которою обладает эта страна, создается армянами. Язык, который вы чаще всего слышите, — несколько жесткий для слуха армянский язык; легенды и исторические воспоминания, связанные с великими произведениями природы, по большей части армянского происхождения. В области армянского плоскогорья, границы которого мы определили в этой книге, армянский народ почти вдвое многочисленнее всех остальных наций...»²

И несколько слов автора о соседях армян по Закавказью:

«...Закавказские татары составляют часть той воинственной турецкой расы, которая, начиная с появления сельджуков до конца XVIII столетия, в силу известных политических условий вынуждена была переселиться в эту страну из северных провинций Персии, т.е. из Азербейджана и с восточных берегов Каспийского моря. Язык их до сих пор служит международным языком во всей области, лежащей между Кавказским хребтом и армянским плато. В той части Закавказья, с которой мы теперь имеем дело, они почти всецело принадлежат к секте шиитов и связаны с Персией не только общей религией, но и примесью персидской крови. Еще не так давно местность, занимаемая ими в Армении, составляла особое Персидское ханство и управлялась персидскими сардарами; а зажиточные семьи, процветавшие в то время, еще до сих пор владеют здесь обширными садами и живут на доходы от своей земли. Низшие классы отличаются искусным производством всевозможных обычных на востоке глиняных работ: штукатурки, возведения глиняных стен, устройства оросительных каналов; большинство местных мелких торгашей, разносчиков и продавцов фруктов — татары; среди садовников и извозчиков также немало татар. В деревне они уже оставили кочевой образ жизни и составляют зажиточный класс поселян. В городе Эривани, где они численностью своей сравнялись с армянами, многие из обширнейших садов принадлежат татарским семьям, и многие из самых богатых торговых домов находятся

² Там же. С. 572, 573.

в руках татар. Степень религиозной терпимости, которой они достигли в этом городе, вызывала во мне величайшее изумление, когда я вспоминал, как часто я, путешествуя по владениям персидского шаха, напрасно негодовал против фанатизма шиитов...

...С другой стороны, мы не без сожаления должны отметить их незначительный прогресс в деле народного образования, к которому русское правительство открыло им доступ. Я уже обращал на это внимание читателя в главе об Эриванских школах, и можно смело предсказать, что если в этом отношении среди татар не произойдет радикальной перемены, они будут вытеснены армянами, и число их будет уменьшаться из года в год...»³

Все Закавказье, в том числе и город Александрополь, в котором дислоцировался 153-й пехотный Бакинский полк, входило в Кавказский военный округ. В справке об этом округе, взятой из Военной энциклопедии, написано:

«Город Александрополь располагался на территории Кавказского военного округа, образованного в 1865 году. После ряда перемен в 1866, 1867, 1878, 1881, 1883, 1898 и 1899 годах к 1911 году в него входили 7 губерний (Ставропольская, Тифлисская, Кутаисская, Елисаветпольская, Бакинская, Эриванская, Черноморская) и 5 областей (Кубанская, Терская, Дагестанская, Карская, Батумская) — всего 12 административных делений, из которых 3 — на Северном Кавказе, а 9 — в Закавказье, образующих Кавказское наместничество, наместник коего в то же время и главнокомандующий войсками округа. Кавказский военный округ занимает пространство 8476 кв. миль с плотностью населения несколько выше плотности населения Европейской России».⁴

А об истории 153-го пехотного Бакинского полка сказано:

«Бакинский 153-й Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Михайловича полк сформирован на Кавказе 6.11.1863 г. из 6-го резервного батальона Крымского пехотного полка (сформированного в 1803 г.) и резервного Кавказского № 1 батальона (сформированного в 1829 г. из Ставропольского внутреннего гарнизонного батальона); 25.03.1864 г. назван 153-им пехотным Бакинским полком; 25.09.1869 г. полку присвоено наименование 153-го пехотного Бакинского Е.И.В. Великого Князя Сергея Михайловича полка. 1.08.1874 г. полк переформирован в 4-х батальонный. На сформирование нового батальона поступил Кутаисский губернский батальон, принявший в полку наименование 1-го батальона. Старшинство Бакинского полка с 6.11.1863 г.

Бакинский полк принял участие в войне 1877 — 1878 гг. на Кавказском театре. В составе колонны князя Амираджиби 4.05.1877 г. штурмовал и взял у Ардагана Гюлавердинские высоты и 5.05 взял укрепление Ахали. Другим

³ Там же. С. 576, 577.

⁴ Военная энциклопедия. Петербург: Т-во И.Д. Сытина, 1913. Т. 11. С. 249.

громким делом Бакинцев было взятие форта Азизие в ночь на 28.10.1877 г. Овладение этим фортом должно было находиться в связи с одновременным взятием трех остальных фортов, защищавших подступы к Эззеруму. Однако, задача была выполнена только одним Бакинским полком, взобравшимся на вал по штурмовым лестницам и овладевшим укреплением после ночного штыкового боя. На следующее утро 29.10, вследствие отсутствия поддержки, полку пришлось отступить, причем отступление совершалось под натиском наседавших турок и под убийственным огнем; несмотря на это, полку удалось привести с собой около 600 человек пленных, взятых ночью. Помимо этих выдающихся подвигов полк отличился: 12.08.1877 г. — при занятии Аббас-Гельского перевала; 8.09.1877 г. — в бою за сел. Чарухчи, 19 и 20.09.1877 г. — при наступлении против Кизил-Геза, 2 и 3.10.1877 г. — при взятии Авлиара и Визинкейских высот, повлекшем капитуляцию Омер-паши, и 23.10.1877 г. — при атаке укрепленной позиции Деве-Бойну. Знаки отличия: 1) полковое знамя — Георгиевское, с надписью «За отличие в сражении 25.10.1855 г. на Ингуре, за взятие Ардагана 4 и 5.05 и форта Азизие 28.10.1877 г.»; первое отличие было пожаловано 30.08.1856 г. Грузинскому линейному № 1 батальону, а два последние — всем четырем батальонам 13.10.1878 г.; 2) в 1-ом батальоне знаки на шапках (у офицеров нагрудные) с надписью «за отличие», пожалованные 28.09.1830 г. 3-ему батальону Мингрельского пехотного полка за отличия в войнах 1826 — 1827 и 1828 — 1829 гг. и 3) за военное отличие, пожалованное полку 13.10.1878 г. за войну 1877 — 1878 гг. — всем четырем батальонам (Приказ по Военному ведомству № 96 за 1884 г.).⁵

Дополню эти сведения «Бакинской памяткой» — краткой историей (хроникой) 153-го пехотного Бакинского полка, составленной «на память нижним чинам» рядовым Петром Ягодиным:

«Командир полка с 11.09.1879 г. по 27.11.1889 г. — Петр Запорожченко, с 27.11.1889 г. по 8.05.1891 г. — Виктор Иванович Высоцкий, с 5.05.1891 г. — Федор Николаевич Вознесенский.

6.11.1863 г. полк сформирован в Кубанской области из 5-го резервного батальона Крымского пехотного полка (тут разночтение с Военной энциклопедией, по утверждению которой полк сформирован из 6-го резервного батальона. — Ю.П.).

25.09.1864 г. назван 153-м пехотным Бакинским полком (опять разночтение с Военной энциклопедией, в ней полк назван пехотным Бакинским полком 25.03.1864 г. — Ю.П.). В апреле 1867 г. полк прибыл в Закавказье, в село Дилижан Елисаветпольской губернии для разработки дороги через г. Эривань в Персию.

В марте 1869 г. полк перемещен в Тифлис.

⁵ Военная энциклопедия. Петербург: Т-во И.Д. Сытина, 1911. Т. 4. С. 247.

В мае 1877 г. полк перемещен в г. Ахалкалаки, где оставался до начала Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг.

21.10.1878 г. полк зачислен в состав действующего Корпуса на Кавказско-турецкой границе, в Ахалкалакский отряд начальника 39-ой дивизии генерал-лейтенанта Девеля. Состав отряда: 9 с четвертью батальонов, 10 сотен, 24 орудия.

26.09.1878 г. после окончания боевых действий в войне 1877 – 1878 гг. полк прибывает в Александрополь, где квартирует и поныне. В 1878 г. чины полка соорудили памятник в Александрополе на возвышенности бывшего казачьего поста, против казарм 1-го батальона в память о погибших героях полка. Ежегодно 28.10 здесь совершаются молебны и панихида. В этот же день установлен и полковой праздник, перенесенный с 20.07. В течение этой войны убито и умерло от ран 13 офицеров и 1200 солдат.

Памятник имеет вид каменной четырехгранной колонны высотой более трех аршин, поставленный на небольшом каменном пьедестале. Сверху колонна увенчана железным фигурным крестом до 5 аршин вышиною. С четырех сторон укреплены медные доски с надписями. Памятник виден далеко.

По квадрату до 10 саженей длины каждой из четырех сторон памятник обнесен каменной стенкой, внутри которой посажены вишни, а по углам установлены на железных колесах и лафетах старинные крепостные чугунные пушки. Со стороны казарм 1-го батальона при входе в ограду памятника — с обеих сторон, отвесно поставлены дулами в землю две такие же чугунные пушки. Тут же, снаружи ограды, разбит садик из тополей и вишен.

Здесь, на площадке, в виду памятника, производятся строевые учения, а в полковой праздник — церковный парад после панихиды по воинам, павшим на поле брани».⁶

О городе, в котором Даниэл-беку предстояло жить и служить долгие годы, очень хорошо рассказано в уже упоминавшейся мною книге Х.Ф.Б. Линча:⁷

«...В Александрополе вдвое больше жителей, чем в Эривани, если верить цифрам, данным мне уездным начальником и подтвержденным компетентными лицами; число их составляет круглую сумму в 30.000 душ.⁸ Весьма недавнее возникновение города и тот факт, что он населен исключительно армянами, составляют главные особенности Александрополя. Еще в начале XIX столетия большая часть занимаемого теперь места была

⁶ Ягодин П. Бакинская памятка. Александрополь: 1895.

⁷ Линч Х.Ф.Б. Указ. соч. С. 162.

⁸ Официальная статистика, основанная на переписи 1886 г., приписывает Александрополю население в 24 230 душ, из которых 22 920 армян. Из них только 200 человек принадлежат к армяно-католическому исповеданию (ссылка Х.Ф.Б. Линча).

пустырем, а меньшая была занята незначительной деревней Гюмри (по названию этой деревни и назван город в Республике Армения. — Ю.П.).

...Во время войны между Россией и Турцией, возникшей весной 1829 года, это отчасти укрепленное место служило русским передовой базой.

...Возвращение султану двух первых крепостей (Карса и Эрзерума. — Ю.П.) в 1829 году только усилило стратегическую ценность позиции Гюмри над Арпа-чаем. Гюмри медленно, но настойчиво превращался в перwokлассную крепость.

...В 1836 году место это было посещено императором Николаем I, который лично осмотрел фортификационные работы, находившиеся тогда еще в зачаточном состоянии. С посещением императора крепость вступила в эру быстрого развития, превратившую деревню Гюмри в город Александрополь. Но с тех пор, как Россия завладела Карсом (в 1878 году. — Ю.П.), крепость на Арпе потеряла некоторую долю своего значения, хотя она все еще занята довольно большим гарнизоном, а солидность ее укреплений дает ей возможность, в случае войны, с честью выдержать испытание...

...Этот цветущий город страдает недостатком образовательных учреждений, так как армянские школы низведены правительством на степень чисто элементарных школ, принадлежащих к разряду двухклассных учебных заведений. В Александрополе всего три мужских школы, посещаемых 700 мальчиками, и две женские — с 500 девочек».

Что ж, с краем, городом и полком, где Даниэл-бек прослужил долгие годы, ознакомились. Теперь попробую проследить за вехами его жизни. А опорой мне в этом станут его послужные списки, особенно последний, составленный 28 апреля 1917 года.⁹ Итак, отправная точка — 7 июля 1884 года. Через полгода после начала службы в 153-м пехотном Бакинском полку, 8 января 1885 года Даниэл-бек становится подпоручиком.

Выглядит он несколько старше своих 24 лет из-за густой бороды, но признаков зарождающейся лысины еще нет.

Почему же Даниэл-бек получил не первый офицерский чин прапорщика?

Попробую объяснить этот факт, ссылаясь на различные источники. Интерпретирую состояние чинопроизводства в те годы, когда Даниэл-бек только что вышел из стен юнкерского училища.

«...Русский офицерский корпус еще с начала XVIII века, т.е. с создания регулярной армии, подразделялся на три категории: обер-офицеров (младший офицерский состав) — прапорщики, подпоручики, поручики, штабс-капитаны и капитаны; штаб-офицеров — майоры, подполковники и полковники; генералов — генерал-майоры, генерал-лейтенанты, генералы

⁹ РГВИА. Ф. 409. № 106 – 684 (1917).

и генерал-фельдмаршалы. В 1884 г. в результате реформы упразднили чин генерал-майора. В том же году был ликвидирован и чин прапорщика». ¹⁰

Поэтому 8 января 1885 года Даниэл-бек получает первый обер-офицерский чин не прапорщика, а подпоручика.

В книге С.В. Волкова я нашел дополнительную информацию: «В 1885 году было установлено, что все выпускники военно-учебных заведений должны начинать службу с одного и того же первого офицерского чина — подпоручика (корнета). При этом все различия по качеству образования сводились к преимуществам, связанным с определением разных сроков старшинства в этом чине (отчего зависел срок производства в следующие чины)». ¹¹

Раз уж речь зашла о таком явлении в царской армии, как старшинство, отмечу, что запись в вышеупомянутом послужном списке гласит: «На основании предписания Главного Штаба от 11 февраля 1886 года за № 812, объявленного в приказе по 39-ой пехотной дивизии за № 29, старшинство в чине подпоручика следует считать с 30 декабря 1884 года».

Пришлось попросить С.В. Волкова более детально объяснить смысл термина. Вот его письменный ответ:

«Старшинство» есть условная дата, от которой отсчитывался срок к следующей награде или к производству в следующий чин. Она могла на несколько лет отличаться от даты реального производства в ту или иную сторону. Например, окончившие училище по 1-му разряду имели старшинство в 1 год (на год раньше), а надевшие погоны подпоручика в один день с ними выпускники 2-го разряда (с худшими оценками) этого старшинства не имели. Это всего лишь означало, что первые станут поручиками через 3 года, а вторые — как и положено по общему правилу — через 4. В качестве поощрения офицеру и в дальнейшем могло устанавливаться более раннее старшинство в его настоящем чине, что приближало его к следующему чину. Кроме того, при назначении на должность или производстве в следующий чин при прочих равных условиях должен был производиться тот, кто имел более раннее старшинство в данном чине».

Объяснено вполне конкретно. Посмотрим на примере Даниэл-бека, что же старшинство означает на практике и через сколько же лет его произведут в чин поручика.

Казалось бы, с получением первого офицерского чина для молодого человека должно было наступить время относительного материального благополучия. Однако это было не так. Как отмечает П.А. Зайончковский: «...Материальное положение офицеров на протяжении 80 — 90-х годов XIX столетия и начала XX века было весьма и весьма незавидным. Окла-

¹⁰ Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX — XX столетий. М.: Мысль, 1973. С. 118.

¹¹ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 67.

ды денежного содержания были определены еще в 1859 году и, несмотря на непрерывный рост цен, оставались почти неизменными. Но все же Военному министерству удалось в 1881 году увеличить столовые оклады офицерам, служившим в строевых частях» (следующее повышение состоялось в 1886 году. — *Ю.П.*). И далее: «Надо, прежде всего, отметить несообразность офицерского содержания — крайне низкий уровень его до командира батальона включительно. Младший офицер получал в месяц 39 руб. 75 коп. (соответственно, в год 477 руб. — *Ю.П.*). Следовательно, содержание обер-офицеров, включая и первый штабс-офицерский чин, было ничтожно...»¹²

Очень важен вывод П.А. Зайончковского: «...При самых скромных расходах холостой офицер не имел возможности нормально питаться (завтрак — чай с хлебом, а ужин — через день). Офицерский бюджет должен был составлять не менее 50 руб.

Официальные данные, составленные по поручению Военного министра, определяют бюджет офицера (годовой. — *Ю.П.*) минимум в 653 руб. 94 коп., то есть превышая более чем на 35% получаемое подпоручиком содержание».¹³ Подытоживая свой анализ, П.А. Зайончковский приходит к выводу, что «из всех офицеров европейских армий русские офицеры получали наименьшее содержание...»¹⁴

Здесь, пожалуй, стоит отметить, сославшись на труд С.В. Волкова, что «...в русской армии XIX века существовали три основных вида выплат офицерам: жалованье (в зависимости от чина), столовые деньги (в зависимости от должности) и квартирные (в зависимости от чина, города и семейного положения)». Причем «...квартирные деньги выплачивались в зависимости от стоимости жилья в той местности, где служил офицер...»¹⁵

А молодой офицер Даниэл-бек служил в Александрополе, страдающем, по выражению Х.Ф.Б. Линча, «недостатком образовательных учреждений». Однако возможности для удовлетворения своих культурных потребностей у Даниэл-бека несомненно были.

Как пишет С.В. Волков:

«...Важнейшую роль в повседневной жизни офицера вне службы играло офицерское собрание. Оно сплачивало офицеров данной части, обеспечивало проведение досуга. Семьи офицеров полка, особенно стоящего в небольшом городе, были знакомы друг с другом, и офицерское собрание являлось естественным и удобным местом их встреч, избавляя от необходимости устраивать слишком частые домашние приемы и званые обеды (которые и так были в обычае). Общение в офицерском собрании

¹² *Зайончковский П.А.* Указ. соч. С. 219.

¹³ Там же. С. 222.

¹⁴ Там же. С. 225.

¹⁵ *Волков С.В.* Указ. соч. С. 229.

облегчало и проблему знакомств (множество офицеров женилось на дочерях и сестрах своих сослуживцев)...

...Вообще же следует отметить, что досуг офицеров (особенно в провинции) был самым тесным образом связан с жизнью местного «общества», естественными членами которого они по своему существу и положению являлись. Что касается личного общения, то, поскольку основная масса молодых офицеров не имела семей, «центрами притяжения» выступали либо более состоятельные из них, либо семьи старших офицеров, имевшие больше возможностей для приемов. Но, так или иначе, контакты офицеров вне службы приходились опять же и большей частью на сослуживцев по полку...»¹⁶

Мой дедушка в плане «знакомств» пошел нетрадиционным путем: он выбрал себе невесту не из военной семьи, а из купеческого круга.

Не знаю точно, где, когда и как новоиспеченный подпоручик познакомился с дочерью купца 2-й гильдии Маркара Григорьевича Халатянца (Халатова) — Ерануи. По-моему, знакомство состоялось приблизительно в 1885 году, и на «кристаллизацию любви», по образному выражению Стендаля, ушла часть 1886 года. Девушка 22 лет, дочь купца вовсе не была дурнушкой, но и не красавицей (прости меня, бабушка!).

Молодые люди поженились. Благодаря этому обстоятельству линия семьи Пирумянов пересеклась с линией многочисленного клана Халатянцев. Даниэл-бек женился на девушке, которая была седьмым ребенком в семье Маркара Григорьевича. Жена Маркара Григорьевича была из рода Тер-Акоповых, она родила ему восемь детей: шесть сыновей и двух дочерей. Младше Ерануи была только еще одна дочь в семье — Элиза, о существовании которой я знал по имеющейся у нас ее фотографии. Думаю, сестры были дружны между собой, так как на обороте фотокарточки по-армянски написано: «Любимой Ерануи от сестры Элизы, июнь 1904 год».

Впервые я стал подробнее представлять себе род Халатовых, когда познакомился с Реганой Каграмановной Мирзабековой. Она нарисовала мне родословную схему, и я увидел имена родных братьев моей бабушки и ее сестры Элизы на одном генеалогическом «уровне». Регана Каграмановна утверждала, что братья указаны на схеме в порядке старшинства, и я перечисляю их, сохраняя эту последовательность: Мушег, Давид, Арам, Баград, Хомаяк, Артем. Кроме того, Регана Каграмановна сообщила мне, что даты их рождения, может быть, можно узнать у дочери Мушега, Раисы, проживающей в Петербурге, на проспекте Большеви́ков. И даже дала мне ее номер телефона. Я был удивлен и обрадован, что еще жива племянница моей бабушки и можно что-нибудь дополнительно узнать о старшем поколении Халатовых. Мы вместе с Реганой Каграмановной позвонили в Петербург, но Раиса Мушеговна сказала, что она больна, а при по-

¹⁶ Волков С.В. Там же. С. 244, 245.

Жена Даниэл-бека Ерануи в молодости

вторном звонке сообщила, что ничего конкретного о Халатовых не знает. Жаль, что такая неожиданно обретенная ниточка оборвалась.

Много позднее мне пришлось убедиться в точности схемы, набросанной Реганой Каграмановной в той ее части, что касается детей Маркара Халатянца, когда Рафаэл Абрамян принес мне «ропись» рода Халатовых, составленную по правилам генеалогической науки. Из нее-то я и узнал, что жена Маркара была из рода Тер-Акоповых.

Как бы то ни было, но благодаря браку Даниэл-бека и Ерануи между новыми родственниками образовались тесные связи. Причем настолько тесные, что и после кончины моего папы мы с мамой продолжали довольно часто бывать в доме в Лялином переулке недалеко от

Чистых прудов, где проживали многие Халатовы (мы знавали их под этой фамилией).

Их род особенно знаменит двоюродным братом моей бабушки Ерануи, Григорием Абрамовичем Халатовым, профессором Лазаревского института восточных языков. Именно с его эскибрисом у меня в домашней библиотеке стоят два тома Ф.С.Б. Линча об Армении. Он умер в 1905 году.

Других, не столь известных, но образованных и сердечных представителей этого рода я очень хорошо помню. И очень многих из них искренно любил всей своей мальчишеской душой. Я любил ходить к ним в гости, мне очень нравился их двухэтажный деревянный дом, где мы даже однажды все вместе встречали Новый год. Помню, что половину второго этажа, где они жили, опоясывала довольно широкая галерея — главное достоинство и притягательный соблазн этого дома в моих глазах. Я был очень непоседливым и любил побегать, невзирая на то, что был в гостях.

Там были очень любимые мною три женщины: пожилые тетя Софик и тетя Марьямик, и одна молодая — Любовь Михайловна. У Любви Михайловны была дочка Наташа (ее все звали Натушик). Она была младше меня, с ней-то я и играл, и бегал по галерее. И, наконец, был там один удивительный мужчина — муж тети Марьямик — Иван Иванович Пастухов. Импозантный, красивый, седой, европейски образованный, знающий несколько иностранных языков, очень остроумный. Он вдобавок был еще и известнейшим в Москве филателистом, пристрастившим меня к собиранию марок. Он подарил мне несколько сотен редких и нередких марок, в том числе — сотни две российских марок с портретами царей, а также длинную неразрезанную ленту из марок с портретом Ленина в траурной кайме. Подарок Ивана Ивановича стал основой моей коллекции, которую я все юношеские годы неустанно пополнял и до сих пор храню бережно.

По этим маркам я изучал мировую политическую географию, знал наизусть столицы практически всех государств и очень хорошо ориентировался, какое государство с каким граничит. Европейскими марками все филателисты-любители были сыты по горло, всем хотелось экзотики, например марок латиноамериканских стран, особенно же были популярны марки колоний Англии и Франции, и чтобы их иметь, надо было мяться с такими же молодыми дилетантами-филателистами, каким был я.

Помню, основным местом встречи для обмена был магазин на улице Горького (ныне Тверской), напротив памятника Юрию Долгорукому. На траурный портрет Ленина я выменял много, как мне тогда казалось, редких марок. А однажды у меня прямо дух захватило. Один парень показал мне у магазина очень большую марку в синих тонах. Это была марка Чили, и я очень захотел ее приобрести. В конце концов, я ее получил, но отдать за нее пришлось штук пятьдесят других марок, в том числе и часть «ленинской» ленты.

Один из ящиков нашего письменного стола был почти целиком заполнен марочной россыпью. В день смерти Сталина или его похорон, точно не помню, был неучебный день. Десять моих одноклассников вместо отчаяния, охватившего многих взрослых, испытали радость, как и я, что не надо идти в школу. Они пришли к нам в гости, мама была на работе, и я стал демонстрировать свое филателистское богатство. Кончилось тем, что я принялся дарить моим школьным приятелям марки целыми пригоршнями, разыгрывая из себя щедрого хозяина. Вместе с другими исчез из дома и остаток траурной ленты, так из всего ленточного изобилия у меня остались всего две или три марки этой серии. Ну и ладно, ушел из жизни один недруг людей, ушел из ящика стола и его учитель...

Но, кажется, я слишком отвлекся. Вернусь к родственникам своей бабушки Ерануи.

Долгое время схема Реганы Каграмановны лежала у меня, и я в нее не заглядывал. Но вот однажды...

Какие только встречи не случаются в жизни! Я работал в Центральном НИИ бытового обслуживания, занимался очисткой сточных вод. Расположен институт был в интереснейшем месте, в переулке Сивцев Вражек, возле Старого Арбата. Напротив стояло здание так называемого 4-го медицинского управления, где любили лечиться советские руководители и члены их семей. Нам постоянно приходилось видеть черные «Волги» и «Зимы», из которых выходили обычные на вид люди, но мы-то знали, что на самом деле это наши высокопоставленные «слуги».

Приблизительно в середине 80-х годов к нам в лабораторию пришла работать симпатичная молодая женщина Людмила Васильевна Колесник. Не помню уж, по какому поводу, но она как-то заметила, что ее мужа, так же как и меня, зовут Юрием Леоновичем, а фамилия у него — Игитханов и его родственники — Халатовы. Оказалось, что Людмила Васильевна знала по рассказам мужа и об Иване Ивановиче Пастухове, и о тете Марьямик, и о других родственниках. Я познакомился с ее мужем, и, кажется, в следующую же нашу встречу он передал мне составленную на компьютере генеалогическую роспись рода Халатовых. Я просмотрел ее поверхностно, так как она уместилась на нескольких листах желтоватой бумаги с очень бледным шрифтом, разбирать который было тяжело. Главное, что смог обнаружить, — большое сходство со схемой Реганы Каграмановны. Я обещал Юрию Леоновичу как-нибудь при случае сделать из нее более читабельный документ, но так и не приступил к этому делу. А в 1990 году Людмила Васильевна скончалась от рака, и после ее похорон я больше с ее мужем не встречался и не смог до него дозвониться по имеющемуся в моих записях номеру телефона.

Но вот на одном из заседаний нашего Армянского родословного общества, которым руководил Рафаэл Абрамян (собирал он нас приблизительно-

но раз в месяц в посольстве Республики Армения), появился очень симпатичный человек — Иван Отарович Гюльмисарян. Он взялся за устройство интернет-сайта нашего общества, и, кроме того, оказалось, что он может на компьютере сделать красочную родословную «роспись» по всем правилам генеалогии. И я ему передал бледную схему Юрия Леоновича Игитханова. В сентябре 2008 года Иван Отарович вдруг обрадовал меня — принес роспись в разноцветных квадратиках (имена мужчин в синих квадратиках, женщин — в розовых). Есть на схеме даже некоторые даты, и теперь она стала очень наглядной.

Удивительное совпадение по времени. В день, когда Иван Отарович передал мне роспись, на этом же сентябрьском заседании нашего общества состоялся доклад одного из активнейших членов — Самвела Хачатуровича Мурадяна. Доклад был посвящен деятельности Григория Абрамовича Халатова. Самвел Хачатурович много времени посвятил исследованию армянской Москвы, истории Лазаревского института и надгробных памятников Армянского участка Ваганьковского кладбища. Большой надгробный саркофаг из черного мрамора с именем Григория Абрамовича находится в метре от могилы моих родителей, а по другую сторону от саркофага покоятся представители рода Халатовых, и те, которых я знал при жизни, и те, которых не знал. Да, родственников у моей бабушки оказалось много.

Но вернусь, наконец, к молодой чете: офицеру в нижних чинах и его невесте, купеческой дочери. Об их встрече друг с другом, о будущей супруге Даниэл-бека и об их свадьбе красочно рассказывает в своем романе Б.А. Улубабян:

«...Даниэл-бек... почти случайно познакомился со студенткой Лазаревского института, девушкой из известного александропольского рода Халатянов — Ерануи. Познакомились, узнали друг друга и поняли, что эта встреча — перст судьбы. Через месяц после первой встречи состоялась их свадьба, которую организовали армянские богачи Петербурга, в основном александропольцы и шушинцы. Тамадой был знаменитый благодетель Шуши — Тадевос Тамирянц, алые вина из его шушинских погребов искрились в свете люстр.

...Ерануи с отличием окончила Лазаревский институт и, по единодушному мнению преподавателей, должна была непременно стать первой женщиной-арменоведом. Но у нее родился первый сын, которого назвали Микаэлом, потом вслед появились две сестры — Србуи и Мариам. За ними — Овсеп, Александр и Левон. И, полностью поглощенная заботами о малышах, Ерануи так и не смогла сказать свое слово в арменоведении...»¹⁷

¹⁷ Улубабян Б.А. Сардарапат. Ереван: Советский писатель, 1989. С. 181 – 186 (на арм. яз.).

Эти отрывки лишней раз доказывают, с какой легкостью некоторые даже очень талантливые авторы, каким, несомненно, был Б.А. Улубабян, описывают события без фактологического анализа.

Практически все, что высказано им относительно знакомства бабушки с бабушкой, времени и места их свадьбы, а также характеристика самой бабушки вызывает серьезные сомнения, если не сказать категорическое отрицание.

Даже если согласиться, что молодой офицер познакомился с будущей женой «почти случайно», хотя по этому поводу тоже можно поспорить, то уж окончание бабушкой Лазаревского института противоречит статусу последнего, поскольку, по моим сведениям, подтвержденным Самвелом Мурадяном, в этот институт, по крайней мере до 1910 года, принимали исключительно мальчиков. С увлечениями Ерануи писатель тоже что-то напутал. Тетя Маруся и тетя Соня (Б.А. Улубабян называет их соответственно Мариам и Србуи) рассказывали, что моя бабушка увлекалась рисованием, пением и археологией. Если только считать археологию частью арменоведения, то тогда, может быть, в бабушке и пропал арменовед, читай, археолог. Во всяком случае, у меня сохранилась фотография, где моя бабушка сидит на развалинах древней столицы Армении, Ани, в составе группы во главе с известным академиком Марром (бабушка — вторая слева). В каком году это было, я не знаю.

*Жена Даниэл-бека Ерануи (вторая слева)
в составе экспедиции академика Марра (третий слева) на развалинах Ани*

Личность академика Марра достаточно противоречива. Его теории не раз подвергались серьезной критике, но его незаурядность никто из оппонентов никогда не отвергал. И, поскольку он оставил в науке заметный след, я решил опубликовать и фотографию академика Марра на развалинах Ани, которую он подарил моей бабушке, правда, не подписав.

Академик Марр на развалинах Ани

Что касается места свадьбы и той помпы, с которой она была отпразднована, то весьма сомнительно, что торжество прошло в Петербурге. Пригласить всех домочадцев обоих родов (а не пригласить было немислимо) в далекую столицу оказалось бы, наверное, слишком накладно даже с учетом купеческих доходов отца Ерануи, Маркара Григорьевича. И, мягко говоря, несколько нелогично выглядит организация свадьбы «армянскими петербургскими богачами, в основном александропольцами и шушинцами». Маловероятно, что деловые и личные связи моего прадеда по линии бабушки, Маркара Григорьевича Халатянца, тянулись так далеко — в столицу империи. Я думаю, что все было проще: и бракосочетание, и его торжественное празднование состоялись в Александрополе. Не исключено, что, чтобы отметить это событие, в город приехали и мать Даниэл-бека,

и его братья и сестры, благо Александрополь был гораздо ближе к Карабаху, чем Петербург.

Помимо увлечения археологией бабушка много рисовала. У меня долгие годы хранились разрисованные ею шелковые ширмы. Потом мы с мамой отдали их в музей. А палитру, на которой она смешивала краски, я подарил Шмавону, решив, что ему как художнику она придется кстати. И только нарисованный на шелке зимний пейзаж остался у меня дома. В память о бабушке.

Жена Даниэл-бека Ерануи у мольберта

Пожалуй, это все, что я могу рассказать о Ерануи — жене Даниэл-бека, дату рождения которого и место учебы (1860 год и военная школа в Петербурге), кстати сказать, Б.А. Улубабян привел ошибочно. Но сейчас речь не об этом.

Мог ли Даниэл-бек, в возрасте 24 лет, в чине подпоручика с «ничтожным содержанием» (по словам П.А. Зайончковского) взять на себя серьезную ответственность, не испросив у матери разрешения на брак или, как говорили в те времена, не испросив «родительского благословения»? Думаю, что воспитанный в традиционной армянской патриархальной семье, он не мог так поступить. А потому вступление в брак через месяц после знакомства, как пишет об этом Б.А. Улубабян, представляется маловероятным. Скорее, было по-другому. Знакомство продолжалось, и уверенный во взаимном чувстве девушки Даниэл-бек 21 мая 1886 года отправился домой в 42-дневный отпуск с содержанием (последнее обстоятельство было очень важно, если вспомнить размеры его ежемесячного жалованья), из которого должен был вернуться 2 июля 1886 года (в послужном списке, по-видимому, ошибка: указана дата «2 июня»). Однако молодой офицер возвратился в часть на 20 дней раньше срока, то есть 12 июня, очевидно, успев за это время договориться с родителями и соскучившись по предмету своей любви. Но существовали еще ступени, которые Даниэл-бек должен был преодолеть...

Чтобы молодые офицеры при обзаведении семьей не впадали в крайнюю бедность, а члены их семей, не имея возможности достойно выглядеть и вести образ жизни, соответствующий их положению, не роняли честь офицерского звания, 3 декабря 1866 года были утверждены правила, по которым офицерам запрещалось жениться ранее 23 лет. Как пишет С.В. Волков, «...до 28 лет офицеры могли жениться с разрешения своего начальства и только в случае предоставления ими имущественного обеспечения реверса, принадлежащего офицеру, невесте или им обоим. Представленное обеспечение должно было приносить в год не менее 250 рублей чистого дохода. Позднее эти правила были подтверждены и развиты законом от 7 февраля 1881 года...

...При даче разрешения на брак учитывалась и его пристойность. Понятие «пристойность» требовало, чтобы невеста была «доброй нравственности и благовоспитанна». А кроме того, «должно быть принимаемо во внимание и общественное положение невесты». При подаче офицером соответствующего заявления, командир полка обязан был решить вопрос о пристойности брака и, если не видел к тому препятствий, представлял свое заключение начальнику дивизии, который и имел право дать окончательное разрешение.

Требование пристойности носило абсолютный характер: офицер ни в коем случае не мог иметь жену, не отвечающую представлениям о достоинстве офицерского звания. Вступление в брак без разрешения влекло дисциплинарное взыскание или увольнение со службы. Офицерам запрещалось также жениться на артистках и на разведенках, взявших на себя вину при разводе...»¹⁸

¹⁸ Волков С.В. Указ. соч. С. 247.

И, конечно, офицер не должен был иметь главного препятствия к вступлению в брак — весьма нередкого в ту пору — наличия карточных и иных долгов.

Учитывая все это, а также то, что первый сын, Иосиф (а не Микаэл, как написано в романе «Сардарapat»), родился 24 июля 1888 года, свадьба могла состояться где-то между летними месяцами 1886 года и сентябрем 1887 года и вряд ли «через месяц после первой встречи». Доля исследователя — приходится руководствоваться и такими соображениями, как «нравственность» невесты и отсчетом девяти месяцев со дня рождения первенца.

Наконец, настал момент порадоваться за молодую семью. Как раз приблизительно за месяц до рождения Иосифа, 15 июня 1888 года, на основании проверки специальной комиссией был издан особый приказ о повышении окладов содержания (жалованья и столовых) строевым офицерам, и Даниэл-бек в чине подпоручика вместо 477 рублей в год стал получать 650. Существенная прибавка для молодой семьи. Думаю все же, что без помощи тестя — купца Маркара Халатянца дело не обходилось.

Вслед за первенцем, Иосифом, стали появляться и другие дети. Всего — шестеро, но рождались они совсем не в том порядке, как пишет об этом Б.А. Улубабян. А поскольку их судьбы тесно переплелись с судьбой их отца, я позволю себе остановиться на рубеже 1888 года и рассказать о том, как сложились жизни всех шестерых детей Даниэл-бека.

ИНТЕРЛЮДИЯ «ДЕТИ»

Они рождались в таком порядке: Иосиф, Микаэл, Мария, Александр, София и, наконец, Левон (мой отец). Из них при жизни я знал четверых: Микаэла, Марию, Софию и, конечно же, своего отца.

Начну свой рассказ с самого старшего.

Иосиф

Все, что я знал о нем до 1977 года, было почерпнуто из рассказов моей мамы, часто вспоминавшей двух старших братьев моего отца — Иосифа и Микаэла. Оба они были людьми бессемейными и, по маминым словам, часто приходили в дом к своей замужней сестре Софии и к нам. Оба до революции были офицерами, но в советское время занимали незавидное социальное положение, служа в младших должностях в разных учреждениях. Но старший, Иосиф, отличался от других детей несомненным дарованием: хорошо пел, читал стихи и даже сам их сочинял.

По словам моей мамы, он во второй половине 30-х годов толком нигде не работал, обивал пороги различных учреждений, пытаясь опубликовать что-нибудь из своих сочинений и организовать не то армянский драматический кружок, не то что-то еще в том же роде. За что и был арестован в 1938 году предположительно по доносу своего знакомого часовщика-армянина, которому часто жаловался на равнодушное отношение советской власти к своим проектам. Правда, иногда мама выражалась иначе, говорила, что моего дядю арестовали, перепутав с родственником, его тезкой и тоже бывшим во времена дореволюционные офицером — Иосифом Шаликовичем, ушедшим после советизации Армении в Персию.

После очередного маминого воспоминания в моем воображении рисовалась картина: дядя Иосиф жив и просто боится дать о себе весточку, чтобы не навлечь беду на своих родных. И я часто предлагал маме написать письмо в КГБ, чтобы выяснить, наконец, судьбу моего пропавшего дяди.

И вот как-то в марте 1977 года, проходя мимо приемной КГБ, что на Кузнецком мосту, я, набравшись храбрости и решив, «будь, что будет», написал от руки заявление на какой-то не очень респектабельной бумажке, зашел на негнущихся ногах в приемную и бросил ее в специально предназначенный для таких дел ящик. Маме я ничего не сказал, боясь, что она потеряет покой и остатки здоровья. Ей было уже 70 лет.

Однако через несколько дней покой потеряла не она, а я. Мне казалось, что написанное от руки заявление могут не принять к рассмотрению, и, кроме того, я вспомнил, что не указал армянский вариант фамилии моего дяди — Пирумян. Тогда я напечатал новое заявление на пишущей машинке и на отличной бумаге и снова зашел, но уже на более твердых ногах (ведь со мной ничего не сделали в течение этих нескольких дней!), в приемную и опустил его в тот же ящик. Мне показалось, что часовой был тот же и что на его лице отразилось недоумение: чего это я снова тут? Но, конечно, все это было игрой взвинченных нервов...

Зато звонок «из органов» ко мне на работу оказался куда как реальным, хотя я не оставлял в заявлении номера своего рабочего телефона. Мужской голос вкрадчиво спросил: зачем я написал второе заявление, неужели я думаю, им и первого недостаточно?

С этим звонком у меня связано еще одно воспоминание, относящееся к дружбе с моим тогдашним начальником, Сталиком Эммануиловичем Севериновским, который, надеюсь, останется до конца моей жизни одним из самых любимых друзей, к сожалению, теперь живущим далеко от меня, в США.

В то время один из сотрудников нашей лаборатории, которой руководил Сталик Эммануилович, подал заявление на выезд в Израиль. Естественно, и у подавшего «на выезд», и у нашего начальника в связи с этим возникли проблемы, типичные для того времени «позднего за-

стоя». И само собой, что, когда мужчина, позвонивший по моему рабочему телефону, представился как работник КГБ и позвал меня, у Сталика Эммануиловича, а именно он первый подошел к телефону, возникли определенные ассоциации, и он с ужасом подумал: неужели еще один подал «на выезд»?

Рассказываю об этом исключительно для того, чтобы, с одной стороны, воздать должное всем моим друзьям и знакомым, поддерживавшим меня тогда (а Сталик Эммануилович был именно таким другом), а с другой, показать, какое время мы пережили. Но что мы, а предыдущее поколение, к которому относился мой дядя Иосиф!

Я, конечно, ожидал от КГБ каких-то действий в ответ на мои заявления, но не тех, какие произошли на самом деле.

Косяком пошли письма. Первое письмо на мое имя от 30 марта 1977 года мы с мамой читали, не веря своим глазам. Оно было от сотрудника отдела КГБ некоего Черкинского. Трафаретом было напечатано: «Сообщаем, что поступившее в Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР Ваше заявление о (потом рукописно) судьбе и обоснованности осуждения Вашего дяди Пирумова Иосифа Даниловича (и снова трафаретом) направлено на рассмотрение (опять рукописно) соответственно в МВД СССР и Прокуратуру СССР».

Следующим посланием стала открытка от 6 апреля 1977 года со штампом ГНИЦУИ МВД СССР (малопонятной мне и тогда, и сейчас, когда пишу эти строки, структуры), почему-то поставленным вверх ногами. Подписал открытку некий Смирнов, не указав должности. Текст гласил (сначала трафаретно): «Сообщаем, что Ваше заявление от 21 марта 1977 года (вот, значит, какая точная дата у моей затеи) направлено на рассмотрение (потом рукописно) в УВД Архангельского облисполкома (и снова трафаретно), откуда Вы получите ответ». Мы с мамой вконец разволновались. Это уже было нечто конкретное.

Через некоторое время снова получаю письмо (от 14 апреля 1977 года). Машина преступной советской власти (хочу назвать эту власть так, как она того заслуживает), избрав тридцать лет назад в очередные жертвы моего дядю, и теперь была на ходу, достигнув в своих действиях полного автоматизма. Разок написав в КГБ, будешь обеспечен множеством ответов из разных ведомств. Письмо вообще-то было послано Управлением исправительно-трудовых учреждений УВД Архангельского облисполкома начальнику ОАГС Московской области (может быть, это отдел записи актов гражданского состояния?), а мне досталась копия. Весь текст на этот раз был напечатан на пишущей машинке. Вот его дословное содержание: «На заявление гр-на Пирумова Ю.Л., адресованное председателю КГБ при СМ г. Москвы (чушь какая-то, получается — «Совет Министров г. Москвы», да ладно, простим ошибки, не простим преступления,

а оно в следующих словах), сообщаем, что по архивным материалам Пирумов Иосиф Данилович, 1888 года рождения, умер 25 июня 1942 года.

В ОАГС УМГБ г. Москвы 7 апреля 1951 года за № 14594 было направлено извещение для регистрации о смерти родственникам.

Пирумов И.Д. до ареста проживал г. Москва, Московский переулок (ошибка, на самом деле — Машков переулок. — *Ю.П.*), дом 8, кв. 16 и работал зам. директора школы № 29 Октябрьского РОНО г. Москвы. Начальник управления И.В. Грецков».

К письму была скрепкой приколата бумажка с написанным от руки адресом Ждановского ЗАГСа, где можно было получить свидетельство о смерти. И я поехал по этому адресу и 4 мая 1977 года получил это свидетельство. Девушка, выдавшая его, спросила, зачем мне это нужно. Счастливого неведение нового поколения! Причиной смерти в свидетельстве был указан упадок сердечной деятельности.

Мне казалось, что я уже получил всю возможную информацию, но государство так не думало...

Я жил в центре Москвы, индекс нашего почтового отделения был 103001, очевидно, поэтому письма от ведомств до моего дома доходили быстро.

Следующим посланием стала открытка из Прокуратуры СССР (даты не было — только исходящий номер), в которой было написано (сначала, как водится, трафаретно): «Сообщаем, что Ваша жалоба (потом, опять же, как водится, рукописно) по делу дяди Пирумова И.Д. поступила в (опять трафаретно) Прокуратуру (последнее слово напечатано с конечной буквой «о», которая переправлена авторучкой на букву «у». — *Ю.П.*) СССР и (союз «и» вписан от руки. — *Ю.П.*) проверяется. Прокурор отдела Прохоров».

Вслед за открыткой, за тем же номером, что был указан в ней, но уже с датой — 3 мая 1977 года, пришло письмо из самой Прокуратуры от прокурора отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности, старшего советника юстиции Н.К. Прохорова (явно того же самого, что подписывал открытку). Вот что он напечатал на пишущей машинке: «Сообщаем, что дело в отношении Пирумова Иосифа Даниловича направлено на рассмотрение в судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР. О результатах рассмотрения будет сообщено».

Зачем я так подробно сообщаю о ходе переписки, зачем насмехаюсь над ляпами в чиновничьих ответах? По нескольким причинам. Чтобы показать потомкам, которые, надеюсь, избегнут «счастья» жить при коммунистической диктатуре, как губили ни в чем неповинных людей, и как спустя десятилетия по крупницам выдавали правду, и как эта запоздалая «правда» была поставлена на поток: оформлялась бездушно, с ошибками в тексте. Я был еще молод, и мое сердце выдерживало волнение, с которым я прочитывал строки этих посланий. Не то было с моей мамой, для

которой за каждым словом виделся конкретный человек, когда-то приходивший к ней в дом, — старший брат ее горячо любимого мужа...

Следующее извещение с датой 10 мая 1977 года пришло от заведующего ЗАГСом города Москвы, с копией: начальнику управления исправительно-трудовых учреждений И.В. Грецкову:

«Настоящим сообщаем, что извещение для регистрации акта о смерти Пирумова И.Д. 29 сентября 1951 года было направлено в Ждановский райотдел ЗАГС г. Москвы (Воронцовская ул., д. 29 «б»), куда и следует обратиться за получением свидетельства о смерти».

А ведь с момента подачи моего первого заявления в КГБ прошло всего два месяца, а я уже получил шесть посланий, то есть, в среднем, одно послание в десять дней.

С той же датой — от 10 мая 1977 года — пришло письмо из Прокуратуры СССР, все от того же прокурора Н.К. Прохорова. В его лице государство расписалось в совершении преступления. Так я решил, когда прочитал вот это:

«Сообщаем, что определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 10 мая 1977 года дело в отношении Пирумова Иосифа Даниловича производством прекращено за о т с у т с т в и е м с о с т а в а п р е с т у п л е н и я (разрядка моя. — Ю.Л.). Справку о его реабилитации Вам вышлют из Верховного суда РСФСР».

Символично или нет, но Прокуратура находилась на той же самой Пушкинской улице (ныне Большая Дмитровка), где жила с семьей моя теть Соня и куда частенько приходил Иосиф, а также другие дети Даниэл-бека, и мои папа с мамой.

И действительно, через несколько дней пришло заказное письмо из Верховного суда РСФСР за № ОС77 — 6 с датой — от 16 мая 1977 года. Я уже привык за последние месяцы получать письма на различных бланках, но это было не просто на бланке Верховного суда, но и с круглой гербовой печатью. Последний вариант признания государства в содеянном преступлении:

«Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 10 мая 1977 года постановление особого совещания при НКВД СССР от 14 августа 1938 года в отношении Пирумова Иосифа Даниловича 1888 года рождения, отменено, и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

Гр-н Пирумов И.Д. по настоящему делу реабилитирован.

Согласно материалам дела гр. Пирумов И.Д. до ареста работал завхозом школы № 29.

Заместитель Председателя Верховного суда РСФСР Н.С. Прусаков».

Сейчас наша с мамой реакция в тот момент, когда мы читали это письмо, уже размыта в памяти. Могу только сказать, что мама посчитала, что

я все правильно сделал, несмотря на ее опасения. В глубине души я тоже чего-то страшился, сам не зная чего, но вот в такое время пришлось жить.

Прошло несколько лет. Я продолжал работать над биографией дедушки и в какой-то момент пришел к мысли, что хотя Иосиф и реабилитирован, но никаких подробностей о его аресте и пребывании в лагере я не знаю. В 1988 — 1989 годах я написал три заявления в КГБ. В результате появилась возможность не только ознакомиться с делом Иосифа, но и получить копию анкеты, копию ордера на арест, копию постановления об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения, копию акта об изъятии носильных вещей, его приарестные фотографии в фас и профиль, а также военный и профсоюзный билеты. Вместе с «Расчетной книжкой работника искусств», принадлежавшей Иосифу и доставшейся мне от тети Маруси, эти три подлинных документа теперь хранятся в моем архиве. Но и это еще не все. Я узнал текст доноса из уст работника КГБ, кроме фамилии доносчика, а также некоторые дополнительные факты, которые стали известны из получаемых уже в 1989 году писем.

В числе прочих вопросов, которые я задавал в своих последних заявлениях, был и вопрос о материальной компенсации. Посоветовавшись с двоюродными сестрами — внучками Даниэл-бека, дочерьми тети Сони, Рипсимэ и Люстик, я решил, что должен потребовать от государства не только моральную компенсацию, но и материальную. Не потому, что нам были нужны эти деньги, как таковые, а потому, что хотел, чтобы государство, хоть на малую толику, но тоже пострадало, раз уж я не могу заставить его пострадать по-крупному. Впрочем, через два года, в 1991 году стало ясно, что оно само себя уничтожило и таким образом ответило за свои преступления.

А пока меня ждало новое письмо, от Главного информационного центра МВД СССР (от 13 сентября 1989 года):

«Сообщаем, что Ваше заявление по вопросу денежной компенсации изъятых при аресте имущества у дяди — Пирумова И.Д. направлено в КГБ СССР, по другим интересующим Вас вопросам — в УВД Архангельского облисполкома, откуда вы получите ответы. Зам. начальника ОСО И.Н. Стороженко».

Оформление компенсации я отложил на некоторое время, так как мне и моим двоюродным сестрам надо было сначала оформить права на наследство, а это дело не одного дня. На все про все ушел целый год.

По другим «интересующим меня вопросам» я получил письмо от Управления по исправительным делам Архангельского областного Совета народных депутатов, отправленное 29 сентября 1989 года:

«Ваш дядя гр. Пирумов Иосиф Данилович, 1888 года рождения, армянин, уроженец г. Ленинакана (ныне Гюмри. — *Ю.П.*) умер в Талажском отделении Кулойлага 25 июня (в свидетельстве о смерти указано

24 июня. — Ю.П.) 1942 года. Причина смерти — упадок сердечной деятельности. Смерть гр. Пирумова И.Д. зарегистрирована в Ждановском ОАГСе г. Москвы. Извещения о смерти нами неоднократно выслались: 1-е — 03.09.43 г. № 14594; 2-е — 04.04.51 г. № 14594 (странно, опять тот же номер через восемь лет. — Ю.П.) и 3-е — в апреле 1977 года. Место захоронения гр. Пирумова И.Д. к сожалению, не сохранилось, ввиду интенсивного развития и строительства этого региона области за прошедшие десятилетия.

И.о. начальника управления — Ю.В. Дмитриев
Ст. архивист отделения — А.И. Моторина».

Вот так, застроили — и все! Уже в двадцать первом веке мы с двоюродной сестрой, Люстик, и нашей племянницей Светланой, дочерью Рипсимэ, решили на армянском Ваганьковском кладбище соорудить символическую могилу Иосифа. И теперь на могиле его брата Микаэла и сестры Марии стоит плита, на которой написаны все три имени. И хотя Иосифа в этой могиле нет, имя его навсегда останется не только на могильной плите, но и на страницах этой книги.

Наконец, мои заявления сработали, я получил непосредственно из КГБ ответ, датированный 31 октября 1989 года:

«Ваше заявление от 23 июля 1989 года, поступившее в Комитет госбезопасности из МВД СССР, рассмотрено.

Для ответа на поставленные в письме вопросы просим Вас позвонить по тел. Якушеву Вячеславу Николаевичу».

Я приехал на знаменитую Лубянку. Вячеслав Николаевич проводил меня в отдельную комнату, где я мог один, не ограничивая себя во времени, знакомиться с делом Иосифа и выписывать из него все, что мне хотелось. А выписать мне хотелось именно все, в том числе и текст доноса. Но его-то там и не было. Впрочем, через некоторое время кто-то из работников КГБ, может, и сам Якушев, пересказал мне по телефону текст этого доноса. Я его запомнил и сразу же записал по памяти. Сколько долгих лет моя мама и другие родственники мучились в догадках! Но насчет доносчика они все же не ошиблись.

Вячеслав Николаевич принес мне все эти копии и документы. Я помню, что еще спросил его, могу ли я опубликовать всю ту информацию, которую почерпнул в деле. Он ответил, что, «конечно, раз мы дали Вам возможность с ним ознакомиться». Этой возможностью я и воспользовался в 1995 году, опубликовав статью «Он хотел создать в Москве армянский театр».¹⁹ Пользуюсь этой возможностью и сейчас.

А еще я попытался получить от Архангельского управления по исправительным делам дополнительную информацию, но 16 июля 1990 года все от того же И.В. Грецкова пришло письмо: «В дополнение к нашему пись-

¹⁹ Пирумян Ю.Л. // Pro Armenia. 1995. № 2. С. 51 — 56.

му № 12/1 – II – 56 от 29.09.89 года сообщаю, что каких-либо иных сведений в архиве УИД, кроме сообщенных Вам, на гр. Пирумова И.Д. нет»

В этом же 1990 году я вернулся к вопросу о компенсации и как раз через четыре дня после предыдущего письма получил из Главного финансового управления Московского исполкома письмо, датированное 20 июля 1990 года:

«Государственная налоговая инспекция по г. Москве сообщает, что в связи с реабилитацией гр. Пирумова Иосифа Даниловича в возмещение стоимости конфискованного имущества его законным наследникам подлежат выплате 102 рубля 36 коп. (сто два рубля 36 копеек).

Для получения указанной суммы необходимо в Первой Московской государственной нотариальной конторе (Бобров пер., д. 6) оформить свидетельство о праве наследования и представить его в Главное финансовое управление Мосгорисполкома с заявлением о выплате.

Для сведения сообщаем, что нотариальная контора уведомлена о необходимости оформления свидетельства о праве наследования законным наследникам Пирумова И.Д. Заместитель начальника Государственной налоговой инспекции по г. Москве — М.А. Донская».

Что представляло собой это «конфискованное имущество», я узнал из акта об изъятии носильных вещей и описи имущества.

Наступили новые времена, и я решил, что в связи с подготовкой к публикации моей книги о дедушке могу получить настоящий текст доноса, а не довольствоваться письменным изложением устного рассказа чекиста, пусть даже и любезного. В моем заявлении в ФСБ от 15 апреля 1996 года был такой длинный фрагмент: «...В настоящее время статья о моем дяде опубликована в журнале «Pro Armenia», и я надеюсь, что она со временем станет отдельной главой задуманной мною книги о моих предках, главное место среди которых займет мой дед Пирумян (Пирумов) Даниэлбек — отец Иосифа Пирумова (Пирумяна). Большая статья о моем дяде опубликована мною в 1992 году в том же журнале, и из этой статьи видно, что он являлся не только видным боевым российским офицером, но и армянским национальным героем. А потому любые детали, относящиеся к жизни этого человека и к жизни его семьи, имеют большое значение для армянских читателей и историков (а может быть, и не только армянских). На этом фоне и несчастную судьбу его старшего сына Иосифа — боевого российского офицера, вложившего свою лепту еще и в русское и армянское искусство, целесообразно раскрыть полностью. Между тем в этой судьбе не хватает одного существенного фрагмента, первоисточника несчастья моего дяди — доноса.

Я знаю, что в некоторых исключительных случаях, когда речь идет об известных людях (позволю себе столь высокую оценку деятельности моего дяди, основанную на мнении многих военных специалистов, в том чис-

Опись

Имущество прикомандированного Пирумова и др.
противоположного по Влошскому пр. 9.8 кв. 16.
Воронежского префектур. Н.К.В.Д. от 16/17-38г.
№ 2373 в присутствии Пирумова
составлены опис. вещи доставлены
по адресу указанному.

№	Наименование предметов	Кол-во	Единица
1.	Одеяло байковое простое 1/2	1	шт
2.	Полуполое широк. земли сукн.	1	—
3.	Ботинки широк. шнуров. стоп.	1	—
4.	Шоппа шнуров. простая 1/2	1	—
5.	Полуполое широк. земли сукн.	1	—
6.	Полуполое широк. земли сукн.	3	—
7.	Полуполое широк. земли сукн.	2	—
8.	Полуполое широк. земли сукн.	3	шт.
9.	Каша разная	2	—
10.	Вещи суконные простые	1	—
11.	Копейки советские сто рубл.	100	шт.

Вещи по описи в № 1 по ит " "
включит также сюда Пирумова / Пирумов /

Вещи по описи в № 1 по ит " "
включит также сюда Пирумова / Староворотов /

Имущество прикомандированного
сотр. Н.К.В.Д. Пирумова / Староворотов /
в присутствии Пирумова —

Опись имущества, изъятого сотрудником НКВД
при аресте старшего сына Даниэл-бека Иосифа

ле И.Х. Баграмяна), исследователям и публикаторам разрешают ознакомиться с текстами доносов и с фамилиями доносчиков. Я сам неоднократно читал материалы с подобными текстами и фамилиями.

На сегодня мне известно о доносе только то, что его написал 5 марта 1938 года армянин-часовщик, родом из Ленинканана. Вот приблизительное содержание доноса:

«Два дня назад ко мне в часовую мастерскую заходил Иосиф Пирумов, которого я знал мало, так как мы долго не встречались. Он ничего не делает и нигде не работает, настроен антисоветски, а в разговорах ругает советское правительство, высказывает фашистские взгляды и восхваляет Гитлера. Например, говорит: «Во все дела, куда Германия протягивает руку, везде победа. Газеты врут, что Народный фронт одерживает победу. В нашей стране Новая конституция ничего хорошего не дает, будет хуже, чем было. Советское правительство заплатило все царские долги, а народ об

этом не знает». В заключение Пирумов просил меня поддерживать с ним связь и сообщать обо всех лицах, приезжающих из Закавказья в Москву».

Ответ на мое заявление пришел из Центрального архива ФСБ только через три месяца — 12 июля 1996 года (это вам не дело о реабилитации). В письме было написано: «Уважаемый Юрий Леонович! С материалами архивного следственного дела по необоснованному осуждению Пирумова И.Д. Вы были ознакомлены в рамках существующего законодательства. Начальник архива В.П. Гусаченко».

Времена новые (обратились по имени-отчеству, а ведь раньше для КГБ и других ведомств я всегда был лишь обезличенным «гражданином»), но дух тот же. Ну, и бог с ними, и с КГБ, и с ФСБ! Все равно, хоть у меня только устная «копия», смысл-то доноса ясен! Удивительно, что по такому обвинению не расстреляли, а всего лишь в лагерь отправили, учинив один-единственный допрос.

Обладая такой обширной информацией, я смог обратиться в общество «Мемориал», где дело Иосифа зарегистрировали под номером 1583. Не знаю, что означает этот порядковый номер, но он теперь существует. И значит, можно надеяться, что память о рядовой жертве коммунистического террора, как и о миллионах других, не зарастет травой забвения.

Все, что связано со смертью Иосифа, я пересказал. А теперь хочу поделиться фактами из его жизни, почерпнутыми из послужного списка,²⁰ некоторых других документов и воспоминаний родственников. Из списка: «Родился 24 июля 1888 года. Из потомственных дворян. Окончил 5 классов Александропольского реального училища, выдержал экзамен при Тифлисском военном училище на чин прапорщика запаса. ...В службу вступил 1 сентября 1909 года в 153-й пехотный Бакинский полк рядовым на правах вольноопределяющегося 2-го разряда...» Через год он уже младший офицер, а еще через год увольняется в запас.

У Иосифа с раннего детства проявилась унаследованная от матери страсть к пению, танцам и рисованию, а от отца — к чтению. Его всегда тянуло к искусству. Поэтому, уйдя в запас, он целиком погрузился в творческую деятельность, принимая участие в армянских и русских спектаклях, поставленных в Александрополе известными армянскими деятелями искусства.

Но 18 июля 1914 года Иосифа призывают по мобилизации в армию и 20 июля зачисляют в 155-й пехотный Кубинский полк. Через два месяца его командируют в Тифлис в военное училище «для держания экзамена на чин прапорщика запаса». В октябре 1914 года он успешно сдает этот экзамен и 17 ноября прибывает в Кубинский полк, где назначает-

²⁰ РГВИА. Ф. 409. № 130 — 717 (1915).

ся младшим офицером в 10-ю роту. 26 декабря 1914 года ему присваивают чин прапорщика запаса.

За бои 1914 — 1915 годов. Иосифа в июне 1915 года награждают орденом Св. Станислава 3-й степени. Спустя два месяца его, контуженного, отправляют на лечение в госпиталь. А когда он выходит оттуда, его переводят в 153-й пехотный Бакинский полк, поближе к отцу.

В рядах этого полка Иосиф проявляет себя с наилучшей стороны, командуя то одной, то другой ротой, и заслуживает ордена Св. Станислава и Св. Анны других степеней, Георгиевский крест 4-й степени, а также представления от 4 апреля 1916 года к ордену Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом за атаку высоты 2980.

Как пример его героического поведения во время боя приведу текст ходатайства командира 153-го пехотного Бакинского полка о награждении Иосифа орденом Св. Анны 2-й степени:

«Участвуя во всех боях Эрзинджанской операции с 24 июня по 6 июля 1916 года и командуя все время ротой, умело и доблестно руководил ею, выказывая личную храбрость и распорядительность, подавая пример людям роты».

В ноябре 1916 года Иосиф произведен в поручики, во время Февральской революции болеет при полку, а затем в течение весны-осени 1917 года командует то одной ротой, то другой. Последняя запись в его послужном списке звучит так: «Командирован в район гор. Александрополя в качестве квартирмейстера 10 сентября 1917 года».

Приблизительно к этому времени относится фотография, которая мне очень нравится: молодой, с энергичным взглядом, с лихо закрученными вверх усами... Ему почти 30 лет, но он холост и так и останется холостым к моменту своего ареста, когда ему исполнится уже пятьдесят. Только его фотография, сделанная при аресте, будет сильно отличаться от этой...

В мае 1918 года вместе с отцом и младшим братом, Микаэлом, Иосиф принимает участие в знаменитой Сардарapatской битве, а затем служит в Армянской армии уже в чине капитана. Но когда в Армению пришла советская власть, Иосифу, как и многим другим военным, в армии не нашлось места. Хорошо хоть уцелел...

Сначала он становится артистом в составе бродячей театральной труппы, потом переезжает в Москву в район Чистых прудов, где обосновались его мать и две сестры. Где и кем он работает, приехав в столицу, трудно сказать. Лишь один документально подтвержденный след — сохранившаяся в нашем семейном архиве «Расчетная книжка работника искусств», по которой Иосиф в 1927 году — «артист оперетты» и работает в «Коллективе музкомедии под управлением И.Я. Евтляева-Вольского» в Народном доме «Текстильщики» Иваново-Вознесенска (ныне г. Иваново. — Ю.П.).

Старший сын Даниэл-бека Иосиф

Имея опыт выступлений в армянских и русских спектаклях, он задумывает создать в Москве армянский театр с оригинальным репертуаром и затевает хлопоты, связанные с этим проектом. Я нашел в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) документ, проливающий свет на планы Иосифа в отношении армянского театра.²¹ Поскольку, в конечном итоге, по моему мнению, именно хлопоты по претворению в жизнь этой идеи привели Иосифа на Лубянку, я процитирую этот документ целиком (исключу только проект штатного расписания), ничего не меняя, и каким он уже был впервые опубликован мною в 1995 году в журнале «Pro Armenia».

²¹ ЦГАЛИ. Ф. 645. е/х 266 /1/, оп. 1.

В НАРКОМПРОС

Театральный отдел

От ответственного руководителя

Армянского коллектива № 33

и организатора «Театра Восточного искусства»

Пирумова И.Д.

Машков пер., 8, кв. 16

Тел. 4-80-61

ЗАЯВЛЕНИЕ

В целях широкого ознакомления Русского зрителя с творчеством музыкально-сценического искусства Востока и народностей Союзных республик, при непосредственной поддержке Бюро Художественного Совета при Управлении Объединенных коллективов РАБИК, № 29 от 7/1 — 29 г., протокол № 7, сформирован новый армянский коллектив «Театр Восточного искусства». Новый коллектив, кстати сконструированный из прекрасных молодых голосов, куда для работы и заведования художественной, музыкальной и прочими частями приглашены видные работники Актеатров (академических театров. — Ю.П.) и музыки, ставит себе задачей, приняв новые формы и расширив программу и поле деятельности, и сохраняя в своей основе бытовой и этнографический облик музыкально-сценических произведений Востока и народностей Союзных республик, сделать достоянием широчайших масс, вынося на широкую театральную арену как на армянском, так и на русском языках.

Хотя новая организация со своей новой формой и перспективами развернулась в середине зимнего сезона, когда все театры перегружены, тем не менее, она, являясь центром внимания, нашла моральную поддержку многих культурных союзных организаций, и вокруг которой уже организовано крепкое «Русско-Армянское Общество Друзей театра Восточного искусства» при активном содействии которого, думается, что нам удастся избежать театрального кризиса в смысле помещения.

В настоящее время, в период подготовительных работ, коллектив избрал как временную базу для занятий клуб Парпита (бывш. т. Мозаика), где, очевидно, будут протекать в ближайшем будущем спектакли коллектива с расчетом свою продукцию выносить и в другие театры и клубные помещения. Спектакли будут рассчитаны, главным образом, на организованного зрителя, художественно-историческая и зрительская ценность продукции будет поднята и находится вне сомнения.

Коллектив сейчас находится в стадии разворачивания своей работы, для чего выписываются материалы, которые подвергаются тщательной обработке и переводятся на русский язык. Музыка перекладывается на ноты

и складно оранжирруется. По окончании лабораторных работ будет приступлено к репетициям, но крайняя материальная нужда сковывает коллектив по рукам и ногам и все драгоценное время, к сожалению, приходится тратить на изыскание средств на оформление, приобретение и обработку библиотеки и прочие необходимые расходы, которые тесно связаны с жизнью и работой коллектива, что, сильно отражаясь на интенсивности и настроении, препятствует быстрому и бесперебойному продвижению вперед, к намеченной цели.

Ставя вас перед неоспоримо свершившимся фактом, прошу оказать коллективу, и если возможно, в спешном порядке, материальную поддержку для начинания и развития этого культурного дела, впервые родившегося в столице трудящихся для трудящихся, и которое будет служить красотой страниц Октябрьской Революции на культурном фронте.

При сем прилагаю в неуточненном виде предполагаемую смету, репертуар и состав труппы с обозначением не гарантированных окладов.

И. Пирумов
16/II – 29 г.
М.»

В качестве репертуара Иосиф предлагал три оперы («Алмаст», «Седа» и «Ануш»), семь музыкальных драм, среди которых такие известные, как «Ашуг-Гериб» и «Лейла и Меджнун», шесть музыкальных комедий, в том числе «Багдадский вор» и «Аршин Мал-алан», и четыре драмы.

На этом заявлении слева наискосок резолюция кого-то из работников Наркомпроса: «г. Семеновой, к делу 60331. Ответ 21.02.29 г.». Надо понимать, что ответ на заявление был, но ответ отрицательный, так как «Театр восточного искусства» так никогда и не был создан в Москве.

Огорченный Иосиф живет безвыездно в Москве (только в 1930 году на месяц уезжает на военную переподготовку в Саратов), упорно ищет единомышленников и, по-видимому, находит. Во всяком случае, фотография, на которой снята веселая группа из семи человек (Иосиф первый слева в самом верху), позволяет думать, что он нашел если не единомышленников, то хороших знакомых или даже друзей. На обороте этой фотографии, переданной мне Реганой Каграмановной Мирзабековой, написано, что сделана она в подмосковной Перловке, в августе 1934 года. Среди изображенных на этой фотографии людей есть и мама Светланы Григорьевны Тер-Минасовой — Нина (Нунэ) Григорьевна, в девичестве Сафарова.

В ожидании появления театра, он ютится вместе с младшим братом Микаэлом в одной комнате в коммунальной квартире, площадью 19 кв. метров. По адресу: Машков пер., д. 8, кв. 16 (об их проживании в ней у меня сохранилась справка от 15 июля 1933 года). И, чтобы хоть как-то выжить,

устраивается с помощью младшей сестры, Софии, завхозом в школу, где та работала учительницей в начальных классах.

Нервные перегрузки, связанные с хлопотами о театре, очевидно, сказались на его и без того слабом здоровье (тетя Соня в своих воспоминаниях написала, что когда в 1926 году умерла их мать, моя бабушка Ерануи, Иосиф от нервного истощения заработал себе язву желудка). В 1936 году он уволился с работы и с этого времени, по воспоминаниям моей мамы, часто приходил к нам в гости, оставался обедать и жаловался на неудачи и на непонимание официальных инстанций, от которых зависело устройство армянского театра. Пока его жалобы не выходили за пределы семейного круга, он был в безопасности, но у него был круг знакомых, понимавших его или делавших вид, что понимают. А шла уже вторая половина тридцатых годов XX века, доносы писались в НКВД по поводу и без повода...

Расплата за доверчивость наступила в ночь с 20 на 21 апреля 1938 года. Иосиф был арестован и препровожден в тюрьму на Лубянке.

Его приарестную фотографию можно сравнить с фото, сделанным в Перловке, и понять, как он изменился за последние четыре года. И вчитаться в протокол одного-единственного допроса Иосифа следователем НКВД...

*Старший сын Даниэл-бека Иосиф при аресте в 1938 году.
(Фото из архива КГБ СССР)*

3 /шм/

Протокол допросастр. 12 дела
(печатный. — Ю.П.)**Пирумова Иосифа Даниловича
от 22 июля 1938 г.**

Пирумов И.Д., 1888 г. рождения, уроженец Ленинакана Армянской ССР, беспартийный, сын генерала Пирумова, бывшего офицера дашармии, армянский артист и писатель, до ареста 2 года нигде не работал.

Вопрос: Вы арестованы как участник антисоветской дашнакской организации в Москве, проводивший на протяжении ряда лет активную борьбу против Советской власти. Признаете себя в этом виновным?

Ответ: Нет, не признаю. К антисоветской дашнакской организации я никогда не принадлежал и никакой антисоветской работы не вел.

Вопрос: Вы напрасно упорствуете. Ваша **фашистская** (выделено мною. — Ю.П.) физиономия нам известна. Активную борьбу с Советской властью Вы начали с первых дней Октябрьской революции, будучи офицером в дашнакской армии. Поэтому лучше рассказывайте сами правду, в противном случае будем все время вас изобличать.

Ответ: (ответ подчеркнут красным карандашом под строками и сбоку вертикально. — Ю.П.) Действительно, во время дашнакского правительства в Армении я служил в дашнакской армии в качестве офицера. В 1917 году по личному поручению генерала Дро Кананяна (настоящее имя Драстамат Канаян. — Ю.П.) формировал четвертый (слово «четвертый» вписано от руки. — Ю.П.) полк, который был влит в его (далее текст переходит на с.13 дела. — Ю.П.) экспедиционный корпус (на слове «корпус» подчеркивание под строками заканчивается. — Ю.П.). Однако, дашнаком я никогда не был и программы партии «Дашнакцутюн» я не разделял.

Вопрос: Когда и почему вы вступили в дашнакскую армию?

Ответ (он весь подчеркнут красным карандашом. — Ю.П.): Я являюсь сыном полковника бывшей царской армии, с которым вместе служил в 39-й Закавказской пехотной дивизии в чине поручика, командовал ротой, был представлен на штабс-капитана, но осуществлению этого помешала революция в России (подчеркивание прерывается. — Ю.П.). Отец в это время командовал Кубинским полком.

После революции 1917 г. я вместе с отцом, как офицер бывшей царской армии, перешел в дашармию. Отец в чине полковника, впоследствии был произведен в чин генерала и назначен комендантом Карсской крепости. Я поступил в дашармию в чине поручика, но вскоре был произведен в штабс-капитаны, а через месяц другим приказом меня произвели в капитаны.

В начале 1918 года по приказу Штаба вновь сформированной армянской дивизии дашармии я был направлен в распоряжение (со слова «распоряжение» все подчеркнуто синим карандашом. — *Ю.П.*) военного комиссара дашнакской армии Дро Кананяна.

После моего представления Дро рассказал мне, что ему для экспедиционного отряда нужны сейчас новые пополнения, и для этой цели Дро Кананян поручил мне формировать 4-й пехотный полк (этот абзац подчеркнут сбоку красным карандашом. — *Ю.П.*).

(Текст переходит на с. 14 дела. — *Ю.П.*).

Вопрос: Вы сформировали этот полк?

Ответ: Полностью полк сформировать мне не удалось, так как положение внутри Армении и на турецком фронте в это время было очень напряженным, и поэтому я, как только заканчивал формирование одной роты, так сейчас же по распоряжению Дро Кананяна отправлял ее в экспедиционный корпус.

Вопрос: Сколько времени вы служили вместе с Дро Кананяном?

Ответ: Вместе с Дро Кананяном в Ереване я служил один год (подчеркнуто синим карандашом. — *Ю.П.*).

Вопрос: Вы тогда состояли в партии «Дашнакцутюн»?

Ответ: Среди офицерского состава дашнакской армии было большое количество людей, которые формально членами партии «Дашнакцутюн» не являлись, но по существу были дашнаками, разделяли программу «Дашнакцутюн» и поэтому активно боролись за ее осуществление.

Дашнаки в армии проводили большую агитационную работу, и в особенности среди офицерского состава. Ереван, в котором я по личному поручению Дро формировал 4-й пехотный полк, в этом отношении особо отличался. В нем почти все были увлечены дашнакскими идеями создания «свободной», «великой» и «независимой» Армении.

Я в это время тоже стоял на дашнакских позициях и даже гордился тем, что нам удалось «освободить» Армению от угнетения (с этого слова начинается с. 15 дела. — *Ю.П.*) другими нациями и сделать ее «самостоятельной» (этот абзац подчеркнут красным карандашом. — *Ю.П.*).

Вопрос: Значит, вы стояли на дашнакских позициях и как офицер активно с оружием в руках боролись за укрепление дашнакского правительства. Так вас надо понимать?

Ответ: Совершенно верно. Я как офицер дашнакской армии с оружием в руках боролся за осуществление дашнакской программы, хотя формально членом партии не являлся (этот абзац подчеркнут красным карандашом. — *Ю.П.*).

Вопрос: Вы говорите неправду, следствие располагает данными, что вы, являясь членом партии «Дашнакцутюн», вели активную дашнакскую работу.

Ответ: Нет, я еще раз утверждаю, что членом партии «Дашнакцутюн» я никогда не был. Правда, мне предлагали оформиться в партии дашнаков, но я отказался. В 1918 году я гулял с группой дашнакской молодежи по главной улице Еревани (так в тексте, с буквой «и». — *Ю.П.*) имени писателя Абовяна. Последние начали расспрашивать меня, почему я так хорошо работаю, являюсь неплохим командиром, а до сих пор не оформляюсь в партии «Дашнакцутюн». И тут же предложили мне услуги быстро оформить меня в ряды партии, но я им тогда твердого ответа не дал, так и остался вне партии (абзац отчеркнут красным карандашом. — *Ю.П.*).

Вопрос: Как вы отнеслись к советизации Армении?

Ответ: Советизацию Армении я встретил на турецком фронте, где я командовал тогда батальоном, и отнесся я к ней безразлично.

(Далее: с. 16 дела. — *Ю.П.*)

Вопрос: Советскую власть вы встретили не безразлично, а враждебно, и на этих враждебных позициях вы оставались до последнего времени и вели борьбу с Советской властью.

Ответ: На путь борьбы с Советской властью (первые три слова подчеркнуты синим карандашом, а оба первых абзаца ответа отчеркнуты красным карандашом. — *Ю.П.*) я никогда не становился, но должен заявить следствию, что последнее время я имел антисоветские взгляды.

В течение последних двух лет я не занимался никаким общественно-полезным трудом и не стремился устраиваться на работу. Имея склонности к театральному искусству, я добивался открытия армянского театра в Москве, но мне это не удавалось, а больше я никуда не хотел итти (так в тексте. — *Ю.П.*) работать.

Будучи недоволен своим положением, я постепенно начал сползать на антисоветские позиции, за что и был арестован (этот абзац подчеркнут красным карандашом. — *Ю.П.*).

Вопрос: Какие конкретно антисоветские взгляды вы высказывали?

Ответ: В 1926 году я приехал в Москву, где решил заняться литературным творчеством. Я (далее абзац подчеркнут красным карандашом. — *Ю.П.*) считал тогда свой литературный «гений» по стилю равным ПУШКИНУ и ЛЕРМОНТОВУ (так в тексте. — *Ю.П.*), но, тем не менее, произведения мои нигде не помещали. Это вызывало у меня сильное негодование, и я начал говорить, что их не помещают не потому, что они плохо написаны, а потому, что меня еще как поэта никто не знает, а пробиться сейчас до известности очень трудно.

(Далее: с. 17 дела. — *Ю.П.*)

В 1936 — 38 гг. я в течение двух лет нигде не работал, так как был занят хлопотами об открытии в Москве армянского театра, который был закрыт ввиду его реорганизации.

Долгая неудача в возобновлении работы армянского театра еще больше озлобила меня (далее все подчеркнуто красным карандашом. — *Ю.П.*), и я стал открыто высказывать антисоветские настроения, что везде сплошной бюрократизм, который никак не прошибешь.

Я говорил, что в Советской стране не создаются условия роста кадров в области искусства и в особенности среди национальностей.

И. Пирумов

Допросил: оперуполномоченный 4-го отделения 4-го отдела 1-го управления НКВД, мл. лейтенант Государственной Безопасности Харитонов. (Далее: с. 18 дела, рукописная. — *Ю.П.*)

Протокол объявления об окончании предварительного расследования 22 июля 1938 года г. Москва

Оперуполномоченный 4-го отделения 4-го отдела 1-го управления НКВД мл. лейтенант госбезопасности Харитонов на основании ст. 206 УПК РСФСР объявил обвиняемому Пирумову Иосифу Даниловичу о том, что предварительное расследование по его делу окончено, и спросил его, не имеет ли он чем-либо дополнить расследование.

Вопрос: Вам объявляется об окончании предварительного расследования по вашему делу. Не имеете ли вы чем-либо дополнить расследование?

Ответ: Мне объявлено об окончании предварительного расследования по моему делу, дополнить расследование ничем не могу, так как я покал (наверное, «показал». — *Ю.П.*) все уже раньше.

И. Пирумов

Допросил: оперуполномоченный 4-го отделения 4-го отдела 1-го управления НКВД, мл. лейтенант Государственной Безопасности Харитонов.

Выписка из протокола Особого совещания при народном комиссаре Внутренних дел СССР от 14 августа 1938 г.

Слушали: Постановили:

15. Дело № 18619/ц о Пирумове И.Д. Пирумова И.Д.

1888 г.р.

исх. № 483199

выписка направлена в Бутырскую тюрьму

18 сентября 1938 г.

для направления в Кулойлаг

за контрреволюционную деятельность

заклЮчить в исправительно-трудоВой лагерь

сроком на восемь лет,

считая срок с 20.04.38 г.

Дело сдать в архив

Ответственный секретарь Особого совещания И. Шапиро

Я перечитывал протокол этого допроса много раз, но так и не смог понять тайную логику следователя, отчеркивавшего то одни, то другие ответы Иосифа попеременно то красным, то синим карандашом. Но, как говорится, и не дай Бог, понять логику чекистов.

Вот собственно и вся печальная история о жизни и смерти Иосифа, уложившаяся в краткий перечень боевого мужества, страданий и нереализованных замыслов. А потому мне кажется уместным привести здесь фразу, которой я в 1995 году окончил свою статью об Иосифе в журнале «Pro Armenia»:

«...И, может быть, новая Россия, пришедшая на смену тому государству, когда-нибудь помянет в числе других и Иосифа Пирумьяна — боевого российского офицера, всю жизнь самозабвенно любившего искусство и воспитанного в его лучших армяно-русских традициях, свидетельством чего и явилась его несбывшаяся мечта о создании в Москве армянского театра с таким необычным названием».

Микаэл

Это может показаться удивительным, но об остальных детях Даниэл-бека, включая и моего отца, мне кажется, я знаю меньше, чем об Иосифе, хотя в отличие от него я всех их застал живыми.

Дядю Мишу, как я звал Микаэла, я помню только пожилым, очень нездоровым человеком, хотя в пору моего детства ему было лишь около 60 лет, а умер он в 63 года. Но что это, я опять начинаю с конца?

Вернусь в начало, для этого воспользуюсь подлинным свидетельством о рождении Микаэла, второго сына Даниэл-бека. А также его послужным списком²² и другими документами, хранящимися в моем домашнем архиве.

Родился он 21 ноября 1889 года в Александрополе, где служил его отец. Правда, когда речь заходит о документах моих ближайших родственников со стороны отца, оформленных в советский период, возникает ощущение, будто никто из них толком ничего о себе в точности не знает. И Микаэл, и другие дети всегда кое-что привирали, сталкиваясь с советскими официальными органами.

Открываю удостоверение личности Микаэла, выданное ему в Москве 26 января 1926 года. Читаю: год рождения — 1888, место рождения — город Шуша Елисаветпольской губернии. И год неправильный, и место рождения не то. Зачем ему это надо было? Думаю, причина одна: на всякий случай показать разобщенность с отцом, офицерское прошлое которого могло быть известно новой власти, а настоящее было неизвестно даже

²² РГВИА. Ф. 409. № 112 — 538 (1916).

самому Микаэлу. Кстати, те же искаженные данные повторяются затем и в его учетно-воинском билете, оформленном в 1930 году.

В послужном списке Микаэла написано, что он имеет свидетельство об окончании шести классов Эриванской гимназии. Действительно, в моем домашнем архиве есть такое свидетельство, гласящее: «Дано сие сыну поручика Микаэлу Даниелову Пирумову, армяно-григорианского исповедания, родившемуся двадцать первого ноября тысяча восемьсот восемьдесят девятого года, в том, что он, согласно прошению его и на основании циркулярного предложения г. министра Народного Просвещения от 29 января 1897 года за № 2517, подвергался в Эриванской мужской гимназии в августе месяце 1915 года испытанию в науках из курса шести классов гимназий ведомства Министерства Народного Просвещения и по своим познаниям оказал следующие успехи...»

Успехи, на мой взгляд, были весьма скромные. Из десяти перечисленных предметов только по двум из них, русскому языку и математике, Микаэл получил отметку «четыре». Все остальные, в том числе немецкий и французский языки, он сдал на тройки.

На последней странице свидетельства есть дата выдачи — 30 августа 1915 года. И подписи членов Педагогического совета. А в самом низу этого интересного документа, выданного Микаэлу, которому было уже двадцать шесть лет, приклеена фотография, скрепленная сургучной печатью. Вот она. По-моему, он на ней и выглядит на свои двадцать шесть.

Но почему он только в двадцать шесть лет получил свидетельство «об испытаниях в науках из курса шести классов гимназий»? Что, сдавал экстерном?

Неужели это была вся его учеба? Нет, оказалось, не вся. Я нашел в своем домашнем архиве другое свидетельство. О том, что с 1 сентября 1905 года по 22 июля 1911 года Микаэл был учеником Александропольского коммерческого училища и «при переходе из VI класса в VII при отличном поведении оказал следующие успехи...» Правда, его успехи были скромными и в училище. Из тринадцати предметов по семи — четверки, по шести — тройки. К двум «четверошным» предметам из гимназического курса, русскому языку и математике (в училище это арифметика), в последнем свидетельстве Микаэла прибавились четверки по армянскому языку, истории, географии, естественной истории и рисованию. Но почему-то послужной список о его учебе в Александропольском коммерческом училище не упоминает.

А что же было до 1905 года, до его учебы в Александропольском коммерческом училище? Неужели он до шестнадцати лет не получал никакого образования? И если сдавал экстерном за гимназический курс, то, может быть, он все же где-то учился раньше, но тогда почему не получил документа, подтверждающего этот факт?

сіе свидѣтельство за надлежащею подписью и съ приложеніемъ казенной печати.

Г. Эривань августа 20 дня 1915 г.

Директоръ гимназій

Е. М. Минаевъ
 Исполнительный директоръ
 Гимназій Г. Эривань

Члены Педагогическаго Совѣта

К. Кавказъ *В. Сурковъ*
О. Аветисянъ *Н. Кавказянъ*
Н. Сурковъ *С. Кавказянъ*
А. Ветеръ *А. Кавказянъ*
М. Кавказянъ *Т. Кавказянъ*
Л. К. Телъ *В. Кавказянъ*
С. Кавказянъ *Л. Кавказянъ*

Секретарь Педагогическаго Совѣта *Д. Бунинъ*

Ученикамъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ, выбывающимъ изъ этихъ заведеній до окончанія полнаго курса, предоставляются, на основаніи §§ 56 и 128 устава гимназій и прогимназій, §§ 33 и 96 устава реальныхъ училищъ и ст. 61, 64 и 193 устава о воинской повинности, слѣдующія права:

1. При отбываніи воинской повинности по жеребью, ученикамъ, окончившимъ курсъ III-го класса, предоставляются права окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ второго разряда.

2. Ученики, окончившіе курсъ IV или V классовъ:

а) при поступленіи въ гражданскую службу, если имѣютъ на то право по происхожденію, не подвергаются испытанію для производствъ въ гражданскую службу;

б) при отбываніи воинской повинности по жеребью они окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ второго разряда.

3. Ученики, окончившіе курсъ VI или VII классовъ:

а) при поступленіи въ гражданскую службу, если имѣютъ право по происхожденію, не подвергаются испытанію для производствъ въ гражданскую службу;

б) при отбываніи воинской повинности по жеребью они окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ первого разряда имѣютъ право поступать въ военную службу вольноопредѣляющимися.

Средний сын Даниэл-бека Микаэл. 1915 год

У меня есть другая его фотография, но трудно сказать, в каком возрасте он на ней изображен. Одно несомненно, Микаэл на ней выглядит явно моложе, чем на фотографии в свидетельстве об окончании шести классов Эриванской гимназии.

Итак, из моего исследования его жизни выпадают годы до поступления в Александропольское коммерческое училище. И то, чем занимался Микаэл с 1911 по 1915 год.

Но если относительно периода его жизни до 1905 года у меня нет никаких фактологических сведений для выводов, то относительно событий 1911 года и последующих трех-четырёх лет некоторые умозаключения имеются.

В доказательство своего утверждения сошлюсь на два документа из домашнего архива. Ах, этот домашний архив, в котором мои родители, и особенно моя мама, сохранили все. Порой, на первый взгляд, даже не имеющие никакой ценности бумаженции. Конечно, про упомянутые мною два документа никак нельзя сказать, что это — «не имеющие никакой ценности бумаженции». Как раз наоборот, по ним можно воссоздать события почти столетней давности.

Первый документ — это свидетельство о приписке к призывному участку. В нем написано, что Микаэл приписан ко второму призывному участку Шушинского уезда. Почему-то в графе «окончил» сделан пропуск, а затем следует стандартный текст: «Вышеозначенный Михаил (имя уже русифицировано. — Ю.П.), подлежащий исполнению воинской повинности, в тысяча девятьсот одиннадцатом году обязуется доставить в Шушинское уездное по воинской повинности присутствие, не позже 1 марта означенного года (1911) сведение о семейном его составе, согласно Высочайшего повеления 23 июля 1884 г. (см. на обороте). Выдано Шушинским уездным по воинской повинности присутствием 21 июня за № 2555 гор. Шуша».

На обороте свидетельства напечатано разъяснение о льготах и порядке представления документов, утвержденных Государственным советом 23 июля 1874 года. Где тут ошибка? То ли в дате на лицевой стороне свидетельства, то ли на оборотной, потому что число и месяц одни и те же. Такой вот казус в деятельности царской бюрократической системы.

Второй документ — тоже свидетельство, текст которого можно принять за косвенную характеристику моего дяди: «Дано сие проживающему в городе Александрополе Михаилу Данииловичу Пирумову, согласно прошению от 27 июля с.г. для представления по принадлежности при поступлении на военную службу вольноопределяющимся в том, что он нравственных качеств и поведения хороших и ни в чем предосудительном в отношении политической благонадежности не замечался, в чем подписью и приложением казенной печати удостоверяется. 30 августа 1911 года. За Эриванского губернатора Вице-губернатор. Подпись».

Смысл этих документов в том, что в 1911 году Микаэлу предстояло идти в солдаты. Но, возможно, он не хотел быть простым призывником, а хотел быть вольноопределяющимся, чтобы потом стать кадровым военным. Ведь и его отец начинал свою службу вольноопределяющимся.

По-видимому, свидетельство о сдаче экзаменов за курс шести классов гимназии понадобилось именно для этой цели. Ведь в его послужном списке есть запись о том, что его приняли 1 октября 1915 года (то есть спустя всего месяц после получения свидетельства) без экзаменов «на 4-х месячный курс Тифлисского Великого Князя Михаила Николаевича военного училища юнкером». После окончания курса Микаэл 22 января 1916 года становится унтер-офицером, а 1 февраля его производят в «прапорщички армейской пехоты с назначением в распоряжение Начальника Штаба Кавказского военного округа».

В апреле 1916 года Микаэла зачисляют в список прикомандированных к 153-му пехотному Бакинскому полку (похоже, это уже семейная традиция — не проходить мимо столь славной боевой части!), затем 10 июня того же года его зачисляют младшим офицером в учебную команду.

С 24 июня по 16 июля он участвует в боях в рамках Эрзинджанской операции. 23 октября 1916 года «за отличие в делах против неприятеля» его награждают орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Декабрь этого же года оказывается очень «урожайным» для Микаэла: приказы, приказы, приказы... Сначала 4 декабря его переводят из учебной команды опять в 153-й пехотный Бакинский полк, на следующий день, 5 декабря производят в подпоручики, а уже 7 декабря командируют в местечко Стрельну во 2-й запасной полк «для прохождения пулеметного дела».

Он прибывает в Стрельну 22 декабря, оканчивает офицерские пулеметные курсы «Кольта». А 5 мая 1917 года он уже назначен начальником пулеметной команды «Кольта» 153-го пехотного Бакинского полка, в который прибывает 25 июня 1917 года.

У власти уже Временное правительство, но послужной список Микаэла продолжает заполняться: 14 сентября 1917 года «Приказом Армии и Флоту» его производят в поручики.

В наградном листе Микаэла есть запись о том, что он «удостаивается к производству в чин штабс-капитана со старшинством с 21 августа 1917 года». Но дата «удостаивания» не указана, и я уверен, что он не успел получить этот чин до большевистского переворота.

Дальнейшая его судьба складывалась типично, так же как и у многих других офицеров-армян. Он становится в ряды Армянского корпуса. Принимает вместе с отцом и старшим братом участие в знаменитой Сардарпатской битве. Затем оказывается в запасе. Из которого его призывают по мобилизации в чине поручика приказом № 132 от 4 сентября 1919 года

по Военному ведомству Республики Армения. И назначают в 3-й пехотный полк.²³

Следующая веха в военной биографии Микаэла — его болезнь и пребывание с 21 по 28 ноября 1919 года в Александропольском военном госпитале. Правда, в списке больных он значится как штабс-капитан (когда он получил этот чин от Правительства Республики Армения, мне неизвестно) 1-й Армянской дивизии.²⁴

Советизация Армении выходит Микаэлу «бокком», его выгоняют из армии. Не расстреляли — и на том спасибо. Чем он занимался в первые годы советской власти, неизвестно. О его дальнейшей жизни можно догадываться по двум документам, сохранившимся в моем домашнем архиве. О некоторых ложных записях в первом из них — удостоверении личности — я уже упоминал. Срок действия этого удостоверения, выданного, как выше было отмечено, 26 января 1926 года, — до 26 января 1929 года, то есть три года. Прописался он через месяц после получения удостоверения. По-видимому, это значит, что Микаэл приехал в Москву в 1926 году, в год смерти своей матери и поселился в районе Чистых прудов, а точнее, по адресу: Машков переулок, д. 8, кв. 16. Когда я рассказывал об Иосифе, я уже сообщал, что у меня сохранилась справка от 15 июля 1933 года о совместном проживании по этому адресу двух старших сыновей Даниэл-бека в одной комнате в коммунальной квартире.

Но в удостоверении личности Микаэла есть еще две интересные записи: в графе «род занятий» — счетовод, в графе «отношение к прохождению обязательной военной службы» — в запасе РККА.

Последняя запись спровоцировала меня тщательнее рассмотреть внутреннее содержание «Учетно-воинского билета» Микаэла за № 10458/10282, также хранящегося в моем домашнем архиве.

В середине титула билета — звезда с серпом и молотом и надпись «СССР». Вверху: состав — командный; группа — средняя; вид войск — пулеметная часть; должность — помощник начальника команды; срок стояния на учете — 31 декабря 1938 года (то есть до пятидесяти лет).

Открываю билет. И здесь: когда и где родился — 26 ноября 1888 года в Шушинском уезде Елисаветпольской губернии; какой национальности — армянин; владеет ли национальным языком — да (все-таки у него по этому предмету «четверка»); социальное положение — служащий (самый безобидный в советское время ответ, моя мама тоже всегда так писала); профессия — счетовод; образование общее — среднее; образование военное — Военное училище (г. Тифлис) и Ораниенбаум — офицерская школа.

²³ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 131.

²⁴ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 57, ч. 1, л. 49.

Дальше идут ответы на вопросы. Партийность и с какого года в партии? — Беспартийный. Если принадлежите к другой партии, то к какой? (На кого рассчитан этот вопрос?. — Ю.П.) — Нет. Состояние здоровья — Не освидетельствовался. На следующей странице: прохождение службы в Красной армии — не служил. Здесь же штамп с записью: «С 1 июля по 13 августа 1930 года проходил теоретическую вместе с практической переподготовку на учебном сборе в Саратовской школе переподготовки командиров запаса РККА» (Иосиф тоже проходил переподготовку в Саратове, судьбы братьев причудливо пересекались).

Наконец, в соответствующем месте билета сконцентрирована вся военная биография Микаэла, коротко ответившего на вопрос: служба в старой армии. К уже известной информации можно прибавить три записи: назначен начальником пулеметной команды «Кольт» (а не «Кольта», как в послужном списке) в феврале 1917 года (на самом деле Микаэл в это время еще учился в Стрельне), назначен в 3-й Армянский Александро-

Средний сын Даниэл-бека Микаэл. Середина 1930-х годов

польский караульный батальон (1918 г.), начальник Отдельного отряда (сентябрь 1920 г.).

И самый последний ответ на военную тему: пребывание в белых или иностранных армиях — нет (армянская армия, видимо, не считалась иностранной. — Ю.П.).

Похоже, Советская власть продолжала рассматривать Микаэла как потенциального воина, так как 19 февраля 1929 года ему в билете поставили штамп: «Выдан Моблисток», затем 19 января 1933 года Микаэлу вклеили в билет листок — «временный учетно-воинский документ», действительный до 1 марта, продлили его до 25 апреля этого же года, а затем совсем сняли с учета, «как не служившего в РККА и за невозможностью использования в должностях начсостава».

Его фотография, похоже, была сделана в предвоенные годы, когда он работал счетоводом.

Жил он скромно, если не сказать бедно. Моя двоюродная сестра, Люсик, вспоминает, что сам он подсмеивался над своим незавидным положением и иногда говорил ей, медику по образованию: «Когда же ты меня вылечишь от карманной чахотки?» Так и проработал счетоводом до конца своей жизни бывший офицер двух армий — российской и армянской. Умер он 31 июля 1952 года, когда мне было 11 лет. В свидетельстве о смерти, хранящемся у меня, в графе «причина смерти» написано: «рак головы и поджелудочной железы».

Похоронили Микаэла на Армянском участке Ваганьковского кладбища вместе с сестрой Марией (это на их общем памятнике символическая надпись с именем Иосифа).

Мария

Тетя Маруся, можно сказать, была ядром всего ближнего родственного круга со стороны моего отца. Мои двоюродные сестры, Рипсимэ и Люсик, дочери тети Сони, и я звали ее просто «Тюсей» (производное от «тети» и «Маруси»). Она очень любила всех своих братьев и сестру и была всей душой привязана к моим двоюродным сестрам и ко мне. Многому хорошему в своем детстве и юности я обязан ей. И ее заботам. И потому пишу о ней с пронзительным чувством благодарности.

В характере Тюси причудливо сочетались теплота и суровость, педантизм и свобода мысли. И это сочетание придавало ей в различных ситуациях особую прелесть, которую я стал ощущать с того времени, как смог что-то понимать. Меня всегда тянуло к ней, мне нравилось с ней разговаривать, расспрашивать о многих вещах, я просто очень любил ее. Она была мне второй мамой.

Сколько помню, волосы ее всегда были седыми, а фигура — прямой, и потому она казалась моложе своих шестидесяти лет.

Расскажу об одной из ее женских тайн, разгадать которую я смог, только занявшись биографией дедушки, по сути, после смерти Тюси. Опять я начинаю с конца...

Она говорила (по крайней мере, мне, и хранящиеся у меня документы ее слова подтверждают), что родилась в 1896 году. И только когда я попал в РГВИА и ознакомился с послужными списками Даниэл-бека, где в XI разделе «имеет ли детей; год месяц и число рождения детей» после имен сыновей черным по белому было написано: «...и дочерей: Марию, родившуюся 18 сентября 1891 года, и Софию, родившуюся 8 августа 1896 года».

Тюся «сделала» себя моложе на пять лет! Наверное, то была тайна только для нас, молодых, потому что вряд ли старшие не знали правды, тем более что 1896 год был годом рождения младшей сестры.

Итак, по-настоящему Тюся родилась в 1891 году, естественно, в Александрополе, как о том и написано в ее первой трудовой книжке. Из этой же книжки следует, что «основная профессия — домашняя хозяйка». А «какие знает ремесла или профессии»? — помощник делопроизводителя, «грамотен» — да, «образование» — среднее. Это вполне соответствовало истине, если считать окончание Института благородных девиц средним образованием. Об учебе Тюси в этом заведении для девочек я неоднократно слышал от мамы и от своей двоюродной сестры Люсик. Институт находился в Тифлисе. «Институтка» — говорили про таких, как Тюся, девушек, получивших воспитание и образование в специальных заведениях.

На обороте этой фотографии надпись: «На память дорогой и милой Софии Егоровне. Помните и не забывайте любящую Вас Маню. 24.06.1911». София Егоровна (Георгиевна) — моя родная бабушка по маме. На мой взгляд, эта дата косвенно подтверждает известную версию о знакомстве семей моих папы и мамы задолго до их женитьбы, что я и пытался доказать, анализируя послужной список дедушки Арама и найдя в нем запись о службе в Александрополе, начатой в 1904 году.

Меня всегда восхищала начитанность тети Маруси (она и в старости очень много читала, благо библиотека находилась рядом с ее домом). И ее строгие деликатные манеры, и умение говорить по-французски.

Поселившись с мамой и сестрой в квартире № 16 в том самом доме № 8 по Машкову переулку, где позднее появились Иосиф, Микаэл и кажется даже, что одно время там жил мой папа, Тюся пошла работать. У меня сохранилось удостоверение от 18 января 1922 года, напечатанное на пожелтевшей от времени половинке листа бумаги: «Дано сие М.Д. Пирумовой в том, что она действительно состоит на службе в Секретариате Наркомфина и что на ее иждивении находится мать ее Е.М. Пирумова».

Наверное, она продолжала жить в этой квартире и после смерти своей мамы в 1926 году, когда уже и Иосиф, и Микаэл там тоже поселились.

Старшая дочь Даниэл-бека Мария (Тюся). 1910-е годы

Тюся вышла замуж только в январе 1931 года за Николая Степановича Эзова (кажется, тоже бывшего армянского офицера) и переехала к нему, совсем близко от прежнего места проживания — в Белгородский проезд, выходивший одним концом на Чистопрудный бульвар, а другим — на Покровку (раньше улица Чернышевского), в районе Покровских ворот. Я обожал это место, часто приезжал к Тюсе, и мы вместе гуляли и по Покровке, и по бульвару. У нас на бульваре была любимая скамейка, самая крайняя, та, что поближе к Тюсиному дому.

Тюся и Николай Степанович жили в его комнате в большой коммунальной квартире. Я не знаю, кем работал Николай Степанович, но знаю, где и кем работала Тюся в 1938 — 1939 годах, ведь у меня есть ее вторая трудовая книжка, заполненная в январе 1939 года.

Первая запись в ней такая: общий стаж работы 18 лет. Где, кем? Единственное, что я знаю о ее прежней трудовой деятельности, это работа в Се-

кретариате Наркомфина, но это было в 1922 году. А после? Может быть, в секретариате она проработала долго, ибо при заполнении этой второй трудовой книжки в графе «профессия» написано «секретарь».

Как бы то ни было, но с июня 1938 года по апрель 1939 года Тюся проработала на комбинате «Красное Знамя» швеей в швейно-художественном цехе, а с мая 1939-го по август того же года — в тресте Зеленого Строительства Бауманского района города Москвы — вышивальщицей в цехе художественной разрисовки.

Одно время, и я его застал, Тюся работала в библиотеке, рядом с домом, но записей об этой ее работе, как, собственно, и других, больше во второй трудовой книжке нет. Возможно, она работала в библиотеке на общественных началах. После ее смерти я отнес с десятков книг, взятых Тюсей в библиотеке, обратно. Сотрудников библиотеки очень тронул мой поступок, они с большой симпатией вспоминали о моей тете.

Николая Степановича, мужа Тюси, я не помню. Как утверждала моя двоюродная сестра, Люсик, он умер во время войны, а я родился в 1941 году. Но зато я прекрасно помню дом, где они жили, квартиру и комнату.

В соседней комнате жила его одинокая сестра — Мария Степановна Эзова. Не помню, в каком году Тюся овдовела (все документы и фотографии Николая Степановича я отвез его родственникам после ее смерти, так как Мария Степановна умерла еще раньше Тюси), но они поддерживали друг друга, как могли, чтобы не пропасть среди людского моря этой уникальной квартиры, где было не меньше двенадцати комнат. Коридор в этой квартире был такой длины, что я, играя с квартирной кошкой, всеобщей любимицей, пробегал за день несколько километров. Что было мне вполне по силам, так как я с самого малого детства много играл в футбол и очень быстро и без усталости бегал.

Комнаты Марии Степановны и Тюси были самыми первыми от входной двери, по правой стороне коридора, причем комната Тюси была поменьше и располагалась прямо напротив кухни. С другой стороны от Тюси жила одинокая психически больная женщина. И потому сложные ситуации возникали очень часто...

Я охотно бывал у Марии Степановны, она ко мне хорошо относилась, и комната у нее была просторнее, чем у Тюси, но уютнее я чувствовал себя все же у Тюси, несмотря на тесноту и покатый пол.

Мне очень нравилось разгадывать с ней кроссворды, так как она много знала и объясняла значение любых непонятных мне слов. Первые придуманные мной самим тематические кроссворды (писатели, композиторы, оперы и так далее) и мои первые стихи (под влиянием наших с Тюсей разговоров о Франции они были посвящены Парижской коммуне) родились в ее комнате.

Эти рукописные стихи я храню до сих пор. А вот кроссворды не сохранились. Жаль, теперь их придумывают с помощью компьютера, а я-то делал «из головы».

В ее же комнате я впервые увидел книги об Армении, которые теперь хранятся в моей домашней библиотеке, и среди них «Первые добровольцы Карабага...» В.А. Потто и два тома Х.Ф.Б. Линча «Армения» с экслибрисом профессора Лазаревского института Григория Абрамовича Халаянца, двоюродного брата моей бабушки Ерануи.

Ну вот, написал, перечитал и вдруг понял, что рассказываю не о Тюсе, а о себе. Но, может, это оттого, что пишу о человеке, которого очень хорошо знал, потому как бы и «преломляю» его через себя.

Мое детство и часть юности прошли под моральным и культурным влиянием мамы и Тюси. Когда я еще учился в начальных классах, Тюся часто приходила к нам и отводила меня в школу, хотя школа находилась близко, на стороне нашего дома и улицу не надо было переходить. Мама оставляла обед, и Тюся меня кормила после школы, а потом я под ее наблюдением делал уроки. Я часто пытался объясняться с ней по-французски на бытовые темы и радовался, когда добивался успеха, а потом с гордостью демонстрировал его маме.

Именно с Тюсей косвенно (с мамой непосредственно) был связан эпизод моего исключения из пионеров. В седьмом классе я писал домашнее сочинение о войне 1812 года, и так как в нашем доме было много исторических книг, в том числе и на французском языке, то я по совету и мамы, и Тюси воспользовался ими. По их же совету, в этом своем первом самостоятельном сочинении я ссылался на первоисточники (эта привычка осталась у меня на всю жизнь, так надо...), и за чтение и цитирование буржуазных авторов меня исключили из пионеров. Но смысл моего рассказа не в этой печальной истории, а в том, насколько глубоко вникала Тюся в мои школьные дела. Однажды, когда я вечером обдумывал очередной пассаж о Наполеоне (я им очень увлекался в детстве и даже одно время серьезно считал себя закоренелым бонапартистом), раздался телефонный звонок. Звонила Тюся: «Юрочка, я вычитала в одной книге о походе Наполеона в Россию фразу, начало которой звучит так: «Когда Наполеон по обыкновению...» Ты обязательно вставь эти слова, они звучат очень к месту и характеризуют полководца как человека, привыкшего к систематическому труду даже в тяжелых походных условиях». Я был согласен с тетей и вставил эти слова в сочинение...

Случилась эта история в 1955 году. Тюся очень переживала за меня (о маме уж и не говорю, ведь к нам домой после моего исключения из пионеров приходила милиция посмотреть на буржуазные французские книги), но Сталина уже не было, и все обошлось денежным штрафом (а штраф-то за что?!).

Когда я оканчивал в 1955 году семь классов, Тюсе было уже (настоящему) 64 года, и она нигде не работала. Но дома часто шила для разных людей, чтобы немного подработать к своей жалкой пенсии, которая, судя по ее пенсионному удостоверению, сохранившемуся у меня, была всего 337 рублей (для сравнения: моя стипендия студента техникума в 1955 – 1958 годах — 180 – 220 рублей). Шить Тюся любила всегда, недаром поработала и швеей, и вышивальщицей, шила для моих двоюродных сестер, а мне в детстве перешивала старые вещи, и у меня сохранились фотографии, где я запечатлен в этих обновках. У Тюси было целых два больших мешка со всякими вышивками и аппликациями, которые после ее смерти мы отдали в несколько ателье, и нам даже предлагали за это большие по тем временам деньги, но мы с мамой отказались.

Мои двоюродные сестры и мы с мамой старались ей помочь, в чем только могли, и я часто приезжал к Тюсе в те годы, ходил в магазин покупать продукты, выносил мусор и прочее.

Еще мы всей родней собирались в доме хлебосольной тети Сони, особенно интересно было обмениваться впечатлениями о только что увиденном спектакле или прослушанной опере (мы с мамой не пропустили ни одной оперы, шедшей в те годы в Большом театре), благо тетя Соня жила на Большой Дмитровке, совсем недалеко от Театральной площади.

У тети Сони было уютно встречаться со всеми родными не только дома, в Москве, но и на даче в Кратово, в обустройство которой муж тети Сони, Оганес Барсегович, вложил много сил. У меня сохранилось несколько фотографий Тюси на даче.

Мне кажется, что ее черты удивительно напоминают черты сестер Даниэл-бека, особенно черты Майко. Да, мне сдается, что и сдержанный, волевой характер Майко передался по женской линии Тюсе.

Я теперь очень жалею, что когда в конце 1960-х годов все близкие узнали об участии Даниэл-бека в Сардарпатской битве, я мало разговаривал на эту тему с Тюсей, общался в основном с тетей Соней, которая помнила многое лишь приблизительно. Впрочем, вполне возможно, что и Тюся знала обо всем тоже только примерно, а я тогда к дедушкиной эпопее отнесся достаточно отстраненно.

Шло время, Тюся старела, часто болела. В 1971 году она стала жаловаться на боли в пояснице, потом нащупала у себя некое «образование» в животе. Врачи обнаружили у нее большую кисту в правой почке. Но от предложенной операции Тюся отказалась.

После этого я стал чаще навещать ее, как правило, привозя с собой несколько пирожных, в основном «Наполеонов» (опять же из любви к императору), причем добрую часть съедал сам, а Тюся смотрела на меня ласковыми глазами и улыбалась. Я на всю жизнь запомнил ее фразу, сказан-

ную по этому поводу: «Эшэ перав, эшэ керав», что по-армянски означало: «Осел принес, осел и съел».

Когда в 1973 году у меня родилась дочка, Каринэ, Тюся видела ее только один раз. Незадолго до этого у нее появилась какая-то странная шишка под подбородком. Мы приглашали докторов, возили ее по разным институтам, благодаря медицинским знакомствам Люсик, но шишка продолжала расти, Тюся таяла на глазах. Ничего нельзя было сделать. Это была лимфоэпителиома, попросту говоря, рак.

И Тюся ушла из жизни 16 февраля 1974 года, на следующий день после дня смерти моего папы — 15 февраля, но только 1949 года. С тех пор и до маминой смерти эти два подряд идущих дня были для нас самыми горестными днями в году. Мы с мамой в один из этих дней, всегда, в любви снегопад и мороз ездили на кладбище, навещали их обоих, а вернувшись домой, никогда не смотрели телевизор, предавались воспоминаниям. Когда мама уже не могла выходить из дома, я стал ездить на кладбище 15 или 16 февраля один, а горестных дней после смерти мамы прибавилось, теперь это еще и 4 января.

Я хочу упомянуть еще об одной детали, значение которой стало очевидным только после смерти Тюси. Я хочу рассказать о предметах, имеющих прямое отношение к Даниэл-беку и бережно хранимых Тюсей, а потом доставшихся мне.

Среди них, помимо книг об Армении, был охотничий кинжал (подарен музею г. Гюмри). Серебряный брелок с цифрами «153». Золотой Георгиевский крестик и карманные часы фирмы «Мозер». Ширма, разрисованная бабушкой Ерануи, ее палитра и нарисованный ею на шелке зимний пейзаж. О последних трех вещах я уже упоминал.

Мне не забыть Тюсину доброту ко мне, счастливые часы, проведенные с ней. Ее немногословные рассказы о родителях — моих бабушке и дедушке, которых я, к сожалению, никогда не видел, но о которых теперь так много знаю, отчасти благодаря Тюсе.

Александр

Не помню, кто из них, то ли тетя Соня, то ли Тюся, рассказала мне, что в 1893 году Даниэл-бека и Ерануи постигла большая трагедия. В младенчестве умер их четвертый ребенок, сын, названный Александром, возможно, в честь младшего брата Даниэл-бека, которого домашние часто звали не Аршаком, а именно Александром (вспомним слова Майко). Причиной смерти младенца стала какая-то болезнь, но точно я не помню. В любом случае, можно себе представить горе родителей, слава Богу, что у них хватило мужества после всего пережитого завести еще двух детей. Следующей была София, родившаяся через три года после Александра.

София

О Софии, которая для меня всю жизнь была «тетей Соней», пишу, опираясь лишь на собственные воспоминания и воспоминания двоюродной сестры, Люсик, младшей дочери тети Сони.

Превосходная хозяйка, нежная мать, тетя Соня несколько компенсировала суровый и властный характер своего мужа, который воспитывал дочерей в строгости и послушании, в полном соответствии с армянскими традициями.

Личность Оганеса Барсеговича Барсегянца («дяди Оника») требует более подробного описания.

Именно благодаря дяде Онику квартира на Большой Дмитровке стала неким «армянским» центром. И не только для членов семьи. К нему часто приходили многочисленные знакомые москвичи-армяне и приезжие с Кавказа, с которыми он переписывался.

Родился Оганес Барсегович в Ахалкалаки в 1883 году, окончил в Тбилиси духовную семинарию, потом в этом же городе работал учителем в начальной школе. Потеряв отца и родного брата, он с матерью переехал в Москву, поселился в упомянутой квартире и стал готовиться к поступлению в Московский университет. Надо сказать, что русский язык он к этому времени знал слабо и чтобы поступить в университет, ему пришлось не только овладеть русским, но и (об этом он мне рассказывал лично, потому что я в пятом-шестом классах плохо успевал по арифметике) выучить по какому-то учебнику наизусть решения всех математических задач. Благодаря упорству и трудолюбию он окончил два факультета Московского университета: экономический и юридический — и стал работать при московском генерал-губернаторе. Люсик рассказывала мне, что, по словам дяди Оника, губернатор однажды сказал ему: «Хотя Москва армян не любит, но вы человек знающий, и я вас возьму на службу». Уж не знаю, чем армяне не угодили генерал-губернатору, но дядя Оник был действительно очень образованным и начитанным человеком. Помимо армянского, он знал грузинский, арабский и персидский языки, читал и писал на них.

После службы у генерал-губернатора дядя Оник некоторое время работал присяжным поверенным, затем, уже в советское время, стал юрисконсультom Московского Совета, потом — Главным юрисконсультom Московского отдела Народного образования и юрисконсультom в Наркомате путей сообщения.

Интересна история женитьбы дяди Оника на тете Соне. Моя бабушка пригласила его в гости. Очевидно, надеялась, что он обратит внимание на Тюсю. Но Оганесу Барсеговичу понравилась младшая дочь. На фотографии той поры она удивительно женственна, с добрым лучистым взглядом.

Младшая дочь Даниэл-бека София. 1931 год

Судьбоносная встреча произошла в 1922 году. Дядя Оник и тетя Соня стали супругами и зажили в квартире на Большой Дмитровке. Через год у них родилась старшая дочь, Рипсимэ, а еще через год младшая — Люсик.

У Люсик сохранилась фотография, где вся семья в сборе: дядя Оник в форме служащего Наркомата путей сообщения, тетя Соня и две их дочери. Моим двоюродным сестрам (слева Рипсимэ, справа Люсик) на этой фотографии лет по двенадцать-четырнадцать, значит, снимок относится приблизительно ко второй половине тридцатых годов.

Самой тете Соне, родившейся в 1896 году, ко времени замужества было двадцать шесть лет. Она успела получить среднее образование, окончив гимназию, а в тридцатых годах преподавала в младших классах в московской школе № 29.

Мы с мамой очень любили приходить в гости к тете Соне, бывали у нее довольно часто, и я хорошо помню и двор, и дом, и широкую лестницу, ведущую на третий этаж. Помню, что перед тем, как я нажимал на кнопку

*Младшая дочь Даниэл-бека София с мужем Оганесом Барсеговичем Барсегянцем
и дочерьми — старшей Рипсимэ (слева) и младшей Люсик (справа)*

звонка (мама уступала мне это удовольствие), мы ненадолго останавливались и мама, глядя в карманное зеркальце, подкрашивала губы.

Особенно хорошо мне запомнилось время пребывания на даче у тети Сони в поселке Кратово, где я в школьные годы проводил летние каникулы. Окруженный любящими людьми, я был вполне счастлив...

Всегда становилось очень тепло на душе, когда я разговаривал с тетей Соней, неизменно внимательной и ласковой. Она очень любила моего папу — своего брата и эту любовь перенесла на меня и мою маму. Хотя, признаться, я доставлял тете Соне на даче немало хлопот — слишком уж озорным рос. Хорошо, хоть строгость Оганеса Барсеговича несколько охлаждала мою прыть...

Тетя Соня прощала мне все: и воровство яблок из соседнего сада, и драку с сыном соседки, и поездку в Москву и обратно на велосипеде, когда я просто выехал за калитку и... поехал повидать свою первую любовь, Нелли, никому ничего не сказав.

Но больше всего я любил, когда в Москве или на даче в Кратово собирались гости. Их бывало много. На даче в такие дни на участке скапливалось до пяти-шести легковых машин. В 50-е годы XX века у немногих советских граждан были собственные автомобили. И конечно для всех детей, собравшихся на даче, было большим удовольствием прокатиться на них, особенно когда вся прибывшая компания ехала купаться.

Однажды июньским днем 1953 года приехавшие гости, собравшись в саду вокруг зеленого круглого стола, огороженного с трех сторон ажурными деревянными переплетениями, полушепотом рассказывали друг другу о каких-то событиях в Москве, и я помню, как часто звучали слова «солдаты» и «танки». Только много позднее я понял, что именно в тот день арестовали Берию...

Мама часто советовалась с дядей Оником по поводу всяких практических вопросов, в том числе связанных с моими делами, особенно после исключения меня из пионеров в 1955 году. Ведь дядя Оник долгие годы, состоя при Московской коллегии адвокатов, занимался частной практикой, которую не оставил и после выхода на пенсию в 1962 году.

Когда семья тети Сони переехала с Большой Дмитровки на улицу Строителей, мы с мамой стали видеться с ними реже, но связь не обрывалась никогда. Потом в 1964 году меня призвали в армию, я писал тете Соне оттуда письма и до сих пор храню ответы, да и вообще всю переписку с родными. Демобилизовавшись, я стал чаще встречаться с родственниками, пытаюсь больше узнать о жизни Даниэл-бека. В 1971 году Оганес Барсегович умер. Помню, как мы с мамой мгновенно примчались, узнав о его смерти.

В последние годы жизни тетя Соня много болела, плохо владела рукой. Наверное, тогда она и написала те два листочка воспоминаний, о которых я упоминал в первой главе и которые храню как неизбывную память о ней.

Тетя Соня умерла в 1980 году. Ее похоронили в могиле моей бабушки Ерануи.

Мои двоюродные сестры, Рипсимэ и Люсик, часто ласково называвшие меня «братцем Кроликом», всегда отлично учились и в школе, и в институте. Обе защитили диссертации: Рипсимэ — кандидатскую, Люсик — докторскую. Рипсимэ стала станкостроителем, а Люсик выбрала судебную медицину. Старшая, Рипсимэ, вышла замуж за фронтовика, физика по специальности, Дмитрия Ивановича Мировицкого и в 1958 родила дочь — Светлану, пошедшую по стопам отца. Рипсимэ скончалась в 1992 году. У младшей, Люсик, детей не было. Она до последних дней работала, преподавала в Российской медицинской академии последипломного образования и долгие годы после смерти Рипсимэ оставалась единственным звеном, связывающим меня с детством. Я ее очень любил. До самой смерти в марте 2011 года она ждала выхода книги о Даниэл-беке. Но вот не дождалась...

А ведь именно через семью тети Сони состоялось мое знакомство с Даниэл-беком, и я грущу при мысли, что уже никого из старшего поколения этой семьи нет на свете. Но помню их всех. Не мыслю забыть...

Левон

Сначала я хотел назвать этот фрагмент интерлюдии «Папа», но затем передумал и озаглавил его «Левон». Пускай сохранится единообразный подход к описанию историй жизни всех детей Даниэл-бека.

Левон умер в 1949 году, когда мне не было и восьми лет. У меня сохранился целый чемодан папиных документов, но они, в основном, относятся к периоду его работы в Министерстве геологии СССР заместителем начальника финансового отдела. Это приказы о командировках, отчеты и прочее. Но есть и документы, по которым можно воссоздать его биографию. Дореволюционные — свидетельство о рождении, аттестат, а также советского периода — Трудовая книжка, копии Трудовых списков, собственноручно им заполненные (для чего были предназначены оригиналы, я точно не знаю, может быть, для предъявления при приеме на работу в советские организации), автобиографии, характеристики, личные листки по учету кадров, анкеты.

Он родился 1 января 1898 года в Александрополе, если взять за основу его свидетельство о рождении, и стал последним ребенком в многочисленной семье поручика Даниэл-бека Пирумьяна. Но... удивительное дело: во всех перечисленных выше документах датой его рождения указан 1896 год. Если верить этому, то получается, что трое детей Даниэл-бека, две моих тети и мой отец родились в один и тот же 1896 год. На самом деле в 1896 году родилась только тетя Соня. А почему Левон старался представить себя старше на два года, причем не только в Трудовых списках, но и в автобиографиях и в характеристиках, содержание которых по советской традиции сам же, наверное, и составлял, мне лично не ясно.

Неясности в его ранней биографии для меня продолжают и дальше.

Восьми лет от роду, то есть по настоящему в 1906 году, Левон поступил в Александропольское восьмиклассное коммерческое училище (так написано в его аттестате, в котором, кстати, все же указан правильный год рождения — 1898) и окончил полный курс 17 марта 1918 года. Странно, училище восьмиклассное, и, казалось бы, Левон должен был его окончить в 1914 году, но вот нет... Представить своего отца второгодником, сидящим по два года четыре раза за все время обучения, мне трудно. Тогда что же? Перерывы из-за здоровья или из-за нехватки средств — обучение в коммерческих училищах России было делом дорогостоящим? Но тогда какой деятельностью заполнялись паузы учебного процесса? Нет у меня ответа, и уже, к сожалению, не спросишь отца.

Так или иначе, но Левон окончил Александропольское коммерческое училище и 24 марта 1918 года получил аттестат — в самый разгар наступления на Армению турецкой регулярной армии, вышедшей к апрелю 1918 года на подступы к городу.

Интересно взглянуть на его успехи в учебе. В аттестате перечислены почти двадцать предметов, пять из них — арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия и аналитическая геометрия вместе с анализом бесконечно малых объединены в один предмет — математику, по которой, несмотря на то что Левон выбрал в конечном итоге специальность финансиста, он получил четверку. Но, в отличие от Микаэла, у Левона в аттестате есть и пятерки: по русскому языку и словесности, немецкому языку, истории, космографии, физической географии, политической экономии, законоведению и товароведению с технологией. По французскому языку, на котором он при мне предпочитал разговаривать с женой, когда не хотел, чтобы я понял, о чем они говорят, у него, как ни странно, отметка

*Младший сын Даниэл-бека Левон
в годы учебы в Александропольском коммерческом училище*

ниже — «четыре». По армянскому тоже «четыре». К этому времени, возможно, и относится его фотография.

Что же было дальше? В первом разделе всех четырех копий «Трудовых списков», названном «Общие данные», в графе «Образование» читаю: «незаконченное высшее», «студент 3-го курса Тифлисского политехнического института».

А во втором разделе «Данные о прохождении службы» в трех копиях первая запись свидетельствует: «Американский комитет помощи на Ближнем Востоке в Тифлисе в должности Зав. Пасп. п/о» — апрель 1918 года, а в одной копии — «апрель 1917 года». Буду считать, что последняя дата — простая описка. Следующая же запись «призван на военную службу в Армянские национальные части»: в двух копиях — февраль 1919 года, в двух копиях — ноябрь 1919 года. Но во всех копиях предусмотрительно написано: «Все документы отобраны турецкой администрацией».

Что же получается? Окончив в марте 1918 года Александропольское коммерческое училище, Левон устраивается в апреле 1918 года в Американский комитет помощи на Ближнем Востоке, а затем поступает в Тифлисский политехнический институт. Но если в 1919 году его призывают в армянскую армию, неважно, в феврале или в ноябре (непонятно еще, как военное ведомство Армении добралось до него, ведь он находился в соседнем независимом государстве), то учился он всего год. Почему же «студент третьего курса»? Может быть, наступивший хаос позволял овладевать знаниями в ускоренном темпе, например, родной брат моей мамы, Георгий, окончил Московский университет приблизительно в этот же период за три года.

Пробую зайти с другой стороны и вытянуть информацию об образовании Левона из трех рукописных автобиографий. Две автобиографии написаны на листах обычного формата, что называется, «без единой пометки», а одна — на длинном листе с многочисленными вставками и исправлениями.

Соответствующие места в первых двух автобиографиях можно выразить следующей фразой: «Свое первоначальное образование я получил в Александропольском коммерческом училище в 1917 году (не в 1918 году, когда выдан аттестат. — Ю.П.) и в том же году поступил в Тифлисский политехнический институт на экономический факультет». Но вот следующие слова этой объединенной фразы уже разнятся. В первой автобиографии сказано: «где с перерывами обучался до 1921 года», а во второй: «где обучался по декабрь 1919 года». Обе даты окончания учебы в Тифлисе выглядят сомнительными, если учесть, что в 1919 году в феврале ли, в ноябре ли, но Левон был призван в армию.

Этот факт он в этих двух автобиографиях отражает так. В первой — «в 1919 году я по возрасту был мобилизован в армию и направлен в 1-й Армянский полк рядовым солдатом». Во второй: «в конце декабря 1919 года я был мобилизован рядовым в Армянские части и был направлен в 1-й полк в гор. Александрополе». Его слова сходятся с воспоминаниями моей мамы, рассказывавшей мне, что папа служил в армянской армии артиллеристом, что, впрочем, не мешает считать его рядовым солдатом.

А вот в третьей автобиографии, написанной на длинном листе, несколько иная канва. Начало такое же: «Свое первоначальное образование, — пишет Левон, — я получил в Ленинанканском Коммерческом училище, — но уже в следующих словах новость, — а в 1914 году в связи с переездом в Москву был переведен в Московское Коммерческое училище». Дальше еще хлеще: «По окончании 8-ми кл(ассного) училища в 1916 году (еще одна дата. — Ю.П.) я поступил в Коммерческий институт, но фактически продолжать учение не мог, так как в конце 1916 года был призван на военную службу и должен был поехать к месту призывного участка г. Ленинанкан, где я был зачислен в 222-й Запасной батальон рядовым. Февральская и Октябрьская революции застали меня в том же полку. В начале 1918 года начался отвод войск с Кавказского фронта. В это время я самодемобилизовался и поехал в Тифлис, но так как связь с Москвой в это время была прервана, я остался в Тифлисе и поступил в Тифлисский политехнический институт, где и учился с перерывом по 1919 год (цифра «1919» переправлена на «1920». — Ю.П.)».

Я понимал, что автобиографии носят «пробный» характер, отец писал их для советских контор, куда пытался поступить на службу, а официальных документов нет. Но я не ожидал, что информация о годах его учебы и службы в армянской армии будет столь противоречивой.

Но сложности биографии Левона для меня на этом не кончаются.

Из информации, сообщенной в автобиографиях, можно сделать вывод, что во время службы в Армянской армии Левон установил связь с коммунистически настроенными группами полка и с 1 по 12 мая 1920 года активно участвовал в восстании рабочих и гарнизона г. Александрополя против дашнакского правительства, будучи беспартийным начальником связи при командире восставших.

Его участие в этом восстании подтверждает один любопытный документ. Это телеграмма, посланная из Еревана в Москву по адресу: Машков переулок, д. 8 (знакомый адрес!), по-видимому, 1 ноября 1934 года. Вот ее текст:

«Участники майского восстания Мелик-Шахназаров, Комполка Баграян, нач. штаба Бахчинян удостоверяют активное участие Пирумова Левона Большевицском Восстании против дашнаков Александрополе двадцатом году. Врид наштадив (Временно исполняющий должность начальника штаба дивизии. — Ю.П.) Тер-Габриелян. Подпись удостоверена телеграфом».

Я не буду подробно интерпретировать этот документ. С одной стороны, известно, что многие военнослужащие гарнизона и рабочие, поддавшись на пропаганду армянских большевиков, действительно приняли участие в восстании в мае 1920 года. Но мог ли сын известного генерала Армянской армии, воспитанный, надо думать, в других традициях, отой-

ти от них и перекинуться на сторону большевиков? Да, такие случаи бывали, когда дети даже более известных деятелей, чем мой дедушка, переставали разделять взгляды своего класса. И, возможно, с Левоном именно так и было. Только есть одно «но»... И заключается оно в дате отправки телеграммы — 1934 год! Сын генерала, может быть, задним числом и пытался как-то вписаться в социальную структуру общества «победившего пролетариата». Не знаю, все могло быть и так, и этак...

А что же происходило после майского восстания? Этот период оказался для Левона весьма непростым. Вот что можно извлечь из автобиографий. После разгрома восстания он вынужден был скрываться, но когда в сентябре 1920 года началось наступление турецких войск и Александрополь был захвачен, то «по наущению местных жителей за участие в большевистском восстании» он был арестован турецкой администрацией.

В одном из вариантов автобиографии Левон написал, что, «не имея возможности другими путями выбраться из Армении в Москву, я обратился к турецкому командованию о разрешении переезда в Россию». И далее: «Мне было обещано, но в результате меня повезли вглубь Турции и содержали совместно с военнопленными в тюрьме 13 месяцев, то есть до 1 октября 1921 года, когда я был освобожден после советизации Армении по специальному предложению армянских советских властей».

В другом варианте он пишет, что был отправлен в город Эрзерум, где содержался до 19 октября 1921 года. И ссылается на удостоверение, выданное ему старшим лагеря военнопленных (№ 602 от 22 октября 1921 г.). Оригинал этого удостоверения, почти полностью залитого жиром и еле держащегося по швам (одна четверть и вовсе оторвана, но не потерялась), у меня сохранился. Вот что можно на нем разобрать: «Дано сие студенту Леону Даниловичу Пирумову в том, что он действительно находился в плену у турок с 30 октября 1920 г. по 19 октября 1921 г. Старший лагеря... (подпись. — Ю.П.).

Подпись старшего лагеря военнопленных, прибывших из Эрзерума, Николая Нау(баш)ова подтверждаем, о чем приложением казенной печати удостоверяем, г. Эривань. Начкомкурсов (начальник командных курсов. — Ю.П.) Тер-Оганян. Военком А. Шах-Азизов... (подпись неразборчива, но представляется такой. — Ю.П.). Вр. адъютант (подпись неразборчива. — Ю.П.)».

Между словами в автобиографиях о задержании Левона турецкой администрацией в Александрополе и в этом удостоверении имеется известное противоречие, так как Александрополь был захвачен турками только 9 ноября 1920 года, то есть позднее даты 30 октября, приведенной в удостоверении. Но факт остается фактом: Левон попал в турецкие застенки в Эрзеруме и даже оказался там, по словам моей мамы, вместе с Даниэл-беком. В доказательство она показывала мне копию фотогра-

фии, сделанной когда-то с оригинала, хранящегося у моей двоюродной сестры Люстик. На этой копии очень плохого качества дед и мой папа запечатлены сидящими на бревнах. Сестра также считала, что фотография сделана в плену, однако наши с ней попытки найти оригинал долгое время не приводили ни к чему. Хорошо, что у меня есть еще одна фотография Левона, сделанная, по утверждению мамы, спустя непродолжительное время после возвращения папы из плена. Он на ней совершенно мне незнакомый, в какой-то косоворотке, коротко стриженный, с изможденным лицом.

Впечатление такое, что пребывание в эрзерумском заточении Левон всеми силами пытался представить как следствие своего участия в большевистском восстании, а не службы в Армянской армии, что, понятно, было необходимо, чтобы остаться в глазах новой власти в Армении лояльно настроенным к ней гражданином.

Таких лояльных ей граждан новая власть пыталась использовать для своих нужд. Из вариантов автобиографий следует, что потом, вернувшись в Армению, Левон был назначен в 1-й Особый полк, но приказом Наркомвоенна (в то время им был Троцкий, официальная должность которого называлась «Наркомвоенмор») освобожден от военной службы для продолжения своего образования в Москве. В копии увольнительного билета подтверждается:

«С.С.Р.А. Штаб отдельной Кавбригады по части административной. 28 октября 1921 г. № 632.

Дан сей красноармейцу Отдельной Кавбригады тов. Пирумову Левону Даниловичу, прибывшему из Турец(кого) плена, в том, что он согласно приказа Наркомвоенна С.С.Р.А. от 20 декабря 20 г. за № 22 увольняется от службы, как студент Тифлисского политехникума, что подписью и приложением печати удостоверяется. Наштабриг...(подпись). Военкомбриг... (подпись). Помнаштаба по адм. части...(подпись)».

Но в Тифлис Левон не поехал, решил продолжить образование в Москве, но опоздал, как он сам пишет, к началу занятий, поселился в Машковом переулке с матерью и двумя сестрами и довольно быстро, уже 22 ноября 1921 года, устроился на работу в Главное управление по топливу «Цегуткооп» экономистом-товароведом.

Гражданская война закончилась недавно, НЭП еще только начинался, дефицит ощущался буквально во всем, и Левон ходил в какой-то форменной одежде. А однажды даже в таком виде сфотографировался на Армянском кладбище возле могилы Тарасова.

Однако прошло некоторое время, и он, по-видимому, в материальном отношении стал чувствовать себя более уверенно. Во всяком случае, Левон выглядит вполне респектабельно на фотографии, где изображен со своим дядей — Хомаяком (Амаяком) Маркаровичем Халатовым. Место встречи традиционное — Чистые пруды, ведь Халатовы жили недалеко.

Амаяк (Хомаяк) Маркарович Халатов, шурин Даниэл-бека (справа), с моим папой на Чистых прудах в Москве

*Жена младшего сына Даниэл-бека
Евгения, моя мама*

Приятно лишний раз убедиться в тесных связях между представителями старшего поколения моих родных.

Устанешь перечислять все советские организации и учреждения, где папа успел поработать до женитьбы на маме 20 сентября 1931 года. О том, как и где могли познакомиться мои родители, я примерно разведал. Но совершенно точно я об этом так ничего и не знаю: ни где, ни как. Главное, что они, на мое счастье, все-таки встретились. Фотографию той, которую полюбил мой папа, я храню бережно. По рассказам мамы, ей тут года 24. То есть шел, приблизительно, 1930 год. Это фото мама когда-то подарила Марине Георгиевне Пригожей, на которой женился в 1935 году дядя Жорж.

Как страшно сознавать, что никого из этих близких мне людей уже нет на свете. Мама умерла в 1989 году, дядя Жорж — в 1992-м, а его жена, Марина Георгиевна, — в 2002-м, в возрасте 88 лет.

Но в начале тридцатых годов никто из них не думал о грядущем конце. И папа, которому тогда исполнилось всего тридцать три, поехал со своей двадцатипятилетней женой на остров Сахалин, на новое место работы. Вот справка из нашего семейного архива:

«СССР. Наркомторг. Акционерное Сахалинское о-во. Московская контора. 30 сентября 1931 г. № 13009. Справка. «Дана сия работнику Акционерного сахалинского Общества «АСО» т. Пирумову Л.Д. в том, что вместе с ним на остров Сахалин следует его жена Пирумова Евгения Арамовна». Управляющий Моск(овской) К(онто)рой Гейман».

Сохранилась и фотография, на которой запечатлены счастливые молодожены, отправляющиеся в далекую поездку.

*Младший сын Даниэл-бека Левон с женой Евгенией
перед отъездом на остров Сахалин. 1931 год*

О жизни на Сахалине мама мне много рассказывала, есть и фотографии этого периода, но я боюсь слишком далеко отклониться от главного героя своего путешествия во времени — дедушки. И так мой рассказ о детях Даниэл-бека затянулся, да и нелегко даются воспоминания о самых близких и любимых мне людях. Снова и снова переживать их жизнь и свою собственную — так пронзительно грустно.

Вернувшись из далекой командировки, папа устроился работать в трест «Золотопродснаб» и часто ездил в Сибирь по производственной необходимости, особенно в Забайкалье. Раза два или три он ездил в командировку в город Свободный, названный так словно в насмешку, так как был построен заключенными ГУЛАГа. Когда я в конце 1980-х годов попал в командировку в этот город, то в день приезда весь вечер бродил по его улицам, желая увидеть места, где бывал папа.

Жили они с мамой, вернувшись в Москву, около Триумфальной площади, в одной комнате с моей бабушкой, маминой мамой, в квартире, когда-то полностью принадлежавшей моему дедушке Араму, но после его ухода из семьи ставшей за годы советской власти коммунальной.

Когда в 1941 году родился я, а потом началась война, то папа, освобожденный от призыва в связи с его работой в обороннозначимой отрасли, каковой было признано золотоснабжение, остался в Москве, а нас с мамой отправил в эвакуацию под Миасс в деревню Непряхино.

В Москву мы вернулись в 1943 году. Мое первое воспоминание о папе — он несет меня на плечах мимо станции метро «Маяковская», где была мама — не помню, вокруг толпы людей, все кричат, и слышны, и видны залпы салюта. Это был День Победы.

В 1947 году из треста «Золотопродснаб» папа перевелся в Министерство геологии СССР и был назначен начальником финансового отдела Главурса (Главного управления снабжения), это был высокий пост.

Интересно сравнить фрагменты двух его характеристик: за 1935 год (28 июня, г. Чита) и за 1947 год (1 декабря, г. Москва), когда он переходил на новую работу, в Министерство.

Характеристика 1935 года: «Финансовое дело знает хорошо, быстро ориентируется в работе. Энергичен и инициативен, но работает не всегда ровно, иногда работает с большим подъемом, а иногда слабее. Дисциплинирован и исполнительен. К числу некоторых его недостатков нужно отнести недостаточную настойчивость по взысканию дебиторской задолженности. С работой справляется. Занимаемой должности соответствует». Интересен и другой абзац. С политическим уклоном: «Беспартийный, служащий, член профсоюза с 1921 года, в РККА служил с 1921 по 1922 год (10 месяцев) рядовым. В общественной работе коллектива участия не принимает, отлынивает, прикрываясь перегруженностью по служебной линии. Отношение к Соввласти и партии лояльное». Характеристику подписали пять человек: председатель аттестационной комиссии, зам. управляющего, главный бухгалтер, начальник сектора кадров, он же секретарь парткома и представитель райкома союза золота и платины.

А вот фрагмент характеристики 1947 года: «Финансовую работу знает хорошо. Свои знания и опыт передает подчиненным. Умеет, а в нужное время и работает с напряжением. Освоил систему и ее особенности. Пользуется деловым авторитетом в центральном аппарате и у работников периферии.

В работе оперативен, энергичен, настойчив, проявляет инициативу. Продолжает работать над повышением своего идейно-политического уровня.

Принимает участие в общественной жизни коллектива (председатель Комсода). Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отече-

ственной войне 1941 – 1945 гг.». За хорошую работу неоднократно получал благодарности и денежные премии».

Эту характеристику подписал только один человек — управляющий трестом «Золотопродснаб».

Сравнивая характеристики, замечаешь в них и сходные черты, и различия. Меня особенно взволновали строки с политической подкладкой: действительно ли папа был лоялен к советской власти и повышал свой идейно-политический уровень или просто мимикрировал, как и многие в те времена? Во всяком случае, он пытался изучать отдельные сочинения Ленина и Сталина, которые после папиной смерти остались у нас в некотором количестве.

К сожалению, папа себя никогда не берег. Пережив суровые 1918 – 1921 годы, хлебнув Сахалин, работая порой до 9 – 11 часов вечера, как это сплошь и рядом бывало в советских учреждениях при Сталине, нервничая по поводу ареста старшего брата Иосифа, он еще и много курил (в основном папиросы «Казбек») и часто играл в карты с друзьями, засиживаясь до глубокой ночи. После войны он был в отпуске, насколько я знаю, только один раз, на Черном море с двумя сослуживцами. На фотографии папа такой, каким я его и запомнил. Это приблизительно 1948 год.

Младший сын Даниэл-бека Левон, мой папа, каким я его запомнил

Неудивительно, что 15 февраля 1949 года, по дороге с работы домой (добирался как всегда пешком, ведь Министерство геологии СССР находилось совсем недалеко), с ним прямо на улице случился разрыв сердца, и он скончался на месте, в 51 год. Самый младший из детей Даниэл-бека ушел из жизни раньше всех, если не считать арестованного Иосифа.

Провожать его в последний путь, по словам мамы, пришел почти весь дом, потому что папа был очень отзывчивым, добрым и веселым человеком, всегда всем помогал, часто даже в ущерб себе и своей семье. Я в день его смерти лежал больной с высокой температурой и не понимал, что происходит. А мне никто и не говорил. А потом я еще долго думал, что папа просто уехал в командировку и все не возвращается и не возвращается...

Папа похоронен на том же кладбище, рядом со своей мамой, рядом с тетей Соней, с дядей Мишей и Тюсей. Вместе с ним теперь и его жена — моя мама, пережившая папу на целых сорок лет и так и не вышедшая больше замуж, потому что, по ее словам, такого же любящего и ласкового человека, как мой папа, она уже не смогла встретить, хотя раза два ей и делали предложение.

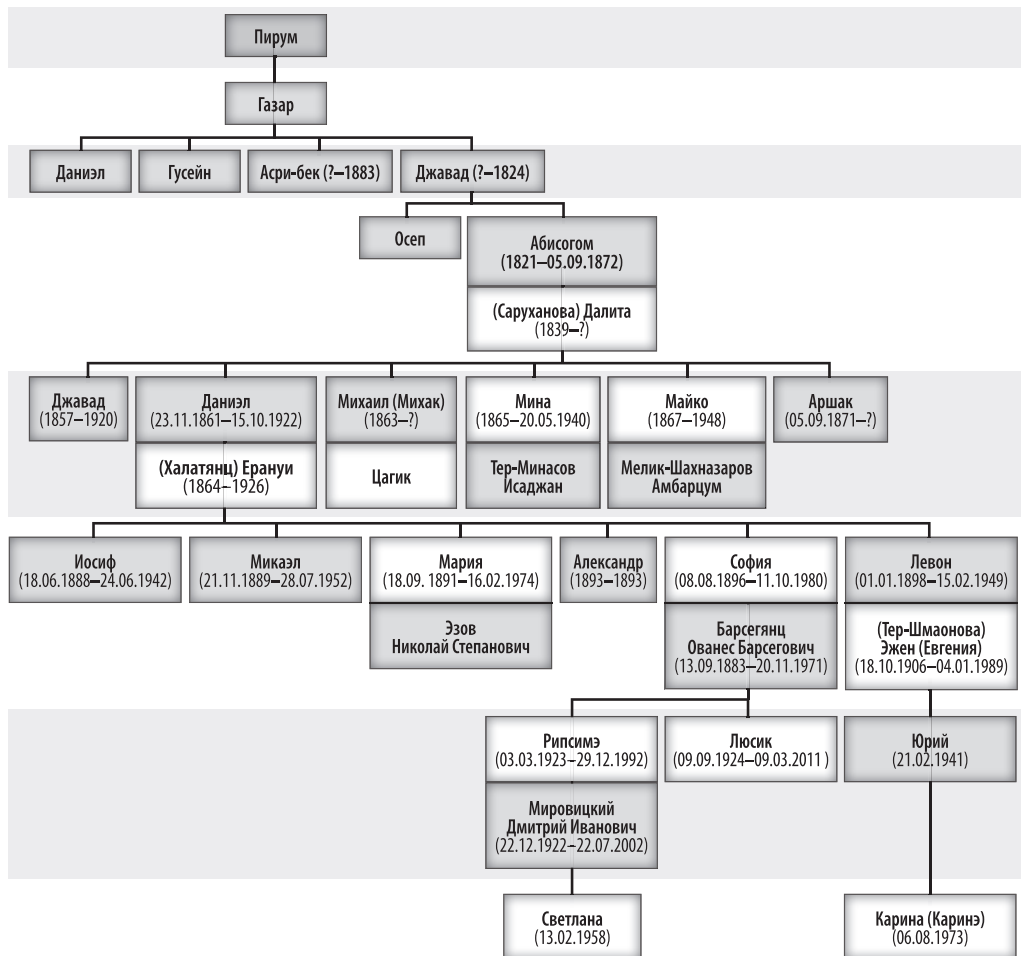
Мама практически до конца своих дней сохраняла ясность ума, прекрасно помнила многие даты и факты, хотя не была физически здоровым человеком. Мне кажется, что землетрясение в Армении 7 декабря 1988 года и разрушение ее родного города Ленинакана, бывшего Александрополя (ныне Гюмри), как-то ее морально надломили. И она была очень удручена весь декабрь, несмотря на свой природный веселый нрав (пишу эти строки по странному совпадению тоже 7 декабря, только 2008 года), а 4 января 1989 года ее не стало.

Мнение моих тетушек о характере папы совпадало с мнением мамы, с той только разницей, что сестры еще вспоминали о его детстве и о любви к чтению, и как он умел увлекательно и весело пересказывать прочитанное. Наверное, это от бабушки, приговаривали они. И я им верил. Верю и сейчас...

На этой мажорной ноте я могу со спокойной совестью закончить Интерлюдиию о детях Даниэл-бека, может быть, самонадеянно полагая, что мне удалось через них раскрыть какую-то глубинную часть его самого, давшего им жизнь. И поскольку теперь известны имена и даты рождения его родителей, его братьев и сестер, а также всех его детей, его самого и его жены, я считаю возможным поделиться собственной версией родословной линии Даниэл-бека: от Пирума до наших дней.

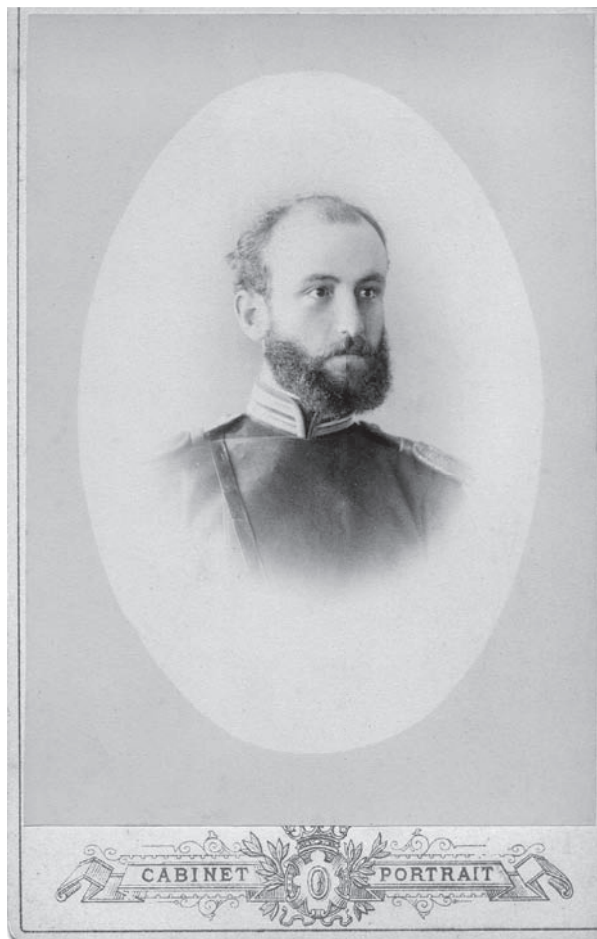
Но на рассказе о детях и на родословной схеме его собственная жизнь не кончается. Нет, ее главные события еще впереди.

Я остановился на рубеже 1888 года, когда у Даниэл-бека родился первенец. Затем на свет появился второй сын, и хорошо, что в этот ответственный

Родословная Пирумянов (Линия Даниэл-бека)

ный для главы семьи период Даниэл-бек 28 июня 1889 года был произведен в поручики со старшинством с 30 августа 1888 года, служа все в том же 153-м пехотном Бакинском полку. Между производством в подпоручики 8 января 1885 года и получением чина поручика вместо положенных по закону трех лет прошло почти четыре с половиной года. Посмотрим, сколько лет ему придется дожидаться следующего повышения по службе. Но как бы ни сложилась в дальнейшем его офицерская судьба, в этот период, думаю, он должен был быть доволен жизнью. Любимая жена, двое сыновей, новое звание. Мне кажется, приблизительно между 1890 и 1895 годами и сделана его фотография, где он в новом чине. Ему 30 – 35 лет, он по-прежнему с бородой. И в отличие от предыдущей фотографии, где он смотрелся старше своих лет, на этой выглядит на свой возраст.

Даниэл-бек Пирумян. Конец XIX века

Понятно, что с чином поручика пришло и улучшение семейного благосостояния, оказавшееся весьма своевременным в связи с увеличением семьи.

26 сентября 1888 года, через два месяца после рождения первого сына, полк Даниэл-бека принимает участие в «Высочайшем смотре». А почти через год — 26 июля 1889 года — он «За бытность на Высочайшем смотре пожалован 2-х месячным окладом не в зачет жалования».

Интересно, кто из «Высочайших особ» посетил этот смотр? Может быть, сам Александр III, который, как известно, был очень прост в обращении с нижестоящими. Другое дело — следующий император, Николай II, о котором генерал Брусиллов писал, что он «не умел «разговаривать» с солдатами и потому на смотре они не испытывали того подъема духа, ради которого и проводятся истари подобные мероприятия в во-

оруженных силах». Надеюсь, что Даниэл-беку «Высочайший смотр» не был в тягость и он испытал подъем духа.

Какие же события ожидали его в следующие одиннадцать лет, между рожденьями первого и последнего сына?

1894 год: Даниэл-бек с 24 августа по 8 сентября участвует в полевой поездке строевых офицеров во время лагерного сбора в окрестностях селения Сарыкамыш. О, как пригодится им эта поездка потом, во время знаменитой Сарыкамышской операции!

В 1895 году Даниэл-бек был членом комиссии по приему Католикоса Хримяна. Я уже писал о том, что когда А.Г. Туршян подарил тете Соне журнал «Эчмиадзин» со своей статьей «50-летие героической Сардарабадской битвы», то мы увидели там портрет Католикоса Хримяна и узнали, что, оказывается, на обороте оригинала этой фотографии была сделана надпись: «Дано сие, Высококочтимому Даниэл-беку Пирумяну, члену Комиссии по приему, на котором Его Святейшество собственноручно написал обожаемое имя «Отец».

Вспомнив об этой фотографии, я 7 сентября 2007 года послал письмо в Верховный Духовный Совет Католикосата с просьбой ответить на вопросы: что за Комиссия по приему Католикоса Хримяна была создана, когда и где его принимали; и почему мирянин, к тому же офицер, был членом этой Комиссии, сколько членов вообще насчитывала эта Комиссия, и сколько в ней было мирян, а сколько — духовных лиц.

Надеясь на ответ из Святого Эчмиадзина и зная, как много сделал Католикос Хримян для нашего народа, воспользуюсь моментом и напому о нем словами путешественника Х.Ф.Б. Линча: «...Не помню, чтобы я когда-либо видел более красивое и привлекательное лицо; я ощутил трепет удовольствия оттого, что сидел рядом с ним и видел его улыбку, игравшую вокруг его ясных карих глаз и, очевидно, обычную для его лица. Голос у него также чрезвычайно мягкий и приятный, а осанка — полная спокойного достоинства, основанного на сознании своей силы... К счастью, характеру Его Святейшества противна всякая мишура; на коническом клобуке его отсутствовал бриллиантовый крест, и черная шелковая ряса, на которую ниспадала еще не поседевшая борода его, не оживлялась звездой его русского ордена.

Когда разговор коснулся его жизни в турецких провинциях, лицо его омрачилось, и он энергично подчеркнул ужасную реальность страданий армянского населения. Вся борьба и надежды, и муки этих страдных дней и бессонных ночей, казалось, проснулись в его душе и сдавливали его голос. Затем он со вздохом, как бы сожалеея об этих днях, откинулся на спинку кресла. «Я пришел, — сказал он, — в страну забвения...»²⁵

²⁵ Линч Х.Ф.Б. Указ. соч. С. 322.

Далее: «Слушать его — наслаждение. Он обладает всем личным обаянием Гладстона».²⁶

И еще: «...Я направился в квартиру Его Святейшества, и он принял меня, несмотря на поздний час. Я нашел его сидящим на деревянной кушетке в голой выбеленной известкой комнате; все ее убранство заключалось в грубом ковре, который висел на стене над кушеткой. Такова была обычная обстановка, и я не сомневаюсь в том, что наружный блеск и мишура глубоко противны его натуре».²⁷

Таким был человек, которого, будучи членом Комиссии, принимал мой дедушка.

Католикос Хримян

На это мое обращение в Эчмиадзин, в отличие от первого, посланного в самом начале моего пути к дедушке, ответа я так и не получил. Хотя заказное письмо с запросом посылалось не почтой, а через товарища, ле-

²⁶ Там же. С. 331.

²⁷ Там же. С. 332.

тевшего в Ереван. Так что думать о том, что мое письмо просто не получили, оснований нет. Либо у церковной администрации не было желания отвечать на подобные вопросы, либо не было информации о комиссии. Но в любом случае могли бы хоть что-то ответить!

Нет информации об участии Даниэл-бека в комиссии по приему католикоса в 1895 году и в Национальном архиве Армении.

1896 год: Даниэл-бека награждают серебряной медалью «В память царствования Александра III». Она была учреждена 17 марта 1896 года, и награждались ею иерархи, священнослужители, генералы, штаб- и обер-офицеры и классные чины всех ведомств, состоявшие на действительной службе в царствование императора Александра III. Медаль (ее диаметр 27 мм) носили на груди на Александровской ленте. Лицевая сторона медали: погрудное, профильное, вправо обращенное изображение Александра III. По окружности: слева — лавровая ветвь, справа — надпись: «Император Александр III». Обратная сторона медали: под императорской короной даты — «1881» и «1894».

1897 год: Даниэл-бек принимает участие в Первой Всероссийской переписи населения. 6 января его командируют в село Дигурь «для производства всенародной переписки» (так написано в его послужном списке № 80 — 643/23, составленном 31 декабря 1899 года). Вернулся он из командировки 13 февраля 1897 года. За участие в этом мероприятии он награжден медалью «За труды по первой всеобщей переписи населения». Медаль диаметром 28 мм, из темной бронзы, учреждена 29 декабря 1896 года.

Ею награждались «все лица, исполнявшие обязанности счетчиков при первой всеобщей переписи населения. Право получения медали распространялось также и на чинов Военного ведомства, как состоящих на действительной службе, так и числившихся в запасе, которые исполняли обязанности счетчиков».

Носили эту медаль на груди на ленте государственных цветов (красная, синяя и белая полосы равной ширины).

На лицевой стороне медали: посередине, внутри лаврового венка, под императорской короной — вензель Николая II. По окружности надпись: «Первая всеобщая перепись населения». На обратной стороне надпись: «За труды по первой всеобщей переписи населения, 1897».

В небольшой информации об истории переписи населения в России, взятой мною из журнала «Коммерсант-ВЛАСТЬ» со ссылкой на статистический сборник «Население России за 100 лет» (М., 1998)²⁸, сообщается:

«О всеобщей переписи населения в России впервые задумались после отмены крепостного права в 1861 году. До этого проводились лишь ревизии численности податных сословий (так называемые ревизские сказки), то есть тех, кто подлежал обложению налогами. Всего общероссийских

²⁸ «Коммерсант-ВЛАСТЬ». 2002. 29 янв.

ревизских сказок было подано десять: первая — в 1719 году, последняя — в 1858 году. В 1863 году при министерстве внутренних дел были учреждены штатный Центральный статистический комитет и общественный Статистический совет. А в 1870 году на Первом Всероссийском съезде статистиков был поднят вопрос о проведении всеобщей переписи населения империи. Но окончательный проект переписи был высочайше утвержден только в 1895 году, последним российским императором Николаем II.

Перепись проводилась по состоянию на раннее утро 28 января 1897 года. Незадолго до 28 января в городах раздали опросные листы квартирохозяевам и начальникам казенных жилых зданий. А в частных усадьбах, на хуторах, церковных и монастырских землях, фабриках, заводах и железнодорожных станциях — либо владельцам, либо управляющим. На арендуемых — арендаторам или управляющим. В деревнях крестьянские двory обходили переписчики и заполняли опросные листы со слов хозяев дворов. Переписной лист содержал 14 вопросов: возраст, пол, место рождения, брачное состояние, вероисповедание, родной язык, грамотность, занятие и еще несколько социально-демографических характеристик».

Следующая перепись была назначена на 1915 год, но не состоялась из-за Первой мировой войны. В 1916 году была проведена перепись сельского населения, а в 1917 году, при Временном правительстве, была предпринята еще одна попытка переписать население России. Однако обе эти переписи были признаны неудачными, так как, по мнению самих статистиков, которые их проводили, они не отражали сколько-нибудь достоверных и полных сведений о населении. О попытках советской власти организовать перепись населения вспоминать не буду — не об этом речь. А вот результаты первой переписи 1897 года показали, что население России составляет 67 миллионов 467 тысяч человек, из которых грамотными в возрасте 9 — 49 лет были всего 29,6%, а численность городского и сельского населения — 9 миллионов 894 тысячи и 57 миллионов 579 тысяч человек соответственно.

После участия в Первой Всероссийской переписи, и даже после рождения последнего сына — моего отца, Левона, в 1898 году, Даниэл-бек все еще поручик. По данным одного из его послужных списков²⁹, он в чине поручика получает жалования 876 рублей и квартирных 174 рубля в год. Столовых не получает совсем, очевидно, питается дома. И то еще хорошо, что в 1898 году квартирные деньги были увеличены.

Как пишет П.А. Зайончковский: «Наконец, в 1898 году были увеличены квартирные деньги. Так, по приказу Военного ведомства от 15 мая 1898 года, согласно решению Государственного совета определялись но-

²⁹ РГВИА. № 80 — 643/23 (1899).

вые квартирные оклады. Эти оклады устанавливались в зависимости от местности (вся территория России подразделялась на 8 разрядов).³⁰

Для младших офицеров квартирные составляли от 70 до 250 рублей. А ведь Даниэл-беку еще надо было содержать жену и пятерых детей, старшему из которых было всего 11 лет.

Но все же продвижение по службе началось: 6 марта 1900 года Даниэл-бек назначен командиром 4-й роты. Командует он ею всего полгода, 19 сентября сдает роту старшему в чине. А 24 сентября он уже штабс-капитан со старшинством в чине с 15 марта 1899 года. Спустя приблизительно четыре месяца после производства в новый чин, 10 января 1901 года он назначен командиром 5-й роты. Но опять только на несколько месяцев, так как уже 23 сентября 1901 года он сдал роту старшему в чине.

Итак, со времени производства в поручики в 1889 году до производства в штабс-капитаны в 1900 году прошло 11 лет. Но было ли столь медленное продвижение Даниэл-бека вверх по иерархической военной лестнице следствием отсутствия у него энергии или военных способностей?

Чтобы ответить на этот вопрос, придется коротко проанализировать состояние русской армии вообще, и русского офицерского корпуса в частности, на разных этапах жизни Даниэл-бека, используя всевозможные источники.

Начну с того, что закон 1874 года декларировал введение в стране всеобщей воинской повинности. Численность армии и офицерского корпуса возросла. Однако это увеличение оказалось неравномерным.

О диспропорции, возникшей в личном составе русской армии, П.А. Зайончковский писал:

«Одной из особенностей русской армии рассматриваемого периода являлось крайне замедленное чинопроизводство, особенно в основном роде войск — армейской пехоте. Как правило, служба в обер-офицерских чинах продолжалась 25 — 30 (а в отдельных случаях и более) лет. Командование ротами длилось нередко 10 и 20 лет».³¹ И далее: «На 1 января 1903 года из 4452 капитанов около 32,7% имели возраст свыше 46 лет, 77,7% — свыше 41 года. Объяснялось подобное положение, прежде всего, тем, что возможностей для получения штаб-офицерского чина вследствие ограниченности соответствующих должностей было немного (в полку 17 рот, следовательно, 17 капитанов; 4 батальона, то есть 4 подполковника). Эти естественные причины усугублялись еще сравнительно медленным увеличением численности армии по сравнению с ростом численности офицерского корпуса (с 1881 по 1903 год общая численность армии увеличилась на 22,2%, а офицерского корпуса — на 33,5%). Пехотные армейские офицеры за небольшим исключением получали полк после 46 лет, а половина

³⁰ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 225.

³¹ Там же. С. 187.

их — старше 50, в то время как свыше 70% офицеров Генерального штаба становились полковыми командирами до 45 лет. Офицеры, перешедшие из гвардии, по сравнению с армейскими, получали полк в более молодом возрасте. Это тоже являлось причиной медленного чинопроизводства». ³²

В результате на содержании государства оказалась огромная для мирного времени армия с избыточным количеством командиров всех уровней. В работе Г.Г. Бескровного нахожу, что «...к 1901 году русская армия, по данным Всеподданнейших отчетов Военного министерства, насчитывала 1 миллион 55 тысяч 192 лица рядового состава и 38 тысяч 908 генералов и офицеров». ³³ Получалось, что в среднем на одного офицера приходилось 27 солдат. Но для Даниэл-бека это соотношение было другим: командуя ротой, он нес ответственность за три сотни человек.

Он вернулся в 5-ю роту 7 марта 1902 года, снова став ее командиром, а 1 июля 1902 года ему присвоили звание капитана со старшинством с 6 мая 1900 года. За два года — две ступени военной иерархии! Это было связано с коренным изменением системы чинопроизводства в 1900 году. Теперь производство во все обер-офицерские чины — поручика, штабс-капитана и капитана — обуславливалось выслугой четырех лет в каждом чине. А Даниэл-бек пробыл в одном чине 11 лет...

С 11 июня по 1 октября 1903 года Даниэл-бек — член полкового суда. 28 марта 1904 года Даниэл-бек уже получает первую в своей жизни награду — орден Св. Станислава 3-й степени. Этот орден — низшая из офицерских наград, причем за участие в боевых действиях награжденный получал этот знак со скрещенными мечами. А высшим боевым отличием в России считался орден Св. Георгия Победоносца, введенный в 1769 году. Подразделялся он на четыре степени — им награждались исключительно офицеры, и только за непосредственное участие в бою и личную храбрость.

«Промежуточными» орденами были орден Св. Анны и орден Св. Владимира, идущие выше «Станислава». Их давали за боевые заслуги и также с мечами. «Станислав» и «Анна» имели три степени, «Владимир» — четыре. Низшая, третья степень (для «Владимира» и «Георгия» — третья и четвертая) носилась на груди на ленточке, вторая — на ленте вокруг шеи, а первая — на широкой перевязи у бедра, на груди же при высшей степени полагалось носить звезду — серебряную, с эмалью и позолотой или шитую золотой и серебряной нитями.

По тогдашним правилам надевалась только высшая степень каждого ордена. Предполагалось, что прочие кавалер несомненно получил, ибо награды давались в строгой последовательности, от низшей к высшей. Двух одинаковых наград не давалось.

³² Там же. С. 188.

³³ Бескровный Г.Г. Армия и флот России в начале XX века. Очерки экономического потенциала. М.: Наука, 1986. С. 11.

Награда наградой, а служба службой. Поражение России в войне с Японией обострило обстановку в стране. Подняли голову самые радикальные элементы из различных слоев общества. Не случайно высочайше утверждается предложение Совета министров «О воспреещении военнотружущим принимать участие в политических партиях и собраниях». Вот его краткий текст:

«Всем состоящим на военной или военно-морской службе, как то: офицерам всех чинов, гражданским чиновникам военного ведомства (в том числе и вольнонаемным), военному духовенству и всем нижним чинам, как строевым, так и нестроевым и вольнонаемным, — воспреещается:

а) входить в состав и принимать участие в каких бы то ни было союзах, группах, организациях, товариществах, партиях и т.п., образуемых с политической целью, а равно присутствовать в разного рода собраниях, обшуждающих политические вопросы;

б) принимать непосредственное участие или присутствовать в скопидках, сходках и манифестациях, какого бы они рода ни были».

В некоторых районах Закавказья пришлось даже привлечь войска для поддержания порядка, и Даниэл-беку довелось принять в этом участие.

«Для содействид гражданским властям» Даниэл-бек в составе 2-го батальона участвует в подавлении беспорядков с 18 июля по 4 сентября 1903 года в г. Шаропане, с 4 сентября по 4 октября того же года — в селе Эчмиадзине, а с 18 февраля по 7 марта 1905 года — в Тифлисе. Затем — с 7 марта по 4 июля — в местечке Чиатури Кутаисской губернии. С 30 апреля по 1 июля 1906 года, с 14 декабря 1906 года по 6 мая 1907 года и с 9 мая по 18 июля 1907 года в составе трех рот 2-го батальона он охраняет линию железной дороги Тифлис — Эривань. Затем его направляют опять в Тифлис в составе сводного батальона для несения караульной службы с 9 сентября по 1 октября 1908 года.

С пребыванием Даниэл-бека в местечке Чиатури связано одно семейное событие в кругу людей, которых я маленьким мальчиком видел один раз, когда мы с мамой пришли к ним в гости в дом в районе Самотечной площади Москвы.

Это были наши родственники — Иван Шаликович Пирумид и его жена, Сусанна Георгиевна. Впрочем, почему я говорю «родственники». У меня же есть генеалогическая схема, и я могу определить, кем приходился Даниэл-беку Иван Шаликович. Его отец, Шалико (в генеалогическом древе указано также его второе имя — «Григорий»), внук Асри-бека — троюродный брат Даниэл-бека. Значит, Иван Шаликович — троюродный племянник Даниэл-бека или, по-другому, четвероюродный брат моего папы. К свадьбе Ивана Шаликовича Даниэл-бек послал 17 июня 1905 года из Чиатури поздравительную телеграмму, которую мне в 90-е годы XX века передала внучка Ивана Шаликовича, Сусанна Александровна Пируми-

ва. Вот ее текст: «Москва, Армянский переулок, Халатовым. Искренно шлю пожелания быть действительно счастливыми в новой жизни молодых. Мысленно переносюсь к вам дорогие с полным бокалом чиатурского вина и радостным криком ура. Даниил». Думаю, «Халатовым» Даниэл-бек написал по ошибке. Два других родственника, в том числе некая Елизавета Пирумова, жительница Шуши, послали поздравительные телеграммы также в Армянский переулок по адресу «Дом Грачева, квартира 14», но «Пирумовым». И, несмотря на отсутствие в телеграмме Даниэл-бека точного адреса и путаницу с фамилией, его послание попало к молодоженам, а затем осело у меня как зримое свидетельство правдивости записей в послужном списке и ниточка, связывающая меня с прошлым. Как хорошо, что родители Сусанны Александровны, а потом и она сама, сохранили эту реликвию.

В эти беспокойные годы у полка есть и своя внутренняя жизнь. Так, 18 октября 1905 года Даниэл-бек «за выполнение условий состязательной стрельбы награжден обыкновенным призом (Свидетельство № 3437)»; в 1905 году он дважды становится временно командиром 2-го батальона (с 1 по 18 января и с 24 сентября по 10 октября). Наконец, с 1906 по 1908 год он несколько раз становится временным членом полкового суда: в 1906 году со 2 по 23 октября и с 1 по 15 ноября, а потом — с 14 июля 1907 года по 20 февраля 1908 года.

По-видимому, он пользуется большим авторитетом в полку, если ему доверяют быть не только членом полкового суда, но и членом суда общества офицеров: с 1 октября 1908 года по 1 октября 1909 года и с 12 октября 1909 года по 7 февраля 1910 года.

Чтобы представить объем работы полкового суда, а также оценить количество дисциплинарных нарушений, я взял для анализа более спокойное мирное время — 1909 — 1913 годы, а также военный период — с 1914 по 1917 год, хотя последний раз Даниэл-бека избирали членом полкового суда в 1908 году. Источником информации для меня послужила «Книга приговоров 153-го пехотного Бакинского полка».³⁴

Анализ проступков и взысканий оказался нелегким делом, так как многих военнотружущих судил не полковой суд, а суды более высших инстанций, мне же хотелось представить объем работы именно полкового суда. Пришлось выписывать все данные, начиная с номера по порядку до номера роты и конфессиональной принадлежности нарушителей дисциплины, а потом скрупулезно подсчитывать и пересчитывать количество осужденных по ротам и батальонам.

Скажу сразу: большая часть осужденных рядового и унтер-офицерского состава в мирное время были наказаны за кражи и проматывание казенного имущества, и потому их карали в основном «сажанием» на хлеб и воду,

³⁴ РГВИА. Ф. 2767, оп. 2, д. 10.

правда, иногда надолго — на 5 — 7 недель. Основную же массу нарушителей дисциплины в военное время, в том числе за оставление позиций, ждали более суровые приговоры, которые в большинстве своем в 1917 году были отменены указами Временного правительства.

Итог моего анализа:

1909 год. Всего осуждено 80 военнослужащих, из них полковым судом — 75, из которых большая часть (37,3%) из 3-го батальона. По национальным и конфессиональным группам из них русских — 29 (38,6%), украинцев — 13 (17,3%), поляков — 9 (12%), евреев — 7 (9,3%), мусульман — 7 (9,3%), прибалтийцев — 3 (4%), прочих и неопределенных — 7 (9,3%).

1910 год. Всего осуждено 64 военнослужащих, из них полковым судом — 55, из которых большая часть (28%) опять из 3-го батальона. По национальным и конфессиональным группам из них русских — 27 (49%), украинцев — 4 (7,3%), поляков — 10 (18,2%), евреев — 5 (9,1%), мусульман — 4 (7,3%), прибалтийцев — 3 (5,5%), прочих и неопределенных — 2 (3,6%).

1911 год. Всего осуждено 45 военнослужащих, из них полковым судом — 37, из которых большая часть (40,5%) из того же 3-го батальона. По национальным и конфессиональным группам из них русских — 16 (43,2%), украинцев — 8 (21,6%), поляков — 5 (13,5%), евреев — 2 (5,4%), мусульман — 0 (0%), прибалтийцев — 3 (8,1%), грузин — 2 (5,4%), армян — 1 (2,7%).

1912 год. Всего осуждено 63 военнослужащих, из них полковым судом — 39. Наибольший «вклад» сделал — нетрудно догадаться — все тот же 3-й батальон (38,5%). По национальным и конфессиональным группам из них русских — 21 (53,8%), украинцев — 6 (15,4%), поляков — 2 (5,1%), евреев — 4 (10,3%), мусульман — 2 (5,1%), прибалтийцев — 3 (7,7%), прочих и неопределенных — 1 (2,6%).

1913 год. Всего осуждено 87 военнослужащих, из них полковым судом — 61. Но в этом году славу самых недисциплинированных батальонов делят между собой 2-й и 3-й (каждый — по 32,8%). По национальным и конфессиональным группам из них русских — 43 (70,5%), украинцев — 9 (14,8%), поляков — 4 (6,6%), евреев — 0 (0%), мусульман — 2 (3,3%), прибалтийцев — 2 (3,3%), грузин — 1 (1,6%).

1914 год. Всего осуждено 89 военнослужащих, из них полковым судом — 50. Пальму первенства по числу осужденных держит 2-й батальон — 9 (36%), но 3-й батальон — на втором месте (28%). По национальным и конфессиональным группам из них русских — 27 (54%), украинцев — 4 (8%), поляков — 0 (0%), евреев — 0 (0%), мусульман — 0 (0%), прибалтийцев — 0 (0%), прочих и неопределенных — 19 (38%), в том числе армян — 14 (28%).

1915 год. Всего осуждено 79 военнослужащих, из них полковым судом — 28. На первом месте опять 3-й батальон (35,7%). По националь-

ным и конфессиональным группам из них русских — 10 (35,7%), украинцев — 3 (10,7%), грузин — 3 (10,7%), армян — 12 (42,9%).

1916 год. Этот год не характерен для деятельности полкового суда. Всего осужден 21 военнослужащий, но все они были осуждены судами других инстанций. Тем не менее, чтобы не прерывать анализ, я приведу и данные за 1916 год. На первых двух местах по числу осужденных в этом году оказались 1-й и 2-й батальоны (38,6% и 28,6% соответственно). По национальным и конфессиональным группам из них русских — 13 (61,9%), украинцев — 4 (19%), поляков — 1 (4,8%), армян — 3 (14,3%).

1917 год. Всего осужден 51 военнослужащий, из них полковым судом — 31. На первом месте — 2-й батальон (38,7%). По национальным и конфессиональным группам из них русских — 9 (29%), украинцев — 3 (9,7%), грузин — 17 (54,8%), армян — 2 (6,5%).

После Русско-японской войны и Первой русской революции начался более спокойный период 1909-го и последующих за ним годов.

Для Даниэл-бека это хорошее время: продолжают награждения, смены должностей, командировки. 25 января 1909 года он пожалован вторым орденом Св. Анны 3-й степени, с 26 марта по 4 апреля 1910 года — назначен временно командующим 2-м батальоном, с 15 по 25 июля 1910 года — принимает участие в полевой поездке в район села Сарыкамыш, с 1 июля по 1 сентября 1911 года — назначен временно командующим 3-м батальоном, затем, с 27 июня по 20 октября 1912 года — командующим 2-м батальоном (уже не временно).

Через два месяца после последнего назначения Даниэл-бек «Высочайшим приказом от 6 декабря 1912 года пожалован орденом Св. Станислава 2-й степени».

Наступил 1913 год — последний мирный год той, прошлой России. Дыхание приближающегося европейского пожара чувствовали и правительство, и лично император, и население страны. Армия нуждалась не только в новых молодых кадрах, но и в повышении квалификации «старых». Не потому ли Даниэл-бека командируют 22 января 1913 года в город Ораниенбаум, в Офицерскую Стрелковую школу «для прохождения курса», хотя ему было уже за пятьдесят.

Эта школа была открыта на базе Учебного пехотного батальона, созданного, в свою очередь, на базе Образцового Учебного батальона 1826 года. В 1827 году батальон был преобразован в «Образцовый пехотный полк» двухбатальонного состава, а позднее, в 1861 году, в Образцовый пехотный батальон. В 1863 году этот батальон был переименован в Учебный пехотный батальон, непосредственно из которого в 1882 году (приказом по Военному ведомству от 21 марта 1882 года за № 82 Учебный пехотный батальон был упразднен) возникла «Офицерская Стрелковая школа» в городе Ораниенбауме. От Образцового пехотного полка «Школе...»

перешел и «Полковой марш», присвоенный ему в 1845 году. 10 марта 1907 года «Школе...» присвоено старшинство с 7 июня 1826 года, то есть со дня формирования «Образцового Учебного батальона». А 14 марта 1907 года «Школе...» пожаловано знамя бывшего Учебного пехотного батальона, унаследованное им от Образцового пехотного батальона.

«Школа...» включала офицерские курсы, роту Стрелковой школы, ружейный полигон, команду нестроевых и команду конно-ординарцев. Как «Школа...», так и состоящая при ней рота имели постоянный и переменный составы. Личный состав состоял из Начальника «Школы...», Начальника ружейного полигона, 16 штаб- и обер-офицеров постоянного состава, 187 офицеров переменного состава, 18 офицеров казачьего отдела и 342 стрелков.

Приказом по Военному ведомству 1912 года № 311 офицерам и нижним чинам постоянного состава «Школы...» присвоили общую форму обмундирования гвардейского образца, объединяющую личный состав и по внешнему виду. Ко времени поступления в «Школу...» Даниэл-бека она состояла в ведении Инспектора стрелковой части в войсках.

Из Военной энциклопедии я вычитал, что назначение офицерских стрелковых школ заключалось в теоретической и практической подготовке пехотных капитанов к самостоятельному выполнению обязанностей батальонного командира; в изучении употребления огня в бою; в распространении в войсках правильного взгляда на употребление огня в бою и на правильное и однообразное обучение стрельбе; на подробное изучение нового оружия. Очень важной задачей являлась разработка вопросов, касающихся свойств и устройства оружия и пулеметов.

В расширенном виде эта важная задача сформулирована в специальной брошюре, где сказано, что «в настоящее время назначение «Школы...» изменилось в соответствии с требованиями времени и состоит в разработке вопросов, касающихся свойств и устройства оружия и пулеметов, в производстве испытаний по проектированию новых и изменению существующих образцов оружия, патронов и разных приспособлений, относящихся к этому оружию и стрельбе из него, а также в разработке всех данных по этому вопросу, получаемых относительно иностранных государств».³⁵

В конечном итоге деятельность «Школы...» от начала ее существования выразилась в главном: в перевооружении трехлинейной винтовкой, введении пулеметов в армии, выработке остроконечного патрона и, в связи с этим, изменении прицела и выработке новой материальной части пулеметов.

Переподготовка по такой обширной программе не отнимала у прикомандированных офицеров все время. Они могли развлекаться, насколько

³⁵ Гришинский В. Памятка офицерской стрелковой школы. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильберг, 1914. С. 24 – 26.

Ораниенбауманское Офицерское собрание

позволяли обстоятельства и средства. Главным очагом культуры, видимо, было Ораниенбаумское Офицерское собрание. У меня есть довольно редкая фотография — здание этого Собрания конца XIX — начала XX века.

Будучи в 1970-х годах несколько раз в Ораниенбауме, я пытался найти здание Собрания, но не смог — то ли оно было перестроено, то ли вообще не сохранилось. Мои попытки расспросить местных жителей тоже ни к чему не привели, а в администрацию города я тогда обратиться не догадался. Так и не знаю до сих пор, существует ли оно.

Рассказывая о досуге офицеров в Александрополе, я не стал подробно описывать устройство офицерских собраний, зная, что мне еще представится такая возможность. Этот момент наступил. Познакомился я с немудреными правилами по материалам Устава Собрания офицерской стрелковой школы. Вот наиболее интересные, на мой взгляд, отрывки из этого Устава:

«Цель Собрания (стр. 3): «Офицерское Собрание имеет целью: а) доставить офицерскому обществу средства для взаимного сближения его членов и поддержать между офицерами правильные товарищеские отношения, соответствующие духу и требованиям военной службы; б) содействовать развитию в среде офицеров военного образования; в) доставить офицерам развлечения в свободное от службы время; г) удешевить жизнь офицеров».

Состав Собрания (стр. 4 – 7): «Офицерское Собрание находится в прямом ведении Начальника Школы, который вместе с тем состоит председателем офицерского Собрания. Все штаб- и обер-офицеры постоянного состава офицерской школы, а также все прикомандированные офицеры переменного состава **обязательно состоят действительными членами офицерского Собрания** (выделено мною. — Ю.П.). Действительные члены участвуют во взносах на содержание офицерского Собрания».

О гостях (стр. 7): «Гостями могут быть знакомые членов Собрания, как военнослужащие, так и гражданские лица. Гости вводятся в Собрание не иначе, как по рекомендации членов, которые не должны оставлять Собрание, пока там находится введенное ими лицо. Семейства членов Собрания и их знакомые допускаются только в особо назначенные для того дни и часы. За стол и за игры (сбор, определяемый частными правилами в пользу Собрания) лица, вводимые в Собрание, не платят; за них платят члены, их пригласившие. Проигрыши по различным играм гости платят сами, но члены, рекомендовавшие этих гостей, отвечают за них в случае неплатежа или вообще какого-либо, как при расчетах, так и во время самой игры, недоразумения».

О заведовании хозяйством Собрания (стр. 8): «Хозяйственной частью офицерского Собрания заведует распорядительный Комитет, состоящий из председателя, хозяина и одного члена постоянного состава, пяти членов переменного состава и одного члена от казачьего отдела. Выборы в члены распорядительного Комитета производятся 2 раза в год, по распоряжению Начальника Школы с объявлением о том в приказе. В декабре выбирают постоянный состав и казачий отдел, а 1 марта — переменный состав».

О частных правилах из Приложения к Уставу офицерского Собрания (стр. 19):

«Для удовлетворения нужд Собрания действительные и временные члены Собрания подлежат взносу ежемесячно по 1 р. 25 коп. с каждого; деньги эти удерживаются при раздаче жалованья. Собрание открыто с 11 утра и до 1 ч. ночи (в лагерях — с 9 ч. утра). Громкие крики, свист и пр., нарушающие тишину и благопристойность в Собрании (как в городском, так и в лагерном), воспрещаются».

О работе столовой (стр. 21): «Столовая в офицерском Собрании на известных условиях сдана частному лицу, которое ведет хозяйство под ближайшим надзором хозяина Собрания, наблюдающего за точным исполнением заключенных условий. При расположении школы в Ораниенбауме время в столовой распределяется так:

С 11 ч. — открывается буфет.

С 12 до 15 ч. — обед.

С 15.30 до 17 ч. — буфет и кухня закрываются.

С 20 ч. до 24 ч. — ужин и отдельные порции.

В 1 ч. ночи Собрание закрывается.

В лагере время столовой распределяется так:

С 9 ч. до 12 ч. — закуски.

С 12 ч. до 15 ч. — обед.

С 15.30 до 17 ч. — буфет и кухня закрываются.

С 20 ч. до 1 ч. ночи — ужин и отдельные порции.

В 1 ч. ночи Собрание закрывается.

Постоянное участие в общем столе не обязательно для членов Собрания».

Об играх (стр. 25): «В офицерском Собрании разрешаются игры: шахматная, бильярдная, лото и прочие, дозволенные законом. Из карточных допускаются только следующие игры: винт, вист, ералаш, преферанс, бостон, пикет, безик и мезенка. Все игры ведутся на наличные деньги».

Об увеселениях (стр. 27): «Для развлечения членов и объединения общества в Собрании могут быть устраиваемы вечера и спектакли. Маскарады в офицерском Собрании воспрещаются. Вечера с танцами под роль устраиваются за счет Собрания и не более 1 раза в месяц».³⁶

Устав и Приложение подписаны начальником Офицерской стрелковой школы генерал-майором Ридигером.

Наступил сентябрь 1913 года. И 18 числа, как написано в двух его главных послужных списках, Даниэл-бек «успешно» заканчивает «Школу...». А приблизительно через месяц — 14 октября — возвращается из командировки в полк, где его уже ждет сюрприз: высочайшим приказом от 5 октября 1913 года он произведен в подполковники. Это первый штаб-офицерский чин.

Через четыре дня после возвращения — 18 октября 1913 года — Даниэл-бек назначен командиром 4-го батальона. Но принял он его почему-то только через девятнадцать дней — 6 ноября 1913 года, хотя в послужном списке написано, что в составе этого батальона он с 18 октября 1913 года по 16 марта 1914 года командирован в город Эривань «для несения карательной службы».

Интересный штрих из традиций того времени. Александропольское городское попечительство о бедных 12 декабря 1913 года распространило подписной лист № 2 «по сбору пожертвований с лиц, пожелавших заменить обычные визиты на предстоящих праздниках Рождества Христова и Нового года, денежным пожертвованием в пользу бедных города Александрополя».³⁷

Всего в подписном листе 19 человек, которые в общей сложности внесли 15 рублей. При этом 3 рубля внес полковник Васильев и по 1 рублю — подполковник Пирумов и священник Снегульский. Похоже, что

³⁶ Устав собрания офицерской стрелковой школы. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1893. 36 с.

³⁷ НАА. Ф. 33, оп. 1, д. 6, л. 296.

Даниэл-бек кому-то поручил внести за себя эти деньги, так как он с октября (или с ноября) 1913 года по 16 марта 1914 года находился в Эривани.

Два дня спустя, 18 марта 1914 года, Даниэл-бек сдал 4-й батальон и на следующий день — 19 марта — принял под свое командование 1-й батальон.

Вскоре, 23 марта 1914 года, его назначают «наблюдающим за учебной и пулеметной командами».

Приблизительно полтора месяца спустя после этой даты, 3 мая 1914 года, Даниэл-беку «Высочайше пожалована светло-бронзовая медаль в память 300-летия царствования Дома Романовых». Медаль эта учреждена 12 марта 1913 года, и это была последняя круглая дата царствования Дома Романовых.

Эту награду носили на груди, на ленте с белой, желтой и черной полосами равной величины. На лицевой стороне медали: погрудные, профильные, одно за другим влево обращенные изображения царя Михаила Федоровича и императора Николая II. На обратной стороне: надпись — «В память 300-летия царствования Дома Романовых 1613 — 1913».

Медалью награждались лица, состоявшие на 12 февраля 1913 года в придворных должностях и на государственной службе; члены Государственного совета и Государственной думы; духовенство; служащие на выборных должностях дворянского, земского и городского самоуправлений; вольнонаемные и нештатные служащие в правительственных учреждениях; отставные чины военного, морского и гражданского ведомств; служащие учебных заведений; артисты императорских театров; сестры милосердия общества Красного креста; представители волостного и сельского управлений; и лица, имевшие знак отличия Военного ордена.

А еще награждались юнкеры и пажи специальных классов, нижние чины армии и флота, отдельные корпуса пограничной стражи, отдельные корпуса жандармов, полиции, конвойных команд и тюремной стражи, состоящих на действительной службе на 21 февраля 1913 года, а также представители сельского населения, привлеченные к участию в юбилейных торжествах. И все лица, принимавшие активное участие в разработке вопросов, связанных с празднованием трехсотлетия Дома Романовых.

Чуть позже, 28 мая, «Высочайшим приказом, данным в дивизии», Даниэл-бек награжден орденом Св. Анны 2-й степени за отличное окончание Офицерской стрелковой школы. Это его последняя награда, полученная в мирное время.

Продолжается 1914 год. 21 июля Даниэл-бека «для несения службы» прикомандировывают к 156-му пехотному Елисаветпольскому полку приказом по 39-й пехотной дивизии № 112. К тому самому полку, до которого он тридцать лет назад так и не добрался. Но на этот раз он туда все-таки

прибывает 28 июля 1914 года и назначается командиром 2-го батальона. Через четыре дня начинается Мировая война и Россия на своем Западном фронте готовится к первым боям, но на Кавказе пока все спокойно. Жизнь в Елисаветпольском полку продолжается своим чередом, и последняя предвоенная реперная точка в биографии Даниэл-бека — 13 сентября 1914 года, когда он становится председателем полковой военно-санитарной комиссии.

Но уже совсем-совсем скоро война придет и на Кавказ.

Глава 6

СЛУЖБА В 153-м ПЕХОТНОМ БАКИНСКОМ ПОЛКУ НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ В 1914 – 1917 ГОДАХ

Между началом XX века и 1914 годом мир в своих различных частях уже пережил несколько серьезных конфликтов, среди которых были и Русско-японская война в 1904 – 1905 годах, и две балканские войны 1912 – 1913 годов. Но главные противоречия обозначились между Германией, накапливающей военно-экономическую мощь, и Великобританией, не желавшей ей уступить. В результате к 1914 году сложились два противостоящих друг другу альянса: Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии, и Антанта куда вошли Великобритания, Франция и Россия.¹ Германия, опоздавшая с созданием своей империи и, следовательно, к разделу колониального пирога, не только почти сравнялась с Великобританией и Францией в развитии своей промышленности, но в военной области, пожалуй, даже превзошла эти две развитые страны, не говоря уже о России — наиболее слабом звене Антанты. Однако, испытывая острый недостаток природных материальных ресурсов, Германия была особенно заинтересована в ближневосточной и кавказской нефти, доступ к которой лежал через территории Османской империи. Вывод для германского генерального штаба напрашивался сам собой: надо было вовлечь в орбиту своей экономической и внешней политики амбициозное младотурецкое руководство, нуждавшееся для претворения в жизнь своих экспансионистских, панисламистских планов в модернизации не только промышленного потенциала страны, но и потрепанной в 1-й Балканской войне турецкой армии. И Германия вложила огромные средства в турецкую экономику и в обучение турецких офицеров высшего и среднего звена.

Конечно, эти действия Германии не могли остаться незамеченными для стран Антанты и в первую очередь — для России, непосредственно граничившей с владениями Османской империи, с которой она в прошлом неоднократно сталкивалась в кровопролитных войнах. Обеспокоенность России особенно усилилась после того, как Германия в начале 1913 года уведомила, что собирается сменить главу своей военной миссии в Турции, и сделала новым главой генерала Лимана фон Сандерса, командующего первым турецким корпусом, дислоцированным в Стамбуле. Контроль над проливами оказался по существу в руках Германии.

¹ Италия в конце концов в мае 1915 года оказалась в лагере Антанты.

Многие политические деятели России, включая Николая II, понимали всю опасность стремления Германии подчинить Турцию своему влиянию. Председатель Совета министров России в 1911 – 1914 годах Владимир Николаевич Коковцов, побывавший в Берлине в конце 1913 года, написал в своих мемуарах:

«Еще за восемь месяцев до начала войны, в бытность мою в Берлине, было очевидно, что мирным дням истекает скоро последний срок, что катастрофа приближается верным, неотвратимым шагом и что ряд окончательных подготовительных мер, начатых еще в 1911 году, то есть за три года, уже замыкает свой страшный цикл, и никакое миролюбие русского императора или искусство окружающих его деятелей не в состоянии более разомкнуть скованной цепи, если не свершится чуда...»

Чуда не случилось... Предсказание Бисмарка о том, «что если суждена еще когда-либо война в Европе, она начнется из-за какого-нибудь ужасно несуразного случая на Балканах», вполне оправдалось. Выстрел в Сараево вызвал к жизни лавину мобилизаций и объявлений войны. И Германия, поддержавшая Австро-Венгрию и не скрывавшая все последние годы своих воинственных намерений и приготовлений, быстро захватила инициативу в свои руки сразу на двух европейских фронтах. На Западном фронте — против Великобритании и Франции и на Восточном — против России.

В отличие от Германии, Турция также желала воевать, но скрывала свои планы до поры до времени. В лучших традициях своей дипломатии она до последнего момента делала вид, что не решила, к какой коалиции государств ей примкнуть, хотя выбор в пользу стран Тройственного союза ею был сделан давно. А 2 августа 1914 года этот выбор был официально оформлен секретным договором между Германией и Турцией.

Как тут не вспомнить одну очень точную по своей сути фразу из оставшихся у меня рукописных набросков с воспоминаниями тети Сони: «Когда в 1914 году началась война России с Германией, стало ясно, что предстоит война с ее союзницей — Турцией».

И эта война началась не по инициативе России, а по инициативе Турции, обстрелявшей 16 октября 1914 российские черноморские порты — Севастополь, Феодосию и Новороссийск.

Вот что по этому поводу написал в своем дневнике 16 октября император Николай II:

«Сегодня началась война с Турцией. Рано утром турецкая эскадра подошла в тумане к Севастополю и открыла огонь по батареям, а полчаса спустя ушла. В то же время «Бреслау» бомбардировал Феодосию, а «Гелбен» появился перед Новороссийском...»

На следующий день в дневнике появилась тоже весьма примечательная фраза: «...Находился в бешеном настроении на немцев и турок из-за подлого их поведения вчера на Черном море...»

И «Бреслау», и «Гёбен» были германскими крейсерами, переданными Германией Турции (в Турции они получили соответственно названия «Явуз султан Селим» и «Мидилли»).

На это вероломное нападение Россия, больше других не желавшая ни европейского глобального конфликта, ни какого другого, была вынуждена 19 октября 1914 года объявить войну Турции. В манифесте Николая II было сказано: «С полным спокойствием и упованием на помощь Божию примет Россия это новое против нее выступление старого утесителя христианской веры и всех славянских народов. Не впервые доблестному русскому оружию одолевая турецкие полчища, покарает оно и на сей раз дерзкого врага нашей Родины».

Однако столкновение российско-турецких интересов предстояло главным образом не на море, а на Кавказе, где со стороны России была предусмотрена оригинальная структура войск, кстати, очень затруднившая мои исследования их действий в отдельные периоды.

О создании этой структуры доктор исторических наук, полковник А.О. Арутюнян писал:

«Учитывая особенности театра военных действий, командование Кавказского военного округа еще задолго до начала войны продумало своеобразную группировку войск, резко отличающуюся от группировок Западного фронта (Западного фронта России. — Ю.П.). Войска были распределены на 5 групп, а каждая группа состояла из отдельных отрядов. Во главе групп или отрядов стояли соответствующие начальники. Так, например, если в составе отряда, кроме отдельных частей, была также дивизия, командир дивизии одновременно являлся начальником отряда.

Главная группировка (первая) — Сарыкамышская, состояла из трех отрядов (Сарыкамышского, Ольгинского и Кагызманского). На нее по существу была возложена главная задача по предотвращению проникновения турок в Закавказье. В группировку входил 1-й Кавказский армейский корпус, в составе которого находилось главное ядро — 39-я пехотная дивизия, состоящая из 153-го, 154-го, 155-го и 156-го пехотных полков...»²

Своеобразной, если не сказать — слишком усложненной, была не только структура главной передовой группировки, но и вся военная иерархия Кавказской армии, да, пожалуй, и всего Кавказского фронта.

Полевое управление самой Кавказской армии было образовано в августе 1914 года при штабе Кавказского военного округа. Причем главнокомандующим 30 августа 1914 года был назначен престарелый генерал-адъютант от кавалерии, граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков. Находясь постоянно в Тифлисе, он практически не принимал участия в планировании операций, передоверив руководство войсками своему помощ-

² Арутюнян А.О. Кавказский фронт 1914 – 1918 годов. Ереван: Айастан, 1971. С. 133.

нику — генералу от инфантерии Александру Захаровичу Мышлаевскому, знатоку теории военного искусства, но не имевшему практического боевого опыта.

Такая иерархия не могла не сказаться и вскоре сказалась на военных действиях Кавказской армии. Ситуацию усугубило и то обстоятельство, что официальным командиром 1-го Кавказского армейского корпуса до 17 августа 1914 года был генерал-лейтенант Николай Алексеевич Ключев, который в начавшейся войне корпусом не командовал. И только 11 декабря 1914 года, в самый разгар турецкого наступления, корпус получил постоянного командира — генерала от инфантерии Георгия Эдуардовича Берхмана. А кто командовал корпусом между 17 августа и 11 декабря 1914 года — для меня лично осталось неизвестным, возможно, корпус в этот период подчинялся непосредственно главнокомандующему Кавказской армией, то есть, по сути, Мышлаевскому.

Что касается 39-й пехотной дивизии, то еще с 17 февраля 1913 года командовать ею стал генерал-лейтенант Владимир Владимирович Де-Витт. И он, и Берхман знали о войне не только по учебникам: один был участником Русско-турецкой войны 1877 — 1878 годов, а другой участвовал в Русско-японской войне 1904 — 1905 годов и был награжден за боевые отличия золотым оружием. Их опыт мог стать основой для взаимопонимания в ходе боевых действий.

Но война с Турцией на Кавказе началась несколько раньше, чем 1-й Кавказский армейский корпус приобрел постоянного командира, и потому действия передовых авангардов русской армии в самом начале войны отличались неоправданно быстрым продвижением вперед.

Уже на следующий день после объявления войны, а именно 20 октября 1914 года, русские войска перешли государственную границу и вступили на территорию Турции. Сама же Турция объявила «священную войну — джихад» России, Франции и Англии только 30 октября, спустя две недели после бомбардировки российских черноморских портов. Опрокинув немногочисленные турецкие заслоны, передовые части устремились вглубь враждующей страны. Основная группировка — Сарыкамышский отряд, не обеспечив взаимодействия с двумя другими отрядами (Ольгинским и Кагызманским), — вклинилась в оборону противника.

Развивая наступление, отряд двинулся в Пассинскую долину, но 25 октября на Кепри-Кейской позиции оказался лицом к лицу с шестью турецкими дивизиями 9-го и 11-го корпусов.

На силе этих и некоторых других частей основывали свои планы турки, и исходили они не от кого-нибудь, а от самого военного министра Энвера-паши — очень храброго и получившего военное образование в Германии. Возомнив себя вторым Наполеоном, Энвер посчитал, что

настал момент для стратегического разгрома русской Кавказской армии. Несмотря на уговоры своих союзников-немцев, ссылавшихся на трудные погодные условия и неподготовленность 3-й турецкой армии, предназначенной противостоять русским на Кавказе, военный министр решил наступать силами трех корпусов. Один из них должен был атаковать русских в лоб, а два других — обходить русских с флангов, по классическим образцам военной науки. В дополнение к главным силам были приданы еще несколько частей. По данным Н.Г. Корсуна,³ 3-я турецкая армия состояла из 9-го, 10-го и 11-го армейских корпусов, 2-й кавалерийской дивизии, четырех с половиной курдских конных дивизий и двух с половиной дивизий, прибывших на усиление этой армии из Месопотамии. Конкретную оценку ее численности дает А.А. Керсновский, написав, что «для войны с Россией Оттоманская империя располагала на Кавказе 12 пехотными и 6 конными (регулярными либо курдскими) дивизиями... Турецкие дивизии были 3-хполкового состава, насчитывая 9 батальонов и 6 батарей — 8000 бойцов и 24 орудия. В корпусе считалось 3 дивизии пехоты, 1 конный полк, дивизион гаубиц и батальон саперов — 25 000 бойцов при 84 орудиях».⁴

К сожалению, такой же четкой оценки численности русских войск, противостоящих после объявления войны 3-й турецкой армии, я ни у Н.Н. Корсуна, ни у А.А. Керсновского не нашел. Первый автор силы обеих сторон пересчитывал в батальоны, а второй ограничился упоминанием о частях, дислоцированных в Закавказье, среди которых на первое место поставил 1-й Кавказский корпус, составленный из двух дивизий: 20-й и 39-й.

В 39-ю пехотную дивизию входили четыре пехотных полка: 153-й Бакинский, 154-й Дербентский, 155-й Кубинский и 156-й Елисаветпольский. Вот в этом последнем, как я уже упоминал, 28 июля 1914 года Даниэл-бек возглавил 2-й батальон. Причины, по которым накануне большой европейской войны (русское правительство, конечно же, понимало, что все идет к этому), деда прикомандировали к другому полку, пусть и той же самой дивизии, могли быть различными, но логичной мне представляется только одна: 2-й батальон 156-го Елисаветпольского полка остался без опытного командира.

Надо сказать, что все четыре полка 39-й пехотной дивизии с полным правом можно было бы назвать родными братьями, так как сформированы они были в один и тот же день — 6 ноября 1863 года — как трехбатальонные полки из 6-х резервных полков (цифра «6» прямо как некий символ для этих подразделений). В частности, 153-й пехотный Бакинский полк был сформирован из 6-го резервного батальона Крымского пехот-

³ Корсун Н.Г. Кавказский фронт Первой мировой войны. М.: АСТ, 2004. С. 14.

⁴ Керсновский А.А. История русской армии. М.: Голос, 1994. Т. 4. С. 127.

ного полка и резервного Кавказского № 1 батальона, а 156-й пехотный Елисаветпольский полк — из 6-го резервного батальона Кубанского полка с добавлением рекрутами.

И дальнейшая трансформация Бакинского и Елисаветпольского полков из трехбатальонных в четырехбатальонные произошла в один и тот же день — 1 августа 1874 года. Только к трем батальонам 153-го пехотного Бакинского полка добавили Кутаисский губернский батальон, принявший в полку наименование 1-го батальона, а к трем батальонам 156-го пехотного Елисаветпольского полка добавили Ахалцыхский Крепостной батальон.

Наконец, оба полка отличились в войне 1877 — 1878 годов в составе 39-й пехотной дивизии. Оба в начале мая 1877 года воевали под Ардаганом, при этом 153-й пехотный Бакинский полк 4 мая 1877 года штурмовал и взял расположенные у Ардагана Голавердинские высоты и на следующий день взял укрепление Ахали, а 156-й пехотный Елисаветпольский полк в эти же два дня взял сам город Ардаган.

Славные дела сроднили оба полка в этой войне и позднее, когда 3 октября 1877 года 156-й пехотный Елисаветпольский полк сражался на Аладжинских высотах возле города Карса, а 153-й пехотный Бакинский полк в ночь на 28 октября взял форт Азизие мощнейшей турецкой крепости Эрзерум.

Думаю, что в результате участия в боевых действиях в составе одной дивизии некоторые офицеры и солдаты обоих полков сблизились между собой, и даже приток свежих выпускников пехотных училищ и новобранцев не нарушал установившиеся дружеские связи в последующие годы. Возможно, потому что Даниэл-бек был знаком некоторой части личного состава 156-го пехотного Елисаветпольского полка, выполнение им обязанностей батальонного командира в параллельном подразделении дивизии стало для него органичным продолжением службы в 153-м пехотном Бакинском полку, и притирка командира с подчиненными произошла без излишних натяжек. Обстоятельство, очень важное в условиях, когда от взаимопонимания и слаженности действий между военнослужащими даже такого подразделения, как батальон, зависит конечный результат большого сражения, разгоравшегося 25 октября 1914 года за обладание Кепри-кейской позицией при явном численном перевесе турок.

Об обстановке на участках, оборонявшихся подразделениями части, к которой в июле 1914 года прикомандировали Даниэл-бека, я узнал, в частности, из «Книжки оперативных донесений и распоряжений 156-го пехотного Елисаветпольского полка»⁵. Эта небольшая по размеру книжка в твердой коричневой обложке была издана в Санкт-Петербурге специально для военных донесений неким В. Березовским, комиссионером Военно-Учебных заведений. На обложке «Книжки...» даже указан адрес

⁵ РГВИА. Ф. 2770, оп. 2, д. 4.

типографии: Колокольная улица, д. 14. Вот какие интересные записи довелось мне увидеть на страницах этого издания:

«Подполковнику Пирумову
25 октября 1914 г. 4 часа 20 минут
№ 1 Из высоты Подыжевана
Собрать две роты Вашего батальона и двигаться к нам.
Начальник правого боевого участка полковник Цейханович».⁶

О быстром наступлении русским на время пришлось забыть, наоборот, инициатива постепенно переходила к противнику, и следующая запись в «Книжке...» не может не вызвать уважения как к личному составу полка и дивизии, так и к начальникам этих частей.

«Командиру 156-го пехотного Елисаветпольского полка
26 октября 1914 года 9 часов 5 минут вечера
Противник атаковал нас на всем фронте, но мы позицию удержали за собой;

Спешно двинут на помощь нашей дивизии Ольгинский отряд и прибьет завтра;

Приказано всем частям дивизии **во чтобы то ни стало держаться на занятых позициях и не уступать противнику ни пяди занятой земли** (выделено мною. — Ю.Л.).

Начальник 39-ой пехотной дивизии генерал-лейтенант Де-Витт
Начальник штаба капитан Килинкаров».⁷

Однако превосходство турок в живой силе вскоре сказалось на ходе боевых действий, и после четырехдневных сражений с 26 по 29 октября на Кепри-кейской позиции русские были отброшены и уже 30 октября отступили в долину Аракса.

Тем не менее, в начале ноября 1914 года Сарыкамышский отряд уверенно занял линию Аликилиса-Ардос-Хорасан⁸ и командование даже предполагало перейти к более решительным действиям.

Но перевес турок сказывался, и максимум, на что русские в данной ситуации могли рассчитывать — на активную оборону. В связи с этим 156-му пехотному Елисаветпольскому полку приходится перекидывать свои подразделения с одного фланга на другой. Видимо, с 25 октября 1914 года Даниэл-бек так и оставался с двумя ротами своего батальона на правом участке оборонявшегося полком рубежа, а вот 2 ноября его опыт потребовался в другом месте.

⁶ Там же. С. 123.

⁷ Там же. С. 125.

⁸ Арутюнян А.О. Указ. соч. С. 136.

«Подполковнику Пирумову
2 ноября 1914 года 9 часов 15 минут утра
№ 728 Из позиции над Азап-кеем

Сегодня посланный генерала Дубисского (сообщил, что. — *Ю.П.*) предполагается атака д. Ала-Килиса, которая занята турками. Генерал Баратов просит поддержать эту атаку частью сил нашего боевого участка. Поэтому предписываю Вам с ротами Вашего участка, а также объединив под свое командование роты капитана Гольдштата, находящиеся правее Вас, способствовать этой атаке переходом в частичное наступление, если только на Вашем фронте не будет противника, в чем точно убедиться.

Начальник левого боевого участка полковник Фененко».⁹

Но уже на следующий день стало ясно, что выделенных Даниэл-беку сил для перехода даже и в «частичное наступление» недостаточно, в связи с чем ему направлено новое распоряжение.

«Подполковнику Пирумову
3 ноября 1914 года 12 часов 45 минут дня
№ 84 с позиции

Под Ваше командование поступает весь правый фланг с ротами, которые стоят правее Вас. К Вам еще подходит рота сборная для поддержки правого фланга, которую Вы поставите у себя на фланге уступом. Кроме того, просили на Ваш фланг направить три роты нашего полка, которыми командует капитан Калантаров.

Начальник левого боевого участка полковник Фененко».¹⁰

Принятые меры позволили на время не только сдержать турок, но даже заставить их отступить в некоторых местах. Однако 156-му пехотному Елисаветпольскому полку этот успех обошелся дорого. Вот какие сведения вынужден был сообщить «наверх» полковник Фененко, заменивший полковника Цейхановича в должности командира полка.

«Начальнику 39-ой пехотной дивизии
3 ноября 4 часа 45 минут вечера
№ 86 Из Кепри-кейской позиции

Доношу, что противник по всему фронту отбит. Полк понес тяжелые потери в офицерах. Один убит и трое раненых, что вместе с предыдущими составляет 6 убитых, 9 раненых, контуженных 4 и больных 8. Итого 27 офицеров выбыло из строя. Осталось всего 18 г.г. офицеров в строю, исключая батальонных командиров, командира полка и адъютанта. Так как

⁹ РГВИА. Ф. 2770, оп. 2, д. 4, л. 145.

¹⁰ Там же. Л. 157.

полк находится ежедневно в бою и разбросан по частям, то относительно потерь нижних чинов сейчас (поставить. — Ю.П.) в известность не представляется возможным, но во всяком разе сегодняшний урон большой. Необходимо полк хотя бы на непродолжительное время собрать вместе и отвести в резерв, дабы также можно было подвести убыль нижних чинов, а также назначить из оставшихся г.г. офицеров командиров рот и таким образом вновь сколотить роты.

Командир полка полковник Фененко».¹¹

Уже через 15 минут после этого сообщения полковник Фененко посылает Даниэл-беку указание, «если противник отброшен», перейти к ночному охранению, а также обеспечить людей хлебом и патронами.

О том, что происходило 3 ноября 1914 года на участках 156-го пехотного Елисаветпольского полка, можно судить по красноречивому описанию, содержащемуся в рукописном «Журнале военных действий» этой части.

«Сегодня был у нас бой, страшный, сильный за Азапкейскую позицию. Турки во что бы то ни стало хотели ее взять и направили на один только правый наш фланг три полка. Там стояли часть нашего полка, часть Бакинцев и часть Дербенцев. Атака велась и на наш фронт, где исключительно стояли наши (то есть части 156-го пехотного Елисаветпольского полка. — Ю.П.), и слабая атака произведена на Царс в направлении на левый фланг, где стоял наш 4-й батальон. С 9 часов утра началась небольшая ружейная перестрелка, затем показались неприятельские колонны, и тут начался настоящий ад. Снаряды турок прямо таки засыпали всю нашу позицию. Не было ни одного места, где не падало снарядов и пуль. Турок раза в три было больше нас, но нам приказано держаться на своих позициях и не отходить. Часов в 12 дня наш правый фланг немного дрогнул, ибо офицер был ранен, и рота осталась без офицера, и стала было отходить, но вовремя ее поддержали из резерва, и она заняла вновь свою позицию. В этом бою был убит капитан Слипко пулею в рот и ранены капитан Стерляев, подпоручик Медведев и подполковник Петандер, которому пуля пробила полушубок и слегка ударила левый сосок. Турки целый день тяготили на наш правый фланг и засыпали снарядами весь наш фронт. Все атаки турок были отбиты, и к вечеру стрельба затихла. Позиция осталась за нами. Масса турок было убито и ранено на нашем правом фланге, у нас потери были также значительны. В этот день обедать не пришлось, и только к вечеру смогли пообедать. Сегодня же подвезли хлеб, но в незначительном количестве, так что пришлось на брата по одному фунту. Соли же до сего времени не было. Сначала была пасмурная

¹¹ Там же. Л. 161.

погода, и даже шел дождь, но вскоре прояснилось и стала чудная погода. Мы взяли 16 человек турок в плен. Винтовок ими была брошена масса».¹²

Кто был этот раненый офицер, к сожалению, в журнальной записи не сообщается. Но, сопоставляя факт ранения офицера 3 ноября 1914 года именно на правом фланге и то, что в этот день Даниэл-бек «в бою на позиции у селения Занзах (к северо-востоку от Кепри-Кея. — Ю.П.) контужен шрапнелью в грудь выше левого соска» (из послужных списков)¹³, но «остался в строю» (из наградного листа)¹⁴, могу предположить, что речь в данном случае идет о нем.

На следующий день, 4 ноября, обстановка почти не изменилась, если судить по записи в «Журнале военных действий» 156-го пехотного Елисаветпольского полка.

«С раннего утра нас разбудил пулеметный огонь противника. Через ¼ часа наша позиция была осеяна шрапнельным огнем, и так продолжалось до вечера. Часов в 12 приехал к нам на позицию начальник штаба Кавказской армии генерал Юденич, который побыл в окопах под дождем пуль и через полчаса уехал обратно. Нас же все более и более турки жарили шрапнельным огнем».¹⁵

Оставшись 3 ноября в строю, несмотря на контузию, Даниэл-бек, конечно, не предполагал, что на следующий день «жарящие шрапнельным огнем» турки снова попадут в него, едва не задев жизненно важные органы. Тем не менее, как явствует из послужных списков, именно так и произошло: 4 ноября 1914 года около того же селения Занзах Даниэл-бек был «ранен шрапнелью в мягкие части лба» (из послужных списков)¹⁶. Его ранение подтверждено перевязочным свидетельством № 502. В тот же день пострадавшего отправляют в Александрополь в 155-й эвакуационный пункт (из наградного листа).¹⁷

Может быть, потому что Даниэл-бек был отправлен 4 ноября 1914 года на излечение в тыл, а может быть, потому что он был только прикомандированным к 156-му пехотному Елисаветпольскому полку, но я не нашел его фамилию в списке из 28 офицеров этого полка, приведенном в «Журнале военных действий».¹⁸ И подумал: неужели такие факты, как контузия и ранение офицера в чине подполковника, не будут отражены в документах полка, служба в котором, пусть и в качестве прикомандированного, он контузию и ранение и получил. Нет, все же упоминание о Даниэл-беке

¹² РГВИА. Ф. 2770, оп. 2, д. 3

¹³ РГВИА. Ф. 409.

¹⁴ РГВИА. Ф. 2767, оп. 2, д. 277.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2770, оп. 2, д. 3

¹⁶ РГВИА. Ф. 409.

¹⁷ РГВИА. Ф. 2767, оп. 2, д. 277.

¹⁸ РГВИА. Ф. 2770, оп. 2, д. 3, л. 11.

я нашел в «Журнале...», но в записи от ...13 ноября 1914 года.¹⁹ Только почему-то мой дед в этой записи был назван «подполковником Даниил-беком Пирумовым II».

Я встречал, в частности, в одном из послужных списков деда рядом с его фамилией обозначенный римской цифрой порядковый номер, как бы удостоверяющий, что в 153-м пехотном Бакинском полку служили два представителя нашего рода, но это была цифра «I».

Фамилии троюродного брата Даниэл-бека, служившего в 153-м пехотном Бакинском полку, подполковника (с 1912 года) Александра Бегляревича Пирумова в послужных списках как раз сопутствовала римская цифра «II». Но 30 октября 1914 года при отходе полка с Кеприкейских позиций врачи обнаружили у Александра Бегляревича паралич правой руки и общий упадок сил. В результате он вышел в отставку в чине полковника, но в документах, относящихся к его увольнению в конце 1914 года, он почему-то стал именоваться «Пирумовым I». Видимо, поэтому Даниэл-беку досталась цифра «II».

В дни, последовавшие за эвакуацией Даниэл-бека с передовых позиций, Кеприкейское сражение продолжалось. Энвер рассчитывал не только на превосходящие силы своей армии, но и на боевые качества турецких солдат и подготовленность офицерского корпуса. Для краткой характеристики турецкой армии сошлюсь на подаренную мне В.Е. Шамбаровым его книгу «За веру, царя и отечество»: «...Все наблюдатели отмечали впоследствии отличные качества турецких солдат, исключительную выносливость, дисциплину, стойкость. И офицеры были подготовлены прекрасно. Многие из них учились в Германии, а более 100 офицеров и генералов, занимавших в армии высшие посты, не только являлись выпускниками Берлинской академии, но и по 20 – 30 лет служили в германской армии. Кайзер, кстати, так и называл их «немецкими офицерами».²⁰

И хотя сначала успех, казалось, клонился на сторону русских, которые, как пишет А.О. Арутюнян, передовыми частями «6 ноября заняли главные позиции у Кеприкея и начали тремя колоннами продвигаться к Гасан-кале, угрожая Эрзеруму. Но 8 ноября турки контратаковали за обладание Кеприкейской позицией, особенно к северу от Кеприкея, введя после полудня свежую дивизию».²¹ Остаток ноября прошел под знаком встречных сражений, причем инициатива теперь в основном принадлежала туркам. В.Е. Шамбаров сообщает: «24 ноября 1914 возобновились турецкие атаки и на центральном участке, у Кеприкея».²²

¹⁹ Там же. Л. 19.

²⁰ Шамбаров В.Е. За веру, царя и отечество. М.: Эксмо, 2003. С. 116.

²¹ Арутюнян А.О. Указ. соч. С. 136.

²² Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 303.

В результате Кеприкейская операция закончилась оттеснением русских к государственной границе. Чтобы спасти положение основной группировки — Сарыкамышского отряда, против которого турки сосредоточили шесть перволинейных дивизий, был израсходован весь армейский резерв в виде 2-го Туркестанского армейского корпуса. «При такой малоблагоприятной для русских обстановке, — отмечает Н.Г. Корсун, — турки начали Сарыкамышскую операцию».²³

Упомянув Сарыкамышскую операцию, не могу не сказать несколько общих слов о Кавказском фронте Первой мировой войны, хотя авторы книг, написанных и изданных между двумя мировыми войнами, не называли Первую мировую войну «Первой», ведь они не знали, что будет еще и «Вторая».

На мой взгляд, Кавказский фронт 1914 — 1917 годов незаслуженно забыт. Когда пишут об участии России в Первой мировой войне, то основное внимание уделяют сражениям на Западном фронте (против Германии и Австро-Венгрии). Несколько особо громких эпизодов — гибель армии Самсонова, Брусиловский прорыв, затяжные бои под Двинском (Даугавпилсом) и захват Риги немцами — известны многим людям. А вот о войне на Кавказском фронте отечественные авторы, за немногими исключениями, упоминают редко. То ли боясь раздражить члена НАТО — Турцию, терпевшую на этом фронте одно крупное поражение за другим, то ли по какой-то другой причине. А жаль! В отличие от Западного фронта, где война велась по большей части неудачно, и в основном — на территории самой России, на Кавказском фронте война была победоносной. Некоторые неудачи, конечно, были, но они, в конечном итоге, не сказались на общем ходе военных действий. Бои шли почти все время на территории самой Турции и отчасти — на территории сопредельной ей Персии. И, главное, они выявили беспримерную отвагу русских солдат и, к чести армянского народа, отвагу сражавшихся в составе Кавказской армии армянских боевых дружин. В результате была завоевана почти вся территория Западной Армении, а начало победам русского оружия на Кавказском фронте положила именно Сарыкамышская операция.

Но вернусь к Даниэл-беку. Эвакуированный 4 ноября 1914 года в Александрополь, он все оставшиеся дни этого осеннего месяца находится в городе на излечении. А в первый же день следующего месяца, как написано в наградном листе Даниэл-бека, «при проезде Государя Императора через станцию Александрополь удостоился Высочайшей благодарности за службу и труды, понесенные на позициях» (приказ по полку от 9 января 1915 года за № 9). Сам же царь 1 декабря 1914 года написал в своем дневнике ничего не значащие нейтральные слова: «...В Александрополе была недолгая остановка...»

²³ Корсун Н.Г. Указ. соч. С. 21.

Между тем турецкое наступление продолжало развиваться. Неправильно оценив создавшуюся обстановку, А.З. Мышлаевский отдал приказ об отступлении, и в результате возникла угроза стратегическому пункту района — Сарыкамышу. Покинув армию, что само по себе заслуживает сурового порицания, если не сказать больше, помощник главнокомандующего Кавказской армией поспешил в Тифлис. Доложив своему начальнику об угрозе турецкого вторжения на Кавказ, он спровоцировал дезорганизацию тыла армии, и без того испытывавшей трудности со снабжением. Правда, такие же трудности испытывали и турки, и потому турецкое наступление в первых числах декабря несколько замедлилось, но через не продолжительное время вновь обрело максимальную силу.

Для непосредственного руководства операцией на фронт прибыл сам Энвер, отдавший приказ начать решительное наступление 10 декабря 1914 года. Эту дату принято считать началом Сарыкамышской операции.

Но 156-й пехотный Елисаветпольский полк, к стати сказать, уже не первый раз менявший в качестве командира полковника Фененко на полковника Цейхановича и наоборот, не собирався сдавать свои позиции даже планировал наступление на 10 декабря, еще не зная, что ему предстоит в этот и в последующие дни выдерживать серьезный натиск превосходящих турецких сил. Но, планируя наступление на своем участке, командование 156-го пехотного Елисаветпольского полка обратилось к командованию «дивизионного брата» — 153-го пехотного Бакинского полка с просьбой о поддержке.

«Командиру 153-го пехотного Бакинского полка
10 декабря 1914 года 5 часов 30 минут вечера
№ 191 из позиции над Геряком
Сей час атакую Геряк, прошу поддержать мой правый фланг.
Начальник левого участка полковник Цейханович».²⁴

Когда Даниэл-бек 12 декабря 1914 года вернулся в строй, как сказано в послужных списках, «по выздоровлении от ран», снова возглавив 2-й батальон 156-го пехотного Елисаветпольского полка, бои на участке вокруг селения Геряк продолжались. Полку в последующие дни предстояло решать очень важную задачу: сдерживать 11-й турецкий корпус, к счастью, пока не перешедший к слишком активным действиям, вместе с некоторыми подразделениями двух других полков 39-й пехотной дивизии — 153-го пехотного Бакинского и 154-го пехотного Дербентского.

Я зауживаю объем первоисточников о Первой мировой войне на Кавказском фронте специально, потому что моя цель — не в описании войны как таковой. Я лишь стремлюсь как можно подробнее рассказать об уча-

²⁴ РГВИА. Ф. 2770, оп. 2, д. 4, Л.309.

стии в ней отдельного человека — своего родного деда. Поэтому при описании военных действий не демонстрирую ни карты, ни схемы, а стараюсь в общем виде описать расположение и действия противоборствующих сторон.

Но сколько я ни пытался отыскать в книгах трех авторов (А.О. Арутюняна, Н.Г. Корсуна и В.Е. Шамбарова) — главных источников моих знаний о войне на Кавказском фронте — ничего о конкретных действиях в Сарыкамышской операции 156-го пехотного Елисаветпольского полка я не нашел. Только однажды Н.Г. Корсун упоминает, что для парирования нового удара 11-го турецкого корпуса на Сарыкамыш 20 декабря в числе других частей был снят батальон этого полка, но какой именно — неясно.

К этой дате 9-й и 10-й турецкие корпуса были уже в значительной степени перемолоты защитниками Сарыкамыша, перешедшими 17 декабря в контрнаступление. И вот тут-то 11-й корпус, возглавляемый лично Энвером, 20 декабря бросился в атаку в отчаянной надежде восстановить положение. Но затея турецкого военного министра сорвалась. Практически весь личный состав руководимого им корпуса полег, а общий перелом в пользу русских сделался неотвратим.

В ближайшие дни русские войска продолжали довершать разгром противника. Даниэл-бека, наверное, особенно радовали славные дела его родного 153-го пехотного Бакинского полка, захватившего с 20 по 23 декабря, по утверждению А.А. Керсновского, десять турецких орудий. Да и вся 39-я пехотная дивизия отличилась в боях Сарыкамышской операции, заслужив в Кавказской армии название «железной».

Погибла также бóльшая часть 10-го турецкого корпуса. Его остатки сумели бежать, но 23 декабря были окончательно добиты под Ардаганом, а 29 декабря судьбу 11-го турецкого корпуса разделил 9-й.

В результате «Сарыкамышская операция, навязанная инициативой турок, в ходе которой после 15 декабря казалось, что Сарыкамыш падет, закончилась полной победой русских. Итог — полное поражение двух турецких корпусов, и в результате одна из трех турецких армий всего за два месяца перестала существовать».²⁵

Инициатор наступления, Энвер, едва избежал плена и с группой офицеров отбыл в Эрзерум. Тем не менее, победа русских войск была одержана не благодаря, а, скорее, вопреки планам «высшего» начальства в лице А.З. Мышлаевского, уехавшего в далекий тыл и оставившего своим «заместителем» командира 1-го Кавказского армейского корпуса Г.Э. Берхмана. Если учесть, что сам А.З. Мышлаевский официально именовался «помощником» главнокомандующего Кавказской армией, графа И.И. Воронцова-Дашкова, осуществлявшего функции главнокомандующего лишь номинально, то получается, что в лице Г.Э. Берхмана Кав-

²⁵ Арутюнян А.О. Указ. соч. С. 142.

казская армия получила «заместителя помощника главнокомандующего». Иначе говоря, Берхман стал заместителем заместителя. И до начала-то боевых действий иерархия Кавказской армии была не проста, теперь же усложнилась еще больше.

Реноме А.З. Мышлаевского как военного руководителя оказалось дискредитированным. И, по-видимому, в Петербурге правильно оценили способности «помощника главнокомандующего» и создавшуюся ситуацию. В январе 1915 года Мышлаевский был отстранен от командования, а в марте того же года вообще уволен в отставку. Правда, потом снова был принят на государственную службу, но уже на другие роли.

Фактически же пустующее место военного руководителя в Сарыкамышской операции занял Начальник штаба Кавказской армии Николай Николаевич Юденич, назначенный на эту должность 2 октября 1914 года, то есть еще до начала войны с Турцией.

Вот его телеграмма № 459, отправленная циркулярно из Саганлуга 31 декабря 1914 года в два часа пополудни: «Всем войскам, штабам. Приказ по войскам Сарыкамышского отряда № 4. Чудо богатырей Сарыкамышского отряда, вышедших победителями из борьбы с врагом и природой, поздравляю с наступающим Новым годом и желаю всем славы, счастья и здоровья. Уверен, что в новом, 1915 году войска совершат новые геройские подвиги и заслужат удивление и восхищение всего мира».²⁶

Так оно и случилось впоследствии. И если уж не «всего мира», то удивление и восхищение всей России воины Кавказской армии в Сарыкамышской операции заслужили наверняка. Но, к сожалению, об этом героическом эпизоде войны на Кавказском фронте нынешним россиянам мало что известно.

В первых числах января части 39-й пехотной дивизии продолжали преследование деморализованного поражением противника, сдававшего иногда выгодные позиции без серьезного сопротивления, хотя некоторые силы для этого турки сохранили. Для иллюстрации вышесказанного, мне кажется, характерно следующее донесение.

«Начальнику 39-ой пехотной дивизии

2 января 1915 года 3 часа 50 минут дня

Колонна среднего боевого участка достигла назначенной ей высоты 680 и заняла таковую без боя. Я вошел в связь на правом фланге с подполковником Пирумовым, на левом с отрядом генерала Дубисского. Видны очень большие колонны неприятеля, наступающие в направлении сел. Хорума по Эрзерумской дороге и от сел. Чермека в Ардосском направлении.

Командир 156-го пехотного Елисаветпольского полка полковник Цейханович».²⁷

²⁶ РГВИА. Ф. 2767, оп. 2, д. 31.

²⁷ РГВИА. Ф. 2770, оп. 2, д. 4, л. 421

Преследование разрозненных частей противника продолжалось до 5 января 1915 года, когда оно было остановлено. Победители стояли уже на вражеской территории, вклинившись в нее на расстояние почти 50 километров.

Энвер, прибыв в Эрзерум, сваливал вину за провал руководимой им лично операции на подчиненных. Обвинял их в трусости и некомпетентности. У Н.Г. Корсуна²⁸ сказано, что Лиман фон Сандерс в своих мемуарах признавал: от турецкой общественности скрывали подробности катастрофы под Сарыкамышем. И что тот, кто нарушал запрет говорить о ней, подвергался строгому наказанию. Из того же источника я узнал, что Лиман фон Сандерс считал, что потери 3-й турецкой армии составили 78 тысяч человек (из 90 тысяч спаслись только около 12 тысяч, остальные были либо убиты, либо взяты в плен, либо погибли от морозов, доходивших до 30 градусов). У русских потери были хоть и значительные, но намного меньше, чем у турок. У Н.Г. Корсуна я не нашел на этот счет данных, зато В.Е. Шамбаров называет такую цифру — 20 тысяч погибших, из которых более 6 тысяч погибли от обморожения.²⁹

О стратегическом значении победы в Сарыкамышской операции в книге Н.Г. Корсуна сказано: «По заключению Юденича, закончившаяся операция дала следующие результаты: турецкая армия (3-я Кавказская. — Ю.П.) почти не существовала; русские войска заняли выгодное исходное положение для новых операций; территория Закавказья, кроме небольшого участка Батумской области, была очищена от турецких войск.

После поражения турок в районах Ольгы, Бардуса и Сарыкамыша они отошли на свои прежние исходные позиции, выставив сторожевое охранение на фронте Горнес — Мекар — Маслагат — Али-килиса — Царс — Дели-баба».³⁰

Поскольку Николаю Николаевичу Юденичу предстояло сыграть одну из основных ролей в Кавказской армии, скажу, что вопреки сложившемуся в советские времена стереотипу: «белый генерал, возглавивший авантюрное наступление на Красный Петроград в 1919 году и проигравший борьбу за колыбель революции», он был прекрасно образованным и одаренным офицером. Отличился еще в Русско-японскую войну 1904 — 1905 годов в сражении под Мукденом и за боевые отличия был награжден золотым оружием.

Его способности были по достоинству оценены. И уже 24 января 1915 года Николай Николаевич был назначен Командующим Кавказской армией. Когда я написал, что иерархия этой армии для меня как для исследователя оказалась сложной, я имел в виду не в последнюю очередь

²⁸ Корсун Н.Г. Указ. соч. С. 146.

²⁹ Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 312.

³⁰ Корсун Н.Г. Указ. соч. С. 155.

и одновременное существование с начала 1915 года двух постов: Главного-командующего и Командующего.

К этому следует прибавить, что писать о столь грандиозном явлении, каким была Первая мировая война, даже если речь идет только об отдельном фронте, — трудно. Потому что каждое событие, в котором участвовал Даниэл-бек, многократно описано множеством исследователей, придерживавшихся не только разных, но, порой, и противоположных точек зрения. И хотя, как я уже говорил, в мою задачу не входит описание войны как таковой и, следовательно, оценка поступков тех или иных военно-политических деятелей и действий целых войсковых частей, я все же вынужден давать в своей книге так называемый «исторический фон» происшедших событий. А если еще учесть обилие архивных документов, приказов, донесений, телеграмм и тому подобного, с чем нужно не просто ознакомиться, но и прокомментировать, возникшие передо мной проблемы не назовешь простыми. Но, с другой стороны, именно период Первой мировой войны на Кавказском фронте и последовавшие за этой войной события и превратили обычного подполковника, каким Даниэл-бек начинал войну, в известного российского командира, а затем выдвинули в военачальники национального масштаба в Армении. И вообще: не сражался бы Даниэл-бек в 1914 — 1917 годах на Кавказском фронте России, вряд ли так высоко взошла бы его «сардарпатская звезда».

Рассказ о дальнейших военных событиях, что выпали на долю Даниэл-бека, я поведу при помощи выдержек из книг уже упомянутых мною трех авторов. А еще воспользуюсь сведениями из дедушкиных послужных списков и наградных листов, которые отыскал в нескольких фондах РГВИА. Будут процитированы и фрагменты из приказов по 39-й пехотной дивизии и 153-му пехотному Бакинскому полку. Я позволил себе только вставлять по два-три дополнительных слова, расставлять знаки препинания и изменять падежи для удобства чтения.

Ни в декабре 1914 года, ни в первые полтора месяца нового, 1915 года, никаких записей о действиях Даниэл-бека на фронте в послужных списках нет. Ибо в январе-феврале 1915 года Кавказская армия не предпринимала активных действий, предпочтя им внутреннюю реорганизацию. В том числе и в высших руководящих эшелонах. Помимо отстранения в январе от командования Мышлаевского и назначения Юденича на введенную новую должность «командующего», 4 февраля вместо Берхмана на должность командующего 1-м Кавказским армейским корпусом был назначен генерал от кавалерии Петр Петрович Калитин. Может быть, именно в рамках внутренней реорганизации Даниэл-бек и был откомандирован 15 февраля 1915 года из 156-го пехотного Елисаветпольского полка в свой родной 153-й пехотный Бакинский полк, которым с 20 января 1915 года стал командовать полковник Георгий Павлович Арджеванидзе.

В день направления в полк, по пути к передовой позиции, у селения Салькари Даниэл-бека ждала неприятность: он «был ушиблен лошадыми в область левого бока и правого бедра, с кровоподтеком» (из переязочного свидетельства № 11). Некоторой компенсацией за эту травму можно считать приказ Главнокомандующего Кавказской армией (самого И. И. Воронцова-Дашкова) от 16 февраля 1915 года за № 74 о награждении Даниэл-бека мечами к имеющемуся ордену Св. Анны 2-й степени за отличия в боях с турками.

Вследствие ли плохого самочувствия после столкновения с лошадыми или по другим причинам, но только в свой 153-й пехотный Бакинский полк Даниэл-бек прибыл лишь 8 марта, вступив в командование 2-м (и тут — вторым!) батальоном.

Судя по документам, 2-й батальон Даниэл-бека числился в составе Караурганского авангарда, состоящего, по Н.Г. Корсуну, из 5^{1/2} батальонов, 40 пулеметов, 9 сотен, 16 орудий и оказавшегося в укрепленном районе Кабах-тап — Хорум-даг — Зивин — Караурган.³¹

Через четыре дня после прибытия в свой родной полк, то есть 12 марта 1915 года, Даниэл-бек был назначен «наблюдающим за командами».

Нововведения коснулись не только иерархии в высшем и среднем офицерском звене и армейской структуры. Русское командование, по видимому, было вынуждено с сожалением констатировать, что тяжелые условия войны в горной местности в зимнее время деморализующе действовали на часть рядового состава. Точных данных о дезертирах и уклоняющихся от службы я не имею, но приказ командира 1-го Кавказского армейского корпуса генерал-лейтенанта Калитина № 97 от 27 марта 1915 года 153-му пехотному Бакинскому полку может дать косвенное представление о беспокойстве армейского руководства по этому поводу.

«Для всех военнослужащих отсутствие от команды на время войны в районе военных действий, продолжающееся более суток, признается побегом во время войны в районе военных действий. Виновные подвергаются:

в 1-й раз: лишению всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения на время от 4 до 5 лет, или исключению из службы с лишением чинов, или потере некоторых прав и преимуществ по службе и отдаче в дисциплинарные части от 2 до 3 лет;

во 2-й раз: лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на время от 5 до 20 лет;

в 3-й раз: лишению всех прав состояния и смертной казни.

Командирам полков и начальникам **отдельных частей** (выделено мною. — Ю.П.) по указанным выше обвинениям немедленно по задер-

³¹ Там же. С. 155.

жанию или добровольной явке обвиняемых производить **самые краткие дознания и безотлагательно** (выделено мною. — *Ю.П.*) направлять таких Военному Прокурору 1-го Кавказского армейского корпуса подполковнику Высоцкому вместе с копией приказа о предании суду с письменными сведениями...»

Какая тяжкая обязанность: принимать решение, от которого зависит, может быть, вся дальнейшая судьба конкретного человека. Как не сказать: все-таки ужасное дело — война. Надеюсь только, что дезертирство и уклонение от службы в «наблюдаемых» Даниэл-беком «командах» случались не часто.

Очередной «след» деда я обнаружил в приказе по 39-й пехотной дивизии. В Малом Караургане командир дивизии (здесь и далее в некоторых документах слово «командир» заменено словом «начальник»), генерал-лейтенант Де-Витт 2 апреля 1915 года в 11 часов 50 минут отдает приказ № 9: «Правый боевой отряд (входил в правый боевой участок для обороны позиции от горы Кара-таш до с. Хорум включительно. — *Ю.П.*) подполковника Пирумова: ½ батальона 153-го пехотного Бакинского полка, 2 горных орудия 9-й Сибирской горной дивизии, 1 сотня 3-го Кавказского казачьего полка. Задача: стать на горе Геля для обеспечения правого фланга дивизии, поддерживать связь с Бардусским отрядом».³²

В этом же месяце, 21 апреля 1915 года, Высочайшим приказом «за отличия в боях с турками» Даниэл-бек награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В следующем приказе Де-Витта по 39-й пехотной дивизии за № 67 от 22 апреля 1915 года, данным в селении Караурган, сообщается: «Задача дивизии остается прежняя. Произведенные за последние дни рекогносцировки выяснили необходимость в некотором изменении распределения частей дивизии с ее артиллерией для занятий Караурганских и Меджингертских передовых позиций безотлагательно. В связи с этим правый боковой отряд подполковника Пирумова: 2 роты 153-го пехотного Бакинского полка, 2 пулемета, 2 горных орудия и сотня казаков».³³ Правда, мне кажется, что это в каком-то смысле повтор приказа № 9 от 2 апреля, только ½ батальона заменены на две роты, да опущены названия дивизии и сотни.

Апрель 1915 года — памятный для всех армян месяц. Я долго размышлял, остановиться ли, хотя бы кратко, на геноциде армян, задуманном младотурками еще до их первого крупного поражения на Кавказском фронте, но осуществленном на практике спустя короткое время после этого поражения. И, в сотый раз перечитав соответствующее место в книге В.Е. Шамбарова, написавшего: «Многие вроде бы объективные и вполне грамотные исследования (о Первой мировой войне. — *Ю.П.*) оказы-

³² РГВИА. Ф. 2767, оп. 2, д. 13. л. 64, пункт д.

³³ Там же. Л. 69, пункт 1.

ваются плоскими и однобокими по одной-единственной причине — они обходят в качестве «второстепенного» «армянский вопрос». А ведь это, пожалуй, то же самое, что при описании событий Второй мировой войны обойти «еврейский вопрос» и «восточный вопрос»... Теряется представление о нравственном облике сражающихся сторон, о смысле и характере самой войны — и она действительно начинает выглядеть чуть ли не «рыцарским поединком», ведущимся в силу некоего рокового стечения обстоятельств»³⁴, — разделил мнение автора. И не только по нравственным причинам. Но еще и потому, что геноцид армян, начавшийся 24 апреля 1915 года (дата, принятая по времени введения в действие тайных приказов младотурецкого руководства об уничтожении армян как народа во всей Османской империи), взаимосвязан с действиями русской Кавказской армии.

Известно, что младотурки, начиная с августа 1914 года, с одной стороны, вели переговоры с представителями армянских политических кругов (в первую очередь, с дашнаками) об их участии в антирусском сопротивлении, вплоть до восстания в закавказском тылу. А с другой стороны, продолжали тайные совещания об уничтожении армян. Отказ армян от выступления против России послужил конкретным пропагандистским поводом для уничтожения целого народа, проживавшего в Османской империи и особенно — на подконтрольной младотуркам территории Западной Армении.

Начало антиармянских кровавых акций (против других христианских народов, в том числе греков и ассирийцев, также были предприняты карательные меры, но не в таких масштабах, как против армян) совпало по времени с уже упоминавшейся мною реорганизацией русской Кавказской армии. К середине 1915 года армия уже не делилась на отряды и группы, а в основном представляла собой части из обыкновенных армейских корпусов. Корпуса комплектовались из двух дивизий по две бригады в каждой. Бригады эти состояли из двух полков по четыре батальона в каждом. Родной для Даниэл-бека 153-й пехотный Бакинский полк входил вместе с 154-м пехотным Дербентским полком в 1-ю бригаду 39-й дивизии. Командиром этой бригады был генерал Николай Михайлович Воробьев. А 39-я дивизия, в свою очередь, была главным ядром 1-го Кавказского армейского корпуса. По причине своей частичной реорганизации русская Кавказская армия не могла до поры до времени предпринимать активных действий, чем развязала руки младотурецким руководителям. Они тут же воспользовались этим и расширили масштаб кровавой бойни, привлекая для уничтожения армян не только турецкие регулярные войсковые части, но и гражданское мусульманское население, и иррегулярные курдские формирования.

³⁴ Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 369.

Правда, со времени принятия Н.Н. Юденичем фактического командования Кавказской армией управлять ею стало легче, так как новый командующий еще в январе 1915 года переместился со своим полевым штабом из Тифлиса в Карс. И хотя Н.Н. Юденич был вынужден считаться с И.И. Воронцовым-Дашковым как с номинальным Главнокомандующим — получать от него общие директивы и предоставлять ему отчеты о боевых действиях, — новая должность все же давала ему достаточно возможностей, чтобы планировать будущие операции и брать на себя ответственность за их результаты. Последнее обстоятельство было очень важным. Недаром Наполеон сказал когда-то (не помню, по какому поводу, но привожу по памяти смысл его фразы): «Важен не тот, кто подал идею, а тот, кто взял на себя ответственность за ее осуществление».

Планировать и осуществлять операции предстояло полковому штабу Юденича, состоящему из отдела генерал-квартирмейстера (оперативное и разведывательное отделения, а также служба Генерального штаба), представителей от дежурного генерала и органов снабжения и связи.

Для успеха операций предстояло сделать многое. В том числе, проложить в системе связи новые телефонные линии, увеличить количество телефонных аппаратов (до этого на каждый пехотный полк полагалось 16 километров кабеля и 8 телефонных аппаратов, рассчитанных для равнинных, а не для горных местностей). Создать укрепленные районы на фронте и в тылу, а главное — улучшить состояние путей сообщения. В частности, велись работы по исправлению магистрального шоссе Карс — Сарыкамыш, которое продолжалось в Турции до знакомого нам по первому ранению Даниэл-бека селения Занзах.

Все эти приготовления позволяли надеяться на благоприятное развитие операций в Западной Армении до момента воссоздания 3-й турецкой армии (в том, что она рано или поздно снова появится, у русского кавказского командования сомнений не было), с целью занять выгодное исходное положение для последующего овладения важнейшей турецкой крепостью — Эрзерумом.

Но пока эта стратегическая цель откладывалась до лучших времен, так как противник направлял на Кавказский фронт новые резервы и проводил мероприятия по укреплению фронта и тыла. Оставшиеся в живых около 12 тысяч солдат разгромленной 3-й турецкой армии (плюс приблизительно такое же количество дезертиров) были пополнены 1-й и 2-й турецкими армиями, дислоцированными до этого в районе Проливов. В дополнение к этим комплектованиям прибыла 4-я Сирийская армия. Всего 3-я турецкая армия к марту 1915 года располагала приблизительно 65 — 70 тысячами солдат. Русская Кавказская армия была практически равна турецкой (тоже Кавказской) по численности, но несколько превосходила ее качественно и количественно конницей. Связано это было не только с тем, что турец-

кая конница состояла в основном из слабо обученных и слабо вооруженных курдских иррегулярных формирований, но и с тем, что большая часть этих формирований была занята конвоированием и истреблением мирного армянского населения в рамках геноцидной программы младотурок.

Итак, в апреле-мае 1915 года 1-й Кавказский армейский корпус под командованием П.П. Калитина находился в Пассинской долине, прикрывая главное Сарыкамышско-Карсское направление.

Активных боевых действий корпус в это время не вел, занимаясь перегруппировкой отдельных частей. Однако локальные стычки между противниками, конечно, имели место, и 153-му пехотному Бакинскому полку приходилось все время быть готовым отражать атаки противника то в районе села Кечисор, то в районе гор Гек-Даг и Кавах-Тапа.

Действия Даниэл-бека как командира, очевидно, были по достоинству оценены, если 13 мая 1915 года, опять же Высочайшим приказом и со стандартной формулировкой «за отличия в боях с турками», Даниэл-бек награжден мечами к имеющемуся ордену Св. Станислава 2-й степени.

Для 1-го Кавказского армейского корпуса и, соответственно, для Караурганского резерва май-июнь и первая половина июля 1915 года становятся временем относительного спокойствия. Связано это было, прежде всего, с тем, что главные силы турок, с одной стороны, были заняты на западе обороной Дарданелл. С другой стороны, желая отвлечь русских от центрального передового театра с Эрзерумом, на направлении которого был расположен 1-й Кавказский армейский корпус, воссозданная 3-я турецкая армия перешла к активным действиям на своем правом фланге против 4-го Кавказского армейского корпуса и в северо-западных областях Персии, при поддержке многочисленного курдского населения этого края.

Главным событием этого периода стала знаменитая Алашкертская операция, в ходе которой русский 4-й Кавказский армейский корпус под командованием генерала Петра Ивановича Огановского, стоявший левее 1-го Кавказского армейского корпуса, под давлением превосходящих турецких сил был вынужден покинуть Алашкертскую долину (турки воспользовались этим отходом, чтобы учинить массовую резню местного армянского населения).

Но обстановка на участке Караурганского резерва в мае 1915 года была стабильной, хотя и обязывающей быть начеку. Не случайно 16 мая командир 153-го пехотного Бакинского полка, полковник Арджеванидзе издает приказ по правому боевому участку 1-го Кавказского армейского корпуса за № 12: «В случае наступления противника вверенному мне участку в составе 153-го пехотного Бакинского полка дать отпор ему на позиции от горы Гек-Даг до горы Кавах-тапа включительно. В связи с этим, правому боевому участку подполковника Пирумова в составе 1 батальона полка и 4 пулеметов занять и оборонять позицию: гора Гек-Даг вклю-

чительно до горы Кавах-тапа исключительно (возможно, что «исключительно» — опечатка, а возможно, что гору Кавах-тапа и следующие за ней позиции должны были оборонять подразделения полка, расположенные на других участках. — Ю.Л.). Заместители: подполковник Долгов и подполковник Пирумов».³⁵

В мае-июне и первой половине июля 1915 года обстановка на участке Даниэл-бека существенно не изменилась. Это подтверждают телефонограммы, которые он начиная с 21 мая и по 30 ноября 1915 года посылает командиру 153-го полка, полковнику Арджеванидзе (все телефонограммы, а их около двухсот, находятся в одной тетради).³⁶ Но если до первой декады июля у большинства этих телефонограмм вполне мирный характер и в них преобладают фразы: «на фронте вверенного мне участка все спокойно», «новых сведений о противнике нет» или «не поступало», а «погода ясная и теплая», и редко когда «пасмурная»; к тому же в соответствии с мероприятиями по укреплению позиций в этих телефонограммах отражен и ход всякого рода работ, и даже хозяйственные вопросы, то в конце июля телефонограммы приобретают совсем иной тон. В этом можно убедиться на конкретных примерах. Для более полного представления о происходящем, кроме телефонограмм Даниэл-бека, я также использую донесения и других командиров.

№ 644 от 8. 06. 1915 г. 1 ч. 20 м. «Из Кечисора, Подполковнику Васильеву. Работы по укреплению позиции идут медленно за недостатком рабочих. Для устройства бойниц у меня имеется 1300 мешков. На промежуточной (позиции. — Ю.Л.) Кавах-тапа работа приостановлена за недостатком материала для устройства заграждения. Сейчас работы идут на центральной позиции, где роется кольцевой окоп. Подполковник Пирумов».

№ 647 от 8. 06. 1915 г. 9 ч. 30 м. «Из Кечисора Караурган, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. Прошу распоряжения прислать 20 черенков к киркам и, если возможно, несколько лопат и кирок. Также прошу, если найдете возможным, наряд взвода на правую промежуточную позицию возложить на 4-й батальон, дабы увеличить на Гек-даг количество рабочих. Подполковник Пирумов».

№ 649 от 9. 06. 1915 г. «Подполковнику Васильеву. Спешно. Для заграждения не имеется кольев. Прошу распорядиться сегодня же доставить 75 больших лопат и 75 кирок. Подполковник Пирумов».

№ 653 от 9. 06. 1915 г. 9 ч. 35 м. утра. «Из Кечисора, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. В районе сторожевого участка без перемен. С 6 ч. утра к западу от Гек-даг слышна оружейная стрельба. Погода пасмурная. Ветер слабый, восточный. Ночью был ливень. Подполковник Пирумов».

³⁵ РГВИА. Ф. 2767, оп. 2, д. 13, л. 98, пункт 3.

³⁶ РГВИА. Ф. 2767, оп. 2, д. д. 36 — 45.

№ 657 от 8. 06. 1915 г. 1 ч. 25 м. «Из Кечисора, Подполковнику Васильеву.

Прошу кроме лопат и кирок прислать 10 носилок. Подполковник Пирумов».

№ 645 от 12. 06. 1915 г. 8 ч. 50 м. «Из Кечисора, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. Для ускорения работ по укреплению позиции прошу прикомандировать еще одну роту. Кроме того, прошу, если возможно, командировать в мое распоряжение команду разведчиков для разведки в районе между Гек-Дагом и Туркестанцами (4-я и 5-я Туркестанские стрелковые бригады. — *Ю.П.*), так как по нашим сведениям все внимание турок обращено на направление Гек-Даг. Подполковник Пирумов».

И таких телефонограмм, выдержанных в одном ожидающе-деловом стиле, — целый поток. Так что секретный приказ полковника Арджеванидзе по боевому участку 153-го пехотного Бакинского полка Главных сил 1-го Кавказского армейского корпуса за № 14 от 17 июня 1915 года, отданный им в селении Караурган, только подтверждает всеобщее напряженное ожидание: «В дополнение приказов по участку за № № 12 и 13 в случае нападения турок оборонять «Гек-Даг» возлагаю на 2-й батальон — 2 пулемета и 2 горных орудия 4-й горной батареи 39-й Артиллерийской бригады (эта 39-я Артиллерийская бригада наряду с 155-м пехотным Кубинским и 156-м пехотным Елисаветпольским полками входила в состав 2-й бригады 39-й пехотной дивизии, а командиром 2-й бригады был генерал Дубисский. — *Ю.П.*) под начальством подполковника Пирумова». ³⁷

Несмотря на относительное спокойствие, на фронте 1-го Кавказского армейского корпуса не прекращались бои местного значения. 13 июля приказом Главнокомандующего Кавказской армией № 545, опять же со стандартной формулировкой «за отличия в боях с турками», Даниэл-бек был награжден мечами и бантом к ордену Св. Анны 3-й степени.

И хотя в тяжелые сражения был вовлечен в основном русский 4-й Кавказский армейский корпус под командованием Огановского, оборонявшийся левее 1-го Кавказского армейского корпуса, было ясно, что рано или поздно турки начнут атаку и на его направлении. Н.Г. Корсун пишет по этому поводу: «В целом, даже при успешности обороны, части 4-го Кавказского корпуса оказались бы вновь уступом назад по отношению центра (1-го Кавказского корпуса) армии. Ввиду этого основная задача армии по сокращению общего стратегического фронта посредством выдвижения 4-го Кавказского корпуса вглубь турецкой территории и занятия его левым флангом северного берега озера Ван оказалась бы невыполненной». ³⁸

Принимая во внимание все обстоятельства, командование Кавказской армии (читай — Юденич) решило организовать крупную маневренную

³⁷ РГВИА. Ф. 2767, оп. 2, д. 13, л. 109, пункт 1.

³⁸ Корсун Н.Г. Указ. соч. С. 320, 321.

группу для действий по внутренним операционным линиям и нанесения противнику сокрушительного флангового удара. В состав этой группы под командованием генерала Николая Николаевича Баратова вошли различные соединения, в том числе и 153-й пехотный Бакинский полк, общей численностью 24 батальона. Все они были собраны в районе села Даяр быстро и скрытно, потому что успех атаки группы зависел от внезапности и стремительности. Группа должна была выступить по первому приказанию и безостановочно наступать во фланг и в тыл к туркам.

В стратегическом же плане в виду имелись далеко идущие цели. Н.Г. Корсун отмечает, что, сосредоточивая маневренную группу, русское командование намечало использовать ее для движения не только на Алашкертском направлении, но и на Карс-Сарыкамышском, если бы турки перешли в решительное наступление на фронте 1-го Кавказского корпуса. В таком случае, учитывая оперативную значимость Карс-Сарыкамышского направления вообще, а в особенности в связи с обнаружившимся большим успехом турок на соседнем Алашкертском направлении, намечалось нанести удар в правый фланг турок, наступавших в Пасинской долине.

Значение маневренной группы подчеркивалось дополнительной линией связи из района сосредоточения к селу Каракурт, куда Н.Н. Юденич прибыл со своим штабом 19 июля, хотя сама группа появилась в районе села Даяр к 21 июля. Для ее усиления к 23 июля ожидался 17-й Туркестанский стрелковый полк 2-го Туркестанского корпуса. Однако командир группы, генерал Баратов, наметил наступление еще до подхода этого полка — на утро 22 июля. Что он и сделал на рассвете этого дня. Но в тот момент, когда группа создала угрозу на путях отхода противника в районе перевала Клыч-гядук, в ее тылу, у перевала Мергимир появились значительные силы турок, которые могли свести на нет всю операцию. Тут-то и пригодился 17-й Туркестанский стрелковый полк, который во главе со своим командиром, полковником Антоном Евграфовичем Крутенем (в отличие от обычных полков в этом полку было три батальона) подтянулся в район села Даяр как раз вовремя. Общими усилиями 22 июля 1915 года противник был отражен, но Даниэл-бек в этот день у селения Геряк был ранен осколком снаряда (перевязочное свидетельство № 16).

Отступившие 22 июля турки через два дня взяли реванш. В связи с этим полковник Арджеванидзе издал 24 июля в 9 часов вечера в селении Севик рукописный приказ по 153-му пехотному Бакинскому полку: «Части противника прорвались через Мергимирский перевал и угрожают правому флангу 4-й Кавказской стрелковой дивизии. Предписываю (п. 2): авангарду под командой подполковника Пирумова выступить с бивака в 4 часа 25 сего июля и двинуться по горной тропе на гору Авбузет и дальше в направлении на Мергимирский перевал. 5-й роте в составе 2 пулеметов, на-

ходящихся в сторожевом охранении, присоединиться к хвосту авангарда. Заместители: подполковник Долгов и подполковник Пирумов».³⁹

Последующие бои велись за обладание Мергимирским перевалом. 24 июля Баратов, беспокоясь за тыл, направил из своего резерва 153-й пехотный Бакинский полк с задачей овладеть высотой к востоку от перевала и выбить оттуда турок. В свою очередь, командир 153-го пехотного Бакинского полка перед рассветом 25 июля выделил в авангард 2-й батальон, которым по-прежнему командовал Даниэл-бек, и тот стремительно бросился в атаку на врага.

К концу дня Даниэл-бек отправляет первую телефонограмму.

№ 27 от 25. 07. 1915 г. 9 ч. вечера. «Из Авангарда. Копия (запись не на бланке телефонограммы, а как в полевых книжках. — Ю.П.). В 12 ч. дня окончательно выяснено, что юго-западные высоты Авбузет заняты турками силою в батальон пехоты, 2 горных орудий и 4 пулеметов. Дабы не дать им укрепиться на занятых высотах и не усилиться могущими подойти подкреплениями, я решил их атаковать. Турки оказались расположенными в каменистой гряде, представляющей естественное укрепление. Атака продолжалась до 7 ч. 30 м. вечера, движение атакующих рот 2-го батальона было крайне трудно, пришлось двигаться в лоб по открытой местности под убийственным огнем пехоты, пулеметов и артиллерии, но, несмотря на все эти невыгодные условия и благодаря энергичному наступлению, противник вынужден был к 7 ч. 30 м. вечера бросить занимаемую позицию и отойти на вторую, еще более сильную. Ураганная стрельба пулеметов с этих позиций не дает мне возможности продвинуться вперед, ввиду чего дальнейшее наступление откладываю на ночь. Подполковник Пирумов. С подлинным верно: подполковник Пирумов».

Град последующих телефонограмм дает возможность убедиться: дни выдались горячие.

№ 28 от 26. 07. 1915 г. 4 ч. утра. «Из позиции, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. Копия. Беспрерывной офицерской разведкой к 2 ч. ночи было положительно установлено, что новая позиция турок в течение ночи укрепляется, на позиции стояли все четыре пулемета и к нашей стороне были выставлены усиленные полевые караулы. С приходом 1-й и 2-й роты я решил атаковать турок на их новой позиции, но они, увидев пехотную атаку наступающих, атаки не приняли, а быстро, почти бегом, спустились в ложину. Таким образом, все позиции турок в настоящее время в наших руках. Турки, судя по гильзам и патронам, стреляли патронами нашего изготовления. Подполковник Пирумов. С подлинным верно: подполковник Пирумов».

№ 11 от 26. 07. 1915 г. 6 ч. «Из горы восточнее Мирза-оги, Начальнику левой колонны, наступающей с села Соемка. Копия. Перехожу в на-

³⁹ РГВИА. Ф. 2767, д. 13, л. 134.

ступление на Мергимирский перевал с севера. Прошу поддержать мой левый фланг.

Командир 2-го батальона 154-го Дербентского полка, подполковник Ментышев».

№ 31 от 26. 07. 1915 г. 8 ч. вечера. «Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. Копия. Около 9 ч. утра стало известно о движении отряда подполковника Ментышева с целью атаковать Мергимирский перевал. Сознвая важное значение владения этим перевалом, я решил оказать сильную помощь, для чего мною были вызваны два взвода 8-й роты, которые своим движением в различных направлениях заставили турок занять окопы, обращенные к стороне моей позиции, и открыть бешеный ружейный огонь, облегчив тем самым движение отряда. Получив приблизительно около 11 ч. дня записку подполковника Ментышева с просьбой оказать содействие его наступлению, я твердо решил исполнить эту просьбу и двинул 5-ю и 6-ю роты против правого фланга турок, причем ротам приказал, не зарываясь, явно открыто обозначить наступление, что и дало отличный результат, облегчив наступление отряда. Как только показались роты, турки сосредоточили по ним все свое внимание, направив артиллерийский огонь, выпустив в наикратчайший срок 82 снаряда. Когда уже около 4 часов дня роты эти перешли в энергичное наступление, то весь пехотный огонь был сосредоточен на эти роты, чем воспользовался наступающий отряд и приблизился к атакующему (скорее всего, «атакуемому». — Ю.П.) пункту. Донося об изложенном, свидетельствую о существенной помощи, оказанной ротами 2-го батальона наступающему отряду. Подполковник Пирумов.

С подлинным верно: подполковник Пирумов».

«Существенная помощь» 2-го батальона 25 и 26 июля под командованием Даниэл-бека документально почему-то стала отражаться как действия под его руководством двух батальонов, что, например, видно из следующей записи: «25 и 26 июля 1915 года своей храбростью, умелым и разумным управлением двумя батальонами выбил турок с укрепленной позиции, обеспечив фланг Даярского отряда».⁴⁰

Учитывая важность Мергимирского перевала, штаб Кавказской армии предпринял меры к усилению сил на этом участке: днем 26 июля к месту упорных сражений подошел 156-й пехотный Елисаветпольский полк, снятый с фронта 1-го Кавказского армейского корпуса.

Однако он не успел принять активного участия в сражении за перевал, потому что в ночь с 26 на 27 июля уже была намечена решительная атака силами, участвовавшими в штурме перевала в предыдущие дни, что видно из следующей телефонограммы.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 409, оп. 4, д. 5488 (наградной лист).

№ 15 от 26. 07. 1915 г. 6 ч. 10 м. вечера. «С правого участка, Командиру батальона 153-го пехотного Бакинского полка. Распоряжением командующего армией мне подчинены все войсковые части, ведущие наступление на Шариян-Даг. Вверенный мне полк совместно с ротами Дербентского полка ведет наступление на перевал Мергимирский. Сегодня с наступлением темноты (часов в 10 – 11 вечера) предполагаю выбить турок из окопов на этом перевале штыковым ударом. Приказываю Вам, одновременно с движением вверенного мне Дербентского полка, атаковать турок с правого их фланга движением без выстрела. Командующий 17-м Туркестанским стрелковым полком, генерал-майор Крутен (так почему-то написаны звание и фамилия в тексте телефонограммы, хотя правильно его фамилия пишется Крутень, а звание — полковник, которое больше соответствует должности командира полка, чем звание генерал-майора. — Ю. П.)».

Штыковой удар объединенных под командованием полковника Крутеня частей состоялся, а движение батальона Даниэл-бека «без выстрела» в ночь с 26 на 27 июля стоило моему деду ранения штыком противника в левую бровь (перевязочное свидетельство № 2).

Но усилия атакующих сил не пропали даром, и уже на следующий день Даниэл-бек известил полковника Крутеня о серьезном успехе 2-го батальона.

№ 30 от 27. 07. 1915 г. 5 ч. 35 м. утра. «Из Шариян-Даг, Командиру 17-го Туркестанского стрелкового полка. Копия. Согласно Вашего письменного приказа, я двинул вверенный мне батальон в наступление в 9 ч. 45 м. вечера, взяв направление, указанное Вами, на вершину горы Шариян-Дага, что составляло правый фланг расположения турок, причем штурмовая колонна точно вышла на указанную вершину в 12 ч. 15 м. ночи, откуда противник был сброшен и рассеян по ущельям, при этом докладываю, что мною взято 2 пулемета. Затем, войдя в связь с Дербентцами и Туркестанцами, продолжал преследование и в заключение занял две вершины, где и окапываюсь. Пленных 1 офицер и 50 нижних чинов. Жду дальнейших Ваших указаний. Подполковник Пирумов. С подлинным верно: подполковник Пирумов».

Таким образом, к 27 июля Мергимирский перевал был в руках у русских. Но Даниэл-бек счел необходимым доложить о турецких силах, действовавших накануне против его батальона, и о действиях батальона против этих сил, поэтому на следующий день после окончания боев за Мергимирский перевал он послал очередную телефонограмму. И при этом ни слова о собственных ранениях.

№ 35 от 27. 07. 1915 г. 10 ч. 30 м. утра. «Из Мергимирского перевала, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. Копия. В дополнение моих донесений, за № № 27 и 28, докладываю, что со слов лейтенанта 49-го пехотного турецкого полка Талаат-бея, 25-го числа на юго-западных вы-

сотах Авбузет против рот вверенного мне батальона оборонялись два батальона пехоты с 4 пулеметами и 2 горными орудиями, и что только смелое наступление батальона заставило турок отойти. Подполковник Пирумов».

Дело на Мергимирском перевале было закончено, настало время соединить 2-й батальон со всем 153-м пехотным Бакинским полком. Даниэл-бек получил телефонограмму от командира полка (стр. 194 от 27. 07. 1915 г.): 12 ч. 20 м. пополудни. «Через Мупла-Хусейн, телефонная станция Бакинского полка, Подполковнику Пирумову, командиру 2-го батальона 153-го пехотного Бакинского полка. Согласно приказания Начальника отряда, через Клыч-Гядукский перевал в Дутах захватите свой обоз в Мупла-Хусейне и присоединитесь к полку, пошлите в Рымкян, чтобы обоз 2 разряда следовал через Клыч-Гядук в Ханык. Если в Рымкян обозы не пойдут, он должен быть в Мупла-Хусейне. О выступлении в полк донесите. Снимите телефонную линию. Полковник Арджеванидзе».

Маневренная группа свою задачу в целом выполнила. И потому в последующие дни ее расформировывали и по частям направляли в разные пункты. В основном — в расположение 1-го Кавказского армейского корпуса, который, имея разграничительную линию по Мергимирскому перевалу с 4-м Кавказским армейским корпусом, планировалось бросить в наступление. Оно состоялось, однако большого успеха 1-й Кавказский корпус не добился. Но 153-й Бакинский полк в этих действиях участия не принимал, а двигался в район исходного сосредоточения маневренной группы — в селение Даяр. И далее — в районы расположения частей 1-го Кавказского армейского корпуса. Это подтверждают рукописные приказы командира 153-го пехотного Бакинского полка, полковника Арджеванидзе. С 31 июля по 6 августа 1915 года они касаются Даниэл-бека непосредственно.

Приказ за № 24 полковник Арджеванидзе отдает 31 июля в 6 часов 30 минут вечера в селении Дорик: «Завтра 1 августа вверенному мне полку перейти в селение Зейдекян. Главные силы под командованием подполковника Пирумова в составе 1, 2, 3 и 4-го батальонов и пулеметной команды (10 пулеметов) выступить с бивака в 5 часов 15 минут утра и следовать по дороге за авангардом. Большой привал у селения Челкан на реке. Ночлег у селения Зейдекян. Заместители: подполковник Пирумов и князь Бебутов».⁴¹

Приказ № 27 от 1 августа, данный в 5 часов 30 минут дня в селении Зейдекян: «Завтра вверенному мне полку перейти в селение Даяр. Главным силам под командованием подполковника Пирумова следовать по дороге за авангардом (1 команда разведчиков). Большой привал у селения Кюрд-али. Ночлег в Даяре».⁴²

⁴¹ РГВИА. Ф. 2767, д. 13, л. 137, пункты 1 и 3.

⁴² Там же. Л. 139, пункты 1 и 3.

Приказ по полку № 31 от 3 августа, данный в 9 часов вечера в селении Хойпаджа: «Завтра вверенному мне полку выступить в селение Башкей в 5 часов утра. Главным силам в составе 4-х батальонов и 10 пулеметов под командованием подполковника Пирумова выступить с бивака в 5 часов утра и следовать за авангардом».⁴³

На следующий день поступил новый приказ № 32, данный в 8 часов вечера в селении Каракилиса турецкая: «Завтра вверенному мне полку перейти в селение Алиджакрак. Главным силам под командованием подполковника Пирумова выступить за авангардом в 6 часов утра. Большой привал у селения Джеросун».⁴⁴

Обстановка меняется, и вот уже Даниэл-бек командует не главными силами в составе четырех батальонов и пулеметной команды, а резервом всего из одного, но какого славного 2-го батальона, что видно из приказа по правому боевому участку Сарыкамышского отряда за № 33 от 6 августа, данным в 8 часов вечера в селении Алиджакрак: «Турки занимают позиции по линии Мола-мелик-Азапкей. Резерву в составе 2-го батальона с 2 пулеметами под командой подполковника Пирумова стать в селении Караурган».⁴⁵

Спустя несколько дней поступает еще один приказ командира 153-го пехотного Бакинского полка. На этот раз — правому боевому участку передовой линии 1-го Кавказского армейского корпуса (№ 35 от 15 августа 1915 года), данный в 6 часов вечера в селении Зивин: «Турки после боев отступили... Левый боевой участок передовой позиции под командой подполковника Пирумова в составе 2-го и 1-го батальонов 153-го пехотного Бакинского полка и 2 пулеметов; 1) выставлять сторожевое охранение от селения Геряк включительно и по отрогам высот, что западнее реки Геряк-су; 2) в случае наступления турок, принять бой на Сонамерской позиции и под натиском превосходящих сил турок отходить на Зивинскую позицию; 3) поддерживать тесную связь с Дербентцами. Заместители: полковник Биланов, подполковники Беккер и Пирумов».⁴⁶ Какая удача, что по ходу повествования удалось «озвучить» имена некоторых сослуживцев Даниэл-бека. Вдруг нигде, кроме моей книги, фамилии этих воинов не появятся.

В результате окончания Алашкертской операции фронт на время стабилизировался. На центральном участке 1-го Кавказского армейского корпуса русские сократили его протяженность на 100 километров. Началась будничная планомерная работа по дальнейшему укреплению позиций, считавшихся исходным рубежом для следующей, самой крупной

⁴³ Там же. Л. 141, пункт 2.

⁴⁴ Там же. Л. 144, пункты 1 и 2.

⁴⁵ Там же. Л. 146, пункты 1 и 9.

⁴⁶ Там же. Л. 11, пункт 3.

операции Кавказской армии — Эрзерумской. Содержание телефонограмм Даниэл-бека тоже, естественно, изменилось.

№ 144 от 19. 08. 1915 г. 8 ч. 12 м. дня. «Из Герякского резерва, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. Сегодня произведены следующие работы: двумя ротами ратников расчищены окопы на протяжении 1100 шагов; 3-й и 4-й ротами бакинцев расчищены окопы на протяжении 500 шагов и вновь проложены на 110 шагов, причем последние окопы не стали доводить до двух шагов ширины. Подполковник Пирумов».

№ 155 от 21. 08. 1915 г. 7 ч. 55 м. вечера. «Из Герякской позиции, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. В течение дня произведены следующие работы: проложена новая дорога на Сапомер на протяжении 270 шагов, очищен старый окоп на протяжении 675 шагов, проложен ход сообщения длиной 175 шагов и исправлено 8 траверсов. Подполковник Пирумов».

№ 162 от 22. 08. 1915 г. 8 ч. 40 м. пополудни. «Из Герякской позиции, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. В течение дня произведены следующие работы: заложены две землянки, проделана дорога в сел. Сапомер длиной в 170 шагов, расчищен окоп в 575 шагов, новый окоп доведен до полной профили длиной 77 шагов и сделан новый ход сообщения длиной 50 шагов. Подполковник Пирумов».

Рукописное донесение: «Начальнику передового Герякского отряда от 28. 08. 1915 г. 7 ч. утра. Согласно Вашего приказа добыть языка и выяснить расположение противника на нашем фронте, выполнил без потерь. Взятый пленный показал: на фронте от реки Аракс до горы Думанлы-Гель стоят части 18-й пехотной дивизии 98-го, 99-го и 52-го полков. 98-й полк стоит в сел. Азап-Кей, 99-й — в сел. и около сел. Мла-Мелик, 52-я часть — на горе Думанлы-Гель и 1-й батальон — в сел. Ала-Килиса. Все полки трех-батальонного состава укомплектованы новым призывом в возрасте 17 — 18 лет. Дивизии эти пополнились людьми из Трапезунда, и на каждый полк пришлось по 800 человек. Одеты скверно. Артиллерия находится: 4 орудия в сел. Азап-Кей, 4 — южнее, около с. Царс и 6 — на горе Думанлы-Гель. Конница исключительно курдская и в ограниченном количестве. Войска кормятся плохо, сахару не дают. В войсках применяются разрывные пули. Турками было брошено 3 ручных гранаты, но безрезультатно, нашими же гранатами убито 6 человек. Начальник команды, поручик...» Это донесение поручика Даниэл-бек переправляет своему начальству: «Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. Начальник передового Герякского отряда. Подполковник Пирумов. 28. 08. 1915 г.».

Октябрь 1915 года беден сведениями о Даниэл-беке. Из послужных списков узнаю только, что он 4 октября назначен «наблюдающим за учебной командой». А следующий документ, который я обнаружил, — уже печатный приказ полковника Арджеванидзе по полку за № 37 от 13 октября,

данный в 7 часов вечера в селении Нижний Сарыкамыш: «Вверенному мне полку предписанием Начальника 39-й пехотной дивизии от 7 октября за № 6971 приказано занять позицию в районе селений Занзах, Нижний Ахалик, Ходык, Хоросан, сменив 154-й пехотный Дербентский полк. Во исполнение изложенного 16 октября 2-му и 3-му батальонам, 4 пулеметам и обозу 1-го и 2-го разряда под командой подполковника Пирумова выступить в селение Ходык в 7 часов утра, где составить резерв участка».⁴⁷

Последние телефонограммы в уходящем 1915 году Даниэл-бек посылает своему командиру в ноябре.

Стр. 4, № 73 от 1. 11. 1915 г. 1 ч. 50 м. дня. «Из с. Н. Ахалик, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. При сем препровождаю перебежчика, аскера 98-го пехотного турецкого полка, Абдулу-Сарку-оглы, который подтвердил, что их полк стоит у с. Азап-Кей и нападение в ночь на 31 октября на наши посты произведено ими же. Подполковник Пирумов».

Стр. 7, № 72 от 1. 11. 1915 г. 9 ч. 45 м. утра. «Из с. Н. Ахалик, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. При сем препровождаю перебежчика, аскера 98-го пехотного турецкого полка, Мустафу Могамет-оглы, который показал, что их полк стоит у сел. Азап-Кей и что нападение на посты правого сторожевого участка в ночь с 30 на 31 октября произведено силами их 98-го полка, в числе 60 человек. Подполковник Пирумов».

Стр. 10, № 9 от 1. 11. 1915 г. 7 ч. 30 м. вечера. «В Ходык — Н. Ахалик, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. Доношу, что на фронте охранения все спокойно. В течение дня у турок производились работы по укреплению позиции. Около 12 часов дня объезжала позицию противника группа всадников, по-видимому, начальство поверяло расположение и работы. Подполковник Пирумов».

Стр. 21, № 74 от 2 ноября 1915 г. 3 ч. дня. «Из с. Н. Ахалик, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. При сем препровождаю перебежчика, аскера 94-го пехотного турецкого полка, Аббаса Кюмякчи-оглы, который показал, что их полк стоит у Азап-Кея, а невдалеке — 98-й и 102-й полки. Штаб дивизии находится в Кери-Кей. В Азап-Кее стоят 8 орудий с батальоном около 300 человек. Германских офицеров нет, а есть врачи. Подполковник Пирумов».

Стр. 28, № 75 от 3 ноября 1915 г. 7 ч. 10 мин. утра. «Из с. Н. Ахалик, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. При сем препровождается аскер — перебежчик 98-го пехотного турецкого полка, Умет Мустафа-оглы, который показал, что при их полку в сел. Азап-Кей находятся три пулемета, шесть орудий и что рядом с ними стоят 97-й и 99-й полки. Подполковник Пирумов».

Стр. 42, № 76 от 5 ноября 1915 г. 1 ч. 2 мин. дня. «Из Н. Ахалика, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. При сем препровождаются

⁴⁷ Там же. Л. 153.

два аскера 98-го турецкого полка — Осман-Али-оглы и Маджит Гаджи-Галим-оглы. Приложение: показания вышепоименованных аскеров. Подполковник Пирумов».

Стр. 43. Сведения от перебежчиков 98-го турецкого полка 3-го батальона: «Штаб полка стоит в сел. Азап-Кей. При полку имеется 15 пулеметов, присланных Германией; в селении Календар есть тяжелые орудия около (сколько этих орудий — пропечатано плохо. — Ю.П.) штук, стоят в закрытии; вчера сброшены с аэроплана бомбы точно на эти прикрытия с орудиями, но вреда никакого не причинили. Взводные отделенные все курды. В Эрзеруме есть германские офицеры и сестры милосердия. При нападении 30 октября на наши сторожевые посты у них 1 ранен и 2 без вести пропали».

Стр. 51, № 61 от 6 ноября 1915 г. 8 ч. 50 мин. «В Ходык из Н. Ахалика, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. Согласен на смену через две недели. Подполковник Пирумов».

Стр. 77, № 77 от 12 ноября 1915 г. 2 ч. 15 мин. дня. «Из Н. Ахалика, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. При сем препровождаю двух перебежчиков 98-го турецкого полка — Ахмета Мола Сулейман-оглы и Фанка Мамут-оглы. Подполковник Пирумов».

С 12 ноября и по 30 ноября 1915 года поток телефонограмм от Даниэлбека практически иссякает, но из других документов становится ясно, что он является начальником одной из групп 2-го участка передовой линии 1-го Кавказского армейского корпуса. Ответственность большая. Недаром в приказе по этому участку № 47 от 18 ноября 1915 г. (с. Ходык) говорится: «...начальствующим лицам всех степеней, а в особенности г.г офицерам службу всех органов сторожевого охранения поверять по несколько раз в сутки, в особенности ночью. На посты и в секреты назначать обязательно надежных и знающих людей...» За ноябрь я обнаружил еще два приказа от 26 и 28 ноября за № 50 и 51. Начальник 2-го боевого участка подполковник Васильев отдает их из того же селения Ходык 2-му участку войск передовой линии 1-го Кавказского армейского корпуса.

Первый приказ за № 50: «На 29 ноября произвести смену частей 153-го пехотного Бакинского полка в правой и левой группах участка. Начальниками групп назначаю: правой — подполковника Пирумова, левой — подполковника Курдюмова».⁴⁸

Второй приказ за № 51: «30 ноября части 153-го пехотного Бакинского полка должны произвести смену участков, во имя чего предписываю... начальником левой группы назначаю подполковника Курдюмова, а правой — подполковника Пирумова».⁴⁹

⁴⁸ Там же. Л. 117.

⁴⁹ Там же. Л. 119.

И в том, и в другом приказе требования одинаковые. Зачем же понадобился второй? Причину выяснить не удалось. Но в телефонограмме, посланной Даниэл-беком, говорится об исполнении распоряжения подполковника Васильева.

Стр. 221, № 341 от 30 ноября 1915 г. 7 ч. вечера. «В Ходык из Н. Ахалика, Командиру 153-го пехотного Бакинского полка. Правую группу 2-го правого участка от капитана Гребена принял. День прошел спокойно. Расхода патронов не было. Подполковник Пирумов».

«Расхода патронов не было...» — это хорошо. Сохраненные на центральном участке боеприпасы, в частности, 153-м пехотным Бакинским полком (в отличие от левого фланга, где во время Алашкертской операции тяжело сражался 4-й Кавказский армейский корпус), вскоре позволят полку успешно захватить бастионы Эрзерума. Хотя, в конечном счете, запаса патронов все равно не хватило. И полк чуть было не полег весь после восьми турецких контратак. Но Эрзерум будет позже...

Пока же на войне — как на войне, и награда нашла героя: 16 ноября 1915 года Высочайшим приказом за бои 25 – 26 июля на Мергимирском перевале Даниэл-беку присвоено звание полковника.

В послужном списке № 359, составленном в 1916 году, можно посмотреть и узнать, каково было финансовое положение полковника русской армии в военное время: «Жалованья — 1536 рублей, столовых — 2700 рублей». Итого: 4236 рублей в год. Сравниваю с данными П.А. Зайончковского: у полковников жалованье и столовые — 3900 рублей, а квартирные — от 250 до 800 рублей. Получается, Даниэл-бек жалованья и столовых получает больше приведенной историком суммы, а по квартирным деньгам попадает в «вилку», составившую для новоиспеченного полковника 336 рублей.

Чин полковника принес Даниэл-беку улучшение материального положения и как бы лишний раз подтвердил его и без того зафиксированное в послужных списках дворянское происхождение. В связи с производством Даниэл-бека в полковники я все же приведу сведения из книги Л.Е. Шепелева, которые помогут понять порядок чинопроизводства в России и статус дворянства:

«В 1840 – 1850-х годах XIX века получение дворянства по чину и ордену было ограничено. В 1880-х годах предполагалось установить, что потомственное дворянство мог давать лишь III класс «Табели о рангах», введенной Петром I в 1722 году.

Потомственные дворяне получали ряд важных личных прав: они освобождались от подушной подати, рекрутской повинности, от телесных наказаний; могли принимать участие в сословной организации дворянства; обязанность служить также являлась для них преимущественным правом при приеме на государственную службу; дети дворян пользовались льго-

тами при получении образования. Лишь после 1861 года, а особенно после 1905 года, некоторые из названных прав утратили свое значение.

И поместное, и служилое дворянство было потомственным, то есть передавалось жене, детям и потомкам по мужской линии (дочери, вышедшие замуж, получали сословный статус мужа). В «Табели о рангах» специально оговаривалось, что «законные дети и потомки» тех, кто выслужил потомственное дворянство, должны быть «в вечные времена лучшему старшему дворянству во всех достоинствах и авантажах почтенны быть». Большим был вопрос о статусе законных детей потомственного дворянина, рожденных до получения дворянства. Из них мог получить потомственное дворянство «только один сын, о котором отец будет просить». Прочие дети получали особый правовой статус «обер-офицерских детей», которые в 1832 году были причислены к сословию почетных граждан. Лишь с 1874 года в потомственное дворянство стали возводить всех детей чиновников, получивших статус потомственного дворянина.

Особую группу составляли личные (не потомственные) дворяне. Prestиж личного дворянства был минимален (его даже не считали «настоящим дворянством»). За малым исключением личные дворяне не имели права владения крепостными. Помимо обычной выслуги потомственного дворянства, личные дворяне могли (до 28 мая 1900 года) ходатайствовать о его получении в случае, если их отцы и деды прослужили по 20 лет в обер-офицерских чинах. Личное дворянство распространялось только на жену. Дети личных дворян пользовались статусом «обер-офицерских детей», а с 1832 года — потомственных почетных граждан.⁵⁰

По «Табели о рангах», введенной Петром I в 1722 году, чин полковника соответствовал VI классу, а по закону 1845 года для получения потомственного дворянства по военной службе было необходимо получить штаб-офицерский чин (обер-офицеры являлись личными дворянами). Но закон 1856 года ужесточал это правило. По этому закону «потомственное дворянство достигалось на военной службе только чином полковника, полученного не при отставке».

Да, все дети Даниэл-бека были дворянами, но, естественно, старались это не афишировать, и мне об их дворянстве ничего в детстве не было известно: при мне таких разговоров никто никогда не вел. Такие были времена.

Но когда после 1991 года жизнь, слава Богу, изменилась, я, «вооружившись» записями из послужных списков Даниэл-бека, подал заявление в Российское дворянское собрание. Мой статус дворянина был подтвержден дипломом, а запись об этом была внесена в соответствующую книгу. Конечно, ни к каким особым правам и привилегиям я не стремился, как и тысячи других потомков дворянского происхождения. Я счи-

⁵⁰ Шенелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л.: Наука, 1991. 222 с.

таю, что главный долг дворянина — служить России и стараться не уронить честь и достоинство, как поступали наши предки. Как вел себя на Кавказском фронте мой дед.

А на этом фронте готовились к новым сражениям и наращивали силы, хотя Ставку вполне устраивало устойчивое положение русской Кавказской армии, не просившей резервов.

Не то было на Западном фронте России, где она испытала горечь тяжелых поражений. В результате Николай II, посчитавший невозможным оставаться в стороне от военных действий в это трудное время, 23 августа 1915 года возложил на себя звание Верховного главнокомандующего.

Я видел копию телеграммы, извещавшей Россию о решении царя. Моя мама держала ее среди прочих документов. Она долго хранилась у нас в семье, но, к сожалению, пропала во время переезда из старого дома в районе Триумфальной площади.

Одновременно с возложением на себя обязанностей Верховного главнокомандующего император назначил своего двоюродного дядю Великого князя Николая Николаевича (младшего) Наместником на Кавказе и Главнокомандующим Кавказской армией вместо престарелого графа Воронцова-Дашкова. Фактически же руководство Кавказской армией осталось в руках Н.Н. Юденича, а Великий князь в основном занялся организацией тыла и администрации. Поэтому изменения в верхнем эшелоне не сказались существенным образом на положении Кавказской армии. Но общая военная ситуация во второй половине 1915 года для стран Антанты осложнилась по двум причинам.

Первое — это выступление Болгарии в октябре 1915 года на стороне Центральных держав. Болгария оказалась в лагере противников России — кто бы мог такое подумать! Николай II, читая проект манифеста о войне против Болгарии, грустно заметил: «Если бы кто-нибудь мне сказал, что придет день, когда я подпишу объявление войны Болгарии, я считал бы такого человека безумцем, и вот, однако, этот день настал...»

Представляю недоумение Даниэл-бека и его однополчан, пораженных, как и многие россияне, этой новостью. Для воинов 153-го пехотного Бакинского полка случившееся было тем более горьким, что прерывалась связь времен. Ведь в 1877 году на Кавказском фронте полк совершил немало славных подвигов, сражаясь, в конечном итоге, во имя освобождения этой самой Болгарии, которая теперь, спустя почти сорок лет, выступила на стороне своего бывшего угнетателя. Но причины, приведшие Болгарию к такому выбору, я обсуждать не буду — непростая тема, требующая серьезных пояснений.

Другим негативным событием, которое беспокоило командование Кавказской армии, стала осенняя неудача англо-французских войск в Дарданельской операции (к концу 1915 года они были вынуждены вооб-

ще эвакуироваться с Галлиполийского полуострова). Элементарная военная логика подсказывала, что Турция теперь может усилить на Кавказе свои войска за счет переброски освободившихся контингентов из западных областей.

Но Кавказское командование давно вынашивало план овладения главной цитаделью Западной Армении — городом Эрзерумом. К нему сходились важнейшие узлы снабжения турецкой армии. Даже по численности населения он далеко превосходил другие города Западной Армении. «В Эрзеруме в 1914 году проживало 52 000 человек, из них более 15 000 армян».⁵¹ Учитывая стратегическое значение этого города, Н.Н. Юденич решил разработать план наступательной зимней операции, где главной целью был захват Эрзерума.

Для описания подготовки к Эрзерумской операции воспользуюсь материалом из книги А.В. Шишова, которую автор мне подарил:

«По плану наступательной операции, намеченной на вторую половину января 1916 года, одновременный удар намечалось нанести с трех направлений — Эрзерумского, Ольгинского и Битлисского. К наступлению предназначались все три армейских корпуса: 1-й и 4-й Кавказские и 2-й Туркестанский. Последнему предстояло двинуться вперед на два дня раньше других. Решающим для операции должен был стать взлом вражеской обороны в направлении села Кеприкей: здесь создавалась ударная группировка из 20 батальонов пехоты и 15 казачьих сотен. Их прорыв обеспечивался огнем 80 — 100 орудий. Такой плотности пушечного огня Великая война на Кавказе еще не знала.

В ударную кеприкейскую группу были отобраны войска, хорошо зарекомендовавшие себя в минувших делах: 4-я Кавказская стрелковая дивизия с артиллерией, Сибирская казачья бригада и 1-й Кавказский мортирный дивизион. Группой командовал дивизионный начальник, генерал-лейтенант Николай Михайлович Воробьев».⁵²

Не символично ли, что два противника, за год перед тем сошедшиеся в яростных контратаках под этим селением, зимой 1915 — 1916 годов должны были снова оспаривать друг у друга права на близлежащую территорию? Но тогда турки после победы под Кепри-Кеем собирались захватить с наскока наш узловый центр — Сарыкамыш, а теперь русские рассматривали взятие кеприкейских позиций как главный козырь для успешного штурма Эрзерума.

Зима диктовала свои правила. И потому, имея много времени на подготовку, командующий старался предусмотреть решительно все детали. А.В. Шишов рассказывает в своей книге, с какой тщательностью подбিরали, например, одежду. Каждому бойцу выдавали пару валенок и те-

⁵¹ Арутюнян А.О. Указ. соч. С. 227.

⁵² Шишов А.В. Юденич. Генерал суворовской школы. М.: Вече, 2004. С. 224.

плые портянки, короткий полушубок, стеганные, на вате, шаровары, папаху с отворачивающимся назатыльником, варежки и шинель. Для маскировки заготовили белые коленкоровые халаты и белые чехлы на шапки, а для защиты от солнечных лучей — очки.

Лесов в районе было мало, следовательно, надо было подумать о заготовке дров. Поэтому каждый солдат был обязан иметь при себе, как минимум, два полена для разжигания костра, а для переправы через быстрые горные потоки — толстые жерди. Командование противника во время Сарыкамышской операции не снабдило рядовой состав таким простым средством, как жерди, поэтому сотни турецких солдат обморозили ноги из-за мокрой обуви, которая не могла просохнуть даже вблизи костра.

Запасная одежда, поленья, жерди плюс личное оружие — весь этот груз русские солдаты должны были нести на себе в условиях непредсказуемой зимней погоды, и потому в подготовительные мероприятия Юденич включил анализ метеорологической обстановки в полосе расположения корпусов, предназначенных для штурма, с помощью 17 развернутых метеостанций.

Важнейшее значение он придавал и дезориентации противника.

Все действия русских войск должны были свидетельствовать об их намерении провести зиму в горах. Складские помещения и в тылу, и на передовых рубежах забили различным военным имуществом строго до норм. Для обозного парка приобрели с запасом, не считаясь с расходами, выючных животных, включая верблюдов. На железнодорожных путях создали специальные снегоочистительные команды, и эти пути, как и системы связи и иные коммуникации, стали надежно охранять, поддерживая бесперебойную работу вспомогательных служб.

На фоне всех этих мероприятий секретность, с которой осуществлялась работа штаба и командного состава, уже не удивляет. А. В. Шишов пишет:

«Перед началом операции командующий армией собрал в своем штабе военный совет. Он проходил 20 декабря в Карсской крепости. Круг участников совета был предельно узок: командиры корпусов и 4-й Кавказской стрелковой дивизии — генералы Калитин, Де-Витт, Пржевальский и Воробьев, начальники их штабов. Предупредив о необходимости соблюдения строжайшей тайны, Николай Николаевич изложил план предстоящей наступательной операции.

Никаких письменных документов на руки участникам совещания не выдавалось даже в опечатанном виде. Уже одно это свидетельствовало о полной секретности всего услышанного на совещании в Карсе.

Но это было еще не все для сохранения в тайне дня начала операции. За пять дней до ее начала участок прорыва был полностью изолирован от армейского тыла. На всех дорогах и тропах были выставлены сторожевые заставы и конные разъезды, им была поставлена категорическая задача:

всех впускать и никого ни под каким предлогом не выпускать из охраняемой зоны. Таким образом, треугольник Ольты — Карс — Кагызман (армянский город Кагызван. — *Ю.П.*) оказался полностью изолированным не только для посторонних лиц, но и для своих военных.

Армейская почтовая служба продолжала принимать почтовую и телеграфную корреспонденцию также в одностороннем режиме. Письма и телеграммы не отправлялись в Тифлис в течение всех этих дней.

Любопытную картину представляла и железнодорожная станция Карс. Поезда из Тифлиса приходили в прифронтовой город переполненными, а обратно уходили пустыми». ⁵³

Солдаты, наверное, догадывались по усиленной экипировке, что наступившей зимой предстоят серьезные дела, но вряд ли они могли предположить, что днем наступления на кеприкейские позиции явится канун Нового года. Да что солдаты! Дату начала операции Юденич скрывал даже от тех, кому предстояло вести своих подчиненных в наступление. А.А. Керсновский пишет: «Подготовка велась в строжайшей тайне — не только войска, но и старшие начальники были извещены в последнюю минуту. Причем каждому было секретно сообщено, что именно на него возложен главный удар — чрезвычайно важное психологическое мероприятие, благодаря которому всеми была развита предельная энергия». ⁵⁴

И все-таки главным обманутым должен был оказаться противник. По плану Юденича первым движение должен был начать 2-й Туркестанский корпус, причем на два дня раньше, чем все остальные войска. Затем в атаку должен был перейти 1-й Кавказский корпус, который, развивая наивысшую интенсивность, создал бы впечатление, что на фронте 2-го Туркестанского корпуса на самом деле производится лишь демонстрация, а главный удар наносится на его фронте.

И события начали развиваться по намеченному плану: 28 декабря 1915 года вперед двинулся 2-й Туркестанский корпус, а 30 декабря — 1-й Кавказский корпус. Взлом вражеской обороны, названный в истории Кеприкейским сражением, длился до 8 января 1916 года и стал предвестником штурма города Эрзерума.

Исследуя детали сражений на Кавказском фронте, я заметил, что в большинстве случаев впереди атакующих цепей шли подразделения 39-й пехотной дивизии. В этот раз 39-я дивизия, состав каждого из полков которой перед наступлением был доведен до сверхштатной численности — 5500 человек, тоже первой бросилась в стремительное наступление. Зная по опыту, как велик ее наступательный порыв, турки сосредоточили на этом направлении свои резервы, и потому части 39-й пехотной дивизии несли в лобовых атаках громадные потери. Но командующий, в соответствии со

⁵³ Там же. С. 229, 230.

⁵⁴ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 144.

своими тактическими замыслами, требовал от командира 1-го Кавказского корпуса еще большего напряжения сил.

Н.Г. Корсун пишет в своей книге: «На фронте 1-го Кавказского корпуса турки оказывали упорное сопротивление, используя искусно примененные к местности укрепления, отлично организованный огонь и контратаки, особенно на равнине **у села Азап-Кей**, где проходят кратчайшие и лучшие пути в Эрзерум (название села выделено мною не случайно, в чем можно будет вскоре убедиться. — *Ю.П.*). ...В двухдневных боях части 1-го Кавказского корпуса **и особенно 39-й пехотной дивизии понесли большие потери** (выделено мною. — *Ю.П.*). Начальники ударных групп неоднократно просили командующего армией о подкреплении, чтобы сломить сопротивление турок. Однако командующий армией на все донесения о тяжести положения и о подкреплении **изнемогавших частей** (выделено мною. — *Ю.П.*) неизменно продолжал требовать усиления наступления, не считаясь с потерями. В результате части корпуса быстро таяли, но также быстро иссякали и все резервы турок, которые по упорству атак на фронте 39-й пехотной дивизии полагали, что именно здесь русские наносят главный удар».⁵⁵

Убедившись к вечеру 31 декабря, что турки израсходовали все свои резервы, Н.Н. Юденич, пополнив 1-й Кавказский корпус 262-м пехотным Грозненским полком, приказал перейти всем частям в решительное наступление на широком фронте — от озера Тортум-гель до перевала Мергимир — в ночь на 1 января.

Но турки не собирались сдавать ключи от Эрзерума без боя и продолжали оборонять сильно укрепленную Азап-Кейскую позицию.

Именно события этой ночи (символично, не правда ли, что это была не простая, а новогодняя ночь, открывавшая перед русской армией «новые» стратегические возможности) у села Азап-Кей вписали имя Даниэл-бека в число Георгиевских кавалеров. Сначала я узнал о его доблестном поведении в эту ночь, ознакомившись с послужными списками, и мог бы предложить читателям приведенный в них текст. Но поскольку в списках было указано, что Высочайший приказ о пожаловании Даниэл-бека Георгиевским оружием был опубликован в № 194 газеты «Русский инвалид» — официальном военном печатном органе Российской империи, решил воспользоваться случаем и рассказать о газете, о моем знакомстве с нею, а затем уже привести текст приказа, опубликованного в ней.

О значении военной журналистики в России и, в частности, о газете «Русский инвалид» исчерпывающе написал С.В. Волков.

«...Деятельность представителей офицерского корпуса распространялась в той или иной мере на все области культуры. Кроме того, деятельность в чисто военной сфере часто также оказывала влияние на

⁵⁵ Корсун Н.Г. Указ соч. С. 466.

общественно-культурную жизнь страны. Одной из таких сфер деятельности были военная публицистика и журналистика, поскольку круг читателей военных изданий не ограничивался только офицерами, тем более что обычно эти издания не замыкались на чисто военных проблемах. Специальные военные периодические издания выходят с самого начала века. Основной военной газетой на протяжении более ста лет оставалась газета «Русский инвалид», основанная в 1813 году и издававшаяся сначала 2-3 раза в неделю, а с 1816 года — ежедневно. Весь доход и многочисленные пожертвования подписчиков газеты шли в пользу раненых. Газета публиковала все военные известия, кроме того, там были разделы «Новости», «Фельетон», «Устные известия», «О театре» и другие, состав которых с годами менялся. С 1861 года она выходила как газета «военная, политическая, литературная и ученая». С 1869 года «Русский инвалид» становится органом Генерального штаба. Наряду с официальной частью там публиковались теоретические статьи, исторические заметки, литературные произведения, библиографические обзоры и критические статьи. Газета просуществовала до конца 1917 года».⁵⁶

Помню, с каким волнением я переступал порог филиала бывшей библиотеки им. В.И. Ленина, находящегося далеко от центра, возле станции железной дороги «Левобережная». Думал, что дадут не оригинал газеты, а копию. Но нет, я держал в руках ту самую, настоящую газету! И читал подлинный текст, который читали в 1916 году тысячи русских людей и, несомненно, сам герой: «Государь Император всемилостивейше соизволил пожаловать Георгиевское оружие полковнику 153-го Бакинско-Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Михайловича полка, Даниилу Бек-Пирумову, за то, что в ночь с 31 декабря 1915 года на 1 января 1916 года, будучи начальником боевой части в составе батальона 153-го пехотного Бакинского полка, четырех пулеметов и дружины, получив задачу атаковать сильно укрепленные Азап-кейские позиции южнее и севернее Азап-Кей-Ардос, своим мужеством, беззаветной храбростью и разумным командованием, под турецким губительным ружейным, пулеметным и в упор артиллерийским огнем, довел атаку батальона и дружины до удара холодным оружием, выбил турок из укрепления над с. Азап-Кей (вот для чего я выделил в тексте название этого села чуть раньше. — Ю.П.), закрепил захваченный важный участок позиции за собой, чем обеспечил успех соседним частям, причем ротами были захвачены два тяжелых турецких орудия, стрелявших в упор и защищаемых турецкой пехотой».

Текст газетной статьи практически слово в слово совпадает с записью в послужных списках деда, с той лишь разницей, что в послужных списках указана дата этого «Высочайшего приказа» — 28 июня 1916 года.

⁵⁶ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 300.

Что представляло собой Георгиевское или, иначе, «золотое оружие», имевшее непосредственное отношение к ордену Св. Георгия? Это был клинок с надписью на эфесе — «За храбрость», с небольшим эмалевым крестиком ордена Св. Георгия и темляком цвета георгиевской ленты. Генералы и адмиралы получали «золотое оружие» с бриллиантовыми украшениями, прочие офицеры — без этих украшений. С 1807 года удостоенные «золотого оружия» причислены к кавалерам ордена Св. Георгия. В 1913 году эта награда получила официальное название — «Георгиевское оружие».

Небольшой эмалевый (на золоте) крестик теперь у меня. Он перешел ко мне в числе других предметов, доставшихся по наследству от тети Маруси. А вот клинок и темляк не сохранились...

Победа под Азап-Кеем предредила исход всего Кепри-Кейского сражения. Ключ к Эрзеруму был взят 4 января 1916 года, и в результате части 1-го Кавказского корпуса 7 января 1916 года своими авангардами подошли к поясу фортов Эрзерума. Что же они увидели? В.Е. Шамбаров пишет:

«...очертания горных хребтов у Эрзерума имеют в некоем приближении форму буквы Z (север «сверху»). Верхняя черта — хребет Гяур-даг (Собачьи горы), нижняя — хребет Палантекен. А косая черта — горы Деве-Бойну, преграждающие путь к самому городу и его цитадели, лежащему в 10 км западнее, за «нижним углом» буквы. Верхний правый угол прикрывался нагорьем Карга-Базар, и между ним и хребтом Гяур-дага имелся проход Гурджи-Богаз. Горы были серьезные, высота их достигала 2400 м, и укрепили их на совесть. С севера была построена полевая оборона, а дорога через Гурджи-Богаз запиралась двумя фортами. Хребет Деве-Бойну был вообще превращен в единую фортификационную позицию — на нем в две линии были возведены 11 фортов, каменных многоярусных башен с бойницами для орудий, приспособленных для круговой обороны. С юга, со стороны хребта Палантекен — еще два форта. Подступы к фортам защищались валами, системами рвов, между ними устанавливались промежуточные батареи и пулеметные гнезда, способные перекрестным огнем простреливать всю местность. Общая протяженность оборонительных позиций составляла 40 км...»⁵⁷

Определяя план Юденича, автор далее писал: «...Если вернуться к схеме буквы Z, то замысел командующего состоял в том, чтобы концентрическими ударами срезать у нее «верхний правый угол». И прорваться на Эрзерум с западной, внутренней стороны хребта Деве-Бойну, обходя самые мощные позиции. Чтобы враг не мог усиливать одни участки за счет других, атаковать предстояло одновременно по всему обводу укреплений, десятью колоннами. И без передышек, круглосуточно. Но свои силы Юденич распределил неравномерно, и эти колонны были неравнозначны. Удары наносились как бы со «ступенчатым» наращиванием и взаим-

⁵⁷ Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 557.

ным усилением в сторону правого крыла. С северной стороны должен был наступать 2-й Туркестанский корпус, а с восточной — двумя группировками 1-й Кавказский». ⁵⁸

И эту твердыню предстояло брать штурмом в условиях жесточайших морозов, по грудь в снегу и без осадной артиллерии. Явный отход от традиционной схемы. Но командующий отходит от традиционной схемы не только в этом. Он решает начать штурм не утром, а поздним вечером, в уже наступившей темноте.

Штурм был назначен на 20 часов 29 января 1916 года. Возражения командиров старшего звена, что дата слишком близка и требуется дополнительная подготовка к такой сложной операции, были разбиты уверенностью Юденича, что героический порыв войск надо использовать, не откладывая, и дата начала штурма им выбрана как раз вовремя. Любопытный эпизод по этому поводу приводит А.А. Керсновский:

«Когда собранные в штабе армии старшие начальники узнали, что штурм назначен уже на 29-е, они пришли в изумление и стали просить отсрочки хотя бы на неделю. Генерал Юденич, выслушав их, спокойно сказал: «Вы просите отсрочки — отлично! Согласен с вашими доводами и даю вам отсрочку: вместо 8 часов (имеется в виду 20 часов. — Ю.П.) штурм начнется в 8 часов 5 минут...» ⁵⁹

Ко дню начала штурма вся 39-я пехотная дивизия (с конца 1915 года ее командиром стал генерал-лейтенант Федор Трофимович Рябинкин — вместо Де-Витта, заменившего Огановского на посту командира 4-го Кавказского армейского корпуса) должна была сосредоточиться на правом фланге корпуса в районе сел Миджилди, Гузчи и города Хасан-кала и наступать тремя колоннами.

Дивизии предстояло атаковать турок в лоб, то есть выполнить задачу по их сковыванию (сходную с задачей, выполненной 39-й дивизией в первый этап операции — при наступлении на с. Кепри-Кей). Вследствие особой важности на время штурма дивизия была подчинена непосредственно командующему армией, составив отдельный боевой участок.

Героический штурм начался с пятиминутной отсрочкой, данной командующим, и весьма вероятно, что для противника такое «некруглое» время явилось дополнительным неожиданным сюрпризом. Подробным описанием штурма я зачитывался у Н.Г. Корсуна не раз. С волнением, которое не передать словами: «...На фронте Деве-бойну части 1-го Кавказского корпуса также перешли в наступление в назначенное время, соблюдая полную тишину. Правая колонна 153-го пехотного Бакинского полка, в составе 3-го батальона и двух рот 4-го батальона **под командой решительно-**

⁵⁸ Там же. С. 558.

⁵⁹ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 147.

го командира Пирумова (выделено мною. — *Ю.П.*) наступала для штурма Далан-гез (один из фортов на хребте Деве-Бойну. — *Ю.П.*) с севера.

Сторожевые части турок, обнаружив наступление полка, встретили его огнем, но русские, смяв турок, безостановочно шли вперед и, приблизившись к форту, обошли его с севера и с криком «ура» бросились на боковой северный фас. Командовавший 10-й ротой Навлянский, увлекая за собой всю роту, первый вскочил на бруствер — но, спрыгнув во внутренность форта, был тотчас же убит (в сноске сказано, что за этот подвиг Навлянский был награжден орденом Св. Георгия, переданным его матери-вдове. — *Ю.П.*).

Вслед за 10-й ротой в форт ворвались и остальные роты правой колонны **во главе с Пирумовым** (выделено мною. — *Ю.П.*). После жестокой штыковой схватки с отчаянно сопротивлявшимся гарнизоном форта, последний был к рассвету 30 января взят.

При штурме 153-й полк понес значительные потери, в особенности в командном составе (Даниэл-беку повезло, запись в его послужном списке гласит: «при штурме форта Долан-гяз контужен и остался в строю». — *Ю.П.*), но выполнил чрезвычайно важную задачу, так как позволил 1-му Кавказскому корпусу зацепиться за позицию Деве-Бойну, тем более что форт Далан-гез прикрывал лучшие подступы к форту Чобан-деде и в ущелье Туй-су.

Пирумов немедленно привел в порядок части своей колонны, занял форт и к рассвету, насколько это было возможно, приспособил горжу форта (тыльное укрепление крепости или форта. — *Ю.П.*) для обороны». ⁶⁰

Успех сопутствовал и 156-му пехотному Елисаветпольскому полку, также «зацепившемуся» за позицию Деве-Бойну. Но противник был не из слабых. Н.Г. Корсун далее пишет:

«С рассветом части 39-й пехотной дивизии оказались под сильным огнем многочисленной, выгодно расположенной крепостной и полевой артиллерии турок.

Особенно в тяжелом положении оказался овладевший фортом Далан-гез 153-й пехотный полк, которому было указано удерживать его, во что бы то ни стало.

Турки, учитывая потерю этого форта, нарушавшую дальнейшую оборону позиции Деве-Бойну, решили приложить все усилия к обратному овладению им. С наступлением рассвета 30 января турки **сосредоточили по форту Далан-гез, по прилегающему к нему району и по подступам к форту со стороны русских огонь более сотни орудий** (выделено мною. — *Ю.П.*), которые громили названные объекты и отрезали форт от остальных частей 39-й пехотной дивизии. Защитники его были предоставлены самим себе,

⁶⁰ Корсун Н.Г. Указ. соч. С. 574, 575.

и всякие попытки русских в течение дня подвезти подкрепление и подать снаряды и патроны к форту кончались неудачей.

С 14 часов турки при поддержке сильного огня с фортов Узун-Ахмед и Чобан-деде перешли в наступление со стороны ущелья западнее Узун-Ахмед.

Артиллерия русских напрягала все усилия на борьбу с артиллерией турок и чтобы задержать стремительное наступление пехоты, но для нее условия борьбы были слишком неравны.

Однако части 153-го пехотного полка, подпустив турок на близкую дистанцию, встретили их организованным ружейным и пулеметным огнем, и турки поспешно отхлынули в исходное положение.

За этой атакой последовал еще ряд яростных атак, все время подерживавшихся огнем многочисленных батарей. Защитники форта, отрезанные от своих войск, несли, однако, большие потери, главное же — у них убывал запас патронов (помните, одна из телефонограмм Даниэл-бека в предыдущий период заканчивалась словами «расхода патронов не было», но, как видите, их все равно не хватило в критический момент. — Ю.Л.). День склонялся к вечеру, когда русские отбили шестую по счету атаку, из которых одна доходила до штыкового боя. Запас патронов иссяк, все многочисленные попытки подать их из полкового резерва на осликах и отдельными людьми закончились гибелью людей-подносчиков и вьючных животных.

Турки повели седьмую атаку, в строй встали все раненые защитники, кто мог еще двигаться на ногах. Подпустив турок вплотную к форту, **русские, по знаку Пирумова и одновременно с ним** (выделено мною. — Ю.Л.), произвели из форта контратаку и с криками «ура» бросились в штыки на турок. Последние не приняли внезапного штыкового удара и отхлынули.

Через небольшой промежуток времени, при наступлении вечерних сумерек, свежие части турок повели восьмую по счету атаку, которую изнемогавшие уже немногочисленные защитники форта, **не помышлявшие об его оставлении** (выделено мною. — Ю.Л.), вряд ли могли бы отбить. Но в этот критический момент положение было спасено подходом одного подносчика патронов, доставившего их на ослике. Патроны были быстро разобраны всеми защитниками форта, до раненых включительно. Приблизившийся атакующий был встречен частым огнем и отброшен с большими потерями.

С наступлением темноты атаки турок прекратились. Русские имели возможность привести себя в порядок и подсчитать потери. Оказалось, что из 1400 бойцов 1½ батальонов 153-го пехотного полка, занявших форт перед началом турецких атак, осталось в строю около 300 человек, и то большей частью раненых. Но задача полком была выполнена.

За ночь гарнизон форта был усилен, раненые эвакуированы. По сторонам форта местность также была занята частями 39-й пехотной дивизии». ⁶¹

Сколько раз я перечитывал описание боя 153-го пехотного Бакинского полка за форт Долан-гез и каждый раз восхищался мужеством солдат, «не помышлявших об оставлении» позиции.

Когда-то, еще в 70-х годах XX века, только начав свои поиски, я нашел в Российской государственной библиотеке небольшую книжечку Н.Г. Корсуна, ⁶² которой, по выражению А.О. Арутюняна, «давно нет на книжных полках». Сделал ксерокопию страниц (115 – 117), где описывались вышеприведенные эпизоды, и часто внимательно перечитывал их дома. До сих пор храню эти страницы, на которых тогда же подчеркнул такие слова автора, как «под командой решительного командира Пирумова», «во главе с Пирумовым», «русские по знаку Пирумова и одновременно с ним». Я хранил ксерокопии страниц, не надеясь, что когда-нибудь увижу эти слова в изданном большом труде, но вот увидел (см. сноски 60, 61).

Однако, признаюсь, я тогда плохо понимал всю масштабность и важность совершенного русскими войсками в дни штурма мощнейшей турецкой крепости в Западной Армении. Понадобились немалое время и «совместный поход», пусть и виртуальный, с 1-м Кавказским корпусом и 39-й пехотной дивизией от Сарыкамыш до Эрзерума, чтобы осознать невероятную сложность выполненных этими частями задач и величие духа их воинов.

Подвиг, столь подробно описанный Н.Г. Корсуном, в наградных листах упомянут с документальной краткостью. Но на то они и наградные листы, что речь в них идет о наградах. В одном из них, написанном от руки, действия Даниэл-бека характеризуются с наибольшей полнотой: «30 января (1916 года. — Ю.П.), когда форт Долан-гез был уже взят штурмом и был в наших руках, полковник Пирумов был назначен командиром среднего боевого участка вместо выбывшего командира 4-го батальона; в район этого участка входил и форт Долан-гез. Турки, желая во что бы то ни стало вырвать его из наших рук, в течение целого дня 30 января с 8 часов утра до 6 часов вечера подвергали (его. — Ю.П.) ожесточенному перекрестному огню крепостной и полевой артиллерии с соседних фортов и в то же время повели целый ряд яростных атак превосходными силами около 2-х полков, но полковник Пирумов, помня приказание Начальника левой колонны, что форт ни под каким видом нельзя отдать, сам находясь под сильным и убийственным огнем, и при натиске превосходных сил противника, **не щадя жизни, подвергаясь смертельной опасности, при этом воодушевляя, отбил восемь яростных атак, благодаря чему форт**

⁶¹ Там же. С. 575.

⁶² Корсун Н.Г. Эрзерумская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1915 – 1916 годах. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1938. 178 с.

был удержан (выделено мною. — Ю.П.). Удостаиваю полковника Пирумова награждению орденом Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени на основании ст. 8 § 2 Георгиевского статута. Командир полка, полковник Арджеванидзе. 29 февраля 1916 года».

Другие подразделения 39-й пехотной дивизии на других участках также добились успеха. 2 февраля, на четвертый день со дня начала штурма, к 16 часам 20 минутам форт Чобан-деде был взят штурмом с севера 154-м пехотным полком, с северо-востока — 156-м пехотным полком. А со стороны уже захваченного форта Далан-гез им помогли части 153-го пехотного полка.

Об участии этого полка во взятии форта Чобан-деде сохранилась запись. Я нашел ее в наградных листах: «2 февраля 1916 года, получив в задачу (так в тексте. — Ю.П.) атаковать двумя батальонами южные отроги Чобан-деде, он (Даниэл-бек. — Ю.П.) под губительным огнем турок, ружейным, пулеметным и артиллерийским, не щадя жизни и подвергаясь смертельной опасности (как и два дня тому назад. — Ю.П.), по глубокому снегу и крутым скатам, несмотря на превосходные силы турок и упорное их сопротивление, сбил противника с занятой им позиции и занял ее. Удостаивается награждению орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами. Командир полка, полковник... (фамилии и подписи нет. — Ю.П.). «...» марта 1916 г.».

К стойкости противника и сложности рельефа местности Н.Г. Корсун добавляет еще один фактор, который очень затруднял действия русских солдат.

«Во время общего решительного наступления и атаки на форты первой линии неожиданно поднялась метель при морозе свыше 20 градусов. Штурмующим колоннам 1-го Кавказского корпуса в этих тяжелых условиях приходилось взбираться местами на почти отвесные, обледеневшие склоны фортов и батарей, **прорывая ряды колючей проволоки** (выделено мною. — Ю.П.)».⁶³

На пятый день штурма — 3 февраля 1916 года — Эрзерум пал. Н.Г. Корсун отмечает, что «при отходе турки подожгли большое здание штаба 3-й армии; на площади перед ним толстый слой пепла свидетельствовал о только что уничтоженных оперативных документах турецкой армии».

Общие результаты Эрзерумской операции впечатляют. Как масштабом потерь с обеих сторон, так и количеством трофеев.

Н.Г. Корсун приводит данные о потерях противника: 235 офицеров и до 13 тысяч солдат, 327 орудий, 9 знамен, а у русских были убиты 27 офицеров и 151 ранен и контужен, из солдат — 943 убиты и 7 тысяч 265 ранены, контужены и обморожены. И это, по мнению автора, только потери во время самого штурма. Всего же, считает Корсун, за время Эрзерум-

⁶³ Корсун Н.Г. Кавказский фронт Первой мировой войны. М.: АСТ, 2004. С. 586.

ской операции русские потеряли 64 офицера (убиты) и 336 были ранены и контужены, а также 2275 солдат были убиты и 14 460 — ранены, контужены и обморожены.⁶⁴

По данным А.В. Шишова,⁶⁵ при обороне Эрзерума турки потеряли 235 офицеров, свыше 12 тысяч солдат, 323 крепостных и полевых орудия, 12 знамен. С русской стороны погибли и были ранены 8,5 тысяч воинов. В полевые госпитали поступили 6 тысяч обмороженных бойцов.

Я несколько раз видел по телевизору хроникальные кадры, снятые известным (по крайней мере, для меня) кинооператором в день взятия Эрзерума. Они хранятся в Российском государственном архиве кинофото-документов (г. Красногорск). Я очень хотел, но так и не решился обратиться к своему троюродному племяннику — директору студии «Мосфильм» Карену Георгиевичу Шахназарову — с просьбой помочь мне заказать копию (впоследствии выяснилось, что в Национальном архиве Армении есть копии этих кадров). Мне же все казалось, что я обязательно увижу дедушку, если замедлить скорость ленты. Сюжет хроникальных кадров был простым и напоминал водружение Красного знамени над поверженным рейхстагом, только вокруг лежал снег и громоздились крутые утесы. Но, наверное, из моей затеи все равно бы ничего не вышло, и дедушки на этих кадрах нет.

У меня есть фотография Даниэл-бека, на которой он изображен в зимней полевой форме полковника. На груди — крест, а чуть пониже креста — полковой знак и орден Св. Владимира IV степени с мечами и бантом. На левом боку — шашка, напоминающая кавказскую, с офицерским темляком. На правом — револьверная кобура под левую руку.

И то, что он сфотографирован именно с орденом Св. Владимира IV степени, полученным 21 апреля 1915 года, и то, что он — в зимней полевой форме полковника (в звании, присвоенном ему 16 ноября 1915 года), говорит о том, что фотография эта, скорее всего, относится к зимне-весеннему периоду 1916 года. Если это действительно так, то Даниэл-беку на этой фотографии уже около 55 лет. Но взгляд его по-прежнему уверен и тверд. Он еще не устал...

Однако война редко предоставляет отдых ее участникам. Ни русские, ни турки не считали падение Эрзерума законченным этапом. Турки — потому, что не все цели операции русскими были достигнуты (благодаря цепкой обороне 10-го турецкого корпуса, двум другим изрядно потрепанным корпусам 3-й армии — 9-му и 11-му — удалось сохранить свои организационные звенья). А русские — именно потому, что 3-я турецкая армия не была уничтожена полностью. К тому же непрерывно шедший снег и поднявшаяся метель превратились в природных защитников про-

⁶⁴ Там же. С. 588.

⁶⁵ Шишов А.В. Указ. соч. С. 241.

Полковник Даниэл-бек Пирумян. Зима 1915 — 1916 годов

игравших, и под их прикрытием остатки 3-й турецкой армии покатались на запад по всем возможным путям отхода. Более-менее энергичное преследование противника удалось наладить только с 4 февраля, когда в помощь коннице была двинута и пехота. Время от времени турки ненадолго закреплялись в отдельных местах, но их быстро выдавливали, увеличивая количество плененных.

Картина беспорядочного отхода особенно поражала на главной дороге — Эрзерум — Эрзинджан, по которой вместе с турецкой армией уходило местное турецкое население. Уходило неспроста.

Русское командование в своих приказах и распоряжениях, конечно же, неоднократно подчеркивало необходимость лояльного и терпимого отношения к мусульманскому населению на завоеванных территориях. Но страх перед возмездием со стороны армянских добровольных боевых дружин, идущих вместе с русской армией, гнал турок с насиженных мест. И действительно, возмездие настигало некоторые турецкие населенные пункты. Особенно те, в которых менее года назад произошли массовые убийства армян. Виновны были жители этих деревень или невиновны, но в том-то и дело, что, как писал в своей книге Георгий Павлович

Хомизури (он подарил мне эту книгу в 2000 году), «главная причина (непризнания турками факта геноцида. — *Ю.П.*) в том, что в уничтожении полутора миллионов армян было задействовано очень большое количество людей... Отцы и деды многих простых людей также принимали активное участие в погромах и зверствах...»⁶⁶

И для армянских дружин такое почти поголовное участие турецкого гражданского населения в геноциде народа, с которым эти бойцы отождествляли себя, не было тайной.

6 февраля 1916 года, преследуя турок, части 1-го Кавказского армейского корпуса вышли на рубеж села Агадир, что на реке Западный Евфрат. 9 февраля турки примерно в 50 километрах от Эрзерума, восточнее селения Ашкала, на два дня задержали преследователей. Но уже 11 февраля откатились к городу Мамахатуну — приблизительно на полпути между Эрзерумом и Эрзинджаном. Погода продолжала играть на руку отступавшим, поэтому их преследование не было слишком энергичным, но все же, по данным А.А. Керсновского, «помимо захваченных на штурме (так в тексте. — *Ю.П.*) пленных и трофеев, при преследовании взято еще 80 офицеров, 7500 аскеров и 130 орудий. Из этого числа 39-я пехотная дивизия взяла 2600 человек и 50 орудий».⁶⁷

Эрзерумская операция вызвала чувство гордости у россиян и изумила их западных союзников. Русские прочно удерживали инициативу и до 28 февраля на Эрзинджанском направлении не предпринимали активных действий. Но 28 февраля после упорного двухчасового боя заняли город Мамахатун. До Эрзинджана, в окрестностях которого расположился штаб 3-й турецкой армии, оставалось чуть более ста километров. А Эрзерум, еще недавно служивший ареной жестоких боев, стал тыловым городом, и промежуток от передовой линии до него был немногим меньше, чем расстояние Мамахатун — Эрзинджан. Теперь русская Кавказская армия держала в своих руках все удобные пути на анатолийские равнины с высокогорья Западной Армении.

Под натиском передовых частей этой победоносной армии турки продолжали откатываться на запад. И 4 марта были оттеснены за реку Западный Евфрат. Через восемь дней, то есть 12 марта, когда Эрзерумская операция формально была закончена, «русские передовые части находились на Эрзинджанском направлении на фронте сел Ташагыл, Сайдиран-куми, Курд-Махмуд, Кара-чай, Саки, Абаксор (около 80 километров восточнее города Эрзинджана), ведя усиленную разведку».⁶⁸

⁶⁶ Хомизури Г.П. Социальные потрясения в судьбах народов. (На примере Армении.) М.: Интеллект, 1997. С. 67.

⁶⁷ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 148.

⁶⁸ Корсун Н.Г. Кавказский фронт Первой мировой войны. М.: АСТ, 2004. С. 595.

А общий фронт временно остановившейся русской Кавказской армии, протяженностью 315 километров, проходил по горным рубежам от Черного моря до западного берега озера Ван. Теперь, имея на главном Эрзерумском направлении мощный резерв в 38 батальонов, можно было думать о новых стратегических целях, главными из которых были город Эрзинджан, вблизи истоков Евфрата, и порт Трапезунд — на побережье Черного моря.

Однако вернусь к своему герою.

14 марта 1916 года Даниэл-бек становится председателем постоянной санитарной комиссии при 153-м пехотном Бакинском полку. 19 марта — председателем полкового суда. А с 1 апреля по 1 мая — временно командует полком и в качестве командира полка участвует с 3 по 12 апреля в боях в районе села Барнакабан. Оригинал его собственноручного приказа от 3 апреля 1916 года, написанный карандашом на бланковом листе в клетку в 7 часов 30 минут утра, а также две ксерокопии его собственноручных приказов от 3 и 4 апреля 1916 года хранятся в моем домашнем архиве. Речь в них идет о переменах в диспозиции отдельных батальонов 153-го пехотного Бакинского полка.

Это временное исполнение им должности командира полка мне не совсем понятно, потому что полковник Арджеванидзе оставил свой пост 2 апреля 1916 года, а вместо него был назначен полковник Евгений Васильевич Масловский, вступивший в должность командира полка только 7 апреля 1916 года. Получается, что Даниэл-бек, будучи официально в должности временно исполняющего обязанности командира полка со 2 по 7 апреля (пять дней), продолжал исполнять эти должностные обязанности до 1 мая — одновременно с вновь назначенным командиром. Почему? Быть может, Масловский в тот момент был болен?

Хотя на фотографии зимы-весны 1916 года Даниэл-бек и не выглядит усталым, но не стоит, видимо, забывать, о полученных к 55 годам двух контузиях и трех ранениях, не считая других серьезных травм. Так что решение начальства, которое вскоре последовало, меня совсем не удивило: 11 мая 1916 года на основании свидетельства Александровского комитета о раненых (от 21 апреля 1916 года за № 79899) Даниэл-бек был причислен к 3-му классу раненых.

Что это за комитет и какие привилегии полагались военнослужащему 3-го класса раненых? Из архивных документов я узнал, что названный первоначально просто «Комитетом», он был учрежден 18 августа 1814 года для оказания помощи военнослужащим-инвалидам, а также семьям погибших или умерших от ран. Дата эта была выбрана не случайно: ровно год назад в сражении под Кульмом (Богемия) объединенные русско-пруско-австрийские войска разгромили французскую дивизию генерала Вандама. С 12 декабря 1877 года, в дни Русско-турецкой

войны, комитет получил новое название — «Александровский комитет о раненых», а с 1909 года он был включен в состав Военного министерства. И с этого момента раненых стала опекать именно та структура, которая и призвала их на поля сражений. Все они — служившие и в армии, и на флоте, и в ополчении — по характеру и тяжести полученных ран делились на три класса. К 1-му классу, самому тяжелому, причисляли тех раненых, которые не могли содержать себя собственным трудом и нуждались в постоянной посторонней помощи. 2-й класс «заслуживали» раненые, лишенные какого-либо одного важного члена или получившие от ран неизлечимое расстройство здоровья. К 3-му классу относили всех остальных, кто был затруднен в действиях из-за ранения какого-нибудь важного члена или если вследствие ран у них остались болезненные припадки.

Кроме права на покровительство Александровского комитета, пострадавшие на фронте пользовались некоторыми преимуществами при назначении пенсий из государственного казначейства или эмеритальной кассы (в этих кассах средства формировались за счет отчислений из жалования самих военнослужащих или гражданских чиновников).

Сведения о полученных ранах и увечьях вносили в послужные списки раненых на основании перевязочного свидетельства, которое выдавали или на перевязочном пункте, или в том лечебном заведении, где раненый «состоял на пользовании». Эти свидетельства считали действительными только в том случае, если они были выданы и удостоверены местным начальством не позже трех месяцев со дня получения раны или увечья. Но все, кто мог снова встать в строй, подлечившись, возвращались на фронт.

Кавказскому фронту непрерывно требовалось пополнение, потому что турки не смирились с потерей Эрзерума и намеревались взять реванш на пути дальнейшего продвижения русской Кавказской армии на запад.

К середине мая они решили ликвидировать так называемый Мамахатунский выступ и направили для этой цели сразу два армейских корпуса: 9-й и 11-й. Как отмечает А.В. Шишов в своей книге, «...русским пришлось отойти. Но когда турки попытались продвинуться к Эрзеруму, то были остановлены 39-й пехотной дивизией, **имевшей славу одной из лучших в Кавказской армии: ее полки успешно отразили пять массированных вражеских атак** (выделено мною. — Ю.П.).

Из всех полков, сражавшихся на Мамахатуне (так в тексте. — Ю.П.), больше всего подвигов в те дни выпало на долю 153-го пехотного Бакинского полка. В боях 21, 22 и 23 мая подчиненные полковника Масловского остановили атакующий натиск двух (!) турецких пехотных дивизий — 17-й и 28-й и отразили две кавалерийские атаки. В последних случаях бакинцы всем полком вели залповый огонь в упор, стоя и с коле-

на, как на зачетном учении. Но полк понес тяжелые потери, лишившись 21 офицера и 900 нижних чинов».⁶⁹

Даниэл-бека в числе погибших не было. О его участии в этих боях в послужных списках сказано кратко: «Участвовал в боях в районе хребта Думанлы-даг с 22 по 24 мая». А спустя почти месяц — 21 июня 1916 года — за подписью полковника Арджеванидзе (а не Масловского, по-видимому, Арджеванидзе знал аттестуемого лучше) на Даниэл-бека оформляют боевую аттестацию (почему-то как на подполковника, хотя он уже год как полковник), которую я нашел в РГВИА: «Физически здоров (а как же контузии и ранения? — Ю.П.). Труды походной жизни переносит легко. Службу знает отлично и относится к ней добросовестно. В отношении подчиненных **сердечен и заботлив, но мало требователен и недостаточно строг. В бою спокоен, неустрашим, энергичен, распорядителен и находчив, никогда и ни при каких обстоятельствах не терялся, собственную инициативу имеет, решение самостоятельных задач поручать можно смело**»⁷⁰ (выделено мною. — Ю.П.). Что ж, значит все же правильно я описал дедушку по фотографии: «он еще не устал».

С замиранием сердца я читал эти строки. Меня очень обрадовали человеческие качества Даниэл-бека, его сердечность и заботливость. Такие качества мне внутренне необыкновенно близки. А то, что он одновременно был малотребовательным и недостаточно строгим, судя по моему жизненному опыту, говорит лишь о том, что такие свойства природы часто, если не всегда, сопутствуют доброте. Боевая часть аттестации в комментариях не нуждается, все и так ясно. Главная же опасность для людей такого плана, как Даниэл-бек, на мой взгляд, в том, что они, перейдя от активной фронтовой жизни к мирной военно-административной деятельности, «вписываются» в нее с трудом.

Но пока не до мирной деятельности. Все попытки турок восстановить свое положение провалились. Русское командование быстро перехватило инициативу, и в июле 1916 года Эрзинджан был взят. По поводу точной даты взятия города единого мнения в обозреваемых источниках нет.

Так, А.А. Керсновский утверждает, что «с фронта 1-й Кавказский корпус форсировал Кара-Су (Западный Евфрат — Ю.П.), опрокинул 9-й и 11-й турецкие корпуса, и 10 июля 39-я пехотная дивизия ворвалась в Эрзинджан»,⁷¹ причем первыми были солдаты 154-го пехотного Дербентского полка.

Другую дату приводит А.О. Арутюнян.⁷² Он пишет, что Эрзинджан был взят 12 июля 1916 года, и эта операция описана у него крайне ску-

⁶⁹ Шишов А.В. Указ. соч. С. 257.

⁷⁰ РГВИА. Ф. 409, оп. 3, д. 7083.

⁷¹ Керсновский А.А. Указ. соч. С. 157.

⁷² Арутюнян А.О. Указ. соч. С. 243.

по. К сожалению, А.В. Шишов, рассказывая об Эрзинджанской операции, вообще не указывает никакой даты взятия города. В то же время В.Е. Шамбаров о крушении обороны города сообщает буквально следующее: «30 июля, перевалив несколько хребтов, полки 5-й казачьей дивизии вышли на 20 километров западнее Эрзинджана, перерезав шоссе на Сивас, а Сибирская бригада с пластунами и 39-я дивизия в этот же день, с двух сторон, вошли в город».⁷³

Если даже, как мне представляется, В.Е. Шамбаров называет дату взятия Эрзинджана по новому стилю, то и тогда налицо несовпадение между его мнением и мнениями А.А. Керсновского и А.О. Арутюняна: получается, что город был взят 17 июля. И таких несовпадений — в два-три дня — в цитируемых мною источниках немало, как и во многих других работах о Первой мировой войне. Связано это обстоятельство, возможно, с тем, что дату взятия какого-либо пункта часто определяли по первой части, вошедшей в город. Но иногда бывало, что противник не до конца оставлял защищаемый объект и бои продолжались еще некоторое время, пока, наконец, тот полностью не переходил под контроль победителей. Иной раз дата такого перехода и близко не совпадала с первоначальной. Отсюда, наверное, и разночтения.

Но у меня, помимо дат, приводимых цитируемыми мною авторами, есть еще два, правда, косвенных ориентира. Если отталкиваться от послужных списков Даниэл-бека, где написано, что он принимал участие в Эрзинджанской операции — с перерывами — в общей сложности с 24 июня по 15 июля (с чем связаны эти перерывы, неясно, и выглядят они как-то странно: с 24 июня по 27 июня, с 30 июня по 3 июля и с 13 июля по 15 июля), а также — от воспоминаний тети Сони (она утверждала, что в этой операции «было тяжело с патронами» и потому Даниэл-беку пришлось брать город Эрзинджан «без выстрелов, с одним лишь криком «ура» и с дубинкой в руке»), то получается, что день столь важной победы — 15 июля. Но тогда придется признать, что все уважаемые авторы — с разных сторон, но все-таки близки к этой дате. Посему буду считать, что Эрзинджан был взят в середине июля 1916 года.

А вот насколько правдоподобен эпизод с дубинкой? Возможно, почти что-то такое и было. Ведь отмечают же и А.В. Шишов, и В.Е. Шамбаров, что турки в тот момент были сильно деморализованы своими неудачами. Но в какой степени?! Не знаю. Только этот эпизод мне чертовски нравится! И коль не дубинкой, то уж криком «ура» — точно. К тому же слово «ура» используется и в печатном тексте наградного листа, где говорится о действиях Даниэл-бека на раннем этапе Эрзинджанской операции:

«Днем 30 июня (1916 года. — Ю.П.), войска вверенного мне боевого участка, в составе 153-го пехотного Бакинского полка, 1-го и 2-го Дон-

⁷³ Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 632.

ских пеших батальонов и дивизиона 1-го Кавказского армейского корпуса, заняли позицию от Гек-даг через селение Уликис-кули до горы Аг-даг включительно, перед турецкой позицией, занимавшейся 17-й турецкой дивизией и Эрзинджанским жандармским батальоном.

Тактическим ключом позиции была гора Губак-даг, в виде огромного конуса с широким основанием, вся усеянная окопами турок. Подступы были очень тяжелыми. Согласно полученного приказа о ночной атаке горы Чубан-даг совместно с кубинцами (155-м пехотным Кубинским полком 39-й дивизии. — *Ю.П.*), мною была назначена колонна в составе 3-х батальонов 153-го пехотного Бакинского полка под начальством полковника Пирумова с задачей вести наступление с фронта Гек-даг — Уликис-кули, исключительно с целью овладения горой (очевидно, речь идет о горе Губак-даг. — *Ю.П.*).

Кубинские два батальона повели наступление со стороны сел. Сарикал. В 23 часа 30 минут 30 июня полковник Пирумов лично повел в атаку свою колонну и, несмотря на тяжелые местные условия, точно вывел колонну к окопам турок, открывшим в 3 часа ночи сильный огонь. Он личным примером воодушевлял подчиненных и увлекал их за собой и, подвывая батальоны к окопам, с криком «ура» бросился в штыки. Результатом этой атаки гора Губак-даг была быстро занята, а выбитые штыком (так в тексте. — *Ю.П.*) турки бежали. К этому времени рассвело, полковник Пирумов, видя, что турки еще держатся на остальной позиции на гребне, идущем от горы Губак-даг на юг, и в селе Ховакин, быстро направил роты по гребню во фланг, заставив турок обратиться в беспорядочное бегство. Захвачено в плен 16 офицеров и несколько десятков аскеров. Благодаря энергии, беззаветному мужеству и опытности полковника Пирумова задача была выполнена блестяще. Вся турецкая позиция занята, и 17-я турецкая дивизия, несколько оправившаяся от поражения, вновь (слово «вновь» замазано. — *Ю.П.*) была разбита. За столь блестящие боевые действия полковника Пирумова ходатайствую о награждении его орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость». Подписал: командир полка Масловский».⁷⁴

Верится мало, но, может, именно эти действия Даниэл-бека на раннем этапе Эрзинджанской операции со временем обросли героическими деталями, которые его семья ассоциировала с моментом взятия города: крик «ура», естественно, остался, а штык превратился в дубинку.

Как бы то ни было, но от тети Маруси ко мне перешли две подлинные фотографии с видами Эрзинджана, на обороте которых рукой Даниэл-бека написано название города.

Если фасад здания турецкой администрации, что на фотографии внизу, следуя градостроительной логике, выходил на главную площадь (как мне

⁷⁴ РГВИА. Ф. 2767, оп. 2, д. 276, л. 1.

Город Эрзинджан (вид на мечеть)

Город Эрзинджан (здание турецкой администрации)

хочется думать), то именно перед этим зданием, по словам В.Е. Шамбарова, сразу после взятия города Великий князь Николай Николаевич принял парад на главной площади, «...стоя в автомобиле проехал фронт, здоровался с каждой частью в отдельности, а потом, остановив автомобиль в каре частей, благодарил их за доблесть, труды и понесенные жертвы».⁷⁵ И если это так, значит, и Даниэл-бек был на этом параде и слышал слова главнокомандующего Кавказской армией.

Николай Николаевич пользовался большой популярностью и, можно сказать, любовью войск. У меня есть ксерокопия фотографии, похожей — из журнала «Нива», где Николай Николаевич снят с большой группой Георгиевских кавалеров Кавказского фронта. Снимок сделан в Георгиевский праздник — 26 ноября, но я не смог выяснить, в каком году: 1915-м или 1916-м? Если — в 1916 году, то Даниэл-бек должен был бы быть в этой группе. Но вокруг могучей колоритной фигуры Николая Николаевича плотной толпой стоят около ста человек, и одинаковая форма нивелирует их индивидуальные черты настолько, что, думаю, даже на оригинале фотографии я бы не смог узнать своего дедушку.

Впрочем, не так уж и важно, находится Даниэл-бек в этой группе или нет. Слава Богу, есть и другие, более качественные фотографии, где он — Георгиевский кавалер. А плюс к этому званию, за свои последние действия на фронте он награжден 9 августа 1916 года орденом Св. Равноапостольного князя Владимира 3-й степени с мечами.

Это личный военный итог Даниэл-бека к осени 1916 года. Итог же всей военной кампании 1916 года, включая Эрзинджанскую операцию, знаменует собой беспрецедентное продвижение русских войск в глубь Западной Армении. На самом передовом рубеже они продвинулись даже дальше Эрзинджана — еще на 40 километров к юго-западу и вышли на берег Евфрата недалеко от городка Кемах, одного из тех зловещих мест в Западной Армении, где в 1915 году происходили массовые расправы над мирными армянскими жителями. Вблизи этого места и расположился 153-й пехотный Бакинский полк.

Но с победой русского оружия на главном стратегическом направлении возник, а точнее, мог возникнуть, и политический итог. Впервые за все время пребывания Западной Армении в составе Турции у армян этой территории (другое дело, что к этому моменту их там практически не осталось, к чему и стремились младотурки) появился исторический шанс на получение при поддержке России реальной автономии. Правда, царское правительство всегда очень подозрительно относилось к любым проявлениям сепаратизма со стороны различных национальных меньшинств, населявших Российскую империю. И армяне в этом отношении вызывали как раз самую большую тревогу в душах администраторов

⁷⁵ Шамбаров В.Н. Указ. соч. С. 632.

любых уровней. Но именно в этот знаменательный итоговыми победами на Кавказе 1916 год многие из видных общественно-политических деятелей стали всерьез задумываться о будущем края. И не только задумываться, но и писать об этом, в том числе и в «высокие инстанции». Одним из политических деятелей, «писавших» на эту тему, оказался не кто иной, как... министр иностранных дел России Сергей Дмитриевич Сазонов. Назначенный министром в ноябре 1910 года, он оставался им до 7 июля 1916 года. По мнению некоторых исследователей, исходя из содержания, именно в 1916 году (точной даты Сазонов не указал) он и написал докладную записку по армянскому вопросу в Совет министров. Прочитую отрывки из ее заключительной, наиболее важной, с моей точки зрения, части.

«...В настоящее время трудно предсказать, в каком виде выйдет Турция из этой войны, но, во всяком случае, можно полагать, что она будет продолжать свое существование в том или ином виде, и совершенно очевидно, что наши расчеты с нею далеко не закончены (о, если бы Сазонов только знал — насколько далеко! — Ю.П.). Значение армянского элемента поэтому получает сугубо важный характер...» Далее Сазонов от лица Министерства иностранных дел излагает предложения Совету министров:

«1) ...на России лежит нравственный долг всемерно поддержать в эту трагическую для армян пору армянский народ, верный русскому престолу и России, бросившийся в борьбу с вековым своим утеснителем (почти буквальное повторение мнения Николая II, высказанного им при объявлении войны Турции. — Ю.П.), поставив на карту самое свое существование.

2) Как Турция, так и, в особенности, Германия принимают все меры к истреблению и выселению армян из Армении. Естественно поэтому, что задачей нашей военной власти должна быть всемерная поддержка армянского элемента в Армении (имеется в виду — в Западной Армении. — Ю.П.) по мере занятия нами тех или других ее частей, а также оказание всякого содействия эвакуации армян в случае наших отступлений.

3) Оказание всякой помощи беженцам при одновременном принятии мер к тому, чтобы они не подверглись рассеиванию по Кавказу и России, дабы впоследствии можно было бы водворить их обратно в Армению (речь опять-таки идет о Западной Армении. — Ю.П.).

4) Особенно необходимо благожелательное отношение к армянам на Кавказе, ввиду обнаруженной ими беззаветной преданности русским интересам, **а также ввиду той роли, которую армяне могут сыграть в будущем при устройстве Армении и Турции, в какую бы форму ни вылилось это устройство** (выделено мною. — Ю.П.)...»

Но Первая мировая война все еще продолжается, и осень 1916 года застаёт Даниэл-бека на переднем крае расположения русской Кавказской армии.

На отдельных участках до 7 сентября 1916 года шли бои, но затем, в связи с морозами, на фронте наступило относительное затишье. Это заметно даже по телефонограммам из полевых книжек Даниэл-бека,⁷⁶ охватывающим период с 12 сентября по 9 ноября 1916 года. А фактически — по 16 ноября 1916 года, но в последнюю неделю телефонограммы подписывал полковник Масловский.

Я испытал сильнейшее волнение, когда перелистывал эти книжки, в заднем кармашке одной из которых (№ 145) даже сохранился листок синей копировальной бумаги. Под эту копирку Даниэл-бек и писал свои телефонограммы. На титульных корочках книжек написано: «Полевая книжка. Александрополь. Типография А. Малхосянца. 1915».

Все телефонограммы (за исключением тех, что посланы в последнюю неделю) подписаны Даниэл-беком: или как «За командира полка», или как за «Временно командующего 153-им пехотным Бакинским полком». Хотя замещал он Масловского только со 2 октября по 8 ноября 1916 года. Направлены телефонограммы, главным образом, командующему 39-й пехотной дивизией — им с 22 мая 1916 года стал вместо Рябинкина генерал-лейтенант Владимир Платонович Ляхов (иногда Даниэл-бек называет командующего «начальником 39-й пехотной дивизии»). Но есть случаи, когда Даниэл-бек направлял телефонограммы или посылал их копии другим командирам.

Поскольку текст телефонограмм написан от руки, то некоторые места оказались трудны для прочтения и интерпретации. Отсюда вынужденные пропуски в тексте и вопросительные знаки.

Полевая книжка д. № 145 (широкая). Телефонограммы в ней охватывают период с 12 по 19 сентября 1916 года.

В большинстве телефонограмм действительно говорится об относительном затишье на фронте. Наиболее употребительные выражения в них, как и в телефонограммах лета 1915 года: «На фронте вверенного мне участка спокойно. Расхода патронов не было». Или еще короче: «На фронте без перемен».

Вспомнил название самого первого романа Э.М. Ремарка — «На Западном фронте без перемен». Удивительно, как разным людям в сходных ситуациях приходят на ум одни и те же слова.

Но временами обстановка на фронте меняется. Вот телефонограмма от 18 сентября, № 857, 18.00. Копия: «Командиру 154-го Дербентского полка. Около 14 часов турецкие разведчики в количестве 10 — 12 человек приблизились к нашей выдвинутой у моста роте. Дали три залпа, рассыпались в цепь и заняли гору, находящуюся влево от этой роты, где и находятся до сих пор. В это же время пришедший курд сообщил командиру роты, что курды, стоящие извне (так в тексте. — Ю.Л.) от этой роты, от-

⁷⁶ РГВИА. Ф. 2767, оп. 2, д. 144 — 149.

ходят в виду наступления турок; посланная в этом направлении разведка пока не дала никаких сведений, разведка продолжается; в остальном все без перемен».

В этой полевой книжке с 19 по 22 сентября идут телефонограммы почему-то за подписью полковника Масловского, из которых можно сделать вывод о моральном состоянии солдат противника: «...21 сентября перебежали три турецких аскера 108-го полка», «...в турецкой армии много дезертиров». Последняя телефонограмма Масловского написана на обложке полевой книжки: «...много перебежчиков на нашу сторону».

Полевая книжка д. № 146. Телефонограммы в ней охватывают период со 2 по 8 октября 1916 года. Самая характерная запись (от 2 октября, № 938, 20.00): «Расхода патронов не было. В полку состоит на лицо 1 608 571 винтовочных патронов. На каждую действующую винтовку приходится 300 патронов и на каждый пулемет 9000 штук». Из этого сообщения легко вычисляется количество «действующих» винтовок. Их более 5360 штук, и, возможно, штат полка укомплектован сверх нормы (норма — 4 батальона по 800 человек в каждом), а может быть, создан запас стрелкового оружия.

На следующий день (3 октября) — более тревожная телефонограмма (№ 939, 5.00): «В 22 часа 2 октября турки силою в один взвод поднялись по кряжу высоты 2750 к правой заставе сторожевой 16-й роты и обстреляли самый правый караул и секрет, состоящий из 4 человек, высланный вправо и вперед, толстым (наверное, все же «плотным». — Ю.П.) огнем и ручными гранатами. Подошедшая резервная заставка сторожевой роты силой в два взвода была выдвинута вперед и стала... (далее непонятое слово. — Ю.П.) справа. Турки ушли. С отходом турок не оказалось людей секрета. Полагали, что они отступили к Дербентцам, но высланная разведка и люди Дербентцев, высланные для связи, показали, что секрету не удалось отойти и все 4 человека попали в руки турок. Число турок определяют 40 — 50 человек. Убитых и раненых нет. В настоящее время на фронте вверенного мне участка спокойно».

В следующей телефонограмме, посланной в тот же день, тон более приподнятый (№ 940): «В дополнение телефонограммы за № 939 доношу, что 4 нижних чина из секрета, считавшиеся снятыми турками во вчерашнем нападении на правофланговую заставу, вернулись в свою роту. Выяснилось, что они, заметив движение турок, открыли по ним огонь, но потом, поняв, что... (далее несколько неясных слов. — Ю.П.) турки наступают, разделились, двое направились к танки... (снова не понятно. — Ю.П.) Евфрату и вышли сегодня к своей заставе, а другие двое по оврагу... (не ясно. — Ю.П.) вправо и вышли сегодня к Дербентцам».

В этот же день (3 октября) Даниэл-бек посылает еще одну телефонограмму (№ 942, 20.00): «За истекшие сутки израсходовано 2046 винтовочных патронов...»

На следующий день (4 октября) он сообщает (№ 944): «В дополнительные телефонограммам 939 и 940 доношу, что турки в ночь на 3 октября около 22 часов в количестве 100 человек, обойдя правый фланг нашего сторожевого охранения по гребню юго-восточнее хребта высоты 2750, напали на крайний фланговый караул заставы № 1. Караул, предупрежденный ружейным огнем нашего правого секрета, встретил нападающих огнем и отступил к заставе, совместно с которой дружным огнем продвинувшийся было вперед противник был отбит. На утро на путях отхода турок было найдено 5 ручных гранат, 4 штыка и около 500 патронов, обнаружены следы крови и куски марли, пропитанные кровью. У нас потерь и ранений не было. На первый же залп секрета турки ответили сильным ружейным огнем и ручными гранатами, которых разорвалось около 15».

И в этот же день... Телефонограмма № 946 от 4 октября: «При сем провождаю задержанного, который своими сбивчивыми показаниями, подозрительным видом вызывает сомнение, действительно ли он курд — мирный житель или шпион. При первом допросе он показал, что он житель с. Тисор (или Шосор. — Ю.П.), и не мог объяснить, с какой целью он попал в с. Максуд-ушан, не указал, чем он занимался там и откуда у него одежда аскера. При вторичном допросе он показал другое, якобы, он житель сел. Шонари и одежда им куплена в Эрзинджане на деньги, вырученные от продажи 12 фунтов масла».

Телефонограмма № 953 (от 5 октября, 17.00). Копия. «Командиру 154 Дербентского полка: в 15 часов было замечено наступление турок в количестве нашей роты против сторожевой роты, находящейся на правом берегу Евфрата, причем со стороны Товчинера на среднюю заставу наступает около 60 человек. Подробности будут донесены дополнительно».

И вот они, подробности (телефонограмма № 954 от 5 октября, 20.55, копия — туда же), начиная со слов «до 60 человек»: «Сторожевыми заставами турки были встречены огнем, и вели все время с наступающими турками перестрелку. В 17 часов было замечено, что турки, заняв одной группой силою около 200 человек хребет над сел. Товчинер и другой группой в 150 человек хребет над сел. Шортан, стали накапливаться небольшими группами в этих селениях. С южных склонов высоты 2750 были высланы турками сильные дозоры, очевидно для наблюдения за нашим правым флангом. В настоящее время турки заняли линию селений Шортан — Товчинер количеством две роты нашего состава, причем у самого сел. Шортан расположилось около 100 человек турок. Турки обстреливаются нашей правофланговой заставой прицелом 16, а средней — 12, 13. Под вечер наблюдалось движение выюков с верховыми, по-видимому, горной артиллерии. Приняты все меры на случай дальнейшего его (наверное, противника — Ю. П.) наступления».

На следующий день все то же (6 октября, № 955, 5.00, копия — туда же): «Приблизительно около 23 часов турки в количестве 40 — 50 человек пытались проникнуть в сел. Хонд, но постами роты, выдвинутой у моста, были обстреляны. Посты, стоящие у перекрестка дорог, ведущих на сел. Хонд, заставили турок рассыпаться, после чего турки повели наступление на посты, которые под натиском их отошли на линию своих караулов. От сих караулов турки были отбиты. Высланные разведчики-охотники от 2-й сторожевой роты, стоящей на правом берегу Евфрата, выяснили, что турки, занимавшие линию Шортан — Товчинер, отошли назад. Потерь и раненых с нашей стороны не было. В настоящее время на фронте вверенного мне участка спокойно».

В тот же день (6 октября, № 960, копия — туда же): «Высланная сегодня офицерская разведка выяснила, что турки занимают старые позиции и их наблюдательные посты на прежних местах. В селении Шортан никого нет, и отрог горы, что южнее села Шортан, турками тоже не занят».

Полевая книжка д. № 148. Телефонограммы в ней охватывают период с 9 октября по 17 октября 1916 года.

10 октября (№ 976): «Около 9 часов утра у моста, что на реке Евфрат, на правом берегу появились до 25 турок, двигавшиеся к мосту цепью; отдельный караул, охраняющий район у моста, открыл сильный огонь, заставивший турок отступить за сопку 10-й роты, что впереди реки Аркефан. Также этими же постами была около 21 часа 9 октября у... (слово неясное, возможно, «услышана». — Ю.П.) по лошадиному топоту на мосту кавалерия турецкая, которая была ими обстреляна».

11 октября 1916 года, когда Даниэл-бек посылает четыре телефонограммы подряд с сообщением, что «на фронте все спокойно», он, согласно послужным спискам, приказом по Кавказской армии «за отличия в делах против неприятеля» награжден мечами и бантом к имеющемуся ордену Св. Станислава 3-й степени.

На следующий день (12 октября) он посылает очень большую телефонограмму (№ 987): «При сем представляю аскера-перебежчика 108-го полка, перебежавшего утром на заставу у с. Кам, на правом берегу Евфрата, Махмуда-Ибрагим-оглы, который показал, что он с месяц тому назад прибыл в составе 155-го полка из Константинополя на пополнение 108-го полка. 108-й полк стоит на правом берегу Евфрата на возвышенностях у сел. Тухса, имея левее себя 107-й полк, а 106-й полк, по его словам, расположен на левом берегу Евфрата, порядок же его расположения он не может указать. При его полку имеется 4 пулемета и 4 горных орудия. Последнее он утверждает, так как он сам работал по постройке укреплений для этих орудий. В тылу его, где именно, он не знает, находятся 38-я и 39-я дивизии, которые на днях должны сменить 36-ю дивизию, отходящую в тыл на отдых. Расположение других частей он не зна-

ет, так как хорошо не знает названий местности. Полк из 4-х батальонов. В роте по 120 — 170 человек, настроение в войсках очень скверное, хлеба выдают очень мало. Не более 1,5 фунта, мяса дают мало, чаю, сахару и табаку совершенно не выдают. Одеты аскеры очень плохо, за исключением прибывших на пополнение из Константинополя. 5 октября в наступлении участвовал 1-й батальон 108-го полка. Цель этого наступления для него, как и для многих, неизвестна. В настоящее время идут усиленные работы по постройке землянок, офицеры уверяют, что эту зиму придется простоять здесь; они также уверяют, что земли, отошедшие к России, будут обязательно отобраны и возвращены (и, к сожалению, не ошибались, Ленин помог. — Ю.П.). Командир его роты — Шишиаки-эффенди, батальонный командир — Ильмаш-эффенди, командир полка — Назым-бек, начальник дивизии — Сильмат-паша.

И опять несколько скупых телефонограмм, типа: «На фронте все спокойно, расхода патронов не было».

Следующая телефонограмма куда более «содержательная» (от 16 октября, № 1004): «При сем представляю двух аскеров-перебежчиков 108-го полка с одной винтовкой и обоймами с патронами. Они недавно прибыли из Константинополя на укомплектование 108-го полка. Расположение 36-й дивизии им неизвестно, за исключением своего полка. Полк их стоит на правом берегу Евфрата, имеет при себе 4 горных орудия и 4 пулемета. Полк — 4-х батальонный, в каждой роте по 120 — 130 человек. В данное время они строят себе землянки. Кормят плохо, и настроение в войсках скверное. Они также подтверждают присутствие какой-то дивизии в тылу, которая в скором времени должна (их. — Ю.П.) сменить. Побегі очень часты. Бегут как на родину, так и к противнику».

Полевая книжка д. № 147. Телефонограммы в ней охватывают период с 17 по 22 октября 1916 года.

В одной из телефонограмм (от 17 октября, № 1015, Начальнику штаба на № 6961) говорится о том, что солдаты бегут не только из частей противника. Вот ее текст: «Рядовой Илья Мартыненко, прибывший на укомплектование, был зачислен в списки полка и временно находился в 4-й роте, в конно-разведывательной команде; о нем было возбуждено ходатайство о переводе его в 5-ю Манчжурскую сотню. Заболев, он был отправлен в полковой околоток, откуда самовольно отлучился неизвестно куда».

Еще одна негативная деталь о быте русских войск в телефонограмме от 18 октября (№ 1017, Командиру 3-й батареи 39-й артиллерийской бригады): «Из доклада коменданта, подпоручика Тресвятского видно, что нижние чины вверенной Вам батареи самовольно ломают и берут у жителей окна и двери. Прошу принять меры к прекращению этого беспорядка».

Другая телефонограмма (от 20 октября, № 1029, 17.00) сообщает: «Агентурной разведкой выяснено, что в Карпути никаких турецких

войск нет, есть только полицейские аскеры. Жители г. Карпута уходят, кто куда хочет».

По всему чувствовалось: войскам предстоит зимовка на позициях. Потому «бытовые» телефонограммы не удивляют.

В тот же день, 20 октября, начальнику хозяйственной части была послана телефонограмма (№ 1032): «Требую, чтобы не позже 27 октября было бы доставлено обмундирование, не менее как на три роты и (фраза зачеркнута. — Ю.П.) нахожу этот вопрос уже исчерпанным».

22 октября (№ 1043, Начальнику штаба 39-й дивизии): «Сообщаю, во 2-м батальоне уже имеется баня. В других же батальонах и в резерве будет приступлено к устройству бань по окончании постройки землянок».

И следом еще телефонограмма (22 октября, № 1044, полковнику Дому): «Прошу установить очередь пользования баней, включив в число пользующихся 4-ю роту».

Телефонограммы в д. № 149 охватывают период с 22 октября по 1 ноября 1916 года. Как бы в продолжение предыдущих забот об устройстве бани, летит еще одна телефонограмма (22 октября, № 1045, капитану Динкиеву): «4-й роте пользоваться баней в сел. Бирастин, сообразуясь с установленной очередью командиром 2-го батальона».

В этот же день, 22 октября, Даниэл-бек посылает очередную телефонограмму, но уже подполковнику Васильеву. И все — о бане (№ 1046): «По окончании работ по постройке землянок на вверенном Вам участке немедленно же приступите к устройству бани для нижних чинов». Наконец, последняя телефонограмма в насыщенный заботами о быте воинов день — 22 октября (№ 1050, Начальнику хозяйственной части): «В первую очередь необходимо одеть теплой одеждой роты передовой линии, как-то: 1-ю, 2-ю, 3-ю, 4-ю, 5-ю и 16-ю, поэтому завтра же примите все меры получить для вышеназванных рот папахи, полушубки и валенки и тотчас отправить по назначению. Полученные уже юрты отправьте в распоряжение подполковника Курдюмова без всякого промедления. Об исполнении доложите. Подвоз (так в тексте. — Ю.П.) телефонного имущества, в котором крайняя нужда».

23 октября (№ 1053, подполковнику Курдюмову): «Левofланговой роте стать у Монастыря или сел. Ки по Вашему выбору. Ротам держаться при теперешних условиях до возможного, отводить или перегруппировывать постепенно. Взводы, остающиеся на заставах, должны быть обеспечены помещением, для чего сегодня высланы еще две юрты. Донесите, сколько еще нужно юрт? Присылаю 9 верст провода, 1 аппарат в Ваше распоряжение, остальной провод будет выслан по мере получения. Высылаемые юрты без веревок, взамен чего отправлена одна верста негодного провода. Сегодня же высылаются валенки для нижних чинов».

Затем до 27 октября в телефонограммах звучит рефреном «на фронте все спокойно».

А 27 октября телефонограмма — уже подполковнику Курдюмову (№ 1067): «Ввиду наступления хорошей погоды, Начальник дивизии приказал снова выставить офицерскую наблюдательную заставу на перевал Хатыр-гедычи и ротам остаться на такое... (опять невозможно прочесть. — *Ю.П.*). Прошу исполнить немедленно. Если же это не представляется возможным исполнить, сообщите для доклада Его Превосходительству».

В тот же день (№ 1068, Начальнику штаба 39-й пехотной дивизии): «Ввиду того, что на перевале Хатыр-гедычи выпал снег глубиной в один аршин и сильные морозы, доставку продуктов для заставы сделать невозможно. Прошу испросить разрешение у Начальника дивизии не выставлять на этом перевале офицерского наблюдательного пункта».

Следующую телефонограмму Даниэл-бек составлял три раза. Это четвертый, окончательный вариант (27 октября, № 1071, Командиру 5-й сотни 3-го Екатеринодарского полка): «Прошу Вас и г.г. офицеров вверенной Вам сотни пожаловать завтра к 9 часам утра на молебен по случаю полкового праздника, после чего будет парад».

Через день — 29 октября (№ 1075, 17.00): «На фронте вверенного мне участка спокойно. В 9 ч. 45 мин. показался аэроплан турецкий, направлявшийся к Эрзинджану. Дежурные части обстреливали его, но безрезультатно».

Последняя полевая книжка в д. № 144. Телефонограммы в ней охватывают период с 1 ноября по 9 ноября 1916 года.

Вот телефонограмма этапному коменданту г. Эрзинджана (1 ноября, № 1088): «При сем препровождаю мухтара сел. Анасраа Турсун-Мамедоглы и жителя того же селения Джафара-Юсуфь-оглы, которые возбуждали жителей не только не продавать фураж, но заставляли женщин и мужчин бросать камни в офицера и нижних чинов, приехавших в это селение за покупкой фуража. Вместе с ними (так в тексте. — *Ю.П.*) об этом обстоятельстве доношу Начальнику 39-й пех. дивизии. Прошу Вашего распоряжения о примерном их наказании. О результатах прошу уведомить меня».

Об этом же Даниэл-бек уведомляет начальника 39-й пехотной дивизии (1 ноября, № 1089): «Доношу, что 31-го сего октября подпоручик Адамиу с н/ч (нижними чинами. — *Ю.П.*), посланный мной за покупкой фуража в окрестные селения, прибыл в село Анасраа, где мухтар и жители этого же селения не только возбуждали жителей не продавать фуража, но, собрав мужчин и женщин, наставляли бросать камни в офицера и н/ч. Мухтар и житель села Анасраа мной арестованы и препрово-

ждены за № 1088 Начальнику Эрзинджанского района (почему-то раньше речь шла о коменданте г. Эрзинджана. — *Ю.П.*) для их наказания».

В Эрзинджане находился лазарет 39-й пехотной дивизии, туда тоже направлялись телефонограммы. Одна из них (2 ноября, № 1093) — врачу Нагорскому: «Предписываю Вам с получением сего немедленно отправиться в перевязочный лазарет 39-й пехотной дивизии. О прибытии доложить. Основание: телеграмма Корпусного врача за № 6185 (карандашом внизу: получил, врач Нагорский. — *Ю.П.*)».

Еще одна телефонограмма, отправленная Даниэл-беком 1 ноября (№ 1090): «На фронте вверенного мне участка спокойно. Перебежчик 108-го полка, принятый на правом боевом участке, подтверждает присутствие против вверенного мне участка 3 дивизий».

Перебежчики из 108-го турецкого полка продолжали прибывать. Очередное подтверждение этому — телефонограмма от 2 ноября (№ 1092): «При сем препровождаю перебежчика-аскера, который показал, что (он. — *Ю.П.*) от 108-го полка, прибывшего сюда недавно, месяца два тому назад, полк 3-х батальонный, в роте по 120 — 130 человек. Их полк стоит на правом берегу Евфрата, левее 107-го, а 106-й полк он не знает, где расположен. В Кемахе войск нет, кроме Начальника... (? — *Ю.П.*) 36-й дивизии. Орудий и пулеметов не знает, сколько находится. Кормят плохо, голодают. Также и необуты, что затрудняет работу по постройке землянок. Слышал, что турки предполагают отдать все пространство до Сиваса и потом заключить с нами мир. О каких-либо серьезных действиях турки не помышляют. В тылу 36-й дивизии, он также хорошо не знает, нет других войск. В их дивизии много курдов-аскеров. Имена начальников:

- 1) Портупейный командир Юсуп-Изет-паша;
- 2) Начальник дивизии Кязым-бек;
- 3) Командир полка Ахмет-бей;
- 4) Батальонный командир Ибрис-эффенди;
- 5) Ротный командир Зина-эффенди».

На следующий день опять появляется перебежчик (телефонограмма от 3 ноября, № 1096): «При сем препровождаю перебежчика 108-го полка, араба, которого ввиду отсутствия переводчика, знающего арабский язык, допросить подробно не представлялось возможным. Не зная местности и турецкого языка, он дает крайне сбивчивые сведения».

В тот же день отправляется другая телефонограмма (3 ноября, № 1097), корпусному врачу Семенову: «Сообщаю, что врач Нагорский отбыл в Эрзинджан для несения службы в перевязочном лазарете 39-й пехотной дивизии».

Через день (5 ноября, № 1104): «Начальнику штаба 39-й пехотной дивизии на № 7417 сообщая, что при вверенном мне полку находятся 26

казаков 3-го линейного полка, из которого (так в тексте. — *Ю.П.*) в лазарете налицо 23 человека».

И снова сообщение о перебежчиках (6 ноября, № 1106, Начальнику штаба 39-й пехотной дивизии): «При сем препровождаю 2-х турецких аскеров 6-го Кавалерийского полка (Сувари), задержанных в долине прапорщиком Лисиновым, даром... (неясно. — *Ю.П.*). По их показаниям они дней 40 — 50 тому назад прибыли со своим полком в составе всей 3-й Кавалерийской дивизии в Козат, где они должны были наблюдать за курдским районом. О местоположении их полка в данное время они ничего не могут сказать. Они попали в плен к Деримским курдам (ошибка, правильно — к «дерсимским». — *Ю.П.*), которые держали их у себя и заставляли работать. Теперь они их отпустили, и они не решились направляться к своим, боясь смерти».

Никаких особых происшествий, судя по этим телефонограммам, на фронте в последнее время не было. И вот 7 ноября — как выстрел (№ 1107): «В начале пятого часа турецкие разведчики силою около 40 человек произвели нападение на полевые караулы, расположенные на дороге, идущей из селения Шовинер в Гарни; нападение отброшено ружейным огнем и бомбами».

В тот же день: «Около пяти часов на полевые караулы у села Хинда (произошло. — *Ю.П.*) наступление турецких разведчиков силою около 13 — 20 человек, но застигнутые огнем наших караулов были обращены в бегство. В 16 часов, кроме... (далее не удалось разобрать. — *Ю.П.*) по направлению к Эрзинджану вдоль реки Евфрат... (здесь тоже очень неразборчиво, но смысл понять можно. — *Ю.П.*) турки пытались вернуться, но безрезультатно, под отпором нашего ружейного и пулеметного огня».

На следующий день, 8 ноября, телефонограмма более спокойного содержания (Копия Командиру 154-го Дербентского полка): «Около 23 часов нашими секретами были замечены накапливающиеся турки по направлению от Таншира к нашим двум средним заставам сторожевого охранения. Накапливались двумя... (далее несколько строк очень неясных. — *Ю.П.*). В настоящее время турки продолжают оставаться на занятой линии, не предпринимая никаких активных действий. Нами приняты все меры для встречи неприятеля. В остальном на фронте без перемен».

Вслед в тот же день летит другая телефонограмма: «На рассвете около 6 часов накапливающиеся турки отошли, не предприняв ничего. Очевидно, у них происходят занятия с прибывающим укомплектованием (так в тексте. — *Ю.П.*)».

И опять новость о перебежчике (9 ноября, Начальнику штаба 39-й пехотной дивизии): «При сем препровождаю аскера-перебежчика, задержанного на наблюдательной заставе на перевале Кетогры-Гедым, который при допросе показывает, что (он. — *Ю.П.*) из 47-й дивизии 148-го

полка, в течение уже 20 дней... (неясно. — *Ю.П.*). Вся их дивизия расположена на горах на дороге на Т... (неясно. — *Ю.П.*) направление. Более подробных сведений о расположении дивизии и полка дать не смог».

В этот же день, 9 ноября, в 11 часов Даниэл-бек отправляет Начальнику штаба 39-й пехотной дивизии последнюю телефонограмму за своей подписью: «В полку состоит налицо 1 537 364 винтовочных патронов. На каждую действующую винтовку приходится 286 патронов, а на каждый пулемет 9000».

Далее до конца полевой книжки идут телефонограммы уже за подписью полковника Масловского — как командира полка. Последняя из них от 16 ноября 1916 года звучит вполне мирно: «На фронте вверенного мне участка спокойно».

Но пока 1916 год — самый победоносный год для русской Кавказской армии — не закончился, царская администрация успевает наградить своего верного слугу еще раз. 21 декабря Даниэл-бек Высочайшим приказом «за отличия в боях против турок» удостоивается ордена Св. Анны 4-й степени с надписью «за храбрость».

Несмотря на то что «на фронте участка все спокойно», командование (не знаю: дивизии или полка?. — *Ю.П.*) чувствует, что необходимо из всех сил сдерживать раздражение солдат, измученных затянувшейся войной и очередной зимовкой на позициях. И, похоже, именно поэтому назначает Даниэл-бека 25 декабря 1916 года «исполняющим должность помощника командира полка на законном основании».

Что это за должность? Некий аналог «заместителя командира части»? Была такая должность в советской армии. А по своей службе в ней помню даже, как нас, рядовых солдат, воспитывал «заместитель командира части по политчасти». Звучало до смешного нелепо. Но, надеюсь, у Даниэл-бека в качестве помощника командира полка были другие функции. Революция ведь еще не произошла, и пока все шло своим чередом.

Следующая запись в послужном списке Даниэл-бека как бы подытоживает его стремление служить Родине не за страх, а за совесть, многократно подвергая свою жизнь смертельной опасности: «На основании приказа по В.В. (Военному ведомству. — *Ю.П.*) 1916 г. за № 710 и приказа Начальника штаба Верховного Главнокомандующего (Верховного Главнокомандующего — то есть самого царя. — *Ю.П.*) 1916 г. за № 1700 имеет право на ношение четыре (так в тексте. — *Ю.П.*) нарукавных знака отличия за ранения».

Я проконсультировался у С.В. Волкова насчет количества нарукавных знаков и убедился, что каждый из них должен соответствовать одному ранению. Но тогда неясно, почему Даниэл-беку было дано право на ношение четырех знаков отличия. По моим подсчетам, на основании послужных списков, он был ранен только три раза. Может, были еще учте-

ны и две контузии? Или травма, полученная от ушиба лошаадьми? Трудно сказать. Как и то, стал ли Даниэл-бек пользоваться своим правом и носить четыре нарукавных знака отличия за ранения. У меня, к сожалению, нет ни одной фотографии деда той поры.

Да и было ли у него настроение запечатлеть себя таким на снимках? Ведь ближайшее время предстояло провести в окопах, под пулями, вдали от семьи и родных мест. Еще одну бесконечно долгую, холодную зиму...

Мне осталось обнародовать всего три записи из послужных списков Даниэл-бека, две из которых относятся уже к периоду «после» Февральской революции, но одна, и очень приятная, касается периода «до».

Звучит она так: «В службе сего штаб-офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к сему знаку».

Что означал этот знак отличия? И какие преимущества появлялись у его владельцев?

Каждый пожалованный знаком отличия беспорочной службы получал от Капитула Орденов установленный знак и грамоту на этот знак. К грамоте прилагалась особая печать. На ней тоже был изображен знак беспорочной службы (для сухопутных и морских военных чинов — на Георгиевской ленте).

Всех пожалованных знаком отличия беспорочной службы Канцелярия Капитула вносила в общий список, где распределяла в зависимости от срока службы, за который этот знак был выдан, с указанием фамилии, имени и отчества, а также — чина и должности.

Если человек продолжал служить честно и оставался «постоянно нравственным», то знак отличия беспорочной службы никогда не снимался и его можно было изображать на своих гербах и печатях.

Этот знак давал некоторые преимущества, но, как мне кажется, не столько самому награжденному, сколько его вдове. Например, если пожалованный таким знаком, находясь на службе, получал пенсию по выслуге лет или по другой причине, то в случае его смерти вдове выплачивали его повышенную (льготную) пенсию из государственного казначейства в течение года. А если он получал пенсию из каких-либо других источников (к примеру, из эмерительной кассы), то вдова все равно получала льготную пенсию в течение года, но уже не из государственного казначейства, а из этих источников. И даже если вдова вступала в новый брак, ей продолжали выплачивать эту пенсию в течение года.

Но Даниэл-беку посчастливилось, хотя он не раз подвергал свою жизнь серьезной опасности в ожесточенных сражениях с врагом. Поздней осенью 1916 года ни один из противников не стремился к активным действиям. Растянутость коммуникаций и оторванность войск от баз снабжения не позволяли русским развить свой успех, а у турок по-

сле поражений последних месяцев не хватало ни моральных, ни материальных сил, чтобы планировать наступление даже с целью возврата небольших участков потерянной территории.

Кавказский фронт замер...

Глава 7

ЗАКАВКАЗЬЕ В ПЕРИОД 1917 – 1918 ГОДОВ. ОТ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ — ДО САРДАРАПАТА

Казалось, и вся страна замерла в каком-то оцепенении. Император проводил большую часть времени в Могилеве, предпочитая руководить государством руками непопулярных председателей правительства. Но если один из них — Б.В. Штюрмер — возглавлял исполнительную власть с 20 января по 16 ноября 1916 года, то сменивший его А.Ф. Трепов продержался чуть более месяца, уступив свое место 27 декабря семидесятипятилетнему Н.Д. Голицыну.

К этому времени многие почувствовали апатию и усталость. Войне не видно было конца. Она поглощала экономические и людские ресурсы. Дезертирство с фронта увеличивалось, никакие строгие меры не могли воспрепятствовать этому бедствию. В стране назревало недовольство...

Но застывшая в снегах Кавказская армия и ее авангард — 39-я пехотная дивизия, отделенные от центра не только бескрайними российскими просторами, но и завоеванной территорией противника, пока не ощущали нарастающего напряжения между обществом и властью. У солдат и офицеров еще свежи были в памяти блестящие победы 1916 года, особенно геройский штурм Эрзерума. Событие, достойное специального приказа № 32 от 3 февраля 1917 года Главнокомандующего Кавказской армией:

«Сегодня первая годовщина взятия Эрзерума. Возблагодарим Бога за дарованную победу. Вознесем молитвы о павших героях на поле брани под стенами главной турецкой твердыни Деве-Бойну и Эрзерума. Эти герои, отдав свою жизнь, дали возможность Кавказской армии вписать в ее боевую золотую летопись новую выдающуюся достопамятную страницу.

Чудо, богатыри геройской сверхдоблестной Кавказской армии!

Пятидневный штурм укрепленной позиции, заверченный взятием Эрзерума, удостоился милостивейшей благодарности нашего обожаемого **ДЕРЖАВНОГО ВЕРХОВНОГО ВОЖДЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА** (так в оригинале — прописными буквами. — *Ю.П.*). Весть о взятии Эрзерума была встречена всей Россией ликованием. Кавказская армия получила множество радостных приветствий и изъявлений признательности. Наши доблестные союзники восторженно приветствовали своих соратников. Слава о подвиге Кавказской армии прогремела на весь мир.

Год тому назад в моем приказе по Армии вместе со словами восторга и благодарности Я сказал: «Держите твердо Эрзерум». Вы это исполни-

ли. Вы даже сделали много больше, взяв Трапезунд, Байбурт, Эрзинджан и целую область, — этим мощно закрепили одержанную победу. Счастливы, что имею честь быть вашим Главкомандующим.

Высоко ценя вашу доблесть и заслуги, шлю вам, герои славной победы, от глубины души и молящего за вас сердца мою горячую благодарность.

Молю Бога, да ниспошлет ОН вам здоровье и силы с ЕГО всемогущей помощью победоносно завершить начатое святое дело на радость, счастье ЦАРЯ, России и благо союзных нам Государств.

Подписал: Генерал-Адъютант НИКОЛАЙ

(По Штабу армии, по Общему отделению Управления Генерал-Квартирмейстера).¹

Думаю, такой приказ пришелся по сердцу ветеранам Кавказской армии. И Даниэл-бек, читавший его, скорее всего не мог и представить себе, что всего через три недели в Петрограде начнутся демонстрации, вызванные задержками с подвозом черного хлеба. Эти волнения помешают «завершить начатое святое дело на радость и счастье царя» и приведут к Февральской революции и падению династии.

Вот что писал бывший член Государственной думы Василий Витальевич Шульгин в своих мемуарах:

«...Это было 27 февраля 1917 года. Уже несколько дней мы жили на вулкане... В Петрограде не стало хлеба — транспорт сильно разладился из-за необычайных снегов, морозов и, главное, конечно, из-за напряженности войны...

Произошли уличные беспорядки... Но дело было, конечно, не в хлебе... Это была последняя капля... Дело было в том, что во всем этом огромном городе нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти... И даже не в этом... Дело было в том, что власть сама себе не сочувствовала... Не было, в сущности, ни одного министра, который верил бы в себя и в то, что он делает...»²

Сам Николай II день 27 февраля 1917 года отметил такими словами в своем дневнике: «В Петрограде начались беспорядки несколько дней тому назад, к прискорбию в них стали принимать участие и войска...»

Пожалуй, в выступлении части Петроградского гарнизона не было ничего удивительного. Как Верховный главнокомандующий Николай II не проявил себя военачальником необходимого для такого поста масштаба, хотя и не наделал больших ошибок.

По мнению генерала Брусилова, одного из виднейших русских военачальников, после того, как 23 августа 1915 года Николай II взял на себя обязанности Верховного главнокомандующего, его авторитет императора и влияние на массы, прежде всего солдатские и крестьянские, сильно

¹ РГВИА. Ф. 2100, оп. 2 дополнительная, д. 121.

² Шульгин В.В. Годы. М.: АПН, 1979. С. 436.

упали. С его именем стали связывать не только все неурядицы в тылу, но и военные неудачи.

Руководство армией не принесло императору лавров, и в критические февральские дни высшие командиры отвернулись от него. Как писал Николай II в дневнике 2 марта 1917 года: «...Нужно мое отречение... Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился... Кругом измена, и трусость, и обман!»

Февральская революция совершилась.

Сформированное 2 марта 1917 года Временное правительство сразу же занялось преобразованием армии в двух направлениях: с одной стороны, демократизацией старых порядков, с другой — перестановками в высших и средних звеньях командного состава. Кавказская армия, несмотря на удаленность от центра, ощутила эти преобразования в первый же день. С поста главнокомандующего удалили представителя царствующего дома — Великого князя Николая Николаевича, а на его место 3 марта 1917 года назначили другого Николая Николаевича — Юденича. Он пробыл на этом посту всего месяц, до 3 апреля, когда полевое управление Кавказской армии было переформировано в командование войсками Кавказского фронта, но Кавказская армия продолжила свое существование в составе Кавказского фронта, просто Юденич автоматически стал Главнокомандующим войсками этого фронта.

На освободившийся после повышения Юденича пост Командующего Кавказской армией в тот же день был назначен генерал Михаил Алексеевич Пржевальский. Когда 31 мая 1917 года Юденич покинул пост Главнокомандующего войсками Кавказского фронта, Пржевальский наследовал эту должность и оставался на ней до 28 декабря 1917 года. В то же время он сохранял и свой пост Командующего Кавказской армией (в июне — сентябре 1917 года его временно заменял генерал Де-Витт), после чего, со 2 октября 1917 года до 28 февраля 1918 года, должность Командующего Кавказской армией занимал генерал Илья Зурабович Одишелидзе.

Не знаю, помогала ли такая запутанная иерархия управлению войсками, но, как я уже писал ранее по поводу структуры Кавказской армии накануне Первой мировой войны, она и на этом этапе продолжала чрезвычайно затруднять мои исследования. Особенно когда я обращался к тем первоисточникам, где вместо имени высшего начальника упоминалась только его должность, при этом термины «Главнокомандующий» и «Командующий» часто дублировали друг друга.

Но перестановки коснулись и нижестоящих командных звеньев. Сменилось начальство на уровне корпусов и дивизий. Командовавший с 22 мая 1916 года 39-й пехотной дивизией генерал Владимир Платонович Ляхов (в августе того же года он стал генерал-лейтенантом) уже 12 марта 1917 года

был назначен командующим 1-м Кавказским армейским корпусом, а вместо него командиром 39-й пехотной дивизии с 20 марта 1917 года стал генерал-майор Захарий Асланович Мдивани.

Для 153-го пехотного Бакинского полка такие перемены означали уже привычную процедуру: смену Масловского на Даниэл-бека. Масловский (по информации из Интернета) пошел на повышение, став в 1917 году генерал-майором и генерал-квартирмейстером Генерального штаба Кавказского фронта, без указания конкретной даты назначения. А Даниэл-бек с 21 марта 1917 года был назначен «временно командующим полком».

Пробыл он в этой должности недолго — до 6 апреля 1917 года. С 7 апреля Даниэл-бек ушел в длительный отпуск — на целых семь недель! Может быть, надеялся за это время дождаться большей определенности в дальнейшем развитии событий, а может, просто устал и решил отдохнуть. Меня удивляет не то, что он взял отпуск, а то, что ему разрешили его взять — и такой длительный, это в военное-то время! Хотя в обстановке демократизации и перетасовок можно было ожидать и не такое.

Если исходить из записи в послужном списке, Даниэл-бек должен был бы вернуться в полк 26 мая 1917 года. И, скорее всего, верный долгу, он и вернулся бы из отпуска в срок, но Временное правительство распорядилось иначе.

Я бы и не узнал об этом, если бы не один из сотрудников РГВИА, которого я хотел привлечь к поиску документов, находящихся в расброшюрованных папках и не выдававшихся читателям. Именно он в 90-х годах прошлого века обратил мое внимание на еле заметную последнюю запись в послужном списке Даниэл-бека № 106 — 684, сделанную не то карандашом, не то ручкой с очень тонким пером: «Приказом Армии и Флоту 17 мая 1917 года назначен командиром 491-го Варнавинского полка».

К сожалению, впоследствии я как-то упустил из виду эту запись и потом долго мучился вопросом: что же делал Даниэл-бек до декабря 1917 года, когда его имя вновь появляется в имеющихся в моем распоряжении документах? В архивах РГВИА и НАА за 1917 год я не нашел никаких материалов и, соответственно, никаких сведений о действиях 153-го пехотного Бакинского полка. Да и немудрено: при той анархии и неразберихе в стране и в армии в послефевральский период ожидать порядка в делопроизводстве не приходится. Впрочем, и после октябрьского переворота дела обстояли не лучше.

Ну, а мне-то что теперь делать? Вспомнил: вроде бы, я когда-то что-то читал о назначениях Временного правительства. Снова внимательно просмотрел последние записи в послужных списках Даниэл-бека. И вдруг наткнулся на слова: «Приказом Армии и Флоту...» Не буду повторять полностью эту не очень грамотно написанную фразу, ведь, кажется, правильнее было бы написать: «Приказом по Армии и Флоту...» Ну, да ладно! Глав-

ное — есть ниточка, за которую можно потянуть. И я, доселе считавший, что эта глава, за неимением фактов из жизни дедушки и потому поневоле описывающая только общие события 1917 года, уже полностью готова, вновь отправился в особняк Лефорта.

За те годы, что я здесь не был, многое изменилось к лучшему. Здание подверглось частичному ремонту. Интерьер читального зала тоже был обновлен: появились новые столы с устройствами для включения ноутбуков, каталоги — в открытом доступе на полках, а не в служебном помещении, как раньше, специальные широкие столешницы — для развертывания карт, а в гардеробе — запирающиеся на ключ секции для сумок, наподобие тех, что в супермаркетах. Вот только, чтобы поработать в архиве, по-прежнему надобно иметь письмо от какой-либо (неважно какой), но «организации». Мне повезло, мой друг — Эмануил Долбакян, председатель культурно-просветительского общества «Арарат», с симпатией приглядывающий за моими поисками и всячески поддерживающий меня, помог решить и эту проблему. И вот я уже в святая святых архива. По стоящим на полке каталогам я, с помощью сотрудника, нашел фонд № 3030, в котором хранились дела Варнавинского полка. Их было всего семь. Но оказалось, что одновременно можно заказать лишь пять дел, да еще и ждать их выдачи целых две недели! При этом заказанные дела разрешается изучать не более месяца со дня выдачи. Запоздал — заказывай снова и не раньше, чем через полгода, и терпеливо ожидай неделями. С этими драконовскими правилами как с неизбежными трудностями исследователя я кое-как примирился и послушно заказал по очереди сначала пять дел, а потом — еще два оставшихся. Куда сильнее меня волновало другое: найду ли я хоть что-нибудь о Даниэл-беке в документах 491-го пехотного Варнавинского полка? Основания для тревоги были серьезные. В каталогах, в скобках против шифров документов стояли даты, заканчивавшиеся как раз маем 1917 года, и только один документ захватывал июнь. Если Даниэл-бек, вернувшись из отпуска, и принял командование 491-м пехотным Варнавинским полком, то у меня, получается, есть лишь крохотный шанс узнать что-либо из его жизни в течение последних дней мая и июня беспокойного 1917 года. Хотя если иметь в виду только боевые действия на Кавказском фронте, то называть его уж очень спокойным не стоит.

На случай, если так ничего и не найду в этих чудом сохранившихся делах, ведь Даниэл-бек мог прибыть в полк не в июне, а в июле (версии — опоздание из отпуска или вовсе неприбытие в полк — рассматривались мною поначалу как запасные), я решил воспользоваться справкой, которая была в деле. Прочитав опись, составленную главным хранителем, узнал, что: «...491-й пехотный трехбатальонный полк был сформирован 9 февраля 1916 года в г. Карачеве Орловской губернии из состава 502-й Костром-

ской, 506-й Нижегородской и 520-й Тверской пеших дружин гособолчения и вначале именовался Буйским, а с 17 февраля 1916 года стал называться Варнавинским. Полк входил в 123-ю пехотную дивизию 5-го Кавказского армейского корпуса и вел боевые действия на Кавказском фронте... 23 мая 1916 года полк разместился на западной окраине г. Трапезунда».³

Уже эти первые строки навели меня на грустные мысли. Молодой Варнавинский полк, сколоченный из дружин ополчения, явно был не чета существовавшему еще в войну 1877 — 1878 годов 153-му пехотному Бакинскому полку, отличившемуся на Кавказском фронте не только тогда, но и в многочисленных боях Мировой войны.

Мне было непонятно, чем руководствовалось Временное правительство, удаляя Даниэл-бека из его родного 153-го Бакинского полка, в котором он верой и правдой прослужил более 30 лет, и назначая командиром такого полка, как 491-й Варнавинский. Но ничего не поделаешь, таков уж удел военных — подчиняться приказам. Может быть, именно потому, что Варнавинский полк был слишком «свежим» и, возможно, не имел ни «обстрелянных» бойцов, ни опытных начальников, и потребовалось укрепить Даниэл-беком его командный состав.

Некоторое подтверждение своим мыслям по этому поводу мне удалось найти:

«...Что касается 3-й очереди, сформированных в 1915 — 1916 годах дивизий из ополчения и новобранцев, то при оценке их боевой работы надо руководствоваться иными соображениями, нежели при оценке второочередных. Эти войска не могли получить духовного наследия старых полков, не будучи с ними связаны кровно. Определяющим началом здесь были: во-первых, командиры, во-вторых, та среда, в которой этим полкам с **четыреохсотыми** (выделено мною. — Ю.П.) номерами пришлось сделать свои первые шаги и дать свои первые бои...»⁴

Конечно, на этом фоне блестящая характеристика, данная А.А. Керсновским 39-й пехотной дивизии, просто задевала за живое: «...Что же касается **богатырской 39-й дивизии, то каждый ее полк стоил целой дивизии** (выделено мною. — Ю.П.). Вспомним знаменитое дело дербентцев при Сарыкамыше, где рота Вашакидзе взяла Исхана-пашу, и его трех начальников дивизий. Вспомним кубинцев при Азап-Кее, штурм Эрзерума — **бакинцев Пирумова** (выделено мною. — Ю.П.) на Далангезе, елисаветпольцев Фененко при Чобан-деде. А затем мамахатунские и эрзинджанские бои, где каждый из полков 39-й дивизии уничтожил по две дивизии отборной турецкой пехоты — дарданелльских победителей (над англо-французским десантом. — Ю.П.)...»⁵

³ РГВИА. Ф. 3030, оп. 1, д. 70.

⁴ Керсновский А.А. История русской армии. М.: Голос, 1994. Т. 4. С. 204.

⁵ Там же. С. 191.

Но Даниэл-бек волею Временного правительства оказался разлученным и с 39-й дивизией с ее «дербентцами», «елисаветпольцами» и «кубинцами», и, самое главное, со своими «бакинцами», всецело доверявшими ему и не раз ходившими с ним в смертельные атаки против численно превосходившего врага.

Революция все смешала, и теперь Даниэл-бек, возможно, руководил операциями 491-го Варнавинского пехотного полка под Трапезундом. И я решил узнать, что же делал этот полк в окрестностях важнейшего турецкого порта на юго-восточном побережье Черного моря? Вот что мне удалось вычитать в описи дела № 70: «...20 сентября 1916 года полк продвинулся в район реки Коршут-Дараси. В декабре 1916 — январе 1917 года полк, находясь в том же районе, вел постоянные бои с небольшими партиями четников (четники — добровольные дружины из местного мусульманского населения. — *Ю.П.*), пытавшихся обойти полевые караулы, и проводил разведку с целью захвата пленных. В феврале разведка была затруднена из-за густого снега и разлива реки Коршут-Дараси. В марте разведчики несколько раз пытались перейти реку вброд, но она оказалась непроходимой. В конце апреля и в мае приданный полку взвод 3-й батареи 123-го артиллерийского дивизиона проводил обстрел турецких войск, расположившихся на правом берегу реки. Сведений о дальнейших действиях полка в составе материалов фонда не имеется».

Эта фраза подтверждала мои самые худшие опасения: дальше мая 1917 года продвинуться мне не удастся. Оставалось надеяться только на случайное упоминание имени Даниэл-бека в каких-нибудь приказах по полку и телефонограммах за конец мая и июнь.

Кроме вышеупомянутого дела № 70, я с пристрастием просмотрел полевые книжки двух военнослужащих этого полка, оформленные как два отдельных дела, а также еще четыре оставшихся дела: № 68 (донесения командиров), № 81 (исходящие телефонограммы), № 82 (приказы по полку) и № 84 (штаб полка).

Даже внешний вид всех этих полевых книжек, донесений командиров, телефонограмм и приказов указывал на тогдашнее общее состояние армии: бумага плохого качества, бланки и штампы отсутствуют, всюду кривые строчки плохо разбираемых почерков, писано простым, а часто — химическим карандашом. И близко не сравнить с полевыми книжками, приказами и телефонограммами Даниэл-бека. Но и это еще полбеды.

Практически все документы подписаны с указанием должностей, но... без фамилий подписавших. Вот дело № 68. Сведения о разведке с 1 февраля по 1 июня 1917 года. Напомню, по приказу Даниэл-бек должен был возвратиться из отпуска 26 мая 1917 года. Казалось бы, начиная именно с этой даты, мне и нужно со всевозможным тщанием изучить документы 491-го пехотного Варнавинского полка, но я на всякий случай просмо-

триваю все. На большинстве документов подпись: «командующий полком — полковник...», но фамилии полковника нет. Все же в одном из донесений за февраль нахожу его фамилию: Пекалов. А дальше — вновь и вновь лишь загадочная подпись «полковник», без указания фамилии. Но вот из донесения за 5 мая я вдруг узнаю, что под должностью командира полка подразумевается другой человек: полковник Правиков. А 18 мая уже совсем иная подпись: «временно командующий полком — подполковник...» и тоже без фамилии. Но этот подполковник — уж точно не Даниэл-бек. Во-первых, он — полковник, а во-вторых, ему еще рано возвращаться из отпуска. Последняя запись в этом деле датирована 31 мая и тоже за подписью «подполковник». Выходит, если судить только по одному делу (№ 68), до 31 мая включительно Даниэл-бек в 491-й пехотный Варнавинский полк так и не прибыл. Но тот факт, что командование полка за полгода сменилось, по крайней мере, дважды (когда был назначен Пекалов, точно узнать не удалось), а последний командир был к тому же и «временным», заставляет предполагать, что очередное назначение в полк «дивизии третьей очереди» (по Керсновскому) не за горами. А значит, смотреть надо и все остальные дела.

Начинаю разбирать их по порядку номеров. В деле № 70, в котором нашлась опись, составленная главным хранителем, есть еще докладная записка командира полка и журнал боевых действий. Докладная записка за февраль подписана «командующим полком — полковником Правиковым». Получается, он сменил полковника Пекалова в феврале. Но последняя запись, за 31 мая, подписана опять полковником Пекаловым. Да и весь журнал боевых действий подписан полковником Пекаловым и адъютантом — поручиком Волковым. Пока понять ничего нельзя. Два полковника сменяют друг друга, плюс к ним — еще какой-то «временный» подполковник.

Смотрю следующее дело — № 81. Вот документ за 19 февраля: «Временно командующий полком — полковник...» Подписи нет. Но в документе за 28 февраля появляется запись: «за командира полка». И росчерк фамилии подписавшего кажется знакомым, похоже, это Пекалов. Сюрприз поджидал меня в мартовских документах. В этом месяце на оперативных донесениях стоит подпись: «командир полка — полковник Азаров». Дальше — больше. Например, оперативные донесения с 1 мая подписаны поручиком Бабиным и капитаном Жуковым, затем — опять «командующим полком — полковником...», каким — неизвестно. А 16 мая — уже «временно командующим полком», знакомым мне по предыдущему делу, но упорно скрывающим свою фамилию загадочным «подполковником».

Я очень надеялся на приказы по полку, которые собраны в деле № 82. Но они помогли мне лишь частично расшифровать фамилию этого «под-

полковника», да узнать, кто же командовал 123-й пехотной дивизией, в которую входил 491-й пехотный Варнавинский полк.

Соответствующий приказ (№ 154 от 16 мая 1917 года, § 1) выглядит так:

«Вступив сего числа во временное командование полком, прошу по всем делам службы обращаться ко мне».

Справка: телефонограмма Начальника 123-й пехотной дивизии за № 259/в.

Временно командующий полком — подполковник Шару... (далее подпись неразборчива. — Ю.П.)

Командующий 123-й пехотной дивизией — генерал-майор Кальницкий».

До 25 мая 1917 года подполковник Шару... (за неимением более точных сведений приходится писать его фамилию именно так) был «временным командиром полка». А уже 26 мая, то есть в день, когда Даниэл-беку, теоретически, согласно новому назначению положено было занять должность командира полка, этот подполковник вдруг подписывается как «командующий полком», но на следующий день — 27 — мая он почему-то опять становится «временно командующим полком».

Отвлекусь немного от чехарды сменявших друг друга командиров и, на случай, если Даниэл-бек, пусть и позднее, но все-таки прибыл в полк, укажу расположение полка в соответствии с приказом по строевой части (№ 165, § 2) дела № 82: «Полк занимает и обороняет позиции от Широкой долины, что к западу от деревни Балабузы включительно до селения Каньяш. Временно командующий (и тут «временный». — Ю.П.) 5-м корпусом — генерал-майор Зигель».

Последняя запись в деле № 82 датирована 31 мая. Это приказ по строевой части за № 171 «временно командующего полком» (надо понимать, подполковника Шару...): «Полк занимает те же позиции».

И, наконец, передо мной последнее дело — № 84. Документы, собранные в нем, охватывают период с 1 октября по 3 ноября 1917 года. Я замيراю: ну тут уж точно я найду фамилию Даниэл-бека, если он принял командование 491-м пехотным Варнавинским полком. Но... все документы в этой толстой тетради посвящены выборам делегатов от полка в Учредительное собрание. Документы, конечно, интереснейшие, да не по теме. Хотя... поди ж ты! Сама тетрадь дела № 84 подписана, ну кто бы мог подумать... «временно командующим полком — полковником Пекаловым». Круг замкнулся.

Итак, никаких следов пребывания Даниэл-бека в 491-м пехотном Варнавинском полку я не обнаружил. После просмотра дела № 82 возникло ощущение, что его там ожидали, так как подполковник Шару..., сменив-

ший предыдущих командиров, до последнего дня отпуска Даниэл-бека, то есть до 25 мая, оставался «временно командующим полком». Вероятно, когда выяснилось, что Даниэл-бек по каким-то причинам 26 мая не придет, подполковника Шару.. назначили командиром полка. Кажется, он не очень устраивал командование, и его рассчитывали заменить. На следующий день, 27 мая, опять сделали «временно командующим полком». И, в конечном итоге, назначили на эту должность полковника Пекалова.

Но нюансы внутренней жизни 491-го пехотного Варнавинского полка меня уже не занимали. Даниэл-бек в полк не прибыл — это было для меня главным. А если бы прибыл?

О каких-таких славных действиях Варнавинского полка пришлось бы рассказывать? Вот, к примеру, два очень характерных донесения начальнику 123-й пехотной дивизии от 29 мая (дело № 81) и от 31 мая (дело № 68). Первое послано в 17 часов 30 минут: «На участке полка обычная перестрелка. Облачно». Второе послано также в 17 часов 30 минут: «На фронте 491-го полка разведка новых сведений о противнике не дала»... Бессобытийность. Затишье. Безвременье. Как грозный знак того, что впереди...

Теперь, после изучения документов 491-го пехотного Варнавинского полка, у меня остались всего три версии последующей жизни Даниэл-бека.

Первая: он все-таки прибыл в этот полк, но позднее 3 ноября. Что могло его так задержать? Недисциплинированность, отсутствие чувства долга? Непохоже на то. Вся предшествующая жизнь Даниэл-бека явствует об обратном. Тогда что: плохие дороги, нерегулярно функционирующий транспорт? Вполне возможно. Особенно если ему пришлось уехать в отпуск куда-то далеко. Например, в Москву. Что если тетя Соня не оговорилась, когда пересказывала Рипсимэ слова моей бабушки о том, что семья перебралась в Москву **в годы революции**. Потому-то и понадобился моему деду такой длительный отпуск: надо же было все организовать, как-то обустроить. В этом случае возможное опоздание к новому месту службы выглядит вполне достоверно. Правда, потом в записях тети Сони появляется несколько иной факт: что переезд семьи состоялся, якобы, уже после начала войны в Европе, как бы «в преддверии» скорого вступления Турции в эту войну.

Вторая версия: дед вовсе не явился в новую часть. Попросту говоря, дезертировал. Но мог ли человек, столь бесстрашно ведший себя на поле боя в течение почти трех лет, вдруг перечеркнуть все таким поступком?! Да еще в тот момент, когда два его старших сына, Иосиф и Микаэл, весной — осенью 1917 года продолжали службу в действующей армии — в родном 153-м пехотном Бакинском полку?! Нет, поверить невозможно.

Третья версия: Даниэл-бека перед выходом из отпуска 26 мая направили командовать другой частью. Никакого приказа на этот счет я, прав-

да, не нашел. Но если дело обстояло так, то логичнее было бы предположить, что опять 153-м пехотным Бакинским полком.

Решил еще раз просмотреть все документы Иосифа и Микаэла. Надеюсь обнаружить хотя бы намек на совместную службу с отцом.

Вновь читаю протокол допроса Иосифа: «Я являюсь сыном полковника бывшей царской армии, с которым вместе служил в 39-й Закавказской пехотной дивизии в чине поручика, командовал ротой, был представлен на штабс-капитана, но осуществлению этого помешала революция в России. Отец в это время командовал **Кубинским полком** (выделено мною.. — Ю.П.)».

Что это — ошибка или за этим утверждением что-то стоит?

Кинулся снова в РГВИА. Заказал документы 155-го пехотного Кубинского полка (Ф. 2769. 1860 — 1917 гг.) и на всякий случай документы 154-го пехотного Дербентского полка (Ф. 2768. 1914 — 1917 гг.) — все-таки оба входили в состав 39-й пехотной дивизии. Обилие материалов обнадеживало...

Но увы! Никакого упоминания о назначении летом-осенью 1917 года нового командира в них не было.

А потому, за неимением документально подтвержденных сведений о событиях этого периода в жизни Даниэл-бека, я, пожалуй, коснусь сложившейся обстановки в русской армии. Чем жили, к чему стремились, чего боялись и о чем мечтали военнослужащие в 1917 году.

Начну с демократизации армии. Перемены общественно-политического строя отразились на ней в первую очередь как на одном из фундаментальных государственных институтов. Такие нововведения, как выборность командования и некоторые другие реформы, привели к анархии и резкому падению дисциплины, особенно опасным в условиях военного времени. Для офицеров настала тяжелая пора. С одной стороны, они понимали, что без единоначалия и беспрекословного подчинения младших старшим не может быть боеспособной армии. А с другой — не желали излишне раздражать солдат, вкусивших плоды слишком легко обретенной свободы. Скоропалительное отречение Николая II, которому русское офицерство присягало на верность, вызвало сначала подавленность, а затем и растерянность. Даже командующие фронтами, еще совсем недавно радовавшиеся за отречение, теперь с горечью отмечали необратимость процессов развала армии, вызванных революцией.

Генерал Брусилов, тоже поддержавший отречение, вскоре был вынужден констатировать:

«Офицер в это время представлял собой весьма жалкое зрелище, ибо он в этом водовороте всяких страстей очень плохо разбирался и не мог понять, что ему делать. Его на митингах забивал любой оратор, умевший языком болтать и прочитавший несколько брошюр социалистического содержания...»

Разлагающему влиянию на армию левых и радикальных элементов способствовала внутренняя политика Временного правительства, старавшегося строжайше соблюдать все демократические нормы, порой даже в ущерб стабильности в стране. В результате падение дисциплины в армии приняло катастрофические масштабы.

Тот же Брусилов писал: «В некоторых частях дошли до того, что выгнали начальство, выбрали себе свое и объявили, что идут домой, ибо воевать больше не желают...»

Конечно, солдат можно было понять. Война принимала затяжной характер. И на Западном фронте России, и на Кавказском сколько-нибудь активных действий не предпринималось ни одной из сторон. И хотя деморализующее влияние агитаторов-социалистов докатилось до Кавказского фронта позднее, но последствия постепенного разложения армии и ее отказ сражаться могли оказаться катастрофическими для всего Закавказья.

Но пока что Кавказская армия худо-бедно воевала и подчинялась приказам Временного правительства. Солдатские массы летом 1917 года все еще связывали с этим правительством определенные надежды.

О настроении в армейской среде некоторым образом свидетельствует пример все того же 153-го пехотного Бакинского полка. Вот копия письма Председателя Краевого совета Кавказской армии от 15 июня 1917 года:

«Настоящее удостоверение выдано из Тифлисской конторы Государственного банка в том, что от 153-го пехотного Бакинского полка через Казначей Краевого совета Солдатских депутатов Кавказской армии принято конторой в фонд Нового правительства 8 золотых медалей, 16 золотых Георгиевских крестов, 35 серебряных медалей, 291 серебряный Георгиевский крест, 2 серебряных рубля и 1 бронзовая медаль».⁶

Полк лихорадило: брожение разных политических взглядов, склонность к бесконечным заседаниям и принятию политических решений не могли не отразиться на его боевом духе.

Даже перечень книг в полковой библиотеке, где и было-то всего 164 книжки, недвусмысленно характеризует то мятущееся время. Перечень поражает разбросом пристрастий: «Жизнь и учено-литературная деятельность» (13 экземпляров), «Программа Российской социалистической рабочей партии» (9 экземпляров), «Что нужно делать в Учредительном собрании» (19 экземпляров). По одному экземпляру: «Письма Ф. Лассалья Марксу и Энгельсу», «Война в Турецкой Армении», «Фауст», «О сущности Конституции», «Когда, как и почему появился класс собственников», «Царствование последнего Романова», «К Учредительному собранию», «Коммунистический манифест», «Анархизм, его теория и практика», «Почему я стою за партию Народной свободы». Лидируют по количеству экземпляров (по 25 шт.): «Чего хочет партия Народной

⁶ РГВИА. Ф. 2767, оп. 1, д. 1.

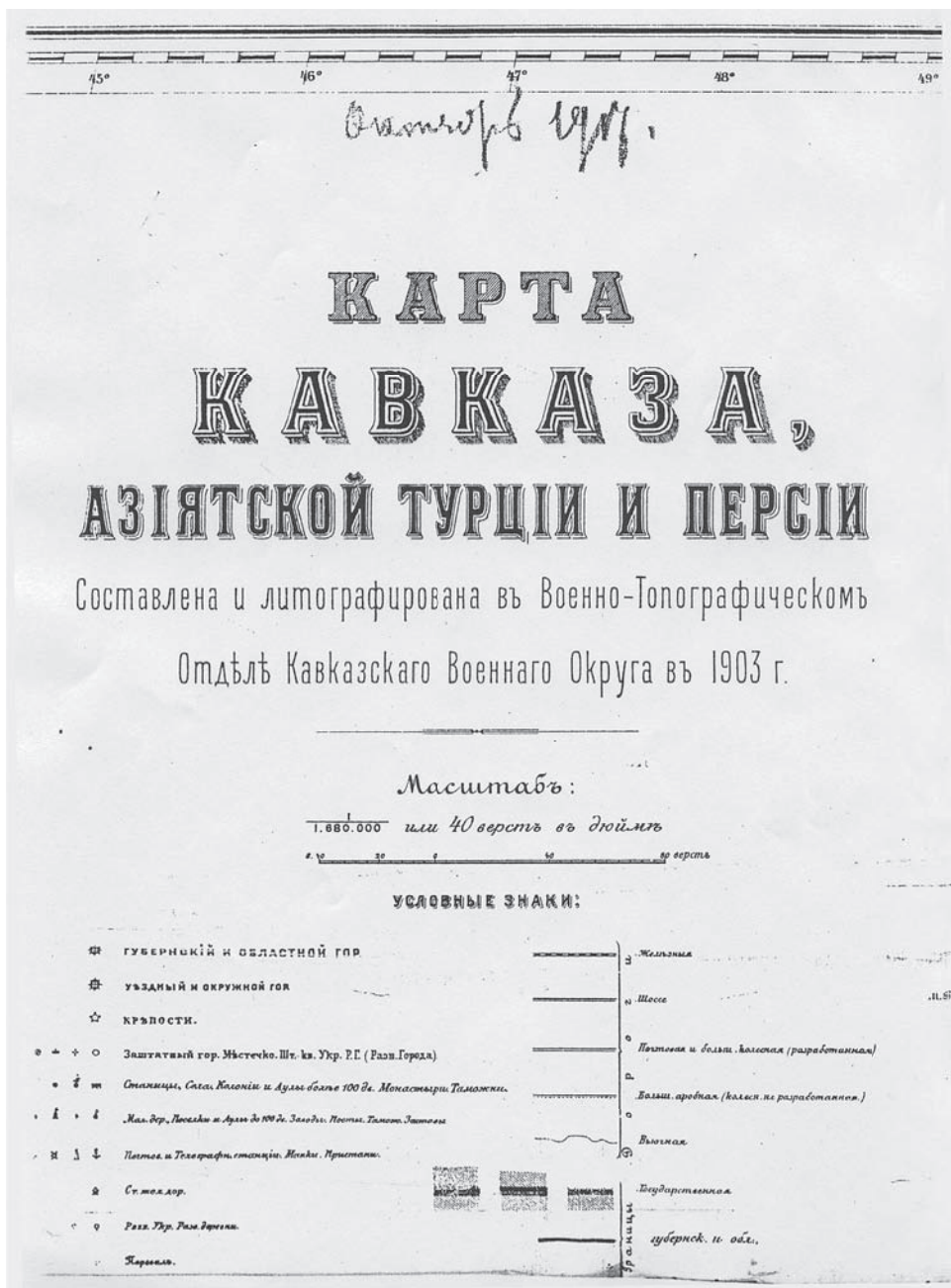
свободы конституционно-демократическая», «За что борются социал-революционеры», «Женщина и политика», «Спутник свободного гражданина в Новой жизни», «Суд над Николаем». А «Протокол очередного заседания комитета 153-го пехотного Бакинского полка под председательством солдата Садрадзе при секретаре солдате Мостовом 27 сентября 1917 года» и вовсе ставит в тупик, не знаешь, то ли смеяться, то ли плакать: «...Полковой комитет постановил: командира полка возбудить ходатайство перед кем следует (?! — Ю.Л.), снять вензеля с полкового знамени, которые напоминают о Доме Романовых, так как при этих вензелях отдавание чести нежелательно...»⁷

Уже к маю 1917 года стало очевидно, что Временное правительство, обуреваемое внутривнутриполитическими страстями, не способно контролировать ситуацию в армии. Учитывая это и то обстоятельство, что боевые действия на Кавказском фронте носят ограниченный характер, Генеральный штаб в июне рекомендовал Главнокомандующему войсками Кавказского фронта М.И. Пржевальскому самостоятельно выбирать стратегические задачи.

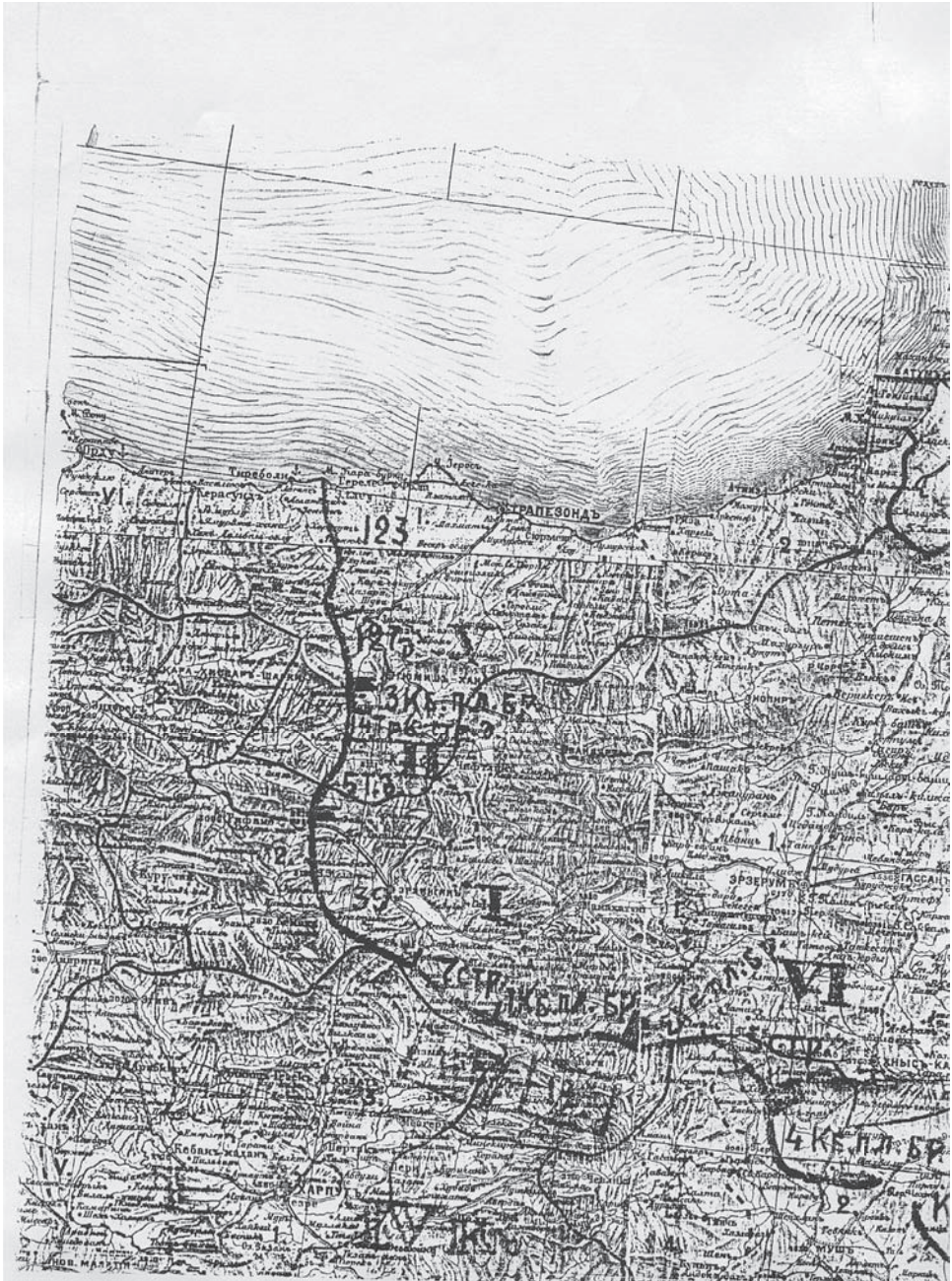
Надо было удержать огромную линию фронта протяженностью более 1200 километров. Проследить за этой линией можно, пользуясь картой Кавказа, Азиатской Турции и Персии, составленной и литографированной в Военно-Топографическом отделе Кавказского военного округа в 1903 году (масштаб 40 верст в одном дюйме). Мне ее подарил картограф — Леонид Петрович Кушвид. Редкая возможность наглядно убедиться в победоносности русской армии на Кавказском фронте. И вклад 39-й пехотной дивизии тут как на ладони. Крупно выведенная цифра «39» как раз указывает на передовое расположение дивизии в октябре 1917 года.

Летом и осенью 1917 года Кавказская армия продолжала оставаться на этих позициях. Никаких значительных военных событий не происходило. Отдельные мелкие стычки в счет не шли, и в военных кругах Петербурга и Кавказа продолжали придерживаться мнения, что следует воздерживаться от активных боевых действий на территории Турции, а основное внимание обратить на Месопотамское направление. Отчасти эти планы были основаны на некоторой модернизации армейских соединений. К 1 сентября 1917 года к действующим корпусам добавились авиационные соединения, в частности, к 1-му Кавказскому армейскому корпусу был присоединен 2-й Кавказский авиационный отряд. И хотя в октябре 1917 года на вооружении было всего 17 самолетов, а авиабазы находились только в Тифлисе (там, кстати, располагался и Штаб фронта), Карсе, Трапезунде и Эрзинджане, оснований для оптимизма хватало.

⁷ Там же, пункт 5.

Карта Кавказа, Азиатской Турции и Персии

Линия максимального продвижения русских войск на Кавказском фронте

Да, русская армия на Кавказе занимала достаточно выгодные позиции и была хорошо обеспечена боеприпасами и военными материалами (потом все три образовавшиеся самостоятельные республики Закавказья строили свои вооруженные силы, опираясь на оставленные арсеналы русской Кавказской армии). А у армян появилась надежда на освобождение всей территории Западной Армении и на возможность отделения от Турции, подкрепленная планами Англии и Франции о расчленении Турции после победы в Мировой войне.

Социально-политическую обстановку на Кавказе на тот момент можно, пожалуй, назвать одним словом — двоевластие. Пришедшее к руководству страной в результате Февральской революции Временное правительство указом от 9 марта 1917 года ликвидировало Кавказское наместничество и создало Особый Закавказский Комитет (ОЗАКОМ) для управления Закавказьем и областями Западной Армении, занятыми в ходе войны русскими войсками. В этот Комитет под председательством кадета Харламова вошли еще четыре члена Государственной думы: социал-федералист Абашидзе, кадет Пападжанов, мусаватист Джафаров и меньшевик Чхенкели, который впоследствии сыграл самую неблагоприятную и позорную роль при сдаче Карса турецким войскам.

Однако реальной властью в Закавказье ОЗАКОМ не обладал. Более влиятельными органами оказались исполнительные комитеты, в частности, в Армении власть принадлежала Ереванскому губернскому и Карсскому областному исполнительным комитетам, в которые входили члены городских дум, представители Советов рабочих депутатов, Советов солдатских депутатов, торговцев и общественных организаций. Члены этих организаций, представляя различные общественно-политические силы, понимали, что рано или поздно страну ожидает резкий скачок влево. И что разложение Кавказской армии, а значит, и ее уход с исконно армянских территорий неминуем. Надо было позаботиться о защите этих территорий силами самих армян. Вот что писал по этому поводу бывший заместитель начальника штаба Кавказского фронта, генерал Гавриил Григорьевич Корганов в своей книге:

«...Победа русских войск на Кавказском фронте позволила занять большую часть Турецкой Армении, но с уходом армии с фронта судьба не только этой территории, но и всего Закавказья оказывалась под угрозой. Результаты всех завоеваний, освященные героизмом, мужеством войск и кровью бесчисленных жертв, могли сойти на нет.

В предвидении оголения фронта русскими войсками было необходимо подготовиться к защите армянских областей их собственными силами и приступить к более эффективной организации этих сил.

Грозный вопрос борьбы армян один на один с турками навязывался логическим ходом событий. Теперь речь шла только о том, чтобы поста-

вить на ноги все силы, которыми могли располагать, при создании новых армянских частей из солдат-армян, служивших в русской армии, и сводя в полки до тех пор отдельные армянские батальоны».⁸

О каких таких «армянских батальонах» в русской армии идет речь? Армяне начали служить в русской армии на общих основаниях с 1886 года, и доля их в ней была значительной. В Кавказском военном округе к началу Первой мировой войны только офицеров-армян было 20%, а в период Первой мировой войны почти 13% армянского населения сражалось на двух фронтах России: Западном и Кавказском.

Учитывая возможность войны с Турцией, армянские общественно-политические круги обратились к царской военной администрации в надежде получить разрешение сформировать национальные добровольческие дружины на Кавказском фронте.

Людские резервы для этого имелись. Можно было призвать армян, освобожденных от воинской службы, а также еще не достигших или уже перешагнувших призывной возраст. Наконец, некоторую долю могли составить армяне, прибывшие из-за границы.

Но, вопреки ожиданиям армянских организаций, командование Кавказского фронта отнеслось к их идее настороженно. Конечно, с одной стороны, оно понимало всю выгоду использования армянских добровольцев, ненавидящих исконных врагов, прекрасно ориентирующихся в своих родных краях и понимающих языки окружающих народов. С другой стороны, нельзя было не учитывать опасность, которую могли представлять собой эти новообразованные национальные части, и возможный рост сепаратистских настроений.

Время шло, а власти не спешили с разрешением. Только к концу октября 1914 года, то есть незадолго до объявления войны Турции, было закончено формирование четырех добровольческих армянских дружин на Кавказе общей численностью 2500 человек. При этом еще шестьсот человек находились в резерве. А какие командиры стали во главе этих дружин! Партизаны, прославившиеся в боях с турками и возведенные народом в национальные герои, — Андраник, Дро, Амазасп, Кери.

Впоследствии были сформированы еще три дружины. Их не объединяли в более крупные подразделения, а присоединяли к различным корпусам и группам обширного Кавказского фронта, считая, что они более полезны для разведывательной службы. Этим и объясняется их распределение равными частями почти по всему фронту.

Однако после ухода русских войск из Алашкертской долины летом 1915 года встал вопрос о реорганизации армянских дружин для оказания более эффективной помощи действующей армии.

⁸ *Корганов Г.Г.* Участие армян в Мировой войне на Кавказском фронте (1914 – 1918). М.: МАКС Пресс, 2011. С. 69.

В период относительного затишья предполагалось все армянские дружины, как уже сформированные, так и находящиеся в стадии формирования, влить в одну крупную часть и подчинить единому начальнику с полномочиями командира дивизии. Но планы планами, а действительность действительностью.

Когда военные действия активизировались, армянские дружины были по-прежнему распылены, частично — на фронте 4-го Кавказского армейского корпуса и частично — на фронте Азербайджанско-Ванской группы. И мало того, что они были разобщены, так еще, в отличие от хорошо оснащенных регулярных русских частей, испытывали недостаток во всем, начиная с вооружения и заканчивая амуницией, а их руководители не имели четко определенного статуса.

Но царская военная администрация, разрешив организацию армянских дружин, продолжала относиться к ним со смутным беспокойством, опасаясь, что дружины в глазах армянского общества станут восприниматься как зародыши будущей национальной армии. Стремясь по возможности пресечь возникновение таких настроений, русское командование постаралось придать статусу дружин и их снабжению весьма расплывчатый характер.

В результате получились отдельные группы партизанского и полупартизанского типа. Органичной связи с регулярными войсками дружины не имели, их часто перебрасывали с одного участка на другой, прикрепляя каждый раз к разным подразделениям кадровой армии, через начальников которых дружины получали приказы от высшего командования. Эта опосредованность мешала ставить дружинам широкие задачи, снижая их боевые возможности.

Вооружение дружин также оставляло желать лучшего. Часть их состава была вооружена как попало, а часть из них вообще не имела никакого оружия. Г.Г. Корганов пишет: «Больше всего испытывали трудности со снабжением патронами; особо тревожила их нехватка во время сражений. Отсутствие или крайний недостаток технических средств связи, инженерных инструментов, парков, походных кухонь, солдатских котелков, палаток и т.д. осложняли положение. Обуви и зимнего обмундирования постоянно не хватало.

Командиры дружин и их заместители не имели офицерских званий. Вследствие этого когда дружины входили в русскую часть, то командиры оказывались в ущемленном положении, что часто бывало причиной тяжелых недоразумений. Недостаток врачей, санитарного и административного персонала часто серьезно сказывался на ходе военных операций».⁹

Поэтому вопрос о реорганизации дружин в регулярные батальоны, снабжаемые по нормам военного времени, требовал немедленного реше-

⁹ Там же. С. 52, 53.

ния, невзирая на вероятность того, что эта мера могла вызвать уход некоторых командиров и беспорядочное бегство какой-то части дружинников, не привыкших к жесткой дисциплине.

Уже в начале марта 1916 года Ставка приказала преобразовать дружины армянских добровольцев в шесть армянских стрелковых батальонов по четыре роты в каждом, приравняв их к подразделениям пеших казаков (пластунов).

На преобразование ушло немало времени, так как к моменту издания этого приказа дружины были рассеяны по всему фронту: 1-я, 2-я, 3-я и 6-я — в Турции, а 4-я, 5-я и 7-я — в Персидском Азербайджане. Приходилось ждать соответствующей обстановки, чтобы снять дружины с фронта, отвести в ближайший тыл и уже в этих условиях заниматься их реорганизацией.

Всего образовали шесть батальонов. Из-за немногочисленности личного состава 1-ю дружину вообще расформировали и использовали для укомплектования других дружин. Их преобразовали в стрелковые батальоны, уменьшив номера батальонов на единицу по сравнению с номерами дружин, из которых они образовались. Так 2-я дружина стала 1-м Армянским стрелковым батальоном, 3-я — 2-м и так далее.

Эти батальоны постарались довести до нормальной численности, откомандировав в них из частей Кавказского фронта всех офицеров и солдат армянского происхождения, выразивших желание служить в национальных войсках. Затем к новообразованным батальонам добавили еще и стрелков-армян из маршевых батальонов.

Но ахилесовой пятой и этих созданных в конце концов национальных частей оставалось снабжение. Так, Г.Г. Корганов вспоминает: «Даже обмундирования на всех бойцов не хватало, а обувь отсутствовала полностью. Приходилось довольствоваться сделанной кое-как починкой того, чем располагали, и этим пользоваться.

Амуниции также недоставало, вооружение состояло из винтовок самых разнообразных систем, особенно из трофейных турецких маузеров, обычно в скверном состоянии и без штыков.

Не было ни одного пулемета, и не было обозов, поскольку обещанные лошади и повозки не были доставлены. Поэтому приходилось приспособлять к местности тяжелые фургоны, отбитые у турок, и реквизировать или покупать на месте лошадей.

Инженерное имущество отсутствовало полностью, равно как и средства связи».¹⁰

И хотя армянские дружины в недавних сражениях проявили себя с самой лучшей стороны, к батальонам, созданным на их основе, высшее командование Кавказского фронта продолжало относиться насторожен-

¹⁰ Там же. С. 55.

но. И объединять их в более крупные национальные войсковые части по-прежнему не спешило. Так что новым батальонам выпала такая же незавидная участь. Их опять рассредоточили по всему Кавказскому фронту. Они постоянно переходили из одной группы в другую и меняли вышестоящее командование.

В таком состоянии их и застала Февральская революция. И пока Временное правительство в лице ОЗАКОМа безуспешно пыталось взять управление краем в свои руки и навести в Закавказье порядок, армянские общественно-политические круги, предвидя развал русской Кавказской армии, все больше склонялись к мысли реорганизовать батальоны в более крупные национальные войсковые единицы. И тайно лелеяли мечту — как только сложатся благоприятные обстоятельства — использовать их при создании самостоятельного армянского государства, включив в него и территорию Восточной Армении, и территорию Западной, захваченной русской Кавказской армией в ходе войны.

С этой целью уже летом 1917 года Временное правительство стали бомбардировать предложениями о создании таких соединений. Несмотря на то что это правительство в вопросе самоопределения наций бывшей Империи стояло на позиции «единой и неделимой России», оно, принимая во внимание слабеющую в войсках дисциплину и увеличивающееся дезертирство, дает «добро» на формирование национальных соединений.

Идея была проста: реорганизовать армянские батальоны в полки. Два батальона — один полк. А полки, в свою очередь, свести в бригады или дивизии. Кроме того, Временное правительство считало, что необходимо также и формирование новых частей всех родов войск. Но на этот момент вопрос о создании особого армейского корпуса не рассматривался.

Конкретное упоминание соответствующих документов есть у Г.Г. Корганова:

«Демарши армянских политических кругов Петрограда и Армянского национального Совета (ошибка автора, Армянский национальный совет был создан только осенью 1917 года. — Ю.П.) были благосклонно встречены как Военным министерством, так и высшим командованием Кавказского фронта.

Военный министр (А.Ф. Керенский, являвшийся одновременно военным и морским министром. — Ю.П.) наложил следующую резолюцию на прошение Армянского национального Совета: *«Считаю необходимым немедленно приступить к реорганизации армянских стрелковых батальонов в полки и их объединению в дивизии».*

Эта реорганизация батальонов в полки была проведена в соответствии с приказами Главнокомандующего Кавказским фронтом (М.А. Пржевальского. — Ю.П.) от 2 июля 1917 года № 480 и от 11 июля того же года

№ 540. Эти два приказа послужили основой организации будущего Армянского корпуса». ¹¹

Конечно, от полков до корпуса — дистанция огромного размера. Нарастивать численность армянских частей и, соответственно, придавать им больший иерархический статус пришлось постепенно. Например, в приказе Главнокомандующего войсками Кавказского фронта № 461 от 3 августа 1917 года (§ 1) я нашел упоминание о создании бригады:

«Капитан Векилов назначен временно исполняющим должность Начальника Штаба формируемой Отдельной Армянской стрелковой бригады». ¹²

Однако события в 1917 году развивались с такой скоростью, что власть и общество все время запаздывали с реакцией на них.

Уже после июльского выступления большевиков в Петрограде стало ясно, что армия, вняв их пропаганде, может оставить позиции и повернуть свое оружие внутрь страны. Многие полагали, что если такое случится, то не позднее октября.

Эти опасения усилились после того, как 31 августа 1917 года было подавлено выступление генерала Л.Г. Корнилова. В результате позиции большевиков значительно окрепли, а Временное правительство в вопросах ведения войны стало зависимым от их пацифистской программы.

В этих обстоятельствах ему стало не до воплощений собственных решений. И созданием армянских полков и дивизий, получается, должны были заняться самые заинтересованные в этом — армяне. И они занялись. Прежде всего, надо было создать какой-то общий орган, который взял бы на себя ответственность за все национальные дела, и в первую очередь военные.

Такая работа уже была однажды начата в 1916 году, но затем по разным причинам прервана, и вот ранней осенью 1917 года — возобновлена. Армянские национальные партии, которым была нужна война до победного конца ради освобождения Западной Армении, в сентябре-октябре 1917 года собрались в Тифлисе на совещание (съезд), где была высказана полная поддержка Временному правительству и образован Армянский национальный совет в составе 15 человек под председательством Аветиса Агароняна.

Аналогичные армянские национальные советы были избраны в Ереване и Баку, но главным стал считаться Армянский национальный совет Тифлиса как центра пока единого Закавказья. Приблизительно в это же время возникли Грузинский и Мусульманский национальные советы.

Кавказская армия, по сравнению с армиями Западного фронта России, не так сильно поддавалась большевистской агитации. Серьезных стол-

¹¹ Там же. С. 70.

¹² РГВИА. Ф. 2100, оп. 2 дополнительная, д. 121, л. 217.

кновений с противником не было, и свою главную задачу командование Кавказского фронта видело в сохранении на фронте статус-кво и в спасении людей от голода и тяжких лишений. С этой задачей командование в течение лета-осени 1917 года более-менее справлялось, несмотря на удаленность театра военных действий от главных продовольственных и индустриальных центров страны.

Справлялось оно, также более-менее, и с созданием армянских полков, часть которых уже вошла в состав действующей армии. Но 25 октября 1917 года в Петрограде произошел большевистский переворот.

Одним из первых действий бежавшего из Петрограда А.Ф. Керенского как Верховного Главнокомандующего стало объявление приказа, переданного по телеграфу и предостерегавшего армию от хаоса и развала. Главнокомандующий войсками Кавказского фронта А.М. Пржевальский объявил копию приказа А.Ф. Керенского в своем приказе № 727 от 30 октября 1917 года из Тифлиса. Привожу волнующий текст этого документа как свидетельство состояния, в которое погрузилась Россия. «Наступившая смута, вызванная безумием большевиков, ставит Государство наше на край гибели и требует напряжения всей воли, мужества, выполнения долга каждым для выхода из переживаемого Родиной нашей смертельного испытания.

В настоящее время впредь до объявления нового состава Временного правительства, если таковое последует (весьма своевременная оговорка.. — Ю.П.), каждый должен оставаться на своем посту и исполнить свой долг перед истерзанной Родиной. Нужно помнить, что **малейшее нарушение существующей организации армии** (выделено мною.. — Ю.П.) может повлечь непоправимые бедствия, открыв фронт для нового удара противника, поэтому необходимо сохранить **во что бы то ни стало боеспособность армии** (выделено мною.. — Ю.П.), поддерживать полный порядок, охраняя армию от новых потрясений, и не колебать взаимное полное доверие между Начальниками и подчиненными.

Приказываю (здесь и далее все подчеркивания сделаны в оригинале.. — Ю.П.) всем Начальникам и Комиссарам во имя спасения Родины сохранить свой пост, как и Я сохраняю свой пост Верховного Главнокомандующего, впредь до изъявления воли Временного правительства Республики.

Приказ прошу прочесть во всех ротам, командах, сотнях, эскадронах и батареях, на судах и во всех строевых командах.

№ 314, 25 октября 1917 года. Псков. Керенский.

Верно: За Начальника особого отделения Штаба Главнокомандующего войсками Кавказского фронта, помощник его прапорщик Хатисов».¹³

После пресловутого «Декрета о мире» (пресловутого, с моей точки зрения, потому что он не принес России мира), на Западном фронте России

¹³ Там же. Л. 343.

началось массовое «братание» с немецкими и австрийскими солдатами. Узнав о последних событиях, бывший царь, находящийся к этому времени в Тобольске, написал в своем дневнике 18 ноября 1917 года: «Получилось невероятнейшее известие о том, что какие-то трое парламентаров нашей 5-й армии ездили к германцам впереди Двинска (впоследствии Даугавпилс. — Ю.П.) и подписали предварительные с ними условия перемирия! Подобного кошмара я никак не ожидал. Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту — предложить неприятелю заключить мир, не спрашивая мнения народа, и в то время, как противником занята большая полоса страны?»

Когда же, некоторое время спустя, вести о перевороте и Декрете дошли до Кавказа, «братание» началось и там.

Понимая, что в этих обстоятельствах развал Кавказской армии неминуем, а позиция ОЗАКОМа по неприятию большевистского переворота predetermined, Армянский национальный совет в своем воззвании от 1 ноября 1917 года заявил, что берет на себя руководство всеми национальными делами.

И первым из этих дел стало создание Отдельного Армянского корпуса. Его оперативную организацию обеспечивал Армянский военный совет, в который вошли видные офицеры-армяне. Создание Армянского корпуса, конечно же, облегчалось тем, что основа в виде армянских полков уже существовала. В связи с чем Г.Г. Корганов написал:

«По мере того как фронт разваливался, число русских частей, еще сохранявших некоторую боеспособность, убывало — обстоятельство, которое убедило, наконец, высшее командование Кавказского фронта в необходимости безотлагательного создания национальных войск.

На фоне всеобщего краха армянские полки, которые уже были в строю, сохраняли свою военную ценность — обстоятельство, которое не могло, наконец, не повлиять на решение о формировании Армянского корпуса...

...В соответствии с планом, на котором остановились, имеющиеся в строю шесть полков по два батальона надо было развернуть в восемь полков (по три батальона в каждом) в составе двух дивизий, по четыре полка в каждой, с кавалерией (одна бригада), пятнадцатью артиллерийскими батареями, инженерными войсками и техническими частями.

Все солдаты-армяне со всех русских фронтов и маршевых батальонов должны были быть призваны, чтобы пополнить уже существующие части и укомплектовать новые части, предусмотренные генеральным планом».¹⁴

Однако процесс создания на Кавказе национальных войсковых соединений (не только армянских, но и грузинских, мусульманских, осетинских и других) затруднялся, в частности, нежеланием Главнокомандующего войсками Кавказского фронта отпускать из русской армии сра-

¹⁴ Корганов Г.Г. Указ. соч. С. 70.

зу большого количества военнослужащих. Об этом, например, шла речь в его приказе № 759 от 10 ноября 1917 года:

«В связи с происходящим формированием национальных частей поступают ходатайства о переводе — от групп офицеров и солдат частей, находящихся на фронте. Объявляю, что этот порядок совершенно незаконен и недопустим. Из частей, находящихся на фронте, разрешаются переводы только отдельных лиц в общем порядке.

Подписал: генерал от инфантерии Пржевальский

Разослано 14 ноября 1917 года».¹⁵

Все же из-за того, что война с турками шла в основном на территории Западной Армении, считалось вполне естественным, что именно армянам и придется взять на себя основное бремя по защите своих исконных земель, и потому создание армянских национальных частей имело приоритетное значение для русского командования. Нужна была координация усилий между основным ядром армии и вновь создаваемыми национальными формированиями. Поэтому уже 16 ноября Главнокомандующий Кавказским фронтом издал приказ № 786, в котором говорилось:

«Командующий 2-ой Кавказской стрелковой дивизией генерал-майор Назарбеков прикомандировывается в распоряжение Начальника Штаба вверенного мне фронта для работы по национализации частей фронта.

Подписал: генерал от инфантерии Пржевальский».¹⁶

А уже 19 ноября Назарбеков приступает к исполнению обязанностей командира Армянского корпуса в соответствии с приказом М.А. Пржевальского:

«Командующий 2-ой Кавказской стрелковой дивизией генерал-майор Назарбеков допускается мною к командованию вновь формируемым Армянским армейским корпусом.

Справка: телеграмма Дежурного Генерала при Верховном Главнокомандующем от 17 ноября за № 18293.

По Штабу фронта, по Инспекторскому отделению».¹⁷

Анализируя текст этого приказа, можно прийти к выводу, что инициатива назначения Назарбекова исходила не от армянских общественно-политических кругов, а от Керенского, отдавшего в Петрограде фактическую власть большевикам, но формально остававшегося Верховным главнокомандующим.

Однако, видимо, события развивались не совсем так. Во всяком случае, в книге Сержа Афанасяна я нашел следующую версию назначения Назарбекова на должность командующего Армянским корпусом:

¹⁵ РГВИА. Ф. 2100, оп. 2 дополнительная, д. 121, л. 355 об.

¹⁶ Там же. Л. 371.

¹⁷ Там же. Л. 378.

«...14 ноября 1917 года начальник штаба Кавказской армии (с 9 июня 1917 года — генерал-майор Евгений Евгеньевич Вышинский. — *Ю.П.*) посылает генералу Тигранову (Левону Татевосовичу. — *Ю.П.*) телеграмму с предложением — занять должность главнокомандующего формирующегося армянского войска. Телеграмма доходит до адресата только 19 ноября. Тигранов подтверждает свое согласие 22 ноября. Однако его телеграмма была получена в Тифлисе лишь 11 дней спустя (то есть 3 декабря. — *Ю.П.*). Тем временем, генерал Багратуни (Акоп Герасимович Багратуни — еще один, по мнению С. Афанасяна, возможный кандидат на должность командующего — был арестован большевиками в Петрограде перед самым переворотом, но 15 декабря 1917 года отпущен из-под ареста. — *Ю.П.*) оказывается на свободе и 16 декабря приступает к своим обязанностям. Оба генерала — и Багратуни, и Тигранов — не смогли вовремя попасть в Тифлис из-за ненадежных путей сообщения, что лишило формирующийся Армянский корпус ценных командиров. Армянский национальный совет, вынужденный действовать быстро, решает, не дождавшись ответа из Петрограда, назначить на эту должность Томаса Назарбекова (в русской интерпретации его имя и отчество звучат как «Фома Иванович». — *Ю.П.*), 59-летнего генерала, победившего турок в Дильмане в 1915 году...»¹⁸

В политической жизни Закавказья тем временем произошли серьезные изменения. Вместо не признавшего большевистский переворот ОЗАКО-Ма 15 ноября 1917 года был образован новый орган государственной власти — Закавказский комиссариат, состоявший из грузинских меньшевиков, дашнаков, мусаватистов и эсеров. В своем обращении к населению Комиссариат заявил, что он образован «для борьбы с анархией в Закавказье и с большевистской Россией».

На этот раз инициатива была полностью поддержана Главнокомандующим войсками Кавказского фронта, издавшим в Тифлисе 19 ноября 1917 года приказ № 791:

«Тяжелое положение, переживаемое Российской Республикой (здесь и далее подчеркнуто в оригинале. — *Ю.П.*), и оторванность Закавказья от центра вынудило все социалистические партии и демократические революционные организации Закавказья создать здесь, впредь до созыва Учредительного Собрания Временную Краевую власть в лице Закавказского Комиссариата.

Я, Главнокомандующий войсками Кавказского фронта, всецело поддерживаю и приветствую эту власть, так как она не преследует никаких замыслов об отделении Закавказья от Российской Республики, а создана на благо как Российской Республики, так и всех без различия национальностей и веры народов Закавказья и на благо войск Кавказского фронта,

¹⁸ Афанасян С. Сардарпатская победа. Армения, май 1918. Париж: Арматан, 1985. С. 21 (на франц. яз.).

покрывших себя вечной боевой славой в Закавказье, Турции и Персии. Задачи этой власти видны из объявленной нами «Декларации Закавказского Комиссариата».

Все войска Кавказского фронта от генерала до солдата и все войсковые организации призываю отнестись с глубоким вниманием и доверием к созданной новой Революционной власти и помочь ей осуществить трудные, но великие намеченные ею задачи для мира и братства народов и благосостояния нашей армии.

Подписал: генерал от инфантерии Пржевальский

По особому отделению Управления генерал-квартирмейстера.¹⁹

Напомню в связи с приказом М.А. Пржевальского, что «Российская Республика» — название Российского государства, существовавшего на территории бывшей Российской империи фактически с Февральской революции до большевистского переворота в октябре 1917 года. Официально образована по решению Предпарламента 1 сентября 1917 года.

Однако образование нового органа не устранило двоевластия в Закавказье, так как помимо Комиссариата свою деятельность продолжали и национальные советы, взявшие на себя решение практических сторон жизни своих народов.

А большевики, без особых усилий захватив власть в Петрограде, а затем с некоторыми усилиями в Москве и в некоторых других крупных центрах, стали воплощать в жизнь свои программы. Руководствуясь «Декретом о мире», Советское правительство подписало 2 декабря 1917 года в Брест-Литовске договор о перемирии между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией — с другой. В этих условиях Главнокомандующий войсками Кавказского фронта М.А. Пржевальский, с согласия Закавказского комиссариата, принял предложение командования 3-й турецкой армии подписать в Эрзинджане 5 декабря 1917 года договор о перемирии, названный Эрзинджанским (в армянских источниках — Ерзнкайским). По этому договору военные действия прекращались немедленно — до заключения окончательного мира. Специальный акт о демаркационной линии, по сути, сохранял за русскими почти все районы, занятые ими по праву войны.

Договор о перемирии большинство русских солдат, сражавшихся на Кавказском фронте, восприняло как сигнал к возвращению домой. Наступивший хаос кратко, но точно описал в своей книге Г.Г. Корганов:

«...Отзвук большевистского переворота вначале меньше сказался на боевом духе Кавказских войск, нежели на других фронтах, вследствие удаленности этого театра войны от двух столиц.

¹⁹ РГВИА. Ф. 2100, оп. 2 дополнительная, д. 121, л. 374.

Несомненно, на Кавказском фронте также давали себя знать все симптомы будущего краха в виде частичного оставления позиций, невыполнения приказов, саботажа и расхищения имущества, но в менее катастрофических размерах, чем в России.

С другой стороны, эта удаленность Закавказья от центров разложения и своя особая ситуация вскоре должны были вызвать оставление всего фронта войсками...

...Деморализации русских войск еще больше способствовала новость о том, что противник предложил заключить перемирие...

...Этого было достаточно, чтобы дать массе дезорганизованных и изможденных русских солдат, не имевших в голове ничего, кроме одной идеи — скорее вернуться к себе домой, — повод оставить фронт».²⁰

Мнение Корганова о том, что развал фронта начался еще до подписания перемирия в Брест-Литовске и Эрзинджане, можно дополнить словами приказа Пржевальского № 821, изданного 3 декабря 1917 года:

«Почти ежедневно ко мне поступают по телеграфу постановления различных войсковых комитетов об очищении фронта и об уходе частей в тыл на отдых. Сердце обливается кровью при чтении этих прямо-таки безумных постановлений. Неужели же русский солдат, еще год тому назад поражавший мир своей выдержанностью, терпеливостью и способностью безропотно переносить самые ужасные тяготы службы, теперь потерял совершенно сознание долга перед Родиной и готов стать Иудой-предателем ее? Неужели любовь к Родине, любовь к истинной свободе совершенно заглохла в сердцах ваших? Неужели вы не понимаете, что, бросая фронт и очищая позиции, вы продаете Россию врагам ее и обрекаете на кровавые ужасы христианское население завоеванных областей, которое с надеждой и благодарностью взирало на русские войска, победоносно шествовавшие для освобождения их от векового рабства? Неужели же вы, проповедующие лозунг о свободном самоопределении народностей, сами топчете в грязь этот лозунг, и вместо того, чтобы обеспечить этому населению возможность действительно свободного самоопределения, ввернете его вновь в ужасное рабство?»

Неужели вы не понимаете, что, требуя отвода в тыл в интересах якобы продовольственных, вы сами себя обрекаете на голод?

Ведь тыл живет впроголодь, посылая все в армию. Ведь в то время, как на позициях вы получаете почти полную дачу хлеба, в тылу все население получает лишь три восьмых фунта хлеба и четверть фунта сахарей в день на человека. Ведь, оставляя позицию, вы бросаете противнику огромные запасы продовольствия, почти в двухмесячной пропорции, с невероятным трудом собранные на фронт голодающим населением вашей Родины.

²⁰ Корганов Г.Г. Указ. соч. С. 74.

Неужели вы не понимаете, что, оставляя без разрешения фронт и отходя без системы в беспорядке в тыл, вы сами себя обрекаете на еще худшие страдания и ужасы холода и голода, которые неминуемо будут вам сопутствовать и приведут вас к гибели.

Неужели вы не понимаете, что тыл в Закавказье не приспособлен к размещению всей массы войск, стоящих на фронте, а Ставропольская губерния уже забита войсками.

В этом воззвании я обращаюсь не к тем, потерявшим разум, истратившим весь патриотизм на бесплодную болтовню и провокацию и уже недостойным называться сынами Великой России, которую они готовы продать, ибо они меня все равно не услышат, а обращаюсь к разуму, совести и чести истинных, честных, любящих Родину, болеющих за нее так же, как и я, гражданам республики и прошу услышать из глубины души идущий голос своего старого Главнокомандующего и его призыв — не губить Родину, не идти за теми, кто зовет к предательству и измене Родине и революции; кто свои личные интересы ставит выше интересов Отечества; кого неминуемо проклянут в ближайшем будущем родные дети как предателей; кого история поставит на одну доску с Иудой-искариотским, — а, спокойно оставаться на своих местах, организовываться в добровольческие отряды и защищать, несмотря на все тяготы, фронт и тем спасти Россию от новых бед.

Я верю, что мой призыв старого воина и гражданина, бесконечно любящего свою Родину, будет услышан истинными, честными русскими людьми, и они сумеют понять момент и отмежеваться от злых элементов, которые пусть уходят, куда им угодно, и знают, что и на Родине их встретят презрением и ненавистью как изменников и предателей.

Приказ этот прочесть во всех ротах, батареях, сотнях и командах.

Подписал: генерал от инфантерии Пржевальский

(По Особому Отделению Управления генерал-квартирмейстера).²¹

Итак, ситуация. Кавказский фронт разваливается, русские солдаты массово покидают позиции и отправляются в тыл. Выход — замена русских войск армянскими национальными частями, которые только создаются. Но генерал-майор Ф.И. Назарбеков 19 ноября 1917 года уже «допущен к командованию вновь формируемым Армянским армейским корпусом».

Он был не единственным армянским генералом, достойным стать командиром корпуса. Более того, в числе кандидатов мог оказаться и Даниэл-бек. О такой возможности упомянул С. Афанасян в своей книге:

«Этот выбор, — писал Ж. Каялов (его литературный труд называется «Сардарапатская битва». — Ю.П.), — был результатом компромисса. **Бесспорно, генерал Даниэл-бек Пирумян, говорящий на армянском языке и хорошо знающий своих солдат, был бы лучшим кандидатом, но левое**

²¹ РГВИА. Ф. 2100, оп. 2 дополнительная, д. 121, л. 389.

крыло национального совета выступило против назначения на эту должность сильной личности и, следовательно, более независимой и менее подчиненной (выделено мною. — Ю.П.)».²²

Но Каялов ошибался. Даниэл-бек на тот момент имел чин полковника и вряд ли, в самом деле, мог конкурировать с генералами. Даже простое соблюдение военной иерархии не позволяло Армянскому национальному совету принять решение в его пользу.

Но и командованию Кавказского фронта, и Армянскому национальному совету Даниэл-бек, конечно, был известен как опытный мужественный военачальник, проявивший себя с самой лучшей стороны практически во всех главных сражениях против турок. И потому представляется вполне логичным издание М.А. Пржевальским приказа № 852 от 7 декабря 1917 года:

«Допускаю к временному исполнению вакантных должностей в войсковых частях вновь формируемого Армянского армейского корпуса с 1 декабря 1917 года командира 155-го пехотного Кубинского полка полковника Пирумова — должность командира бригады 1-й Армянской стрелковой дивизии».²³

Значит, не ошибался Иосиф, когда на допросе у следователя заявил, что его отец в 1917 году был командиром Кубинского полка. Неизвестно только, с какого времени. Но лакуна в исследовании жизни деда, хотя и без подробностей, заполнена. А с даты 1 декабря 1917 года появилась возможность проследить жизнь Даниэл-бека, опираясь во многом на документы, найденные в Национальном архиве Армении.

Мне помогла их отыскать Соня Суреновна Мирзоян. Я познакомился с ней в мае 1998 года, когда по приглашению правительства Республики Армения приехал с женой на празднование 80-летия Сардарapatской битвы. Она работала заместителем директора Государственного архива новейшей истории Армении (сейчас Национального архива Армении — НАА). Замечательно образованная, интеллигентная, прекрасно знающая новейшую армянскую историю, настоящая патриотка, она сразу же вызвала большое уважение и доверие. Честно говоря, без ее помощи и эрудиции эта книга появилась бы на свет в сильно урезанном, обедненном виде. И потому среди всех, кто помог мне на этом трудном пути, Соня Суреновна занимает в моей душе особое место.

Очень важной для меня находкой стали три протокола Исполнительного комитета Армянского военного совета от 1, 2 и 7 декабря 1917 года.²⁴ Они без подписей, в них не указано место заседания, а Даниэл-бек выступает то под фамилией Пирумян, то под фамилией Пирумов.

²² Афанасян С. Указ. соч. С. 21.

²³ РГВИА. Ф. 2100, оп. 2 дополнительная, д. 121, л. 403 об.

²⁴ НАА. Ф. 121, оп. 2, д. 108, л. 4, 8, 13.

На заседании, которое состоялось 1 декабря 1917 года, он — под фамилией Пирумян — присутствует в числе десяти других членов Исполнительного комитета. Кроме этой десятки, в заседании приняли участие представитель Армянского национального совета — Рубен (Тер-Минасян. — Ю.П.), командир Корпуса генерал Назарбеков, а также генерал Орешев (Арешев) и полковник Тер-Саркисян. В соответствии с духом времени все они именуются «товарищами». По итогам заседания был составлен протокол № 2.

В п. 3 этого протокола, в частности, сказано: «по вопросу о назначении офицеров на высшие командные должности Комитет постановил: 1) право представления кандидатов предоставить Командиру Корпуса, за собою же, согласно Уставу, оставить право отвода представленных кандидатов; 2) офицеров-неармян принимать в исключительных случаях».

В протоколе № 3 заседания от 2 декабря 1917 года, в п. 3 написано, что «Командир Корпуса предлагает назначить Даниэл-бека Пирумова Помощником Начальника дивизии». Правда, самого Даниэл-бека в списке участников этого заседания нет.

А в протоколе № 6 заседания от 7 декабря 1917 года, в п. 2 отмечено: «...имея в виду, что с отходящими русскими частями вольно и невольно уходит много армян, Исполнительный комитет постановил: для выделения таковых и формирования из них частей и команд для пополнения Корпуса, создать особый отдел, руководство которым возложить на т. Пирумяна». Далее, в п. 3 этого же протокола сказано следующее: «...имея в виду предстоящие расходы по борьбе с дезертирством, на выделение армян из отходящих частей и на пособия вновь формируемых частей, на канцелярские и на издание газеты, Исполнительный комитет постановил: просить Национальный совет об отпуске, до представления подробной сметы по всем расходам, аванса в триста тысяч рублей, уведомив Национальный совет, что если он в три дня не отпустит просимой суммы, Комитету придется принять свои меры для приискания таковой. Соответствующий доклад в Национальном совете поручено сделать т.т. Пирумяну и Абазяну». Содокладчик Даниэл-бека, капитан Николай Абазян (Абазов), — один из активнейших членов Армянского военного совета, назначенный в том же декабре еще и Председателем Штабного отдела Исполнительного комитета.

Эти документы позволяют мне утверждать, что Даниэл-бек вместе с другими военными и политическими деятелями, как А.Г. Туршян и писал, действительно стоял у истоков создания Армянской национальной армии. Армии, созданной, что называется, «на скорую руку». Которой, как показало развитие событий в последующие недели и месяцы, суждено было вступить в смертельную схватку с грозным противником, стремящимся не просто победить в войне, а положить конец самому существованию нашего народа.

Из сведений, собранных неутомимым капитаном Н. Абазовым, — «об офицерах, имеющих специальное техническое образование»,²⁵ видно, что в числе 19 таких офицеров — Григорий Шаликович Пирумов, как написано Абазовым, «закончивший инженерную школу». А из послужного списка Григория Шаликовича можно узнать о «держании им в феврале 1917 года экзамена на чин прапорщика инженерных войск при Алексеевском Инженерном училище в г. Киеве»²⁶.

Он успешно сдал экзамен в это училище, но вряд ли успел его окончить, учитывая наступившие события. Тем не менее, даже недоучившийся студент инженерного училища, превратившегося в сведениях капитана Абазова в «инженерную школу», представлял для создаваемой Армянской армии несомненную профессиональную ценность.

И если Армянскому военному совету удалось использовать знания Григория Шаликовича — родного брата Ивана Шаликовича, троюродного племянника Даниэл-бека, которому в день бракосочетания в июне 1905 года мой дед послал приветственную телеграмму из Чиатури, то значит уже не один, а, по крайней мере, два представителя нашего рода помогали создавать Армянскую армию. Что ж, есть, чем гордиться!

Но создание Армянской армии оказалось делом чрезвычайно трудным. Пользуясь заключенным перемирием, надо было спешно, с согласия русского командования, отозвать с фронта максимальное количество армянских солдат (к этому времени на Западном фронте России и на Кавказском фронте воевало в общей сложности около 150 тысяч солдат-армян) и дополнить их гражданским населением из армянских областей. И хотя русский язык был достаточно распространен среди простых жителей Восточной Армении, незнакомым с военным делом гражданским людям нужно было не только понимать команды офицеров, но и разбираться в военной технике, а описание и инструкции по ее обслуживанию были написаны, разумеется, на русском языке. Требовалось многие понятия дополнить пояснениями на армянском языке. Однако большая часть командного состава была из тех армян, которые привыкли воевать в строю русской армии и не знали армянского языка, что сильно затрудняло общение с набранными на скорую руку рекрутами.

«Зеленый свет» на создание Армянского корпуса был дан 13 декабря 1917 года приказом № 136 Главнокомандующего войсками Кавказского фронта М.А. Пржевальского.

Предполагалось, что создаваемый Армянский корпус под командованием дивизионного генерала Назарбекова и при начальнике штаба бригадном генерале Вышинском будет состоять из двух стрелковых дивизий

²⁵ НАА. Ф. 121, оп. 2, д. 106, л. 5.

²⁶ Пирумян Ю.Л. Только один карабахский род (Военнослужащие российской армии из рода Пирумянов). Вторые Лазаревские чтения по истории армян России. М., 2006. С. 220.

по четыре трехбатальонных полка и одной артиллерийской бригаде из шести батарей в каждой дивизии.

При этом добровольцам по-прежнему нельзя было оформляться коллективно — только индивидуально. Приказ Главнокомандующего войсками Кавказского фронта № 892 от 18 декабря 1917 года звучал категорично:

«В дополнение приказа моего от 7 декабря 1917 года за № 148 приказываю, чтобы все офицеры, желающие служить во вновь формируемой Армянской дивизии, обращались по этому делу лично в Штаб генерал-комиссара Турецкой Армении и прочих областей Турции, занятых по праву войны.

Подписал: генерал от инфантерии Пржевальский».²⁷

По-видимому, уже на первых порах Пржевальскому стало ясно, что формирующиеся образования могут развернуться только в одну-две дивизии. И он был прав, ибо по первоначальному плану основу Армянского корпуса действительно должны были составлять две стрелковые дивизии.

Первой стрелковой дивизией (1-й — 4-й полки и 1-я артиллерийская бригада) должен был командовать бригадный генерал Арешев, **второй** (5-й — 8-й полки и 2-я артиллерийская бригада) — бригадный генерал Силиков.

Этим основным частям планировалось придать **дивизию армянских добровольцев** под командованием генерала Андраника, состоявшую из трех бригад (1-я бригада: Эрзерумский полк — два батальона, Эрзинджанский полк — два батальона, две батареи горных орудий и кавалерийский полк — три эскадрона; 2-я бригада: Хнысский полк — два батальона, Караклиссский полк — два батальона, две батареи горных орудий; 3-я бригада: 1-й Ванский полк — два батальона, 2-й Ванский полк — два батальона, батальон Маку — один батальон, две батареи горных орудий, Зейтунский кавалерийский полк — три эскадрона), и **Кавалерийскую бригаду** под командованием полковника Корганова (1-й Кавалерийский полк — четыре эскадрона, 2-й Кавалерийский полк — четыре эскадрона, Конная артиллерийская батарея, батарея гаубиц, саперный батальон).

Кроме того, в Армянский корпус должны были войти так называемые **Территориальные части** (полки и батальоны), в том числе: Лорийский полк — два батальона, Шушинский полк — два батальона, Ахаллакский полк — два батальона, Казахский полк — два батальона, Нухинский батальон, Ахалцихский батальон, Лорийский батальон, Игдирский батальон, Хансурский батальон.

Еще одним подразделением должна была стать **Маршевая бригада**, включающая крепостные войска, крепостную артиллерию, войска коммуникаций и связи, транспортные экипажи, медицинские, интендантские, артиллерийские и инженерные учреждения.

²⁷ РГВИА. Ф. 2100, оп. 2 дополнительная, д. 121, л. 411 об.

Со временем намеревались создать еще и 3-ю дивизию Армянского корпуса.

На бумаге эти планы выглядели если и не грандиозно, то, по крайней мере, внушительно. Но для их претворения в жизнь требовалось время, а его-то как раз катастрофически не хватало.

Кавказский фронт продолжал разваливаться. Русские солдаты целыми подразделениями отправлялись в тыл, откуда собирались двинуться дальше — в Россию. Только спешная отправка армянских полков на фронт могла предотвратить его полное оголение и как следствие — сдачу Эрзинджана, а в перспективе — потерю всего региона. Отступающие русские солдаты не подчинялись уже никакой дисциплине, вносили неразбериху в управление войсками и, в конечном итоге, могли помешать встающим на их замену армянским войскам, с которыми теперь командование Кавказского фронта надеялось продолжить борьбу и к формированию которых царская администрация в течение ряда лет относилась так скептически.

Видя невозможность удержать русских солдат на фронте, М.А. Пржевальский решил, по крайней мере, навести порядок в их отходе и в эвакуации в Россию, чтобы не дать им проникнуть в тыл театра военных действий, где они могли бы превратиться в прямую угрозу для населения Закавказья.

Но его усилия лишь немного минимизировали степень развала Кавказской армии. Наскоро формируемому Армянскому корпусу предстояло в одиночку защищать не только необъятный фронт, простирающийся от Байбурта до Персидского Азербайджана, но и крепости. Правда, эта задача несколько облегчалась договоренностью, по которой грузинские войска должны были занять район к северу от Байбурта до Черного моря.

Но, кроме фронта и крепостей, оставались еще коммуникации и железные дороги, а также огромные запасы материалов и другого имущества. И все это тоже надо было как-то защищать и охранять.

Наглядное представление о возникшей ситуации на железной дороге и необходимости контроля над ней могут дать две телеграммы, цитируемые Г.Г. Коргановым,²⁸ — от дирекции железной дороги (от 21 января 1918 года) и от командира Эрзерумской группы (от 25 января 1918 года).

Телеграмма от дирекции железной дороги гласит: «Русские солдаты из железнодорожной бригады, обслуживавшие линию Карс-Мерденек, оставляют имущество, стоимостью миллионы рублей, и останавливают движение. Просим сформировать армянский железнодорожный батальон и передать ему имущество этой бригады и линию Карс-Мерденек».

В более категоричном тоне выдержана телеграмма командира Эрзерумской группы: «Если этот вопрос жизненной важности не будет уре-

²⁸ Корганов Г.Г. Указ. соч. С. 77.

гулирован удовлетворительным образом до 13 февраля, армянские войска, занимающие Армению, будут вынуждены ее покинуть, и станет невозможным продолжение борьбы».

Понимая, что в создавшейся обстановке командование войсками Кавказского фронта бессильно изменить ситуацию, М.А. Пржевальский решил оставить свой пост. Однако, вопреки распространенной в различных источниках информации о добровольном сложении с себя 28 декабря 1917 года полномочий и уходе из армии, Главнокомандующий войсками Кавказского фронта на самом деле предпочел «заболеть». Мой вывод основан на приказе № 922 от 28 декабря 1917 года:

«Заболев с сего числа, во временное командование войсками фронта приказываю вступить Начальнику Штаба фронта генерал-майору Лебединскому.

Справка: Положение о полевом управлении войсками в военное время, статья 112.

Подписал: генерал от инфантерии Пржевальский».²⁹

Можно только посочувствовать 58-летнему генералу, если он действительно заболел накануне нового, 1918 года, но если даже его болезнь была «дипломатической», то, на мой взгляд, Михаил Алексеевич все равно не заслуживает осуждения. В тяжелейшее для Кавказской армии время развала, анархии и хаоса он пытался сделать все от него зависящее, чтобы сохранить ее от окончательного разложения. По его приказу № 821 от 3 декабря 1917 года, где рефреном звучат слова «неужели вы не понимаете», видно, как глубоко он переживал за Россию, за народ и за армию, которой отдал много лет своей жизни...

Нелегкую ношу в виде тающего не по дням, а по часам Кавказского фронта принял от Пржевальского генерал-майор Евгений Васильевич Лебединский, издавший 28 декабря 1917 года приказ за № 923:

«Вследствие болезни Главнокомандующего, Я сего числа, согласно статье 112 Положения о полевом управлении войсками в военное время, вступил во временное командование войсками Кавказского фронта. Временное выполнение обязанностей Начальника Штаба фронта возлагаю на генерал-майора Левандовского.

Справка: приказ Главнокомандующего войсками фронта от 28 декабря 1917 года.

Подписал: Вр. и. д. Главнокомандующего, генерал-майор Лебединский.

По Штабу фронта, по общему отделению Управления генерал-квартирмейстера».³⁰

Временный новый Главнокомандующий войсками Кавказского фронта, реально оценив ситуацию, вынужден был издать приказ № 928, кото-

²⁹ РГВИА. Ф. 2100, оп. 2 дополнительная, д. 121, л. 428.

³⁰ Там же. Л. 428.

рым, в сущности, подписывал смертный приговор Кавказскому фронту и обрекал на медленное умирание Кавказскую армию. Приведу важнейшие, на мой взгляд, пункты из этого приказа:

«Во исполнение декрета Закавказского Комиссариата, объявленного мною в приказе моем от 28 сего декабря, приказываю:

1) Всех, не желающих продолжать службу на Кавказском фронте, направлять к соответствующим Военным Начальникам по месту призыва; принадлежащих же к губерниям, занятым противником, направлять к месту избранного ими жительства. Систему и порядок исполнения этого распоряжения предоставляю в каждом случае усмотрению начальствующих лиц и комитетов по отводу;

5) Имущество 39-й и 2-й Кавказской стрелковой дивизии передать в формируемые 1-ю и 2-ю русские дивизии. Все части и учреждения 1-го Кавказского корпуса, существовавшие в мирное время, передают таким же порядком все свое имущество на формирование частей и учреждений русского корпуса, по особым указаниям Штаба фронта;

11) Для занятия и обороны фронта армии, впредь до заключения мира, назначаю вновь формируемые корпуса: армянский, грузинский, мусульманский, русский и украинский и другие части; ассирийские, греческие, осетинские и польские по особым моим боевым указаниям, которые дать немедленно Штабу фронта.

Подписал: Временно и. д. Главнокомандующего Кавказского фронта генерал-майор Лебединский.

(По учетному отделению демобилизационного Управления штаба Главнокомандующего войсками Кавказского фронта).

Разослано 31 декабря 1917 года».³¹

И формально продолжавший существовать Кавказский фронт лишился не только людских резервов, но и имущества удерживавшей его Кавказской армии.

Свою и, может быть, самую большую лепту в развал Кавказского фронта (и не только этого фронта) внесли большевики. Достаточно прочитать только одно обращение крайкома РСДРП к рабочим и крестьянам (январь 1918 года), чтобы понять, как они действовали:

«Здесь, в Закавказье, какие-то самозванные Национальные Советы, сплошь состоящие из представителей шовинистской (так в тексте. — Ю.П.) буржуазии и оборонческих партий, образуют национальные полки и через Закавказский комиссариат готовят принудительную мобилизацию, запугивая одних — турками, других — разбоями, третьих — большевиками, замышляют организовать вооруженные силы для поддержки своего господства...

³¹ Там же. Л. 434.

...Мы призываем вас стройным и организованным порядком, в полной боевой готовности следовать далее, на Северный Кавказ, сметая по дороге все то, что станет поперек вашего пути, беспощадно подавляя всякие попытки к разоружению вас. Войны не будет больше!»

Армянские части оказались в самом трудном положении, какое можно было только представить. Не случайно Армянский национальный совет подготовил следующее обращение к русским войскам:

«Уходя с фронта и унося с собой оружие, вы ставите нас в безвыходное положение: оставляете нас абсолютно безоружными и беззащитными.

Армянский народ в течение десятков лет борется в рядах русских революционеров за освобождение.

Дружеская просьба наша: не увозите с собой оружие. Протяните руку помощи армянину, дайте ему оружие для защиты от хищников, зорящихся (так в тексте. — *Ю. П.*) на наше достояние и честь».

К чести русских солдат и офицеров, они отдавали армянам многое из того, что было в их распоряжении. И часть солдат и офицеров остались в составе армянского корпуса. Из офицеров был даже сформирован Особый офицерский батальон.

Но пока русские части покидали свои позиции, а наскоро сколоченные армянские формирования только выдвигались в стратегические районы, в тылу у тех и у других подняли головы шовинистические мусульманские элементы, пытавшиеся, с одной стороны, разоружить первых, а с другой стороны, отвлечь вторых от организации действенной обороны.

Г.Г. Корганов делится воспоминаниями:

«Организованные банды, руководимые агентами и эмиссарами турок, начали с разрушения всех основных линий за спиной армии.

Сначала это была железная дорога Баку — Тифлис, которая была закрыта для движения, потом очередь дошла до линии Баку — Грозный.

Ближе к фронту линия Эривань — Джульфа, чрезвычайной важности, была парализована, и совершались рейды против линии Тифлис — Александрополь.

В то же время начались погромы армянских деревень курдами, вначале в Эриванской губернии; но вскоре движение расширилось, приняв систематический характер в районах со смешанным армяно-татарским населением в Тифлисской, Елисаветпольской и Бакинской губерниях.

Многочисленные армянские общины добивались освобождения от военной службы мужского населения, чтобы не оставлять без защиты свои деревни.

Эти погромы мирного армянского населения становились все более частыми и, очевидно, были методично организованы».³²

³² Корганов Г.Г. Указ. соч. С. 78, 79.

Таковы были условия, в которых создавался Армянский корпус и в которых он должен был сражаться: вооруженные нападения мусульман на фоне оголения позиций Кавказской армии, продолжавшей числиться военной структурой под командованием генерала И.З. Одишелидзе, формально продолжавшего существовать Кавказского фронта. А тем временем последние эшелоны русской Кавказской армии в начале января уже проходили Эрзерум, Эривань, Джульфу или направлялись к Трапезунду, чтобы любым путем, по земле или по морю, вернуться в Россию.

И потому, начиная с первых недель января 1918 года, на плечи насскоро создаваемого Армянского корпуса легла огромная ответственность за удержание протяженного фронта. Конечно, ввиду малочисленности, корпус не мог удерживать непрерывную линию. Командование приняло единственно возможное в данных обстоятельствах решение — разбить корпус на оторванные друг от друга небольшие отряды, чтобы сделать из них заслоны на главных направлениях возможного наступления противника.

Было выбрано пять важнейших направлений: Эрзинджанское, Эрзерумское, Эриванское, Карсское и Александропольское. В Эрзинджане разместили Эрзинджанский пехотный трехбатальонный полк, сформированный из армянских солдат, отказавшихся следовать за уходящими русскими войсками. В Эрзеруме — Эрзерумский пехотный полк, сформированный из местных жителей, 1-й Армянский стрелковый полк и один батальон 4-го стрелкового полка, прибывший из Эривани. В трех других важнейших пунктах — Эривани, Карсе и Александрополе — размещались части, формирование которых еще не было завершено. В самой Эривани — 3-й и 6-й Армянские стрелковые полки, преобразование которых в трехбатальонные полки было близко к завершению, и один батальон 4-го стрелкового полка; в Карсе — полк этой крепости; в Александрополе — 7-й и 8-й Армянские стрелковые полки и части обороны зоны крепости.

На первый взгляд, были собраны немалые силы. Однако общая численность всех подразделений не превышала 17 тысяч человек. Правда, в то же время во фронтовом тылу начали формирование кавалерийских и артиллерийских частей. Уделено было внимание и организации вспомогательных подразделений, в том числе технических. Кроме того, как я уже отмечал, положение армянских частей планировалось немного облегчить обороной северных участков — с помощью войск Грузинского корпуса, который должен был занять линию Гомушхана — Трапезунд.

Вся эта суета с созданием Армянского корпуса, под аккомпанемент уходящих с фронта русских частей, казалось бы, никак не волновала противника. Но это только казалось...

Г.Г. Корганов считал, что:

«Турки, со своей стороны, очень хорошо осведомленные о разложении, в котором находилась русская армия, временно прекратили все враждебные действия, которые могли бы замедлить ее прогрессирующую агонию.

Между тем было более чем вероятно, что турки, осведомленные об уходе русской армии и об ее замене национальными войсками, воспользовались бы первым же предлогом, чтобы нарушить перемирие и начать военные действия» (выделено мною. — *Ю. П.*).³³

К сожалению, многие армяне, убаюканные перемирием, пребывали в иллюзии, что статус-кво, достигнутый на фронте, останется неизменным. Хорошо хоть наиболее прозорливые армянские начальники так не думали. Генерал Андраник Озаян еще в декабре 1917 года посылает из Александрополя в Тифлис Армянскому национальному совету телеграмму: «Видя настроение народа, необходимо выпустить новые воззвания об обязательной мобилизации от 19 до 45 лет, а также составить инструкции и отправить в Уездные исполнительные комитеты». Сам он тоже не теряет времени и публикует 3 января 1918 года в газете «Айастан» обращение под названием «Мое последнее слово к армянскому народу»:

«Опасность час за часом становится грознее. Эта угроза, как меч, висит над нашими головами, а мы все спим.

Армянский народ! Если желаешь жить, если жуткая скорбь твоей опустошенной Родины терзает твое сердце, если благоговеешь перед памятью бессмертных мучеников, — сдвинься с места. Способные к бою, армянские зинворы (здесь «воины». — *Ю. П.*)! Немедленно вступайте под знамя Свободы и самозащиты. Предатель тот, кто не очнется, предатель тот, кто не внемлет тревоге!»³⁴

Большевики обещали, что «войны не будет больше», но оказалось, что армянскому народу предстояло вынести новые испытания.

Пока же руководителям различных уровней, в числе которых должен был, в соответствии с решением Исполнительного комитета Армянского военного совета, оказаться и Даниэл-бек, надо было в спешном порядке решать возникающие практические задачи.

Мне не удалось узнать, стал ли Даниэл-бек на самом деле, в соответствии с решением Исполнительного комитета, помощником начальника дивизии и руководителем особого отдела для пополнения корпуса армянами, уходящими с русскими войсками. Но 5 января 1918 года он — уже начальник Эриванского отряда. И, возможно, занимая одновременно и ту и другую должности (ведь кадров не хватает) и оставаясь еще и полномочным представителем Исполнительного комитета, пишет в качестве начальника Эриванского отряда письмо инспектору милиции Эриванской губернии:

³³ Там же. С. 81.

³⁴ Айастан. 1918. 3 янв.

«Ввиду полного отсутствия свободных войск в Эриванском отряде и незаконченности мобилизации и национализации (точное значение последнего слова мне не очень ясно. — *Ю.П.*) армянских частей, расположенных в Эриванской губернии, прошу принять зависящие меры к охране Башнорашенской тюрьмы средствами губернской милиции до 15 — 20 января, когда может явиться возможность отряду выделить надлежащие силы на смену милиции».³⁵

Продолжая исполнять обязанности начальника Эриванского отряда, Даниэл-бек 23 января 1918 года отправляет телеграмму с информацией о выступлении курдов — документальное подтверждение упомянутых Г.Г. Коргановым погромов армянских деревень, — но адресатом почему-то указывает Военный союз. Поскольку в телеграмме много других опечаток (мне даже пришлось ее несколько отредактировать), я склонен думать, что слово «союз» — тоже опечатка и настоящим адресатом является Армянский военный совет:

«Донесением мусульманского комиссара, представителей мусульманского комиссара и представителей населения 4-го участка Эриванского уезда, выяснилось, что большие скопища курдов окружили Давалу (село, расположенное к юго-юго-востоку от Еревана — в собственных текстах я буду употреблять современное название этого города. — *Ю.П.*) и Араздаян, угнали скот давалинцев, угрожают служащим Араздаяна. Высланная против них еще не успевшая сформироваться конная сотня партизан 19 января имела жаркую перестрелку в районе Давалу и, потеряв трех убитых и двадцать раненых, в том числе начальника сотни и его помощника, отбросила курдов за Аракс, отбила скот и освободила Араздаян. Двинутый для занятия Шахтагты и Джульфы (населенные пункты к юго-востоку от Еревана. — *Ю.П.*) батальон 4-го Армянского полка мною направлен в районы Давалу и Араздаян, для восстановления порядка. По новым сведениям, турки сосредотачиваются в районе Волчьих ворот и Ах-ури Сурмалинского уезда. Для противодействия этому в селение Аликизил выслана сотня партизан. Прошу присылки артиллерии и ружейных патронов».³⁶

Эта история имела продолжение в феврале в районе селений Давалу, Агамзалы и Улуханлу, куда Даниэл-бек ездил по местам столкновений — «для успокоения татар», а возвратившись, сообщил по команде, что «умиротворение наступило».

Несмотря на то что именно мусульманское население было инициатором различного рода инцидентов, Командующий 3-й турецкой армией Вехиб-паша, подыскивая предлог для нарушения перемирия, обвинил в этом армян, о чем и сообщил Командующему русской Кавказской армией И.З. Одишелидзе.

³⁵ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 499, ч. 1, л. 27.

³⁶ НАА. Ф. 121, оп. 2, д. 70, л. 10.

Но то, чем И.З. Одишелидзе к концу января — началу февраля 1918 года командовал, уже только номинально — по названию — могло считаться армией, тем более русской армией. На самом деле, это были несвязанные между собой небольшие группы русских солдат, еще не успевшие окончательно эвакуироваться, и наскоро сформированные части Армянского корпуса. И чем яснее турки понимали масштаб развала русской Кавказской армии, тем явственнее для них вырисовывалась перспектива перехода в наступление с целью отвоевать захваченные Кавказской армией исконные армянские земли, а при благоприятных обстоятельствах — и территории, отошедшие к России в результате войны 1877 — 1878 годов. Нужен был только предлог.

Тем временем большевики в Брест-Литовске продолжали переговоры о мире с Центральными державами, одновременно делая попытки, несмотря на разгон Учредительного собрания, представить свой режим в цивилизованном виде. Отчасти именно этим объясняется решение большевиков перейти на новый стиль летоисчисления. Этой мерой, на мой взгляд, Ленин и его соратники преследовали и другую цель — дискредитировать Русскую православную церковь, долгие десятилетия возражавшую против перехода на новый стиль. Так или иначе, но популистское решение Советского правительства переставляло все даты на 13 дней вперед, начиная с 1 февраля, которое превратилось сразу в 14 февраля.

Этот перескок в датах состоялся для моих исследований, как это ни смешно и амбициозно звучит, в самый неподходящий момент.

Ведь Закавказье пока юридически оставалось частью России, и статьи готовящегося мирного договора, касающиеся непосредственно этого региона, и сроки выполнения заключенных соглашений должны были распространяться и на него. Но Закавказский комиссариат, наследник ОЗАКОМа, также не признал большевистский переворот, и фактически регион жил самостоятельной жизнью в координатах старостильного летоисчисления.

Закавказье перешло на новый стиль летоисчисления позднее. Чтобы выяснить, когда, мне пришлось обратиться за помощью к Соне Суреновне Мирзоян. Она сообщила, что в Закавказье новый стиль был введен Закавказским Сеймом 17 апреля 1918 года, когда было решено, что следующий день 18 апреля станет сразу 1 мая.

Но мне пока надо описать период с февраля, когда турки нарушили перемирие, до мая. А вследствие вышеприведенных причин трудно представить разницу в днях между датами начала и хода боевых действий на Кавказском фронте и датами деятельности Даниэл-бека. Но ничего не поделаешь. Буду указывать те даты, которые указаны в цитируемых мною источниках.

День, когда турками фактически было нарушено Эрзинджанское перемирие, Г.Г. Корганов описывает так:

«10 февраля (1918 года. — Ю.П.), около полудня, на посту Чардахли, на шоссе, ведущем к Сивасу, внезапно появилась турецкая рота.

Начальник поста (армянского. — Ю.П.) остановил ее и попросил объяснений, как она появилась во время перемирия в нейтральной зоне. Турецкий офицер извинился, сказав, что его рота заблудилась в тумане при совершении войскового маневра.

Пост Чардахли был тотчас усилен. Но 12 февраля он был атакован и вынужден отойти к деревне Ярхани.

В тот же день генерал Пржевальский, Главнокомандующий Кавказским фронтом (Корганов ошибается, упоминая генерала Пржевальского, ушедшего с поста Главнокомандующего Кавказским фронтом еще 28 декабря 1917 года. — Ю.П.), и генерал Одишелидзе, Командующий Кавказской армией, получили от Вехиб-паши (командующего 3-й турецкой армией. — Ю.П.) телеграмму (№ 1020), в которой он снова настаивал на чинимых армянами жестокостях, обязывавших его двинуть свои войска, чтобы защитить мусульманское население: «Я могу Вас заверить, что Эрзинджанское соглашение (временное) полностью остается в силе, единственное положение договора, потерявшее силу вследствие ухода русских войск, — это демаркационная линия».

За этой декларацией последовало продвижение вперед турецких частей, входивших в 36-ю дивизию, развивавшую свое наступление со стороны Кемаха». ³⁷

Кемах находился юго-западнее Эрзинджана, вблизи него долгие месяцы стояла 39-я пехотная дивизия. Теперь вместо нее там располагались небольшие армянские отряды, вынужденные вступить в неравный бой. Наступление турок — превосходящими силами — началось и на других участках.

Как тут не восхититься традиционной восточной дипломатией, позволяющей горячо заверять в приверженности миру и одновременно вести военные действия.

Сам Командующий Армянским корпусом, генерал Ф.И. Назарбеков, позднее вспоминал: «...Какая-то странная и непонятная обстановка создалась на Кавказском фронте после заключения перемирия (декабрь 1917 года), которое будто бы должно было внести с обеих сторон успокоение. С одной стороны, наметились переговоры (по инициативе Турции), а с другой — происходило спешное продвижение турецких войск по всему фронту, с довольно значительными жертвами. И, конечно, больше всего жертв опять несли армяне в лице местного населения...»

³⁷ Корганов Г.Г. Указ. соч. С. 85, 86.

Ситуация была чревата действительно очень серьезными последствиями для армян. Даниэл-бек, вместе с еще тремя членами Исполнительного комитета Армянского военного совета, ответственными за формирование новых частей, в числе их уже известный нам капитан Абазов, посылает в Александрополь в феврале 1918 года (точная дата не указана) телеграмму генералу Назарбекову:

«Сознавая трагичность нашего положения, Исполнительный комитет постановил просить Вашего согласия на формирование 2-го отряда из тысячи штыков при восьми пулеметах и четырех горных пушках. Отряд формируется из людей сознательных (надо понимать, из тех, кто не дезертируют. — *Ю.П.*). Находящиеся уже в Армянских частях в Отряд не принимаются. Если будет Ваше согласие, Отряд в две недели будет сформирован и выступит в Ваше распоряжение во главе с капитаном Абазовым, при участии некоторых членов Исполнительного комитета. Ждем телеграфного ответа».³⁸

Даниэл-бек подписывает эту телеграмму как член Исполнительного комитета Армянского военного совета, но обязанности начальника Эриванского отряда пока что, по-видимому, с него не сняты.

Меры по привлечению армян в ряды формируемого Корпуса принимаются, но в его частях все равно ощущается острая нехватка личного состава. В связи с этим, Армянский военный совет в лице своего Исполнительного комитета пытается создать воинские подразделения из представителей малочисленных христианских народов, пострадавших наряду с армянами в 1915 году, ведь турецкое нашествие могло принести новые страдания и им.

Как пример работы в этом направлении — телеграмма, посланная Даниэл-беку в Эривань в феврале 1918 года (точной даты нет).

«Полковнику Пирумову. Исполнительный комитет просит Вас сделать распоряжение о зачислении на довольствие 60 всадников-ассирийцев, с лошадьми, при двух офицерах, впредь, до приезда командира ассирийского батальона. Армянский военный совет».³⁹

В данном случае вряд ли бы Исполнительный комитет обращался к Даниэл-беку как к члену этого же самого Исполнительного комитета. Очевидно, телеграмма направлена Даниэл-беку — командиру Эриванского отряда.

Что же представлял собой этот отряд? Вот что писал в своих воспоминаниях, посланных в феврале 1919 года в «Бюро по установлению потерь армянского народа от Всемирной войны» (я еще буду говорить в определенном месте об этой организации), полковник Х.Г. Араратов:

³⁸ НАА. Ф. 1267, оп. 2, д. 103, л. 63.

³⁹ НАА. Ф. 1267, оп. 2, д. 78, л. 9.

«Из частей Армянского армейского корпуса к началу военных действий с турками после ухода русских войск входили в состав Эриванского отряда два полка пехоты и две батареи, а именно: 5-й и 6-й Армянские полки и 2-я горная и 5-я легкая батареи. Это были части Армянской дивизии генерала Силикова и ее артиллерийской бригады, находившиеся сами в периоде формирования и по численному составу имевшие лишь около половины личного штатного состава. Батареи имели по четыре орудия, но без достаточного укомплектования людьми, лошадьми и материальной частью.

Кроме перечисленных частей, составляющих как бы регулярные армянские части, в состав Эриванского отряда входили Партизанский Армянский пехотный полк Дро и несколько батальонов, укомплектованных турецкими армянами пехотной бригады полковника Багдасарова».⁴⁰

И далее Х.Г. Араратов прибавляет: «Части Эриванского отряда с первых чисел февраля месяца 1918 года находились под командованием генерал-майора Силикова».⁴¹

«С первых чисел февраля...» Для меня, старающегося отследить жизнь Даниэл-бека даже по дням, фраза Х.Г. Араратова может означать, что мой дед был начальником Эриванского отряда числа до 10 февраля, а затем сдал командование генералу Силикову. Но тогда это как раз дата начала наступления турок, по Г.Г. Корганову. А значит, ситуация потребовала срочных перестановок в командном звене Армянского корпуса.

К этому же дню 10 февраля 1918 года закончился второй этап переговоров большевиков с представителями Центральных держав, начавшийся еще 9 января, о заключении мирного договора. Совпадение дня окончания переговорного этапа и нарушения турками Эрзинджанского перемирия не есть ли соблазнительная тема для отдельного разговора?! Но у меня другая задача...

Два фактора — начавшееся турецкое наступление и перспектива мирного договора России с агрессором — развели «по интересам» Закавказский комиссариат и народы Закавказья.

Как писал в 1991 году в своем очерке «Путь к государственности» мой тогда еще очень молодой товарищ — Константин Захарян: «...Из-за внутренних разногласий Закавказское правительство вовремя не объявило мобилизацию (она была объявлена лишь в марте). Комиссариат заседал, дискутировал...»⁴²

Прошло много лет с тех пор, как я познакомился с Константином (вот оно, сомнительное преимущество возраста: я могу называть его по имени, в то время как он меня — уже только по имени и отчеству), приехав

⁴⁰ НАА. Ф. 121, оп. 2, д. 84, л. 5, 6 об.

⁴¹ Там же.

⁴² Литературная Армения. 1991. № 4. С. 89.

в очередной раз в Армению. Он передал мне тогда свою статью «Между молотом и наковальней», напечатанную в журнале «Литературная Армения» годом раньше, которую я с большим интересом тогда же и прочитал. Меня поразил его тонкий и точный анализ событий, происшедших в Армении в 1914 – 1920 годах, и легкий стиль изложения. Но больше всего меня удивило его признание, что работу эту он писал «по памяти», никуда не заглядывая, дабы уточнить какую-нибудь дату. Завидую, у меня так не получается. Я постоянно вынужден сверять даты из одних источников с датами из других. И они, как назло, не всегда совпадают...

Турки развивали наступление, в Тифлисе шли бесплодные дискуссии между партиями Закавказского комиссариата, а кавказские татары, испытывая национальную и религиозную общность с турками, всячески противодействовали отпору интервентам. Организовывали вместе с другими мусульманами вооруженные банды и нападали на армянские части, оставшиеся по сути дела без поддержки грузинских войск, не вступавших в прямые столкновения с турками и потихоньку отступавших на север. Обстановка требовала решительных действий от армянских командиров любого уровня.

Даниэл-бек в это сложное время оказался «на уровне» не только в должностном смысле, но и в смысле принятия им эффективных мер для водворения порядка уже в масштабе Эриванской губернии, тем более что 20 февраля 1918 года главной ареной этнических междоусобиц стал сам Ереван. Уже на следующий день после этого Даниэл-бек посылает Закавказскому сейму в Тифлис телеграмму, в которой сообщает о происшедшем событии и принятых мерах:

«Под председательством Командующего войсками Эриванской губернии полковника Пирумова общее собрание членов Губернского Исполнительного комитета, Международного совета, Съезда делегатов Эриванской губернии, Национальных советов армян и мусульман, Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов при участии Губернского Комиссара, Комиссара армянских частей, Дро, представителей военных властей, Губернского Казия и Мирза Гусейна Ваас, армянского духовенства, Городского самоуправления, Коменданта города, обсудив создавшееся положение в городе Эривани, единогласно констатирует полное отсутствие национальной вражды между армянами и мусульманами, находит происшедшую 20 февраля перестрелку, возникшую по недоразумению на почве случайных выстрелов со стороны безответственных лиц и не без элемента провокационной выходки подонков общества, и постановляет с сего числа ввести в городе военное положение, создав из армян, мусульман и представителей Русского Национального совета военно-революционный трибунал с широкими полномочиями. Сегодня в городе полное спокойствие, свободное общение и сожительство восстановлено.

Подписали:
Председатель Общего собрания — Полковник Пирумов
Председатели Совета рабочих и солдатских депутатов — Никогосян
и Меликян
Губернский Казий — А. Казиев
Представитель армянского духовенства — св. Ак. Хачванк
Городской голова — Тошьян
Член Управы — Миргабиров
Председатель Губернского исполнительного комитета — Ванцьян
Товарищ Председателя Межнационального совета — Принц Мамед
Председатель Межнационального совета — Енгибаров
Губкомиссар — Саак Торосян
С подлинным верно: за Помощника Правителя Канцелярии Министерства внутренних дел (подпись)». ⁴³

В этом документе меня смущает только одно: телеграмма адресована 21 февраля Закавказскому сейму, который был образован только двумя днями позднее. То ли информация о преобразовании руководящих органов была известна администрациям на местах и в телеграмме адресат назван, исходя из ожидаемых событий, то ли это просто ошибка — не знаю. Но, может быть, это и не важно. Куда важнее то, какие выводы были сделаны.

«Под председательством Командующего войсками Эриванской губернии полковника Пирумова, при участии Комиссара Армянских частей Дро, уполномоченного Армянского Центрального Национального совета Арама (Манукяна. — Ю.Л.), Председателя Эриванского особого комитета Армянского Национального совета и Военного совета Мусиняна, Председателя Совета солдатских депутатов Меликяна, председателя Дивизионного комитета д-ра Тер-Микаэлянца, и.д. Начальника штаба Эриванского отряда штабс-капитана Кадурина, и.д. Начальника штаба 1-й Армянской стрелковой дивизии прапорщика Юзбашяна и Коменданта города Эривани Шахатуни, состоялось совещание, которое, обсудив создавшееся положение, единогласно постановило: образовать военно-революционный суд, наделенный всей полнотой дискреционной власти, безапелляционный и окончательный, без какого-либо ограничения в правах выбора судом наказаний (применительно к приказу Верховного Главнокомандующего прошлого года за № 636), причем круг ведомства суда заключается в рассмотрении преступлений, совершенных лицами Военного ведомства независимо от рода оружия и положения, занимаемого в войсковых частях, в чем бы эти преступления ни заключались, как то: неподчинение распоряжениям начальства, превышение власти, дезертирство, насилие над мирными жителями, мародерство, грабежи и т.д.

⁴³ НАА. Ф. 206, оп. 1, д. 4, л. 9.

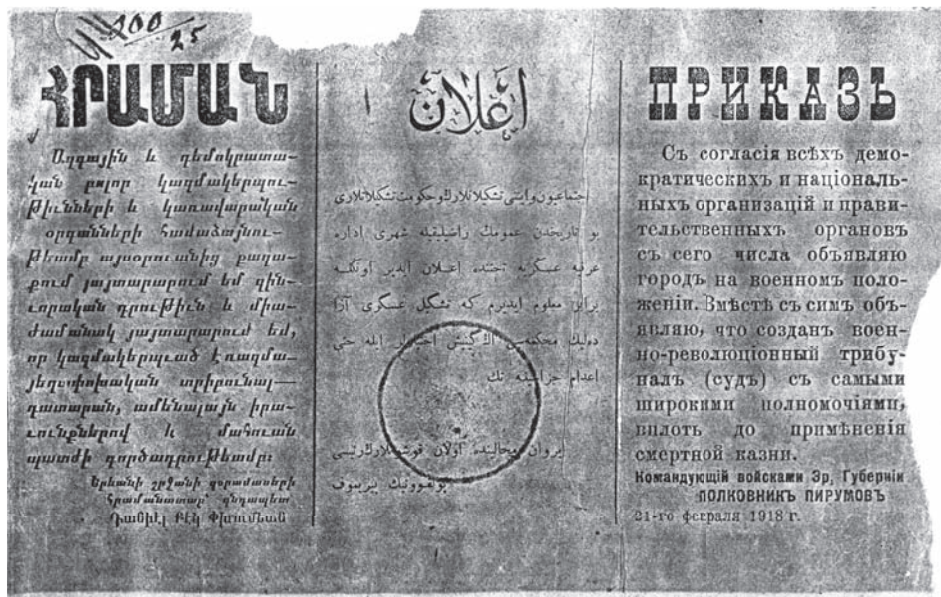
Состав суда определяется в пять человек, причем в таковой входит председатель по назначению Командующего войсками Эриванской губернии, один — от штабов Эриванского отряда и 1-й Армянской стрелковой дивизии, один — от Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов, один — от Дивизионного комитета и один — от Армянского Национального совета.

Рассмотрение дел и вынесение приговоров по ним происходит в течение 48-ми часов. Настоящее постановление входит в силу в 18 час. 22 февраля.

Подлинное за надлежащими подписями.

С подлинным верно: Надворный советник (подпись)». ⁴⁴

Результатом этого постановления стал знаменитый приказ за подписью Даниэл-бека, копию которого я увидел в музее Сардарпатского мемориального комплекса, приехав в Армению в 1998 году. Архивная копия приказа — на трех языках: армянском, персидском и русском. ⁴⁵

Архивный вариант приказа Даниэл-бека на трех языках

Разногласия продолжали раздирать Закавказский комиссариат, в то время как турки энергично наступали. 21 февраля они уже взяли Мамахатун, что был на полпути между Эрзинджаном и Эрзерумом. Надо было срочно преобразовывать аморфный Закавказский комиссариат в более эффективный орган власти. И 23 февраля 1918 года такой орган, названный Закавказским сеймом, был создан. В его состав вошли депута-

⁴⁴ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 34, л. 50.

⁴⁵ НАА. Ф. 121, оп. 2, д. 180, л. 2.

ты от Закавказья, избранные в разогнанное большевиками Учредительное собрание, и некоторые представители ряда партий — пропорционально голосам, полученным ими на выборах в это собрание. Председателем, с правами президента республики, был избран бывший член ОЗАКОМа — Акакий Иванович Чхенкели. А главой правительства стал Евгений Петрович Гегечкори, возглавлявший до этого Закавказский комиссариат. Через несколько дней Закавказский сейм упразднил Комиссариат и объявил себя законодательным органом.

На армяно-турецком фронте продолжались военные действия, причем боевой дух армянских войск подвергался испытанию слухами о мирных переговорах с Турцией, ибо турки, наступая, одновременно проявляли инициативу приступить к переговорам о мире.

Видимо, надеясь, что с Сеймом будет легче договориться, в день его образования командующий турецкой армией на Кавказском фронте генерал Ферик Вехиб-паша послал в Тифлис радиограмму о том, что его полномочные представители готовы к отъезду из Константинополя в Тифлис с целью определить предварительные условия как основу для заключения мира и признания Закавказского правительства.

Сейм оказался в сложном положении. Закавказье пока оставалось де-юре частью России, большевики, чтобы удержать свою власть, готовы были пожертвовать значительной частью территории в России и в Закавказье, и эта акция должна была легализоваться статьями мирного договора, обговариваемого в Брест-Литовске. Обстоятельства вынудили Закавказье принять турецкое предложение и начать независимые предварительные переговоры о мире, в надежде сохранить целостность своей территории.

Генерал Одишелидзе, сделавший до этого момента, по его мнению, все от него зависящее, чтобы организовать отпор туркам, хотя его действия в этот период и подвергаются некоторыми позднейшими исследователями, в том числе К.К. Захаряном, жесткой критике, все-таки, видя полное разложение армии, 28 февраля 1918 года покидает свой пост. С его уходом Кавказская армия прекращает свое существование.

Тем временем Ленин и его камарилья 1 марта приступают к завершающему этапу переговоров в Брест-Литовске и 3 марта 1918 года подписывают мир. С его заключением эгида Кавказской армии — Кавказский фронт для России перестает существовать.

Узнав об условиях, на которых Советская Россия была готова заключить мир с Германией и ее союзниками, Николай II написал в своем дневнике 2 марта 1918 года: «...Сколько еще времени будет наша несчастная Родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать?»

То же самое могли бы сказать и депутаты Закавказского сейма, собравшиеся в первый день весны. Как пишет Г.Г. Корганов: «На заседании 1 марта 1918 года Сейм единогласно принял основы мирных переговоров. Вот их суть:

Закавказский Сейм в настоящих условиях полностью принимает на себя полномочия для заключения мира с Турцией.

Закавказский Сейм приступает к переговорам, преследуя цель заключения окончательного мира с Турцией.

Восстановление государственной границы между Россией и Турцией, существовавшей к моменту объявления войны 1914 года, должно служить основой мирного договора.

Делегация должна защищать право самоопределения для Восточной Анатолии, в частности, обеспечить признание автономии Турецкой Армении под суверенитетом Турции (выделено мною. — Ю.П.).

Состав делегации был определен на следующий день. В нее вошли пять мусульман, четыре грузина и два армянина». ⁴⁶

Но вести переговоры в Тифлисе, на фоне продолжающихся военных действий на фронте, Закавказское правительство считало нежелательным. И предложило созвать совещание в занятом турками Трапезунде или в любом другом месте, по выбору противника.

Когда же 3 марта 1918 года стало известно, что Брест-Литовский мирный договор, по которому Батуми, Карс и Ардаган переходили к Турции, уже подписан, выезд закавказской делегации в Трапезунд был отложен. Она была вынуждена ожидать в Тифлисе ответа на свои телеграммы, посланные одновременно в Трапезунд и в турецкий Генштаб, для выяснения дальнейших действий турецкого правительства.

Наконец, 7 марта пришел ответ, что турецкие делегаты прибывают в Трапезунд в тот же день. Закавказская делегация срочно отправилась туда.

И тут, в который раз, турецкая дипломатия оказалась на высоте. Закавказские делегаты ждали в Трапезунде турецких представителей, а те не спешили с приездом, зная, что каждый лишний день только на руку турецким войскам, медленно, но неуклонно продвигавшимся на восток — по исконно армянской земле. Турецкие делегаты тянули время. Они ждали ошеломляющего успеха своих войск. Они верили в скорое падение Эрзерума...

Когда я в оригинале впервые читал книгу Г.Г. Корганова, меня страшно взволновали страницы, рассказывающие о боях малочисленных армянских отрядов в феврале-марте 1918 года за районы Эрзинджана и Эрзерума, после того как русская армия бросила Кавказский фронт на произвол судьбы.

Мне казалось, что и я вместе с этими отрядами отступаю от Эрзинджана, который в 1916 году брал Даниэл-бек. Переправляюсь через Евфрат, из

⁴⁶ Корганов Г.Г. Указ. соч. С. 96.

последних сил преодолеваю заснеженные крутые скаты гор, яростно цепляюсь за каждый пункт, защищая его от врага... И, будучи из другого времени и потому зная, чем закончится это отступление, все-таки надеюсь... А вдруг несколькими строками ниже прочту о том, что противника удалось остановить?! Но нет... Отступление армянских отрядов неотвратимо. Оно волной докатывается до Эрзерума. И когда я прочитал в 17-й главе, как армянские бойцы были вынуждены оставить этот город, и вспомнил, каких усилий стоило взять его форты всего два года назад и какое героичество проявили тогда солдаты 153-го пехотного Бакинского полка и лично Даниэл-бек, я долго не мог успокоиться. И даже сейчас, когда пишу эти строки, испытываю сильное волнение.

События на Кавказском фронте, последовавшие за октябрём 1917 года, армянину до сих пор невозможно принять без душевной боли. Да только ли армянину?! Любому российскому патриоту... Плоды героических усилий русской армии, жизнь и кровь тысяч и тысяч солдат были принесены в жертву... социальным химерам большевистских вождей.

Пресловутый Брестский мир, который в советское время воспевался официальной пропагандой как высшее достижение ленинской дипломатии, на поверку оказался актом беспримерного предательства национальных интересов России.

Зато турки к моменту переговоров в Трапезунде имели два козыря: заключенный Брестский мир и захваченный Эрзерум.

Потеря Эрзерума означала, что борьба за Турецкую Армению по существу закончилась, война шагнула в пределы Закавказья.

Хитрые турецкие делегаты дождались падения Эрзерума 12 марта, приехали в тот же день в Трапезунд, а переговоры начались только 14 марта. Закавказью оставалось либо отвергнуть Брестский мир и продолжить войну, либо принять жесткие требования турок.

Закавказский сейм, в конце концов, отверг Брестский мир, отозвал свою делегацию из Трапезунда и продолжил войну, которая расколола Сейм, поскольку оказалось, что в дальнейшей обороне Закавказья, по сути дела, заинтересованы одни армяне. Как я уже отмечал, грузинские войска отступали, практически не ввязываясь в бои, а мусаватисты, разжигая среди мусульман вражду к армянам, призывали к созданию вооруженных отрядов, способных действовать в тылу армянских войск.

О действиях мусульман в Закавказье в этот период и об отпоре, который оказывали им армяне, писал Х.Г. Араратов в уже цитируемых мною воспоминаниях:

«Конец января, весь февраль месяцы и половина марта месяца все вышеперечисленные армянские части (Эриванского отряда. — Ю.П.), находясь в стадии формирования, вели борьбу с татарскими и курдскими организованными вооруженными бандами, всячески препятствовавши-

ми формированию армянских частей и желавшими захватить известные районы Эриванской губернии с целью облегчить продвижение турецких войск в Закавказье.

В результате этой борьбы был разгром, по крайней мере, 50-ти татарских селений, главным образом, в районе Камарлю...

...В этот период прилегающая к бывшей русской границе полоса Эриванской губернии была переполнена армянами-беженцами, переходившими в Закавказье, главным образом, со стороны Игдыря. Эта голодная масса людей, измученная кочевой жизнью, искала себе пропитание, и на этой почве, естественно, происходили вооруженные нападения армян-беженцев на татарские селения, как, например, 27 марта 1918 года было разграблено и подожжено татарское селение Кархун, находившееся близ железнодорожной станции Эчмиадзин».⁴⁷

Более конкретное, хотя и краткое, описание событий этого периода дал также Даниэл-бек в своей записке, посланной в апреле 1919 года по просьбе Военного министра в Военный штаб. Эта просьба косвенным образом связана с деятельностью «Бюро по установлению потерь армянского народа от Всемирной войны». Я уже писал, что вернусь к этой организации, поэтому пока приведу несколько фрагментов из дедовских воспоминаний. К сожалению, копия этого документа очень трудно разбираема из-за, по выражению сотрудников архивов, «затухающего» текста, а то бы я привел его целиком, настолько его содержание отражает тождественность мусульманских настроений тогда и сегодня.

«С началом русской революции мусульманское население Закавказья, в частности Эриванской губернии, сразу, будто по чьему-то повелению, стало закупать винтовки и патроны...

...Когда же выяснилось намерение русской Кавказской армии оставить фронт и определилась позиция армян по отношению к фронту, наконец, когда армяне в этот исторический момент остались одни лицом к лицу с сильным врагом, мусульмане свободно сбросили с себя маску и перешли в явно враждебный армянам лагерь, поставив себе целью помешать призыву молодых людей в ряды армии, снабжению и отправлению войск на фронт — и этим оказать неоценимую услугу туркам, инструкторы которых открыто работали в их селениях...»⁴⁸

Конкретные эпизоды Даниэл-беку пришлось приводить по памяти, так как он находился вдалеке от Штаба дивизии и не имел под рукой, как он выразился, «богатых материалов», имеющихся там. Но, как писал он далее в своей записке, «постараюсь как Начальник Эриванского отряда и свидетель всего происходившего в районе формирования первой дивизии, которой я временно командовал (совмещение должностей началь-

⁴⁷ НАА. Ф. 121, оп. 2, д. 84, л. 5, 6 об.

⁴⁸ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 317, л. 192 – 194 и об.

ника отряда и командира дивизии, как я и считал, в начале 1918 года все же было, но временное. — Ю.П.) сообщить о некоторых фактах, невольно запечатлевшихся в моей памяти».

И вот год спустя Даниэл-бек вспоминает, как он сам написал, «только наиболее яркие и бывшие, так сказать, у меня на глазах факты, обходя молчанием массу мелких ежедневно происходивших везде событий». И далее перечисляет эти «наиболее яркие факты» по пунктам, упоминая систематические нападения, вырезания целых семей, убийства сторожей, обслуживавших линию железной дороги в районах Улуханлу и Агамвалу, с целью прекратить движение армян по этому пути. А также нападения на железнодорожные станции Ани, Алагез, Карабурун, Сардарабат, Эчмиадзин, для защиты которых потребовалось создание железнодорожного батальона в ущерб формированию боевых частей. Однако, как он отмечал, эта мера не остановила мусульман «в их намерении отрезать Эривань от Александрополя и этим помешать отправке войск на фронт». Мусульмане портят железнодорожные пути, устраивают завалы, нападают на поезда, на медицинские учреждения и даже на вокзалы и станции. В один из дней при нападении на поезд были убиты офицер и три солдата 4-го полка, а 18 февраля 1918 года на станции Улуханлу произошло ограбление санитарного поезда княгини Чегодаевой, «следующего для нужд создававшихся армянских войск, и были отцеплены два вагона, полные продуктами и бельем, ограблены пассажиры, взяты медикаменты».

В середине марта 1918 года, как вспоминал Даниэл-бек, «Нижне-Кархунские татары ночью напали на станцию Эчмиадзин во время усиленного движения русских эшелонов с целью захвата этой станции».

Южнее Эчмиадзина, за Араксом, татары напали на Игдырский район, перерезав Игдырский тракт, одновременно прервав телеграфное сообщение и увезя все телеграфные столбы и провода, так что «пришлось сообщение и связь с Игдырем установить через окружные армянские селения».

Не останавливались мусульмане перед нападением и на высшее руководство. Даниэл-бек не называет точной даты, но сообщает, что состоялось организованное нападение у селения Малахлю на уполномоченного Армянского национального совета Арам-пашу и представителя турецких армян, причем представитель и шофер были ранены.

Еще два нападения засвидетельствованы Даниэл-беком. В первом случае татары напали на село Аликизил, отбитое армянами с боем, но из-за этого было задержано пополнение в 5-й полк, дислоцированный в Ване. А во втором случае татары разорили село Ташбурун, убили много женщин и детей, «до 80 сельчан призывного возраста» и попытались захватить стратегически важный Маркаринский мост через Аракс, ведущий из Сурмалинского уезда в Эчмиадзинский.

Вопиющим представляется эпизод нападения татар у села Каралар на мирно двигавшуюся роту, причем были убиты офицер и 40 солдат. «Трупы, — пишет Даниэл-бек, — были обезображены и до сего времени не выданы. Эта история хорошо знакома всем мусульманам Эривани, заседающим в Армянском парламенте».

Кроме Арам-паши, в записке Даниэл-бека можно найти упоминание и о других конкретных лицах. Например, мы узнаем, что во время заранее подготовленного и осуществленного у Норашена крушения поезда, везшего для формирования в Зангезуре батальона 1500 винтовок и 800 тысяч патронов, груз был разграблен и перебито 100 человек прикрытия. ...«Чудом спасся только подполковник Тер-Симонян».

Наконец, завершая перечень мусульманских злодеяний, не могу не упомянуть еще одно имя, приведенное в записке Даниэл-бека. Событие произошло в апреле 1918 года, когда по просьбе мусульман (подчеркиваю, по их просьбе) для улаживания недоразумений между армянами и татарами должна была состояться мирная встреча двух делегаций в Нахичевани. Армянскую сторону представлял присяжный поверенный Леон Мушегян. Однако по дороге, около Норашена, «было произведено нападение на поезд, **вырезаны все пассажиры-армяне и в том числе в присутствии своих коллег-делегатов — Леон Мушегян** (выделено мною. — Ю.П.)».

Все мусульманские нападения, отмечает Даниэл-бек, «по заранее разработанному плану разрознили все провинции, населенные армянами, создали в тылу армии деморализующие ее условия, уничтожили в корне правильную мобилизацию сил, прекратили сообщение, возможность снабжения и питания, в результате чего в момент наступления врага могли оказать сопротивление только три уезда Эриванской губернии: Эриванский, Эчмиадзинский и Сурмалинский — силы, крайне скудные для задержания наступления сильного врага...

...Стоя во главе армянских войск Эриванской губернии и предвидя результаты поведения татар, я счел нужным объяснить мусульманам пагубность их стремлений, для чего в присутствии Начальника штаба подполковника Векилова и Комиссара Эриванского отряда подпоручика Мисина 3 раза собирал представителей мусульманской интеллигенции, объяснял цель формирования армянских частей и намерения армян по отношению к туркам. При этом убедительно просил не мешать формированиям и передвижениям войск, ручаясь за корректность армянского солдата (и это после всех нападений и зверств со стороны мусульман. — Ю.П.). Но мои просьбы и увещевания не имели успеха... Пусть мусульмане-депутаты, восседающие в Армянском парламенте и так свободно возбуждающие вопросы о якобы невинно пострадавших татарах, скажут, что вышеизложенное было не в их присутствии...»

Этот обычный мусульманский прием дожил до наших дней: совершая немислимые для современности злодеяния, сваливать вину за происшедшее на цивилизованную часть человечества. Но это отдельная тема...

А заключительные слова деда, обращенные к местным мусульманам, звучат в его записке вообще пророчески: «Не призывайте турок. Их господство будет недолгое. Если даже они сначала будут иметь успех, то Европа их изгонит, плакать будем вместе, а может, вы больше нас». Его предсказание сбылось: курды в Турции «плачут» и поныне...

Между тем война продолжалась, и к апрелю турки приблизились к таким важным центрам армянства, как Игдыр и Карс. Стало ясно, что Закавказский сейм не способен организовать продолжение борьбы и нужно создать исполнительный орган, решительно настроенный на сопротивление Турции. А она, в свою очередь, не прекращая военных действий, в качестве условия продления переговоров настаивала на отделении Закавказья от России и провозглашении его независимости. Что и произошло 9 апреля 1918 года, когда было сформировано новое правительство во главе с грузинским меньшевиком Чхенкели и была провозглашена Закавказская Демократическая Федеративная Республика (ЗДФР).

Но Турция, продолжая игру в переговоры, теперь уже с ЗДФР, отказываться от дальнейших захватов не собиралась, и 15 апреля турецкие части подошли почти вплотную к Игдыру (здесь и далее я буду приводить названия всех населенных пунктов, кроме Сардарапата, по двум имеющимся у меня русским картам), и хотя Игдыр остался за армянами, но в Эчмиадзинский уезд хлынула новая волна беженцев. Учитывая создавшееся положение, правительство ЗДФР спешно реанимирует Кавказский фронт, преобразовывая в него эфемерно еще существующую Кавказскую армию. А на очереди — судьба Карса. Подступы к нему турки уже захватили. И к тому же — прорвались в тыл армянских войск, оборонявшихся в этом районе. Несмотря на то что эту сильную крепость можно было если и не отстоять, то хотя бы надолго задержать подле нее наступающие турецкие войска, 25 апреля 1918 года из Тбилиси от министра-председателя Чхенкели последовал приказ о ее сдаче.

Позорная сдача Карса туркам в апреле 1918 года — может быть, трагедия новейшей армянской истории, к которой армяне имеют минимальное отношение. Все было решено в Тифлисе. Не жаль было грузинским меньшевикам армянских городов. Они и дальше были готовы уступать туркам армянские земли, ведь для сохранения собственных территорий у них давно были заготовлены запасные варианты.

Варианты эти были связаны со «старшим» союзником Турции — Германией, которая, с одной стороны, морально и материально поддерживала своего младшего партнера в его экспансионистских планах (в первую очередь, нефтяных), но, с другой стороны, не желала его слишком силь-

ного влияния в Закавказском регионе. Грузия, в этом смысле, как нельзя лучше подходила на роль своеобразной буферной зоны под германским протекторатом, потому что опасалась Турции как врага и угнетателя христианских народов, но воевать с ней не хотела.

После провала Трапезундской конференции Турция, под давлением Германии, решила 28 апреля 1918 года возобновить переговоры с ЗДФР в Батуме. Но продвижение своих войск в глубь Армении не прекратила.

Как непросто хронологически описывать апрельско-майский период 1918 года. Дата начала переговоров здесь дана по новому стилю. По старому стилю они начались 14 апреля, а через три дня Закавказский сейм сообщил своей делегации, что следующий за 17 апреля день, и я об этом уже упоминал, станет сразу 1 мая. Факт перехода на новый стиль отмечает в своих воспоминаниях один из участников закавказской делегации А.И. Хатисян. И дальнейшие события я описываю, указывая, естественно, все даты по новому стилю.

Когда к середине мая стало ясно, что остановить турецкое наступление будет очень трудно, если вообще возможно, Грузинский национальный совет 14 мая принял инспирированное немцами решение просить у Германии покровительства. Фактически Грузия выходила не только из войны, но и из ЗДФР, хотя юридически продолжала числиться в ней. Чем-то эта ситуация напоминает выход Грузии из СНГ, объявленный в августе 2008 года. История повторяется!

А у армян после сдачи Карса появились новые проблемы. Война уже подкатывала к одному из центров армянства — Александрополью.

На Батумских переговорах турки неожиданно заявили, что для успешной борьбы с англичанами в Персии османским войскам необходимо занять Александрополь и железнодорожную линию Александрополь — Джульфа. Козырями в этом ультимативном требовании были превосходящие военные силы и захваченные армянские города, в числе которых — Сарыкамыш и Карс. Кроме того, турки рассчитывали на моральную поддержку мусульман в правительстве ЗДФР, на фактический нейтралитет Грузии и на вооруженную помощь своих единоверцев среди населения.

Генералу Назарбекову был предъявлен ультиматум — сдать Александрополь к утру 15 мая и отвести армянские войска на 25 километров от железной дороги. Но еще до истечения срока ультиматума — 14 мая — турки крупными силами перешли Арпачай (левый приток Аракса, по-армянски Ахурян) и к ночи 15 мая взяли Александрополь. Его падение означало, что нужно спешно готовиться к обороне Эриванского направления и того немногого, что еще оставалось от Армении.

Вот так, спустя всего три месяца после того, как турки нарушили Эрзинджанское перемирие, война приблизилась к моноэтническим, жиз-

ненно важным центрам Армении, потеря которых привела бы армянский народ к гибели.

Время неудержимо. Мощным потоком несет оно меня прямо к Сардарпату. Но чтобы понять, как, что и почему произошло в конце мая 1918 года, понадобилось «вжиться» в общую ситуацию, сложившуюся в Закавказье с начала февраля до середины мая. Этот период оказался скуден сведениями о Даниэл-беке. Приказов о его назначениях я не нашел, да и существуют ли они? Но, мне кажется, я все же проследил должностные метаморфозы деда.

Начиная с января 1918 года Даниэл-бек недолго пробыл в должности начальника крупной части — Эриванского отряда, представлявшего, судя по некоторым деталям, ядро Армянского корпуса, а затем некоторое время занимал должность командующего войсками Эриванской губернии. Но к маю 1918 года внутренний порядок в Эриванской губернии был более-менее наведен и способности Даниэл-бека как командира боевой части (такой частью в структуре Армянского корпуса оставался отряд) понадобились остро.

А вот турецкая армия не пошла на структурную реорганизацию по «отрядному принципу». Она по-прежнему состояла из традиционных корпусов и дивизий. И теперь эти корпуса и дивизии стояли на пороге цитадели армянства — Араратской долины с центром в Ереване, овладение которой дало бы туркам возможность вырваться на оперативный простор.

Захват Александрополя турками усилил опасность для армян с запада, а захват Карса — с юга. Там еще 15 апреля, как писал Х.Г. Араратов, турки подошли к Игдыру, и линия обороны Сурмалинского уезда переместилась в район этого города.

Даниэл-бек — командующий Сурмалинским фронтом! Где-то я видел такое сочетание имени деда и географического понятия. Вспомнил! У А.Г. Туршяна, писавшего, что по приказу генерала Назарбекова командиром Ереванского гарнизона был назначен генерал Силиков, а полковник Пирумян, оставшийся в Ереванском гарнизоне, — **заместителем Силикова и командующим Сурмалинским фронтом**, хотя думаю, что в масштабе маленькой страны «фронт» — слишком громкое название для возникшей в результате наступления турок линии обороны.

С 15 апреля, несмотря на попытки турок захватить Игдыр, он оставался в руках армян, и еще 16 мая 1918 года Даниэл-бек, находясь в нем, посылает телеграмму в Ереван Губернскому комиссару, есаулу Гарибову:

«Прошу приказать 66 тысяч (речь, очевидно, идет о деньгах. — Ю.П.), привезенные Сурмалинским комиссаром, раздать милиционерам, так как в этом они крайне нуждаются. Входя в их положение, особо ходатайствую. № 347. Полковник Пирумов».⁴⁹

⁴⁹ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 292, л. 59.

Вот что значит быть заместителем командующего Ереванским гарнизоном: приходится думать о людях, поддерживающих порядок в масштабах гарнизона и, очевидно, губернии. Да, внимание к насущным нуждам людей всегда было одной из характерных черт Даниэл-бека, и в эти тревожные для судеб Армении и для его собственной судьбы дни он не изменил себе.

Но оказывается, он находится в Игдыре не только в качестве заместителя Силикова, а еще и в качестве командира Игдырского отряда, защищающего южное направление на Ереван.

Вот что пишет Х.Г. Араратов:

«...Вслед за тем, когда им (туркам. — *Ю.П.*) удалось перевалить Джанджурский перевал и подойти к Караклису, они 17, 18 и 19 мая того же года (1918. — *Ю.П.*) стали теснить наши части вдоль железной дороги Александрополь — Эривань и чуть было не отрезали **Игдырский отряд полковника Даниэл-бека Пирумова** (выделено мною. — *Ю.П.*), которому в это время было приказано спешно отойти на север, взорвав мост через Аракс у Маркары. Этот маневр полковником Пирумовым был удачно выполнен ночным движением...»⁵⁰

Именно этот эпизод вошел в туристический проспект, изданный А.Г. Туршняном в соавторстве с краеведом В.Г. Секояном в 1973 году (первая публикация о Сардарапатской битве на русском языке). Одной короткой фразой: «19 мая 1918 года командующий фронтом полковник Д.А. Пирумян — герой русско-турецкой войны 1914 — 1917 годов — начал переводить свои войска на левый берег Аракса».

Почти также описывает эти события и Г.Г. Корганов:

«...усиленные курдами и татарами турки 20 мая перешли в наступление на Игдырском направлении. Отряд, который занимал этот город, отступил к мосту Маркара на Араксе и занял позицию к северу от реки; кавалерия осталась к югу от деревни, чтобы наблюдать за движениями противника».⁵¹

Хотя автор не упоминает о ликвидации моста, суть происходящего ясна: защитники «Сурмалинского фронта» ушли на левый берег Аракса, не дав себя отрезать от главных армянских сил, противостоящих туркам на Ереванском направлении.

Практически также видит действия воинов на «Сурмалинском» направлении в эти дни и В.Е. Шамбаров, оценивая стратегическую важность переправы через Аракс:

«Зная, что 4-й турецкий корпус, движущийся через Иран, еще далеко и с юга можно опасаться лишь передовых частей, Силиков с этой стороны прикрылся заслонами. Приказал взорвать мосты (в отличие от других авторов, Шамбаров почему-то считает, что у деревни Маркара через Аракс

⁵⁰ НАА. Ф. 121, оп. 2, д. 84, л. 5, 6 об.

⁵¹ Корганов Г.Г. Указ. соч. С. 146.

был перекинут не один мост, что, на мой взгляд, вряд ли верно. — Ю.П.), поручив охрану берега Зейтунскому конному полку Салибекова с двумя ротами ополченцев».⁵²

Итак, Даниэл-бек со своим Игдырским отрядом расположился так, чтобы иметь возможность отразить противника, вознамерившегося переправиться через Аракс для соединения с 36-й турецкой дивизией, нацелившейся на Ереван и Араратскую долину.

Для наступления именно в этом направлении турки создали мощную армейскую группу «Карс» из пяти дивизий (как бы в насмешку над армянами за сданный грузинскими руководителями ЗДФР армянский город). Командовал группой способный турецкий генерал Якуб Шевки-паша. Как пишет В.Е. Шамбаров: «...Для содействия ей с юга через Иран выдвигались еще 2 дивизии 4-го корпуса. Привлекались также отряды курдской конницы и мусульманского ополчения...»⁵³

Противникам предстояло сразиться за исконные армянские земли при явном численном перевесе турок. В.Е. Шамбаров сообщает, что «точные данные о количественном составе сторон отсутствуют», но по его приблизительным оценкам, «исходя из средней на этот момент численности турецких дивизий (8 — 8,5 тысяч человек) и армянских полков (300 — 400 человек), в операции участвовали 50 — 60 тысяч бойцов с турецкой стороны, которым противостояли 15 — 20 тысяч штыков и сабель Армянского корпуса».⁵⁴

Скромно оценивает силы армянской армии и А.И. Деникин, считая, что ее состав «фактически терпел большие колебания, не превышая никогда 10 — 15 тысяч».⁵⁵

А.Г.Г. Корганов отмечает, что «к концу мая 1918 года Армянский корпус насчитывал 30 батальонов, тогда как турки к этому моменту имели только в первой линии 5 дивизий (3-ю, 5-ю, 9-ю, 11-ю и 36-ю), или 50 батальонов, которые при необходимости могли быть усилены войсками, эшелонированными между Сарыкамышем и Александрополем. Таким образом, только в первой линии турки имели почти двойное превышение по числу батальонов, но в действительности, учитывая наличный состав частей обеих сторон, у турок было тройное превышение. На самом деле армянские батальоны не насчитывали в среднем и 400 штыков. В то время как у турок эта цифра доходила как минимум до 700. Эти 30 армянских батальонов, общие силы которых не превышали 12 000 человек, должны

⁵² Шамбаров В.Е. За веру, царя и отечество. М.: Эксмо, 2003. С. 728.

⁵³ Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 726.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 — январь 1919. Мн.: Харвест, 2002. С. 318.

были сражаться против пятидесяти турецких батальонов общей численностью 35 000 человек».⁵⁶

В.Е. Шамбаров и Г.Г. Корганов используют в своем повествовании разные названия: первый говорит о полках средней численностью 300 — 400 человек, второй — о батальонах средней численностью 400 человек. Но, думаю, в обоих случаях речь идет об одних и тех же небольших войсковых структурных единицах, которые, в конце концов, стали основой «отрядов».

Главное — в другом, в том, что даже на этой стадии описания событий, когда я могу опираться на сведения таких компетентных авторов, о мощи воюющих сторон все равно приходится говорить как-то приблизительно, ориентировочно. Каково же будет сопоставить противоборствующие силы в дни Сардарапата, если большинство авторов, в том числе В.Е. Шамбаров и Г.Г. Корганов, оценивают это сражение, скорее, стратегически-эмоционально, нежели количественно...

В общем, как пишет В.Е. Шамбаров, «немногочисленный Армянский корпус растянулся в одну линию вдоль границы: на правом фланге — отряд Андраника, у Александрополя — отряд Арешева, на левом фланге — Алагезский отряд Мореля и Эриванский — Силикова (Мовсес Бабаевич Силиков — генерал-майор русской армии с 22 августа 1917 года. — *Ю.П.*)».⁵⁷

К 20 мая вероломные турки, захватив Александрополь, достигли серьезного стратегического успеха, разрезав Армянский корпус на три части и взяв около 4 тысяч пленных. «Одна часть, — отмечает В.Е. Шамбаров, — во главе с Андраником откатывалась на север, на Борчалу и Тифлис, другая — во главе с Назарбековым — на восток, на Каракилису (Кировакан, ныне Ванадзор), третья — вдоль железной дороги — на юг, на Эчмиадзин и Эривань».⁵⁸

Именно это третье направление и подведет к Сардарапату. Но чтобы понять, что же там произошло, терять из виду части Андраника и Назарбекова нельзя. Командующий турецкими силами Шевки-паша тоже не считал возможным надолго оставлять эти части без внимания, чтобы, в случае захвата Александрополя, не дать объединенной северо-восточной группе Андраника — Назарбекова отрезать основную турецкую группу, направлявшую свой удар на Ереван. Вот оценка ситуации В.Е. Шамбаровым:

«Главным направлением для турок было Эриванское, куда отступали разрозненные части Мореля и Силикова, перемешавшись с обозами тысяч беженцев. И Шевки-паша решил осуществить излюбленный османский прием — глубокий обход... Поэтому Шевки-паша решил разделить силы. На юг, преследовать войска Силикова по долине реки Ахурян, он двинул 36-ю дивизию Кязим-бея, усилив ее кавалерийским полком и 1,5 тысяча-

⁵⁶ Корганов Г.Г. Указ. соч. С. 151.

⁵⁷ Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 726.

⁵⁸ Там же. С. 727.

ми курдов. 9-я и 11-я дивизии пошли на восток, по долине реки Памбак, между Памбакским и Базумским хребтами. Потом 9-я свернула на юг, на Спитакский перевал — для обходного маневра на Эчмиадзин. А 11-я продолжила движение на Каракилису, преследовать Назарбекова. Ну а 5-я дивизия была направлена на север, добить отряд Андраника». ⁵⁹

Итак, 36-я турецкая дивизия, усиленная дополнительными формированиями, двинулась в сердце страны армян. На этом направлении ей противостояли «войска» (выражение В.Е. Шамбарова) под командованием генерала Силикова, а по мнению Г.Г. Корганова — Эриванская группа, подчинявшаяся тому же Силикову и состоявшая «из одного батальона 4-го полка, 5-го и 6-го полков, 3-й отдельной бригады (1-й и 2-й Ванские полки) и 28 артиллерийских орудий с задачей присматривать за ущельями горных цепей Агри-дага (Арарата. — Ю.Л.) и защищать линию реки Аракс, чтобы прикрыть южные районы Армении». ⁶⁰

«Войска под командованием генерала Силикова» (по Шамбарову) и «Эриванская группа» под командованием того же генерала (по Корганову) — это одна и та же войсковая структурная единица не полностью сформированного Армянского корпуса, состоящая из отдельных отрядов, и Игдырский отряд под командованием Даниэл-бека входит в эту структурную единицу. К 20 мая в Ереванскую группу, по-видимому, входили также и Аракский и Сардарapatский отряды, фамилии командиров которых мне неизвестны, но о самих отрядах есть упоминание в книге Г.Г. Корганова:

«В ночь с 18 на 19 мая турки атаковали Аракский отряд, но были отброшены к станции Карабурун...

...Одновременно с операцией против Игдира, турецкая бригада выдвинулась вдоль железной дороги против Сардарapatского отряда и атаковала его к 17 часам 21 мая. Под турецким натиском армянские части отступили на линию деревень Караканлу — Керпалу — Зейва армянская, защищая таким образом Эчмиадзин (Вагаршапат)». ⁶¹

Близкое расстояние между двумя станциями железной дороги Алагез и Аракс, по названиям которых именовались соответствующие отряды, заставляет меня предполагать, что, может быть, Алагезский отряд Мореля (по Шамбарову) и Аракский отряд (по Корганову) — это один и тот же отряд, входящий наряду с Сардарapatским отрядом в Эриванскую группу.

К 21 мая все, что оставалось от Армении, оказалось в окружении врага. Как отмечает Г.Г. Корганов, «...с юга, запада и севера наступали турки, в то время как с востока угрожали татары Азербайджана, которые делали ставку на своих единоверцев». ⁶²

⁵⁹ Там же. С. 727.

⁶⁰ Корганов Г.Г. Указ. соч. С. 143.

⁶¹ Там же. С. 146.

⁶² Там же.

Но татары Азербайджана пока были далеко, и четырем перечисленным мною отрядам предстояло оборонять северное направление на Ереван (Эриванский, а также Алагезский и/или Аракский отряды), западное (Сардарapatский отряд) и южное (Игдырский отряд).

Единственный положительный фактор — лишь то, что с отступлением в районы, где большинство населения — армяне, части под командованием Силикова могли получать подкрепление в виде новых, подтягивающихся из внутренних областей Армении регулярных формирований, а также в виде добровольцев-ополченцев.

На Сардарapatском направлении Эриванской группе генерала Силикова предстояло оборонять территории, жизненно важные для существования армянства, включая житницу Армении — Араратскую долину. Но отрядная конституция этой группы, к сожалению, не дает представления о ее численности. Даже Энциклопедия «Армянский вопрос» на этот «вопрос» сообщает только общие данные: «...Общее руководство войсками, оборонявшими Сардарapat, было возложено на генерала М.Б. Силикова. В группу находившихся под его командованием войск входили 2-я стрелковая дивизия (в неполном составе), 3-я пехотная бригада и 1-й полк 2-й конной бригады...»⁶³

И только у А.Г. Туршяна, хронологически первого занявшегося темой Сардарapatской битвы, я нашел конкретные цифры. Правда, в отличие от В.Е. Шамбарова и Г.Г. Корганова, он называет эту группу «войсками Ереванского гарнизона» — что ж, еще одно подтверждение разноголосицы, с которой мне пришлось столкнуться при изучении событий предсардарapatских дней и действий регулярных формирований, входивших в Армянский корпус. По утверждению А.Г. Туршяна, в «Ереванский гарнизон» входили:

1. 6-й полк полковника Долуханяна (600 — 700 штыков);
2. партизанский полк полковника Перекрестова (около 800 штыков);
3. конный полк подполковника Королькова (около 300 сабель);
4. особый партизанский полк полковника Силина (около 600 штыков);
5. конный полк Зейтунцев (300 сабель);
6. охранная рота капитана Мамаджаняна (150 штыков);
7. особая рота полковника Акопяна (около 300 штыков);
8. взвод штаба под командованием старого большевика полковника Даштояна;
9. батарея полковника Игатына;
10. батарея полковника Каракемшияна;
11. батарея капитана Клича;
12. батарея капитана Атанесяна;

⁶³ Энциклопедия «Армянский вопрос». Ереван: Главная редакция Армянской энциклопедии, 1991. С. 290.

13. 5-й полк под командованием Пирумяна (Погоса. — *Ю.П.*) и Тер-Погосяна (около 700 штыков);

14. полк Ванцев под командованием Чарухчяна (1200 штыков);

15. части под командованием Багдасаряна — около 200 штыков (в оригинале сноски: «После боев у Оргофа и падения Карса эти части были переформированы, они стали 4-м полком в количестве около 800 штыков». — *Ю.П.*);

16. конный полк полковника Залинова (около 300 сабель);

17. части полковников Касарбашяна, Маняна и капитана Шнеура (около 700 штыков)». ⁶⁴

Сложив максимальные цифры, указанные автором, прихожу к выводу, что без учета четырех батарей и взвода штаба, в Эриванской группе было 6 тысяч 850 бойцов. Думаю, такое количество воинов приблизительно соответствует совокупной численности 2-й стрелковой дивизии (в неполном составе), одной бригады и одного полка, упомянутых в Энциклопедии «Армянский вопрос».

Зато относительно боевых действий на этом направлении в предсардапатские дни среди различных авторов обнаружилось, наконец, долгожданное единодушие.

Вспомним: 20-й день мая Игдырский отряд Даниэл-бека встретил к северу от реки. Турки как раз усилили свой натиск на главном Сардапатском направлении, не оставив армянским войскам и лучика надежды на подкрепление с севера. И тогда М.Б. Силиков «разделил основные свои силы на два примерно равных отряда. Навстречу 9-й дивизии (турецкой. — *Ю.П.*) направил бывшего командира 2-й дружины Дро, выделив ему 2-й и 6-й армянские конные полки под командованием Залинова и Долуханова, партизанский конный полк подполковника Королькова и пограничный батальон Силина. А навстречу 36-й (турецкой дивизии. — *Ю.П.*) двинул отряд полковника Д. Пирумова (Игдырский отряд Даниэл-бека. — *Ю.П.*) из 5-го армянского стрелкового полка П. Пирумова (Погос-бека — троюродного брата Даниэл-бека. — *Ю.П.*), партизанский пехотный полк Перекрестова, Игдырский пехотный полк и 1-й особый армянский конный полк войскового старшины Золотарева (одним из взводов в этом полку командовал прапорщик И.Х. Баграмян)». ⁶⁵

Пробую подсчитать общие воинские силы, двинутые против 36-й турецкой дивизии, опираясь на данные А.Г. Туршяна, которые нашел в его статье «Сардабадский герой»: 5-й полк Погос-бека — 700 штыков, плюс партизанский полк полковника Перекрестова — около 800 штыков, плюс Игдырский пехотный полк — тоже, наверное, не более 800 штыков, плюс 1-й армянский конный полк — порядка 300 человек, судя по конно-

⁶⁴ Туршян А.Г. Сардабадский герой // Вестник архивов Армении. 1969. № 1. С. 167 — 182 (на арм. яз.).

⁶⁵ Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 728.

му полку зейтунцев. Итого, с учетом возможных погрешностей в ту или иную сторону, получается от 2 до 3 тысяч бойцов. Орудийными расчетами и небольшим количеством добровольцев при таком подходе, думаю, можно пренебречь.

Мне не удалось выяснить, какую диспозицию занимали к 20 мая упомянутые В.Е. Шамбаровым Эриванский отряд под командованием генерала М.Б. Силикова и Алагезский отряд под командованием полковника Мореля, но известно, что М.Б. Силиков в эти дни находился в Эчмиадзинской главной квартире и оттуда руководил войсками всей группы.

Располагаясь в Эчмиадзине, куда сходились главные направления наступления турок на Ереван и Араратскую долину, М.Б. Силиков, видимо, правильно оценил сложившуюся обстановку, оставив, как утверждает В.Е. Шамбаров, в своем резерве «Хзнаузский отряд подполковника Гасанпашяна, собранный из «полков» и «батальонов» общей численностью 800 бойцов при 4 орудиях», и разместив его на наиболее опасном, по его мнению, северном участке — в селе Арагац.

Турки меж тем продолжают наступать вдоль железной дороги и, по словам А.Г. Туршяна, «21 мая занимают станцию Сарзеранат, а 22 мая доходят до полустанка Камышлю, торопясь войти в селение Зангибасар (турецкое селение в Армении)».⁶⁶

Сведения, используемые А.Г. Туршяном в описании событий, произошедших 19, 20 и 21 мая (В.Е. Шамбаров эти дни вообще не упоминает), несколько отличаются от тех, что есть в воспоминаниях Х.Г. Араратова, который утверждал, что «для встречи надвигающихся турок и для выручки отряда полковника Пирумова 19 мая были спешно выдвинуты из сел. Канакиры через Вагаршапат (Эчмиадзин. — Ю.П.) на Сардарapat 5-й Армянский пехотный полк под командой полковника Павла (Погоса. — Ю.П.) Пирумова и легкий взвод 5-й батареи поручика Клича. Тем не менее, 20 и 21 мая туркам удалось потеснить наши части так, что батальон турецкой пехоты занял было сел. Керпалу, что в 6-ти верстах к западу от сел. Эчмиадзин».

Зато они, в принципе, согласуются с воспоминаниями Г.Г. Корганова, упоминающего атаку турецкой бригады в 17 часов 21 мая «против Сардарapatского отряда», вынужденного под этим натиском отступить «на линию деревень Караканлу — Керпалу — Зейва армянская, защищая, таким образом, Эчмиадзин (Вагаршапат)».⁶⁷

Все эти дни, начиная с падения Александрополя 15 мая и до 21 мая, стали как бы точкой отсчета, вехой, за которой потянулось медленное, но неуклонное отступление армянских частей. Десятки тысяч жителей были изгнаны из родных мест, толпы беженцев ринулись в неведомую даль в по-

⁶⁶ Туршян А.Г. Указ. соч.

⁶⁷ Корганов Г.Г. Указ. соч. С. 146.

исках спасения. По воспоминаниям Х.Г. Араратова, «особенно усилился поток беженской волны, следовавший через Вагаршапат на Эривань. Ими были буквально запружены все дороги, ведущие на Эривань. А вокруг монастыря Эчмиадзин образовалось сплошное море беженцев, закупорившее входы и выходы сел. Вагаршапат... Даже жители сел. Вагаршапат, дотоле сидевшие на своих местах, оставив в селении мужчин с оружием, тронулись на Эривань... Подавленное настроение и упадок духа беженцев и местного населения, а также и решимость Католикоса всех армян, Его Святейшества Геворга V Суреняна не покидать со всею монастырскою братией св. Монастыря, поставили Штаб Эриванского отряда во главе с доблестным генералом Силиковым и Начальником штаба Генерального штаба, полковником Векиловым в состояние необходимого решения — оказать упорное сопротивление надвигающемуся противнику и п р и н я т ь б о й (разрядка полковника Араратова. — Ю.П.)...»⁶⁸

Состояние турецких сил к этому моменту на главном Сардарапатском направлении Энциклопедия «Армянский вопрос» живописует так: «...другая группировка турецких войск (одна пошла на Караклис. — Ю.П.) под командованием Якуба Шевки-паши 21 мая (1918 года. — Ю.П.) начала наступление в направлении Сардарапата, имея целью прорваться к Еревану и Араратской равнине. В состав этой группировки входили стрелковая дивизия, конный полк, ударный и саперный батальоны, 1500 курдских всадников, артиллерийская батарея (40 орудий)...»⁶⁹

По моим подсчетам, исходя из средней численности турецкой дивизии (по В.Е. Шамбарову: 8 — 8,5 тысяч человек), полка и батальонов (1500 и 2 x 700 — соответственно) и приплюсовав к этому количеству 1500 курдских конников, даже без учета оружейных расчетов получаю минимум 12 400 человек. Сравниваю вычисленные ранее 2-3 тысячи армян с 12 400 турок и курдов. Итог ошеломляющий: практически четырехкратное превосходство противника! С учетом же реальной опасности со стороны 9-й дивизии, надвигающейся на армян с севера, и потенциальной — со стороны спешащих с юга через Иран двух дивизий 4-го турецкого корпуса, преимущество противника буквально подавляет. К счастью, судьбы народов не всегда решались количественным соотношением враждующих сторон, а то бы политическая карта мира была бы совсем иной.

К 21 мая создалась ситуация, когда проигрыш казался неминуемым, а жертвы, понесенные народом, — напрасными. И только какие-то особые, глубинные силы, данные людям самой природой словно специально — для преодоления крайних кризисных ситуаций, могли поднять пострадавший армянский народ на борьбу против векового угнетателя.

⁶⁸ НАА. Ф. 121, оп. 2, д. 84, л. 5, 6 об.

⁶⁹ Энциклопедия «Армянский вопрос». Указ. изд. С. 290.

Плечом к плечу с регулярными войсками встали добровольцы ополчения. Началась отчаянная самооборона.

Уже на следующий день, 22 мая, прозвучали первые выстрелы Сардарапатской битвы. Но лишь почти пятьдесят лет спустя я узнал, какую роль отвела в ней судьба моему деду — Даниэл-беку.

Глава 8

САРДАРАПАТ

После падения Александрополя армянам пришлось сражаться сразу на трех направлениях: северном — Баш-Абаранском, восточном — Каракилисском и южном — Сардарапатском, где, как написали в туристическом буклете А.Г. Туршян и В.Г. Секоян, мой дед, «...полковник Пирумян перестраивает свои войска, в общую боевую операцию включает вооруженных крестьян и приказывает атаковать врага... Первый бой увенчался блестящим успехом. Передовые части 10-тысячной турецкой дивизии «Гелиболу» (Галлиполи. — *Ю.П.*) были разбиты... Сардарапатская битва продолжалась с 22 по 27 мая».¹

Возьму пока этот временной промежуток за основу и попробую разобрать знаменитое сражение по дням, привлекая работы известных мне писателей.

Автор книги «Сардарабатская победа. Армения. Май 1918 г.» Серж Афанасян, рассказывая о первоначальном успехе битвы, напоминает подробности: «...22 мая неприятель оставил на этом участке более 500 убитых и раненых и весь свой подвижной состав. Некоторые офицеры поднимали руки, умоляя о пощаде, и кричали, что они — уроженцы Фракии и не могли участвовать в резне армян...»² А в буклете А.Г. Туршяна и В.Г. Секояна еще сказано, что «после первого поражения в Араратской долине остатки турецкой дивизии засели на двух присардарапатских высотах, для взятия которых было предпринято несколько штурмов».³

А.Г. Туршян в своей книге называет эти высоты: «Чимни-кыр» (440) и «Тулки-тапа».⁴ Тулки-тапа по-армянски Агвесаблур — Лисий холм. А вот с Чимни-кыр (или Чимни-кир), как объяснила мне переводчик с турецкого языка — сотрудник посольства Турецкой Республики в России, сложнее: слово «чимни» с турецкого на русский непереводимо, зато слова «кыр» или «кир» могут обозначать соответственно либо степь, либо грязь, хотя оба эти значения не подходят к названию возвышенности. Обойдя эту сложность, Серж Афанасян в своей книге на странице 53 упоминает эпизод атаки армянских партизан по приказу Даниэл-бека в «Зимнем Гире». С трудом верится, что такое название, явно славянского происхождения и обозначающее «Зимний лес», могло появиться в этом регионе.

¹ Туршян А.Г., Секоян В.Г. Сардарапат. Центральный совет по туризму и экскурсиям ВЦСПС. М.: 1973.

² Афанасян С. Сардарабатская победа. Париж: Армаган, 1985 (на франц. яз.). С. 48.

³ Туршян А.Г., Секоян В.Г. Указ. изд.

⁴ Туршян А.Г. Героическое сражение под Сардарабатом. Ереван: Айастан, 1969. С. 167 (на арм. яз.).

На тех картах, о которых я уже упоминал, эти возвышенности я не нашел, но у меня были карты более крупного масштаба (1:84 000), также переданные мне Леонидом Петровичем Кушвидом. И вот на одной из них строго на север от «Сардар-абада» я нашел цифровое обозначение: «440». А на другой — без масштаба, с центром Эчмиадзином, к северо-западу от Сардар-абада и к северу от железнодорожной станции Аракс — обнаружил надпись: «Г. Тюльки-тапа» (Гора Тюльки-тапа, чтобы не путать с городом. — *Ю.П.*) И рядом указатель — «3143°».

Мне хотелось понять, как далеко отступили турки, то есть на каком расстоянии от Сардарапата находились обе высоты. Но поскольку карты были еще досоветскими, и масштаб первой из них был непонятен, а масштаб второй и вовсе отсутствовал, пришлось заняться косвенными вычислениями, соотнося расстояния между Сардарапатом и высотами с расстоянием между Сардарапатом и Эчмиадзином.

Вот что у меня получилось: на первой карте эти расстояния равны соответственно 9 и 29 сантиметрам, а на второй — 2,5 и 6 сантиметрам. Посчитав, что расстояние от Эчмиадзина до места, где находился старый Сардарапат, приблизительно 25 километров, я пришел к выводу, что один сантиметр на первой карте равен примерно 0,86 километрам, а на второй — 4,17 километрам. Следовательно, высота «440» находилась от Сардарапата на расстоянии ($9 \times 0,86$) около 7,7 километров, а высота «Лисий холм» — на расстоянии ($2,5 \times 4,17$) около 10,4 километров.

Понятно, что все 8 — 10-километровое пространство между Сардарапатом и холмами осталось за армянами. С этих исходных позиций они и решили атаковать укрепившихся турок. Свой взгляд на произошедшие события изложил участник Сардарапатской битвы — командир 12-й роты 5-го Карабахского полка М.О. Манасерян, подготовивший материал на основе дневниковых записей за год до 50-летия Сардарапатского сражения и в сокращенном виде напечатавший его еще в 1968 году. Я воспользуюсь небольшой работой, изданной в 1998 году по следам этого материала:

«...сюда (к Сардарапату, занятому турками. — *Ю.П.*) подъехали **общий командующий фронтом, командир Армянской бригады, полковник Даниэл-бек Пирумян и командир 5-го полка, полковник Погос-бек Пирумян** (выделено мною. — *Ю.П.*), которого в полку очень любили и называли «папашей». Они были родственниками, оба из Карабаха. Ими были поставлены боевые задачи...

...Турки предприняли атаку, однако под орудийным, пулеметным и ружейным огнем армян она захлебнулась, и армянская пехота перешла в контрнаступление. Турки в панике бежали. Штурм армянских войск был остановлен лишь с наступлением темноты. Турецкие войска, неся потери, откатились до железнодорожной станции Аракс... закрепились на высотах западнее Сардарапата, среди которых выделялась высота 440... (за-

паднее Сардарапата, согласно моим поискам по карте, находилась высота Лисий холм, а высота 440 — скорее, севернее. — Ю.П.)».⁵

Турки не были слабым противником, собиравшимся отступить до бесконечности, и их действия, например, в описании В.Е. Шамбарова выглядят хладнокровными и грамотными: «...отряд Пирумова дружным натиском освободил Сардарapat. Правда, части 36-й дивизии быстро опомнились, организовались и укрепились на гряде высот у станции Аракс. Раз за разом части Сардарapatского⁶ отряда повторяли атаки, но их отбрасывали. А единственной батарее отряда противостояли 4 турецкие, и их огонь подавить не удавалось».⁷

Думаю, именно малочисленностью Игдырского отряда, а также его невыгодным тактическим положением (в атаку приходилось карабкаться вверх по склонам) и объясняются эти неудачные попытки выбить турок с высот. Да и противник оказался крепким орешком.

Недаром же к утру следующего дня положение сторон так и не изменилось. Успеху атакующих могло способствовать только одно — укрупнение их сил, что и произошло 23 мая, когда Игдырский и Сардарapatский отряды объединились.

Мне долго казалось, что этот день словно бы выпал из поля зрения исследователей, работы которых я изучил. Как вдруг обнаруживаю в книге Артура Айвазяна — начальника одной из шести батарей Армянской артиллерийской бригады под командованием полковника Х.Г. Араратова — рассказ о действиях армянских войск именно в этот день. Книга на английском языке так и называется: «Армянские победы в Хзнавусе и Сардарабате 23 мая 1918 года».

Вряд ли ее можно найти в Российской государственной библиотеке, ведь на ней не указаны ни место, ни год издания и даже страницы не пронумерованы. Есть лишь ISBN 0934728151. На ксерокопии этой книги мне пришлось самому карандашом проставлять номера страниц, чтобы можно было поточнее ссылаться. Хотя нет, еще же два ориентира: надпись курсивом — «St. Vartan Press» и штамп библиотеки Мичиганского университета.

Как все-таки извилист путь от истоков до результата! С человеком, благодаря которому у меня теперь есть ксерокопия этой и еще одной, очень важной для моих поисков книги, я познакомился заочно и совершенно случайно.

Приехав в конце 1980-х годов в очередной раз в Ереван, я побывал в Академии наук Армянской ССР, где встретился с переводчиком Рубе-

⁵ Манасерян М.О. Воспоминания о героическом Сардарapatском сражении // Армянская армия. 1998. № 2 (16), С. 100 — 101.

⁶ Судя по воспоминаниям Х.Г. Араратова, 22 мая атаки на турецкие позиции под руководством Даниэл-бека вел не Сардарapatский отряд, а Игдырский. Он и одержал в этот день победу «над передовыми частями 10-тысячной турецкой дивизии «Гелиболу», а 23 мая слился с Сардарapatским отрядом. За объединенным отрядом, очевидно, оставили название «Сардарapatский».

⁷ Шамбаров В.Е. За веру, царя и отечество. М.: Эксмо, 2003. С. 279.

ном Саакяном. В конце беседы он подарил мне книгу Сержа Афанасяна «Сардарабадская победа», изданную во Франции в 1985 году, естественно, на французском языке, а еще дал парижский адрес автора и сказал, что писатель говорит и пишет по-русски. Целиком погруженный в другие источники, я отложил книгу «в дальний угол». И, в конце концов, самонадеянно посчитав, что знаю уже достаточно, написал статью о деде под названием «Дни и годы Пирумяна Даниэл-бека», надеясь опубликовать ее коль не в Москве, так в Ереване. Шел уже 1990 год...

Разбирая домашнюю библиотеку, я наткнулся на книгу Афанасяна, прочел ее, нашел кое-что новое для себя, но и расстроился при этом, досадливо обнаружив все те же ошибки. И одной из неприятностей была путаница с подписями под портретами Даниэл-бека и его троюродного брата Погос-бека Пирумяна. В сердцах я тут же написал Афанасяну письмо: рассказал о своих исследованиях и сообщил об ошибках в биографии деда, а также о подписях «наоборот». В подкрепление своих утверждений положил в конверт ксерокопии некоторых документов и свою статью, втайне рассчитывая, что Афанасян куда-нибудь ее пристроит. А действительно, думал я, почему бы русскоязычным армянам, проживающим во Франции, не заинтересоваться моей статьей? Но месяц Серж думал иначе (его первое письмо датировано 5 февраля 1991 года, а всего он написал мне их шесть):

«Дорогой Юрий Леонович! Получил Ваше письмо от 28 января вместе с документацией... Благодарю Вас. Я только закончил перевод Вашей статьи на английский язык и отпечатал. Пришлю Вам вместе с оригиналом Вашей работы. Простите, что я так долго задержался, но, как писал, я ослаб (ошибка, до 5 февраля 1991 года он мне не писал. — Ю.П.), а кроме этого выяснилось, что у меня рак легких, и у меня на днях была рискованная операция, потому не могу что-нибудь изменить в тексте. Но если выживу, возьмусь за французский. В таком положении я пока не могу Вам помочь в издании Вашего труда. Как я Вам писал, здесь армянская публика не интересуется нашим славным прошлым, мой «Сардарабад» разошелся около 2000 экземпляров, что едва покрыло расходы издателя. А мне пришлось еще добавить от себя...»

Чувство благодарности к человеку, стремящемуся помочь мне, несмотря на свое отчаянное положение, смешалось с горьким разочарованием: я-то считал, что тема Сардарапата актуальна для большинства армян, независимо от места их проживания...

Похоже, Афанасян очень переживал за допущенные в его книге ошибки, потому что в следующем письме (от 6 июня 1991 года) есть строки: «...Благодарю Вас за Ваше очень интересное письмо насчет биографии Даниэл-бека Пирумяна, приведенной в моей книге «С.П.» («Сардарабад-

ская победа». — *Ю.П.*) Сожалею, что не знал о Вашем пребывании в Москве до выпуска книги в 1985 г..»

Еще он поделился со мной некоторыми фактами из биографии Даниэл-бека, но все это было уже не ново для меня. Зато вторая половина письма взволновала и удивила чрезвычайно: «...Место кончины Даниэл-бека действительно точно не известно. Очевидно, он скончался в 1921 году в Ереване, и прах был перевезен в Тифлис в 1922 году. Это мне сказал наш Католикос Вазген I, когда я искал могилу Даниэл-бека в соборе Эчмиадзина, как об этом мне сказали наши офицеры в Париже, которые, кстати, говорили и об ампутации ноги Даниэл-бека.

Насчет перепутания (так в тексте. — *Ю.П.*) портретов Даниэл-бека и Погос-бека. Снимки мне дали в музее Революции в Ереване, и надписи на них были указаны, как это Вы подтверждаете. Когда я показал эти два фото в 1982 году членам здешнего «Союза армян-офицеров», бывших на Кавказском фронте (Егиазарян, Вартазарян и др.), то они мне сказали, что Даниэл-бек был генералом, а Павел-бек (Погос-бек. — *Ю.П.*) — полковником. Это определялось по их эполетам. Кстати, ремень у Павел-бека поперек (очевидно, поперечный ремень. — *Ю.П.*) снят, слева направо, видно, снимок сделан наоборот».

А этот фрагмент из письма Афанасяна стал мощнейшим импульсом к моим новым изысканиям: «Факты биографии Даниэл-бека почерпнуты из книги Каялова (The Battle of Sardarabad), которую я передал в музей при Сардарабаде, а также из статьи Туршяна на армянском языке «Сардарабадский герой» (Банбер Айастани архивнери, 1969, стр. 167 – 172), но автор не внушает большого доверия.

Общие сведения, указанные в библиографии моей книги, я получил от Союза офицеров, которые передали все документы Каялову, что и привело к изданию его книги. Но, как Вы видите, и там есть ошибки. Каялов приводил заметки, как Шнеура, так и других, помещенных в моей книге. Он умер в 1983 году в Нью-Йорке.

Я одновременно пишу Р.Г. Саакяну, чтобы он внес поправки при переводе книги, как Вы это указали, и спасибо Вам за это. Простите, что неграмотно пишу по-русски. Уже 70 лет живу во Франции. Книгу (Каялова. — *Ю.П.*) Вам пришлю скоро».

Эх, мне бы так читать и писать по-французски, как месье Серж по-русски, да не дано было пожить во Франции так же ощутимо долго (неделя туристической поездки в 2004 году в Париж не в счет).

В последующих письмах Афанасяна речь шла о возможностях публикации моей статьи после перевода на английский и французский языки, а в предпоследнем он даже процитировал на английском выдержку о Даниэл-беке из книги Каялова.

Наконец, пришла от Афанасяна и бандероль с ксерокопиями двух книг. Одной из них была книга Ж. Каялова, другой — книга А. Айвазяна «Армянские победы в Хзнавусе и Сардарапате 23 мая 1918 года», та самая, со штампом библиотеки Мичиганского университета и со страницами без нумерации.

В последнем, очень коротком письме (от 4 апреля 1992 года) была фотография, на которой Серж Афанасян снят вместе с женой. На этом наша переписка и заочное знакомство прервались, к сожалению, навсегда, но мне кажется, что я с ним был знаком лично. С большой теплотой я вспоминаю о нем!

Как все в мире устроено: стоит потянуть за одну ниточку, как тут и другая подоспел. Не рано, но и не поздно, а все — одно к одному, будто ждало своего часа. Становлюсь обладателем газеты «Новое русское слово» за 18 августа 1995 года со статьей Марка Поповского «Рука дающего» о Жаке Каялове, авторе книги, которую мне прислал Серж Афанасян из Франции.

Из статьи узнаю, что Каялов был талантливым финансистом, достиг высокого профессионального положения, но, как пишет журналист, «личные интересы этого банковского деятеля пребывали совсем в иных сферах». Каялов написал несколько исторических книг и никогда не забывал родной Кавказ. В 1918 году он пошел добровольцем в Национальную армянскую армию. А много лет спустя, уже в шестидесятые годы, стал собирать архивные материалы, касающиеся этих событий, и написал документальную книгу «Сардарабадская битва».

Из-за нее-то мне и пришлось вспомнить давно подзабытый английский. Правда, я немного облегчил процесс — переводил с английского только те страницы в книге, где было упомянуто имя Даниэл-бека.

Параллельно штудировал книгу Айвазяна. И хотя о победе под Сардарапатом я знал уже довольно много, наткнулся в ней на новую деталь: что за «Хзнавус» он имел в виду? Какое-то неизвестное мне селение? И что если Хзнаузский отряд, о котором говорит В.Е. Шамбаров, как-то связан с этим местечком?

И я опять зарылся в карты. Как ни странно, на той, где в центре был расположен городок Сардар-абад, того, что искал, не нашел. А вот на карте с масштабом 2,5 дюйма — 20 верст, составленной 14 августа 1917 года, к северо-востоку от Сардар-абада я все-таки высмотрел нужный мне пункт под названием Хизнауз. Он связал собой Сардар-абад и Эчмиадзин в равнобедренный условный треугольник, отстоя от Сардар-абада на 2,5 см (одна верста равна 1,068 км, следовательно, приблизительно на 21,3 км), а от Эчмиадзина — на 1 см (следовательно, приблизительно на 8,5 км). Очевидно, благодаря своему стратегическому положению Хизнауз и оказался удобным исходным пунктом для атаки одноименного отряда.

Чтобы взаимное расположение этих важных стратегических пунктов стало еще яснее, решил высчитать расстояние между Сардар-абадом и Эчмиадзином, а также между Сардар-абадом и Ереваном в километрах. Получилось соответственно 25,6 и 42,7. А между Хизнаузом и Сардарапато́м с учетом погрешности измерения обычной линейкой — приблизительно километров двадцать.

Итак, в Хизнаузе 23 мая объединенному Сардарапато́скому отряду и предстояло продолжить начатые накануне успешные действия против авангарда турецкой регулярной дивизии, подкрепленной курдскими и татарскими иррегулярными формированиями. Как пишет А. Айвазян, перед этим, «22 мая была очень длинная дискуссия по телефону между генералом Силикяном, генералом Пирумяном, полковником Араратяном, полковником Векиляном и полковником Шнеуром. Всеми было решено, что операцию нужно осуществить силами генерала Силикяна, в темпе и неожиданно, чтобы более искусным маневрированием получить преимущество над турецкими силами. Предполагалось: а) с Хизнаузскими силами капитана Пашаяна под покровом ночи быстро и тихо проникнуть глубоко в тыл левого фланга передового турецкого охранения (скорее всего, автор имеет в виду дивизионный авангард. — Ю.П.) и на утро 23 мая атаковать турок с тыла; б) одновременно с кавалерийскими партизанами хмбапета Мюрада атаковать от Сардарабада правый фланг передового турецкого охранения; в) с главными силами генерала Даниэл-бека Пирумяна вступить в бой с турками на центральном направлении, легким ружейным огнем отвлекая турецкое командование от их собственных флангов. Когда же генерал Пирумян получит донесения об успешных атаках против левого и правого флангов передового турецкого охранения, он должен быть готов к атаке противника всеми своими силами».⁸

План этот был рискованным по многим причинам, но двумя основными были количественное преимущество 11-й турецкой дивизии, нависающей над сардарапато́ским направлением с северо-запада и пока что занятой борьбой с группировкой Назарбекова, и опасение полностью потерять резервный Хизнаузский отряд.

Почему-то А. Айвазян, рассказывая о плане армянского командования, ни словом не упомянул 36-ю турецкую дивизию, наступавшую на центральном участке и находящуюся в соприкосновении с Эриванской группой непосредственно под Сардарабадом, гипертрофировал опасность, исходящую от более удаленной от Сардарабада 11-й турецкой дивизии, пока что скованной борьбой. Ну да не суть, план-то от этого не изменился.

Окончательное решение о его вводе в действие должен был принять командующий всей Эриванской группой армянских войск генерал Си-

⁸ Айвазян А.А. Армянские победы в Хзнаузе и Сардарабаде 23 мая 1918. St. Vartan Press, ISBN 0934728151. С. 15, 16 (на англ. яз.).

ликов. Нелегко взять на себя такое, ведь кроме опасности прорыва турок на центральном направлении можно было ожидать их грозной атаки и на других участках, в частности с юга от Игдыра, откуда собиралась начать наступление 12-я турецкая дивизия.

А. Айвазян, оказавшийся в ночь с 22 на 23 мая в Эчмиадзине в штабе Силикова, рассказывает, как генерал всю ночь ходил по диагонали комнаты со скрещенными за спиной руками, погруженный в глубокое раздумье, и только перед рассветом, еще раз проконсультировавшись со своим начальником штаба, полковником Векиляном и по телефону — с Даниэл-беком, приказал командующему Армянской артиллерийской бригадой, полковнику Араратову разместить артиллерийские батареи на главном направлении, по возможности — вблизи дорог, чтобы можно было эффективно противостоять 12-й турецкой дивизии, быстро продвинувшись на юг и соединить 1-й и 2-й Ванские полки и Кавалерийский полк.

«Другими словами, — пишет А. Айвазян, — генерал Силикян решил, если будет необходимо, сразаться на два фронта... Генерал Пирумян, командиры 1-го и 2-го Ванских полков и командир Кавалерийского полка на Игдырском направлении были немедленно извещены об этом решении».⁹

Наконец, наступило утро 23 мая. Исходные позиции армянских войск под общим командованием Даниэл-бека находились на линии Сардарабад — Керпалу — Хизнауз. Связь с частями осуществлялась телеграфом, военно-полевыми телефонами, в крайнем случае — гонцами, пешими или верховыми.

«Наша атака на турецкие фланги, — вспоминает А. Айвазян, — началась на рассвете 23 мая 1918 года, как планировалось, и к 9 часам утра переросла в кровавый бой. Партизанская кавалерия поздно выступила от Сардарабада и не атаковала правый турецкий фланг, как было задумано. Поэтому, не меняя общего плана атаки, генерал Даниэл-бек Пирумян решил послать вперед своих партизан, авангард регулярной пехоты и регулярную кавалерию, чтобы тяжело ударить по правому турецкому флангу, но обойтись пока без артиллерии».¹⁰

«Тяжело ударить» — как-то не вяжется с запланированным «легким ружейным огнем», необходимым для отвлечения внимания турецкого командования от собственных флангов. Но, быть может, как раз невведение в бой артиллерии и предполагало известную «легкость» атаки?

Вскоре, однако, артиллерия «заговорила». Как утверждает А. Айвазян, «...к часу дня Даниэл-бек, его начальник штаба, полковник Шнеур и полковник Араратян решили выбрать такое время для артиллерийской бомбардировки турецких позиций, чтобы нанести им максимально возможный вред до контратаки главными силами в 6 тысяч человек. ...Це-

⁹ Там же. С. 24.

¹⁰ Там же. С. 25.

лый час наша артиллерия бомбила турецкие позиции, и в какой-то момент все пушки стали вести огонь ежеминутно. За полчаса такого заградительного обстрела на турок обрушилось 480 бомб и артиллерийских снарядов. Все это время наши главные силы были практически неактивны, но готовы к удару...»¹¹

Даниэл-беку нужен был подходящий момент, чтобы начать атаку, и потому он приказал начальнику артиллерии перенести огонь на турецкий тыл, чтобы окончательно ввести противника в заблуждение, а всем командирам регулярной и партизанской пехоты, полкам кавалерии и другим, более мелким частям — начать наступление против турок, по словам А. Айвазяна, немало «озадаченных нашим заградительным огнем».¹²

И армянские войска двинулись вперед. По А. Айвазяну, уже «около 2 часов дня и Сардарабадский, и Хизнаузский фронты были прорваны в ходе горячей и кровавой битвы, но решимость турок к сопротивлению поколеблена не была».¹³

Понадобилось еще около пяти часов упорной борьбы, чтобы «давление с двух сторон» и огонь заградительной артиллерии все-таки заставили турок оставить свои позиции и в беспорядке отступить.

«В этот момент, — вспоминает А. Айвазян, — генерал Силикян и я были с полковником Векиляном. Зазвонил полевой телефон. Это был полковник Шнеур (Айвазян ошибся, Шнеур в дни Сардарабата все еще капитан. — Ю.П.) с донесением с Сардарабадского фронта. Я услышал, как полковник Векилян громко сказал Шнеуру по-русски: «Гоните в шею», а затем, повернувшись к генералу Силикяну, по-русски же доложил: «Турки бегут».¹⁴

Впервые я узнал о Шнеуре из статьи А.Г. Туршяна «Сардарабадский герой» еще в 70-е годы. И с тех пор пытался отыскать его воспоминания, ведь Туршян все время ссылался именно на них. Но мне это все никак не удавалось, пока не прочел в книге Ж. Каялова, что Шнеур, оказывается, не издавал свои мемуары в виде отдельной книги. В ежемесячном русском иллюстрированном мимеографическом (репродуцированном с помощью трафарета) журнале «Согласие» (он распространялся только в эмигрантской среде Лос-Анжелеса) был лишь ряд его статей. Они публиковались с 1963-го по 1968 год, с перерывами, которые, по словам Ж. Каялова, объясняются, главным образом, «устойчивой и ухудшающейся болезнью глаз Шнеура»: «он мог читать с трудом, только с лупой и так немного, что иногда его воспоминания редактировали и публиковали окончательный вариант, не дождавшись одобрения автора».¹⁵

¹¹ Там же. С. 27, 28.

¹² Там же. С. 28.

¹³ Там же. С. 29.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Каялов Ж. Сардарабадская битва. Париж: Мутон, 1973. С. 36.

Поскольку Ж. Каялов, цитируя Шнеура, как и А. Айвазян, упоминает генеральское звание Даниэл-бека (хотя тот же Шнеур в других своих воспоминаниях, присланных в «Бюро по установлению потерь...», писал, что «23 мая Игдырский и Сардарапатский отряды были объединены под общим командованием **полковника** Даниэл-бека Пирумова»), считаю своим долгом подчеркнуть: никаких документальных свидетельств о присвоении Даниэл-беку генеральского звания до и во время Сардарабадской битвы мною не обнаружено. Версия же А.Г. Туршяна (в статье «Сардарабадский герой») — что ходатайство об утверждении Даниэл-бека в звании генерала, инициированное Главным командованием Кавказской армии, шло до Петербурга долго, а когда дошло и в столице начали проверять и уточнять полученные сведения, грянули сначала Февральская, а затем и Октябрьская революция — совпадает с мнением известного историка С.В. Волкова, считающего приведенные А.Г. Туршяном обстоятельства вполне возможными для того сложного времени.

Прочитав в книге Ж. Каялова о болезни Шнеура во время подготовки его статей к публикации, я понял, что у сильно постаревшего и плохо себя чувствовавшего бывшего начальника штаба Даниэл-бека могли быть и мелкие неточности, и нестыковки в его воспоминаниях. Об этом же писал и А.Г. Туршян: «...90-летний А. Шнеур в 1966 году опубликовал в Америке свои мемуары... Преклонный возраст и давность событий наложили отпечаток на изложение фактов, и есть отклонения в датах и местах событий, но в описании, выводах и в оценке этих событий память и ясность суждений не изменили ему».¹⁶

Известно, что память человеческая избирательна, а у преодолевшего долгую и нелегкую жизнь — особенно. Но это значит лишь, что важным оказалось что-то другое. Потому-то у каждого из нас свои отношения с миром, свои зарубки на сердце и своя особенная, неповторимая «копилка» звуков, запахов, картинок.

Шнеур помнил погоду. В районе Еревана и Эчмиадзина было тогда сначала солнечно — с 21 по 24 мая, потом хлестал дождь — с 25 по 27 мая, 28 мая снова выдался погожий денек, 29 мая — дождь, а 30 мая все смешалось — и дождь, и солнце.

И теперь я знаю, что первый день Сардарапатской битвы был ослепительно солнечным. Но он, как и положено природой, закончился. С этого времени и начинается фрагмент воспоминаний Шнеура:

«...Солнце садилось. Мы с генералом Пирумовым (в штабе Даниэл-бека около железнодорожной станции Сардарапат. — Ю.П.), склонившись над картой, обсуждали сложившуюся ситуацию. Положение наше было трагическим. Точной величины турецких сил мы не знали (к этой фразе в книге

¹⁶ Туршян А.Г. Сардарабадский герой. Вестник архивов Армении. 1969. № 1 (22). С. 167 — 182 (на арм. яз.).

Каялова дана ссылка под номером 13: «Шнеур на авторской копии статьи чернилами приписал: «Но существенно больше, чем армян. Было очевидно, что эти силы были только авангардом». И тут же другая ссылка, под номером 14, в которой говорится, что Шнеур черкнул на авторском экземпляре: «Приблизительно полк»)...

...В течение ночи были сформированы резервы. Наш левый фланг ушел обратно. На нашем правом фланге две роты с двумя артиллерийскими орудиями были резко выдвинуты вперед. По телефону мы получили от генерала Силикова полномочия для использования Хизнаузского отряда капитана Гасана Пашаяна (Эрзинджанский полк). Позднее пришел приказ — продолжить утром движение на запад, проникнуть вглубь позиции небольших холмов, занятых турками, и открыть артиллерийский огонь с их тыла.

...Лихорадочная активность шла во всех частях... все необходимые припасы и военное снаряжение были доставлены. Люди были хорошо накормлены, им были розданы винные порции. Каждый осознавал важность предстоящего дня. Мы дремали там, где придется и когда возможно. Все были возбуждены.

На рассвете мы были уже на ногах. И едва первые лучи солнца показались, начался ружейный огонь по всей линии фронта. Артиллерия стреляла sporadически, следуя за пулеметами. Турки предприняли несколько попыток спуститься с холмов и перейти в наступление, но наши всякий раз концентрировали сильный огонь, заставляя их повернуть обратно».¹⁷

Следующий фрагмент воспоминаний А. Шнеура из книги Ж. Каялова был мне хорошо известен еще со времен знакомства со статьей А.Г. Туршяна «Сардарабадский герой». Но тогда мне переводили с армянского добровольные помощники, а теперь я переводил сам, с английского, и это совсем другие ощущения:

«...Генерал Пирумов, одетый в шинель с красной подкладкой, не в силах устоять на месте, ходил взад и вперед, наконец, не выдержал и направился на передовую. Уходя, он поручил мне руководство частями. «Капитан, — сказал он, — вы все знаете, руководите сражением так, как это было решено предварительно».¹⁸

Этот поступок деда меня ничуть не удивил. Судя по всему, он никогда не прятался за спинами подчиненных и в ответственные моменты всегда был рядом с ними в самых опасных местах. Не мог иначе. Что и засвидетельствовал Шнеур:

«Я взобрался на верх водонапорной башни, откуда все было отчетливо видно. В 9 часов утра на севере появилось облако пыли, поднятое Хизнаузским отрядом. Он медленно двигался на запад, на назначенную ему

¹⁷ Цит. по указ. соч. Каялова Ж. С. 37, 38.

¹⁸ Цит. по указ. соч. Каялова Ж. С. 38.

позицию. Наши части поднялись и с тысячи шагов от турецких линий пошли вперед и оказались уже в 400 шагах. Генерал Пирумов, в широко распахнутой шинели с красной подкладкой, не торопясь обходил фронт».¹⁹

Такую картину А. Шнеур, конечно, не мог забыть. Сомневаться в ее правдивости невозможно. Красная подкладка несомненно была. Но по имевшимся в моем распоряжении документам Даниэл-бек к началу Сардарапатской битвы все еще пребывал в полковничьем чине, и, может быть, А. Шнеур столь яркую деталь запомнил, а вот с генеральским званием мог и напутать за давностью событий. Надо было узнать, не имела ли и полковничья шинель подкладки красного цвета.

К каким только специалистам я не обращался, с кем только не консультировался! Все они, включая известного военного историка Александра Ильича Дерябина, категорически заявляли: шинель полковника не могла быть с красной подкладкой, такие подкладки были лишь у генеральских шинелей. Не оттого ли А.Г. Туршян считал, что решение о производстве Даниэл-бека в генералы просто задержалось в столице, а в это время: «Кавказское командование, оторванное от Петрограда, разрешило армянам-полковникам Даниэлу и Погосу Пирумянам, Багдасарову, Аветисяну и Овсепяну шить себе генеральские мундиры, **отличительной чертой которых была красная шелковая подкладка** (выделено мною. — Ю.Л.)».

И разрешение это, якобы, было дано им после взятия Эрзерума. Не берусь утверждать, как было с полковниками Багдасаровым и Аветисяном, но биографию Погос-бека Пирумяна я изучал очень тщательно — мой доклад об этом троюродном брате Даниэл-бека опубликован в сборнике Третьих Лазаревских чтений²⁰ — и точно знаю, что он не участвовал в штурме Эрзерума, а значит, и не мог быть представлен к генеральскому званию за заслуги при взятии этого города.

Тем не менее, используя воспоминания Шнеура, Туршян красочно описывает, как «с высоты водонапорной башни Даниэл-бек Пирумян видит легкую панику в рядах наступающих. Спустившись с башни, он надевает шинель наизнанку — красной подкладкой наружу, идет на передовую и собственным примером, игнорируя смертельную опасность, призывает к атаке своих солдат.. Цепи поднялись и с криком «ура» пошли вперед».

Сколько ни искал, но шинель с красной подкладкой фигурирует только в трех текстах: армянском — А.Г. Туршяна, французском — С. Афанасяна и английском — Ж. Каялова, а источник информации и вовсе один — А. Шнеур. И то, что, несмотря на слабое здоровье и прогрессирующую слепоту, он все-таки оставил нам свои воспоминания, дорогого стоит.

Разрыв в 94 года ничтожно мал для истории человечества, но достаточно весом для истории каждого человека. Мне отсюда, из своего мирно-

¹⁹ Там же.

²⁰ *Пирумян Ю.Л.* Незабываемый Погос-бек Пирумян // Третьи Лазаревские чтения по истории армян России. М.: МАКСПресс, 2009. С. 212 – 240.

го далека, выяснить точное соотношение сил сторон на 23 мая 1918 года оказалось еще труднее, чем разобраться с легендой о шинели. Неразбериха тут полная. И опереться на какие-то официальные документы, письменные приказы и письменные же донесения с полей сражения — затея, к сожалению, совершенно провальная. И не потому, что эти бумаги не сохранились. Их практически и не было. В основном все решалось устно и сиюминутно. Докладывать по всей форме было некогда, да и обращаться толком не к кому. Старая государственная система к этому времени была разрушена, а новая еще не сложилась. И в этой «черной дыре» витка истории мне остается только довериться информации от очевидцев. И не спросить уже, не перепроверить, не прояснить нестыковки. Люди ушли, оставив в память о себе совершенно субъективные описания этих поворотных для моей родины дней.

По сведениям Айвазяна, в отличие от утверждения Шамбарова, упоминавшего «единственную батарею», главные силы Эриванской группы насчитывали 6 тысяч человек и 16 орудий (4 батареи по 4 орудия в каждой). А по Шнеуру (из книги Ж. Каялова) получается, что армян было гораздо меньше, чем 6 тысяч, потому что он, говоря о количестве воинов турецкого дивизионного авангарда, хоть и заявляет, что турок было «существенно больше, чем армян», то есть больше «айвазяновских» 6-ти тысяч, но тут же уточняет: турок было «приблизительно полк». А ведь полк — это порядка 2-3 тысяч человек всего-навсего. Противоречие явное. И объяснить его можно одним: Шнеур, по-видимому, имел в виду лишь какие-то передовые малочисленные подразделения, а не все главные армянские силы, которые по плану должны были начать действовать массово только после успеха Хизнаузского отряда в тылу турок.

Когда же Хизнаузскому отряду удалось справиться с поставленной задачей, главные силы под командованием Даниэл-бека двинулись вперед. Последствия этой атаки Шнеур описывает скупно, но четко: «В турецких линиях возникла паника, потому что отряд с фланга открыл огонь по их транспортам снабжения, и через некоторое время турки побежали, оставляя все: снаряжение, припасы и даже своих раненых и убитых. Армяне преследовали их, стреляя вплотную. Это был наш кавалерийский отряд, за которым следовал галопом Зейтунский кавалерийский полк полковника Залибекова... Турки отступили на пятьдесят верст, рассеявшись по горам. Им потребовалось несколько дней, чтобы собрать своих людей». И вдруг сразу итожит: «Битва была выиграна. Армения была спасена».²¹ Хотя армянским воинам надо было продержаться в том же победном настрое еще несколько долгих мучительных дней.

Беру карту масштаба в 1 дюйме 20 верст, прикладываю ноль линейки к Сардарapatу и отмеряю приблизительно 2,5 см, соответствующих пя-

²¹ Цит. по указ. соч. Каялова Ж. С. 38, 39.

тидесяти верстам, в наиболее вероятном направлении отступления турок — западном. Получается, что турок отогнали в междуречье двух северных притоков Аракса: Ахуряна и Карс-чая, ближе к впадению Карс-чая в Аракс. В каком-то смысле — действительно «до берегов Аракса», как и утверждали в туристическом буклете А.Г. Туршян и В.Г. Секоян.

Какими воспоминания Шнеура были на самом деле, без литературной обработки Каялова, я узнал благодаря помощи Сони Суреновны Мирзоян. Оригинал отрывка из воспоминаний А. Шнеура, написанных им собственноручно, как оказалось, есть в приложении G к книге Ж. Каялова (я получил от Сони Суреновны ксерокопии двух приложений к этой книге: G и J). И хотя Каялов использовал в своей книге практически всю информацию, предоставленную Шнеуром, некоторые дополнительные детали атаки армян, не попавшие в его книгу, я из этого отрывка извлек, несмотря на плохой почерк старого вояки:

«В 14 часов пыль вышла из-за холмов прямо на путях отступления турок. От имени генерала Пирумова я послал частям приказ переходить в наступление. Сам генерал Пирумов, получив свое же приказание, повел цепи в атаку. Турки оказывали огромное сопротивление, но вдруг в тылу их послышалась канонада. Произошла паника. Все бросились бежать. За турками поднялись цепи наших частей и с криками «ура» бегом бросились преследовать... Наши малочисленные конные части преследовали. Захватили пленных, обозы. А турки бежали и бежали, без дорог, так как на их путях уже орудовал отряд Гасанпашанца... Турки буквально разбежались...»²²

В общем, действовали армяне в тот день на славу: часть турецких войск удалось уничтожить, а отступивших — деморализовать так, что на некоторое время они потеряли способность к активным боевым действиям.

К сожалению, ни А. Айвазян, ни Ж. Каялов не уделили пристального внимания последовавшим после 23 мая пяти дням борьбы и в своих книгах не описали их подробно. В случае с А. Айвазяном это еще можно понять, он и книгу-то свою назвал специфически — «Армянские победы в Хзнавусе и Сардарабаде 23 мая 1918 года». А вот о хронологическом перескоке Шнеура, в переводе Каялова, когда он после слов: «турки отступили на пятьдесят верст, рассеявшись по горам», сразу говорит: «Битва была выиграна. Армения была спасена», остается только пожалеть.

Ведь противник и не собирался мириться со своим поражением, и, как написано в буклете, на следующий день, «24 мая захватчики ввели в долину Арарата новые силы». ²³ Заминка на подступах к Еревану заставила турок подтянуть к местам боев всю 36-ю дивизию и некоторые дополнительные подразделения. Численный перевес сразу склонился на сторону врага — как минимум, 1 к 2. Общий же перевес турецких сил между Са-

²² Цит. по указ. соч. Каялова Ж. Приложение G.

²³ Туршян А.Г., Секоян В.Г. Указ. изд.

рыкамышем и Александрополем, по мнению Г.Г. Корганова, к концу мая был почти втрое больше. Я уже приводил эти цифры: «12 000 армян против 35 000 турок».²⁴

По С. Афанасяну, турки в этот день «спускаются с возвышающихся над долиной (Арагатской. — Ю.П.) вершин, полные твердой решимости отомстить за нанесенное поражение и стереть с лица земли этих армян, которые осмеливаются сопротивляться».²⁵ И что характерно — им действительно удается потеснить части Даниэл-бека. Имея численное преимущество, они надеются сломить сопротивление армян еще до подхода своих дополнительных контингентов с севера и юга. Армяне контратакуют, но сначала, видимо, не добиваются успеха, хотя позднее, когда, как утверждает Г.Г. Корганов, Силиков, усилив Сардарапатский отряд своими последними резервами, «начал контратаку и преуспел, сломив 24 мая сопротивление противника».²⁶

Этот момент зафиксировал и М.О. Манасерян, правда, приписав отправку подкрепления не Силикову, а Даниэл-беку и оттенив его роль в событиях дня:

«24 мая была предпринята атака на турецкие позиции, однако она завершилась неудачей. Вечером к армянам подошли подкрепления, присланные командующим фронтом, полковником Даниэл-бек Пирумяном, который **постоянно находился на линии фронта и внимательно следил за ходом боевых действий** (выделено мною. — Ю.П.).

25 мая был предпринят новый штурм высоты 440. Одна часть 12-й роты пошла в лобовую атаку, а другая — зашла в тыл туркам с фланга. На сей раз действия увенчались успехом. Турки, не выдержав стремительной атаки армянских войск, неся большие потери, бежали».²⁷

Наступили, как пишут составители текста буклета, «решающие дни битвы. **25 — 26 мая...** (выделено мною. — Ю.П.) Вражеские атаки следуют одна за другой. Но разбиваются о единодушное и яростное сопротивление армян...»²⁸

Казалось бы, 26 мая и должен был произойти заветный перелом. И вроде бы А.Г. Туршян в своей статье «Сардарабатский герой», ссылаясь на Шнеура, об этом прямо и говорит:

«Вот что он (Шнеур. — Ю.П.) пишет о последней решающей Сардарабатской битве, которая состоялась в **18 часов 26 мая на солончаках** (выделено мною. — Ю.П.)...»²⁹

²⁴ Корганов Г.Г. Участие армян в Мировой войне на Кавказском фронте (1914 — 1918). М.: МАКС Пресс, 2011. С. 151.

²⁵ Афанасян С. Указ. соч. С. 50, 51.

²⁶ Корганов Г.Г. Указ. соч. С. 146.

²⁷ Манасерян М.О. Указ. соч. С. 101.

²⁸ Туршян А.Г., Секоян В.Г. Указ. изд.

²⁹ Туршян А.Г. Сардарабатский герой. С. 167 — 182.

Получается, Туршян, цитируя утверждение Шнеура, как бы согласен с тем, что именно 26 мая — дата «последней решающей битвы», раз никоим образом не выражает собственного мнения по поводу этого факта и не подвергает его сомнению. Хотя тут же, в той же самой статье, через несколько страниц Туршян вдруг пишет: «**27 мая по новому стилю закончилась Сардарабадская битва** (выделено мною. — Ю.П.)». ³⁰ Так когда же все-таки наступил последний день Сардарапатской битвы?

В 70-е годы прошлого века Министерством культуры Армянской ССР вкуче с Армянским государственным музеем этнографии был издан еще один туристический буклет, посвященный Сардарапатской битве, тоже очень красочный, но гораздо большего формата. Составлен он был уже другими авторами — А. Акопяном и А. Аветисяном. Но рассказ о сражении и геройских действиях Даниэл-бека слово в слово повторялся, единственное, что его отличало от «туршяно-секояновского» издания, так это заключительная фраза: «**26 мая** (выделено мною. — Ю.П.) турецкая регулярная армия была полностью разгромлена...» Выходит, ко времени тиражирования этого буклета 26 мая уже было «назначено» победным днем вполне официально, иначе такой текст не был бы «одобрен» на министерском уровне.

Значит, все-таки день 26 мая принес армянам победу?!

Нет, с хронологией Сардарапатской битвы все для меня оказалось не так просто.

Вот, к примеру, В.Е. Шамбаров считает победным днем 27 мая. И спасительный маневр Хизнаузского отряда, по его мнению, был совершен именно в этот день: «...у станции Аракс трое суток продолжались кровопролитные фронтальные атаки на позиции Кязим-бея. И турки, и части Пирумова были измотаны, понесли большие потери. Но одни упорно держались, а другие снова и снова шли вперед, понимая, что иначе остановить врага нельзя. Однако с уходом 9-й дивизии к Каракилисе (в результате успеха группы Назарбекова. — Ю.П.) устранилась угроза с севера. И Силиков сразу этим воспользовался, сняв оттуда свой резервный Хизнаузский отряд и бросив его на помощь Сардарапатскому. Форсированным маршем по горным дорогам отряд обошел левый фланг турок и **27 мая** (выделено мною. — Ю.П.) ударил им в тыл одновременно с очередной фронтальной атакой (главных сил под командованием Даниэл-бека. — Ю.П.). И враг не выдержал. Покатился назад. Отступление было все более беспорядочным, толпы аскеров охватила паника, а части Силикова устремились в преследование, довершая разгром». ³¹

Серж Афанасян также рассматривает день 27 мая как решающий. Описывая последние дни битвы, он утверждает, что «...несмотря на несколь-

³⁰ Там же.

³¹ Шамбаров В.Е. Указ. соч. С. 729.

ко штыковых атак, стоивших им ощутимых потерь, армянам не удалось полностью вытеснить турок с их позиций. Тогда Силикян решает их окружить. Он формирует ударную группу под командованием молодого капитана Каро Хасан-Пашаяна, выходца из Ахалциха. В группу включают 600 пехотинцев, 200 кавалеристов, четыре пушки, два эскадрона 1-го специального кавалерийского полка, стоявшего в запасе в деревне Кизнаур (Арагац), — и все это перемещают в Эрзинджанский полк и полк Маку. Эскадроны получают задание — окружить левое крыло турок на вершине Тулки-тапа. Выступив на заре, **27 мая** (выделено мною. — Ю.П.), солдаты Хасан-Пашаяна после полудня открывают огонь по тылам турок. Застигнутые врасплох этим маневром и атакуемые одновременно ротами 5-го пехотного полка спереди, а с севера — партизанами Пандухта (Микаэля Серьяна, уроженца Муша), турки оставляют свои позиции и бегут в сторону Александрополя, побросав на поле боя множество убитых и раненых». ³²

Такое ощущение, что речь идет об одних и тех же событиях, только А. Айвазян и Ж. Каялов пишут, что произошли они 23 мая, А.Г. Туршян мечется и в разных своих публикациях называет совершенно разные дни, начиная с 25 мая и кончая 27-м, а В.Е. Шамбаров и С. Афанасян наделяют ими 27 мая. Думаю, с датами просто напутано. Установить, когда и почему — уже невозможно. Но и всерьез предположить, что маневр с заходом в турецкий тыл Хизнаузский отряд мог проделать дважды, сначала 23 мая (либо в один из дней, начиная с 25-го), а затем 27 мая — как-то не верится: чтобы турки, да не предприняли никаких профилактических мер и не подготовились ко второму набегу?! Вряд ли. Это был опытный и умный противник.

Возможно, к единому мнению относительно непрерывной и полной хронологии Сардарapatской битвы уже и не прийти. Не случайно Туршян так сокрушался в своей статье «Сардарabadский герой»: «К сожалению, из-за сложности обстановки не было возможности записать подробности решающей Сардарabadской битвы... остается удовлетвориться позже написанными мемуарами и рассказами оставшихся в живых участников сражения». ³³

Но для истории как раз именно подробности и важны. Общий фон известен, а вот детали...

Мне представляется, что битва не закончилась в одночасье и локальные бои продолжались и после «решающего дня». С этим, видимо, и связаны упоминания о завершении битвы 28, 29, а я даже встречал в некоторых публикациях и 30 мая. Приведу только два примера.

Так, Е.Ф. Лудшувейт пишет: «Сардарabadское сражение, продолжавшееся **до 28 мая** (выделено мною. — Ю.П.), имело исключительно важ-

³² Афанасян С. Указ. соч. С. 53.

³³ Туршян А.Г. Сардарabadский герой. С. 167 — 182.

ное значение».³⁴ Я понял смысл фразы так, что сражение продолжалось «до 28 мая» включительно, а значит, 28 мая и был последний день битвы. Эта дата в работе именно этого автора меня несколько удивила. Удивила потому, что внизу страницы он поместил следующую сноску: «ряд ценных указаний по этому вопросу мне сделал кандидат исторических наук А.Г. Туршян (Ереван), готовящий монографию о Сардарабадском сражении». Но я ни в одной работе А.Г. Туршяна из тех, с которыми ознакомился, не обнаружил, чтобы он упомянул 28 мая как последний день битвы.

А вот М.О. Манасерян, напомним, он участник битвы, еще на один день раздвигает временные рамки: «в период с **26 по 29 мая** (выделено мною. — Ю.П.) армянские войска, преследуя отступавших турок... освободили железнодорожную станцию Аракс, Карабурун и все окрестные села и подошли к станции Арагац».³⁵

Да, разногласия мнений требует, может быть, дальнейшего обсуждения и многих размышлений. Но меня в этом отрезке времени особенно занимает один отдельно взятый человек — мой дед, Даниэл-бек. Большую часть жизни я потратил на «раскопки». И «накопал» всякое. Но в этом всяком — разным и часто диаметрально противоположном, а то и просто несовместимом, все ярче теперь проступает главное: бесконечные встречи, письма, телефонные переговоры, бессонные ночи, архивы, многоязычные книги и старинные карты помогли мне по-настоящему осознать, что значит для меня этот человек. Жаль, что лишь годы и годы спустя, изрядно повзрослев, начинаешь понимать: как прочно и глубоко он живет в тебе, как многим ты ему обязан.

Может быть, поэтому, неосознанно даже, с каким-то упрямым упорством я искал и искал очередные факты и свидетельства, хотя доказывать, собственно, было нечего: непосредственное участие Даниэл-бека в планировании легендарной операции и его личное руководство прямо на поле боя, с опасностью для жизни, сомнению не подлежали.

Как выяснилось, и к опасностям моему деду было не привыкать. Всей своей жизнью он подтверждал разумность свою как командира и способность жертвовать собой во имя общей цели. Не случайно Ж. Каялов написал, что Даниэл-бек «был прославленным человеком и пренебрегал опасностью».

О том, какой эта операция виделась самому Даниэл-беку и как он оценивал ее, я узнал, обнаружив в послужном списке Погос-бека Пирумяна рукописный рапорт Даниэл-бека с ходатайством о производстве своего троюродного брата в чин генерал-майора. К сожалению, часть рапорта попала на гиб архивного документа, и оттого некоторые слова разобрать невозможно, но их смысл очевиден:

³⁴ *Лудшувейт Е. Ф.* Турция в годы Первой мировой войны. Московский государственный университет, 1966. С. 189.

³⁵ *Манасерян М. О.* Указ. соч. С. 101.

«Представляемый на чин с 23.05 с.г. командовал правым боевым участком вверенного мне отряда в составе 5-го Армянского (стрелкового, из карабахцев. — *Ю.П.*), Караклисского, Хнысского полков, двух сводных рот и четырех орудий. За это время полк(овник) Пирумов как командир ударного полка и как начальник колонны проявил себя как отважный начальник, своими энергичными действиями, умением руководить указанными частями и искусным маневрированием, несмотря на тяжелые местные условия и недостаток боевых припасов. Особенно выдающиеся его действия **в дни кризиса** операции Сардарapatского отряда, т.е. **25, 26, 27** (слова «в дни кризиса» и эти даты выделены мною. — *Ю.П.*), когда попытки противника сбить правую колонну с занимаемых позиций были отражены контратакой и охватом левого фланга противника, причем полк(овник) Пирумов, несмотря на сосредоточенный огонь противника, лично вел роты в наступление. Благодаря этому, положение отряда к вечеру 26-го было восстановлено и части могли готовиться к предстоящей на следующий день решительной операции, блестяще (окончившейся?). — *Ю.П.*) для нас.

Кроме того, как командир бригады 2-й Армянской стрелковой дивизии свидетельствую, что полковнику Пирумову, несмотря на переживаемое тяжелое время, удалось сохранить полк от разложения и (не утратить? — *Ю.П.*) боеспособность. Считаю вполне справедливым ходатайствовать о производстве представляемого в генерал-майоры за боевые отличия.

Начальник Сардарapatского отряда, полковник Пирумов. 18 июня 1918 года».³⁶

Ну вот же оно — задокументированное по всем правилам, официальное свидетельство того, что «дни кризиса» Сардарapatской битвы выпали на 25, 26 и 27 мая, и все решилось именно 27-го, раз о кризисе в рапорте деда больше ни слова. Наоборот, кризис явно миновал, и наступил долгожданный перелом, «блестяще окончившийся» для армян. А значит, можно смело утверждать, что решающая победа была одержана действительно 27 мая. Радуюсь, как мальчишка: нашел-таки подтверждение своему предположению!

Попутно узнал и еще об одной должности Даниэл-бека: командир бригады 2-й Армянской стрелковой дивизии. Планы создания такой дивизии под командованием Силикова (1-й дивизией должен был командовать генерал Арешев) были, и формально дивизия, видимо, существовала. Но все же в период ведения боевых действий Силиков практически командовал Ереванской группой войск, а Даниэл-бек — объединенным Сардарapatским отрядом.

А тут еще и другая моя догадка о том, что армяно-турецкое столкновение в Араратской долине правильнее было бы разделять на предсарда-

³⁶ РГВИА. Ф. 409. № 141 – 906 (1917).

рапатские дни — с 19 по 22 мая, первые два дня битвы — с 23 по 24 мая и решающие дни — с 25 по 27 мая, получает неожиданную поддержку. Участник сражения, офицер 5-го полка под командованием Погос-бека Пирумьяна, Георгий Григорьевич Хнцзорян, подписавшийся как Г. Яблоков (так его фамилия переводится на русский язык), в 1970 году прислал Ж. Каялову письмо, которое писатель обнародовал в приложении J к своей книге «Сардарабадская битва». Там-то я и обнаружил фрагмент, имеющий отношение к хронологии битвы и подтверждающий верность моих рассуждений:

«Что касается самого Сардарабадского боя — его хода, — то я лично делаю различие между prelimинариями (предварительными этапами. — Ю.П.) боя и столкновением с главными силами турецкого отряда на высотах к северу от села и станции Сардарабад.

Прелиминарии боя — занятие станции и подход к высотам — были делом, главным образом, 5-го (после этой цифры в оригинале письма стоит знак вопроса. — Ю.П.) полка (я ничего не знаю о действиях частей нашего Игдырского отряда в это время). Турки отошли от станции почти без боя и остановились только у подножия Сардарабадских высот. Здесь они задержали преследовавшие их армянские части (рота под моим командованием и батальон, следовавший за ней, под командованием полковника Саркисяна?). Последовавшая затем атака армянской кавалерии успеха не имела, так как армянский офицер, командовавший конным отрядом, начал атаку далеко сзади. Упомянутые выше армянские передовые части настолько оторвались от армянских главных сил, что офицер, командовавший конным отрядом, принял их за турецкие части и нацелил свою атаку на них. Турки задержку нашего наступления использовали, чтобы усилить — значительно — оборону Сардарабадских высот. Армяне тоже подвели к подножию высот подкрепления. Турецкий отряд, задержавший нас, через некоторое время отошел, и наши главные силы и главные силы турок остались «face a face» (лицом к лицу. — Ю.П.).

В битве за Сардарабадские высоты, мне кажется, поворотным событием была атака конницы турецких армян под командованием турецкого армянина, фамилию которого я забыл...»³⁷

Итак, решающая победа была одержана 27 мая. Теперь я могу утверждать это без всяких сомнений, потому что опираюсь на самый настоящий, документальный знак — дедовский рапорт. Но само сражение, конечно же, как мне стало понятно, на этом резко не закончилось.

Вопреки свидетельству Айвазяна, Туршян и Секоян, цитируя Шнеура в туристическом буклете, преподносят еще две новых детали — что армянская атака в решающий день велась не с двух, а с трех сторон, а Даниэл-бек в этот день шел на врага не с фронта, а со стороны атаки Хизнауского от-

³⁷ Каялов Ж. Указ. соч. Приложение J.

ряда: «Последний день битвы... С первыми же лучами солнца по всей линии фронта ударили залпы... К полудню наши подразделения, как было условлено, **с трех сторон** (выделено мною. — Ю.П.) начали общую атаку: цепью с криками «ура» пошли на врага... Поднялись облака пыли... **Впереди частей, обходящих врага с тыла, шел наш командующий, полковник Пирумян** (выделено мною. — Ю.П.)... Атака армян была грозной, сокрушительной...» И сразу закругляются: «Султанская регулярная армия была наголову разбита. Остатки войска панически бежали...»³⁸

Какая же «третья сторона» участвовала в атаке и почему Даниэл-бек, руководя наступлением Сардарapatского отряда с фронта, вдруг очутился «впереди частей, обходящих врага с тыла»?

Оставлю догадки, все-таки буклет — не документ, а рекламный материал на стыке с художественным произведением, но я-то хватался за любую мало-мальскую возможность узнать о своем деде как можно больше. И, прекрасно понимая, что роман Б.А. Улубабяна «Сардарapat», который разошелся по Армении большим тиражом и стал эталоном описания Сардарapatской битвы, ибо зачастую ошибочно принимался за историческую хронику, — не совсем то, что мне было нужно, все равно скрупулезно изучил его переведенные фрагменты, в надежде, а вдруг, несмотря на тесное переплетение художественного вымысла с реальностью, мне повезет и я, как истинный старатель, намою золотые крупинки.

Б.А. Улубабян рассказывает о моем деде как о недюжинном стратеге: «Даниэл-бек решил на первое сражение выйти с небольшими силами, и когда обосновал это решение, родственник (Погос-бек Пирумян. — Ю.П.) лишний раз убедился в искусности его полководческого дара. «Сейчас турки, как они громогласно заявляли, продвигаются парадным шагом и не ожидают никакого сопротивления. Небольшими, но отборными силами можно предпринять неожиданное контрнаступление, остановить и даже отбросить их назад. Одновременно надо готовить весь фронт к следующему, самому решающему удару».³⁹

А эти размышления я нашел на другой странице романа: «Даниэл-бек Пирумян был опытным полководцем и знал, что даже самое воодушевленное настроение и воля к победе не помогут войскам, если между фронтом и тылом слишком большой разрыв. Турки придут в себя и превосходящими силами нападут на удалившиеся от исходных позиций армянские части. И тогда результат первой успешной акции пропадет. Между тем, закрепившись на завоеванных рубежах, можно будет по-новому перестроить силы и за два-три дня подготовиться к решающему наступлению».⁴⁰

О некоторых деталях этого «решающего наступления» как раз и говорилось в дедовском рапорте, где он давал оценку боевым действиям

³⁸ Турция А.Г., Секоян В.Г. Указ. изд.

³⁹ Улубабян Б.А. Сардарapat. Ереван: Советский писатель, 1989 (на арм. яз.). С. 218.

⁴⁰ Там же. С. 284.

Погос-бека Пирумяна. В этот критический для страны момент судьба свела троюродных братьев вместе. Их жизни переплелись тогда настолько, что исследователи потом запутались в датах их рождений и смерти, причинах гибели и даже в... портретах.

В Интернете есть интервью с председателем Союза армянских дворян, профессором Геворгом Петросовичем Пирумяном. Я с Геворгом Петросовичем давно и близко знаком (но мы отнюдь не близкие родственники и принадлежим, скорее, к разным ветвям нашего рода) и очень много рассказывал о своих поисках. Так вот, в 2003 году журналист Мавр Даниелян задал ему вопрос о судьбе дворян-полковников Пирумянов — героев Сардарапата. И Геворг Петросович ответил:

«Известно, что после установления Советской власти руководителей Первой Республики Армения и часть национальных деятелей расстреляли. Другая часть перебралась за границу. Судьба этих армянских дворян, полковников Пирумянов, не уточнена. В Армянской энциклопедии есть краткие сведения об их военной деятельности, отмечены даты их смерти, Даниэл-бека Пирумяна — 1921 год, Погос-бека Пирумяна — 1922 год. При каких обстоятельствах они скончались — неизвестно. Есть мнение, что Даниэл-бек Пирумян покончил жизнь самоубийством, но это не так. Живущий в Москве его внук Юрий Пирумян собрал некоторые сведения, согласно которым мы склонны считать, что их расстреляли. Ведь кроме того, что они были национальными деятелями, они также были офицерами русской царской армии, а в конце Даниэл-бек был представлен к званию генерала...»

Почему-то в этом интервью Геворг Петросович все перевернул: и даты смерти приписал братьям с точностью до наоборот, и с гипотезой о самоубийстве напутал — покончил с собой Погос-бек, а не Даниэл-бек, и на счет расстрельной версии я всегда сильно сомневался и не скрывал этого.

Обнаружив в энциклопедии «Армянский вопрос»⁴¹ те же ошибки, я написал ответственному редактору издания, г-ну К.С. Худавердяну письмо: мол, как такое могло произойти? И довольно скоро получил от него ответ:

«Уважаемый г-н Пирумян! Мне передали Ваше письмо от 31.05.1993, а также журнал «Pro Armenia» с Вашей статьей. В энциклопедии «Армянский вопрос» действительно допущена досадная ошибка в подписях к портретам П. и Д. Пирумянов, собственно, перепутаны места инициалов. Эта ошибка нами была замечена, к сожалению, тогда, когда тираж уже был отпечатан. В части тиража нами дан вкладыш с опечатками (в моем экземпляре его не было. — Ю.П.), где отмечена и путаница с инициалами в подписях к указанным портретам. Что касается дат рождения и смерти Погос-бека, то отмеченные в энциклопедии данные взяты из соответствующего тома Армянской Советской Энциклопедии (том 12, Ереван,

⁴¹ Ереван: Главная редакция Армянской энциклопедии, 1991. С. 262.

1986, на арм. яз.). Кстати, данные для статей о Пирумянах предоставлены редакции литературоведом Меджи Пирумовой, которая также является потомком военачальников (возможно, по боковой линии). Указанные Вами уточнения нами принимаются с благодарностью. В настоящее время энциклопедия «Армянский вопрос» издается на армянском языке и указанные исправления, разумеется, будут введены в армянский текст.

К. Худавердян. 16 июня 1993 г.».

Меджи Богдановну Пирумову я узнал через Ремаля Николаевича Пирумова, ее двоюродного брата. Мы с ней подружились и в течение нескольких лет довольно часто встречались. То во время ее приездов в Москву, то во время моих приездов в Ереван. А вот обещанного исправленного издания энциклопедии я так и не дождался, похоже, его и не было. Во всяком случае, мои попытки найти ссылку на него в Интернете ни к чему не привели.

С другой стороны, мне ли не знать, как рождаются нелепые ошибки. Я сам, когда разбирал документы 1918 – 20-х годов, немало помучился, чтобы определить, кому из братьев, Даниэл-беку или Погос-беку, принадлежала подпись без инициалов: «полковник Пирумов» или «генерал-майор Пирумов».

Я искал хоть какой-то, пусть косвенный, сигнал, который помог бы мне разобраться, какие взаимоотношения были у Даниэл-бека с генералом Силиковым в предсардарапатские и сардарапатские дни. Мой интерес еще больше подогрело высказывание А.Г. Туршяна в его книге: «**К счастью** (выделено мною. — Ю.Л.), в этот ответственный момент генерал Силиков поехал на «совещание» в Ереван. Его помощник и опытный, смелый организатор в Сурмалу, полковник Даниэл-бек Пирумян, **в стихийно начатом бою** (выделено мною. — Ю.Л.) взял на себя командование Сардарабадской битвой».⁴²

Что же получается? Силиков, руководя Эриванской группой, нацеленной на отпор врагу на главном направлении, на самом-то деле вовсе и не организовывал сопротивление, а, судя по смысловому значению выбранных Туршяном слов, как бы даже несколько мешал этому. И, выходит, между двумя командирами было серьезное противостояние, а само сопротивление в «этот ответственный момент» — не результат продуманного плана, а всего лишь «стихийно начатый бой»?

Конечно, без определенной «стихийности» и не могло обойтись, ведь война была навязана турками, и наскоро сколоченному Армянскому корпусу приходилось то и дело «затыкать дыры». Неудивительно также, что в такой отчаянной ситуации среди военного и гражданского руководства возникли пацифистские настроения, порой граничащие с паникой.

⁴² Туршян А.Г. Героическое сражение под Сардарабадом. Ереван: Айастан, 1969 (на арм. яз.). С. 144.

А.Г. Туршян пишет, что именно тогда: «...по «совету»... руководителя Восточного бюро дашнакской партии Амо Оганджяна, Ереванский армянский Национальный совет и его особый комитет «сходят со сцены», уступая место городской думе, которая 19 мая, по предложению Тошяна, члена Центрального комитета Ереванской дашнакской организации, принимает решение о сдаче города Еревана без боя, на милость туркам. Турки — члены Ереванской городской думы посылают весть об этом решении со специальным гонцом, через Талин в Александрополь, Шевке-паше (командующему турецкими силами на Кавказском фронте. — *Ю.П.*). После падения Александрополя и катастрофического решения Ереванской городской думы Ереванскому гарнизону (по Г.Г. Корганову, «Эриванской группе под командованием Силикова». — *Ю.П.*) оставалось лишь одно — срочно покинуть Сурмалу, а затем и Араратскую долину, а малочисленную армию поднять на Котайк-Севанский бассейн...»⁴³

Но оставить Эчмиадзин, Ереван и Араратскую долину означало потерять все. И этого не могли не понимать сторонники капитуляции, среди которых, по мнению А.Г. Туршяна, был генерал Силиков, а по мнению Б.А. Улубабяна, и командир Армянского корпуса, генерал Ф.И. Назарбеков:

«В Ереванской городской думе был зачитан приказ Главнокомандующего армянскими войсками Товмаса Назарбекова, в котором говорилось о срочной сдаче Эчмиадына и Еревана, каковы бы ни были требования, предъявляемые турками. На заседании присутствовал и Мовсес Силикян, которому нечего было добавить к предложению руководства и к распоряжению Назарбекова. Наоборот, он даже удивлялся, что находятся люди, выступающие против столь правильного и логического решения...»⁴⁴

Сказано предельно ясно: высшее гражданское и военное руководство, а также непосредственный начальник Даниэл-бека — Силиков, ратуют за отступление. Не правда ли, похоже на совет в Филях: оставить Москву французам или дать сражение? Но даже гениальному Кутузову с трудом далось окончательное решение, и каким оно было — Силиков и Назарбеков, конечно же, знали, да только не о том, как им действовать самим, здесь и сейчас.

О генерале Мовсесе Силикове у А.Г. Туршяна сложилось совершенно определенное и явно нелестное мнение, не знаю уж, чем подкрепленное. В его книге есть даже такой пассаж: «Генерал Силиков был военным с очень скромными способностями, к счастью, у него был и довольно скромный характер. Он оставил у себя в качестве заместителей и прежнего командующего войсковым соединением, полковника Даниэл-бека Пирумяна, и прежнего начальника штаба, полковника Александра Веки-

⁴³ Туршян А.Г. Сардарабадский герой. С. 167 — 182.

⁴⁴ Улубабян Б.А. Указ. соч. С. 130, 131.

ляна, **которые фактически и руководили Сардарабадской битвой** (выделено мною. — Ю.П.)». ⁴⁵

Оба известных армянских писателя недвусмысленно выставили М.Б. Силикова и Ф.И. Назарбекова слабыми, колеблющимися в ответственный момент руководителями. И таким образом противопоставили их Даниэл-беку, высветив лишний раз его способности. Правда, А.Г. Туршян отнесся к Назарбекову более лояльно, процитировав в своей статье вполне теплые слова Шнеура: «Командиром Отдельной Армянской армии был Назарбеков (Назарбекян), смелый, честный и всеми любимый. По происхождению армянин, он считал себя русским и не говорил по-армянски». ⁴⁶

А характеризуя моего деда, Шнеур сказал: «**Сардарабад был его венцом. Полководец Пирумян в этот решающий момент был удобным, стоящим, бесстрашным военным руководителем**» (выделено мною. — Ю.П.). ⁴⁷ Вот значит как: в дни всеобщего краха — удобнейший военный, которому прямо-таки суждено было руководить Сардарапатской битвой...

Назарбеков, будучи командиром группировки, во время Сардарапатской битвы был далеко на севере. Силиков же в эти дни повел себя неоднозначно и противоречиво. И если он действительно поддержал противников сражения и был готов отступить, так ли уж «переборщил» коммиссар Дро Канаян, когда высказался против назначения Силикова на должность начальника дивизии? Обвинив генерала в отсутствии национального чувства, Канаян привел в доказательство факты, среди которых были свидетельства негативного отношения Силикова к добровольческим дружинам (протокол № 3 заседания Исполнительного комитета Армянского военного совета от 2 декабря 1917 года, п. 3). Хотя такое отношение могло быть просто реакцией кадрового военного на формирование нерегулярных частей.

Б.А. Улубабян в своем романе приписывает Силикову характерные слова: «Пусть я буду единственный, кто против. Но знай, что разумное отступление всегда предпочтительнее неудачного сражения...» ⁴⁸ Как ни старался выяснить, какими источниками воспользовался писатель, мне не удалось. «Есть данные...» — уклончиво отвечал он всякий раз.

А он в своем романе психологически тонко описал охватившие Даниэл-бека чувства в связи с грозящей армянскому народу национальной катастрофой и детально развил мысль о самовольном желании Даниэл-бека возглавить войска, чтобы попытаться остановить турок в последнем решающем сражении.

«Просто ситуация была очень неопределенной. Хотя бы для него (Даниэл-бека. — Ю.П.), ибо он твердо решил покинуть свой пост замести-

⁴⁵ Туршян А.Г. Героическое сражение под Сардарабадом. С. 268.

⁴⁶ Туршян А.Г. Сардарабадский герой. С. 167 – 182.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Улубабян Б.А. Указ. соч. С. 256.

теля командующего Ереванским фронтом и пойти на передовую. **А что он там будет делать, ему, отважившемуся сражаться, а не рассылать приказы об отступлении, и самому было неизвестно»** (выделено мною. — Ю.П.).⁴⁹

Если принять эти строки автора романа за гипотезу, то ответ на вопрос «а что мог сделать в такой ситуации Даниэл-бек»? предполагает возложение на себя функций командира некоей достаточно крупной войсковой единицы, созданной на базе различных частей Армянского корпуса. А затем, положившись на свой опыт и патриотизм солдат, дать сражение, победа в котором заставила бы турок отказаться от дальнейшего движения на Ереван, а в перспективе и вообще от дальнейших захватнических планов. Пока же, как пишет Б.А. Улубабян, Даниэл-беку предстоял один очень деликатный разговор со своим родственником — полковником Овсеп-беком (Иосифом, Осеком, Осиком) Шалековичем (Шаликовичем) Пирумовым, командовавшим 3-м Армянским стрелковым полком, находящимся на острие турецкого наступления на линии Сардарапат — Вагаршапат со стороны Александрополя.

Это был тот самый родственник, с которым, как считала моя мама, «перепутали» старшего сына Даниэл-бека, когда последнего арестовали в 1938 году.

Овсеп-бек был родным братом уже упоминавшихся двух троюродных племянников Даниэл-бека, Ивана Шаликовича и Григория Шаликовича Пирумовых. Так или иначе, но судьба сталкивала Даниэл-бека с этими родственниками по боковой линии.

Известный своей горячностью, беззаветным патриотизмом и личной храбростью, награжденный за участие в боях Первой мировой войны несколькими орденами (о его жизни я кратко рассказал в своем докладе «Только один карабахский род» на Вторых Лазаревских чтениях) Овсеп-бек, по словам Б.А. Улубабяна, не верил в возможность оказания эффективного сопротивления, предавался мрачным мыслям о бесславном конце Армении, но был готов вместе со своими бойцами сражаться до последнего человека и погибнуть, только бы не увидеть торжествующего врага на улицах Еревана.

По мнению Даниэл-бека, такие рассуждения, может быть, подходили бы рядовому бойцу, но никак не командиру части, от действий которой на поле боя зависит судьба страны. Сейчас, сказал он, настал момент, когда нужно нечто совсем другое — не умирать, пусть и геройской смертью, а победить во что бы то ни стало.

Аргументы Даниэл-бека были настолько логичны, а сам он олицетворял такую уверенность в необходимости победы, что гордый и легко ранимый Овсеп-бек, будучи моложе Даниэл-бека на двадцать пять лет, но

⁴⁹ Там же. С. 130 – 131.

равный ему по званию, добровольно отказался от командования полком и передал руководство им своему собеседнику.

Б.А. Улубабян пишет: «Овсеп-бек был взволнован. В его душе в этот миг даже родилась та мерцающая надежда, что может быть действительно родственник сможет найти единственный путь спасения. Ибо он был убежден, что если Даниэл-бек Пирумян был одним из самых грамотных и храбрых людей среди офицеров Армянского корпуса, **то в изобретательности и находчивости не имел соперников** (выделено мною. — Ю.П.)».⁵⁰

А дальше Б.А. Улубабян описывает, как самовольное, по сути, решение Даниэл-бека возглавить войска для великого сражения, а, на мой взгляд, и вызывающее по форме, осуществилось на практике.

Вызывающее по форме — потому что когда я прочитал в романе о том, как Силикову, который с утра пораньше обходил батареи, сообщили, что в штабе его дожидается полковник Даниэл-бек Пирумян по срочному делу, то не слишком удивился реакции генерала: «Я продолжил свой путь, считая, что заместителю положено ждать, а не командовать, чтобы я срочно поспешил к нему.. Возвращаюсь, и что я вижу? Мой заместитель, подумав, что я вернусь очень поздно, написал заявление, оставил его на моем столе и удалился. Что за заявление? — спрашиваю. А мне в ответ: мол, прочтите, узнаете. Читаю, и меня чуть удар не хватил. В заявлении Даниэл-бек сообщает, что он, осознавая крайне критический момент в судьбе родины, оставляет свою должность заместителя командующего Ереванским фронтом и принимает руководство Сардарапатским фронтом. «Как это, принимаешь, — говорю ему (очевидно, уже по телефону. — Ю.П.), — по моему желанию, что ли? Думаешь, вот так можно взять и поступить?!».⁵¹

Действительно, довольно странный поступок. Понятно, что между начальником и заместителем не всегда налаживается полное взаимопонимание, но чтобы так... Да в любого офицера вколочено накрепко, что всякое серьезное решение необходимо согласовывать с вышестоящим командиром, и он никогда не нарушит субординацию: дождется личной аудиенции, доложит по всей форме. Что же там происходило? И почему мой дед был вынужден так поступить?

Не знаю, может быть, нечто такое и случилось, но знаю, что первым версию «о самоназначении» Даниэл-бека выдвинул А.Г. Туршян и что Б.А. Улубабян ее решительно поддержал, прокомментировав итог этого яркого эпизода в следующих выражениях:

«Руководство армянскими войсками, действующими на Сардарапатском направлении, **самовольно** (выделено мною. — Ю. П.) взял на себя Даниэл-бек Пирумян, и эта новость мгновенно облетела весь фронт от Игдира до Большой Каракилысы. Кадровые офицеры и солдаты близко зна-

⁵⁰ Там же. С. 131.

⁵¹ Там же. С. 153.

ли Даниэл-бека и были хорошо осведомлены о боевом пути этого храброго и искусного полководца. И никого не удивило, что в самый критический момент борьбы армянского народа, в самой трудной, самой безнадежной точке войны, принял огонь на себя именно такой воин. Насколько были оправданы их ожидания, должна была показать война, которую многие армянские деятели, мнящие себя великими, считали уже проигранной».⁵²

Однако, наградив Даниэл-бека весьма восторженными эпитетами, А.Г Туршян и Б.А. Улубабян обделили ими генерала Силикова, посчитав, что высшие руководители Аармянской армии, и генерал Силиков в том числе, были против сопротивления на подступах к Еревану.

Но мнение этих авторов, к счастью для имиджа генерала, разделяют не все. Так, уже известный нам участник Сардарапатской битвы Араратов уверенно констатирует, что штаб Эриванского отряда во главе с **доблестным генералом Силиковым** и начальником Генерального штаба полковником Векиловым принял решение оказать упорное сопротивление надвигающемуся противнику и принять бой: «**Решение генерала Силикова** (выделено мною. — Ю.П.) было передано войскам, и 21 мая после полудня 5-й пехотный полк имел успех, турки не выдержали и стали отходить».⁵³

Но ведь Силиков, в свою очередь, подчинился командиру Армянского корпуса Назарбекову. Что, и Силиков действовал на свой страх и риск, отдавая приказ вопреки указаниям непосредственного начальника?! Не слишком ли много анархии для одной отдельно взятой группы войск, каковой являлись части под командованием Силикова?

Скорее уж и А.Г. Туршян, и Б.А. Улубабян, давая оценку действиям Силикова, чисто по-писательски эмоционально вдохновившись, допустили перекокс. И кто знает, возможно, генерал и колебался в душе, обдумывая целесообразность отпора на подступах к Еревану, но, начиная с 22 мая и по 28-е включительно, в планах его штаба, а главное — в распоряжениях самого Силикова уже нет никаких следов нерешительности.

Воспоминания маршала И.Х. Баграмяна подтверждают:

«Генерал Силиков в этой довольно сложной обстановке принял... **талантливое решение** (выделено мною. — Ю.П.), суть которого заключалась в следующем: он своевременно развернул Сардарапатский отряд, включив в него главные силы группы войск под общим командованием **своего заместителя — полковника Даниэл-бека Пирумяна** (выделено мною. — Ю.П.)... Обеспечив, таким образом, фланги и тыл своей группы войск, генерал Силиков приказал Сардарапатскому отряду перейти в решительное встречное наступление против 36-й кавказской дивизии турок.

22 мая с раннего утра войска Сардарапатского отряда полковника Даниэл-бека Пирумяна, Партизанский пехотный полк полковника Пе-

⁵² Улубабян Б.А. Указ. соч. С. 181.

⁵³ НАА. Ф. 121, оп. 2, д. 84, л. 5, 6 об.

рекрестова, Игдырский пехотный полк и 1-й Особый армянский конный полк войскового старшины Золотарева с рубежа сел Керпалу (Аршалуйс) и Курдукли (Армавир) стремительно атаковали противника и... к исходу дня освободили от турок село и железнодорожную станцию Сардарapat. Однако дальнейшее наступление отряда было приостановлено упорным сопротивлением турок...

Боевыми действиями как под Сардарapatом, так и в районе Баш-Абарана генерал Силиков и начальник его штаба подполковник Векилов руководили из штаба Эриванской группы войск, расположившегося в Эчмиадзине. **Непосредственное руководство Сардарapatским отрядом осуществлял полковник Даниэл-бек Пирумян** (выделено мною. — Ю.П.), который создал свой импровизированный штаб во главе с капитаном Шнеуром...

...Фронтальные атаки войск Сардарapatского отряда против прочно укрепившихся частей 36-й турецкой дивизии продолжались до 26 мая и, к сожалению, не принесли намеченного успеха. Тогда генерал Силиков принял, на мой взгляд, вполне разумное решение — нанести силами Хизнаузского отряда, являвшегося его маневренным резервом, неожиданный удар во фланг и тыл занимаемой турками гряды командных высот...

...Воодушевленные успехом, достигнутым войсками правого крыла Сардарapatского отряда, бойцы Партизанского и Игдырского пехотных полков, действовавшие против центра и южного фланга турок (вот они — три стороны, но у А.Г. Туршяна о южном фланге не было ни одного слова. — Ю.П.), **по приказанию полковника Даниэл-бека Пирумяна перешли в решительное наступление** (выделено мною. — Ю.П.) и вскоре вынудили противника оставить занимаемый им участок обороны. Пользуясь наступившей темнотой, части 36-й турецкой дивизии начали поспешно откатываться... Войска Сардарapatского отряда, обнаружив отход врага, перешли к его преследованию своими передовыми частями...

...Перед рассветом 28 мая разъезд, возглавляемый мной, начал следовать по пятам беспорядочно, порой панически отступавшего к Александрополю неприятеля. Во второй половине дня отходившие на широком фронте части противника, достигнув важного рубежа по линии Нижний Талин, Карабурунские горы, железнодорожная станция Карабурун и далее — до левого берега реки Арпачай, стали поспешно переходить к обороне. До наступления темноты между подошедшими передовыми частями Сардарapatского отряда и турками шла оживленная перестрелка из всех видов оружия, сопровождаемая временами местными атаками и контратаками с двух сторон. Часть сил турецкой дивизии и приданного ей крупно-

го отряда курдской конницы, чтобы избежать разгрома, вынуждена была поспешно отойти на правый берег Аракса и Арпачая...

...Оценив сложившуюся к исходу 28 мая обстановку... генерал Силиков начал планировать дальнейшие боевые действия... на александропольском направлении...»⁵⁴

Но, как пишет в своей книге генерал Г.Г. Корганов, «хотя армянские войска и заняли 29 мая станции Карабурун и Алагез и деревни Талин и Мастару, генерал Силиков не мог развить свое движение на Александрополь и угрожать тылам турецких войск». Потому что, «несмотря на эти успехи, положение Эриванской группы все еще оставалось тяжелым. Более того, генерал Силиков вынужден был послать 3-ю отдельную бригаду (1-й и 2-й Ванские полки) в Семеновку, чтобы усилить Александропольскую группу, которая занимала Дилижан».⁵⁵

Суммируя мнения цитируемых авторов, пытаюсь разобраться в хитросплетении поступков участников сардарapatских событий. Обстановка без преувеличения — аховая. И то, что высшее офицерство с пессимизмом отнеслось к защите Ереванского направления и таких жизненно важных для армян центров, как Эчмиадзин и Ереван, — по-человечески понятно. Ясно и то, что только настойчивость члена Армянского национального совета Арама Манукяна, воспользовавшегося своими неограниченными полномочиями, вынудила военное руководство Армянского корпуса действовать с максимальной активностью. Случались уже, и не однажды, такие невыносимые ситуации, когда людям даже подумать страшно: что, вот, рискнут они в безнадежной ситуации, поставят на кон и жизнь, и свободу, упустят «точку возврата», а за ней...

И тогда появляются герои-одиночки. Как генерал Силиков, который, сохранив пост начальника 2-й Армянской стрелковой дивизии, одновременно возглавил срочно созданную «антикризисную» Эриванскую группу — куда вошел объединенный Сардарapatский отряд — и стал планировать ближайшие операции. А его заместитель, полковник Даниэл-бек, который в структуре Армянского корпуса продолжал оставаться командиром бригады 2-й Армянской стрелковой дивизии, взял на себя еще и командование этим Сардарapatским отрядом и стал осуществлять задуманное. Причем тактические задачи для 5-го пехотного полка, наносившего противнику главный удар, Даниэл-бек планировал вместе со своим троюродным братом — Погос-беком Пирумяном, командиром этого полка.

И.Х. Баграмян, подчеркивая решающую роль, которую «сыграл **5-й армянский стрелковый полк** под командованием полковника Павел-бека Пирумяна (Погос-бека. — Ю.П.)», называет полковника Даниэл-бека Пирумяна, «успешно руководившего боевыми действиями войск Сар-

⁵⁴ Баграмян И.Х. Мои воспоминания. Ереван.: Айастан, 1979. С. 80 — 86.

⁵⁵ Корганов Г.Г. Указ. соч. С. 148.

дарарапатского отряда», «одним из наиболее достойных героев этой битвы (выделено мною. — Ю.П.)», хотя и «далек от мысли, чтобы приписать им все лавры победы».⁵⁶

«Разгром турок был осуществлен общими героическими усилиями всех войск и народного ополчения Сардарарапатского отряда, которые принимали непосредственное и самое активное участие в проведении этого замечательного сражения», — итожит маршал. И признается, что «не может обойти молчанием и выдающиеся заслуги в разгроме турок под Сардарарапатом весной 1918 года генерал-майора Силикова (Мовсеса Силикяна), командовавшего в ту тяжелую пору Эриванской группой армянских войск».⁵⁷

«По моему глубокому убеждению, — пишет И.Х. Баграмян, — из всех армянских генералов того периода Силиков был **наиболее одаренным военачальником** (выделено мною. — Ю.П.). Как и другие генералы и большинство старших офицеров, он, к сожалению, не владел родным языком и не имел достаточно ясного представления о своем народе, его боевых традициях и специфических особенностях личного состава национальной армии. Однако, в отличие от других военных руководителей, генералу Силикову за относительно короткий срок в ходе первых же боев с турками удалось своими разумными и соответствовавшими обстановке решениями и оперативным руководством боевыми действиями войск снизить большой авторитет со стороны офицеров и основной массы солдат подчиненных частей».⁵⁸

Если что и было — кануло, теперь они неразделимы: полковник Даниэлбек Пирумян — «наиболее достойный герой этой битвы», а генерал-майор Мовсес Силиков — «наиболее одаренный военачальник». Неразделимы и другие военно-политические деятели того времени — Товмас Назарбеков, Арам Манукян, Погос-бек Пирумян, все они для нашего народа — национальные герои навечно. И когда в 1998 году я был в Армении на праздновании 80-летия Сардарарапатской битвы и увидел их огромные портреты на площади перед Сардарарапатским мемориалом, сердце мое... Нет, это невозможно выразить словами...

«Какая судьба ожидала Армению и ее население, если бы турки с их методом решения армянского вопроса... установили свое господство в стране?»⁵⁹ — вопрос Г.Г. Корганова — как предостережение. Да, нас могли стереть с лица земли, и это не абстракция, не вымысел, а суровая, беспощадная правда. До рокового исхода оставалось всего ничего, но в последний момент у народа нашлись силы подняться и дать отпор грозному врагу.

⁵⁶ Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 90.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Корганов Г.Г. Указ. соч. С. 151.

Сражения под Сардарапатом, Баш-Абараном и Каракилиссой «доказали туркам, что сила сопротивления Армянского корпуса не была сокрушена и что потребовалось бы еще много времени и усилий, чтобы заставить его сложить оружие»⁶⁰, — считает Г.Г. Корганов.

И турецкое командование оказалось перед выбором: то ли продолжить военные операции против армянских сил, «откладывая на неопределенное время решение главной задачи (Персидский Азербайджан и Баку)... или преследовать главную цель, прикрываясь слабым заслоном от Армянского корпуса, который в этом случае находился бы на фланге турецких коммуникационных путей на Джульфу и Баку...»⁶¹

Выход был найден. «Всего лишь несколько дней спустя после битв, о которых говорилось, Турция внезапно и без всякого предварительного извещения признала независимость Армении и 4 июня подписала с ней мирный договор. Таким путем турки развязали руки на этом театре войны, сохраняя в то же время возможность, попросту не ратифицируя этот договор, вновь повернуть в один благоприятный момент оружие против Армении. Поражение Центральных держав расстроило этот план. **Изолированная от внешнего мира Армения обязана своим спасением только своим собственным силам, тем, кто сражался под Каракилиссой, Баш-Абараном и Сардарапатом** (выделено мною. — Ю.П.)».⁶²

Их слава увековечена в Сардарапатском мемориале. Впервые я увидел его, еще недостроенным, в 1974 году, когда вместе с мамой приехал в Армению. А много лет спустя, осенью 1990 года снова был там и познакомился с одним из авторов мемориала, скульптором Арутюняном. Он рассказал, как все начиналось. В 1966 году районный совет Октемберяна (Сардарапат, давший свое имя битве, исчез из всех современных географических карт в 1952 году, потому что был переименован в город Октемберян, а затем, в 1992 году, кануло в лету и это название, теперь он — Армавир) решил воздвигнуть на месте Сардарапатской битвы памятник. Пригласили архитектора Израэляна и трех скульпторов. Сначала был задуман маленький памятник, но потом, наслушавшись рассказов еще живых очевидцев и поговорив с главным на то время специалистом по истории битвы — писателем А.Г. Туршяном, они поняли, что это должен быть целый мемориальный ансамбль, величественный и монументальный.

Прямо на месте командного пункта — как раз была обнаружена карта со схемой фортификационных сооружений — развернулась большая стройка. Жители со всей округи помогали, кто чем мог: приносили деньги, таскали камни, разгребали мусор, сажали деревья.

Когда выяснилось, что в день битвы звонили колокола, оповещая народ об опасности, над братской могилой соорудили усыпальницу-колокольню,

⁶⁰ Там же. С. 150.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 151.

а по бокам установили скульптуры крылатых быков — хранителей входа. Вдоль аллеи поставили грозных орлов, символизирующих храбрых героев битвы, которые и теперь стоят на страже настоящего и будущего.

В главном зале музея висит большая картина: на белом коне, в белом же плаще с развевающимся красным подкладом — мой дед, сильный, решительный, молодой еще и... не лысый. По замыслу художника — так он гораздо красивее, чем в жизни. Я на него здесь совсем не похож...

Сардарапатская победа в судьбе армянского народа — событие исключительное, непреходящего значения. В резюме к статье «Сардарапатское сражение. Восприятие исторического факта во временном разрезе» автор — кандидат философских наук, доцент С.Г. Арутюнян пишет, что «триединство Аварайр — Сардарапат — Шуши воспринимается как символ победы армянского народа в его борьбе за существование». Но «значение Аварайрской битвы в истории осмыслено, и сформировалась определенная традиция (ежегодные народные празднества и церковные праздники), выполнявшая своеобразную воспитательную функцию», чего не скажешь о Сардарапате. «В этом смысле Сардарапат не имеет своей традиции, хотя и ежегодно всенародно отмечается годовщина Сардарапатской победы».⁶³

В чем причина такого восприятия? Она «кроется в «темных страницах» истории, **особенно в отношении к ее героям** (выделено мною. — Ю.П.), — считает автор. — После советизации Армении на протяжении полувека эта славная страница истории армянского народа была предана забвению, а многие из ее героев подверглись репрессиям...»⁶⁴

Потому-то в наши дни так востребована правда «о мужестве организаторов сражения, сумевших в тех исключительно тяжелых условиях сплотить все способные к борьбе силы и обеспечить армянскому оружию победу...»⁶⁵ До Сардарапатского сражения, по мнению Арутюняна, «трезвая оценка обстановки позволяла рассчитывать лишь на военное сопротивление, но никак не на победу. Однако произошло «чудо» — была одержана победа. Именно в этом «чуде» кроется первопричина диаметрального различия в существующих восприятиях и оценках. Победа со всей очевидностью показала, что на поле битвы решающее значение имеют как военное искусство, так и боевой дух, необычайные, неосознанные переживания и порывы, то есть все то, что лежит вне познавательных способностей человека. И начало этому положило обращение католикоса Геворга V к войскам и всему народу. Затем последовали обращения Арама Манукяна, Товмаса Назарбекяна и командующего Ереванской группой войск генерал-майора Мовсеса Силикяна. Воодушевление охватило всех: от простого крестьянина до солдата и командира. Вдохновленные всенародной поддержкой

⁶³ Армянская армия. 1998. № 2 (16). С. 45.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

армянские войска и их командование в Сардарапате с 22 по 28 мая вели борьбу не на жизнь, а на смерть — и победили...

...После отступления противника по всему фронту генерал Силикян при участии начальника штаба Ереванской группы войск, полковника Векиляна (Векилова) разрабатывает план освобождения Александрополя. Однако он не был осуществлен, так как процесс его реализации в самом начале был приостановлен приказом главнокомандующего армянскими войсками генерал-лейтенанта Назарбекияна. Приказ Назарбекияна вызвал сильное недовольство как в войсках, так и в народе и привел к деморализации войск. Вопрос о том, кто из них был прав, и по сей день является предметом военно-научных дискуссий...»⁶⁶

В памяти мгновенно всплывают строки из произведений А.Г. Туршяна и Б.А. Улубабяна, где сказано, что мой дед рвался преследовать противника и гнать его, пока он не опомнился, до самой границы, а может быть, и дальше, но, увы, высшее командование распорядилось иначе.

Наверное, именно из-за таких вот высказываний, рефлексирующих по поводу упущенных возможностей, С.Г. Арутюнян и увещевает терпеливо, что, мол, со скоропалительными выводами спешить не надо — тут объективность в ретроспективе важна: «...Необходимо учесть тот факт, что в результате подписания после Сардарапатской победы Батумского договора в Армении создалось тяжелое положение. Отсюда и известное противопоставление мужества войск на поле битвы и «бездарной дипломатии». Сам Товмас Назарбекиян заслужил оценку нерешительного военного деятеля, послушного политическому руководству. Однако анализ боевых рапортов, донесений и дневниковых записей штаба Армянского корпуса показывает, что в действительности не было достаточных оснований для оптимизма. Назарбекиян располагал информацией, которая была недоступна Силикяну и военно-политическому руководству в Ереване. Здесь не имели четкого представления о политических переменах, происшедших в Закавказье, в частности, о том, что 26 мая Закавказский Сейм распался в результате провозглашения Грузией своей независимости. Армяне остались в одиночестве...

...обстановка на ТВД (театре военных действий. — Ю.П.) к этому времени складывалась не в пользу армян, поскольку турки получили подкрепление, тем самым доведя численность своих войск на линии Сардарapat — Баш — Апаран до 35 тысяч человек, тогда как у армян здесь было всего 12 тысяч человек (полное совпадение с данными Г.Г. Корганова! — Ю.П.). Крайне неудовлетворительным было и снабжение армянских войск боеприпасами...»⁶⁷

⁶⁶ Там же. С. 45, 46.

⁶⁷ Там же. С. 46.

Так что, как выясняется, приказ генерала Назарбекова о прекращении боевых действий связан, в первую очередь, с подписанием Батумского договора, который турки согласились заключить без проволочек, об этом же писал и Г.Г. Корганов. И хотя победа под Сардарапато́м, по утверждению С.Г. Арутюняна, «не оказала решающего влияния на исход переговоров в Батуми, однако в существенной степени заставила турок «смягчить» свои чрезмерные требования». Благодаря ей **«под Сардарапато́м была закрыта дорога туркам на Ереван и в Араратскую долину, и тем самым население этих районов было спасено от массовой резни** (выделено мною. — Ю.П.). Героическое сражение под Сардарапато́м преподало духовно-моральный урок. Оно доказало, что в момент опасности, даже в кажущихся безвыходными ситуациях, армянская нация может найти спасительный для себя выход, если обладает единой волей. В этом сражении армяне показали себя нацией высокого духа, сплоченной единой волей. Их вело к победе **созвездие ярких личностей, преданных своему делу талантливых военачальников** (выделено мною. — Ю.П.)...»⁶⁸

Участник Сардарапато́мской битвы — офицер 5-го полка под командованием Погос-бека Пирумяна Г.Г. Яблоков в письме Ж. Каялову настаивает на прагматичном подходе при оценке ее значения:

«Описание, мне кажется, должно быть абсолютно объективным — иначе оно будет иметь цену пропагандного (так в тексте. — Ю.П.) характера, не больше, т.е. цену, с исторической точки зрения, весьма ограниченную.

Прежде всего, каково значение боя? Как это не неприятно мне, я признаю, что значение Сардарабато́мской армянской победы на ход — и на исход — войны было очень невелико. Она лишь задержала на один или два месяца турецкую оффанзиву (от фр. «effensive» — наступление. — Ю.П.) на Баку. Я не имею данных, чтобы оценить, на сколько времени задержало турок сопротивление — вполне неудачное — разрозненных армянских частей с момента, когда русские войска бросили фронт, — и до взятия турками Александропо́ля, ни сколько времени у них отняла геройская защита армянами подступов к Баку, но я думаю — много больше. Сардарабато́мский бой — это лишь эпизод, не заслуживающий большого внимания.

Но, с точки зрения истории армянского народа, значение Сардарабато́мского боя огромно. Во-первых, это первая — мне кажется, и единственная — победа армянской армии над турками. Конечно, не все турецкие части, принимавшие участие в этом бою, принадлежали к разряду отборных, но это не умаляло нисколько ценность этой первой и, увы, последней победы армянской армии над турецкой. Во-вторых, Сардарабато́мский бой спас существование Армянской Республики. Каковы бы ни были условия заключения мира затем — даже если этот мир был, с точки зрения турецких дипломатов, только перемирием — мир этот дал Армении

⁶⁸ Там же.

признание официальное, и кем — ее вечным врагом. И, в конце концов, Сардарабадский бой мог служить в 20-х годах неоспоримым доказательством живучести армянского народа...»⁶⁹

Что влияние Сардарапатской победы на исход войны было невелико, я и с Арутюняном, и с Яблоковым, и со всеми другими, кто так думает и кого не знаю, полностью солидарен. Собственно, и Корганов считал, что эта победа не оказала решающего влияния на переговоры в Батуми. Но что Сардарапатская битва — лишь эпизод, не заслуживающий большого внимания, тут я категорически против утверждения Яблокова. Зачем умалять заслуги нации? И что это за манера — уничтожаться и заниматься самобичеванием — к тому же у человека, который сам же и проливал кровь в боях за родину?! Иными словами: мы сегодня выше вчерашней правды? Опять же, разве не из сонма разновеликих эпизодов и состоит вся наша жизнь? И какой из них нам менее дорог?

Но в письме Яблокова есть описание одной прелюбопытной истории. «Позволю себе рассказать, — пишет он, — малоизвестный эпизод, связанный с этим боем. Вскоре после отступления турок с Сардарабадских высот (жаль, что Яблоков не указывает, какого числа это произошло. — Ю.П.), 3 или 4 офицера были вызваны в специальный поезд начальника всего отряда ген. Силикова (после фамилии генерала в оригинале письма в скобках стоит знак вопроса, как будто автор сомневается то ли в должности, то ли в звании Силикова. — Ю.П.). Я был в числе вызванных, т.к. считался одним из офицеров, близко стоявших к солдатской массе. Нас принял полковник Генерального штаба Векилов и изложил нам план наступления всеми силами отряда не на Александрополь — который мы взять все равно не могли бы, — а к западу от этого города, на пути сообщения турецкой армии, действовавшей где-то в районе Кара-килисы. План был очень интересен и в случае успеха мог бы повлиять на весь ход — и даже, может быть, на исход — всей кампании. Но он также был и очень рискованным. Ни один из нас, офицеров-фронтовиков, не счел возможным оставить Эривань без солидного прикрытия. План полковника Векилова приведен в исполнение не был, и Сардарабадская армянская победа осталась победой лишь локального значения...»⁷⁰

О плане Векилова, а значит, и Силикова идти на Александрополь слышаны многие. Знал о нем и Туршян («Сардарабадский герой»): «Генерал Силиков готовился в поход на Александрополь. Полновластный хозяин действующей армии Даниэл-бек Пирумян намеревался оставить Александрополь в стороне и двинуться через Ахурян на Карс. Он смог бы это. Но весть о Батумском перемирии... словно водой ледяной окатила Ереванский гарнизон».⁷¹

⁶⁹ Каялов Ж. Указ. соч. Приложение J.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Туршян А.Г. Сардарабадский герой. С. 167 — 182.

И даже уверял, что «Даниэл-бек был против перемирия, утверждая, что турки ослабели настолько, что их сейчас легко вышвырнуть из страны и что только дипломатические трюки Энвер-паши позволяют создать в Батуми впечатление победившего повелителя».⁷²

Но заключение, к которому пришел С.Г. Арутюнян, — что для этого «в действительности не было достаточных оснований...»⁷³, на мой взгляд, верно, недаром его косвенно проецирует и Г.Г. Яблоков, может, даже не сознавая этого: «...всем известно, конечно, что мы турок после победы не преследовали. Каково было общее положение и могли ли мы их преследовать, я судить не могу... это показания участника боев и очевидца. Чего они стоят — судить не мне...»⁷⁴

Время, говорят, все и вся перемалывает, расставляет по своим местам. К оценкам значения Сардарapatской битвы, которые были даны профессиональными военными, философами и историками, в конце концов, прибавились и голоса профессиональных политиков. Роберт Кочарян, занимавший в недавнем прошлом высший пост в Республике Армения, и ее следующий президент — Серж Саргсян — с разницей в десять лет обращались к своему народу с торжественной речью: один — в честь юбилея Сардарapatской битвы в 1998 году, другой — в 2008-м. Я слышал по местному радио и того, и другого: оба раза мы с женой были приглашены на этот праздник. Номера газет, в которых были опубликованы речи президентов, хранятся теперь в моем архиве.

Роберт Кочарян сказал: «Республика Армения родилась в огне войны. В те же дни одновременно с государством родилась и Армянская армия. На Сардарapatском, Баш-Апаранском и Каракилиссском фронтах армяне впервые выставили против врага не группы фидаинов или отряды самообороны, а регулярную армию и ополчение под командованием Даниэл-бека Пирумова — в Сардарапате, Драстамата Канаяна — в Баш-Апаране, под общим руководством полководца Мовсеса Силикова. Это была уже армия, обладающая высоким боевым духом, ведущая войну в условиях общенародной поддержки. Секрет кажущихся невероятными побед кроется и в этом. 28 мая доказало, что армянский народ обладает гигантским моральным потенциалом и может с честью выйти даже из самых тяжелых испытаний... Именно дух Сардарапата после десятилетий молчания вспыхнул в Арцахе, Армении и повсюду в мире, где были армяне... Мы должны быть хорошо организованы государственно, иметь сильную государственную структуру... Истинную картину взаимоотношений государства и общества отражает в первую очередь армия. Только она, обладающая высоким боевым духом, крепкой дисциплиной, окруженная заботой государства и любовью соотечественников, может гарантировать безопасность и не-

⁷² Турция А.Г. Героическое сражение под Сардарабатом. Глава 5.

⁷³ Арутюнян С.Г. Указ. соч. С. 46.

⁷⁴ Каялов Ж. Указ. соч. Приложение J.

зависимость армянского народа. **Героические битвы Сардарапата и Арцаха показали, что мы буквально вынуждены иметь сильную армию, без которой в нашем сложном нестабильном регионе будет нарушен баланс сил...** (выделено мною. — Ю.П.).⁷⁵

Он уделил такое внимание армии в своей речи не случайно. За четыре года до этого, в 1994 году, закончились бои за независимость Арцаха, и эти события всколыхнули и консолидировали тогда все армянское общество. До внутренней политической поляризации и конфронтации еще не дошло, и поэтому призыв Кочаряна — **«К о н с о л и д и р о в а т ь с я!** (разрядка в газете. — Ю.П.). **Ставить интересы родины превыше личных, групповых и партийных интересов! Вот самый важный урок Сардарапата** (выделено мною. — Ю.П.)...»⁷⁶ — прозвучал, казалось бы, очень своевременно.

Но десять лет спустя следующий президент республики — Серж Саргсян — в своем поздравлении уже не упоминал конкретных имен и не говорил об армии как об институте государства, зато сказал обо всех героях Сардарапата главное:

«Сегодня каждый из нас, будь то на Родине или в диаспоре, помнит тех армянских сынов, которые победили имевшего военное превосходство врага и даровали нашему народу долгожданную независимость, своей храбростью вновь зафиксировали на политической карте мира имя Армении.

Независимость никогда не дается легко, победы не падают сверху, как небесный дар. Народы их заслуживают ценой великих жертв, когда требование независимости и свободы поднимает их на борьбу не на жизнь, а на смерть... (выделено в тексте. — Ю.П.).⁷⁷

А потом перечислил «три вечно актуальных урока истории»:

«Первый — важность национального единства. Рожденная девять десятилетий назад, наша государственность была результатом единой национальной воли...

Второй — осознание незаменяемости государственности. Нет ни одной такой структуры, которая могла бы нам заменить государство, никакой идеологии, которая была бы выше государственного интереса...

Третий — уверенность в том, что собственными силами мы преодолеем вызовы. Никто вместо нас не может нас защитить, развить нашу экономику. Укрепить демократию и превратить Армению в передовое государство. Все это должны сделать мы сами...»⁷⁸

Жаль, что герои Сардарапата, Баш-Апарана и Караклиса не могли услышать этих слов, но, может быть, как раз благодаря тому, что они поставили интересы родины превыше личных, групповых и партий-

⁷⁵ Республика Армения. 1998. 29 мая.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Республика Армения. 2008. 30 мая.

⁷⁸ Там же.

ных, и смогли родиться и эти слова, и эта республика. О которой историк Константин Захарян в статье «Путь к государственности» написал: «Маленьким светлячком на карте мира появилась крохотная Республика Армения, колыбель поднимающейся нации — нации, которая с оружием в руках, полагаясь только на свои силы, впервые за много лет перестала терпеть поражения и вместе с правом на жизнь отвоевала право на суверенную родину».⁷⁹

⁷⁹ Литературная Армения. 1991. № 4. С. 94.

Глава 9

В НЕЗАВИСИМОЙ АРМЕНИИ

*Суверенность страны —
это не только государственные
атрибуты и структуры,
но и независимость умов граждан,
их чувство ответственности
за свободу родины и воля к победе.*

Рубен Заргарян,
советник министра иностранных дел
Нагорно-Карабахской Республики

Батумский мирный договор, заключенный 4 июня 1918 года, де-юре ознаменовал конец войны и предоставил независимой Армении необходимую передышку. Но даже беглый анализ этого договора указывает на то, что Турция, интерпретируя в выгодном свете 4-ю статью, могла, когда ей вздумается, использовать любой предлог, чтобы ввести на территорию Армении свои вооруженные силы, якобы, во имя «обеспечения порядка и спокойствия». Да одно только право турок — иметь собственных военных комиссаров для наблюдения за беспрепятственным передвижением своих войск по дорогам Армении — и то ставило под сомнение подлинность независимости страны.

Отныне территория Армении ограничивалась лишь частью Эриванской губернии да несколькими сопредельными районами общей площадью до 12 тысяч квадратных километров. Все важнейшие города, кроме Еревана, остались в руках у турок. Как и самый большой в то время город — Александрополь, в котором Даниэл-бек прослужил почти 30 лет, познакомился со своей будущей женой и где у них родились дети. А теперь там хозяйничал коварный враг, который в последние дни перед подписанием мирного договора все еще пытался силой улучшить стратегическое положение своих войск на различных участках. Так, частям Сардарпатского отряда под командованием Даниэл-бека 1 июня к югу от Александрополя у селения Мастара турки навязали бой, заставив к 17 часам армян развернуться на фронте Нижний Талин — Карабурунские высоты с целью остановки турецкого наступления, что и было выполнено.

На следующий день было заключено перемирие, вступившее в силу с 12 часов, по которому «...Сардарapatский отряд должен был занять линию деревни Эчняк — станция Карабурун...»¹

Но за день до подписания Батумского мирного договора турки утром 3 июня силами двух рот и двух эскадронов заняли ту самую деревню Эчняк (на русской карте 1903 года, которой я руководствуюсь при поиске населенных пунктов, упомянутых в документах, — Эшняк), находящуюся приблизительно в 50 километрах северо-западнее Еревана на линии, огороженной перемирием. Характер Даниэл-бека проявился незамедлительно: в качестве начальника Сардарapatского отряда он тотчас же предъявил ультимативное требование турецкому командованию очистить деревню Эшняк как занятую после прекращения военных действий и установить демаркационную линию, проходящую между разъездом Богутлу и Нижним Талином, с одной стороны, и станцией Карабурун и деревней Эшняк, с другой. Первый раз я прочитал об этом эпизоде в отрывке из записки М.Б. Силикова о делах Эриванского отряда, но в ней не было слов об ультимативном характере требования Даниэл-бека. Сказано было только, что он «потребовал немедленного очищения этого селения как занятого после прекращения военных действий», а вот в описании действий Армянского отдельного корпуса я уже нашел упоминание об «ультимативном требовании». Даниэл-бек предъявил его, несмотря на то что турки в стратегическом плане оставались хозяевами положения.

Судя по этому документу, он в тот же день вступил в командование 1-й Армянской стрелковой дивизией. Напомню, что по планам формирования Армянского корпуса этой дивизией (1-й — 4-й полки и 1-я артиллерийская бригада) должен был командовать бригадный генерал Арешев, а 2-й дивизией (5-й — 8-й полки и 2-я артиллерийская бригада) — бригадный генерал Силиков. В составе 2-й стрелковой дивизии числилась бригада под командованием Даниэл-бека (о том, что он является командиром бригады 2-й стрелковой дивизии, Даниэл-бек упоминает сам в рапорте с ходатайством о присвоении Погос-беку Пирумяну генеральского звания).

Деление Армянского корпуса на такие крупные части, как бригады и дивизии, с самого начала представлялось мне весьма условным, не имеющим связи с реальным положением дел. Ведь формирование Армянской армии шло в условиях острейшего дефицита людских ресурсов и времени, и поэтому практически во всех приводимых мною документах весны — начала лета 1918 года мы встречаемся в основном с полками и отрядами, а не с бригадами и дивизиями.

Наверное, реально оценивая ситуацию со структурой армянской армии, Даниэл-бек уже в качестве начальника 1-й Армянской стрелковой

¹ Корганов Г.Г. Участие армян в Мировой войне на Кавказском фронте (1914 – 1918). М.: МАКС Пресс, 2011. С. 148.

дивизии доносит высшему командованию о состоянии полков в дивизии и указывает, что «полезнее было бы считать дивизию уже расформированной, а вместо нее сформировать хотя бы один по-настоящему боеспособный полк». Не знаю, как отреагировало высшее командование на это его предложение, как и не знаю, занимает ли Даниэл-бек на начало июня должность заместителя начальника Ереванского гарнизона (или, по-другому, заместителя начальника Эриванской группы войск). Но пока Даниэл-бек продолжает выполнять свои обязанности начальника Сардарapatского отряда, все еще подвергающегося, несмотря на подписанный в Батуми мир, турецким нападением.

Например, в 9 часов утра 7 июня «...Сардарapatский отряд был неожиданно атакован, и его передовым частям пришлось отступить назад».²

Обязанности начальника Сардарapatского отряда Даниэл-бек выполняет, по крайней мере, до 22 июня 1918 года, что видно из письма Корпусного Ветеринарного врача В. Вартапяна, который в этот день назначает в отряд через Ветеринарного инспектора Эриванской губернии «одного ветеринарного врача».

Получается, что в таком совместительстве — командира 1-й стрелковой дивизии и начальника Сардарapatского отряда — и застали Даниэл-бека важные события, произошедшие в июне 1918 года.

Спустя две недели после подписания Батумского мирного договора представителям армянских политических партий и группировок удается договориться в Тифлисе о составе правительства страны. Его возглавил видный деятель партии «Дашнакцутюн» Ованес Качазнуни (Игитханян) — один из подписантов этого договора от имени Республики Армения.

Как воспринял Даниэл-бек эту новость? Думаю, как и всякий кадровый военный, оставшийся на службе, то есть лояльно, но политически — скорее нейтрально. Предположение А. Шнеура, высказанное им в журнале «Согласие», о том, что Даниэл-бек и Силиков «принадлежали к революционной партии» (надо понимать, к партии «Дашнакцутюн», официальное название которой «Армянская Революционная Федерация «Дашнакцутюн». — Ю.П.), Ж. Каялов считал ошибочным.

Скорее всего, Ж. Каялов был прав. У меня не сохранилось никаких данных, свидетельствующих о каких-то явных симпатиях Даниэл-бека по отношению к деятелям ведущей партии страны. Правда, долгие годы на прикроватной тумбочке у Тюси вместе с книгами по Армении и фотографиями Эрзинджана лежали также еще две фотографии. На одной карточке (фирма «Ю. Мебиус», Москва) был изображен по пояс бородатый молодой человек, застегнутый, на мой взгляд, в мундир студента. На второй фотографии (фирма придворного фотографа Г.В. Трунова, Москва) этот же молодой человек почти в таком же мундире стоял рядом с более

² Там же. С. 149.

зрелым усатым мужчиной, одетым в штатский костюм с бабочкой. Второй господин был изображен сидя. Тюся говорила мне, что фотографии ей достались от Даниэл-бека, но кто изображен на них, она, к сожалению, не знала, а на обороте фотографий никаких надписей не было.

Я всегда считал, что на этих фотографиях изображены какие-то армянские общественно-политические деятели и еще в 1990-е годы пытался спросить у некоторых моих знакомых в Москве — членов партии «Дашнакцутюн», кто же эти двое. В прозвучавшем ответе были упомянуты фамилии каких-то деятелей этой партии, но каких именно, я тогда не запомнил, я не думал, что мне пригодится эта информация, и лишь в 2011 году вернулся к проблеме идентификации фотографий. Но дело оказалось не из простых. Связи со знакомыми 1990-х годов оборвались, и, в конце концов, Арсен Мелик-Шахназаров посоветовал мне обратиться к президенту организации «Русско-армянского содружества» и представителю партии «Дашнакцутюн» в России Юрию Навояну.

Через некоторое время г-н Навоян сообщил мне, что по его предположению, подкрепленному консультациями с коллегами, молодой человек с бородой — это Симон Заварян, один из основателей партии «Дашнакцутюн». Относительно же мужчины с усами он сам и никто из его окружения ничего определенного сказать не могли.

В результате я тоже ничего определенного по вопросу отношения Даниэл-бека к «революционной партии» сказать не могу. Если оба деятеля этой организации подарили свои фотографии лично Даниэл-беку, то на обратной стороне карточек, как это обычно принято, была бы какая-то памятная надпись. А если фотографии попали к Даниэл-беку опосредованным путем, но он их хранил, значит, возможно, какие-то программные установки партии и образованного ею 24 июля 1918 года правительства разделял.

В оглашенный в этот день от имени Армянского национального совета состав первого правительства независимой Армении, помимо министра-председателя Ованеса Качазнуни, вошли: министр иностранных дел Александр Хатисян, видный деятель партии «Дашнакцутюн»; министр внутренних дел Арам Манукян, популярный политический деятель, вдохновитель и организатор отпора турецким войскам в мае 1918 года силами жителей Еревана; военный министр Ованес Ахвердян, генерал бывшей русской Кавказской армии; и министр финансов Хачатур Карчикян. Должность министра юстиции была объявлена вакантной, а его обязанности временно возложены на Хачатура Карчикяна.

Но быстро сформировать правительство — это одно, а провести всеобщие выборы в законодательный орган — совсем другое. Условий еще таких в стране не было, поэтому парламент был образован из того представительного контингента, который уже существовал. И 46 человек, пре-

имущественно членов Тифлисского и Ереванского национальных советов, приступили к работе 1 августа 1918 года. Национально-политический состав первого парламента был весьма пестр и отражал своеобразие момента. Более трети мест (18) заняли дашнакцаканы, шесть — социал-демократы, также по шесть мест принадлежало эсерам, народникам и мусульманам, русские и езиды (курдская этноконфессиональная группа) были представлены только по одному депутату и, наконец, два человека были вообще беспартийными.

Тяжелое им досталось наследство: десятки населенных пунктов были разорены, а то и вовсе сожжены, поля брошены необработанными, продовольствия не хватало, транспорт бездействовал, немногочисленные предприятия и те встали из-за отсутствия сырья.

А в и без того нищую страну со всех сторон хлынул поток беженцев. Ереван, в мирное время насчитывавший не более 30 тысяч жителей, внезапно переполнился людьми. Одних бездомных оказалось около 40 тысяч, они ночевали прямо на улицах, благо стояло лето. В провинции было не легче. Невероятная скученность людей, неизбежная антисанитария и отсутствие налаженной системы здравоохранения в сочетании с временной неупорядоченностью государственного аппарата грозили захлестнуть страну гуманитарной катастрофой.

В таких условиях руководству страны не до сложных внешнеполитических проблем. Его главные помыслы оказались направленными, по разному выражению А.И. Солженицына, на «сбережение народа», а точнее — на физическое сохранение оставшихся в живых. Но, занявшись вплотную этой первоочередной задачей, правительство все же не упускало из виду и другую задачу — освобождение территорий, оккупированных турками. Ради этого на переговоры в Константинополь даже отправилась целая делегация: А. Хатисян, А. Агаронян и М. Папанджян. Перспективы представлялись неплохими. Военный успех явно клонился на сторону Антанты. На западном европейском фронте 8 августа 1918 года английские и французские войска начали успешное наступление под Амьеном. И хотя в масштабах отвоеванной территории и по количеству захваченных пленных оно особо не впечатляло, его воздействие на общую ситуацию оказалось решающим. Этот день, по мнению Людендорфа, стал «черным днем» для немецкой армии, лишив Германию шансов на окончательную победу. Так что эхо наметившегося перелома рано или поздно должно было докатиться и до Армении.

Вот только откладывать решение проблем с Армянской армией было рискованно. Ведь ей предстояло стать гарантом безопасности молодого государства, отсюда и новые совершенно необходимые требования к ней: упорядоченность устройства, четкая организация, подбор профессионально подготовленных людей для работы во всех звеньях военного аппарата.

Отчасти эта задача облегчалась за счет русских офицеров, оставшихся служить в Армянском корпусе, поэтому в военных документах Первой республики так много русских фамилий. Их носители внесли неоценимый вклад в дело защиты нашего народа, и мы должны им за это быть благодарны.

К чести членов правительства и военного руководства Первой республики, они не сидели сложа руки, ожидая победных известий с фронтов мировой войны, а продолжили работу по формированию национальной армии, начатую еще в январе 1918 года, замедлившуюся из-за турецкого вероломного нападения и потому неоконченную, и передышка, которую принес Батумский мирный договор, тут подвернулась кстати.

Не знаю, как долго проходил Даниэл-бек в командирах 1-й Армянской стрелковой дивизии, думаю, что это назначение было промежуточным, связанным со слишком оптимистическими взглядами на планировавшуюся общую численность армянского корпуса. А когда выяснилось, что вместо двух-трех дивизий можно сформировать только одну — все встало на свои места: генерал Силиков был назначен командиром этой дивизии и, уже в качестве такового, издал 9 августа 1918 года приказ № 3, в котором все подразделения дивизии получили своих начальников.³ В «шапке» приказа говорилось: «В дополнение приказа отдельному Армянскому корпусу от 26 июля 1918 года за № 99. Допускаю к исполнению должностей в формируемой Армянской дивизии с 9 сего августа: ... Командующего 1-й бригадой полковника Даниэл-бек Пирумова...» Судя по следующей строке приказа, Силиков «допускал» Даниэл-бека и «к исполнению должности командующего 1-м полком». Перечню «допускаемых к исполнению» был посвящен весь первый параграф приказа № 3. А вот второй параграф этого приказа поверг меня в некоторое недоумение. В его «шапке» было сказано: «Во изменение п. 4 § 2 приказа по 2-й Армянской стрелковой дивизии от 30 июля за № 42 руководство по формированию указанных в § 1 сего приказа частей возлагаю: ... 1, 2 и 3 пехотных полков **на вр. командующего 1-й бригадой полковника Пирумова Даниэл-бека** (выделено мною. — Ю.Л.)».

Так и хочется спросить: так кто же он, постоянный или временный командир, и командир чего: отряда, полка, бригады, дивизии?

И в качестве кого должен выполнять Даниэл-бек важное задание командира дивизии и одновременно начальника Эриванского отряда и Эриванской группы войск генерала Силикова согласно приказу № 44 от 10 августа 1918 года по Эриванскому отряду: «В связи с переформированием частей корпуса в Армянскую дивизию приказываю войскам отряда прикрыть государственную границу и подготовить к упорной обороне подступы к г. Эривани»? Для чего Даниэл-беку на Эчмиадзинском участке поставлена следующая задача: «Выставить наблюдение за демаркаци-

³ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 42, л. 15.

онной линией от вершины Алагеза (Арагаца. — *Ю.П.*) до правого берега р. Занги (Раздана. — *Ю.П.*). Подготовить в кратчайший срок и укрепить позицию на правом берегу р. Занги, прикрывать подступы к гор. Эривани. Поддерживать прочную связь с Баш-Абаранским участком, для чего выделить особый заслон в районе Аштарака».⁴

Для выполнения этой задачи Даниэл-беку выделили три батальона переформируемого 2-го Армянского полка, один эскадрон Армянского сводного конного полка, четыре орудия 5-й и два орудия 3-й горных батарей Армянской артиллерийской бригады.

Эриванский отряд еще существует, а вот о Сардарapatском, которым в том числе командует Даниэл-бек и которому, казалось бы, и надо было поручить защиту Эчмиадзинского участка, речь уже не идет. Впечатление такое, что все выделенные для его защиты подразделения должны войти в создаваемый (или уже созданный) Эчмиадзинский отряд, командовать которым назначен Даниэл-бек. Сознавая важность Эчмиадзинского направления, этот отряд на высоком правительственном уровне решено было укрепить милиционерами Эчмиадзинского уезда.

Вот тексты двух телеграмм, посвященных этому вопросу.

«Уездному комиссару. Копия: полковнику Пирумову. По соглашению с Заведующим военными делами Арамом (наверное, описка, связанная с прошлой деятельностью Арама Манукяна, который с образованием первого правительства независимой Армении 24 июля 1918 года занял пост министра внутренних дел. — *Ю.П.*), предлагаю Вам всех милиционеров до 32 лет откомандировать в распоряжение Начальника Эчмиадзинского отряда. Немедленно озаботьтесь замещением мест уходящих в войска милиционеров новыми лицами и постепенно реквизируйте у уходящих милиционеров лошадей. Начальник милиции должен быть оставлен на месте. Заведующий Министерством Внутренних дел».⁵

Получив копию этого «предложения», Даниэл-бек тут же принялся действовать. В архиве сохранились сведения о двух телеграммах — № 1998 и № 2006, правда, непонятно от кого, в которых военному командованию было обо всем подробно доложено. А в дополнение к ним была прислана третья (номер и дата на ней отсутствуют, но предположительно она отправлена в середине августа, во всяком случае, после 10 августа): «...сообщаю, что Начальник Эчмиадзинского отряда полковник Пирумов сделал распоряжение, чтобы все милиционеры Эчмиадзинского уезда с начальником милиции в конном походном порядке явились к нему на смотр, и приказал Начальнику милиции составить список всех милиционеров

⁴ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 43, л. 28 с об.

⁵ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 500, л. 18.

призывного возраста и представить ему для зачисления в войска. Милиционеры эти освобождены от призыва в войска еще в 1917 году».⁶

Как же нуждалась Армянская армия в людях, если руководство страны шло на пополнение войск даже за счет милицейских формирований, рискуя частично или полностью потерять в отдельных местностях контроль за внутренним положением!

С чем только не приходилось справляться Даниэл-беку в эти летние месяцы. Он отвечал и за формирование полков, и за охрану столицы, даже дивизию инспектировал. В приказе № 12 от 21 августа 1918 года по Армянской дивизии за подписью М.Б. Силикова сказано: «Командующему 1-й бригадой вверенной мне дивизии полковнику ПИРУМОВУ приказываю произвести инспекторский осмотр всем частям дивизии. О результате осмотра представить мне подробный доклад».⁷

Случалось Даниэл-беку выступать и в роли примиряющего арбитра. Как бывший член полкового суда он имел некоторый опыт, но теперь надо было разбираться не с проступками сослуживцев, а в татаро-армянских междоусобицах. Как правило, зачинщиками смут и грабежей были татары, а армяне обычно нападали лишь в ответ, но бывало, что и среди армян находились мародеры. Похоже, именно это и произошло 12 сентября 1918 года, когда Даниэл-бек получил от генерала Силикова телеграмму с требованием принять необходимые меры:

«Полковнику Пирумову. Глава из езидов Джангир-ага через полковника Корганова сообщил, что виновниками всех событий в Уляшик и Каракала являются армяне и езиды, организовавшие разбойничьи шайки. Остановите боевые действия, произведите строгое дознание, разоружьте и арестуйте виновных в нападении на татарские селения».⁸

Количество совмещаемых Даниэл-беком должностей часто увеличивалось, обязанности усложнялись, а звание оставалось прежним. По-видимому, военное руководство заметило, наконец, это несоответствие и решило произвести полковника Даниэл-бека в генерал-майоры. Я узнал об этом из приказа № 21 по Армянской дивизии от 20 сентября 1918 года. В нем были объявлены копии предыдущих приказов по Военному Ведомству Республики Армения, подписанные Военным министром генерал-майором Ахвердовым, в том числе копия приказа № 32 (§ 8) от 7 сентября 1918 года: «Тем же приказом от 15 июля с.г. за № 2 производятся: 1) Командующий Бригадой 2-й Армянской стрелковой дивизии полковник Пирумюв — в генерал-майоры, за отличия по службе, со старшинством с 1-го декабря 1917 года».⁹

⁶ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 500, л. 21 с об.

⁷ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 42, л. 37.

⁸ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 15, л. 169.

⁹ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 42, л. 70.

Анализируя приказ № 21 от 20 сентября 1918 года, можно прийти к выводу, что документ о производстве Даниэл-бека в чин генерал-майора был составлен еще 15 июля 1918 года, но не был утвержден высшим военным начальством тогда же. Ведь правительство Республики Армения образовалось только 24 июля 1918 года, и, следовательно, до этого времени поста военного министра еще не существовало, и правила производства офицеров пока не были выработаны.

Так я считал, пока не обнаружил приказ Правительства Республики Армения по Военному Ведомству (№ 3 от 31 марта 1919 года) «о чинах военных» с таким замысловатым текстом:

«Утверждаются: производства в чины офицерских и классных чинов и старшинство в чинах, объявленные в приказах Главнокомандующего войсками бывшего Кавказского фронта и проведенные через Подотдел Особого отдела штаба Закавказского фронта». И далее в приказе: «За отличие по службе со старшинством: По пехоте: из полковников в генерал-майоры: Командующий бригадой 2-ой Армянской стрелковой дивизии Даниэл-бек Пирумов с 1 декабря 1917 г. (приказ Главнокомандующего войсками бывшего Кавказского фронта, 1918 года. № 2)».¹⁰

В этом же приказе № 3 от 31 марта 1919 года после записи о производстве некоторых других офицеров можно прочитать следующее:

«Утверждаются: установление старшинства в настоящих чинах на основании приказа по Военному Ведомству 1917 года № 296. По пехоте: Командующему бригадой 2-ой Армянской стрелковой дивизии, полковнику Даниэл-беку Пирумову с 26 июля 1911 г. (приказ Главнокомандующего войсками бывшего Кавказского фронта 1918 года, № 1)».

Документ был подписан на самом высоком уровне: Председателем Правительства Республики Армения А. Хатисяном и Военным министром. Получалось, что только с 31 марта 1919 года Даниэл-бек мог считать себя окончательно утвержденным в новом чине.

Но вот местная власть, всегда хорошо осведомленная о переменах в начальствующих сферах, еще до объявления приказа № 21 от 20 сентября 1918 года уже, видимо, считала Даниэл-бека генерал-майором.

Наверное, поэтому комиссар Вагаршапатского района, он же полицмейстер, подписывает 3 сентября 1918 года от имени Даниэл-бека документ следующего содержания:

«Приказом генерала ПИРУМОВА объявляется к сведению вагаршапатцев, что указанные в приказе лица, которые оштрафованы из-за грязного содержания дворов своих домов, обязаны в течение трех дней или внести штраф, или будут посажены в тюрьму...»¹¹

¹⁰ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 132, л. 379 об., 380.

¹¹ НАА. Ф. 404, оп. 1, д. 138, л. 3.

Да, местная власть не испытывала сомнений, но про себя я этого сказать не мог. Упоминания в приказе № 3 от 31 марта 1919 года старшинства с 26 июля 1911 года и с 1 декабря 1917 года и отсылка к приказам Главнокомандующего войсками бывшего Кавказского фронта вызывали в моей памяти слова А.Г. Туршяна о присвоении Даниэл-беку генеральского звания еще царским правительством. А вдруг это мнение писателя имело под собой какие-то основания?!

И я решил обратиться к историку С.В. Волкову, чтобы разобраться в мучившем меня вопросе. Ведь рассказал же А. Шнеур, как впереди бойцов, одетый в генеральскую шинель, красной шелковой подкладкой наружу, шагал Даниэл-бек, поднимая цепи в атаку. Значит, у него были моральные мотивы поступить так, как он поступил.

Объяснение С.В. Волковым термина «старшинство» я уже приводил, когда речь шла о производстве Даниэл-бека в чин подпоручика. Здесь напомним только, основываясь на ответе историка, что «старшинство» представляет собой условную дату, от которой отсчитывался срок к следующей награде или к производству в следующий чин. А теперь приведу текст ответа, где речь идет о возможности присвоения Даниэл-беку чина генерал-майора еще царским правительством.

«Из изложенного следует, что дед Ваш действительно мог быть представлен к производству в конце 1916 года (прохождение бумаг — всегда дело очень долгое и в мирное время), однако реально произведен был в 1918 году приказом Главнокомандующего Кавказского фронта. Пусть Главнокомандующий Кавказским фронтом с точки зрения добольшевицкого русского законодательства и не имел права это делать (командующие фронтами и округами могли производить только в первый офицерский чин и только во время Первой мировой войны с последующим утверждением высшей властью), но, оставшись после большевицкого переворота единственным представителем старой власти, он как бы взял на себя функции высшей военной власти.

Дата 1 декабря 1917 года — безусловно, не дата производства (после которой человек мог надеть соответствующие Знаки различия), а «старшинство» в данном чине...

...Но, конечно, соответствующий оклад, знаки различия и т.д. следовали только с даты реального производства. Да и как могло быть иначе: человек, произведенный, например, в полковники в 1915 году, в 1914 году не мог знать, с какого времени ему установят старшинство и произведут ли его вообще.

Обратите внимание, что именно так поступлено было с Вашим дедом: накануне производства в генерал-майоры (приказом № 2 Главнокомандующего Кавказским фронтом) ему приказом № 1 было установлено старшинство в чине полковника с 1911 года (тогда как ранее оно

было в 1914 году), что и дало формальные основания произвести его тут же в генералы.

...Но вот что касается даты реального производства в генерал-майоры, то тут вопрос остается открытым. Безусловно, он стал генералом только в 1918 году (приказы-то Главнокомандующего Кавказским фронтом от 1918 года в любом случае). Но вот когда — зависит от двух вещей.

1) достоверность и принадлежность документа, где он 21 августа именуется полковником. Если это официальный приказ Главнокомандующего Кавказским фронтом (т.е. если того же органа, что производил), то это весомо, если армянского Военного министерства — то оно могло не знать или еще не утвердить своим приказом; если какая-то иная бумага Кавказского фронта, например интендантства и т.п., то возможно, что до них тоже не дошло или ошиблись, не сверили и автоматически по-старому писали.

2) дата приказа № 2 Главнокомандующего Кавказским фронтом. Из мартовского 1919 года приказа правительства Армении безусловно явствует, что именно приказом № 2 он был реально произведен. Так вот, мне что-то показалось странным, чтобы приказы № 1 и № 2 (а они едва ли сильно отстояли по времени друг от друга) появились только летом 1918 года. Неужели до этого времени с начала 1918 года Главнокомандующий Кавказским фронтом никаких приказов не издавал? Если эти № № Вы не нашли, посмотрите даты любых других приказов — например, № № 15, 25 и т.д. И если они окажутся по датам ранее августа 1918 года, то можете быть уверенным, что дед Ваш был реально произведен до мая 1918 года и во время Сардарapatской битвы генералом уже был. Мне лично кажется, что приказы № № 1 — 2 должны были появиться в самом начале 1918 года (не исключено, что уже и 1 января, на что намекает дата старшинства 1 декабря), во всяком случае, в январе. Из практики известно, что фронтовые приказы издавались даже ежедневно и во всяком случае — уж не 1-2 раза в месяц. Конечно, проще всего найти приказ № 2 Главнокомандующего Кавказским фронтом, на который ссылается правительство Армении, и если в нем действительно говорится про Вашего деда, то вопрос исчерпан».

Следуя совету историка, я снова отправился в РГВИА, чтобы попытаться найти упомянутые в последней фразе документы.

Приказы Главнокомандующего войсками Кавказского фронта оказались собранными в фонде 2100 (опись 2 дополнительная, дела 121, 130 и 131), причем дело 130 не выдавали из-за его плохого физического состояния. В деле 121 были сосредоточены документы с 6 января по 28 декабря 1917 года, а в деле 131 — с 10 января по 15 мая 1918 года. Поэтому я не особенно огорчился из-за невыдачи дела 130, которое охватывало период с 1 января по 14 мая 1918 года.

Хотя в деле 121 хранились документы за 1917 год, я просмотрел и их, но никаких материалов о производстве Даниэл-бека не обнаружил. А в деле 131 в основном содержались приказы исполняющего должность Главнокомандующего войсками Кавказского фронта Лебединского о производстве из прапорщиков в подпоручики. Ни одного упоминания о производстве высших офицеров я в деле 131 не нашел.

Так и не удалось мне **пока** отыскать документы, которые могли бы объяснить, почему в майские дни 1918 года, командуя войсками в Сардарпатской битве, Даниэл-бек по воспоминаниям А. Шнеура был одет в генеральскую шинель. Сам он, да и окружавшие его офицеры, видимо знали о приказах № 1 и 2 Главнокомандующего войсками бывшего Кавказского фронта. И не видели никакого противоречия в том, что, будучи формально полковником, в критический момент Даниэл-бек взял на себя «генеральскую» ответственность за руководимые им войска и за исход сражения.

А после утверждения Военным министром Республики Армения, Даниэл-беку, уже в чине генерала, приходилось подчас совмещать функции военного с обязанностями администратора, отвечавшего за порядок и санитарное состояние вверенного ему Вагаршапатского района. Наряду с заботами по обеспечению безопасности страны, руководителям всех уровней представлялись наиважнейшими и мероприятия по предотвращению вспышек заболеваний, и по снабжению населения продовольствием. Потому что, кроме вполне реальной угрозы возникновения эпидемий — отсюда и столь суровые меры к нарушителям санитарного состояния, надвигалась «чума» пострашнее — голод. И Даниэл-беку необходимо было следить не только за порядком во дворах и на улицах, но и пресекать мародерство, особенно опасное, если в грабежах принимали участие военнотруженики.

5 сентября 1918 года Даниэл-бек посылает командиру Армянской дивизии из Вагаршапата (Эчмиадзина) телефонограмму: «Беженцы в Вагаршапатском районе в безвыходном положении. Ежедневно от голодной смерти умирают от 10 до 15 человек. Названное обстоятельство усиливает анархию в районе. Беженцы в непосредственной связи со своими сыновьями-солдатами. Всякие бесчинства творят совместно. Есть опасения, что нападут и разграбят продовольственный склад. Никакой беженской активной организации нет, четвертый день хлеба не выдается. Принимая во внимание, что названное обстоятельство повредит нашему делу и окончательно деморализует наши войска, прошу срочного распоряжения».¹² И подписывается под телефонограммой: генерал-майор Пирумов.

В тот же день командир Армянской дивизии, генерал-майор Силиков уведомил о происходящем министра внутренних дел. Толку-то! Когда от

¹² НАА. Ф. 404, оп. 1, д. 51, л. 3.

«усилий» бюрократического аппарата выигрывали практические дела?! Но мой неугомонный дед два дня спустя посылает Силикову новую телефонограмму: «Ввиду полного бездействия Уездного комиссара Аваняна в отношении внутреннего порядка и санитарного состояния всего уезда (очевидно, Эчмиадзинского. — Ю.П.), тем более при появившейся холере, которая может за собой повлечь тяжелые последствия, прошу о немедленном удалении комиссара Аваняна как не соответствующего своему назначению и назначении более энергичного на этот ответственный пост».¹³

Тут-то и нагрянула специальная комиссия для освидетельствования... самого Даниэл-бека — «на предмет увольнения его в отставку», как незамысловато сказано в акте: «На основании приказа по Армянской дивизии, комиссия врачей под председательством дивизионного врача Армянской дивизии, надворного советника Тер-Микаэльянца и членов: старшего ординатора 2-го лазарета дивизии, лекаря Барсегяна и младшего ординатора того же лазарета, лекаря Мелик-Шахназарова, в присутствии Начальника штаба Армянской дивизии Генерального штаба полковника Зинкевича, освидетельствовала состояние здоровья командира 1-й бригады Армянской дивизии генерал-майора Даниэл-бека Пирумова на предмет увольнения его в отставку, при этом оказалось:

Генерал-майор Пирумов был ранен шрапнелью в 1914 году в темянную часть головы; в феврале месяце 1915 года был ушиблен в области паха; в январе 1916 года был контужен в поясницу и правое плечо, отчего долгое время была кровавая моча.

В настоящее время генерал-майор Пирумов жалуется на частые головные боли, отдающиеся на лоб, лицо и зубы, на боли в груди, в пояснице, на невозможность долго ездить верхом.

Генерал-майору 56 лет, хорошего сложения, костная и мышечная системы развиты хорошо, так же как и подкожный жирный слой; видимые слизистые оболочки окрашены несколько слабо.

В правой темянной области имеется дугообразной формы рубец от ранения осколком шрапнели; рубец в средней части приращен с подлежащими тканями, в передней части приподнят; у наружного угла рубца прощупывается дефект кости; рубец болезнен. В области левой брови с наружной стороны имеется маленький рубец от штыкового удара. С левой стороны груди, выше левого соска и правее его имеется уплотнение с шарообразным разращением в центре, при давлении на которое освидетельствуемый ощущает сильную боль с правой стороны груди. В области правого паха имеется надкостница в тазовой кости — результат ушиба. Тоны сердца освидетельствуемого несколько глухи, границы в пределах нормы; имеется склероз сосудов; в легких везикулярное дыхание; в остальных органах отклонений от нормы не имеется.

¹³ НАА. Ф. 404, оп. 1, д. 138, л. 5.

На основании изложенного приходим к заключению, что генерал-майор страдает артериосклерозом в средней степени; головными болями от шрапнельной раны в теменной области и периоститом (воспалением надкостницы. — Ю.П.) правой стороны таза, что препятствует длительным поездкам верхом, а потому генерал-майор Даниэл-бек Пирумов может нести службу в должностях по мирному времени. В том подписями и приложением казенной печати дивизионного врача удостоверяется. Эривань, 10 сентября 1918 года». ¹⁴

Но, несмотря на все свои немощи, Даниэл-бек об облегченном варианте службы — «по мирному времени» — даже не помышляет. 11 октября 1918 года по Военному Ведомству Республики Армения распространяется приказ № 26 о чинах военных с грифом «Не подлежит оглашению»: «Утверждаются в занимаемых должностях: ...бывший командир бригады 2-й Армянской стрелковой дивизии, числящийся по армейской пехоте генерал-майор Даниэл-бек Пирумов — командира 1-й пехотной бригады той же дивизии». ¹⁵

Означает ли это утверждение Даниэл-бека в должности командира конкретно 1-й бригады, что к этому времени в дивизии создана и 2-я бригада?! Трудно сказать однозначно, но реально, судя по документам, Даниэл-бек — пока начальник Эчмиадзинского отряда и в этом ранге продолжает координировать действия своих подчиненных, которые рапортуют о тревожных событиях: турки то и дело совершают набеги на поселения, расположенные вблизи все еще оккупируемого ими Александрополя.

21 октября они проникли в село Мунджухлы, что на полпути между Александрополем и Баш-Абараном. По-видимому, затем некоторые турецкие солдаты покинули село, но те, кто остались, бесчинствовали с крайним остервенением. Об этом в телеграмме с пометкой «Послана в Министерство Иностранных дел» сообщил Даниэл-беку полковник Михельсон: «Оставшаяся в Мунджухлы часть аскеров грабят, насилуют, убивают. Слышны выстрелы. Послать занять Мунджухлы. № 70. Полковник Михельсон». ¹⁶

В тот же день Даниэл-бек получает от Михельсона вторую телеграмму, почему-то с тем же номером и подписанную не «полковником», а «подполковником»: «В 12 часов Мунджухлы занято нами. Турки ушли». ¹⁷

Подразделениям Эчмиадзинского отряда, как, очевидно, и многим другим соединениям Армянской армии, приходилось сражаться и побеждать на внутреннем фронте в скверных экономических и социальных условиях, ибо Первая Республика только-только вставала на ноги. Ярким подтверждением этому может служить телеграмма, посланная Михельсоном

¹⁴ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 32, л. 98.

¹⁵ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 40, л. 55.

¹⁶ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 147, л. 11.

¹⁷ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 147, л. 11.

(на этот раз опять подполковником) в тот же день на имя Даниэл-бека: «Люди болеют, прошу распоряжения командировать врача, трех фельдшеров и медикаменты».¹⁸

То, что захватчики совершали набеги эпизодически, не утешает, потому что, хоть мир официально и был заключен, эта непрестанная внутренняя война все так же уносила тысячи неповинных жизней, и ослабить турецкую удавку на оккупированных армянских территориях по-прежнему не удавалось.

В октябре к тому же стали ухудшаться отношения с Грузией. При моральной поддержке Германии, недовольной своим младшим партнером — Турцией, Грузия решила прибрать к рукам армянонаселенные районы Тифлисской губернии. По А.И. Деникину, «грузинские меньшевики-интернационалисты простирали свои руки к Закатальскому округу (в составе Азербайджана), населенному лезгинами; они подавляли вооруженной силой сопротивление Южной Осетии (Нагорные части Горийского и Душетского уездов Тифлисской губернии), стремившейся к национальному объединению с Северной; устремлялись к Сочи, Батуму, Ардагану, к северным уездам Армении...»¹⁹

Политическое размежевание между армянами, сопротивлявшимися турецкой армии, вторгшейся в Закавказье, и грузинами, искавшими защиты от турок под германским протекторатом, проявилось еще в период существования ЗДФР. В результате Грузия, не знавшая сражений на своей территории, стала самой сильной в экономическом и военном отношении среди трех независимых государств Закавказья.

И когда в первой половине июня 1918 года грузинские лидеры Жордания и Рамишвили пригласили представителей Армянского национального совета вроде бы как для раздела Борчалинского уезда по этническим признакам, на самом деле, с позиции сильнейшего, они считали, что все спорные территории со смешанным грузино-армянским населением должны перейти к Грузии. Так и произошло. Под покровительством Германии, этот уезд, населенный больше армянами, вошел в состав Грузии, которая, войдя во вкус, потребовала еще и армянонаселенные Ахалкалакский уезд Тифлисской губернии, Казахский уезд Елизаветпольской губернии и часть Александропольского уезда Эриванской губернии, даже несмотря на то что эти территории пока были оккупированы Турцией. А один из грузинских лидеров, И. Церетели, желая использовать удобный момент, не постеснялся заявить армянским делегатам: мол, «армяне после Батумского соглашения не могут составить сколько-нибудь жизнеспособного государства, и им выгодно усилить Грузию, чтобы было на Кавказе силь-

¹⁸ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 24, л. 93.

¹⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты: Вооруженные силы юга России. Распад Российской империи. Октябрь 1918 — январь 1919. Минск: Харвест, 2002. С. 275.

ное христианское государство, которое при поддержке немцев будет защищать и себя, и армян».

Через несколько дней грузинские войска заняли спорные районы, свободные от турок, и там началась повальная мобилизация. Пока Армения и Грузия не имели общей границы — между ними находились территории, оккупированные Турцией, — портящиеся день ото дня отношения не выливались в военные действия между их войсками. Но как только ситуация ухудшилась настолько, что пожар войны мог вспыхнуть в любой момент, командир Армянской дивизии, генерал-майор Силиков выехал на север для анализа обстановки на месте. В приказе от 22 октября 1918 года он заявил: «Ввиду отъезда моего и Вр.и.д. Начальника Штаба Генерального Штаба подполковника Шнеура в селение Большой Караклис, приказываю командиру 1-й пехотной бригады, генерал-майору Пирумову вести за меня текущую переписку и подписывать за меня с сего числа».²⁰

Армяно-грузинские разногласия вскоре вылились в небольшое военное столкновение, и 25 октября Силиков посылает из Дилижана телеграмму военному министру, а копию — Даниэл-беку: «В 18 часов получено от полковника Королькова донесение, что сегодня днем грузины начали наступление на селение Цатер, после чего началась перестрелка. Вскоре перестрелка окончилась, у нас есть небольшие потери. Высланы парламентарии для указания грузинам, что конфликт будет улажен дипломатическим путем. Подробности донесу по получении письменного донесения».²¹

Похоже, попытка перевести инцидент в дипломатическое русло удалась лишь частично, потому что в телеграмме, которую Даниэл-бек «спешно, секретно» послал 25 октября министру иностранных дел, говорится: «Радиостанция в Кишляге донесла, что радиограмма, посланная из Эривани на имя Министра-Председателя Жордания в Тифлис, последним была принята только наполовину, а затем (радиостанция. — Ю.Л.) начала работать с Батумом...»²²

Даниэл-бек замечал своего начальника всего пять дней. Вернувшись 27 октября из поездки, Силиков приказал «генерал-майору Даниэл-беку Пирумову обратиться к своим прямым обязанностям», но тут же, быть может, исходя из информации, собранной в командировке в Большом Караклисе, издал новый приказ, уже «по части инспекторской»: «Начальником учрежденных в городе Эривани офицерских подготовительных курсов назначается Командир 1-й пехотной бригады вверенной мне дивизии, генерал-майор Даниэл-бек Пирумов. Всем офицерам, прибывающим на эти курсы, являться ему».²³

²⁰ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 42, л. 122.

²¹ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 147, л. 42.

²² НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 147, л. 27.

²³ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 42, л. 130.

Необходимо было в кратчайшие сроки обучить офицеров новым приемам боя и умению ориентироваться в реалиях политической обстановки, которая быстро менялась. Диктовавшие свою волю Закавказью Германия и Турция вынуждены были признать поражение. Для Турции война закончилась Мудросским перемирием — 30 октября 1918 года, Германия признала свое поражение двенадцатью днями позднее. Страны Антанты — союзники Армении — наконец, победили. Турция по условиям Мудросского перемирия, аннулировавшего Батумский мирный договор, была обязана вывести свои войска из оккупированных территорий, в том числе из Закавказья и Киликии.

Но Турция, очевидно, предчувствуя поражение, начала потихоньку выводить свои войска из районов Закавказья еще до официального заключения Мудросского перемирия. Спонтанно образовавшаяся во время турецкой оккупации буферная зона между Арменией и Грузией неумолимо таяла. В образовавшийся вакуум устремились обе страны. А.И. Деникин, которого нельзя заподозрить в каких-то особых симпатиях к армянам, пишет:

«...В октябре (1918 года. — *Ю.П.*), ввиду частичного очищения турками Лори, армяне заняли его, вступив в вооруженное столкновение с грузинами, быстро улаженное.

Вскоре после этого грузинское правительство предложило армянскому разрешить спорные вопросы на Кавказской конференции в Тифлисе, созываемой 27 ноября. Опасаясь, что армяне останутся там в меньшинстве (то есть против грузино-азербайджанского большинства. — *Ю.П.*), эриванский парламент потребовал первоначально договориться о спорной границе между собой (то есть грузины с армянами). Грузины согласились, послав в Эривань с надлежащими полномочиями своего дипломатического представителя Мдивани.

Тем временем началась эвакуация турецких войск, и турецкое командование перед уходом в последний раз сыграло злую шутку **над обоими своими историческими врагами** (выделено мною. — *Ю.П.*): армянское правительство было извещено, что турки очистят занятые районы 23 ноября, после чего армяне могут вступить в них, такое же сообщение сделано было грузинам, но срок был указан 21 ноября. Когда двинулись армяне, они встретили в спорных районах грузин... Войска (грузинские. — *Ю.П.*) двинулись дальше на юг, вытесняя армянские части, согласно приказу не вступавшие в бой...»²⁴

Последствия аукнулись тут же. В Борчалинском уезде жители многих армянских селений, не вынеся притеснений грузинских войск, подняли восстание и прогнали их. Для подавления выступления армянских жителей уезда грузинское правительство послало войска с бронепоездами.

²⁴ Деникин А.И. Указ. соч. С. 277 – 278.

Расправа с восставшими, в которой участвовало и местное татарское население, была ужасающей.

Двукратные ультимативные протесты армянского правительства ни к чему не привели: из Тифлиса просто не ответили. И тогда руководство страны, не объявляя войны северному соседу, по единогласному решению парламента 30 ноября отдало приказ своим войскам занять армянскую часть Борчалинского уезда до реки Храм.

Обострение обстановки на севере страны заставило военное руководство Армении сформировать в близлежащих районах дополнительные части, способные в случае чего защитить армянское население. Этим, наверное, и объясняется новое назначение Даниэл-бека. 30 ноября 1918 года в качестве начальника Отдельной Карабахской бригады он посылает военному министру весьма характерный для того сложного момента рапорт:

«Капитан Семичев доносит, что Ново-Баязетские гражданские власти не оказывают помощи новоформируемому Карабахскому отряду.

За все пять дней реквизиции удалось реквизировать лишь 24 лошади, и то с большим трудом. Население скрывает у себя лошадей, а местная милиция, состоящая из местных же жителей, относится к ним сочувственно и не помогает реквизиционной комиссии.

Продовольственный отдел не отпускает в достаточном количестве зерно и фураж, почему весь отряд не может получить в Ново-Баязете (город в средней части западного берега озера Севан, в советские времена назывался Камо. — Ю.П.) довольствие.

Местные власти задерживают дезертиров лишь в возрасте от 21 до 25 лет, старших же не трогают, почему из отряда усилилось дезертирство старших возрастов.

Прошу воздействовать на Ново-Баязетские власти, чтобы они оказали возможную помощь отряду, так как в противном случае формирование бригады задержится на несколько недель и снежные заносы закроют перевалы».²⁵

В спешном порядке разрабатываются различные меры на случай серьезного военного конфликта с Грузией. Даниэл-беку в них отводится явно не рядовая роль. Какая — неясно, ибо приказ о его назначении от 5 декабря звучит секретно: «Командира 1-й пехотной бригады генерал-майора Пирумова и штаб-офицера для поручений штаба дивизии Генерального штаба подполковника Шнеура, получивших **особое назначение** (выделено мною. — Ю.П.), считать с 3 декабря в постоянной командировке, не занимающими вакансий и без сохранения содержания, каковое они будут получать по месту их новой службы. Основание: сношение Военного министра за № 58/137».²⁶

²⁵ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 38, л. 295.

²⁶ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 42, л. 164.

Что за тайная служба выпала на долю Даниэл-бека и Шнеура? Может, организация разведки в приграничном районе или рекогносцировка будущего театра военных действий? Теперь уж не докопаться, «особость» назначения не сохранила задокументированных следов.

Между тем 4 декабря грузинская сторона, возложив всю ответственность за столкновение на армянское правительство, не приславшее в Тифлис своих делегатов, предложила прекратить междуусобицу, занять старые границы и созвать армяно-грузинскую конференцию. Но армяне тотчас же потребовали предварительного вывода грузинских войск из армянской части Борчалинского уезда, подтвердив свою ответственность за участь армянского населения, которое терроризировали и расстреливали войска соседнего государства.

Конфликт набирал обороты. И если поначалу он не выходил за рамки местных стычек, то с 9 декабря начались серьезные бои. По мнению А.И. Деникина, «...вмешательство англичан, предложивших перемирие, с тем чтобы до заключения мира обе стороны оставили спорные области (Лори и Ахалкалаки), также не увенчалось успехом: армянский парламент принял предложение, но грузины не ответили и не прислали своих делегатов в назначенный день и пункт. И война продолжалась. Одновременно по всей Грузии под предлогом того, что «армяне производят повсюду тайную мобилизацию», были предприняты репрессии против армян. А все лица, «подданные Эриванской республики призывного возраста, то есть от 18 до 45 лет, были объявлены военнопленными и направлены в концентрационные лагеря в Кутаис...»²⁷

В разгоревшейся войне армянам пригодился боевой опыт, приобретенный в схватках с турецкой армией. Тогда как грузинские части отступали, стараясь не ввязываться в тяжелые бои, армяне упорно бились за каждую пядь родной земли. Неудивительно, что 14 декабря 1918 года, перейдя в решительное наступление, они добились ощутимого преимущества.

А.И. Деникин, осмыслив итоги всех боевых действий с начала декабря, написал: «...**Войска генерала Силикова** (выделено мною. — Ю.П.) в течение двух недель нанесли грузинам ряд серьезных поражений, захватили три бронированных поезда, 28 орудий, до 75 пулеметов, несколько сот пленных и военные склады, и в середине декабря подошли на переход к Тифлису. Но 16 (декабря. — Ю.П.) они потерпели неудачу у Шулавера и отошли на 10 верст к Садахло. В это время вторично, уже в ультимативной форме, англичане потребовали прекращения военных действий, назначив срок — полночь 19-го. В этот день противники, торопясь каждый создать более благоприятное для себя стратегическое поло-

²⁷ Деникин А.И. Указ. соч. С. 279.

жение, вели встречный жестокий бой, к полночи явно склонившийся на сторону армян...»²⁸

Скорее всего, Даниэл-бек, являясь командиром одной или даже двух бригад — Отдельной Карабахской и 1-й пехотной, входивших в состав «войск генерала Силикова», непосредственно в этих боях не участвовал, находясь на «особом» задании. К счастью, армяно-грузинская война под давлением англичан быстро закончилась. Начались переговоры. Во что они выльются, армянское военное командование не знало, но понимало, что надо быть готовыми ко всему. Случившаяся война потребовала реорганизации боеспособных частей и срочных мер для их пополнения, поэтому Силиков 22 декабря снова отправляется в служебную поездку, доверив Даниэл-беку свой пост.

Даниэл-бек возложенные на него дополнительные обязанности принялся выполнять со свойственной ему решительностью и энергией. Уже на следующий день после назначения он издает приказ:

«Всех призываемых вновь на военную службу и дезертиров из Сурмалинского, Эчмиадзинского и Эриванского районов приказываю направлять через Воинского начальника в казармы 3-го Армянского пехотного полка в распоряжение подполковника того же полка Мелик-Шахназарова, на которого возлагаю общее наблюдение и руководство по приведению всех поступающих в порядок. В помощь ему назначаю всех офицеров подготовительных офицерских курсов и солдат-учителей от Дивизионной учебной команды в количестве не более 30 человек. Довольствие и обмундирование возлагаю на Дивизионного интенданта, которому получить для этой цели необходимый аванс. По мере прибытия сводить в Маршевые роты и под командой офицеров соответствующих полков направлять в части. **Главная задача — как можно скорее выслать пополнение на фронт** (выделено мною. — Ю.Л.). Подполковнику Мелик-Шахназарову затребовать от Штаба дивизии сведения, какие полки необходимо пополнить в первую очередь. О ходе работы мне доносить».²⁹

Судя по содержанию приказа, Даниэл-бек не надеялся на положительный исход переговоров с Грузией, и у него были определенные опасения, что перемирие на фронте может оказаться временным. Но при посредничестве англичан 31 декабря 1918 года мир все же был заключен. К сожалению, результаты переговоров оказались для армян обратно пропорциональными военным успехам. А.И. Деникин считал, что «...условия, предписанные воюющим сторонам, были тяжелы и несправедливы по отношению к Армении: войска ее отводились в исходное положение, существовавшее до начала военных действий, тогда как грузины оставались на занятой линии; в Борчалинском уезде введена была смешанная

²⁸ Там же.

²⁹ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 83, л. 44.

армяно-грузинская администрация, а в Ахалкалакском, сплошь населенном армянами, грузинская — под контролем англичан. Как будто нарочно создавались очаги брожения и недовольства...»³⁰

Но какими бы парадоксальными и несправедливыми по отношению к Армении ни казались итоги этих переговоров, все равно хорошо, что в новый, 1919 год Армения вступала в условиях мира. Турецкие войска уходили, в декабре 1918 года они, наконец-то, оставили многострадальный Александрополь, что не могло не радовать Даниэл-бека. И хотя освобожденные районы тут же занимали англичане, преследовавшие в Закавказье свои цели, они все же были союзниками.

Начало 1919 года прибавило Даниэл-беку забот еще в одной должности. Я не нашел соответствующего приказа, но зато отыскал другой — № 1 от 2 января 1919 года, который Даниэл-бек подписал в качестве начальника Эриванского... нет, не отряда, а целого гарнизона:

«Для проверки отчетности, книг и имущества 3-го Русского полка назначается комиссия под председательством коменданта Штаба Карабахской бригады капитана Иванова и членов: от учебной команды подпоручика Оганова и от Штаба дивизии подпоручика Даштояна. Комиссия приступит к работе 3 сего января с 10 часов утра. Акт в 3-х экземплярах предоставить мне. Начальник Эриванского гарнизона, генерал-майор Пирумов. С подлинным верно: и.д. гарнизонного адъютанта, подпоручик Агаронян».³¹

Правда, в двух следующих приказах по Эриванскому гарнизону от 7 и 8 января 1919 года за № 3, 4 Даниэл-бек подписывается уже как «временно исполняющий должность Начальника Эриванского гарнизона», что, очевидно, больше соответствовало истине, так как на приказе № 1 от 2 января есть приписка от руки: «Приказом от 10.01.1919 г. Силиков вновь вступил в исполнение обязанностей Начальника гарнизона».

Значит, вернувшись 9 января из села Большой Караклис, куда он ездил вместе с начальником штаба дивизии полковником Зинкевичем, Силиков, в соответствии с этим приказом, начиная с 10 января, в «услугах» Даниэл-бека как исполняющего обязанности начальника Эриванского гарнизона больше не нуждался. И мой дед снова вплотную занялся только своими прямыми обязанностями.

Но судя по телефонограмме от 9 января 1919 года, отправленной в 3 часа 55 минут комендантом станции Эривань, прапорщиком Давидянцем, начальнику штаба дивизии, Даниэл-бек и до складывания с себя этих высоких полномочий не забывал о своих собственных профессиональных обязанностях, ничто не ускользало от его пристального внимания: «Весьма срочно. Из Давалу прибыло на станцию Эривань 46 больных и ране-

³⁰ Деникин А.И. Указ. соч. С. 280.

³¹ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 91, л. 1.

ных солдат. По приказанию генерала Пирумова прошу распорядиться о высылке на станцию перевязочных средств для доставки их в лазарет».³²

Мне непонятно только, внутри какой дивизионной структуры Даниэл-бек выполнял эти свои прямые обязанности — Отдельной Карабахской бригады, 1-й пехотной бригады или Эриванского отряда? В принципе, Армянская дивизия, начальником которой был М.Б. Силиков, приказом по Военному Ведомству от 6 января 1919 года за № 8 должна была состоять из трех бригад по два пехотных полка в каждой, но этот официальный документ не проясняет мои бесконечные вопросы. Как и секретный приказ «о чинах военных» за № 9 от 16 января 1919 года, в котором «командир 1-й Бригады Армянской пехотной дивизии генерал-майор Даниэл-бек Пирумов» назначается «Начальником Отдельной Карабахской бригады с исполнением своих прямых обязанностей с 1 декабря 1918 года».³³

Ну и как во всем этом разобраться? Считать, что приказ просто запоздал? На 46 дней? Но если учесть, что к исполнению своих новых обязанностей Даниэл-бек должен был приступить только с 1 декабря, то почему он уже 30 ноября посылал рапорт военному министру в качестве начальника этой самой Карабахской бригады? И как тогда сочетается приказ о его еще каком-то там «особом назначении»?! Время-то на все про все одно и то же! Приходится признать, что в этих назначенческих метаморфозах деда я запутался вконец.

Но если поставить вопрос по-другому, не что это было, а почему так было, то напрашивается немудреный вывод, уже сделанный ранее мною: что формирование Армянского корпуса свелось в конечном итоге к созданию только одной полноценной дивизии. Ощущался острый дефицит людского резерва. Но не только в этом была причина...

Как объясняет А.И. Деникин: «Недостаток вооружения и, главным образом, боевых припасов был еще более чувствителен и препятствовал надлежащему развитию армянской армии. Она состояла из дивизии пехоты (к лету из трех отдельных бригад), бригады артиллерии, конного полка и небольших технических частей. Состав ее, определяемый штатами для «мирного времени» в 22 тысячи человек и для «военного» — в 44 тысячи, фактически терпел большие колебания, не превышая никогда 10 — 15 тысяч. Было одно время, непосредственно после армяно-грузинской войны, когда за отсутствием продовольствия и боевых припасов дивизию пришлось довести до 4 тысяч».³⁴

А я как раз и описываю назначенческие метаморфозы Даниэл-бека в январе 1919 года — «непосредственно после армяно-грузинской войны», когда экономическое положение страны не позволяло содержать достаточное количество войск для борьбы со все еще шнырявшими по тер-

³² НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 103, л. 61.

³³ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 104, л. 3.

³⁴ Деникин А.И. Указ. соч. С. 318.

ритории пусть и не связанными между собой, но вооруженными до зубов небольшими частями оккупантов и враждебно настроенным мусульманским населением, никак не унимавшимся и идущим на поводу у турецких эмиссаров.

Постепенно объединяясь в более крупные группы, мятежники — турецкие аскеры, курды и татары — напали на армянские части, не щадили и мирное население. 28 января 1919 года командир Сасунского полка сообщил в Эривань военному министру и министру внутренних дел, а также генералам Силикову, Пирумову и Дро: «Вновь принуждены докладывать Вам о положении дел. Меньшая часть наших сил ныне занимает позиции у Зинджирлу, Кадылу, Карахач и Шагаблу, а большая часть находится в ущелье Дзхни. Нападения на нас бывают почти каждый день. Например, 20 сего января около 9 часов вечера значительные силы турецких аскеров, курдов и местных татар повели наступление со стороны Чиманкенда. Мы потеряли убитыми 10 человек и ранены 12 человек. Нападение было отбито, и мы прогнали их до сел. Чиманкенд, но согласно полученных от Вас инструкций, не входя в селение, вернулись назад... Наше последнее слово — если не последует с Вашей стороны скорейшее распоряжение, то мы принуждены будем оставить позиции и у сел. Зинджирлу, Кадылу, Карахач и Шагаблу и отойти к ущелью Дзхни. В вышеупомянутых четырех селениях живут приблизительно 4000 жителей (армян. — Ю.П.), которые после нашего отхода, естественно, там оставаться не могут, кроме того, нужно полагать, что с нашим отходом подвергается опасности и сел. Давалу. Докладывая об этом, просим экстренного распоряжения, в противном случае мы принуждены оставить эти позиции и слагаем с себя ответственность за возможные последствия. Командир Сасунского полка Карапет Манукянц».³⁵

На оборотной стороне рапорта приписка: «Настоящая переписка согласно распоряжению Министра Внутренних дел препровождается в Министерство Иностранных дел. Правитель Канцелярии МВД». Все села, перечисленные в рапорте, — в районе Эриванского уезда, до столицы Армении рукой подать. И на этот раз Даниэл-бек лично улаживает конфликт, дипломатично, но твердо отстаивая свое мнение, когда англичане, которые вызвались стать посредниками, попытались превысить полномочия миротворцев и навязать свою волю. В телефонограмме подполковника Шнеура, отправленной полковнику Зинкевичу 1 февраля 1919 года в 9 часов 45 минут, рассказывается об этом очень подробно: «...Утром генерал Пирумов выехал для переговоров с Английской миссией в Давалу (или Давгалу — селение, ближайшее к Еревану с юго-востока. — Ю.П.). В это время около 9 часов утра татары напали на Халиссу (рядом с горой Арагат. — Ю.П.). Английская миссия, узнав, что Халисса — татарская,

³⁵ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 212, л. 33.

предложила отвести оттуда армянские войска, но генерал Пирумов заявил, что не считает это правильным и усилил Халиссу одной ротой 1-го полка, после чего татары были отбиты.

Английская делегация заявила (и показала документ), что союзники поручили англичанам водворить мир на Кавказе, во исполнение чего Главнокомандующий английскими войсками на Кавказе поручил подполковнику Лауттену учредить генерал-губернаторство в тех регионах, которые не заняты армянским населением, те именно, где находятся мусульмане **и другие народности, враждебные армянам** (выделено мною. — *Ю.П.*). Подполковник Лауттен предложил отвести от Давалу на север войска в ЮВА (селение, расположенное несколько севернее селения Давалу. — *Ю.П.*). На это генерал Пирумов также ответил, что без приказания от своего правительства сделать этого не может, так как давалинское население (армянское. — *Ю.П.*) будет вырезано татарами. Тогда подполковник Лауттен предложил выселить из Давалу на север армянское население. И на это генерал Пирумов ответил, что такие распоряжения, влекущие за собой разорение населения и имеющие государственный характер, могут быть сделаны лишь по приказанию Армянского правительства. Вечером 31-го (января. — *Ю.П.*) генерал Пирумов, передав начальствование отрядом полковнику Каракешешеву, выехал с Английской миссией в Эривань. Сегодня, 1-го февраля, получено донесение, что татары вновь сделали нападение на армянские части и идет перестрелка на правом фланге. Подробностей еще не получено». ³⁶

Да, Даниэл-бек умел быть твердым в принципиальных вещах. И поскольку в дело были замешаны иностранные союзники, надо было поставить в известность дипломатическое ведомство, что и было сделано 4 февраля, когда эту информацию по приказанию военного министра начальник военного штаба, генерал-майор Долуханов передал министру иностранных дел — «для сведения».

Но подполковник Лауттен, по-видимому, продолжал настаивать, и Даниэл-беку, в конце концов, пришлось уступить его давлению, о чем и сообщил военному министру 8 февраля полковник Зинкевич от имени начальника Армянской дивизии: «Представляя копии телеграмм, доношу, что, как сейчас выяснилось, у генерала Пирумова с подполковником Лауттенем было частное соглашение относительно срока ухода наших войск. Посему начальник дивизии указал генералу Пирумову, куда надо поставить части, кроме 3-го полка и 1-й батареи, а именно: батальон 1-го полка отправить в Александрополь, батальон 2-го полка и 6-ю батарею — в Эчмиадзин». ³⁷

³⁶ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 209, л. 33 и об.

³⁷ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 209, л. 46.

Стремление англичан снизить возбуждение мусульманского населения заставило Даниэл-бека пойти на перемещение к селению Юва даже Нахичеванской милиции, оставляя местное армянское население без защиты.

В общем, позиции на юго-востоке близ Еревана пришлось ослабить, зато они в результате несколько укрепились на северо-западе. К счастью для армянского населения, мусульмане часто отвлекались, раздираемые внутренними конфликтами. В телеграмме, которую Даниэл-бек отправил Силикову из Камарлю 9 февраля в 13 часов, об этом говорится в первых же строках: «Перестрелка на правом берегу Аракса между курдами и татарами не прекращается третий день. Сегодня она приняла особенно сильный характер...»³⁸

Пристальное внимание регулярных войск к мусульманским междоусобицам не было случайным: в любой момент они могли перерасти в вооруженный конфликт с армянами, которые частенько и сами кидались в атаку. Военное командование считало своим долгом не допускать подобного развития событий — и не только из гуманных соображений, но и по политическим мотивам. В трех телеграммах, отправленных в феврале 1919 года из Ново-Баязета командиром конного дивизиона, ротмистром Силиковым генералу Силикову, речь как раз об этом.

В первой телеграмме (№ 10, число не указано) сообщается: «Армяне-беженцы с местным (армянским. — *Ю.П.*) населением произвели вооруженное нападение на татарское население Басаргечарского района (центр района — селение Басаргечар находилось несколько к востоку от крайней юго-восточной оконечности озера Севан. — *Ю.П.*) — Верхний Загалу, Кизил-Ванк и Субботан, татары не оказали сопротивление и бежали в соседние села. Ввиду близости границы с Азербайджаном события грозят принять серьезный характер, администрация бессильна, просит помощи. Высылку эскадрона задержал. Жду распоряжений». На этой телеграмме есть запись: «Начальнику Армянской дивизии по резолюции Военного министра: «Эскадрон выслать в распоряжение администрации».³⁹

Похоже, ротмистру Силикову сила только в эскадрон показалась недостаточной, и поэтому текст второй телеграммы (№ 13, число также не указано) гласит: «В дополнение телеграммы № 10 доношу, что с дивизионом спешно в 20 ч. 2 февраля выступил в Басаргечар, приму все меры к прекращению бесчинств, творимых беженцами, включительно до обезоруживания. Подробности донесу с места рапортом».⁴⁰

И действительно, судя по третьей телеграмме (№ 14, от 10 февраля 1919 года), командир дивизиона сдержал обещание: «Занятые беженцами татарские селения по моему требованию освобождены без сопротивления, администрация приступила к водворению на места беженцев-татар, воз-

³⁸ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 209, л. 49.

³⁹ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 300, л. 62.

⁴⁰ Там же. Л. 63 об.

врату награбленного имущества, привлечению виновных к ответственности. Пребывание дивизиона в районе Басаргечара временно необходимо для общего успокоения. Попутно требую выдачи дезертиров».⁴¹

Эти телеграммы направляли именно генералу Силикову, потому что он возглавлял дивизию, в которую отдельной частью входил конный дивизион ротмистра Силикова. Но зачем ротмистр отсылал их копии еще и Даниэл-беку — начальнику Отдельной Карабахской бригады? Можно предположить, что Карабахская бригада контролировала всю восточную часть независимой Армении вдоль границы с Азербайджаном, из-за чего под ее бдительный присмотр попадали части территории Эриванского, Шаруро-Даралагезского, а также Ново-Баязетского уезда, где дислоцировался конный дивизион ротмистра Силикова, и тогда вполне естественно, что он обо всем докладывал также и Даниэл-беку.

Повседневный вал армейских забот помогал ему переносить нескончаемую разлуку с семьей: жена и две дочери переехали подальше от войны — в Москву, два старших сына вроде как совсем рядом были — служили в Армянской армии, но не в одной части с ним. К тому же жизнь военных полна перемещений с места на место, и, наверное, встречи со старшими детьми у отца случались не часто. А младший сын (мой отец) обрелся непонятно где, то ли в Александрополе, то ли вовсе учился «за границей» — в Тбилиси, и, наверное, дед был рад, что хоть у одного из его сыновей был шанс не погибнуть в бою.

Но ничто не длится вечно. Еще в ноябре 1918 года закончилась Первая мировая война. Турки уходили. И, казалось, навсегда. По требованию англичан, к середине января 1919 года они очистили все русское Закавказье до границ 1914 года. Османская империя — вековой противник и угнетатель армян — решением Парижской мирной конференции, открывшейся 18 января 1919 года, была объявлена ликвидированной и должна была смириться с неизбежным — отторжением от нее больших территорий.

Представителей от Республики Армения как от независимого государства на конференцию в Париж официально не пригласили. Но в столицу Франции прибыли сразу две армянские делегации (одна — так называемая Национальная, под предводительством Погоса Нубара, другая — от Республики Армения, во главе с Аветисом Агароняном), которые обратились к союзникам с просьбой признать национальные требования армян.

Министр иностранных дел Франции С. Пишон милостиво разрешил армянским делегатам письменно сформулировать, чего же они хотят. Конференции предстояло принять множество непростых решений, работа над которыми требовала времени и согласований (поэтому с небольшими перерывами конференция продлилась до 21 января 1920 года), и хотя

⁴¹ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 12.

армянских делегатов никто не торопил, они уже 12 февраля 1919 года подали на рассмотрение свой «Меморандум об армянских требованиях».

Требования были обширными, и в первую очередь — о признании независимого армянского государства в составе семи армянских провинций и Киликии, с присоединением к ним земель республики на Кавказе. Одна из союзных держав, которой впоследствии предоставили бы на Армению мандат с двадцатилетним сроком, или Лига Наций должны были гарантировать целостность и неприкосновенность территории молодого государства. Не забыты были и денежная компенсация за понесенные потери, и всенепременный возврат на родину насильственно депортированных армян.

Понимая, что на конференции от победителей, главным образом, от Англии и Франции, будет зависеть послевоенный геополитический расклад, Совет земляческих союзов, находящийся в Тифлисе и руководимый известным армянским поэтом Ованесом Туманяном, в конце 1918 года создал «Бюро по установлению потерь армянского народа от Всемирной войны». Я обещал рассказать о нем еще в 7-й главе.

«Бюро...» состояло из следующих четырех отделов:

Историко-общественного под руководством видного историка Лео (Аракела Бабахаяна);

Уголовно-следственного, которым заведовал популярный юрист Т. Ованнисян;

Экономического, которым заведовал агроном А. Атанесян;

Военно-исторического, под руководством генерал-майора Александра Парфеновича Кулебякина.

Жизнь генерала Кулебякина как нельзя лучше символизирует прочные традиционные связи русского и армянского народов. Сын терского казака, ставший известным с середины 1910-х годов в литературных кругах России как самобытный поэт, он принял активное участие в военных действиях на Кавказском фронте в Первую мировую войну. Достаточно сказать, что под его началом сражались две армянские добровольческие дружины: Андраника Озаняна и Амазаспа Срвандзтяна. В трагический 1915 год А.П. Кулебякин был начальником Ванского отряда и непонаслышке знал о чинимых турками зверствах над мирным армянским населением. После окончания войны он поселился в Тифлисе и, к счастью, оказался в поле зрения Ованеса Туманяна, под руководством которого с конца 1918 года и возглавил военно-исторический отдел «Бюро...»

Лучшей кандидатуры для сбора информации о понесенных армянами потерях в Первой мировой войне, ее обработки и представления результатов в виде читабельного доклада или очерка, доказывающего приобретенные права нашего народа, трудно было сыскать.

Некоторое время ушло у Кулебякина на подбор штата отдела, среди которого я обнаружил уже знакомого мне капитана Абазова и известного мне по имеющемуся у меня генеалогическому древу Семена (Симоника) Григорьевича Пирумова, четвертого сына троюродного брата Даниэл-бека, Шалико. В генеалогическом древе, как я уже указывал, когда упоминал телеграмму Даниэл-бека из Чиатури, посланную в 1905 году по поводу женитьбы одного из сыновей Шалико, Ивана, у Шалико имелось второе имя — Григорий. Почему-то именно Семен получил в отличие от остальных братьев отчество от этого второго имени своего отца. Но дело не в этом. Просто лишний раз отмечаю, как судьба Даниэл-бека по разным поводам и в разные периоды, иногда непосредственно, иногда косвенно пересеклась с судьбами четырех троюродных племянников.

Расположившись в Тифлисе, Кулебякин и его сотрудники, наверное, могли начать свою работу, обрабатывая материалы, имевшиеся в распоряжении грузинской военной администрации, но, конечно, основной массив документов им надо было искать в Ереване. Однако, понимая, что интересующие «Бюро...» документы могли осесть не только в Военном министерстве Армении, но и оказаться в личном архиве известных армянских военачальников, Кулебякин направил им письма с предложением передать в адрес «Бюро...» материалы, а также с предложением написать собственные воспоминания о происшедших событиях.

И Даниэл-бек получил письмо следующего содержания:

«Ваше Превосходительство, Милостивый государь Даниэл-бек!

Бюро по установлению потерь армян от Всемирной войны приступило к составлению военно-исторического очерка «Участие армян в мировой войне 1914 — 1918 годов». Эта работа поручена особой комиссией под председательством генерал-майора Кулебякина.

Вы принимали участие в формировании частей Армянского корпуса и в его боевых действиях против турок.

Крайне необходимо и ценно было бы получить для составления названного очерка имеющиеся у Вас письменные материалы (как официальные, так и частные) о деятельности частей, находившихся под Вашим командованием, а также Ваше краткое описание событий в хронологическом порядке с Вашими впечатлениями и заключениями. Кроме того, желательно было бы при возможности личное освещение Вами тех или иных фактов сотрудникам комиссии. Для сбора материалов в Эривань командировается помощник генерал-майора Кулебякина, капитан Н.С. Абазов, которому мы просим не отказать в Вашем ценном содействии.

В глубокой уверенности, что Вы не откажете прийти на помощь делу составления названного очерка, который должен быть представлен на Парижской мирной конференции,

Председатель Бюро О. Туманян

Заведующий Военно-историческим отделом А.П. Кулебякин
С подлинным верно. За секретаря С. Саркисян». ⁴²

Не знаю, понял ли Даниэл-бек содержание письма так, что внутри военно-исторического отдела, руководимого Кулебякиным, еще и образована отдельная группа или комиссия, руководимая тем же Кулебякиным, но занимавшаяся совершенно специфическим делом — сбором документов для очерка. Но как он понял — и не так уж важно. Для меня, пытающегося проследить его жизнь по дням, куда важнее, когда до него дошло это письмо.

Никакой даты почему-то в письме нет, и потому я не могу судить определенно о дне его получения Даниэл-беком. Три рукописные пометки на письме: «Копия», «№ 52» и «12 февраля 19 г.» не позволяют мне сделать однозначного вывода, но буду считать 12 февраля 1919 года условной датой знакомства Даниэл-бека с содержанием письма.

А Кулебякин, очевидно, уже вскоре после отправки запроса и еще даже и не получив от адресатов запрашиваемых материалов и воспоминаний, вполне осознал масштаб работы и, столкнувшись с нехваткой средств, счел необходимым официально уведомить об этих трудностях Ованеса Туманяна. Вот текст его докладной записки, составленный 5 февраля 1919 года:

«Председателю Бюро по установлению потерь армян в Мировой войне (А.П. Кулебякин почему-то несколько искажает официальное название организации. — Ю.П.).

Бюро еще в начале декабря минувшего года поручило мне составление военно-исторического очерка «Участие армян в мировой войне» с целью представления его на предстоящей мирной конференции в Париже.

Вместе с моими сотрудниками я тотчас же приступил к собиранию материалов. Работа эта была прервана армяно-грузинской войной и фактически могла возобновиться лишь в середине января. До настоящего времени труды Комиссии выразились в следующем: 1) посланы письменные обращения ко всем виднейшим деятелям Русско-турецкой войны с просьбой дать свои впечатления и материалы, освещающие боевую деятельность армянских частей. Некоторые из этих лиц уже сотрудничают с Комиссией в этом деле (генералы — Морель, Пирумов, Бежан-бек, Лебединский, Багратуни и др.). Также обещали дать свои отзывы генералы Пржевальский, Берхман, Абациев и др.; 2) уже собраны и систематизированы важнейшие материалы по первому периоду войны до отступления из Вана в июле 1915 года; 3) собрана часть материалов в Тифлисе по истории 1, 2, 5, и 6-го стрелковых батальонов; 4) рассмотрены и излагаются материалы архива армянского Военного союза и Комиссариата Кавказского фронта. Работы в Тифлисе продолжаются, но командировать сотрудников в Баку и Эривань, где сосредоточены важнейшие материалы

⁴² НАА. Ф. 221, оп. 1, д. 38, л. 63, 63 об.

по истории последней борьбы Армянского корпуса и народа с турками, пока еще не удалось за неимением материальных средств. Данного мне для окончания всего труда 3-х месячного срока при настоящих условиях конечно мало, но, во всяком случае, более сжатое описание с освещением важнейших фактов может быть представлено в течение марта. Если не будут продолжаться задержки с отпуском денежных средств.

Председатель Военно-исторической комиссии А.П. Кулебякин».⁴³

Думаю, что упоминание о якобы уже имеющемся сотрудничестве некоторых генералов с «Бюро...» или, как предпочитал в данном случае написать Кулебякин, «Комиссией», было некоторым, впрочем, вполне извинительным, преувеличением, призванным снабдить Ованеса Туманяна вескими аргументами для получения финансовых ассигнований.

А средства потребовались бы немалые. Имеющаяся у меня копия рукописного расчета, неизвестно, правда, кем составленного, возможно, что и самим Кулебякиным, показывает, что только зарплата членов «Комиссии» должна была за три месяца «съесть» сто тысяч рублей, из которых самому Кулебякину полагалось девять тысяч.⁴⁴

Этот документ интересен еще тем, что позволяет немного «заглянуть» внутрь состава «Комиссии» и узнать некоторые фамилии. Так, помимо самого Кулебякина как заведующего, под его руководством должны были работать трое «уполномоченных»: Валадян, Сергеев и Абазов. А сотрудниками, находящимися в группе каждого уполномоченного, являлись: у Валадяна — Тер-Григорян и Петросян, у Сергеева — Лисициан и Тер-Мкртчян, у Абазова — Пирумов, тот самый Семен Григорьевич.

Кажущаяся на первый взгляд большой зарплата сотрудников «Бюро...», похоже, позволяла только-только нормально существовать, и им приходилось, включая руководителей уровня Ованеса Туманяна и Александра Кулебякина, бороться почти в буквальном смысле слова за хлеб. Привожу в подтверждение своих слов еще один интересный документ, проливающий свет на условия работы столь важной для нашего народа организации:

«В Хлебное бюро Продовольственного отдела. Заявление. Представителя при семьях сих служащих и лиц, находящихся на их иждивении, Бюро по установлению потерь армян от Всемирной войны просит выдать на имя Бюро соответствующую бумагу на получение дешевого хлеба».⁴⁵

Заявление написано 5 апреля 1919 года. В нем перечислены фамилии 27 служащих «Бюро...» и указано общее количество «находящихся на их иждивении» — 113 человек, включая, по-видимому, самих служащих, причем за Туманяном, Кулебякиным и Абазовым числилось 9, 5 и 3 человека соответственно.

⁴³ НАА. Ф. 221, оп. 1, д. 37, л. 11.

⁴⁴ НАА. Ф. 221, оп. 1, д. 37, л. 22 об.

⁴⁵ НАА. Ф. 221, оп. 1, д. 105, л. 10 и об.

Если мое предположение правильно и с содержанием письма «Бюро...» Даниэл-бек сумел познакомиться 12 февраля 1919 года (или около того), то надо сказать, что оно пришло к нему, пожалуй, в очень насыщенный боевыми делами период.

Вспомним. Еще в конце января начались массовые выступления местных мусульман, объединившихся с турецкими аскерами, и Даниэл-беку в качестве начальника Отдельной Карабахской бригады пришлось не только входить в детали операций армянских частей вокруг селения Давалу, но и вступать в непростые контакты с английским командованием. Не забудем также, что в первой декаде февраля Даниэл-бек был вынужден пристально следить за развитием событий в Басаргечарском районе, опять же, как начальник Отдельной Карабахской бригады, в зону ответственности которой входил район. Да и не только Басаргечарский район, а и северо-восточная приграничная с Азербайджаном полоса.

Со второй половины февраля не только вблизи этой полосы, но и к западу от нее татары еще больше активизировались. Ареной их массовых выступлений, помимо Басаргечарского района, стали и другие части Ново-Баязетского уезда. И на Даниэл-бека «взвалили» еще одну должность: со 2 марта он стал начальником Ново-Баязетского отряда.⁴⁶

Хотя в приказе ничего не говорится, но по логике с этого дня обязанности начальника Эриванского отряда должны были быть с него сняты. А вот две другие должности: командира 1-й пехотной бригады Армянской пехотной дивизии и начальника Отдельной Карабахской бригады, по-видимому, продолжали «висеть» на нем тяжелым грузом. Что ж, к такому совмещению ему было не привыкать!

Став начальником Ново-Баязетского отряда, Даниэл-бек с первых же дней столкнулся с необходимостью подавления вооруженного выступления мусульман, инициированного убийством ими же командира конного дивизиона, ротмистра Силикова. Обстановка обострилась.

7 марта начальник Армянской дивизии генерал Силиков доложил военному министру в секретном рапорте: «Полковник Шнеур по прямому проводу передает, что Семеновский перевал занесен снегом. Генерал Пирумов пока в Ново-Баязете (в советские времена город Камо на западном берегу озера Севан, сейчас Гавар. — Ю.П.), ожидает прибытия взвода батареи, чтобы сразу заговорить решительным языком, иначе впечатление на татар будет слабое. Татары организуются и понемногу стягиваются к восточному берегу Гокчи (Севану. — Ю.П.) назад. Генерал Пирумов считает конфликт с татарами неизбежным, что дело об убийстве ротмистра Силикова будет иметь чисто политическое значение и полагает необходимым усилить комиссию, прислав с особым выбором серьезных общественных деятелей. Арестовать зачинщиков невозможно, можно толь-

⁴⁶ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 128, л. 29.

ко с боя, так как татары организовались, вооружились и даже мирную делегацию встречают залпами... После убийства ротмистра Силюкова дезертирство в частях усилилось, меры принимаются. Главные причины — безденежье и голодовка».⁴⁷

Ощущение, что центр страны — в кольце восстания и почти все уезды вокруг него втянуты в вооруженные столкновения, при этом ни о какой стихийности речь не идет. Происходящее больше похоже на заранее спланированную акцию.

В телеграмме с грифом «Спешно», которую Даниэл-бек отправляет 15 марта начальнику дивизии, говорится, на мой взгляд, именно об этом: «По полученным сведениям, переговоры комиссии с татарами результатов не дали. Они отказались выдать трупы и имущество убитых (армян. — Ю.П.). Готовятся к столкновению, вывозя из селения все имущество и сосредотачиваясь в районе селения Зод (к востоку от юго-восточной оконечности озера Севан. — Ю.П.). Прошу скорейшего объявления Ново-Баязетского уезда на военном положении. По полученным частным (сведениям. — Ю.П.), в Зодский район из района Тохлуджа и Чомборака прибыли до 100 конных, два орудия и два пулемета. Вся татарская молодежь сосредотачивается туда же».⁴⁸

А три дня спустя, 18 марта, Даниэл-бек посылает из Ново-Баязета новое донесение, но уже военному министру и более тревожное: «Сосредоточение отряда и призыв пополнений заканчивается двадцать восьмого, так как батальон шестого полка с орудиями еще не выступил из Делижана. Для использования местных сил необходима высылка возможно большего числа винтовок, преимущественно Лебеля, к которым имеются патроны. Если будут высланы трехлинейки, то необходимы патроны, о чем прошу скорейшего распоряжения. Разведкой установлено в Зодском районе до шести тысяч вооруженных татар, по слухам, с пулеметами и конницей».⁴⁹

Шесть тысяч вооруженных людей — почти половина численности Армянского корпуса — весьма серьезная сила.

За мусульманскими выступлениями отчетливо проглядывало страстное желание азербайджанского руководства захватить исконно армянские территории, особенно Карабах. Обеспокоенный таким ходом событий, один из кандидатов в прошлом на должность командира Армянского корпуса — генерал Багратуни отправляет 19 марта 1919 года совершенно секретный рапорт председателю правительства Качазуни, а копии — военному министру Ахвердову и генералу Силюкову:

«В сфере армяно-татарских взаимоотношений вопрос о Карабахе принимает в настоящее время новый оборот. По имеющимся у нас данным, Азербейджанское правительство обнаруживает совершенно определен-

⁴⁷ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 48, л. 2 с об.

⁴⁸ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 70 об.

⁴⁹ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 48, л. 5.

ное стремление распространить свою власть над всеми чисто армянскими районами Карабаха, и не только в местах, куда в свое время совершили нашествие турецкие войска, но и там, куда не проникали ни турки, ни власть Азербейджанской республики.

Азербейджанское правительство всячески стремится учредить, организовать и ввести в Карабахе свои административные органы, и при их помощи «мирным» образом подчинить себе населенные армянами районы Карабаха... До меня дошло сведение, что правительством Республики командировано 10 — 15 человек в Карабах для введения гражданского управления. Конечно, необходимо в кратчайший срок это число увеличить в 4-5 раз.

Также до меня дошло сведение, что в Карабах должен был приехать ген. Д. Пирумов для организации бригады и введения гражданского управления. И первая, и вторая задача чрезвычайно неотложные. Если еще ген. Пирумов не выехал, необходимо, чтобы он (что весьма желательно, как ввиду его личных качеств, так и связей с Карабахом) или другое авторитетное лицо выехало в Карабах, как для формирования бригады, так для введения гражданского управления (выделено мною. — Ю.П.).

Немедленного приезда такого авторитетного лица жаждет весь Карабах. Пока отсюда (то есть из Еревана. — Ю.П.) посылается комиссия, которая мною снабжается возможно большими денежными средствами. Комиссия эта без шума, не называя даже имени Республики, будет упорядочивать и вводить гражданское управление в населенных армянами частях Карабаха». ⁵⁰

Нет, новой должности в родном Карабахе Даниэл-беку не предложили. Зато в тот же день сняли одну из старых обязанностей — начальника Эриванского отряда, объявив «для сведения» копию приказа № 69 от 19 марта «по Военному Ведомству»: «Ввиду отъезда генерал-майора Даниэл-бека Пирумова в командировку в Ново-Баязетский уезд, начальник Караклиско-Лорийского отряда Дро Канаян назначается начальником Эриванского отряда на правах командира бригады с подчинением начальнику Армянской дивизии. Караклиский отряд считать расформированным». ⁵¹

Но ведь Даниэл-бек уже со 2 марта в должности начальника Ново-Баязетского отряда активно участвует в подавлении вооруженных выступлений мусульман. Что, и этот приказ оформлен задним числом? Тогда, может, и предполагаемый приезд Даниэл-бека в Карабах для организации «секретной» бригады — всего лишь искаженный отзвук его назначения на должность начальника Отдельной Карабахской бригады, кото-

⁵⁰ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 243, л. 47, 48.

⁵¹ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 104, л. 30.

рому по приказу № 22 от 20 марта было предоставлено право «на получение 25% фуражных денег на две собственные лошади». ⁵²

Должность начальника Ново-Баязетского отряда потребовала от Даниэл-бека проявления не только его военных способностей, но и качеств дальновидного администратора и, в какой-то степени, политика, потому что военно-политический узел вокруг села Зод стягивался все туже. Ситуацию, оказалось, усугубили еще и недальновидные действия местных властей.

Чтобы выяснить все обстоятельства, в селение Зод Ново-Баязетского уезда прибывает чрезвычайная следственная комиссия, и ее председатель Парсаданов уже 22 марта рапортует военному министру:

«Ваше Высокопревосходительство, господин Министр!

Комиссия по производству всех возможных следственных действий в Басаргечарском районе прибыла в Ново-Баязет для продолжения следствия; в деле имеются указания на целый ряд незаконных действий со стороны местной администрации, к расследованию коих и приступила комиссия, предполагая через два дня закончить эту работу. Все старания комиссии проникнуть без столкновения с татарами в селение Зод остались безуспешными; последние явно игнорируют представителей власти и настроены враждебно, почему посылка отряда является неизбежной.

По заявлению генерала Пирумова, отряд может сформироваться лишь к 1 апреля, а самые действия отряда откроются еще позже; при таких условиях пребывание комиссии здесь бесцельно, тем более что после проникновения отряда в селение Зод комиссия будет лишена возможности произвести какие-либо действия, так как все следы преступления будут уничтожены. Такое продолжительное отсутствие наше вредно отразится на наших прямых служебных обязанностях, так как у следователя Цешинского имеются в производстве неотложные арестантские дела, а я выехал сюда, не сдав никому участков. Ввиду этого я беру на себя смелость просить Ваше Превосходительство возбудить в Правительстве вопрос об отозвании Комиссии обратно.

По сообщению генерала Пирумова, им возбуждено ходатайство об оставлении Комиссии здесь и возложении на нее функции военно-полевого суда, но при наличности достаточного числа офицеров и возможности назначения военных юристов к удовлетворению этого ходатайства не имеется оснований». ⁵³

Я думаю, Даниэл-бек, понимая, что конфликт имеет не только военный, но и межнациональный, и политический аспекты, полагал правильным поручить разбирательство «Зодского» дела квалифицированным специалистам.

⁵² НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 104, л. 43.

⁵³ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 71 об.

Информацию, полученную от Парсаданова, военный министр передал министру юстиции лишь неделю спустя. Гораздо скорее он проинформировал министра внутренних дел, сославшись при этом на Даниэл-бека:

«Военный Министр Армении

По Военному штабу 26 марта 1919 г., № 3295, гор. Эривань.

Министру Внутренних дел.

В разговоре по прямому проводу со мною вчера, 25 марта, генерал-майор Пирумов указал: «Надо немедленно удалить всю администрацию уезда (Ново-Баязетского. — *Ю.П.*), сплошная преступность которой видна из следствия чрезвычайной комиссии. Администрация является причиной неуспешности в уезде всех Правительственных распоряжений, в том числе реквизиции для войск». 24 марта был последний день прибытия пополнения. За все время прибыло 50 человек; без репрессий нельзя обойтись. Генерал-майор Амирян (в документе возможно опечатка и надо читать «генерал-майор Ахвердов». — *Ю.П.*). Начальник штаба, генерал-майор Долуханов». ⁵⁴

Будучи сторонником жестких мер, военный министр предложил разделить карательные функции: мол, татарами займется его ведомство, а продажной администрацией — министерство внутренних дел. Но Даниэл-бек не стал дожидаться указания «сверху» и, по-видимому, решив, что успех принесет только войсковая операция, отправил своему непосредственному начальнику телеграмму: «Эривань. Генералу Силикову из Ново-Баязета. Прошу спешно передвинуть в Ново-Баязет в мое распоряжение батальон шестого полка и еще два орудия четвертой батареи. В случае согласия Правительства на операцию, необходимо спешно объявить хотя бы частичную мобилизацию». ⁵⁵

А чтобы запастись оружием, 28 марта в 20 часов 35 минут Даниэл-бек отправляет телеграмму министру юстиции Арутюнянцу: «В Мировых отделах и у следователей имеются винтовки как вещественные доказательства. Прошу распоряжения передать их в мое распоряжение». ⁵⁶

Министр откликнулся на следующий же день — послал одну телеграмму ново-баязетскому мировому судье: «Предлагаю годные винтовки как вещественные доказательства по совершенно оконченным делам, подлежащие передаче в Артиллерийский склад, передать генералу Пирумову». ⁵⁷ А другую — председателю чрезвычайной комиссии Парсаданову: «Завтра выезжает английский полковник Темперлей по поручению генерала Томсона (командующего британскими вооруженными силами в Закавказье. — *Ю.П.*) урегулировать Зодское событие. Если по приезде Темпер-

⁵⁴ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 277, л. 14.

⁵⁵ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 34.

⁵⁶ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 85, л. 16.

⁵⁷ НАА. Ф. 206, оп. 1, д. 85, л. 19.

лея опять не будет возможности производить следствие, тогда комиссия должна возвратиться, передав всю власть генералу Пирумову».⁵⁸

Полковник Темперлей появляется в Ново-Баязете, потом едет в Басаргечар, где встречается с Парсадановым. Даниэл-бек все это время начеку. 29 марта он телеграфирует Силикову: «По полученным сведениям, британский офицер, выслушав доклад Комиссии, выслал (очевидно, это опечатка и следует читать «вызвал». — Ю.П.) представителей татар в Басаргечар, но они не прибыли и ответа не дали. Офицер сегодня же прибывает обратно в Ново-Баязет. По последним сведениям мусульмане Зодско-го района (подчеркнуто в документе. — Ю.П.) приготовлялись дать сильный отпор».⁵⁹

И Силикову, и Даниэл-беку было понятно: уговоры тут не помогут. Надо готовиться к силовой операции, и готовиться основательно. Чтобы снабдить Ново-Баязетский отряд всем необходимым, Силиков посылает 31 марта срочную телефонограмму № 1537 министру внутренних дел: «Прошу спешных распоряжений Уездным комиссарам о беспрепятственном пропуске всех грузов подряд генерала Пирумова (так в тексте. — Ю.П.) и оказании содействия скорейшей перевозке их к месту назначения».⁶⁰

А 1 апреля предпринимает новую попытку. Его рапорт с грифом «Секретно. Весьма спешно» ложится уже на стол военного министра: «Вчера генерал Пирумов по прямому проводу передал мне, что у них совершенно нет денег и отряд в критическом положении в отношении продовольствия. По его сообщению, деньги в Ново-Баязетском казначействе в количестве трехсот тысяч (300.000) рублей имеются. Есть также продовольствие в Гезел-Даре, которое находится в распоряжении Продовольственного отдела. Отряд скоро достигнет около трех тысяч человек и до тысячи лошадей. Необходим регулярный подвоз продовольствия и снабжение отряда деньгами, дабы можно было бы ввиду ограниченности у нас продовольствия приобретать таковое у местного населения, в особенности у татар, о чем я генералу Пирумову приказал сделать распоряжение и организовать своими средствами закупку. В отряде идут усиленные занятия, недостаток в оружии. О высылке последнего сделаны мною распоряжения. Необходимо сделать распоряжение через Министра Внутренних дел Комиссарам (уездным. — Ю.П.), чтобы последние принимали все меры к скорейшей доставке продуктов и оружия, направляемых в отряд генерала Пирумова. Если отряд будет обеспечен продовольствием и оружием, **то генерал Пирумов за успех ручается** (выделено мною. — Ю.П.). Донося о вышеизложенном, прошу распоряжения:

1) если не переведены деньги — немедленно перевести;

⁵⁸ НАА. Ф. 206, оп. 1, д. 85, л. 18.

⁵⁹ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 35 и Ф. 201, оп. 1, д. 169, л. 10.

⁶⁰ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 45, ч. 2, л. 238.

2) чтобы Продовольственный отдел сделал распоряжение о выдаче зерна и картофеля из складов, находящихся в Новобаязетском районе;

3) Интенданту Военного министерства необходимо обратить особое внимание на снабжение отряда продовольствием и организацию этого дела».⁶¹

И 2 апреля на рапорте Силикова появляется жизненно важная резолюция, тоже с грифом «Спешно. Секретно»: «Министру Внутренних дел. По приказанию Военного министра прошу распоряжений Комиссарам (уездным. — Ю.П.) о принятии последними мер к скорейшей доставке продуктов и оружия, направляемых в отряд генерала Пирумова. Начальник Военного Штаба генерал-майор Долуханов».

«Ручаться за успех», зная о численном перевесе татар: почти шесть тысяч против его трехтысячного отряда?! Но Даниэл-бек был настроен решительно. Вдруг, как гром среди ясного неба, во второй половине дня все того же 2 апреля — охлаживающая пыл телеграмма:

«Товарищу (заместителю. — Ю.П.) Военного министра Армении. Генерал-майору Силткову (скорее всего, опечатка, и надо читать «Силикову». — Ю.П.): Совет Министров, обсудив положение дел у сел. Зод, постановил послать немедленно телеграмму или сообщить каким-либо другим способом генерал-майору Пирумову следующее: принять все меры уладить конфликт мирным путем. Если это не удастся, то не прибегать к силе оружия, не испросив предварительного разрешения нашего Правительства. Сообщаю для распоряжения. Подлинный подписал Военный министр генерал-майор Араратов. Верно: Начальник Военного штаба генерал-майор Долуханов».⁶²

А вдогонку, утром следующего дня, в 11 часов 15 минут Силикову приносят новое распоряжение кабинета министров: «О докладе служебного разговора капитана Медведева с подполковником Шнеуром, имевшего место 2 апреля в 22 ч. 30 мин. (подчеркнуто в документе. — Ю.П.). Министр-председатель приказал сообщить генералу Пирумову следующее: задачей отряда генерала Пирумова Правительство Армении считает осуществление допуска татарами с. Зод нашей следственной комиссии (подчеркнуто в документе). Поэтому условия, о которых говорил подполковник Шнеур капитану Медведеву в служебном разговоре 1 апреля в 14 ч., не могут быть предъявлены татарам, так как все вопросы должны быть разрешены следственной комиссией. Вновь повторить генералу Пирумову, что если принятые меры к разрешению допуска следственной комиссии в с. Зод не приведут к положительному результату мирным путем, то генерал Пирумов обязан донести по команде своему Правительству и не применять силы оружия, пока не получит на то приказания нашего Правительства.

⁶¹ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 45, ч. 1, л. 237 с об.

⁶² НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 58.

Подлинное подписал Военный министр генерал-майор Араратов. Верно: Начальник Военного штаба Армении генерал-майор Долуханов».⁶³

Но татары, наплевав на полковника Темперлея и его высокую миссию, «закусили удила». Несговорчивость сулила им непрерывную подпитку бойцами, оружием и продовольствием из соседнего государства, и отказываться от этой «помощи» они не собирались. Даниэл-бек, конечно же, был в курсе происходящего, так что его вряд ли удивил текст телеграммы, которую он получил от министра иностранных дел 3 апреля: «Генералу Пирумову. Прошу спешно передать британскому полковнику Темперлею. 22 марта мною была послана в Баку Министру Иностранных дел Азербайджана следующая телеграмма: «В последнее время в районе селения Зод сельчане убили четырех офицеров и свыше десяти солдат второго конного дивизиона. Посланная Правительством следственная комиссия встречена была ружейным огнем. Сопротивление действиям властей было поддержано прибывшими из Азербайджана массами вооруженных лиц. Считая совершенно недопустимым переход из Азербайджана на территорию Армении вооруженных лиц, я, по поручению моего Правительства, энергично протестую против подобных действий и настоячиво прошу срочных распоряжений, дабы местные административные власти удерживали граждан Азербайджана от вооруженных выступлений и нарушений порядка на территории Армении». 2 апреля мною получена из Баку от Министра Иностранных дел Азербайджана следующая телеграмма: «Район селения Зод находится в пределах Азербайджана, поэтому на обязанности Правительства Армении лежит, во избежание печальных недоразумений, не допускать нападение армянских вооруженных сил на территории Азербайджана». В ответ на это мною сегодня телеграфировано Министру Иностранных дел Азербайджана: «В дополнение моей (телеграммы. — Ю.П.) № 794 ответ на Вашу № 593. Для расследования происшествий в селении Зод, установления виновных и привлечения их к законной ответственности, Правительством Армении была отправлена чрезвычайная следственная комиссия, которая, однако, не была допущена вооруженными татарами района к выполнению своей обязанности. Правительством предписано военному отряду осуществить допуск чрезвычайной комиссии к производству следствия. Британский полковник Темперлей по поручению генерала Томсона выехал в Зод произвести следствие. Вас, господин полковник, извещаю, что генералу Пирумову Правительством поручено принять все меры уладить конфликт мирным путем, если это не удастся, не прибегать к силе оружия без предварительного испрошения разрешения Правительства».⁶⁴

⁶³ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 59.

⁶⁴ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 60 с об.

Ответ из Баку — типичная дипломатическая отписка. И к тому же лживая. На карте масштаба в 1 дюйме 20 верст, когда трех независимых закавказских государств еще и в помине не было, село Зод — точнехонько в пределах Ново-Баязетского уезда, который полностью входил в Эриванскую губернию, ставшую после провозглашения республики централизующим территориальным компонентом независимого армянского государства.

Пока правительственные мужи Армении вместе с представителем английского командования пытались мирными методами урезонить непокорных мусульманских граждан, те, уверившись в безнаказанности, совсем распоясались. 4 апреля произошел очередной инцидент, о котором Даниэл-бек два дня спустя извещает генерала Силикова телеграммой: «...днем Ташкендские татары напали на пастбища селения Кирх-Булаг. Угнали 160 овец, убили одну девушку, ранили другую...»⁶⁵

В телеграмме об угоне овец сообщается в первую очередь, увы, у войны свои приоритеты: смерть человека — обычное дело, а вот потеря овец — настоящая трагедия для оставшихся в живых.

А 7 апреля генерал Силиков получает от Даниэл-бека новую телеграмму: «По донесению Мушега, с трудом доставленному, Сасунцы (по-видимому, речь идет о Сасунском отряде. — Ю.П.) тесно окружены в Даралагезе татарами, их цепи находятся в четырех верстах от Сасунцев. Ежедневно татары нападают, особенно ночью. Только доблестная оборона спасает... Дорога Зинджирзлу — Давалу прервана, на ней татарами убито до 15 армян. Селение Хосров также занято татарами. Положение Сасунцев крайне тяжелое, о чем доношу для оказания помощи со стороны Даралагеза и со стороны Башгярни».⁶⁶

Территория Шаруро-Даралагезского уезда, наряду с Нахичеванским, до конца апреля не была частью Республики Армения, а входила в так называемую «Аракскую Республику», где всем заправляли татарские ханы, кровно ненавидевшие армян. В телеграмме, отправленной Даниэл-беком 8 апреля, говорится: «...участились случаи захвата Даралагезскими татарами армян соседних селений... захвачены четыре жителя селения Пашалу, судьба их неизвестна...»⁶⁷

Тут даже у лояльно настроенного к татарам полковника Темперлея стало истощаться терпение, о чем Даниэл-бек незамедлительно сообщил Силикову: «Полковник Ишханов из Басаргечара доносит, что в 19 часов 50 минут 9 апреля полковник Темперлей вернулся из Зода. Он заявил татарам, что 11 апреля армянские войска должны занять татарские селения. Татары заявили, что занятие селений армянскими войсками возможно лишь в присутствии английского представителя, иначе они их покинут. Зодские татары заявили, что об убийстве Силиковых (так в тексте — во мно-

⁶⁵ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 77.

⁶⁶ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 169, л. 30.

⁶⁷ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 288, л. 11 с об.

жественном числе. — Ю.П.) ничего не знают. Полковник Темперлей временно остается в Зоде вместо английского представителя. Татары все вооружены. 11 апреля выезжаю. Поставлю условием обезоружить татар, ранее этого вводить войска при их малочисленности нельзя. Прошу спешных инструкций о занятии района».

К этой телеграмме есть дополнение: «По желанию полковника Темперлея занятие татарских селений Ташкенд, Зод, Большая Мазра и Малая Мазра назначено на 13 апреля. Одновременно татары будут разоружены мирным путем, а в случае сопротивления — оружием».⁶⁸

Оглядываясь на первые девять месяцев службы Даниэл-бека в армии Первой республики, нельзя не заметить, что они были насыщены в 1918 году сначала конфликтами с постепенно терявшей свою прежнюю силу Турцией, периодически провоцировавшей армянские вооруженные силы, затем с Грузией, а первые месяцы 1919 года — с «внутренним» противником, выступления которого с каждым разом становились все упорнее и ожесточеннее и требовали от военного руководства Армении изменения стратегии и тактики, а также, может быть, не в последнюю очередь по этой же причине и реорганизации армейской структуры.

В быстро меняющихся условиях «внутренней» войны и при сохраняющейся возможности возобновления войны с соседями (например, даже после окончания армяно-грузинской войны отношения между двумя странами оставляли желать лучшего) особенное значение приобретает взаимодействие отдельных родов войск, например пехоты и артиллерии. С учетом новых реалий и был издан приказ по Военному ведомству № 133 от 14 апреля 1919 года, коснувшийся лично Даниэл-бека:

«Переходя к новой организации пехоты на отдельные бригады 2-х полкового состава с включением в состав бригад отдельных артиллерийских дивизионов, а также к реорганизации соответственно этому Военного штаба и Управлений Министерства, приказываю: в составе 1-й Отдельной Армянской пехотной бригады под начальством генерал-майора Пирумова считать 2-й и 3-й Армянские пехотные полки и 1-й Отдельный Армянский артиллерийский дивизион в составе 1-й легкой и 6-й горной батарей. Подписал: Начальник Военного штаба подполковник Багдасаров».⁶⁹

Так как в приказе ничего не сказано о том, расстанется ли Даниэл-бек, в связи с перестановками, с должностью начальника Ново-Баязетского отряда, я предположил, что ему как всегда добавили очередные обязанности — по совместительству. Но когда в день выхода этого приказа, то есть именно 14 апреля, а не 13-го, как было сначала согласовано с полковником Темперлеем, армянские войска двинулись на мятежные татарские селения, Даниэл-бек — то ли еще не зная об этом приказе и о своей

⁶⁸ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 76.

⁶⁹ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 132, л. 51.

новой должности (его назначение на эту должность было подтверждено приказом № 64 тринадцать дней спустя — 27 апреля 1919 года. — *Ю.П.*)⁷⁰, то ли просто по привычке — докладывал о ходе операции как начальник Ново-Баязетского отряда: «Согласно предложению полковника Темперлея, 14 апреля Ново-Баязетский отряд в 7 часов утра выступил двумя колоннами для занятия татарских селений. Войска шли в полном порядке с зурной, имея целью мирным путем это сделать. Не допустив на близкую дистанцию, татары селения Большая Мазра внезапно открыли сильный ружейный огонь. Однако наша пехота огня не открывала, продолжая наступать, но по селению сделано несколько артиллерийских выстрелов, заставивших татар отойти. Оказалось, что селение уже раньше было покинуто жителями, увезшими все имущество, а огонь открыли татарские хумбы (группы. — *Ю.П.*). То же повторилось при занятии Гусейн Карали, Агалу, Коша-Булаг, Галбаши и Сири Ягуни. При приближении к селению Ташкенд, татары большими массами встретили наши войска боем далеко впереди этого селения. Наши войска перешли в боевой порядок. Бой длился пять часов. В 16 часов Ташкенд занят. Татары отошли в горы. 14 апреля убито 3 солдата, ранен подполковник Ишханов. Он и более 15 солдат после перевязки вернулись в строй. Убито 3 лошади. Все распоряжения делались в присутствии и с ведома полковника Темперлея, наблюдавшего за боем. Никаких насилий и грабежа войсками чинимо не было. Они действовали в полном порядке. Частные лица и хумбы (здесь — уже армянские группы партизанского типа. — *Ю.П.*) к операции допущены не были. Отряд передовыми частями занимает Большую Мазру, Гусейн Кули (так в тексте. — *Ю.П.*), Агалу, Галбаши, Ташкенд. Резерв в Басаргечаре. 14 апреля 21 ч.»⁷¹

Цель достигнута — можно и передохнуть? Не тут-то было. Уже на следующий день армянские войска втянуты в новые сражения. Даниэл-бек уведомляет генерала Силикова: «15 апреля в 7 ч. 30 мин. к селению Зод были высланы парламентареры с белым флагом, но татары открыли по ним огонь, посланные вторично парламентареры не были подпущены. Тогда Карабахский батальон перешел в наступление и без выстрела занял в 10 ч. Зод. Татары бежали. То же произошло при занятии селений Сары-Ягуб, обеих Кара-Гоплы, Агкилиса, Зарзибила. Все села оказались оставленными жителями. Все имущество вывезено заранее. Ранены один офицер, 18 солдат и две лошади, убиты 3 солдата и 3 лошади. 15 апреля. 2 ч.»⁷²

Следом другая телеграмма: «15 апреля разведчики, отправленные на селение Шорджалу с мирным населением, были обстреляны. 16 апреля части, занимавшие Ташкенд, стали продвигаться к селению Шорджалу, но были встречены огнем засевших там татар. После обстрела селе-

⁷⁰ НАА. Ф. 204, оп. 1. д. 131, л. 24 об.

⁷¹ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 48, л. 9 и НАА Ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 86.

⁷² НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 48, л. 10 и НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 89.

ния артиллерийским огнем, татары отошли на восток в горы. То же повторилось в Шорджалу: лишь только было заметно, что татары отходят, мною было приказано прекратить артиллерийский огонь. В обоих селениях ни жителей, ни имущества не оказалось. Потери: два солдата раненых. 16 апреля. Басаргечар».⁷³

Эта дата и это селение символичны не только с точки зрения хода боевых операций под руководством Даниэл-бека, направленных против мятежных мусульман. А еще и потому, что именно 16 апреля 1919 года и именно из селения Басаргечар он смог послать свои воспоминания, написанные по просьбе руководителей «Бюро по установлению потерь армянского народа от Всемирной войны».

Значит, почти весь февраль, март и часть апреля, выкраивая время между непростыми прямыми служебными обязанностями, Даниэл-бек, находясь вдали от Еревана и не имея под рукой документов, восстанавливал по памяти события годичной давности. Результатом и явилась его шестистраничная записка, фрагменты из которой я цитировал и которую Даниэл-бек со штампом «Начальник Отдельной Карабахской бригады» направил 16 апреля 1919 года Начальнику Военного штаба, а Военный штаб, по-видимому, переправил этот материал в «Бюро по установлению потерь армянского народа от Всемирной войны».

Не знаю, внес ли А.П. Кулебякин воспоминания Даниэл-бека без редакторской правки в окончательный вариант своего очерка, но в черновом наброске остался такой след:

«Вот какими красками рисует эту мусульманскую работу (убийства, грабежи и т.п. — Ю.Л.) Начальник Отдельной Карабахской бригады генерал-майор Пирумов в своем рапорте Начальнику Военного штаба от 16 апреля 1919 г. (№ 421):

«К сожалению, находясь сейчас в дальней командировке, не могу воспользоваться богатым материалом, имеющимся в Штабе дивизии, но постараюсь как Начальник Эриванского отряда и свидетель всего происходившего в районе формирования 1-ой дивизии сообщить наиболее яркие факты, бывшие у меня на глазах. Подробные даты, если понадобится, можно установить по переписке, а пока перечисляю главнейшие события...»⁷⁴ И далее слово в слово следовал текст воспоминаний Даниэл-бека.

Будучи ответственным человеком, Даниэл-бек считал необходимым в тот же день 16 апреля 1919 года ответить и капитану Абазову, которого А.П. Кулебякин собирался командировать в Ереван.

«Дорогой Николай Сергеевич!

⁷³ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 48, л. 8 и НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 90 об.

⁷⁴ НАА. Ф. 121, оп. 1, д. 39, л. 39.

Извиняюсь, что обстановка не позволила мне исполнить Вашу просьбу и дать Вам нужные сведения о наших переживаниях во время отделения от русской армии, этому, конечно, и Вам известно, причиной создавшаяся обстановка, заставившая меня бросить временно Эривань.

Находясь вдали от Штаба дивизии, где находятся все данные по интересующему нас вопросу, я при всем своем желании не мог предоставить в Ваше распоряжение что-нибудь ценное, изложенное в хронологическом порядке, а потому решил отложить до более удобного времени.

Теперь оказалось, что мусульмане Эриванского уезда представили в Парламент Азербейджана протест, в котором сообщают, что в течение 1917 – 1918 – 1919 гг. армянскими войсками уничтожены и разорены около 200 татарских сел, население коих перебито или подвергнуто было голоду и холоду и таким образом погибло.

Имея в виду серьезность и важность этого протеста и желая представить представителям Союзных держав точную картину армяно-татарских столкновений, Военный министр просил меня как формировавшего в Эривани Первую Армянскую дивизию и как Начальника Эриванского отряда прислать ему в Военный штаб все имеющиеся у меня по этому делу материалы.

Конечно, эту просьбу исполнить в точности, за неимением под рукой документов, было очень трудно, но некоторые факты, которые никак забыть нельзя и которые запечатлелись в памяти, я изложил, как помнил, почему они приняли характер конспекта.

Не зная, когда мы встретимся, я счел необходимым одну копию прислать Вам. Полковник Темперлей также взял у меня копию.

Примите мой привет. Уважающий Вас, Д.А. Пирумов. 16/IV 19 г. Столица Басаргечар (подчеркнуто в письме. — Ю.П.)⁷⁵

Думаю, капитан оценил юмор Даниэл-бека, возвысившего пункт своего пребывания до уровня «столицы».

Это письмо до капитана дошло, судя по имеющейся рукописной пометке: «Получено 5 мая 1919 г. гор. Эривань. Н. Абазов». Значит, средства на его командировку все же нашлись, он прибыл в Ереван и, надеюсь, собрал богатый урожай в виде воспоминаний других армянских военачальников.

На основе всех собранных материалов А.П. Кулебякин написал очерк или, как его называют в некоторых источниках, «доклад», насчитывающий более 300 страниц. Доклад был представлен одной из двух армянских делегаций на Парижской мирной конференции, и надо отдать должное руководству «Бюро по установлению потерь армянского народа от Всемировой войны» и лично А.П. Кулебякину за проделанную работу. Сотрудники «Бюро...» сделали все, что могли, в создавшихся условиях, но, к сожалению, из-за отсутствия средств эта организация к лету 1919 года была вынуждена прекратить свою деятельность.

⁷⁵ НАА. Ф. 121, оп. 1, д. 28, л.л. 35, 36.

А Даниэл-бек, выполнив 16 апреля 1919 года просьбу «Бюро...», в следующие дни продолжал заниматься уже привычным делом — усмирением восставших мусульман.

Овладев «осиным гнездом» — селом Зод, армянские войска занялись зачисткой в других селениях. Обогнув с боями восточную сторону озера Севан, они двинулись на север, по пятам бандитов. Теперь телеграммы от Даниэл-бека летят вообще одна за одной, с такой частотой, что дают возможность проследить за освободительным походом со всеми подробностями:

«17 апреля части Карабахского батальона (подразделение Ново-Баязетского отряда. — *Ю.П.*) стали продвигаться от Зод на Изаг-даг. Селение оказалось пустым. Не доходя до Султан Али-кишляга, роты были обстреляны татарами, засевшими в селении. Здесь было оказано сильное сопротивление, после чего селение было занято. То же повторилось при продвижении к селению Огруджа. Жителей нигде не оказалось. Завтра высылаю парламентаров к Малой Мазре с предложением впустить войска. Потери: убит один артиллерист, ранено три стрелка. 17 апреля. 22 часа».⁷⁶

«18 апреля в 8 часов утра татары в больших силах пытались приблизиться к селению Султан Али-кишлягу, но отбиты огнем. В 20 часов заняты селения Гясаман и Малая Мазра, оказавшие небольшое сопротивление и не принявшие высланных парламентаров. Селение Шишкая оказалось занятым большими силами, почему его занять до вечера не удалось. 18 апреля. 22 часа».⁷⁷

«18 апреля в 16 часов к селению Шишкая была выслана рота Карабахского батальона для мирного его занятия, однако рота была встречена татарами огнем, причем ранены прапорщик Хачатуров и два солдата, убит один солдат и одна лошадь конного дивизиона. 19 апреля была подведена артиллерия и селение атаковано тремя ротами. Татары оказали сильное сопротивление в течение двух часов, причем по маневрированию в стрельбе правильными залпами ясно было руководство офицерами. В 15 часов селение занято, при отходе татар обнаружилось, что селение было занято пехотой и конницей числом не менее 1000. Жителей и имущества не оставлено. По словам одной оставшейся татарки, в селении были сосредоточены татары изо всего окружного района. Ранены прапорщик Мхитарянц, 8 солдат и 2 лошади. Убит 1 солдат».⁷⁸

«20 апреля в 5 часов на роту Карабахского батальона, стоящую в Огрудже, татарами сделано нападение, которое отбито. Ранен один солдат».⁷⁹

⁷⁶ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 88.

⁷⁷ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 6 об.

⁷⁸ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 7, 7 об.

⁷⁹ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 9, 9 об.; НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 96.

«24 апреля, на рассвете, на полевой караул у селения Зод татарами сделано нападение, которое отбито. Ранено 2 солдата, из них один тяжело». ⁸⁰

Читаешь эти телеграммы — и будто сам пробираешься под смертоносными пулями от села к селу. И молишь только об одном — дожить. Сначала — до утра, потом — до вечера. И нет этому подвигу конца. Когда же, наконец, сопротивление татар пошло на убыль, в это, наверное, трудно было поверить...

Но вот уже и некое подобие порядка установлено, и старания бойцов оценены по достоинству приказом № 151 от 28 апреля 1919 года: «Действия отряда генерал-майора Даниэл Бек-Пирумова (так в тексте. — *Ю.П.*) в районе с. Зод по отзыву полковника Английской службы Темперлея были **настолько отменны в отношении дисциплины и отваги офицеров и солдат при занятии с боем татарских селений вышеназванного района** (выделено мною. — *Ю.П.*), что полковник Темперлей, прибыв по окончании операции в Эривань, счел себя обязанным доложить нашему правительству о выдержанных действиях отряда. Совет Министров, выслушав 24 сего апреля отзыв полковника Темперлея, **постановил благодарить генерал-майора Пирумова и всех офицеров и солдат его отряда за выказанные боевые качества** (выделено мною. — *Ю.П.*).

Объявляя о вышеизложенном по Военному Ведомству для сведения, приказываю генерал-майору Пирумову особо отличившихся офицеров представить к производству в следующий чин за боевые отличия, а для награждения солдат приказываю Начальнику Штаба выслать в распоряжение генерал-майора Пирумова георгиевские кресты по расчету 4 креста на каждую роту, батарею и эскадрон.

Генерал-майора Пирумова и Начальника его Штаба Генерального Штаба подполковника Шнеура как офицеров со славным боевым опытом, создавших и одухотворивших Зодский отряд, счастлив благодарить от лица молодой Армянской армии, впервые получившей столь лестный отзыв от представителя Английской армии (выделено мною. — *Ю.П.*). Подписал: Военный министр генерал-майор Ахвердов». ⁸¹

Думаю, здесь под словами «Зодский отряд» не надо понимать очередную армейскую структуру. Скорее всего, это просто обозначение подразделения, действовавшего в районе села Зод.

Непростое выпало время. Республике пришлось так трудно, что она даже не успела обзавестись собственными наградами, а платой за ее независимость стали огромные человеческие жертвы, голод и нищета населения. Турки разрушили множество селений, вывезли все, что представляло хоть какую-то ценность, но страна справилась — и это главное. Верилось, теперь-то уж все наладится. На май были назначены выборы в пар-

⁸⁰ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 8 об.; НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 263, л. 99 об.

⁸¹ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 132, л. 68 об.

ламент — на основе всеобщего и равного избирательного права. Проведена частичная реорганизация армии. Появилась возможность заняться административным устройством страны и, в первую очередь, присоединением Карсской области — слишком важным стратегическим районом, прикрывавшим республику с запада, чтобы не отстаивать его.

Турции как раз стало не до Армении, потому что, вдобавок к решению Парижской мирной конференции об отторжении от нее многих территорий, 15 мая 1919 года в порт Измира вошли греческие броненосцы и под прикрытием эскадры Антанты адмирала Кальторпа начали высадку десанта. Эту дату большинство историков считают началом греко-турецкой войны.

Из Карсской области турецкие войска ушли еще в январе 1919 года, но их тут же сменили англичане, которые, по мнению А.И. Деникина, «...отнеслись с большим интересом к новообразованию (вместо турецкого военного управления в Карсской области была образована так называемая «Юго-Западная республика». — Ю.П.), но хранили полное молчание относительно его будущей судьбы, приводя тем в крайнее беспокойство претендентов на Карсское наследие — Грузию и Армению. Со времени турецкого нашествия большая часть русского населения и почти все армянское население бежали из Карсской области, в которой образовалось фактическое преобладание турецкого элемента. Все земли, скот, сельскохозяйственный инвентарь, всякое добро беженцев попало в руки турок, и теперь «Юго-Западное правительство» противилось всеми способами возвращению беженцев».⁸²

Противился этому и полковник Темперлей, откровенно покровительствуя полутурецкому правительству «Юго-Западной республики», так как «английское командование не имело вовсе своей политики в карском вопросе...»⁸³

Но, поощрив высадку греческого десанта на побережье Турции, Англия как бы отмахнулась от своего традиционного туркофильства, как от надоедливой мухи, и этот новый настрой мгновенно отразился на судьбе спорной территории. Полковник Темперлей покинул Карс, в области воцарился английский губернатор — генерал Ассер, «Юго-Западное правительство» было отстранено от власти. Около трех недель ее осуществлял генерал Ассер и назначенный им «Совет», в который вошли представители всех национальностей, проживавших в области. Цели и устремления членов «Совета» были настолько разными, что добиться порядка им так и не удалось. Воспользовавшись этим, грузинские войска оккупировали северную часть формально существующей «Юго-Западной республики», заняв, в том числе, и крупный город Ардаган, но под давлением англичан

⁸² Деникин А.И. Указ. соч. С. 265.

⁸³ Там же. С. 266.

ушли из него, правда, недалеко. Англичанам пришлось задуматься: кому передать карсское наследство? Их выбор пал на Армению. И теперь уже армянское правительство ломало голову: кого назначить на должность военного коменданта Карса, а кого — на должность гражданского губернатора Карсской области.

Гражданским губернатором области стал генерал Степан Корганов, а комендантом Карсской крепости (приказ № 71 от 17 мая 1919 года)⁸⁴ — мой дед. Об отдыхе «на теплом месте» глупо было даже помыслить, да он и не мечтал, получше многих знал, что его ожидает: «Жизнь области, в которой причудливой мозаикой переплелись взаимно враждебные народности, где даже в наиболее благоприятных районах армяне составляли лишь относительное большинство населения, приняла после этого (после присоединения к Армении. — *Ю. П.*) иной колорит: там, где турко-татары давили армян, армяне стали давить турко-татар, и атмосфера ненависти становилась все напряженнее, все гуще...»⁸⁵

Карс — город, как бы самой природой предназначенный для обороны от неприятеля. Еще Ф.Х.Б. Линч обратил внимание на то, как удачно он расположен: «...местоположение этой крепости... отчасти объясняется течением реки (Карс-чая. — *Ю. П.*), которая, против ожидания, здесь течет не на юг, то есть к Араксу, в который она впадает, а как раз в противоположном направлении... Извиваясь на протяжении шести верст по дну расщелины, она пробивается сквозь темную горную массу и затем выходит в более ровную местность к северу от гряды, которую она отделяет от возвышенности на западе. Гора-остров, неприступная с одной стороны, благодаря свешивающимся над рекой кручам, и легко защитимая с других сторон — **вот позиция Карса, которая с древнейших времен должна была быть укреплена...**» (выделено мною. — *Ю. П.*).⁸⁶

Но, несмотря на превосходные природные условия, с подачи грузинских политиканов — руководителей Закавказского сейма — город был бездарно сдан туркам за год до того, как Даниэл-бек стал его комендантом.

Когда же Карсская область, наряду с Шаруро-Даралагезским и Нахичеванским уездами, вошла в состав Республики Армения, ее не переименовали в уезд, она осталась областью и самой крупной частью страны (более 16 тысяч квадратных километров), где кроме Карса большими городами считались Олти, Ардаган, Кагызван и Сарыкамыш. Железная дорога связывала центр области с Сарыкамышем на юго-западе и Александрополем на северо-востоке. Александрополь был практически родным городом для Даниэл-бека, но и окрестности Сарыкамыша он знал не понаслышке. В 1894 году как раз в этих местах проводился

⁸⁴ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 131, л. 27 об.

⁸⁵ Деникин А.И. Указ. соч. С. 267.

⁸⁶ Линч Х.Ф.Б. Армения. Путевые очерки и этюды. Тифлис: Торговый дом «И.Е. Питоев и Ко», 1910. Т. 1. С. 502, 503.

Вид на Карсскую крепость

Вид на город Карс

лагерный сбор строевых офицеров, и он там был. А в самом начале войны на Кавказском фронте, к западу от границ области, на исходных позициях Сарыкамьшского отряда Даниэл-бек получил свои первые ранения. Бывал он и на севере Карсской области, а в селе Дигур (Дигурь, Дигури) в 1897 году даже занимался переписью населения. Так что новый район не был Даниэл-беку совсем уж чужим. Но вот в сам Карс ему, похоже, раньше заезжать не случалось.

Как ни странно, и об этом даже Деникин написал, никаких особых выгод присоединение Карсской области не принесло: «Увеличение территории Армении в апреле, устранив чрезмерную скученность населения, имело, однако, два неблагоприятных последствия: увеличение числа голодных ртов и введение в организм страны новых значительных контингентов враждебного ей мусульманского населения».⁸⁷

Но задумываться об этих последствиях Первой республике было недосуг, она укреплялась. В начале мая 1919 года были проведены выборы в органы местного самоуправления, а с 21 по 23 июня, уже на основе всеобщего голосования, был избран парламент на многопартийной основе и создано новое правительство во главе с Александром Ивановичем Хатисяном (Хатисовым). Как и ожидалось, большинство мест (72 из 80) в парламенте досталось партии «Дашнакцутюн»: основные политические цели ее программы — создание свободной, независимой и объединенной Армении, устройство страны на демократических и социалистических основах — не могли не привлечь массового избирателя.

Сам Даниэл-бек привычно сторонился политики, но я думаю, он желал видеть Армению свободной, независимой и объединенной. Хотя как и большинство кадровых военных, переживших Временное правительство с его сомнительными экспериментами по общественному устройству, к социализму он, скорее всего, относился отрицательно. А некоторые элементы этого строя, вошедшие в обиход в России после прихода к власти большевиков, — реквизиции, конфискации имущества и тому подобное — наблюдал еще и будучи в Ново-Баязетском уезде. Об этом он пишет 22 июня 1919 года на бланке «Комендант крепости Карс» рапорт министру внутренних дел:

«Просимые Вами сведения получались от членов чрезвычайной следственной комиссии и офицеров Карабахского Конного дивизиона, производивших реквизиции лошадей в Ново-Баязетском уезде. Для выяснения массовой преступности администрации этого уезда необходимо назначить особую следственную комиссию, которая, пользуясь материалами, уже собранными чрезвычайной комиссией, сведениями, имеющимися у офицеров бывшего Конного дивизиона, и опросом на месте жителей выяснит преступность безусловно всей администрации в одном из следу-

⁸⁷ Деникин А.И. Указ. соч. С. 317.

ющих видов преступления: взяточничестве, присвоении чужого имущества (жителя сел. Ташкент Машади Касума), разного рода преступлениях при реквизиции лошадей для Конного дивизиона (реквизированные для дивизиона лошади оказались у чинов администрации, у которых и были отобраны) и полном бездействии власти всех остальных, спокойно смотревших на преступления своих подчиненных, открытом вывозе своего имущества бывшим начальником милиции, которое подлежало задержанию, согласно приказа Министра Внутренних дел».⁸⁸

Мне казалось, что новая должность Даниэл-бека предполагала локализованные служебные обязанности — в стенах крепости, либо, в крайнем случае, они ограничивались бы городской чертой, ведь приказ сформулирован очень четко: «...назначается комендантом крепости Карс». Но, будучи комендантом крепости, Даниэл-бек 22 июня телеграфирует командарму почему-то о том, что творится в области: «В районах Мерденекского и Сарыкамышского отрядов без перемен. С Кагызманского донесение не поступало. Начальник Мерденекского отряда доносит, что разбойничьи шайки курдов от Мерденека и от Ардагана разбиваются. Жители относятся к нашим властям весьма доброжелательно, благодаря положительной стороне поведения наших».⁸⁹

Создается впечатление, что должность коменданта крепости предполагала также и не закрепленные официально обязанности контролировать военную обстановку в области. Таким образом, Даниэл-бек как бы становился в один ряд с главой гражданской областной администрации С. Коргановым.

То ли Даниэл-бека ввели в заблуждение представители курдов, то ли он поначалу просто не разобрался, но уже 30 июня командарм получает от него телеграмму в совершенно ином тоне: «По непроверенным сведениям, полученным от лица, заслуживающего доверия, на границе Каракурт, Караурган, Бардус, Ольты спешно подготавливается восстание мусульманских банд под руководством турецких офицеров и аскеров с целью наступления на Карс и дальше. За последние три дня поступающие сведения подтверждают намерения мусульман. Ввиду переживаемого момента, мной приступлено к формированию народной гвардии, для чего вытребовал из Александрополя триста берданок. Предполагаю организовать местные сельские силы, также предполагаю сформировать кое-какую крепостную артиллерию, хотя бы на некоторых пунктах. Для всех этих организаций необходимы офицеры всех родов оружия, о чем прошу Вашего спешного распоряжения. 21 час».⁹⁰

Турецкий каток, пронесшийся по большей части территории Армении, вверг страну в экономический упадок: «...разоренная революцией

⁸⁸ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 547, л. 247.

⁸⁹ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 92, ч. 2, л. 339 об.

⁹⁰ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 71 об.

и турецким нашествием; переполненная беженцами со всех областей Закавказья и из Турции, не пропускаемыми в места своего поселения ни англичанами, ни турками, ни татарскими республиками, — страна буквально задыхалась... Организм ее изнурял недостаток, иногда полное отсутствие трех важнейших элементов борьбы за существование: *хлеба, денег и оружия...*»⁹¹

Карсская область пострадала больше других: ей «повезло» очутиться на направлениях главного наступления турок. Чтобы спастись, нужна была помощь извне. Ближайшей дружественной силой традиционно слыла Россия, но, теперь уже Советская, она сама задыхалась от разрухи и Гражданской войны. Оставалась Антанта, причем англичане, посулив поддержку, повсюду вмешивались, и в том же Карсе, к примеру, многие вопросы ни губернатор С. Корганов, ни Даниэл-бек не могли решить без их одобрения, а обещанное участие все никак не проявлялось.

Куда там, по свидетельству Деникина: «Вскоре обнаружилось, что надежды на англичан не оправдались. С декабря до конца марта (с декабря 1918-го до конца марта 1919-го. — Ю.Л.) политика англичан была явно недружелюбна Армении. Ни финансовой, ни экономической помощи от них Армения не получила; боевого снабжения — также, под предлогом «строгого нейтралитета Англии».⁹²

Однако все же нашлась страна, которая в течение трех лет сначала лишь наблюдала из-за океана за борьбой двух воюющих европейских блоков, выгодно сбывая оружие и продовольствие и тем, и другим, но потом ее проантантовские симпатии возобладали, и Америка вступила в войну против Германии и ее союзников. А простые американские граждане кинулись участвовать в различных благотворительных фондах и миссиях помощи жителям пострадавших от войны государств.

Конечно, существенно изменить бедственное положение армянского народа американские общественные организации не могли, но, как утверждает А.И. Деникин, настроение они явно улучшили: «...усиливались вновь два течения общественной мысли и народных симпатий, идущие одно к России, другое — к великой заатлантической республике, о всеильном заступничестве которой появились и некоторые фактические данные, и еще больше легенд».⁹³

Но заокеанские миссионеры вскоре действительно привезли хлеб, рис и медикаменты. «Американская помощь была спасительной, — писал Деникин, — но далеко не достаточной. В финансовом отношении республика зависела от Грузии, получая закавказские боны из тифлисской экспедиции. Это обстоятельство становилось критическим в такие моменты, как, например, в дни армяно-грузинского конфликта, когда у военного мини-

⁹¹ Деникин А.И. Указ. соч. С. 313.

⁹² Там же. С. 315.

⁹³ Там же.

стра Армении (к 30 декабря) оставалось в казне 220 тысяч рублей! Страна нищая, не имевшая экспорта, не могла решиться на выпуск своих денежных знаков, заранее обреченных на полное обесценение. Поэтому, когда в июле (1919 года. — *Ю.П.*) были израсходованы закавказские боны, правительство «независимой Армении» прибегло к средству совсем незаконному, но весьма показательному: от имени Эриванского отделения *Российского* государственного банка было выпущено на несколько сот миллионов «чеков». Эти чеки, имевшие подзаголовок «специальный текущий счет республики Армении», спасли страну от банкротства и имели обращение весь период ее самостоятельного существования». ⁹⁴

И в момент такого устрашающе бедственного экономического положения стране еще нужно было армию содержать! Наступивший июль стал для Карса и Карсской области по-настоящему жарким месяцем. По мнению А.И. Деникина, «...июльские события застали армянскую армию в беспомощном положении: полное отсутствие запаса винтовок и наличие всего лишь 300 тысяч трехлинейных патронов ограничили ее боеспособность и лишали всякого смысла мобилизацию. **Между тем весь юг и юго-восток страны были объаты восстанием мусульман. Оно подкатывалось с юга к Эривани, угрожало Карсу и Александрополю и в нейтральной зоне у Садахло** (станция железнодорожной линии Эривань — Тифлис. — *Прим. авт.*) **нависло грозной опасностью прерывания единственной питательной артерии страны...** (выделено мною. — *Ю.П.*)». ⁹⁵

На эту жизненно важную «артерию» могли покуситься и татары Борчалинского уезда, и даже грузины, в случае обострения обстановки, такое уже случалось в декабре 1918 года. А ведь у Армении и так «было всего 4–5 паровозов и 60 вагонов. Остальной состав был угнан грузинами». ⁹⁶

Опасность остаться «бесколесными» была так велика, что правительство, похоже, не придумало ничего лучше, как сосредоточить весь имеющийся транспорт в одном ведомстве. 3 июля 1919 года начальник генерального штаба военного министерства отправил министру внутренних дел телеграмму: «Сообщаю для сведения, что генералом Силиковым послана телеграмма в Карс, генералу Пирумову, о передаче представителю Министерства Внутренних дел автомобилей, автомобильного имущества, Мерденекской железной дороги и мастерской со всем имуществом». ⁹⁷

Мерденекская узкоколейка — на конной тяге! — связывала Карс с городом Олти, и ее захват мусульманскими бандами тотчас же блокировал бы всю область. Естественно, что такой сценарий держал ее руководство в постоянном напряжении, и, чтобы быть готовыми к подавлению мятежа,

⁹⁴ Там же. С. 317.

⁹⁵ Там же. С. 318.

⁹⁶ Там же. С. 313 (в сноске автора).

⁹⁷ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 262, л. 166.

ловился буквально каждый слух о готовящемся восстании. Иногда нужную информацию подкидывали англичане, не менее заинтересованные в спокойной жизни. 4 июля губернатор Карсской области Степан Корганов передал министру внутренних дел сообщение: «...я получил из Ардагана от лейтенанта Оливера депешу следующего содержания: «Считаю долгом сообщить Вам, что ожидаются беспорядки со стороны мусульманского населения, поэтому я надеюсь, что Вы пришлете еще армянских солдат в наикратчайший срок для охраны интересов Вашего народа здесь». ... Об изложенном я сообщил генералам Пирумову и Осепьянцу и представителю английской миссии, последний выразил готовность дать в наше распоряжение 2 аэроплана и вызвать даже батальон английских войск...»⁹⁸

И хотя Корганов в конце телеграммы не скрывает своих сомнений в правдивости «греческих источников, крайне ненадежных, всегда панически настроенных и всегда извращающих факты...», а английский лейтенант почерпнул эти сведения именно оттуда, к таким разведанным «наверху» все равно относятся крайне серьезно. И понятно, почему.

7 июля в 21 час командарм получает из Карса телеграмму от Даниэлбека (а копию — министр-председатель республики): «На Мерденекском направлении без перемен. Из Кагызмана донесения не поступало. По донесению Начальника Сарыкамышского отряда от 6 июля на две роты пятого полка, высланных в Каракурт, в пятнадцати верстах от Сарыкамыша напали 200 вооруженных курдов, но артиллерийским огнем были разогнаны. У Каракурта идет бой. Отправлены на поддержку еще две роты и два пулемета. Убит один унтер-офицер пятого полка, ранено три солдата, убит один солдат четвертого полка. 6 июля совершенно нападение курдами на селение Мечетли. Селение ограблено. На рабочих, проводящих телеграф в Сарыкамыш-Каракурт, напали курды, судьба рабочих пока не выяснена».⁹⁹

На следующий день, 8 июля в 23 часа Даниэл-бек отправляет командарму новую телеграмму (в копии все тот же адресат — министр-председатель): «Начальник Сарыкамышского отряда доносит: бой у Каракуртского моста через Аракс продолжается. Курды отброшены, но продолжают накапливаться, курды действуют совместно с турецкими аскерами. За шестое июля в пятом полку убит 1, ранено 3, в четвертом полку убит 1, ранено 4».¹⁰⁰

Англичан нестабильная обстановка в области явно нервировала, и они решают спешно вывезти на Галлиполийский полуостров, поближе к основному контингенту своих и греческих войск, захваченные у турок трофеи. Да не через Анатолию, а морем — через Батум. До Батума часть пути проходила по турецкой территории, но железная дорога там испорчена, на ремонт уйдет не меньше недели, ждать столько — времени нет. И тогда

⁹⁸ НАА. Ф. 276, оп. 1, д. 133, л. 123 об.

⁹⁹ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 83, 83 об.

¹⁰⁰ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 82, 82 об.

представитель англичан, полковник Ролинсон, прибывший 12 июля из Эрзерума в Карс в сопровождении трех автомобилей, встретился с Коргановым и Даниэл-беком и изложил им просьбу, равносильную приказу: снабдить турецкий паровоз тремя армянскими вагонами с дровами и немедленно отправить эшелон, набитый трофейным оружием. Из Сарыкамыша этот поезд в сопровождении двух турецких офицеров должен был проследовать по территории Армении до Санаина, где его перехватили бы грузины «с таким же числом вагонов»,¹⁰¹ — как доложил Корганов министру-председателю, предупредив заодно, что вообще-то, «по отзывам переводчика (еврея), полковник Ролинсон — туркофил».

Пока верховное командование «переваривало» информацию Корганова и раздумывало, одаривать ли англичан тремя вагонами, да еще с дровами — в стране и так тотальный дефицит, Даниэл-бек, занимаясь не столько Карсской крепостью, сколько, по всей видимости, координацией боевых действий армянских частей в Карсской области, продолжал посылать командующему армией Ф.И. Назарбекову оперативные сводки.

12 июля в 21 час он сообщил командарму: «В Мерденекском и Кагызманском отрядах спокойно. Начальник Сарыкамышского отряда доносит: ввиду того, что почетные курды не прибыли к сроку, Каракуртский отряд двинулся на селения Башкей, Сатаган и Балыхли. Башкейские курды 10 июля оказали сопротивление и после часовой перестрелки ушли из селения, оставив пять убитых. У нас ранен один солдат четвертого полка. Курды отступили на Сатаган и Балыхли, отряд двинулся на их деревню. В направлении Мечетли спокойно. У селения Башкей отрядом освобождены задержанные курдами армяне. Пока только прибыли почетные курды из селения Гюлли-тапа. Со стороны турецких властей идет сильная агитация, направленная на неповиновение курдов нашему Правительству. Прибывший из Бардуса грек передал, что 10 и 11 июля у Эюб-паши происходили заседания при участии турецких офицеров и именитых курдов из сел Саганлугского участка с целью не допустить армян в Ольгинский округ. Командир роты четвертого полка из Кизил-килисы донес, что 12 июля им замечено накапливание курдов сел. Кизил-Килиса и что курдские разведчики выезжали на разведку, но были отогнаны ружейным огнем».¹⁰²

Следующая телеграмма, которую Даниэл-бек послал командарму 20 июля, оказалась озаглавленной как «Оперативная сводка штаба Александропольской группы». Можно предположить, что, став комендантом Карсской крепости, Даниэл-бек сообщал об обстановке в области, будучи начальником Александропольской группы войск, и значит, реорганизация состоялась, но тогда где же приказ об этом назначении? И почему в предыдущих телеграммах не указывалось, что это сводки о ситуа-

¹⁰¹ НАА. Ф. 276, оп. 1, д. 133, л. 130 с об.

¹⁰² НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 50, л.л. 98, 98 об.

ции в зоне ответственности Александропольской группы войск? Вопросы, вопросы...

Когда читаешь в начале дедовских телеграмм самую частую фразу — «без перемен», так и хочется поверить в то невероятное, что с надеждой подсказывает сердце: а вдруг уже все хорошо и больше никто не гибнет. Но срываются листы с календаря — день за днем, и все «без перемен», то есть по-прежнему неспокойно: убийства, поджоги, ограбления.

20 июля, 21 час: «В Мерденекском и Кагызманском отрядах без перемен. Начальник Сарыкамышского отряда доносит: в ночь с 19 на 20 июля шайка Эюб-паши предприняла нападение на роту добровольцев, расположенную в Веришане. Добровольцы защищались хорошо. Ввиду того, что курды в несколько раз превосходили добровольцев, командир роты, опасаясь быть отрезанным, отошел на высоты, что у селения Девик. Командир роты, расположенной у селения Кизил-Килисы, доносит, что видел вспышки орудия, обстреливающего Веришан. Командиром роты добровольцев участие в перестрелке подтверждено. Для усиления роты, расположенной у Коломканского кочевья, выслана третья рота четвертого полка и взвод 7-й горной батареи. Из Каракурта оттянута пятая рота четвертого полка».¹⁰³

24 июля, 9 часов: «В Мерденекском и Кагызманском отрядах без перемен. Начальник Сарыкамышского отряда доносит: 22 сего июля разведка, высланная по направлению Кизил-Килисы, отрядом Эюб-паши была встречена артиллерийским огнем. В 18 часов отряд этот перешел в наступление на роты, расположенные у Малаканского кочевья. У Эюб-паши в этом направлении действует одно орудие. 22 июля была отправлена с участка у Малаканского кочевья разведка тремя группами по направлению сел. Кизил-Килиса под командой прапорщика Саркисяна. Группы отошли к своим позициям, потеряв прапорщика Саркисяна, по одним сведениям, убитого, по другим сведениям, раненого и оставленного в поле. Двое же раненых солдат благополучно выбрались. Курды в конном строю бросились, и выяснилось, что в отряде Эюб-паши имеются три орудия и более 300 всадников. При обходе разведчики были обнаружены людьми Эюб-паши. Последние и отряд Эюб-паши, во много раз превосходящий по силе среднюю группу, старались во что бы то ни стало захватить их, ходили несколько раз в атаку, но благодаря боковым группам ружейным и пулеметным огнем были отбиты. По наблюдениям Начальника среднего участка, потери со стороны курдов большие».¹⁰⁴

27 июля: «По донесению генерала Осепянца, от шейха в Каракуртском районе получено письмо, в котором он просит разрешить курдам вернуться в свои села, обещая полную покорность всего курдского насе-

¹⁰³ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 109, 109 об.

¹⁰⁴ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 92, ч. 2, л. 367.

ления и возвращения всего награбленного армянского имущества. Генералом Осепянцем поставлены следующие условия: возратить все награбленное имущество, сдать оружие и по пятьсот рублей с каждого дыма для обеспечения семейств убитых солдат и местных армян». ¹⁰⁵

30 июля, 11 часов: «Оперативная сводка Штаба Карсского отряда... На всех участках отряда спокойно. Начальник Мерденекского отряда доносит, что получил от поручика Турецкой службы, проживающего в селекции Мехкерек, что находится южнее Мерденека, ультимативное письмо следующего содержания: «Мерденек Мазманову. С начала войны никто не творил такие зверства, какие совершаешь ты. Сегодня из района Чалдыга 800 вооруженных под командой Талад-бея с 2 пулеметами и с 1 орудием присоединились ко мне. Уйдешь ли ты подобру-поздорову из Мерденека. Ты военный, будь рыцарем, защищая одних греков, ты заработал у нас наказание. Эта бумага пусть послужит для тебя пропуском для свободного ухода отсюда и оправданием перед начальником. Подпись: Турецкой службы поручик Тачат. Командующий четниками бегбашей Осман». Начальник Ардаганского округа доносит губернатору, что, по сведениям, в районе Шеки, Даустан, Кара-тауж, Алтын-булах сконцентрированы до двухсот турецких четников с двумя турецкими офицерами. По непроверенным сведениям, Родионовка имеет с ними связь». ¹⁰⁶

Из-за ежедневных военных эксцессов Даниэл-бек нечаянно упустил из виду задание Силикова, которое тот поручил ему еще в начале июля. А может, и не нечаянно, а специально — сколько мог, столько и тянул, лишь бы отсрочить неминуемое и еще какое-то время не передавать представителю министерства внутренних дел весь движимый транспорт, особенно автомобильный. Нужно же было оценить размеры беды и понять, в какую зависимость он тогда попадет и как быть в случае непредвиденного развития событий областного масштаба.

Но долго прикрываться «забывчивостью» из-за сверхзанятости Даниэл-беку не удалось, к концу июля слух о его вопиющей неговорчивости дошел до правительства, и военный министр 29 июля получил из недр министерства внутренних дел весьма характерное письмо — без подписи:

«На основании постановления Совета Министров, прошу сделать распоряжение генералу Пирумову или кому следует, чтобы передали моему представителю все автоимущество, инструменты и мастерские для ремонта автомобилей. Для приема мною назначается комиссия из 3 лиц. Кроме того, мною будет сделано распоряжение, чтобы из имеющихся автомобилей передали бы в распоряжение военных властей сейчас 6 исправных грузовиков (если исправных нет, то исправить и передать в первую очередь), а в случае надобности, в этих мастерских отремонтировали бы

¹⁰⁵ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 114.

¹⁰⁶ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 155, л. 234.

неисправные грузовики и легковики, находящиеся в распоряжении военных властей.

В экстренных случаях, когда нужно перебросить быстро военный груз, а у военного ведомства в Карсе не окажется достаточного количества грузовиков, гараж М.В.Д. в Карсе обязан в таких случаях исполнять все наряды военного ведомства.

Наконец, мною будут даны указания служащим Карсского города, что они обязаны с таким же вниманием относиться к нуждам военного ведомства, как и к нуждам ведомства М.В.Д., и что нет интересов отдельных ведомств, а есть интересы государства и общего дела». ¹⁰⁷ Замечательно, конечно, что интересы государства, в понимании членов правительства, были выше интересов отдельных ведомств, но тогда для чего отстаивать тотальную выемку автомобильного парка в пользу министерства внутренних дел, обделяя военную власть Карсской области и лишая ее необходимой оперативности в борьбе с мятежниками? В этой мнимой реорганизации, со сталкиванием интересов, ничего, кроме ведомственного соперничества, я не заметил...

В августе на внутреннем фронте без перемен. Будто время забуксовало. 2 августа в 21 час Даниэл-бек отправляет командарму шифрованную телеграмму: «В Кагызманском и Сарыкамышском отрядах без перемен. Начальник Мерденекского отряда доносит: отряд, отправленный на вырубку транспорта, первого августа в 17 час. 30 мин. был обстрелян сильным ружейным огнем из деревни Лала Варгенис; после получасового боя курды были сбиты с позиции и притеснены к Лала Варгенису. Наши потери: один милиционер ранен в ногу. Курды оставили убитых, трое вооруженных курдов захвачено. После этого отряд стал быстро продвигаться в Родионовку. В 11 часов, не дойдя до Родионовки двух верст, отряд подвергся нападению наступающих курдов, но благодаря быстрому разворачиванию отряда курды были отбиты и отряд соединился с транспортом. Курды бежали в ближайшие кочевья Каратаух, Хараба и Алтунбулаг.

Отряд в 100 человек, сопровождавший транспорт, отбивался 1 августа с 16 до 20 часов, а отряд, выделенный из Мерденека, двинулся на деревни Каратаух, Хараба и Алтунбулаг сегодня, 2 августа, в 7 часов, для наказания виновных. В 8 часов Начальник Мерденекского отряда донес, что отряд, посланный на вырубку транспорта, вновь окружен превосходящими силами курдов. Сегодня из Карса выступает отряд на поддержку отряда, выступавшего из Мерденека под начальством полковника Арутюнова, в составе: четвертой роты учебной команды и команды пеших разведчиков первого полка и взвода второй батареи». ¹⁰⁸

¹⁰⁷ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 262, л. 96, 97.

¹⁰⁸ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 9, л. 105, 105 об.

Несколько дней спустя Даниэл-бек отправляет командарму оперативную сводку штаба Александропольской группы: «В Кагызманском и Сарыкамышском отрядах без перемен. Начальник Мерденекского отряда доносит: 5 августа в 22 часа наблюдалось скопление курдов в районах Туркашен, Самзалек, Дорт-Килиса, и курды в количестве до 1000 человек перешли в наступление. У курдов имеется одно орудие...»¹⁰⁹

5 августа вновь оживилась возня вокруг передачи автотранспорта министерству внутренних дел. С моей точки зрения, эта склока не могла не отразиться на отношениях губернатора С. Корганова с Даниэл-беком. Да и военный министр по понятным причинам был недоволен решением Совета. А Даниэл-бек, судя по всему, получил от начальника военного штаба Багдасарова некое распоряжение, которое кое в чем ограничивало эту передачу. В связи с чем в письме министра внутренних дел, где он журит военного министра, есть, в частности, такие строки: «...сообщаю Вам, что распоряжение противоречит постановлению Совета Министров, а потому прошу отменить его и дать указание, согласно постановлению Совета Министров, что **все** (выделено мною. — Ю.П.) имущество передается в ведение Министерства Внутренних дел, а по исправлению будет передано Военному Ведомству необходимое количество по обоюдному соглашению».¹¹⁰

Кто именно и кому конкретно должен был все это передавать — не уточнено. Очевидно, Даниэл-бек — губернатору Корганову, и вряд ли деда радовала предстоящая процедура, но он лишь слегка поиронизировал в телеграмме, отосланной министру внутренних дел в тот же день, 5 августа: «Карсский губернатор Корганов с редким вниманием относится к нуждам Карсского района. Все мои требования, желания, просьбы исполняются незамедлительно и любезно. О чем считаю своим нравственным долгом доложить».¹¹¹

Чуть ниже этого текста допечатано: «Настоящую копию телеграммы по поручению г. Министра Внутренних дел представляю г. Председателю Совета министров для сведения. 11 августа 1919 года». А в правом углу телеграммы кто-то размашисто вывел: «Читал с удовольствием!» Жаль, подпись неразборчива. Я долго вглядывался — вроде бы, первые две буквы напоминают «Ал», может, эту фразу сам министр-председатель Александр Хатисян подмахнул, от души веселясь?

Хотя забавным этот конфликт мог показаться только со стороны, а когда ты — его непосредственный участник, смешного маловато. Думаю, Корганова с Даниэл-беком примирила только общая беда — беспардонная власть англичан. С момента, когда полковник Ролинсон потребовал

¹⁰⁹ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 155, л. 219.

¹¹⁰ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 162, ч. 2, л. 262.

¹¹¹ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 353, л. 12; НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 547, л. 242, 242 об.

срочно выделить ему вагоны с дровами, прошел уже почти месяц. И все, вроде, было утрясено и согласовано, и даже министр-председатель был в курсе, а поезд с трофейным оружием как застрял в Турции, так и стоял там. 7 августа Даниэл-бек доложил военному министру, в чем, собственно, дело: «Двадцать четыре вагона разрешенного к вывозу груза за отсутствием паровоза стоят на пути. Англичане торопят отправку. Распорядитесь срочно прислать паровоз». К телеграмме приписано: «Министру Внутренних дел. Спешно. По приказанию Военного министра препровождается на Ваше распоряжение по подаче паровоза (последние три слова, а также куда и кому «препровождается»: Александрополь, Начальнику дорог — начертаны от руки. — Ю.П.)».¹¹²

Англичанам действительно следовало спешить. В формально побежденной Турции, оккупированной войсками союзников лишь частично, на незанятых территориях еще в мае «забродило» националистическое движение под руководством Мустафы Кемалю — кемалистское. Он усердно собирал воедино раздробленные армейские части, эвакуированные после Мудросского перемирия с Кавказского фронта, чтобы на их основе сколотить новую регулярную турецкую армию. Естественно, что участники движения не желали расставаться с оружием, а при случае еще и набрасывались на подготовленные к отправке эшелоны.

Набирающие силу кемалисты, вооружившись до зубов, могли стать для Армении опасными и непредсказуемыми соседями. Так что Даниэл-бек, по идее, был заинтересован помочь союзникам и, похоже, даже предпринимал всяческие усилия, чтобы отправить англичан вместе с оружием восвояси — даже без их нажима. Но полковник Ролинсон не успокаивался — все давил и требовал. Пришлось Даниэл-беку послать 7 августа еще одну зашифрованную телеграмму — теперь уже командующему армией: «Полковник Ролинсон, видимо, покидает Турцию, поэтому потребовал к Сарыкамышу поезд большого состава для штаба и конвоя. По непроверенным слухам в Турции усиленная мобилизация. Подтверждаются слухи об отбитии турками между Эрзерумом и Зевинем большого транспорта с вывозимыми англичанами из Турции пушками, пулеметами и патронами».¹¹³

Английские покровители Закавказья не страдали от скромности, крепко держали армян за горло, судя по тексту телеграммы, которую Даниэл-бек с грифом «Спешно. Секретно» отправил военному министру 7 августа: «В разговоре британский представитель дал понять, что для вооружения крепости пушки можно взять только с разрешения англичан. Прошу срочного указания».

¹¹² НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 260, л. 175.

¹¹³ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 119; НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 155, л. 211.

И военному министру республики Х.Г. Араратову пришлось—таки смиренно запросить это разрешение у англичан. Он написал свою просьбу 8 августа прямо на телеграмме Даниэл-бека: «В Британскую военную миссию в Эривани. Прошу Вашего распоряжения Вашему представителю в Карсе о разрешении вооружения крепости Карс орудиями, имеющимися в Карсе».

О возникшей проблеме 8 августа на той же телеграмме уведомили и А. Хатисяна: «Министру-председателю (Секретно. Спешно). Прошу Вашего содействия по получению разрешения английской миссии на вооружение крепости Карс орудиями, имеющимися в Карсе. За Военного министра, генерал-лейтенант Силиков, г. Эривань».¹¹⁴

Посулив моральную и материальную помощь армянскому государству, прагматичная Англия не спешила выполнять свои обещания — постоянно лавировала и вела двусмысленную игру. А поняв, что Добровольческая армия А.И. Деникина бьется с большевизмом, грозившим всей цивилизации, кое-что из вооружения передала белым. Но не из своих запасов, а из тех крох, что достались Армении от имущества, оставленного русской Кавказской армией. Сам А.И. Деникин не смог умолчать об этой явной несправедливости: «...Из русского наследия, стоя в стороне от важнейших стратегических направлений и составляя по территории всего лишь 5% Закавказья, она (Армения. — Ю.П.) получила очень немного».¹¹⁵

В телеграмме моего деда от 7 августа на имя военного министра настоящий крик души: «Приехали от Деникина два русских офицера и английский капитан Твитчил, чтобы вывезти из Карса пушки, снаряды, патроны и пулеметы, видимо, в большом количестве. Боюсь остаться ни с чем. Прошу указаний». Приложением к этой телеграмме стала мольба генерал-лейтенанта Силикова, подписавшегося 8 августа за военного министра: «Министру-председателю (Секретно. Спешно). Ходатайствую о прекращении вывоза вооружения крепости, тем более большого количества, ибо мы сами без оружия и боевых припасов. Г. Эривань».¹¹⁶

Я так и не смог разузнать, чем закончилась распря. По некоторым сведениям, англичане все же сжалились и оставили в Карсе какую-то часть вооружения, но основную партию вывезли, может, как раз тем поездом, что ожидал паровоза. Потеря боевой техники серьезно ослабила защиту Карса. К этому времени сбылись и наихудшие прогнозы Даниэл-бека. 11 августа он телеграфирует командарму: «По сведениям полковника Ролинсона, шестого августа в Эрзеруме кончилась нелегальная конференция, в которой принимали участие представители Азербайджана, Дагестана, Курдистана. Цель конференции — поднять на ноги все магометанство, если будет объявлена независимость шести вилайетов (адми-

¹¹⁴ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 353, л. 13.

¹¹⁵ Деникин А.И. Указ. соч. С. 313.

¹¹⁶ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 353, л. 14.

нистративные единицы на территории Турции — исконные армянские земли. — Ю.П.). Пока турецкие офицеры, инструкторы и четники в границах 1914 года организуют местные силы и подвозят боевые припасы в большом количестве. В Карсской области мусульмане спешно кончают полевые работы, местами теперь же уходят в горы и укрепляют позиции. **Здесь затишье перед бурей** (выделено мною. — Ю.П.).¹¹⁷

«Нелегальная конференция» осталась в истории как Эрзерумский конгресс. Его инициатором и глашатаем был Мустафа Кемаль. Воспользовавшись слабой скоординированностью союзников, он упорно возрождал турецкую армию, благо — было из чего. Армении повезло меньше — такой основы, как у Кемалья, у нее не было. Части, остановившие продвижение турок в мае 1918-го, при всем желании настоящей армией не назовешь: добровольческие дружины, полупартизанские и партизанские отряды, народное ополчение, и всюду — рекрутированные впопыхах новобранцы. Формирование нормальной регулярной армии продвигалось крайне медленно. Реализация планов по созданию дивизий и бригад буксовала. Основным элементом Армянской армии, как и прежде, оставались отряды, которыми чуть что — «затыкали дыры», мусульманские восстания не давали возможности остановиться, оглянуться, прийти в себя.

Такое положение сулило большие проблемы, причем уже в ближайшем будущем. Привыкнув к условиям партизанской войны, бойцы зачастую вольничали, и воинская дисциплина была для них скорее пустым звуком, нежели непререкаемым правилом. А их командиры иногда также легко принимали решения без согласования с вышестоящим начальством. Да и разрозненность отдельных отрядов, их несвязанность между собой немало вредили делу. Поэтому постановление правительства — объединить отряды в группы наподобие военных округов и назвать их по крупнейшему населенному пункту, близ которого они постоянно дислоцировались, — на мой взгляд, совершенно логичный шаг.

Одной из важнейших в стратегическом отношении стала Александропольская группа, командиром которой был назначен Даниэл-бек. Когда это произошло — я уже отмечал, мне неизвестно, но думаю, что спустя не очень продолжительное время после того, как он стал комендантом Карсской крепости. На эти мысли меня навела его первая оперативная сводка, посланная командарму в конце июня 1919 года.

Обстановка в стране в тот момент была чересчур лабильной, чуть ли не каждый день возникали новые очаги мусульманского сопротивления, и отряды были вынуждены срывать с места и спешно отправляться на подавление мятежей.

Уже в следующем документе — оперативно-разведывательной сводке штаба командующего войсками — есть ссылка на достаточно специфиче-

¹¹⁷ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 353, л. 18; НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 9, л. 128, 128 об.

скую информированность Даниэл-бека: «Положение в Карсской области к 23 августа в 20 часов. Начальник Александропольской группы, **генерал-майор Пирумов сообщает, что, по слухам, образовавшееся Временное правительство в Эрзеруме решило занять Карсскую область вплоть до Арпа-чая** (выделено мною. — *Ю.П.*), для чего, видно, решило воспользоваться курдскими бандами как авангардом, усилив их переодетыми аскерами. Под руководством офицеров 22-го сего августа банда в количестве до 400 аскеров, переодетых в курдскую одежду, заняла сел. Вайкара, что в 15 верстах севернее Селима. По-видимому, задача этой банды — испортить железнодорожную линию и телеграф в районе Бегли-Ахмета, отрезать наш Сарыкамышский отряд курдо-татарскими бандами в количестве до 3000 человек при орудиях. Были случаи перехода турецкими офицерами нашей границы с целью разведки. Отмечается в действиях всех банд организованность и согласованная работа. По-видимому, все восстания мусульман на территории Армении происходят по указаниям турецких агентов, организовавших сплошной шпионаж в Республике благодаря местному мусульманскому населению. Отбросив наши части из Нахичеванского и Шарурского районов, руководители перенесли свою деятельность в Карсскую область, прикрывая свои действия национальной резней между армянами и мусульманами...»¹¹⁸

Карсскую область турецкие националисты умудрились превратить в плацдарм для апробации антиармянских провокаций. И, наверное, чтобы облегчить управление войсками, «часть Карсской области, подчиняющуюся Начальнику Александропольской группы», как сказано в телеграмме, которую получили Корганов с Даниэл-беком, Совет министров решил «временно присоединить к Александропольскому уезду, от места впадения Карсчая в Арпачай по Карсчаю и Караханчаю до границы Ахалкалакского уезда».¹¹⁹

Телеграмму подписал министр внутренних дел, датирована она 6 марта, но сотрудники Национального архива Армении по смежным документам установили, что на самом деле такое решение было принято в конце августа, и если судить по оперативной сводке штаба Александропольской группы — весьма своевременно: «Чтобы окончательно обеспечить пути сообщения Карс — Сарыкамыш, 31 августа мы перешли в наступление на Девикском и Каракуртском направлениях. Каракуртская группа начала наступление в 7 часов против офицеров (турецких. — *Ю.П.*) и аскеров, отхлынувших после двухчасового упорного боя с большими потерями на селение Башкей. Наши орлы по пятам преследовали противника, который к 16 часам был окончательно разбит и оставил Башкейские позиции. Каракуртский отряд сегодня ночует на Башкейских высотах. Де-

¹¹⁸ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 155, л. 238; НАА. Ф. 276, оп. 1, д. 162, л. 111 с об.; НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 92, ч. 2, л. 387 с об.

¹¹⁹ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 260, л. 217.

викский отряд начал наступление в одиннадцать часов. Передовые части противника были легко нами сбиты, и к пятнадцати часам мы заняли линию хребта, что между деревнями Эмир-Хан и Нижний Салут. Противник бежал в панике. Наши славные войска ныне занимают позицию над селением Веришан, на высотах, покрытых снегом. О подробностях и уроне донесу. Счастлив еще раз засвидетельствовать перед Вами высокую отвагу воинов, от мала до велика».¹²⁰

Спустя неделю после этих событий губернатора Карсской области С. Корганова осенила прелюбопытная идея, и 9 сентября он сообщил о ней министру-председателю Александру Хатисяну: «Из поступивших сегодня агентурных сведений усматривается, что на всем протяжении турецкой границы стоят лишь около тысячи человек пограничной стражи, а в Эрзеруме всего 300 человек. В столкновении курдов с нами в Сарыкамыш-Хорасанском районе было лишь несколько человек турок, или очень мало, а все остальное — сброд алашкертских и наших курдов. Ввиду разгрома последние предложили алашкертцам убраться из наших пределов, заявив, что хорошего понемножку и что этими авантюрами, очень им дорого стоившими, заниматься не расположены. Турки, оказывается, втянули курдов в эту историю. Они предложили им вызвать беспорядки у нас, и когда вспыхнет общий пожар, то они, турки, будут иметь основание вмешаться в наши внутренние дела и тогда должны были бы перейти границу. Но и эти обещания я считаю голословными, в чем наши курды и убедились, набив себе оскомину. Эюб-паша, при себе имея лишь немного больше сотни курдов-башибузуков, ушел в горы в Бардус и не представляет силы.

Ввиду полного разочарования курдов в неудавшейся затее, я принял все меры вернуть их на свои места и с этой целью выслал в этот район доверенных людей. Сподвижник Эюба, Бекир-бек, просил у меня повинную. Я приму его на службу и заберу его курдов в свой конвой, может, произведу его в юнкеры милиции. Пусть тешится юнкерскими погонами и темляком, если это его забавляет. Но зато мы этим обезвредим Сарыкамышский район и приручим всех курдов.

Завтра я посылаю в Эрзерум одного из деятелей бывшей Карсской Шуры, который у меня на службе, и мы будем иметь точные сведения из этого района. Я предложил нашему командованию совершить внушительную военную прогулку из Карса через Нахичеванский участок (речь идет о деревне Нахичеван, что на юго-востоке Карсской области. — Ю.Л.) в Кагызман. По дороге я просил окружить и обезоружить два больших курдинских селения. Эта прогулка замирит этот район, где настроение у курдов приподнято после занятия их сбродом Кульп. Сопровождать наш отряд в этой прогулке будет Начальник Карсского округа со всеми исполнительными чинами Карсской окружной администрации.

¹²⁰ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 9, л. 188, 188 об.

Генерал Пирумов одобрил это предложение, и через 3-4 дня, как только будут стянуты из Сарыкамыша некоторые части, мы внушительно, я надеюсь, произведем сильное впечатление на Карс-Кагызманский район. Это передастся на всю область. Я приму меры торжественно обставить эту нашу военную прогулку».¹²¹

Чем закончилась эта «прогулка» и случилась ли она вообще — узнать не удалось. Зато вот из таких «забавных» документов и черпаешь имена не только сподвижников Даниэл-бека, но и его врагов. Эюб-паша уже через два дня стал главным персонажем еще одного документа — оперативной сводки Александропольской группы, которую Даниэл-бек послал командарму: «...к 12 часам 11 сентября. На Кагызманском и Мерденекском направлении без перемен. По словам грека, бежавшего из Бардуса, видно, что банды Эюб-паши вместе с турецкими аскерами произвели насилие над жителями Бардуса: женщины изнасилованы, а имущество отобрано. Три турецких офицера с тридцатью аскерами при одном оружии прибыли в Бардус, доставив снаряды на двух арбах, и патроны, как русские, так и турецкие, на шести повозках. После удачного обстрела нашей артиллерией, турецкое орудие было спешно оттянуто назад, а пушки и пулеметы Эюб-паши, приведенные нами в негодность и недавно исправленные турками, поставлены в деревню Яйланюсинг».¹²²

Бандиты все никак не унимались, они считали, что правда на их стороне и в борьбе за собственное «светлое» будущее все средства хороши, особенно... средства связи, поэтому телеграфные линии стали излюбленным объектом, подлежащим уничтожению. А так как к каждому телеграфному столбу охрану не поставишь, мусульманским вандалам часто удавалось лишить связи целые районы Карсской области.

Из телеграммы губернатора Корганова (министру внутренних дел, копия — начальнику почтово-телеграфного отдела) от 18 сентября: «Мной, генералами Пирумовым, Осепянцем, Сепу решено привести в полный порядок все телеграфные линии Карсской области. Это было поручено Начальнику связи 4-й бригады, инженеру Мурузову, которому должны быть подчинены все механики и надсмотрщики, знающие техническое дело, и чиновники всех учреждений Карсской области. Ввиду необходимости требуется прекратить временно работы механика Карсской конторы, вызвать циркулярно из Сарыкамыша, Кагызмана, Ардагана, Мерденека всех надсмотрщиков и чиновников, знающих техническое дело, и назначить в распоряжение Мурузова. Одновременно прошу открыть мне кредит по сему делу».¹²³

Время шло, просьбу Корганова удовлетворять не спешили, и 21 сентября он отправляет новую, уже совместную с Даниэл-беком, телеграм-

¹²¹ НАА. Ф. 276, оп. 1, д. 138, л. 24, 25.

¹²² НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 254, л. 181.

¹²³ НАА. Ф. 201, д. 262, 2 ч., л. 323, 324.

му министру внутренних дел, а копию — самому министру-председателю: «С Мерденеком нет телеграфной связи три месяца. С Ардаганом нет почти месяца, повреждения на других линиях еженедельны и тянутся неделями. Все обращения в Эривань остаются без ответа. Почта и телеграф — предмет злых насмешек инородцев. Начатые нами ремонтные работы прошли уже 25 верст на Ардаган, но ввиду Вашей (очевидно, министра внутренних дел. — Ю.П.) депеши прекращены. Инженер с колонной специалистов, данных губернатору Военным ведомством, отозваны. **Мы свободны от большой ответственности за все неминуемые очень серьезные последствия** (выделено мною. — Ю.П.)».¹²⁴

Не верится, что оба руководителя области всерьез собирались самоустраниться от проблем со связью, столь им самим необходимой. И вряд ли последняя фраза в телеграмме была настоящей угрозой, скорее — неким способом подтолкнуть министерство внутренних дел и военное министерство к более энергичным действиям. И ведь подействовало! Правда, к этому моменту и экономическое положение страны несколько улучшилось, что немаловажно. Теперь было на что приобретать провода и столбы. И даже позаботиться о здоровье солдат, добавив в их рацион продукты, богатые витаминами, — урожай выдался отменный, на рынке появились овощи и фрукты. И хотя нормальному товарообмену мешала сильная инфляция, голода и цинги уже можно было не бояться, что красноречиво подтверждает телеграмма временно исполняющего должность начальника штаба командующего войсками, все того же А. Шнеура, теперь уже полковника, которую он отправил 26 сентября начальнику военно-санитарного управления: «Командарм приказал запросить Вас, какие меры будут приняты против распространения цинги. Одновременно телеграфно приказано Начальнику группы, генералу Пирумову, принять все меры к улучшению питания солдат, закупив непременно разные овощи для войсковых частей».¹²⁵

Это распоряжение Даниэл-беку о закупке овощей появилось в связи с заявлением Верховного комиссара союзников в Закавказье полковника Гаскеля о том, что Армянская армия в окрестностях Карса ощущает острую нужду в свежих овощах, каковые он и желает закупить, «если армянское правительство заявит о своей готовности возместить расходы». Да, помощь союзников Армении не была бескорыстной, впрочем, осенью 1919 года англичане, наконец, полностью вывели свои войска из Закавказья, устранив тем самым многочисленные политико-экономические проблемы, связанные с их пребыванием. И теперь независимым государствам региона предоставилась возможность самим решать территориальные разногласия. Стратегическое положение Карсской области было обусловле-

¹²⁴ НАА. Ф. 201, оп. 262, ч. 2, л. 325, 326.

¹²⁵ НАА. Ф. 204, оп. 1, д. 113, ч. 3, л. 465.

но не только западной границей с Турцией, но и северной — с Ахалкалакским уездом, ставшим военным трофеем Грузии. Населенный в основном армянами, этот уезд примыкал к Ардаганскому округу — «очагу брожения и недовольства», по меткому выражению А.И. Деникина.

Грузин в Ардаганском округе проживало не так много, но Грузия, используя этот фактор, потребовала, чтобы ей, якобы для защиты грузинского населения, разрешили ввести в Ардаган небольшую воинскую часть. И Армения согласилась, посчитав, что пошла на временный компромисс. Но руководители Карсской области, чувствуя опасность, взялись за восстановление линий связи в первую очередь в сторону Ардагана. Вот только отремонтировать удалось всего 25 верст — приблизительно четверть пути, как вдруг от министра внутренних дел подоспела запретительная депеша и работы были остановлены.

Меж тем размещенная в Ардагане грузинская часть стала инициатором серьезной провокации, описанной Даниэл-беком в телеграмме от 2 октября: «Ардаганский гарнизон усилен распоряжением Начальника Мерденекского отряда, для чего вызвана одна рота первого пехотного полка, взвод пулеметной команды Кольта четвертого пехотного полка, два поршневых орудия. А всего шестьдесят один штык и семнадцать пулеметчиков. Усиление гарнизона вызвано агрессивными действиями грузинской роты, которые выразились: 1). в усиленной пропаганде грузин, направленной против нашего Правительства в северной и южной части Ардаганского округа; 2). в объявлении на словах северной части Ардаганского округа грузинской территорией, после чего командир грузинской роты Ардагана объявил себя начальником северной части Ардаганского округа и назначил младших офицеров начальниками участков; 3). в возникновении паники среди мусульман и среди христианского населения северной части Ардаганского округа, не сочувствующего грузинской ориентации; 4). в оцеплении грузинской ротой помещения начальника Ардаганского округа Кадымова с провокационной целью, после чего грузинский офицер с ротой, расположенной в Ардагане, ворвался к Кадымову и, стуча по столу, кричал, что сделает то, что он давно хотел, а именно: поставит у нас все вверх дном; 5). и, наконец, теми притеснениями наших граждан нашей части города Ардагана, которые пытаются чинить грузинские офицеры, например, аресты лавочников и прочих... Командир грузинской роты принес извинения за нетактичное поведение своего младшего офицера, который ворвался к Кадымову с криком».¹²⁶

Турецкая и грузинская экспансии держали в напряжении и соседний с Ардаганским — Ольгинский округ, по западной окраине которого проходила граница с Турцией. Но нестабильность в крае даже местных мусульман уже измучила так, что население стремилось, по крайней мере,

¹²⁶ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 353, л. 55.

на словах, проявлять лояльность к армянскому правительству. Об этом говорится в телеграмме Даниэл-бека от 2 октября: «Поездка генерала Осепянца выяснила следующее: влияние турок на курдов Ольтинского района ослабело, вследствие чего заметна растерянность курдов и стремление сблизиться с нами. Представители курдов, принятые и обласканные генералом Осепянцем, заявили о готовности помочь безболезненному занятию Ольты через десять дней. Агитация грузин продолжается. Начальник Ардаганского округа Кадымов работает добросовестно. Он ручается, что Гельский участок не поддастся грузинской агитации. Полагаю своевременным и необходимым наградить Кадымова Станиславом третьей степени. Курдские беки просят на должности. Нахожу возможным предоставить им административные должности для особых поручений при начальствующих лицах, причем необходимо производить их в юнкера, а некоторых в прапорщики. Более подробно донесу по получении письменного доклада генерала Осепянца».¹²⁷

Подтверждений, что эти планы были осуществлены на практике, я не нашёл. Идея, конечно, на первый взгляд представляется здоровой, но главная вера армян в добрые намерения врагов уже не раз оборачивалась трагедией...

Бесконечные стычки с перестрелками в зоне ответственности Александропольской группы войск, похоже, поглощали все внимание Даниэл-бека, и я думаю, вряд ли он успел за тот короткий период — с мая по октябрь 1919 года — сделать что-нибудь существенное для самой крепости, хотя Даниэл-бек, по-видимому, прилагал усилия для пополнения ее хозяйственно-материальных ресурсов.

Я пришел к такому выводу, узнав, что в начале октября в город для проверки крепостного хозяйства прибыл специальный уполномоченный Г.И. Хатисов, и подумав, что поводом для его командировки послужило личное приказание Даниэл-бека, отданное еще в августе 1919 года, о реквизиции частной мастерской Чаманского. На основании этого приказа военный инженер, подполковник Коновалов написал на бланке начальника Карсского крепостного управления распоряжение и направил его 28 августа подпоручику Гамбарянцу: «Предписываю Вам сегодня же принять все машины и инструменты мастерской Чаманского по описи, составленной комиссией, сегодня же нагрузить вагоны и отправить в Александрополь на имя подполковника Иванова. Об этом Штабом крепости Губернатор поставлен в известность. Об исполнении донести».¹²⁸

Мировой судья Карсского отдела приписал к распоряжению подполковника Коновалова: «Настоящая копия с подлинным «верно», в том подписью и приложением печати удостоверяю. 10 сентября 1919 года.

¹²⁷ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 353, л. 57.

¹²⁸ НАА. Ф. 208, оп. 1, д. 2, л. 16.

По реестру № 284» — и подписался. Казалось бы, все строго по закону. Тут-то и началась неразбериха. Есть документ за 25 сентября, в котором генерал-майор Шахбудагов докладывает временно исполняющему обязанности начальника военного штаба (трудно не запутаться в штабах Первой республики: то он главный штаб, то генеральный, теперь вот военный): «Согласно резолюции: о распоряжении Коменданта Карсской крепости генерала Пирумова реквизировать мастерскую Чеминского (он уже не Чаманский, а Чеминский? — Ю.П.), мне ничего неизвестно, но ввиду того, что мастерская передана Начальнику Александропольского Артиллерийского склада подполковнику Иванову, надо полагать, что об этом известно Начальнику Главного Артиллерийского управления. Приложение: переписка на 16 (! — Ю.П.) листах».¹²⁹

Есть, наконец, рапорт начальнику артиллерии на бланке руководителя работ по оборудованию артиллерийских мастерских военного министерства (№ 14 от 1 октября): «Ознакомившись по Вашему предписанию с перепиской по поводу реквизиции в Карсе мастерской Чиманского (? — Ю.П.), доношу: В бытность мою в Карсе с 14-го по 30 августа случайно узнал, что комендант крепости, генерал Пирумов, намерен реквизировать все оборудование частной мастерской Чиманского, считая его похищенным казенным. Вскоре же после этого я имел случайную беседу с Областным инженером Г.И. Хатисяном и служившим у него чиновником, бывшим в Карсе еще при русском Правительстве, во время которого узнал, что действительно генерал Пирумов сделал распоряжение о реквизиции. Указанные лица высказались в том смысле, что они предполагают, что станки и машины мастерской Чиманского должно быть казенным имуществом, похищенным при турецкой оккупации Карса. Чиновник определенно говорил, что он знал в прежние годы, что у Чиманского имеются разные ручные инструменты и что он производил частные работы на станках с механическим приводом, и двигателя не было.

Г-н Чиманский был раньше русским подданным и служил в качестве оружейного мастера в Карсской крепостной Артиллерии. Это теперь он считает себя подданным Польского государства.

Таким образом, узнав о **бесповоротном намерении генерала Пирумова о реквизиции мастерской Чиманского** (выделено мною. — Ю.П.), я подал ему докладную записку с просьбой, в случае приведения в исполнение его намерения, переслать все оборудование в Александрополь, для нужд будущих артиллерийских мастерских. Инженер А. Агамальян».

Едва закончилось дело с мастерской польского гражданина, как Даниэл-беку предстояло решить, выдавать ли из складских ресурсов строительный инвентарь. Удивительно, что принять решение по такому вопросу должен был лично комендант крепости.

¹²⁹ НАА. Ф. 198, оп. 1, д. 41, л. 65 об.

Репорт на его имя с просьбой выдать инструменты для постройки дороги из Даралагеза на Шушу написал 25 августа инспектор работ главного инженерного управления республики инженер Мирзоев. Резолюция Даниэл-бека по-военному коротка: «Подполковнику Коновалову: выдать, что возможно». И тут же: «Препроводить председателю Междоветомственной комиссии».¹³⁰

Председателем этой комиссии был сам губернатор С. Корганов, который 14 сентября обратился к Даниэл-беку с просьбой «дать ему сведения по этому делу».¹³¹ На следующий же день по поручению Даниэл-бека, подполковник Коновалов доложил обо всем Корганову. Но то ли его объяснения не удовлетворили губернатора, то ли мастерская поляка не попала в Александрополь, то ли в Ереване в тот момент заинтересовались письмом Корганова, в котором он 30 сентября сообщил министру-председателю (копии — министру внутренних дел и командарму) о том, что «...в Шурагельском селении около Арпа-чая моя администрация обнаружила склад десяти тысяч полшубков, кои переданы генералу Пирумову»,¹³² — и в Карсе, как я уже упоминал, тут же появился уполномоченный правительства Г.И. Хатисов.

Фамилия и инициалы этого человека, а также то, что он был уполномочен высочайшей сферой, дают мне серьезное основание предположить, что это ни кто иной, как Георгий Иванович Хатисов, родной брат министра-председателя А.И. Хатисова, управляющий при Совете министров и одновременно ответственный в правительстве за строительство и транспорт. Возможно, лично премьер и инициировал поездку своего брата в Карс, чтобы получить из доверенных рук самую что ни на есть правдивую и наисвежайшую информацию.

8 октября 1919 года Г.И. Хатисов отчитался о своей командировке, направив в Совет министров нелицеприятную докладную:

«Из представленного мной доклада Совету министров явствует, что как передаче авточасти, так и ознакомлению мне с имуществом Карсской крепости препятствовал комендант, генерал Пирумов, точка зрения которого заключается в том, что так как все имущество в крепости военное, то осмотр этого имущества мною, невзирая на мое полномочие, является нарушением его комендантских прав. Посему представить соображения о сем имуществе я могу лишь по отдельным фактам.

Иное положение в Сарыкамыше, где мне было оказано всякое содействие и где полковник Мириманов заявил, что, по его мнению, он должен ведать только ему потребным и полагающемуся по штатам, а остальное имущество должно получить возможно скорее своего хозяина.

¹³⁰ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 261, ч. 1, л. 42, 42 об.

¹³¹ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 261, ч. 1, л. 39.

¹³² НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 92, ч. 2, л. 419.

Относительно имущества в Карсской крепости я должен определенно заявить, что **его хозяин, генерал Пирумов, совершенно не соответствует своему назначению, хотя бы по своей неподготовленности и неспособности авторитетно руководить, а также ввиду неправомерных действий** (выделено мною. — Ю.П.).

Объезд мною складов и фортов, им остановленный, показал, что большинство складов оказалось незаперто или ключи находились у сторожа. Отпуск огромного количества инструментов производится без расписки получателя. Отправки грузов огромной ценности производились без описи, вследствие чего происходят хищения. Считаю крайне необходимым расследование, куда делись вывезенные в огромном количестве грузы — стальные, медная проволока и др.

Кроме того, в отношении Карсского имущества надо незамедлительно поставить его изучение с точки зрения использования для общегосударственных целей, поскольку оно не будет предназначено для военных нужд. Посему я полагаю бы необходимым посылку контролера и сведущих техников для контроля, хранения, отпуска, перевозки, составления описей и для составления предположений об использовании сего имущества и передачи его в то или иное ведомство. Эта Комиссия для района Карсской крепости должна быть, по-видимому, из военного ведомства. Что касается Сарыкамыша, то специалисты могли бы быть и по Главному Инженерному управлению.

Собственную свою деятельность я собираюсь ликвидировать и полагаю, что Совет министров найдет лиц, достойных и компетентных для управления Карским имуществом». Следующий абзац написан от руки: «Считаю долгом совести высказать, что хотя порядок, мной выше указанный, и является порядком законным и нормальным, но если желать действительного разрешения вопроса, то необходимо по весу реальных условий временное чрезвычайное полномочие лица сведущего, авторитетного для установления порядка и распределения, после чего дело могло бы перейти в ведение отдельных ведомств в нормальном порядке».¹³³

На докладной записке Г.И. Хатисова чья-то резолюция: «К делу». К кому? Возможно, правительство решило, что ситуацию в Карсе нужно взять под контроль, но кому это было поручено, неясно.

Мнение уполномоченного Хатисова — «о неподготовленности» Даниэл-бека и его «неспособности авторитетно руководить» — подействовало на меня удручающе. Наверное, известная доля истины в его словах была, но Даниэл-беку действительно было не до хозяйственных проблем мирного значения, пристальное внимание боевого офицера было приковано к другому: от него в первую очередь требовалось обеспечение безо-

¹³³ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 15, л. 31 с об.

пасности обширного края, с чем он и справлялся безукоризненно. Но все равно — читать этот отзыв мне было горько и очень обидно...

Вспышки насилия в подведомственном Даниэл-беку районе случались так часто, что иной раз об этом даже не успевали доложить, но слухи о них, обрастая дичайшей нелепицей, все же добирались окольными путями до «верхов». У меня нет архивной депеши № 19064 от министра внутренних дел по поводу обстановки в Карсе и области, зато есть ответ Даниэл-бека и Корганова на эту депешу (№ 1084 от 20 октября): «Депеша Ваша получена только сегодня, то есть через четверо суток (вот она, связь. — Ю.П.). В области спокойно. О стрельбе днем на улицах города слышим впервые, нет выстрелов даже ночью. Отдельные преступления строго преследуются и обвиняемые содержатся в тюрьме. Думаем, что сведения Вам сообщены безответственными лицами. Подробности почтой».¹³⁴

Думаю, умиротворяющие слова «в области спокойно» — просто озвучка вполне понятного желания руководителя продемонстрировать свои усилия на должной высоте. Реальная обстановка была не столь уж благополучной.

Именно с этой точки зрения я рассматриваю телеграмму Военного министра Даниэл-беку в Карс, переданную по прямому проводу лично адъютантом Военного министра штабс-капитаном Азиянцем. Не совсем ясно, какие события развернулись вокруг города Ольги, — выше уже говорилось о беспокойной обстановке в Ольгинском округе, выявленной генералом Осепянцем, и о желании курдов помочь «безболезненному занятию» города через десять дней.

«Телеграммой моей тринадцатого октября за № 738 было передано согласие Совета Министров на безболезненное занятие Ольт при условии возможности удержания занятого района отрядом достаточной силы. Из разговора Вашего по прямому проводу с поручиком Нерсесовым 25 октября усматриваю невозможность выполнения взятой Вами на себя задачи. Хотя в наступательном успехе Вы не сомневаетесь, но этого мало, ибо надо иметь силу и для удержания. Занятие Ольт и Округа силою — нельзя по причинам, изложенным в Вашем разговоре с Нерсесовым, и по причинам политического характера.

26 октября 1919 года. № 802.

Генерал-майор АРАРАТОВ

Верно: Помощник Начальника Мобилизационного Отдела,
причисленный к Генштабу,
капитан ТИХОНОВ».¹³⁵

В конце октября возникла взрывоопасная ситуация по вине Азербайджана, направившего в Зангезур свои войска. Это обстоятельство крайне

¹³⁴ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 547, л. 277.

¹³⁵ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 181.

обеспокоило даже грузинскую сторону, и заместитель министра иностранных дел Грузии Карцивадзе тут же известил свое правительство о происках Азербайджана, сославшись на срочное сообщение Махарадзе — дипломатического представителя Грузии в Армении: «...Азербайджанские войска могут быть дней через 10 на месте. Столкновение неизбежно. При мирном разрешении вопроса прошу инструкций. Прошу принять все меры для предотвращения столкновения. Мы дали понять Азербайджанскому правительству, что в случае если не будет предотвращено столкновение, то это послужит прямой **причиной окончательной гибели всего Закавказья** (выделено мною. — Ю.П.)».¹³⁶

Столкновения, однако, избежать не удалось, поскольку Азербайджанское руководство с самого начала лелеяло надежду подчинить себе исторические армянские районы Карабаха, Зангезура и Нахичевана. Увы, тут англичане сыграли ему на руку...

И все же последний квартал 1919 года выдался более-менее спокойным. Правительство А. Хатисяна решило воспользоваться этим, чтобы реализовать поездку министра-председателя «по городам и весям» — и лично ознакомиться с обстановкой на местах. Выбор пал на Карсскую область. Правительственный поезд направился туда через Александрополь.

Это довольно редкое для времен Первой республики событие описано в депеше, составленной неизвестно кем (есть лишь подпись делопроизводителя): «1 ноября 1919 года Министр-председатель Армении в сопровождении коменданта города Эривани, капитана Шахатуни, Начальника охраны, ротмистра Пирумова (кто он такой, родственник или просто однофамилец, я не выяснил. — Ю.П.), Штаба офицера для поручений, капитана Арутюнова, Секретаря Совета министров, поручика Туманяна и своего личного секретаря С. Торосяна в 8 часов утра экстренным поездом выехал по делам службы в гор. Александрополь и Карсскую область...»¹³⁷

На вокзале Александрополя А. Хатисяна встречали торжественно. Пришли все ответственные лица: и городской голова, и командующий армией, и начальник гарнизона, и командир конного полка, и уездный комиссар, и заместитель начальника дороги, и члены управы, а также набегало много местного народа. На перроне был выстроен почетный караул учебной команды конного полка с оркестром.

Как и положено, «пропустив войска церемониальным маршем и поблагодарив их за службу и молодецкий вид, Министр-председатель в сопровождении Начальника дороги осматривал железнодорожные мастерские, депо и вновь выстроенный капитаном Сируняном бронированный поезд».¹³⁸

¹³⁶ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 386, л. 112.

¹³⁷ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 429, л. 118 — 121.

¹³⁸ Там же.

Потом министр-председатель вместе с командующим армией направились в городскую управу, где их приветствовал городской голова, а затем наступило время завтрака, и все присутствующие были приглашены на него. После завтрака министр-председатель в сопровождении полковника Девиса осматривал различные объекты: казачий пост с многочисленными ткацкими мастерскими, грандиозные американские склады с мукой, какао, сгущенным молоком и рисом. Ритуал был соблюден: смотр войск — Хатисян поблагодарил их за службу от имени правительства, в 17 часов 30 минут — чаепитие в офицерском собрании конного полка. Оттуда Хатисян вернулся на вокзал.

В 9 часов вечера в офицерском собрании конного полка в честь министра-председателя гарнизон соорудил шикарный обед, куда были приглашены офицеры гарнизона, городской голова, члены управы, прокурор и все-все высокие должностные лица города Александрополя. Командир конного полка, приветствуя Хатисяна, заявил: мол, какие бы условия ни наступали, где бы они, офицеры, ни были, гордостью наполнено все их существо, ведь они были участниками создания независимой и свободной Армении. В воздухе потом висело долгое «ура-а!» В ответ министр-председатель сказал проникновенно: **«Я лично никогда не сомневался в преданности армянского офицерства идее независимости своей родины».**

2 ноября в 9 часов утра министр-председатель отправился в Карсскую область: «На границе Карсской области, на станции Караял Министра-председателя встретили губернатор области Корганов, Начальник Александропольской группы, комендант крепости Карс, генерал Пирумов, капитан Пуадебар, Штаб-офицер Штаба Карсской крепости, подполковник Гарибов, представители окрестного населения хлеб-солью. На перроне был выстроен почетный караул. Поблагодарив население за хлеб-соль, Министр-председатель обещал ему всемерную поддержку Правительства в восстановлении их разрушенного хозяйства и в сопровождении встретивших его должностных лиц направился в Карс. При подходе поезда к Карсу форты крепости салютовали; вокзал был красиво декорирован. Приняв рапорт Начальника Карсского отряда, генерала Осепяна, Министр-председатель вышел на перрон и был встречен почетным караулом с оркестром музыки, многочисленными делегациями от различных национальностей, членами городской Управы, Персидским консулом, должностными лицами и многочисленным народом с национальной музыкой. Министр-председатель, пропустив войска церемониальным маршем, обратился к народу с речью, в которой сказал: «Не первый раз я посещаю Карс. Я счастлив заявить Вам, что не вижу более унылых лиц беженцев, а мои взоры встречаются с радостными лицами свободных карсских граждан». Поблагодарив все делегации за приветственные речи

и провозгласив «ура» за национальную солидарность Карсской области, Министр-председатель под звуки национальной музыки и «Кещцэ» (по-армянски «Да здравствует!» — Ю.П.), в сопровождении конных милиционеров отбыл в губернаторский дом; при входе в дом была устроена красивая арка с надписью «Добро пожаловать!». По пути стояли шпалерами войска и народ. На площади у губернаторского дома собралась масса народа и сироты. Поблагодарив их за встречу, Министр-председатель принял завтрак в доме губернатора. После завтрака Министр-председатель в сопровождении Командующего армией, Губернатора и Коменданта крепости осматривал форты крепости, материальные склады и произвел смотр войскам гарнизона на площади. После парада части бригады Сепу показывали боевые упражнения, причем команда давалась **на армянском языке** (подчеркну этот факт. — Ю.П.). Поблагодарив войска за отличную службу своей свободной родине, Министр-председатель возвратился в губернаторский дом, где был в 6 часов вечера сервирован большой обед. Во время обеда губернатор произнес речь, в которой приветствовал Министра-председателя как главу Правительства, общественного деятеля и представителя партии «Дашнакцутюн». В ответной речи Министр-председатель благодарил за приветствие, указал на плодотворную деятельность губернатора и боевую работу Карсского отряда, отстаивающего честь и независимость Армении, и под несмолкаемые аплодисменты «Кещцэ» и звуки «Мер Айреник» (по-армянски «Наша Родина». — Ю.П.) кончил речь следующими словами: **«Или пусть живет Армения свободная и независимая, или пусть она погибнет, если должна быть рабской»** (выделено мною. — Ю.П.).

Третьего ноября в 9 часов утра Министр-председатель в сопровождении губернатора и всех бывших с ним лиц отбыл в Сарыкамыш, где был встречен Командующим N-ского полка, представителями населения, сиротами, детьми-учащимися и должностными лицами. Пропустив войска церемониальным маршем, поблагодарив всех за прием, Министр-председатель направился на площадь, где состоялся парад боевого Сарыкамышского отряда. Министр-председатель от имени Правительства горячо поблагодарил отряд за боевую работу, указав, что история уделит им почетное место в рядах защитников независимости и свободы Армянского народа и его государственности. Затем карсскими дамами, приехавшими также в Сарыкамыш, были розданы подарки, табак и папиросная бумага. Провозгласив громко «ура» Армянскому народу и его Правительству, войска разошлись по казармам, а Министр-председатель был приглашен в офицерское собрание гарнизона на обед. От имени гарнизона офицер N-ского полка приветствовал Министра-председателя речью, в которой заявил: «Мы просим передать Правительству и парламенту Армении, что до последнего человека здесь, вдали от родины, на

снежных высотах мы будем защищать честь, свободу и независимость Армении». Еще раз поблагодарив всех присутствовавших за готовность служить родине, Министр-председатель отбыл вечером обратно в Карс, где в 10 часов вечера был приглашен на ужин в комендантский дом в крепости. Во время ужина с фортов пускались красивые ракеты и были зажжены бенгальские огни. Перед отъездом Министр-председатель осмотрел лесопильный завод. 4 ноября Министр-председатель в сопровождении Командующего армией, губернатора, Начальников групп и отряда на автомобиле отбыл в город Кагызман. По пути следования у поста «Послы» собрались встречать Министра-председателя представители окружного курдского, мусульманского и туркменского населения хлеб-солью. Представители, в обращенном к Министру-председателю слове, благодарили за порядок в их районе, который установила администрация, и обещали быть честными и верными гражданами Армении. Министром-председателем было пожертвовано в пользу курдских и мусульманских школ 8.000 рублей и собравшимся нескольким детям 250 рублей. На шоссе был выстроен караул. Поблагодарив население и солдат, под громкие крики «ура» и «Да здравствует Армянское правительство» Министр-председатель последовал дальше. За 6 верст до Кагызмана, у моста Министра-председателя встретили Начальник округа с конной милицией и градоначальник курдского племени Шамшадинов с курдской конницей. Поблагодарив курдов за верность Армении и за готовность к дальнейшей работе, Министр-председатель пожертвовал в пользу бедных курдов 10.000 рублей и произвел Шамшадинова, согласно ходатайства губернатора, за особые заслуги в чин подпоручика милиции, и в сопровождении конных въехал в Кагызман. Министра-председателя встретил почетный караул Кагызманского гарнизона, Городской голова с хлеб-солью, представители курдского, мусульманского и армянского населения. Пропустив войска церемониальным маршем и поблагодарив их за недавние боевые действия, Министр-председатель соединил руки представителей курдов, мусульман и армян, провозгласив «ура» за их вечную дружбу. В пользу бедных города было пожертвовано 10.000 рублей. После встречи Министр-председатель принял гарнизонный обед и, переночевав в Кагызмане, на следующий день утром, после осмотра соляных копей, вернулся в Карс. По пути в «Послах» осматривал мусульманскую мечеть и пожертвовал 2.000 рублей на приведение в порядок здания мечети. По прибытии в Карс Министр-председатель был приглашен на обед к Командиру бригады Сепу. Зал был красиво декорирован с надписью: «Быть или не быть» — «Национальное войско оплате (? — Ю.Л.) независимости».

На следующий день, 6 ноября в 10 часов 30 минут утра Министр-председатель, Командующий армией, Сепу, генералы Пирумов, Осепян,

Губернатор и другие сопровождающие лица выехали на автомобилях через Мерденек в Ардаган. В селении Родионовка Министр-председатель был встречен молоканами хлеб-солью и почетным караулом. Молокане просили дать возможность им вновь поставить на ноги их сыроваренный завод. Пожертвовав в пользу школы молокан 1.000 рублей, Министр-председатель отбыл в Мерденек, где был встречен почетным караулом гарнизона, представителями греческого, мусульманского и курдского населения, которые заявили, что они верят Правительству Армении и отдадут себя под защиту армянских войск и армянской администрации. Греки провозгласили громкое «зито» Главе правительства и пожелали скорейшего признания независимости Армении со стороны великих держав. Указав войскам на ту историческую роль, которая выпала на них в деле защиты независимости армянского народа, его свободы и государственности, поблагодарив их от имени Правительства за безупречную службу и провозгласив «ура» в честь Начальника Мерденекского отряда, Командующего армией, офицеров и солдат, Министр-председатель принял от гарнизона завтрак, пожертвовал в пользу бедных греков и мусульман 5.000 рублей и направился в Ардаган. Не доезжая до Ардагана, Министр-председатель был встречен представителями селений, лежащих вблизи Ардагана, которые горячо благодарили за деятельность армянской администрации и губернатора. Они заявили: «Мы не идем за теми, которые хотят отозвать нас от мирной жизни и честно исполняем все приказания власти и требования закона». Представителям было выдано 1.000 рублей для раздачи бедным. В семь часов вечера Министр прибыл в Ардаган и около арки Правительственного дома (бывший дворец аджарского бека) был встречен почетным караулом ардаганского гарнизона, начальником округа, полковником Кадымовым. Всем прибывшим был предложен ужин. На следующий день, утром, около дома Министра собрались войска, Городской голова, представители мусульман, греков, туркмен с хлеб-солью. Делегации приветствовали премьера и благодарили за порядок, установленный армянской администрацией при округе. Министр-председатель призвал население всегда так жить в мире, в дружбе, сохранять порядок и изгонять из своей среды провокаторов-агитаторов. Отличившиеся были произведены в юнкера и подпоручики милиции, бедным Чалдырского участка были пожертвованы 10.000 рублей, а бедным города — 5.000 рублей. Затем Министр-председатель проехал в северную часть города, где был встречен у арки почетным караулом грузинского отряда. Министр-председатель благодарил грузин, указав на необходимость дружбы между Арменией и Грузией, и провозгласил громкое «вашá» («ура». — Ю. П.) в честь Председателя Грузинского Правительства Жордания, Военного министра Рамишвили и Ардаганского грузинского отряда. Солдаты ответили ответным «вашá» в честь Правительства Армении.

После завтрака, на который был приглашен также и начальник грузинского отряда, Министр-председатель отбыл через Зарушадский участок и Джелауз в Карс. По пути Министра-председателя встречали окрестные греческие и мусульманские селения хлеб-солью, а также шпалерами были выстроены конные курды и мусульмане-милиционеры. До границы округа Министра-председателя провожал начальник округа, полковник Кадымов. Вечером седьмого ноября Министр-председатель прибыл в Карс, откуда восьмого ноября, в 3 часа дня, после прощального обеда в доме Губернатора, Министр-председатель отбыл в Александрополь. На вокзале собрались провожать все высшие должностные лица и население...»¹³⁹

На другой день министр-председатель был уже в Александрополе. Там, в здании Американской миссии для него опять был устроен обед, а в офицерском собрании конного полка — ужин. Утром Хатисян инспектировал полигон, где содержались беженцы, а оттуда проследовал на площадь бывших Северских казарм — смотрел, как офицеры и всадники конного полка хвастают боевыми приемами. Уже в 12 часов дня он отбыл из Александрополя в Эривань, где появился в тот же день, в 17 часов.

Многодневное хождение в народ благополучно закончилось, и невдомый летописец главы государства поставил последнюю точку. Я много раз перечитывал эту депешу и все не мог сдержать волнения: ну просто эпос, героическая песнь! Пожалуй, лучший эпизод, из всех описанных, про жизнь Первой республики. И там, в самой гуще был мой дед.

Смущало только: откуда у правительства, испытывавшего серьезные финансовые трудности, такие средства — на долгую поездку, на весь этот размах, на щедрые пожертвования?! Не может быть, думал я, чтобы такое мероприятие — в тяжелых условиях выживания всей страны! — да не обошлось без каких-нибудь накладок. И точно. В конце концов, я отыскал одну из таких историй.

Комендант Эривани, капитан Шахатуни был начальником этого поезда-праздника, вместе с ним министра-председателя сопровождал караул из семи солдат (всего лишь!), один писарь и четыре ординарца. А хозяйственной частью заведовал комиссар по особым поручениям Саак Торосян. С ним-то у капитана Шахатуни и вышло недоразумение, которое он в сердцах описал в рапорте и отправил начальнику военного штаба для доклада военному министру: «...В первый же день я обратился к нему (Торосяну. — Ю.П.) относительно довольствия людей, ибо в Александрополь мы прибыли в такое время, что невозможно было зачислить людей на довольствие при какой-нибудь части. Мне г-н Торосян сказал: «У меня не хватит денег, прошу Вас, если есть у Вас, выдайте. По приезде в Эривань я Вам верну». Я тут же при всех дал Начальнику охраны штабс-ротмистру

¹³⁹ Там же.

Пирумову, и всю дорогу выдавал. На возвратном пути из Карса, в Александрополе и у меня самого окончились деньги, и я принужден был на станции Александрополь занять у своего родственника — полковника Пограничной стражи, князя Туманова пятьсот рублей, каковые тоже выдал Начальнику охраны. В конечном итоге я истратил за все время поездки три тысячи сто пятьдесят рублей. По приезде в Эривань я несколько раз обращался к Комиссару Торосяну с просьбой вернуть мне эти деньги, на что последний обещал мне, но в результате не исполнил своего обещания. В день отъезда Министра-председателя в Тифлис, я еще раз обратился с убедительной просьбой вернуть мне эти деньги, сказав ему, что они мне крайне нужны для поездки жены в Тифлис...»¹⁴⁰

Комиссар ухватился за эту идею и заявил несчастному Шахатуни, что долг отдаст его жене, в Тифлисе, но капитан, «не желая входить в такие комбинации», написал Торосяну официальное заявление, в котором потребовал доложить обо всем министру-председателю. Видимо, этого капитану показалось мало, и он накатал еще и рапорт. Чем дело закончилось, не знаю, но хочется верить, что господин Торосян вернул капитану Шахатуни обещанные деньги. Как все-таки тяжело жилось, коль правительство не могло прокормить двенадцать солдат, сопровождавших главу государства. И неудивительно, что приподнятая атмосфера праздника быстро улеглась и начались суровые будни.

Довольно скоро, несмотря на заверения в дружбе, братавшиеся в Ардагане растеряли чувство единения, испытанное ими во время визита Хатисяна. Уже 20 ноября Даниэл-бек сообщил командарму из Карса: «...в трактир Ардагана зашел курдский бек и, обратившись к сидевшему почтово-телеграфному чиновнику (армянину. — Ю.П.), стал его ругать. Командир ардаганской роты (армянской. — Ю.П.) выслал двадцать солдат для ареста бека, но командир грузинской роты демонстративно увел его к себе. Вскоре к месту подъехала иррегулярная конница из аджаров-грузин и произвела несколько выстрелов по части города (армянской. — Ю.П.). Девятнадцатого сего ноября командир грузинской роты принес извинения за выступление конницы и заявил, что она будет заменена регулярной. Донося об этом, одновременно докладываю, что выступление грузин недопустимо, ибо подрывает авторитет нашей власти в глазах простого народа. Прошу принять меры дипломатическим путем».¹⁴¹

Атмосфера накалилась так, что даже незначительный инцидент мог вызвать серьезные осложнения в отношениях стран Закавказья. И если с северным соседом кое-как, но все же удавалось договориться, и в соприкасающихся районах на время устанавливалось затишье, то мусульмане бряцали оружием практически постоянно и повсеместно. В тот же

¹⁴⁰ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 105, л. 19.

¹⁴¹ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 353, л. 96.

день, 20 ноября, Даниэл-бек вынужден был послать командарму очередную телеграмму: «Командир 4-го полка из Сарыкамыша доносит, что, по сообщению агента, под командой турецких унтер-офицеров турко-курды через 4 дня поведут наступление из Бардуса на Кер-Оглы и Еникей. Из Турции на Башкей и Каракурт по направлению Сурп-Хач. Главный удар будет направлен на Сурп-Хач и на Кизил-Килису западнее Каракурта. Сурпхачским отрядом будет командовать Эюб-паша, Бардусским — Абзаэфенди — офицер турецкой службы или же Мемтияс Мемтби. Башкейским отрядом будет командовать амамлинский Бекар-бек, ныне находящийся в Эрзеруме. 18 ноября в селение Занзах (здесь Даниэл-бек был ранен в первый раз. — *Ю.П.*) прибыло четыре полевых орудия. Цель наступления: во что бы то ни стало занять Сарыкамыш. Изложенное вызвано в связи с войной с Азербайджаном».¹⁴²

Отношения с Азербайджаном походили на тлеющий военный конфликт, грозящий полыхнуть всепожирающим пламенем. В споре вокруг Карабаха, Зангезура и Нахичевана агрессивному новообразованному государству хотелось победить во что бы то ни стало. А когда такие проблемы с самоидентификацией целого народа, лишённого преемственных управленческих традиций, тут уж не до дипломатии.

По мнению А.И. Деникина, «все в Азербайджанской республике было искусственным, «ненастоящим», начиная с названия, взятого взаимобразно у одной из провинций Персии. Искусственная территория, обнимавшая лезгинские Закаталы, армяно-татарские Бакинскую и Елисаветпольскую губернии и русскую Мугань и объединенная турецкой политикой в качестве форпоста пантюркизма и панисламизма на Кавказе... Искусственная государственность, так как на этих землях, лежавших на пути великого переселения народов и подвергавшихся воздействию разнообразных культур сменявшихся завоевателей, жили всегда разрозненные мелкие племена, враждовавшие друг с другом и донныне еще сохранившие черты кочевого быта. Наконец, искусственно держалось и Азербайджанское правительство: первоначально волею Нури-паши (командующий турецкими войсками. — *Ю.П.*), потом генерала Томсона и в дальнейшем — просто по инерции».¹⁴³

Попытки Азербайджана силой отторгнуть исконные восточные армянские земли были так часты и упорны, что оттягивали к своей границе значительные воинские контингенты Армении, мешая ей более эффективно действовать на западных рубежах. Наконец, при посредничестве верховного союзного комиссара и Грузии сторонам удалось заключить соглашение, которое Азербайджан потом постоянно нарушал. Но когда тря-

¹⁴² НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 353, л. 99.

¹⁴³ Деникин А.И. Указ. соч. С. 297.

сет, как на вулкане, об этом «потом» стараешься не думать, важнее день сегодняшний, без стрельбы и загубленных жизней.

23 ноября 1919 года в Тифлисе под этим соглашением подписались премьер-министры Армении и Азербайджана — Хатисян и Уссуббеков, министр иностранных дел Грузии Гегечкори и полковник генерального штаба США Джеймс Рей. Стороны договорились прекратить враждебные действия, к силе оружия снова не прибегать, все спорные вопросы разрешать по обоюдному согласию, а если мирно справиться с междоусобицей не смогут, то подчиняться решению нейтрального арбитра — полковника Джеймса Рея.

Равное количество армянских и азербайджанских делегатов должны были 26 ноября встретиться в Баку на предварительном совещании, а затем 4 декабря — на конференции в Тифлисе, чтобы покончить с острыми международными проблемами на основе договора или арбитража.

Но именно в день изначальных переговоров, 26 ноября, Даниэл-бек посылает командарму тревожную телеграмму: «По сведениям, в Аг-бабу, Чалдыр и Зарушад (к северу от Карса. — Ю.П.) прибыли из Азербайджана комиссары, которые ведут провокационную агитацию среди курдов, татар и молокан против нашего Правительства, уговаривая не подчиняться ему и помочь Азербайджану, который в скором времени, якобы, введет свои войска в их район с целью захвата. Участники соединения-сходки курдотатары и молокане. Считаю необходимым поставить в известность Представителя Добрармии (деникинской. — Ю.П.) и о поведении молокан».¹⁴⁴

Прочитав эту телеграмму, я очень удивился, ведь молокане, в отличие от курдов и татар, всегда были лояльны к армянам. И только когда обнаружил телеграмму Даниэл-бека от 28 ноября, все стало на свои места — молокане дружбу с армянами предавать не собирались: «Прибывшие из Ново-Дубовки в Карс молокане сообщают: в Ардаганском округе жители селений Наканской, Конки, Кечи, Орушет, Комач, Зотабек, Ура, Верхний Текат, Нижний Текат поддерживают тесную связь с Аджарией и Грузией и организуют местные силы. В Нижнем и Верхнем Текате в настоящее время имеется много аскеров, которые живут средствами местных мусульман, они производят среди них усиленные занятия и ведут пропаганду. В Зарушаде, Аг-бабе и Чалдыре происходит то же самое».¹⁴⁵

Тучи сгущались. Телеграмма, посланная Даниэл-беком командарму 30 ноября, звучит уже как призыв к обузданию мятежников: «По сведениям, предводитель Аг-бабинских татар, Кербалай Мамед, побывавший два месяца назад в Азербайджане, в настоящее время объезжает с большим конвоем Аг-бабинский, Чалдырский, Зарушадский районы, составляет списки способных носить оружие и подготавливает жандармерию и мест-

¹⁴⁴ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 50, л. 210 об.; НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 353, л. 100.

¹⁴⁵ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 353, л. 101; НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 110, л. 22.

ные полки. Записавшиеся носят погоны с полумесяцем. В этих районах идет усиленный сбор сена, ячменя, муки, пшеницы, масла, сыра и прочих продуктов. Благодаря наглости и бесчинству татар Инджадаринцев, Шайналарцев (Одинцово) и Аргинцев (Аргино), в окрестности ставки Караял общение между армянскими селами стало крайне затруднительно. Необходимо теперь же принять меры для обуздания курдо-татар. Движение на Шайналар (Одинцово) неминуемо заставит вязаться в нежелательный для нас конфликт, вызывающий большое количество войск, **чего у меня нет** (выделено мною. — Ю.Л.). 1 декабря выезжаю в Эривань и сделаю подробный доклад».¹⁴⁶

И вот ведь что странно: судя по текстам этих телеграмм, по территории Армении беспрепятственно разгуливали турецкие эмиссары, промышляли откровенным шпионажем, агитировали и вооружали мусульманское население. Куда глядела контрразведка, почему позволяла врагам государства чувствовать себя столь вольготно? Или у государства не хватало финансовых возможностей для оплаты тайных осведомителей из мусульманской среды?

Скорее всего, не хватало, хотя все же кое-что руководство страны ухитрилось выкроить для осуществления некоторых не подлежащих широкой огласке мероприятий, причем, очевидно, Даниэл-беку отводилась при их проведении в жизнь определенная роль. Во всяком случае, в ноябре 1919 года он получил некоторую сумму, но... через гражданские власти области:

«Комиссару Особых поручений при Председателе Совета министров С. Торосяну (он, кстати, был личным секретарем министра-председателя во время поездки последнего в Карсскую область. — Ю.Л.)

По поручению Председателя Совета министров А. Хатисова Губернатором (С. Коргановым — Ю.Л.) выдано было Вам 25 000 рублей и 1300 генералу Пирумову, всего 26 300 рублей.

Ввиду того, что эти деньги имеют **специальные назначения** (выделено мною. — Ю.Л.), прошу Вас выслать означенную сумму Губернатору для обращения исполнения на соответствующей смете.

Вице-губернатор Чалхушьян

И.о. правителя Канцелярии М. Цици (подпись неразборчива)

И.о. Делопроизводителя А. Парак (подпись неразборчива)».¹⁴⁷

Странный русский язык употребили подписанты этого документа во главе с вице-губернатором Чалхушьяном, еще 9 сентября 1919 года в качестве Правителя Канцелярии губернатора скреплявшего печатью письмом С. Корганова председателю Совета министров о ситуации в Карсской области. Я понял их нечетко выраженную мысль, обращенную к С. То-

¹⁴⁶ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 110, л. 21.

¹⁴⁷ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 196, л. 85.

росяну, так: «Отчитайтесь!» Причем не перед верховной властью, а перед гражданской администрацией Карсской области.

На какие «специальные назначения» истратили С. Торосян и Даниэл-бек выделенные им на двоих, но не в равных долях 26 300 рублей, я, естественно, не знаю, но 1300 рублей, полученные Даниэл-беком, показались мне ничтожно малой суммой, что А. Хатисов, наверняка, представлял себе. Наверное, поэтому 23 декабря 1919 года от него на имя Даниэл-бека пришла секретная телеграмма: «Препровождая при сем через полковника Гарибова тридцать тысяч рублей (30.000 рублей) **на секретные расходы, Вам известные** (выделено мною. — Ю.П.), сообщаю Вам, что, согласно постановления Совета Министров, кредит на секретные расходы отпущен в распоряжение Министра Внутренних дел, так что отчет Ваш в израсходовании присылаемой суммы должен быть представлен Карсскому губернатору».¹⁴⁸

Как видим, несмотря на то что на этот раз деньги Даниэл-беку были переданы не через гражданскую администрацию, а через военнотружачего, все равно курировать расходы на секретные цели должен был губернатор С. Корганов.

Тридцать тысяч рублей, учитывая экономическую ситуацию в стране, — вроде бы, значительная сумма. Но рапорт о содержании военнотружачих иностранных миссий, составленный в конце ноября заведующим авточастью военного ведомства Армении, заставляет в этом усомниться: «...иностраннотружачим миссиям, кроме самих автомобилей (из коих англичане увезли на память об Армении две машины и которые были проданы в Тифлисе за 340 тыс. рублей), масла и бензина, были отпущены покрывающие, камеры и другие мелкие части, кроме того, ремонт их машин производился в мастерских Авточасти. Содержание указанных машин обошлось Военнотружачему Министерству около ста тысяч рублей, каковой расход следовало отнести за счет Министерства Иностраннотружачих дел...»¹⁴⁹ В этом же рапорте сказано, что на содержание команды и офицеров при иностранных миссиях ушло почти двести семьдесят тысяч рублей. При таком размахе, судить, много или мало средств было отпущено Даниэл-беку на «специальные цели», даже как-то неловко.

К тому же, по-видимому, под маркой обслуживания иностранных миссий стали происходить кражи автомобильного имущества. О масштабах хищений можно судить по телефонному разговору, состоявшемуся 9 января 1920 года между Чалхушьяном, очевидно, на этот момент все еще вице-губернатором Карсской области, и помощником военного министра Манасьяном.

¹⁴⁸ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 97, л. 107.

¹⁴⁹ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 120, л. 64.

Манасян: «Получена из Тифлиса от Минаса Макаряна телеграмма следующего содержания:

«Из Карса продолжается незаконный вывоз автомобильных частей. У Заведующего складом Карсского гаража Александра Караяна задержаны нами в Тифлисе ценные части на пятьдесят тысяч рублей». Очень прошу Губернатора и Вас совместно с моим представителем Лалаяном, который хорошо знаком с авточастью, назначить внезапную ревизию для установления, как, где и кем хранится это имущество; как ведется отчетность и кто является ответственным за это.

Прошу строго и срочно расследовать и уведомить. Распорядитесь на ст. Карс Коменданту и Начмилиции, чтобы без разрешения Губернатора никаких автомобильных частей не вывозили бы, для кого бы оно ни было предназначено...»¹⁵⁰

Не правда ли, весьма любопытная информация.

Но еще более любопытным мне представляется ответ собеседника:

«Чалхушян (в этом документе его фамилия приведена без мягкого знака. — Ю.П.): «...Сейчас же сообщу губернатору для принятия соответствующих мер. Вопрос о хищениях казенного имущества стал перед нами **с первого дня появления нашей власти в Карсской области, и большей частью воровали те, которым поручали охранять** (выделено мною. — Ю.П.). Поэтому престиж Губернатора не может падать, ибо из-за того же автомобильного имущества у нас был целый ряд неприятностей и крупных разговоров с Военным ведомством, а также с Вами. **Известно крупное недоразумение по автомобильному вопросу между Георгием Ивановичем и Пирумовым** (выделено мною. — Ю.П.)».¹⁵¹

«Воровали те, которым поручали охранять», — мне кажется, что Чалхушьян намекает не столько на попавшегося в Тифлисе заведующего складом Карсского гаража Александра Караяна, сколько на Даниэл-бека, хотя не упоминает имени ни того, ни другого. Тем более что дальше речь идет о «крупном недоразумении по автомобильному вопросу» между управляющим при Совете министров и одновременно ответственным в правительстве за строительство и транспорт Г.И. Хатисовым, а это именно он упомянут Чалхушьяном, как «Георгий Иванович», и Даниэл-беком.

Думаю, Г.И. Хатисов лишний раз утвердился в правильности своих прежних выводов относительно хозяйственных талантов моего деда, возможно, даже сообщил свое мнение на этот счет губернатору С. Корганову, способствуя, таким образом, взаимному недоверию между гражданской и военной администрациями Карсской области.

Но слова Чалхушьяна «о недоразумении» не завершили телефонный разговор между двумя высокопоставленными собеседниками.

¹⁵⁰ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 172, л. 22.

¹⁵¹ Там же.

Манасян: «Относительно того, кто был виноват в прошлом в неприятии надлежащих мер против расхищения казенного имущества, я сейчас не хочу спорить, но нахожу крайне необходимым, чтобы все меры были бы приняты, чтобы, по крайней мере, организованного вывоза не было бы. Указывал (так в тексте. — Ю.П.) на конкретный факт строгого расследования...»¹⁵²

В ответ Чалхушьян дополнил сведения, сообщенные из Тифлиса Минасом Макаряном, более подробной информацией:

«По поводу расхищения автоимущества могу сообщить следующее: дней восемь назад полковник Курбатов арестовал трех шоферов, подозреваемых в хищении, и прислал их Начмилиции. Произведенным Джамгаряном расследованием выяснилась причастность к расхищению Заведующего складом Александра Караяна, который за три дня до этого выехал в Тифлис».¹⁵³

Налицо не воровские деяния одного лица — заведующего гаражом, а преступный групповой сговор. Действительно, необходимо было принимать меры. На документе есть чья-то резолюция: «Административный отдел. В дело».

И все же, несмотря на все эти «мелочи», обстановка в стране к концу 1919 — началу 1920 года стала гораздо стабильнее. Я подсчитал: моего деда за 1919 год всего пять раз перемещали с должности на должность, а за семь месяцев 1918 года он менял их десять раз. Любопытная деталь: кроме того, что нагрузка на командиров в 1919 году увеличилась многократно, изменился и ее характер: за это время Даниэл-бек, к примеру, отправил, получил и подготовил, пусть даже иногда совместно с кем-то, девять документов, каждый из которых потребовал немалой организационной, координационной и информационной проработки. Для сравнения: а в 1918 году — только два десятка.

Но умножившуюся ответственность Даниэл-бек не воспринимает как обузу. И не теряет оптимизма. В первый же день нового, 1920 года он посылает министру-председателю поздравительную телеграмму, текст которой выдает и его собственное настроение: «Войска Александропольской группы, стальной грудью защищающие границы дорогой Родины, поздравляют Вас с Новым годом и желают Вам счастья, успеха и сил на благо процветания дорогой Армении. Поздравляю Вас и шлю свои наилучшие пожелания».¹⁵⁴

А 3 января Хатисян присылает Даниэл-беку ответ на армянском языке: «Примите и передайте сердечные поздравления доверенному (Вам. — Ю.П.) и храброму войску».¹⁵⁵

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 116, л. 9 об.

¹⁵⁵ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 116, л. 9.

И хотя оптимизм в эти дни зашкаливал в сердцах многих подданных Армении, всех затмил городской голова Александрополя, сочинивший для начальника александропольского артиллерийского склада, подполковника Иванова такую телефонограмму: «Прошу Вас принять и передать офицерам и солдатам вверенного Вам склада от меня лично, товарищей по Городскому самоуправлению и всех граждан Александрополя горячее поздравление с Новым годом. Народ наш глубоко верит в преданность доблестного Вашего склада делу национальной защиты, верит и признает, что родные сыны его, если от них потребуют обстоятельства, положат свою жизнь во благо и процветание дорогого нам народа и Родины».¹⁵⁶

Понимаю, что в условиях дефицита вооружения и боеприпасов артиллерийский склад крупнейшего города страны, очевидно, был важнейшим стратегическим объектом, коллектив которого заслуживал высоких и добрых слов.

Наступивший год и в самом деле сулил хорошие перспективы: 19 января 1920 года Парижская мирная конференция признала наконец Республику Армения де-факто. Исполнились многовековые чаяния народа. Общая волна ликования подхватила и Даниэл-бека, пославшего 24 января на имя министра-председателя пафосную телеграмму: «Я и войска Александропольской группы поздравляем Вас — верховного вождя Армянского народа с радостным днем признания конференцией независимости Армении. С трепетом в сердце мы ждали этого желанного дня (целый год, между прочим. — Ю.П.). Ушли тучи с горизонта нашей страны, и показалась заря нашей свободы. Верим, надеемся, что наконец настал час справедливости, и отныне поставлен предел стихийным действиям и страданиям нашего народа, и что, взяв на себя тяжелое бремя отныне уже свободной Армении, Вы поведете народ наш по желанному пути культуры и цивилизации, и все ужасы, пережитые родиной нашей в продолжении шестивекового рабства, уйдут в мир вечности и предания».¹⁵⁷

Но до всеобщего счастья было, как всегда, далеко. Зато проблем навалилось много и сразу: страну заполонили почти полмиллиона беженцев. Карсская область на первых порах могла принять только небольшое количество переселенцев, способных осесть на земле и обустроиться в селениях, покинутых мятежными мусульманами, и поэтому троюродному племяннику моего деда, врачу, родственнику по линии Гусейна — Сергею Исраэловичу Пирумову александропольский городской голова, не медля, поручил составить перечень мер, необходимых для помощи прибывающим. 2 февраля 1920 года Сергей Исраэлович доложил: «...До прибытия беженцев в Карсскую область нужно на станциях заготовить достаточное количество дров для передачи определяемым в села беженцам. Беженцев

¹⁵⁶ НАА. Ф. 105, оп. 1, д. 2540, л. 5.

¹⁵⁷ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 555, ч. 1, л. 208 с об.

можно заселить в Карсской области в пяти совершенно пустых незаселенных селах, где еще сохранились некоторые дома в целости, а во многих домах не имеются оконные рамы и двери, для каковой цели достаточно из Сарыкамыша, из казенной Лесопильни, доставить два вагона досок; беженцы сами приготовят недостающие окна и двери. Вначале можно в Карсской области в пяти селах разместить до двух тысяч человек беженцев, которым нужно выдать, кроме необходимых продуктов, еще на каждую семью кирку и лопату, а на каждое село — по 10 пил. По заселении 2-х тысяч беженцев, по составлении ядра в селе, можно дополнить заселение до шести тысяч человек, а во всей Карсской области можно разместить до 15 тысяч человек».¹⁵⁸

Как ни мала горстка в 15 тысяч человек по сравнению с общим числом обездоленных, но и обустройство даже такого количества беженцев было бы большим достижением в социальной политике Первой Республики.

Сергей Израэлович настоятельно советовал начинать переселение «усиленным темпом, чтобы хоть с конца марта беженцы могли приступить к своим полевым работам», но считал, что сначала нужно подготовить для этого все необходимое. Одновременно копию его доклада переслали Сепу — командиру 4-й Отдельной пехотной бригады, очевидно, для того, чтобы его бойцы подготовились к охране беженцев, которых, скорее всего, везли гужевым транспортом, тогда как вооруженные татары не боялись атаковать даже бронепоезда, о чем и сообщил в очередной телеграмме Даниэл-бек: «Второго февраля в 18 часов 30 минут бронированный поезд, в котором я находился, пройдя железнодорожный мост через реку Карс-чай, остановился из-за порчи форсунки. По сигналу, поданному каким-то русским из селения Шайналар, татары цепями заняли позицию и с обеих сторон, обогнав поезд, открыли по нему безрезультатный огонь. По некоторым соображениям и из-за наступающей темноты, мною было приказано броневнику не отвечать на огонь мусульман. Броневник вернулся на станцию Караял».¹⁵⁹

В тот же день, 2 февраля, состоялся телефонный служебный разговор между капитаном Медведевым и подполковником Гроссом: «Капитан Медведев: По приказанию Начальника Штаба армии передаю следующее: правительство находит крайне необходимым, в целях политических, ликвидировать последнее столкновение с татарами, восстановив мирные отношения. Сообщите подробности столкновения, наши потери и татар, в каком положении теперь дело? Передайте приказание Командарма генералам Осепянцу и Пирумову ликвидировать столкновение, выйдя с почетом из нынешнего положения.

¹⁵⁸ НАА. Ф. 105, оп. 1, д. 2840, л. 163.

¹⁵⁹ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 442, ч. 1, л. 37.

Подполковник Гросс: Начальник бригады из Романова несколько раз посылал почетных Зарушадцев к мятежникам, с требованием подчиниться, обещая им полную сохранность и целостность имущества и свободу личности (начиная со слова «целостность», предложение дописано от руки. — *Ю.П.*). Такого же характера был послан приказ за подписью генерала Осепянца, на что получены дерзкие ответы Главарей, в том числе и от Селима. В ответ на это наши части вчера, в 2 часа утра перешли в наступление, сосредоточив главный удар на Ново-Покровку. Существенное наше преимущество, артиллерия, ввиду глубочайшего снега, не могла быть использована, хотя действовала образцово. Это обстоятельство, а также сильные морозы, усугубили чрезвычайно тяжелые условия атаки неравных сил. Лихой атакой наши войска овладели позицией по хребту Ново-Покровка до Кечабурга. На самой позиции собрано 45 трупов бойцов, из них 12 заколоты штыками. Наши потери: убит Начальник Учебной команды, поручик 1-го полка Ягубов, ранены: тяжело — того же полка прапорщик Мурадов и легко (остался в строю) — подпоручик Купалян. Тяжело ранены штабс-капитаны 5-го полка Обян и Алиханов. Курды в панике бежали через Ольшевку за Гренадерское. Район левого фланга частью бежал, частью изъявляет покорность, как, например, жители Гегорачина — гнезда разбойников, приславшие парламентаров с предложением сдать свое оружие. Положение правого фланга выясняется. В Ново-Покровке произошел большой взрыв по неизвестной причине. Генерала Пирумова в Карсе нет. Генерал Осепянц (командир Карсского отряда, отвечающего за обстановку в Карсском округе. — *Ю.П.*) приехал вчера вечером и снова выехал на позиции, откуда, по выяснению полной обстановки, пришлет подробное донесение. Таким образом, Вы видите, что вопрос ликвидировался кровью...»¹⁶⁰

Мусульмане продолжали нападать, вынуждая армянские войсковые части подавлять их выступления бескомпромиссно и жестоко. В подтверждение — телеграмма Даниэл-бека командарму от 8 февраля: «Для окончательного умирения Зарушадского участка, вчера, 7 февраля была предпринята карательная экспедиция против селений разбойника Селима — Кизил-Килисы и Гегерчина (вероятно, Гегорачина. — *Ю.П.*). Войска средней колонны полковника Шагубатова при небывало тяжелых условиях зимней операции, по глубокому снегу, без дорог, блестяще выполнили свою задачу: выбили противника из названных сел и принуждены были сжечь два эти села. Сегодня, 8 февраля, войска заняли с боем деревню Ольшанку, и колонна направляется для занятия Зарушада. Пять солдат ранены и много обмороженных».¹⁶¹

¹⁶⁰ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 13.

¹⁶¹ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 21.

Три дня спустя ничего не изменилось — все те же тревожные сообщения о мятежах мусульман. Со ссылкой на Даниэл-бека, александропольский городской голова Мелконянц информирует министра внутренних дел: «Из Карса генерал Пирумов сообщает, что татарские селения Инджидара, Шайналар и Карахач большими силами напали на соседние армянские селения, причем положение последних критическое. Пирумов просит экстренной помощи...»¹⁶²

Но куда важнее было не дать татарам перерезать линию железной дороги, пересекающей центр Карсской области — от Сарыкамыша через Карс на Александрополь (из телефонного диалога капитана Яблокова, штабиста командарма с поручиком Нерсесовым, говорящим от имени Даниэл-бека): «Поручик Нерсесов: По приказанию Начальника группы (Даниэл-бека. — Ю.П.) передаю следующее: вчера, 13 февраля, генералом Осепяном был послан бронепоезд в селение Шайналар для получения от шайналарцев оружия, но шайналарцы к утру выселились из села и направились в село Плодородное; туда же направились и жители с. Инжадара. Получены сведения, будто и жители селения Артино тоже очистили село, но неизвестно, куда ушли. По получении этого сведения, в Шайналар была выслана конница. Таким образом, линия железной дороги Карс — Александрополь находится в наших руках и вполне безопасно может функционировать. Сегодня, 14 февраля, войска сосредотачиваются в с. Шайналар для принуждения татар сдать оружие. Три дня непрерывно продолжается буря со снежной метелью, дороги занесены глубоким снегом, и наши молодцы-солдаты с нечеловеческими усилиями переходят эти дороги. Сегодня в 10 часов выезжаю в Шайналар, о дальнейшем донесу.

Капитан Яблоков: Сообщенное Вами немедленно будет доложено».¹⁶³

К 18 февраля многие из мятежников, судя по телеграмме губернатора Корганова, отправленной из Карадага (название может быть и другим, написано неразборчиво. — Ю.П.) министру-председателю, решили вернуться домой: «Представители всех мусульманских сел явились сегодня в Шаракалы к властям, в лице губернатора Корганова и генерала Пирумова, изъявили покорность и желание сдать завтра оружие и просили о покровительстве Правительства...»¹⁶⁴

Очень, кстати, вовремя они очнулись, иначе мусульманские жители селения Шайналар — «герои» последних сводок — сильно рисковали и могли навсегда лишиться своего привычного места обитания. Их село запросто превратилось бы в пристанище для армянских беженцев — дополнительно к тем пяти безымянным селам, которые рекомендовал доктор Пирумов, потому что 28 февраля Даниэл-беком, генералом Осепянцем и начальником Кизилчаххакского отряда, полковником Тер-Аракеловым были

¹⁶² НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 48, л. 17, 18.

¹⁶³ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 29.

¹⁶⁴ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 36.

получены копии телеграммы: «Представитель беженцев сел. Баян Елисаветпольской губернии, д-р Джаиллатян, совместно с другими представителями того же села, получил предложение осмотреть селение Шайналар на предмет поселения там беженцев Елисаветпольской губернии. Сообщая об этом, Городская Управа (какая, не указано. — Ю.П.) просит Вас оказать названным лицам содействие и не чинить препятствий».¹⁶⁵

6 марта 1920 года министр-председатель отблагодарил военнослужащих Карсской области и Александропольской группы войск телеграммой, которую получил Даниэл-бек, очевидно, как начальник группы: «От имени Правительства и своего лично, благодарю вас, генерала Осепьянца, генерала Хачатурова, все войска, господ офицеров и солдат за боевые труды, совершенные при трудных условиях, для водворения порядка и гражданственности в Карсской области, на благо всего населения, без различия национальности. Вечная память погибшим, слава живущим героям».¹⁶⁶

Жаль только, что отнюдь не «все население, без различия национальности», желало порядка и стабильности.

В служебном разговоре по прямому проводу, произошедшем в 11 ч. 45 мин. 8 марта 1920 года с поручиком Нерсесовым, Даниэл-бек перечисляет все тревожные события, случившиеся на тот момент в Карсской области. В разговоре он ссылается на сведения, полученные и от того же генерала Хачатурова, и от начальника Сарыкамышского отряда, и даже от офицеров более низкого ранга, например от штабс-ротмистра Саркисбекяна, ведущего переговоры с восставшими аг-бабинскими татарами. Много терпение армянского командования, проявленное в отношениях с восставшими, можно проиллюстрировать одной фразой штаб-ротмистра: «После **семидневных** (выделено мною. — Ю.П.) переговоров, наконец, Аг-баба подчинилась».¹⁶⁷

И жители села должны были в пятидневный срок сдать ни много, ни мало 1000 скорострельных винтовок с 10 000 патронов и 500 берданок с 250 000 патронов. Подготовка татар, как видим, была солидной. И это только одно село.

Уже 9 апреля в оперативной сводке штаба Александропольской группы, присланной Даниэл-беком командарму, говорится все о том же: «На Сарыкамышском направлении 7 апреля курды при одном пулемете повели наступление на Саат-Веран. Добровольческая рота отбросила наступавших, но была принуждена отойти на Клянтане за отсутствием патронов. Милиционеры Каракуртского района, посланные в Кагызман, не были пропущены курдами Тасан-бека Кагызманского. На Ольгинском направлении 7 апреля курды и турки числом 300 человек повели наступление, намереваясь занять высоту 1133, что юго-западнее Кемар, но ог-

¹⁶⁵ НАА. Ф. 105, оп. 1, д. 2840, ч. 1, л. 251.

¹⁶⁶ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 116, л. 79.

¹⁶⁷ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 120, л. 144.

нем нашего Кемарского сторожевого охранения были отброшены назад. На помощь курдам из Коровенка вышла рота около 100 человек и хотела занять высоту, что западнее Дадашен, но также была принуждена отойти назад. На Кагызманском направлении без перемен».¹⁶⁸

Когда прочитываешь очередную такую сводку, хочется воскликнуть: чур, меня! И отмахнуться от ощущения, что все они — как бы под копирку. Ну ведь одно и то же, и даже почти в тех же выражениях: мусульмане напали, армянские части подошли, был бой, в результате которого мусульмане ретировались. Возникает логичный вопрос: что не устраивало мусульман в независимой Армении, пытающейся наладить жизнь страны по демократическим, цивилизованным правилам?! Да, экономика хромала, да, жизнь в республике была нелегка. Но можно ли только этим объяснить перманентную войну, которую вело зачастую полукочевое мусульманское население? Ведь пахать, сеять, собирать урожай и торговать, в Армении не было заказано никому! Что, турки были совсем не способны на это?! И хотя А.И. Деникин утверждает, что именно так и было, и «революция не произвела тогда еще никаких социальных сдвигов (в тюркской среде. — Ю.П.), она усилила только бытовое явление — абречество (попросту разбой), лишенное социальных мотивов и искусно направляемое правительством (азербайджанским. — Ю.П.) в сторону национальной нетерпимости, религиозного фанатизма и территориальных захватов»,¹⁶⁹ все равно в голове не укладывается — столько жертв...

Повсеместный, постоянный и организованный характер вооруженных выступлений мусульман развеивал последние сомнения: без профессионалов тут, конечно же, не обошлось. К весне 1920 года арменофобия Азербайджана была умело трансформирована в широкомасштабную войну против Нагорного Карабаха, Зангезура и Нахичевани, объявленных спорными до тех пор, пока Парижская мирная конференция не определит их статус. И армянское правительство строго соблюдало эти договоренности и свои войска туда не вводило. А вот Азербайджан нарушил их в одночасье, бросив большую часть своих войск и иррегулярные группы против местного населения, которому пришлось обороняться, понадеявшись лишь на собственные силы. Самые упорные бои разгорелись в Карабахе: малочисленные армянские отряды каким-то чудом довольно долго сопротивлялись азербайджанской армии.

Переговоры об аннексии турецких вилайетов в пользу Греции и Армении спровоцировали усиление эскалации пантюркистского движения на Кавказе. По свидетельству А.И. Деникина, «турецкие паши, сотни офицеров, тысячи аскеров «выходили в отставку» и шли в повстанческие отряды, возникавшие не только на территории Турции, но и за ее предела-

¹⁶⁸ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 441, л. 133.

¹⁶⁹ Деникин А.И. Указ. соч. С. 305.

ми, в районах этнографического расселения мусульман Армении и Азербайджана, — в Ольты, Кагызман, Нахичевань, Шушу...»¹⁷⁰

23 марта 1920 года, несмотря на долгое и упорное сопротивление, Шуша была взята азербайджанскими войсками, следом ворвались «повстанческие отряды», они разграбили и сожгли армянские кварталы, а несколько тысяч жителей-армян вырезали. Впереди маячили десятилетия советского периода, когда город так и стоял, зияя пустыми глазницами окон разрушенных домов. Я сам это видел в 1998 году...

3 апреля на чрезвычайном заседании парламента министр-председатель заявил: «...Правители Азербайджана всячески пытаются поднять восстание мусульман Армении, у нас есть многочисленные факты, подтверждающие это. Имеется также документ о том, что в этом деле Азербайджан един с Турцией. У нас неоднократно был повод сказать, что когда в Армении где-нибудь начинается смута, то можно предвидеть, где и когда последуют схожие события».¹⁷¹

Но разорители Шуши недолго праздновали победу. Будто в отместку, история сыграла с ними злую шутку. В последнюю декаду апреля части XI Красной армии перешли границу Азербайджана и двинулись на Баку. Мусаватисты «проморгали» это наступление. Армения как враг сразу померкла, появился новый противник, и надо было срочно разворачивать свои войска на северо-восток. Да только все это уже было бесполезно: 28 апреля 1920 года в Азербайджане установилась советская власть.

Советизация Азербайджана не принесла Армении вожделенной передышки, стало куда тяжелее: через плохо охраняемую азербайджано-армянскую границу теперь, вместе с мусульманскими эмиссарами и провокаторами, в страну потянулись еще и большевистские агенты. И к собственным, доморощенным революционерам добавились пришлые. Города и веси тут же наводнились большевистской литературой. В Карсе появились в изобилии плакаты и листовки, призывающие к свержению демократически избранного правительства. И оно, то ли предчувствуя возможное вооруженное выступление городских радикальных элементов, то ли осознавая необходимость наведения порядка, решило провести в Карсе инвентаризацию боеприпасов.

К 8 мая специальный уполномоченный, член парламента, горный инженер Аветис Оганджян уже все разведал и доложил военному министру: «4 числа сего мая по Вашему поручению я выехал в Карс вместе с представителем Военного Контроля полковником Егиазаровым и инженером Акопом Кюрчибашяном. По прибытии в Карс 5 мая я получил от Вас телеграмму о срочном прибытии моем в Эривань, потому я вынужден был

¹⁷⁰ Там же. С. 308.

¹⁷¹ Нагорный Карабах в 1918 — 1923 гг. Сборник документов и материалов. Ереван: АН Армении, 1992. С. 406.

выехать обратно и 7-го прибыл в Эривань. Для выполнения возложенной на меня работы, я в Карсе составил комиссию из следующих лиц: инженера Акопа Кюрчибашяна, горного инженера Баграта Мелкумяна и полковника Егиазарова. Этой Комиссии я поручил проверить делопроизводство и списки имущества складов и контролировать вывозимое из Карса военное имущество. Мною было созвано совещание с участием генерала Пирумова, полковника Бабаджанова и членов упомянутой Комиссии. На основании решения этого совещания я предлагаю утвердить следующие мероприятия:

1) вывезти из Карса в Эривань и в Александрополь 15 000 снарядов горной артиллерии; вывезти в Александропольский патронный завод гильзы учебные и холостые; 2 000 000 лебелевских патронов и все гаубичные 48-линейные снаряды;

2) для перевозки вывозимого из Карса военного груза из складов на вокзал распорядиться о предоставлении в распоряжение полковника Бабаджанова трех грузовиков из гаража Министерства (путей. — Ю.П.) сообщения;

3) поручил окружному горному инженеру Мелкумяну произвести испытание того огромного количества рассыпанного бездымного пороха, который полковник Бабаджанов считает «негодным» для артиллерийских целей и предлагает уничтожить;

4) так как все имущество разбросано в многочисленных складах без всякого порядка и системы, то его необходимо сортировать и сгруппировать в нескольких центрах после проверки всего наличного имущества назначенной Комиссией; также нужно разрешить с согласия Комиссии произвести легкий ремонт некоторых складочных помещений; для этой цели необходимо ассигновать 1 000 000 рублей;

5) поручил той же Комиссии те складочные помещения и форты в Карсе и на передовых позициях, которые до сих пор еще не осмотрены нашими военными властями; недавно случайно открыт маленький склад, в котором оказалось 10 000 патронов;

6) по просьбе генерала Пирумова необходимо послать в Карс соду для смягчения раствора взрывчатых веществ на складах;

7) для солдат крепостной артиллерии просят обмундировку (так в тексте. — Ю.П.) и 25 тулупов;

8) командировал в распоряжение полковника Бабаджанова 4-х интеллигентных офицеров;

9) генерал Пирумов также нуждается в большом числе интеллигентных офицеров; он сильно жалуется на низкий уровень офицерского состава и считает необходимым очистить его;

10) инженеру Кюрчибашяну надо предоставить право реквизировать у частных лиц казенное имущество, тем или другим способом приобретенное, например, динамомашины, шкивы...»¹⁷²

А ведь прошло целых семь месяцев с того дня, как предыдущий уполномоченный — Г.И. Хатисян доложил правительству о неутешительных результатах ревизии имущества Карсской крепости. И вот теперь нового уполномоченного — А. Оганджяна печалит то же самое. Выходит, ни полного учета материальных ценностей, ни их систематизии и в помине не было. Правда, Оганджян, в отличие от Хатисяна, уже не жалуется, что Даниэл-бек чинил ему препятствия во время ревизии. Более того, Даниэл-бек соглашается с намечаемыми мероприятиями, очевидно, понимая необходимость приведения в порядок военного имущества и в глубине души сознавая свою долю ответственности за хаос в хозяйстве. Но мог ли он эффективно справиться со сложными хозяйственными проблемами, будучи не администратором, а профессиональным военным, которого сложившаяся обстановка вынуждала основное внимание уделять боевым действиям?

Думаю, что большая часть из намеченных мероприятий не была осуществлена, когда события в городе стали развиваться по сценарию, может быть, действительно предвиденному правительством. Потому что уже пару суток спустя Даниэл-бек посылает командарму секретную телеграмму, в которой говорится: «10 мая начался большевистский переворот. Настроение солдат за небольшим исключением было противоположительное. Карсский ревком (большевистский. — Ю.П.) уже отдал распоряжение, исполняющееся солдатами. Это обстоятельство лишало возможности меня действовать открытой силой. Вечером на совещании с уполномоченными Правительства Николаем Агбалином и Губернатором было решено активных противобольшевистских выступлений не делать и Командному составу до последней возможности оставаться на своих постах во имя сохранения фронта. 11 мая, утром начало выясняться, что караульный батальон примкнул к 1-й роте 7-го полка под лозунгом «За народ и за Правительство». Находящиеся в Карсе по одному взводу 2-й и 5-й батареи примкнули к Правительственным войскам. Ввиду того, что позиция большевиков в городском автогараже защищалась многими пулеметами и большим числом солдат и так как настроение Правительственных солдат колебалось, атаковать днем большевиков открытой силой не представлялось возможным, предполагалось атаку произвести ночью. С наступлением сумерек большевики, по-видимому, узнав об этом намерении, перебросились в форт «Александра II» под защиту крепостной артиллерии. В этот же день мною получено предложение от Мусаэляна и Карсского ревкома, мне и генералу Осепянцу, полковнику Бабаджа-

¹⁷² НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 120, л. 29 с об.

нову и всем подчиненным мне офицерам остаться на своих постах. О согласии требовалось телеграфировать Мусаэяну в тот же день. Пост губернатора большевиками был предложен Чалхушяну. На общем собрании всех начальников частей была вынесена резолюция, что во имя сохранения фронта командному составу Карсского гарнизона оставаться на своих местах, о чем я и сообщил местному Ревкому.

12 мая стало выясняться решение народа идти против большевиков, что подняло дух правительственных солдат. Чтобы приобрести доверие солдатской массы и оставить за старшими чинами управление войсками на случай неудачи, по моей инициативе, 12 мая был образован в Карсе комитет «Спасение родины», во главе которого Народной партией был выбран штабс-ротмистр Саркисбекян. Последний кооптировал в комитет полковника Арутюнова, трех солдат и Паруйра Левоняна. Комитет взял власть в свои руки. 12 мая днем толпа народу с музыкой и Цеховыми флагами двинулась на форт и у каменного моста, невзирая на обстрел пулеметов, захватила вооруженный пулеметами автомобиль большевиков. В этот же день форты редким огнем обстреляли из пушек город. Жертв с нашей стороны не было. В ночь на 13 мая Комитет решил атаковать форты народом и солдатами. Когда войска заняли исходное положение, прибыла делегация от большевистской крепостной артиллерии с просьбой: отложить атаку до 5 часов утра для созыва представителей рот гарнизона. В это время у большевиков произошел раскол, и некоторые части стали отходить от большевиков. 13 мая, утром выяснилось, что главари движения, солдаты и штатские, бежали, а большевистские войска принесли повинную. Последняя погоня на грузовике нагнала беглецов в ущелье Оргино, где произошло кровавое столкновение. Со стороны большевиков убито 9, пленено 7; остальные, в том числе капитан Меликян, скрылись. С нашей стороны один убит и двое ранены. Активные участники восстания комендантской роты 2-й бригады сегодня высланы на фронт».¹⁷³

В другом районном центре Карсской области — в Сарыкамыше большевики тоже захватили власть, но, не встретив активной поддержки населения, пошли на попятный. Даниэл-бек сообщил и об этом: «Положение в Сарыкамыше следующее: власть пока в руках Ревкома (большевистского. — Ю.П.), но сейчас из разговора по проводу с Миримановым, говорившим под контролем Ревкома, выясняется, что там реакция началась. Солдаты и Сарыкамышский Ревком озабочены своей судьбой и спрашивали Начальника бригады, какая ожидает их участь, если они сдадутся. 11 мая я роздал населению имеющиеся у меня берданы. Сейчас Начальник Кагызманского отряда донес по телефону, что арестованных пять гла-

¹⁷³ НАА. ДОПО. Ф. 4033, оп. 3, д. 21.

варей, из коих два солдата и трое штатских, солдаты пытались отбить вооруженной силой. Арестованные содержатся в Кагызманской тюрьме». ¹⁷⁴

13 мая 1920 года правительство Хатисяна уходит в отставку, министром-председателем становится Амо Оганджян. В тот же день в 8 часов утра Даниэл-бек посылает новому премьеру успокаивающую радиограмму: «В Карсе, районе и на фронтах все спокойно. Все войска непоколебимо на стороне правительства. Самозванный большевистский комитет разбежался. Войска и население возмущены изменническим выступлением кучки большевиков в Александрополе. Генерал-майор Пирумов». ¹⁷⁵

Подавив большевистское восстание и арестовав многих участников мятежа, устроили погоню за теми, кто сумел бежать. Об этом Даниэл-бек сообщил 23 мая командарму в телеграмме (копия — военному министру): «21 мая из Сарыкамыша была послана карательная экспедиция против сел. Селим для поимки главарей большевистского движения в Сарыкамыше, каковая встретила вооруженное сопротивление со стороны жителей селения Селим. Мною, ввиду полученных некоторых сведений, приказано пока отложить экспедицию». ¹⁷⁶

Министру-председателю и министру внутренних дел, естественно, тут же доложили о решении Даниэл-бека. На их запрос командарм, генерал Назарбеков ответил, что «со стороны Военного министра препятствий к началу экспедиции не имеется, поэтому мною приказано генералу Пирумову продолжать выполнение задачи». ¹⁷⁷

Попытка большевиков совершить переворот заставила военное руководство Карсской области переосмыслить свое отношение к местному населению, увидеть в нем огромный потенциал и предложить правительству использовать его. 23 мая Даниэл-бек и генерал Осепянц известили командарма (копия — Военному министру) о своем плане: «По условиям настоящего времени необходимо организовать народную гвардию, ячейка которой образовалась (бы. — Ю.П.) в Карсе стараниями очень надежного человека. (Она. — Ю.П.) пополняется исключительно верными Правительству людьми, что доказано в дни подавления большевизма в Карсе. Просим срочно выработать временный закон о народной гвардии, ее службе и денежном довольствии». ¹⁷⁸

Были ли предприняты какие-то шаги в этом направлении, неизвестно. Думаю, в условиях внутренней нестабильности и дефицита средств затратная идея не вызвала особого энтузиазма. Да и большевики тогда не показались слишком уж опасной силой, мусульманские экстремисты, продолжавшие нападать на армянские села, считались куда большей «зано-

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ НАА. ДОПО. Ф. 4033, оп. 3, д. 19.

¹⁷⁶ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 200.

¹⁷⁷ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 200 об.

¹⁷⁸ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 120, л. 54, 55.

зой». Опыт прошлых столкновений превращал их с каждым разом во все более трудных противников, и они становились все упорнее и собраннее. Это видно из оперативной сводки Александропольской группы, которую Даниэл-бек передал 26 мая: «Сарыкамышское направление: 25 мая курдская конница числом до 400 человек, руководимая турецкими офицерами и аскерами, появилась в Башкее, что севернее Девика, арестовала и отравила наших приверженцев Бекир-бека и Айдо-бека с их всадниками в Ольты. Сегодня, 26 мая, с раннего утра в Каракуртском направлении курды повели наступление на Башкей, Армутлы и Чурук. Первая их атака отбита, но с подошедшим подкреплением курды повели атаку вторично. Наши под давлением превосходных сил курдов отошли от Чурука и Армутлы — рота добровольцев, от Чурука отойдя, принуждена была перейти Аракс вброд, что сейчас весьма затруднительно, и об участии ее пока ничего неизвестно. Стоящая четвертая рота в Армутлы отошла на Гюлян-Тапу, где она занимает позиции. Башкей еще держится, но роте, стоящей там, приказано занять позицию над Башкеем, дабы не дать обойти себя с фланга. По всему видно, что противник скоро перейдет в наступление. Принимаются меры раз и навсегда уничтожить попытки курдов действовать активно, но патронов мало. Просил бы о пополнении. В отмену приказа по Военному ведомству номер 180 прошу распоряжения распоряжаться (не будем обращать внимания на специфическую лексику военных донесений. — Ю.П.) огнестрельными припасами помимо Главного начальника артиллерии, так как обстановка не терпит такого порядка приказаний по расходу названных припасов. Положение в продовольственном отношении критическое, и оно известно Вам. Курды района Чурука, что северо-западнее Ново-Селима, выселяются в Ольтинский округ. Ввиду вышеизложенного и в связи с последними событиями в Карсской области, прошу распоряжения **Правительства объявить район группы и крепости на военном положении** (выделено мною. — Ю.П.). Прошу срочного распоряжения о присылке в мое распоряжение одного паровоза для курсирования между Сарыкамышем и Карсом».¹⁷⁹

На основании имеющихся документов я с сожалением должен констатировать, что, очевидно, армянское правительство не решилось на такой кардинальный шаг, как объявление района ответственности Александропольской группы войск и самой крепости Карс на военном положении. И, следовательно, Даниэл-бек не мог действовать с диктуемой обстоятельством жесткостью в отношении мусульманских мятежников.

А районы мятежей все ширились. Так, в районе селения Селим, куда Даниэл-бек по приказу командарма послал экспедицию — вдогонку за удиравшими большевистскими руководителями, развернулись настоящие сражения. Сведения об этих боях по поручению Даниэл-бека пере-

¹⁷⁹ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 205, 205 об.

дал в штаб командующего войсками 27 мая в 10 часов 55 минут адъютант штаба Александропольской группы, поручик Чергештов (по прямому проводу): «У аппарата адъютант Штаба группы поручик Чергештов. Передаю оперативную сводку в Эривань Командарму. Селимское направление: 26 мая курды со всех сел района Лал-оглы, что севернее Сарыкамыша, **под руководством турецких офицеров** (выделено мною. — Ю.П.) повели правильное наступление на армянские села: Камашли, Базыргян-Гечик и Беюк-Башкей. Милиционеры под напором противника принуждены были отойти. Местные силы, заняв позиции у Базыргяна-Гечика, до вечера задерживали упорное наступление противника. Ночью беженцы названных сел, боясь резни, ушли в Селим. Молокане Селима пока держат себя нейтрально. Сегодня, 27 мая, бой возобновился. Беженцы с села Карагамала пока удерживают напор противника, стремящегося к станции Селим. Конница Пилоса сегодня выступила в Селим, туда же выступил генерал Оsepьянц с первым эшелоном своего резерва. В Девикском направлении курды заняли высоты западнее Лал-оглы. Каракуртское направление: наступление курдо-турок 26 мая к 16 часам отбито и позиции нами восстановлены. Наступление носило **характер организованный и упорный** (выделено мною. — Ю.П.). С нашей стороны убитых 8 солдат, ранено 14 и 1 офицер. Противник отступил, оставив много убитых. Окруженная рота добровольцев и 2-я рота 4-го полка, расстроившаяся вследствие ранения своего командира, очутились в тяжелом положении; к ним подошли на выручку войска, стоящие в Каракурте, и молодецкой атакой отбросили курдов и выручили товарищей, причем особенно отличились унтер-офицер 4-й роты Исаев и рядовой 1-й роты Даниэлян, проявив высокий пример самоотверженной храбрости. Начальник 2-й бригады произвел Исаева в подпрапорщики, а Даниэляна — в младшие унтер-офицеры. Желательно, чтобы Правительство особым актом подчеркнуло бы их подвиг».¹⁸⁰

Хочется верить, что никто из героев не был забыт. А ратный труд Даниэл-бека приказом № 7 правительства Республики Армения по военному ведомству «о чинах военных» был оценен высоко и незамедлительно — 28 мая 1920 года: «Производятся: **за особо выдающуюся и полезную службу Родине** (выделено мною. — Ю.П.) по пехоте: **из генерал-майоров в генерал-лейтенанты** комендант крепости Карс Пирумов Даниэл-бек...»¹⁸¹

Считаю, что этот приказ должен положить конец различным версиям о дате производства Даниэл-бека в генералы. Не поленюсь, повторю еще раз: царское правительство не выпускало указ о производстве Даниэл-бека из полковников в генералы. Он был дважды произведен в генералы пра-

¹⁸⁰ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 207 с об.

¹⁸¹ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 120, л. 41.

вительством Республики Армения: сначала в июле 1918 года — в генерал-майоры, а потом в мае 1920 года — в генерал-лейтенанты.

Но впервые с указанием своего нового звания — генерал-лейтенант — Даниэл-бек подписался, как ни странно, не под военным, а под сугубо мирным документом — под собственным заявлением, написанным **на армянском языке** 30 мая 1920 года (№ 966), в котором он обратился к военному министру с конкретным хозяйственным предложением (перевод сотрудников Национального архива Армении): «Правительство объявило монополию на торговлю и вывоз соли, чтобы создать фонд для повышения стоимости наших денежных знаков. Однако последствия этого оказались более чем отрицательными, потому что окольными и темными путями стали вывозить соль, и в этом направлении гений армянина достиг такой степени, что во всех уголках нашей Родины, даже вблизи приисков, как, например, в Карсе, царят голод соли и связанные с ней разные смертельные болезни.

В этих условиях, полагаю, самым приемлемым было бы объявление со стороны правительства свободной торговли и вывоза соли, а также усиление в приисках добычи соли.

При этом, в некоторых узлах дорог, как, например, в Караклисе, Александрополе, Карсе, Ереване, в банках необходимо иметь специальные чеки для соли и во всеуслышание объявить о том, что желающие купить соль в Кагызване, гражданин Армении и приезжий покупатель из соседних республик, обязаны стоимость желаемой соли внести в эти банки, получить чек на соль и по этому чеку получить в Кагызване соль.

Для осуществления реального и строгого контроля можно вместе с отпущенной солью выдать специальное удостоверение о том, что, к примеру, по банковскому чеку Карса за № 7 Карапетян имеет право 50 пудов соли перевезти в Карс или же Георгадзе — 150 пудов соли в Грузию. Плюсы такой торговли и вывоза соли очевидны:

1) из-за отсутствия транспорта правительство не успевае доставить соль на рынки, поэтому родина соли — наша страна переживает острый кризис, который быстро исчезает, когда каждый будет свободен своими транспортными средствами доставить соль туда, где есть нужда в ней;

2) свободный вывоз соли устранил возникшую вокруг нее ужасную спекуляцию, чем пользуются только корыстолюбивые люди, что реально уничтожает государственную монополию, принося в жертву своим интересам государственные интересы;

3) свободная торговля солью повысит стоимость наших дензнаков, поскольку грузин и азербайджанец для покупки соли заранее поишет и купит наши деньги — важное условие, которое придаст вес нашим бумажным деньгам.

Что грузин и азербайджанец придет в Армению, не вызывает сомнений, что и практиковалось при русских властях. Причина настоящего заявления-доклада — сознание моего чувства государственного долга.

Генерал-лейтенант Пирумян.

Начальник Штаба, подполковник Тер-Аракелян».

На этом документе сразу две резолюции. Первая: «Министрам финансов и государственного имущества: Согласен с данным предложением, предлагаю подготовиться министрам финансов и государственного имущества. 4 июня 1920 года. Рубен Тер-Минасян (Р. Тер-Минасян — военный министр. — Ю.Л.)». Вторая: «С. Врацяну и А. Гюлхандяну, доложить Совету Министров. А. Оганджян (Симон Врацян — министр сельского хозяйства и труда, Абраам Гюлхандянян — министр внутренних дел и юстиции. — Ю.Л.). 4 июня 1920 года».¹⁸²

Документ, на мой взгляд, интересен тем, что профессиональный военный оказался способным разобраться в сугубо экономической проблеме, острой для всей страны. Недаром же предложенная им рыночная схема вызвала одобрительные отклики на министерском уровне.

Но тут над Первой республикой снова сгустились тучи, и мирные проблемы отошли на второй план. Большевистская Россия и кемалистская Турция, каждая со своим меркантильным интересом, даже не определившись толком с выбором собственных судеб, торопились поделить сферы влияния в Армении.

В целом ситуация была такова: союзники, не желая потерять контроль над Турцией, ближе к весне активизировались, послали против нее дополнительные контингенты греческих войск и английскую средиземноморскую эскадру адмирала Фриментла — с пятью линкорами и четырьмя эсминцами, и с морской пехотой генерала Милна, которая в два счета разгромила штаб турецкой пехотной дивизии, серьезно потрепала части турецкого гарнизона, захватила Стамбул и арестовала депутатов меджлиса. Демонстрация силы удалась: последний турецкий султан тут же издал указ о роспуске парламента. Но запугать Мустафу Кемаль оказалось не так-то просто. Он и его сторонники провозгласили образование правительства, независимого от султана.

26 апреля Кемаль отправляет Ленину послание с предложением установить дипломатические отношения с РСФСР, а также с просьбой оказать военную помощь в борьбе с греческой интервенцией. «Для изгнания империалистических сил» Кемаль попросил «пять миллионов турецких лир золотом, оружие и боевые припасы в количестве, которое следует выяснить при переговорах, и кроме того, некоторые военно-технические средства и санитарный материал, а также продовольствие...»¹⁸³

¹⁸² НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 157, л. 27 с об.

¹⁸³ Цит. по указ. соч. Захаряна К.К. С. 60.

Апрельское послание Кемаля содержало в себе недвусмысленную наживку: «...Если советские силы предполагают начать военные действия против Грузии или дипломатическим путем, посредством своего авторитета, принудить Грузию вступить в союз и начать выдворение англичан с территории Кавказа, то турецкое правительство берет на себя обязательство начать военные действия против империалистической Армении и обязует Азербайджанскую республику вступить в ряд советских государств».¹⁸⁴

Турецкий националистический лидер тогда так и не дождался ответа, но когда он 2 июня 1920 года снова направил в Москву телеграмму с предложением установить дипломатические отношения, то получил согласие уже на следующий день. Кемаль «просчитал» Ленина лучше, чем Ленин Кемаля. Подыграв большевистской идее о мировой революции, он, ни на йоту не разделяя большевистских взглядов, добился от Кремля признания своего правительства и принципиального согласия принять участие в антиимпериалистической борьбе.

Доказывая Советской России свои неординарные способности в этом деле, турецкие войска под командованием Карабекир-паши 9 июня перешли турецко-персидскую границу и устремились на Нахичевань, создав для Армении угрозу с юга. И тут, как будто спохватившись, но лучше поздно, чем никогда, активизировались западные союзники, которым больше нравился послушный султан, а не непокорный Кемаль, и, нажав на греческие войска, сконцентрированные в районе Измира и до сих пор не предпринимавшие никаких решительных действий, Англия заставила их, совершенно неожиданно для турок, 22 июня перейти в наступление, одновременно высадив десант на южном побережье Мраморного моря. Началась самая интенсивная фаза греко-турецкой войны, затянувшейся на два года.

В июне же начались тесные контакты Советского Азербайджана с кемалистами, подталкивающими своих «младших братьев» к конфронтации с Арменией. «Старшие товарищи» азербайджанских руководителей, сидевшие в Москве, очень «переживали», что майским восстанием вернуть Армению в хаос и разыграть «азербайджанский сценарий» с помощью самого же Азербайджана не удалось. Со стороны Москвы даже посыпались нелепые обвинения в адрес Первой республики о якобы чрезмерно жесткой реакции на майские события. Под этим, конечно же, подразумевались расстрел, к которому приговорили некоторых большевистских вождей, и вообще смертная казнь, которая была введена в Армении именно после этого восстания.

Первая республика, в связи с обвинениями, была вынуждена ответить специальной нотой министра иностранных дел наркому РСФСР (№ 3444 от 7 июня 1920 года): «...Долг правительства был ясен — восстановить по-

¹⁸⁴ Там же. С. 60.

рядок и спасти народ, к тому же все факты указывали на то, что задуманное движение вовсе не было коммунистического характера, а руководилось, главным образом, кучкой контрреволюционных чиновников и офицеров, бывших добровольцев (по-видимому, речь идет о добровольцах Белой армии Деникина. — Ю.П.), проворовавшихся служащих и жадных грабителей, пытавшихся в волнах анархии найти наживу. В движении принимали участие отдельные коммунисты, незнакомые с положением вещей и истинным характером движения, в чем они впоследствии сами признавались. В эту трудную минуту сам народ в своих массах сплотился вокруг правительства и своим мощным стихийным порывом, почти бескровно, положил конец анархическим попыткам, выявив свою непреклонную волю сохранить независимость Армении и ее демократический строй. Объективные данные и цифры бесспорно указывают на то, что ликвидация движения произошла поразительно спокойно и почти бескровно... Одновременно я не могу не указать на непонятное продвижение советских войск в направлении Нагорного Карабаха, составляющего неотъемлемую часть Республики Армения. Правительство вновь настойчиво просит Вас приостановить движение и тем оградить границы Армении и гарантировать покой внутри страны».¹⁸⁵

Но республике не дано было знать покоя. Так, Даниэл-бек 20 июня посылает командарму оперативную сводку штаба Александропольской группы войск: «Перегруппировка частей Группы для наступления на Пеняк закончилась 17 июня. Правая колонна выступила из Дорт-Килисы, что северо-западнее Мерденека, в 4 часа 19 июня и с боем продвигается в направлении Панасгерта. По сведениям, эта колонна выполнила поставленную ей задачу и 19 июня заняла Панджурский перевал. Средняя колонна, двигаясь по шоссе от Мерденека на Косор, встретила упорное сопротивление с укрепленных позиций у Агундыра. Колонна была обстреляна сильным орудийным, пулеметным и ружейным огнем. Несмотря на неприступность позиций противника и его убийственный огонь, наши молодцы быстрым налетом захватили Яйла-Агундыр и рубежи над Агундыром; потеря в 3 раненых, со стороны курдов убито 30. Промежуточный между этими двумя колоннами отряд также с боем наступал 19 июня. Левая колонна 18 июня с боем захватила позицию противника у Башкея, Беккея и Яйла Башкей и 19 июня с рассветом начала свое продвижение с боем в направлении на селение Пеняк. В районе озера Керашли-Гель колонна была окружена превосходящими силами, в числе которых несомненно были **турецкие регулярные части** (выделено мною. — Ю.П.). Обоз попал в плен. После упорного боя потерял 4 солдат убитыми и 10 ранеными, два мула убитыми и три быка ранеными, колонна выполнила поставленную на 19 число задачу и заняла Керашли-Гель-Тапа, отбив

¹⁸⁵ Нагорный Карабах в 1918 – 1923 гг. Указ. изд. С. 483.

свой обоз. Для обеспечения левого фланга, левой колонной 19 июня на рассвете внезапной атакой занята гора Чикир-Баба. Противник оставил два трупа, два телеграфных аппарата и до 50 турецких солдатских сумок, в которых оказались шаровары, белье и погоны, что указывает на участие аскеров. Бой на этой горе продолжался до поздней ночи. Рота отошла на высоту Чамбардаг, как более командующую. В 11 часов 19 июня с боем за гора Гумри (так в тексте. — Ю.П.). Продолжается продвижение с боем частей, обеспечивающих левый фланг левой колонны для занятия горы Зимред и Ешак-Майданского перевала. Особое сопротивление оказывается на последнем».¹⁸⁶

21 июня — еще одна оперативная сводка: «Весь день 20 июня все колонны продолжали свое продвижение вперед. Средняя колонна встретила сильное сопротивление на высотах урочища Хазапар, что западнее селения Агундыр. Бой продолжается целый день. Противник все подступы к ущелью обстреливал пулеметами Максима. К вечеру средней колонне едва удалось сдвинуть правый фланг противника на полторы версты западнее с. Агундыр. Точных сведений от правой и левой колонн еще не поступало, но по орудийным и ружейным выстрелам, слышимым из районов этих колонн, нужно полагать, что правая колонна находится близ Пеняка, а левая — близ Косора. В этих колоннах зарегистрировано пять убитых и 18 раненых солдат. Потери противника большие. Силы противника перед средней колонной доходят до тысячи человек пехоты при двух исправных горных орудиях, 4 пулеметах Максима и нескольких ручных. Противник вполне организован, имеет много турецких офицеров и аскеров. Все имеют пищевые мешки и скатки. По словам пленных, местное население организовалось и обучалось военному делу более трех месяцев. Главным руководителем является турецкий полковник Халит-бей. Части войск, обеспечивающие левый фланг левой колонны, к 14 часам 20 июня сбили противника по линии Чембардак, Ешак-Майданский перевал, гора Зимред, селение Вартанут и продвигаются вперед. Много проявлено мужества офицерами и солдатами, о чем донесу позднее».¹⁸⁷

В боях завязла не только Карсская область. Мятеж вспыхнул и в Зангибасаре — крупном мусульманском селении, совсем рядом с Ереваном. И сражались там войска Эриванской группы, которые быстро справились с мятежниками. Тем не менее, Даниэл-бек, телеграфируя министру-председателю 21 июня, отметил не только эту победу, но и постарался подать в выгодном свете усилия своей группы войск: «Александропольская группа, поздравляя Вас с Зангибасаром, преподносит Правительству взятие сегодня с бою Пеняка».¹⁸⁸

¹⁸⁶ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 212 с об.

¹⁸⁷ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 209 с об.

¹⁸⁸ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 116, л. 179 об.

На телеграмме не указано, в котором часу Даниэл-бек отсылал ее, но, судя по тому, как составлен текст, Пеняк к этому времени еще не был взят. Однако, похоже, Даниэл-бек был твердо уверен, что войска его не подведут. Так и случилось. В тот же день, в 17 часов 50 минут он сообщает военному министру и командарму радостную весть: «Правая колонна полковника Мазманова заняла с боя Пеняк. Средняя колонна полковника Шангубатова после боя соединилась с левой колонной полковника Нестеровского в Косоре. Захвачено два орудия. Много пулеметов и снаряжения. Подробности последуют».¹⁸⁹

На следующий день после успеха, 22 июня, Даниэл-бек получил телеграмму от министра-председателя Амо Оганджяна: «Правительство получило весть о победе храброй воинской части Александрополя (имеется в виду Александропольская группа войск. — Ю.Л.). Примите и передайте части сердечные поздравления Правительства за самоотверженные дела. Полностью уверены, что в истории нашего многострадального народа свое достойное место займет Ваша часть, которая, несмотря на все трудности, шаг за шагом приближается к нашим историческим землям и укрепляет основу независимой и объединенной Армении».¹⁹⁰

Разгром пенякского очага сопротивления охладил мусульманских смутьянов и их турецких вдохновителей, потому что телеграмма, отправленная Даниэл-беком командарму 22 июня в 19 часов, уже предвещает покой: «В районах Мерденекского и Сарыкамышского отрядов без перемен. С Кагызманского донесение не поступало. Начальник Мерденекского отряда доносит, что разбойничьи шайки и банды курдов от Мерденека и от Ардагана разбиваются. Жители относятся к нашим властям весьма доброжелательно, благодаря положительному поведению со стороны наших».¹⁹¹

Но если в районе селения Пеняк наступило долгожданное затишье, то в зоне ответственности Сарыкамышского отряда спокойствие длилось недолго. В тот же день, 22 июня, Даниэл-бек был вынужден оповестить командарма о новом натиске объединенных сил курдов и турок в районе селения Вартанут:

«Курдо-турки, численностью до двухсот человек, однообразно одетые, повели наступление на добровольцев, занимающих позиции на высотах восточнее Вартанут-Куркчи под командой капитана Пахлеванова. Курдо-турки хотели обойти фланг добровольцев, но это им не удалось, ибо добровольцы отбросили их огнем. В 13 часов турки открыли с Парнусских высот артиллерийский огонь, выпустив до ста снарядов по добровольцам, после чего турки огонь перенесли на роту, расположенную левее добровольцев, против Вартанута. К этому времени подоспели наши поршневики и, войдя в состязание с батареей, противника заставили замолчать. Ночь

¹⁸⁹ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 210.

¹⁹⁰ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 116, л. 179.

¹⁹¹ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 92, ч. 2, л. 339 об.

прошла спокойно, но с утра 22 июня турки открыли огонь из двух орудий с высоты Казуляр по горе 1224, что северо-восточнее Вартанута. Артиллерийская стрельба продолжается с обеих сторон без участия пехоты».¹⁹²

Одним из самых уязвимых районов Карсской области оставался Ольгинский округ, в котором интересы Первой Республики постоянно сталкивались с экспансией грузинской стороны. Непроверенные факты, слухи и действительные события часто сплетались в единый клубок, так что требовались определенные усилия и время для его распутывания.

Я нашел в архиве интересный документ, в нем зафиксирован обмен информацией между штабом командарма в Эривани — диалог ведет капитан Хнцорян — и Даниэл-беком, который был в это время, 23 июня, в Карсе:

«Штабс-капитан Хнцорян: Министерство Иностранных дел, основываясь на полученных из Карса от гражданских властей сведениях, отправило грузинам ноту с протестом против их движения через Ардаган на Ольты. Теперь грузины отвечают, что их части на Ольты не направлялись и через Ардаган не проходили. Министерство Иностранных дел просит нас (то есть штаб. — Ю.П.) срочно выяснить, проходили ли какие-либо грузинские части в направлении на Ольты, и если проходили, то каким путем.

Генерал Пирумов: Прибывший Начальник Карсского отряда, генерал Осепянц докладывает, что в вопросе о проходе грузинских войск на Ольты через нашу территорию гражданские власти сообщили сведения, не совсем соответствовавшие действительности (подчеркнуто в документе. — Ю.П.). Об этом готовится Командарму доклад, который сегодня же передам по прямому проводу. Пока примите депешу: Эривань. Командарму. 22 июня к 19 часам атака курдо-турок была в Бардусском направлении отбита, положение восстановлено. Турки занимают высоты Козлар, Гасан-Казы-Даг (8610). На Яйла-Кюсумг находится турецкая артиллерия. В Зивине находятся 200 аскеров при двух орудиях и двух пулеметах. Идет усиленная мобилизация курдов этого района. Мобилизованные обучаются в Зивине. 22 июня ночью в Кетак прибыла рота аскеров в 60 человек при большом обозе, и с рассветом 23 июня она отправилась на север в Ольгинский округ. Промежуток от Чермука до горы Чакир-баба неизвестно пока, кем занят. 29-й полк (9-й турецкой дивизии. — Ю.П.) при двух орудиях находится в районе Бардуса, и один батальон его принимал участие в окружении отряда подполковника Нестеровского. 36-й полк (12-й турецкой дивизии. — Ю.П.) отправился на север в Ольты. Турки Пенякскую нашу операцию принимают как начало наших боевых действий по оккупации армянских вилайетов.

Штабс-капитан Хнцорян: Сейчас, с отходящим поездом, отправлено письмо Кязим-Карабекир-паше, которое должно разъяснить ему, что мы не собираемся переходить границы 1914 года и нарушать установив-

¹⁹² НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 213.

шиеся дружественные отношения, а лишь выполняем приказ Правительства о занятии части Ольтинского округа. Письмо отправлено с прапорщиком Сундукянцем. Командарм приказал принять меры к спешной его доставке по адресу».¹⁹³

По сравнению с удачными вылазками на армянскую территорию, сопротивление турок на греческом фронте было минимальным: армия кемалистов пятилась. Греки не спеша продвигались вперед и уже захватили город Ушак, что в 120 километрах от Измира. В этих обстоятельствах Кемаль не мог оголить фронт и основные силы выставил против греков, а на территорию ненавистной ему Армении забрасывал лишь мелкие вооруженные группы — так, в порядке поддержки мятежей, да чтоб не затухали разбойничьи нападения полупартизанского толка, которые страшно изматывали армянские части.

Неслучайно именно к началу июля 1920 года в армянских войсках появились первые симптомы падения боевого духа. Старослужащие, прошедшие еще горнило Первой мировой войны, просто устали. Накопившееся в них за несколько лет непрерывных сражений внутреннее раздражение неудержимо рвалось наружу. Новобранцы же при всяком удобном случае норовили отлучиться из части домой, чтобы помочь родным по хозяйству. И хотя львиная доля бюджета Первой Республики шла на военные нужды, армия испытывала нехватку во всем, начиная со сносного вооружения, что только усиливало негативные настроения солдат. Дезертирство стало обыденным явлением, а на прочесывание местности в поисках уклонистов командиры могли выделить лишь малочисленные патрули, которые подвергались нападению мусульман в первую очередь. Борьба с дезертирами затруднялась еще и тем, что к ним нельзя было применить крайние меры: официально в стране не было объявлено военное положение. Самое большее, что им грозило, — тюрьма.

Как раз с этим и столкнулся Даниэл-бек, сообщив 4 июля министру внутренних дел, что «по донесению генерала Осепянца, оставшиеся милиционеры откомандированы в Александрополь. Из числа дезертировавших из Мерденекского отряда восемь человек задержаны, преданы полемому суду, осуждены в каторжные работы и в настоящее время находятся в Александрополе».¹⁹⁴

Оставалось неясным, какая власть — военная или гражданская — должна бороться с дезертирами. И эта неясность, судя по всему, постепенно разводила губернатора Корганова и Даниэл-бека по разные стороны. И первый клин, как я понимаю, вбил Даниэл-бек, послав в начале июля министру внутренних дел жалобу на губернатора. Саму жалобу из Национального архива Армении я не получил, видимо, ее по неизвестной причине

¹⁹³ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 215, 215 об.

¹⁹⁴ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 547, л. 211, 211 об.

там нет, зато нашелся весьма красноречивый ответ Корганова, который тот написал по-армянски на бланке «Карсский гражданский губернатор» и 7 июля 1920 года послал министру внутренних дел (перевод сотрудников НАА): «По поводу телеграммы генерала Пирумова о дезертирах имею честь сообщить, что и до этого я постоянно применял самые строгие меры в этом деле. За бездеятельность арестовал сельских старшин, родственников дезертиров, послал отдельных чиновников в уезды в целях ареста дезертиров и обязал уездных начальников в каждое воскресенье телеграфно и письменно представлять отчет, сколько дезертиров задержано за неделю. Но я позволяю себе одновременно полагать, что и жалующийся генерал имеет свою обязанность. Я думаю, что если я обязан поймать (задержать) дезертиров, то его превосходительство (то есть Даниэл-бек. — Ю.П.) тоже обязан принимать меры для контролирования и устранения причин побегов призывников. Между прочим, создается очень странное положение: я все время должен следить за дезертирами, задерживать их, а они, свободные от контроля, все время должны бросать свои воинские части. И если до настоящего времени я бы не применял строгих мер, от воинских частей остались бы их тени, и неужели исполнение обязанностей оговорено только мне».¹⁹⁵

Непонятно, связано ли это с разногласиями между губернатором области и комендантом крепости, но только 7 июля на имя Корганова (копия — Даниэл-беку) пришла телеграмма (на армянском языке) от министра-председателя, в которой говорилось: «Председатель Парламента Саакян направляется в Карсскую область. Прошу распорядиться о достойном приеме его как шефа государства».¹⁹⁶ Думаю, никаких далеко идущих выводов о положении в Карсской области «шеф государства» не сделал, во всяком случае, сведений, опровергающих это предположение, я не нашел. Выходит, его приезд никак не повлиял на решение злободневной проблемы. А жаль! Ведь если в условиях относительного мирного времени две ветви власти Карсской области еще могли себе позволить роскошь не находить между собой общего языка, то как быть в случае внешней агрессии со стороны враждебных Турции и Азербайджана при закулисном поощрении обоих этих государств Советской Россией?

А признаки именно такого развития событий были налицо. И отрицать их — значило прятать голову в песок, а не смотреть фактам в глаза.

Даниэл-бек явно отдавал себе отчет в надвигающейся опасности, раз позвонил 21 июля в Ереван, в штаб армии, и доложил: «По сведениям, из Эрзерума в Бардус прибыл 17-й турецкий полк, а из Эрзинджана — 4 орудия. Кроме того, заметно укрепление турецких войск у Кетека. Таким образом, в районе Ольты-Караурган против нас имеется 4 полка и большое

¹⁹⁵ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 50, л. 3.

¹⁹⁶ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 116, л. 199.

количество пулеметов при организованном большом количестве хужанов (черни, сброда. — Ю.П.). Наши ряды вследствие болезни и дезертирства снова ослабли. Необходимы самые строгие меры для сбора их (дезертиров. — Ю.П.). Города и села переполнены лицами призывного возраста, и никто не обращает на это внимание. Если только правда, что в Эривань прибыли одежда и оружие, тогда мы сами займемся ловлей дезертиров и пополним ряды своих войск. **Во всяком случае, турки готовятся к чему-то серьезному. Необходимо и нам приготовиться. У меня резервов больше нет** (выделено мною. — Ю.П.). Обо всем сейчас доложите Командарму и сообщите ему». ¹⁹⁷

Командарму, конечно же, сообщили — правда, только через пять дней! 26 июля Назарбеков доложил министру внутренних дел: «Препровождая копию служебного разговора генерала Пирумова от 21 июля с.г., сообщая, что Помощник Военного министра просит Вашего распоряжения о строгой проверке в городах мужского населения призывного возраста, для задержания дезертиров и отправления их в части». ¹⁹⁸

Так что угроза дестабилизации обстановки в области исходила не только от турок и местных мусульман, но и от армянских дезертиров, которые крались по дорогам от села к селу, от города к городу, с оружием, прихваченным с собой при побеге из частей. Мародеры поневоле — есть, пить что-то надо — они сколачивались в группы и нападали на мирных жителей. А Даниэл-бек о каждом таком случае старался оповестить власти. И однажды, 27 июля, какое-то из многочисленных сообщений «от генерал-лейтенанта Пирумьяна» дошло до министерства внутренних дел, и министр-председатель распорядился «принять меры». ¹⁹⁹

Но как же все-таки велика вера руководителей любого ранга в собственное могущество! Начертал правильную резолюцию на входящем или исходящем документе, и... Нет, в жизни все не так, и само собой ничего не решается. Исполнители даже высочайших резолюций — обычные люди, а они, порой, вместо дела заняты «справедливой» дележкой должностных обязанностей. Что и произошло с губернатором Карсской области Коргановым и Даниэл-беком — комендантом Карсской крепости, начальником Александропольской группы войск. За весь июль они так и не сумели договориться, и их разногласия продолжились в августе.

Инициатором нового витка жалоб и выяснений опять стал Даниэл-бек, а я опять не смог разыскать его жалобу, но из объяснительной «записки» Корганова, отправленной им 7 августа министру внутренних дел, я не могу сделать вывод, что губернатор относился к своим обязанностям как-то безразлично или хуже того — халатно, похоже, между ними просто не было взаимопонимания: «По поводу очередной жалобы генерала Пирумова, что передана мне

¹⁹⁷ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 309, л. 24 об.

¹⁹⁸ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 309, л. 24.

¹⁹⁹ НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 159, ч. 1, л. 169.

Вашей телеграммой № 7450, имею честь сообщить, что я не смог бы обязаться представить генералу 500 езидов-призывников. Вы, надеюсь, знаете, что Карсский район находится в особых административных условиях. Армяне в свое время эмигрировали, расстроился тот юридический состав, который, так или иначе, был. В сельских и уездных правлениях нет посемейных списков, как нет и церковных книг, на основании которых из года в год составляются списки подлежащих призыву. С другой стороны, надо иметь в виду, что не все эмигрировавшие вернулись, и, таким образом, создались условия, при которых не так легко, как посторонние люди думают, осуществлять быстрый и правильный призыв. Это общее содержание работы.

Относительно езидов должен сказать, что их молодежь в Тифлисе занимается погрузочно-разгрузочной работой и, следовательно, отсутствует. С другой стороны, мероприятия разных Джангир-ага (Джангир-ага — один из выдающихся деятелей езидов того времени. — *Ю. П.*), которые уполномачиваются организовывать добровольческие отряды без ведома губернатора, создают сумятицу, если не хаос, в вопросе призыва.

Что касается практического аспекта вопроса, то до сегодняшнего дня в воинские части сланы 77 езидов, из коих 30 дезертировали. Если администрация обязана задерживать призывников, полагаю, военные власти не могут быть освобождены от обязанности контроля за ними.

Относительно доклада члена парламента Юсуф-бека, по этому поводу считаю нужным сказать, что до его приезда в Карс я назначил следствие деятельности Нахиджеванского уездного начальника, и этого чиновника арестовал частично за проступок в деле призыва езидов и дело передал судебному следователю.

Кроме этого, когда Юсуф-бек был еще здесь, за проступки в делах призыва я арестовал главу езидов Агит-агу, но по ходатайству члена парламента Юсуф-бека освободил его, дав срок до 20 июля собрать и представить всех призывников. И так как он не выполнил приказ, то несколько дней тому назад я снова арестовал его. Кроме того, за эти же проступки арестованы 15 сельских чиновников и те домохозяева, которые должны дать призывников.

Одновременно я послал чиновника в Нахиджеванский уезд специально для этого дела. Я полагаю, что все это, в известной мере, развеивает задачу, которая возникла после очередной жалобы Пирумова. Роль жалобщика легка и безответственна».²⁰⁰

А вот с последней фразой губернатора я категорически не согласен: разность позиций — не повод для обвинений в безответственности. Не знаю, сколько бы они еще препирались, но вскоре случилась другая история, о которой мне поведала в одной из своих записок Соня Суреновна Мирзоян, передав их вместе с другими документами через Рафаэла Абрамяна.

²⁰⁰ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 50, л. 40, 41.

О взаимных претензиях Корганова и Даниэл-бека, кочующих из одного дела в другое, там сказано буквально следующее: «Губернатор С. Корганов в 1920 году представил докладную о политическом положении в Карсской области, такую же докладную (не знаю, есть ли она у Вас?) представил и Пирумов, и было заведено «дело» о положении в Карсе. По этому же делу была образована следственная комиссия. Речь шла о грабежах».

Я нашел письмо от 13 августа (№ 5434), в котором сообщалось о грабежах в городе Олти. На этом письме есть резолюция Корганова: «Настоящее письмо через Главный штаб высылается Следственной комиссии для приложения к делу генерала Пирумяна и губернатора Корганяна».²⁰¹

Ну надо же! Так все трудно, сложно, опасно, а представители военной и гражданской администрации не объединяют своих усилий. Логичнее же действовать согласованно, разве не так?! Ведь и в области, и в самом Карсе в любой момент мог разразиться бунт. И действительно, как только 16 августа вовремя не подвезли хлеб, в городе начались волнения. Даниэл-бек срочно сообщил о них по прямому проводу начальнику главного штаба, полковнику Багдасарову: «У аппарата генерал-лейтенант Пирумов. Здравствуй-те. Прошу доложить Военмину (Военному министру. — Ю.П.) следующее:

Сегодня голодная толпа горожан обоего пола окружила дом Городской управы, избила несколько членов ее и требовала продолжать выдачу хлеба по-прежнему. Понадобилось мое личное вмешательство, удалось успокоить толпу и распустить по домам. Прошу об этом поставить в известность надлежащие Министерства и принять все меры к доставке в Карс хлеба, иначе повторение выступления горожан может кончиться очень печально. О результате прошу поставить меня в известность для объявления народу, который верит мне как представителю военной власти.

Партизанские сотни Мурадхана и Пилоса дали повод ко многим инцидентам на почве грабежей и талана («талан» по-армянски — тоже грабеж. — Ю.П.), которыми занимается всякий под именем людей названных сотников. Исключения не составит предполагаемая к формированию сотня хмбапета (хумба — по-армянски группа, хмбапет — руководитель группы. — Ю.П.) Шабо, между тем без конницы группа никак не может обойтись, потому прошу разрешения сформировать один регулярный конный полк, во главе которого должен стоять настоящий кавалерист. По заявлению председателя по реквизиции лошадей, в Гельском, Зарушадском и Чалдырском участках очень легко можно реквизировать до 200 лошадей, о чем ходатайствую. Остальных же лошадей приведут сами всадники призывного возраста. Полк 300 — 400 сабель при постоянном формировании 5 — 6 месяцев, что избавит нас от услуг разных бесчинствующих хмбапетов и партизанов. Об этом посылаю рапорт почтой».²⁰²

²⁰¹ НАА. Ф. 201, оп. 1, д. 48, л. 213.

²⁰² НАА. Ф. 199, оп. 1, д. 120, л. 21.

19 августа 1920 года командующий армянской армией, генерал Ф.И. Назарбеков переслал копию этого разговора председателю Совета министров — Амо Оганджянчу.

События развивались стремительно и требовали перемен в межличностных отношениях — пора, пора было утихомирить нелепые распри, забыть о раздорах и мелкопоместных интригах. Ведь всем уже стало понятно, что только при условии консолидации всего армянского общества можно противостоять кемалистской Турции, считавшей Армению самым слабым звеном в цепи противников и мечтавшей хоть о каком-нибудь реванше. На фоне провала войны с греками Кемаль вполне устроил бы разгром Армении. Но кемалистов будто стерегли неудачи. Союзники, у которых долго не доходили руки до Турции, наконец, согласовали свои планы и в основных чертах подготовили договор. По нему от Турции отторгались не только все арабские и палестинские территории, некогда входившие в Османскую империю, но и территория Западной Армении и Киликия. Греки получали город Измир, Армения — выход к Черному морю. Кемалисты впали в глубокую депрессию. И было от чего.

Взяв за основу решения конференции, прошедшей в Сан-Ремо в апреле 1920 года, Верховный совет держав Антанты с 19 по 26 апреля выработал проект мирного договора с Турцией и решил доверить президенту США Вудро Вильсону мандат на Армению с правом посредничества в дележе границ на территориях Эрзерумского, Трапезундского, Ванского и Битлисского вилайетов. Однако Сенат США 1 июня 1920 года отказал Вильсону в таких полномочиях. И тогда президент согласился с предложением Англии и Франции — стал арбитром армянских притязаний в этом важнейшем для Армении, но не простом деле.

Чтобы приступить к определению границ максимально обоснованно и избежать возможных разногласий между участниками договора, Вильсон создал специальную комиссию, которая занялась изучением природных условий и социальных факторов региона: скрупулезно исследовала топографию, экономику, транспорт, водные ресурсы, торговые пути, демографию. С этого-то момента и начался бег наперегонки: западноевропейские союзники и США уповали на силу разрабатываемого договора, две хищницы — Турция и Советская Россия — на военную мощь.

Советская Россия, завладев Азербайджаном, жаждала заполучить и «спорные» территории. Ее авангардный кулак — 11-я Красная армия стояла наготове близ границ Карабаха и Зангезура, угрожая Армении. Мало того, командование Красной армии бесстыдно обвинило Армению в напряжении, возникшем в пограничных областях, и предъявило ей ультиматум, лицемерно обозначив его как «возможности и необходимости разрешения территориальных споров и других вопросов».

На этот ультиматум Ф.И. Назарбеков дал ответ 4 августа 1920 года: «На № 02447. Войска Армении охраняют государство от посягательства на его существование, как со стороны внешних врагов, так и со стороны внутренних мятежников, без различия национальностей и религий, когда появление мятежников грозит целостности государства. Это обязанность вооруженной силы каждой страны. Если азербайджанские или турецкие войска вторгаются в пределы Армении, то, естественно, встречаются с армянскими силами... Что же касается той части вашего сношения, в которой говорится об истреблении беззащитных семей бедняков и уничтожении целых селений, то указанные сведения совершенно не соответствуют действительности, так как ни одно селение до сего времени не было разрушено. Каждый раз после отступления повстанцев наши войска занимали селения, уже совершенно пустующие, и если в редких случаях оставались в районе действия наших войск некоторые семьи бежавших повстанцев, то они немедленно принимались под охрану правительственных войск, **и в настоящее время содержатся на средства правительства** (выделено мною. — Ю.П.)».²⁰³

Но большевиков не интересовала истина. Им нужен был только повод для вторжения, и они затеяли закулисные переговоры с кемалистами, да поздно — у тех земля под ногами уже начинала гореть. Во французском городе Севре 10 августа 1920 года был заключен мирный договор между султанским правительством Турции и победившими в Первой мировой войне Великобританией, Францией и еще десятью государствами, среди которых была и Армения. От ее имени договор подписал А. Агаронян. Таким образом, независимость Армении как участницы договора с точки зрения международного права признавали все остальные государства-подписанты.

Названный по месту появления на свет — Севрским, договор состоял из 13 частей и 433 статей. По его условиям Турция отказывалась от верховной власти над Фракией, от островов в Эгейском море, Кипра, Египта и арабских провинций, а ее азиатская часть урезывалась до пределов Западной Анатолии. Самые лакомые куски — Египет, Палестина, Сирия и Месопотамия (Ирак) доставались главным победителям — Англии и Франции как подмандатные территории от имени Лиги Наций.

Армении в договоре был посвящен отдельный раздел с шестью статьями, где, в частности, предусматривалось признание Турцией Армении как «свободного и независимого государства». Ей не доставались исконные армянские земли — три восточных вилайета Турции (Диарбекирский, Харбердский и Себастиийский) и Киликия, которая подпадала под влияние Франции, зато Армения получала транзитный выход к Черному морю через порт Батум. И поскольку было неизвестно, включают ли порт

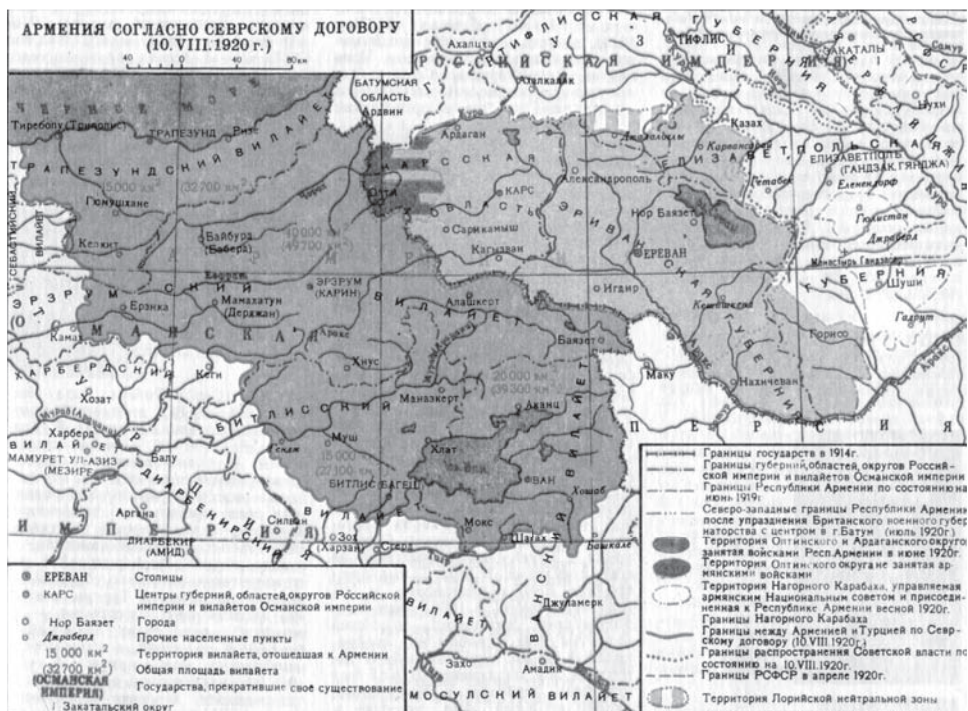
²⁰³ Нагорный Карабах в 1918 — 1923 г. Указ. изд. С. 568.

Трапезунд в Армению, то специальная статья предоставляла ей гарантии транзитных привилегий и пожизненную аренду на часть и этого порта.

С двумя другими соседями, Грузией и Азербайджаном, границы должны были быть определены прямыми переговорами Армении с каждой из этих двух стран, а на случай неудачи было предусмотрено создание специальной комиссии.

В состав Армении по договору должны были войти большие части Ванского, Битлисского, Эрзерумского и Трапезундского вилайетов бывшей Османской империи, и тогда бы независимое объединенное армянское государство стало обладать территорией свыше 150 тысяч квадратных километров. Так что для Армении Севрский мирный договор был достаточно справедливым, и, по мнению К. Захаряна, он «...впервые за пятьсот лет осуществлял сполна выстраданное народом право на владение своей, а не чужой землей, делал возможным возвращение на отнятую родину сотен тысяч людей, бежавших от кровавого ятагана, и... хотя бы в какой-то мере частично окупал два миллиона отданных жизней, предоставляя место под солнцем живым и делая небесным подвигом мертвых».²⁰⁴

На карте из энциклопедии «Армянский вопрос» границы Армении показаны такими, как они выглядели бы по Севрскому мирному договору.

Армения по Севрскому договору (из Энциклопедии «Армянский вопрос»)

²⁰⁴ Захарян К.К. Указ. соч. С. 62.

День, когда подписывался Севрский мирный договор, стал для Армении ободряющим вдвойне: РСФСР тоже пошла на мировую. С ее стороны соглашение о мире подписал Б.В. Легран, а со стороны Республики Армения — А. Джамалян и А. Бабалян, оговорившие, что — только лишь «исходя из признания независимости и полной самостоятельности Республики Армения».²⁰⁵

Самым жизненно важным пунктом был первый, и он гласил совершенно однозначно: «с 12 часов дня 10 августа 1920 года военные действия между войсками РСФСР и Республики Армения считаются прекращенными».²⁰⁶ А вот при определении линии, которую должны были занять Армянская армия и войска РСФСР, было лукаво заявлено, что «занятие советскими войсками спорных территорий (Карабах, Зангезур и Нахичевань. — Ю.П.) не предрешает вопрос о правах на эти территории Республики Армения или Азербайджанской Социалистической Советской Республики. Этим временным занятием РСФСР имеет в виду создать благоприятные условия для мирного разрешения территориальных споров между Арменией и Азербайджаном на тех основах, которые будут установлены мирным договором, имеющим быть заключенным между РСФСР и Республикой Армения в скорейшем будущем».²⁰⁷

Ну а пока стороны договорились не сосредотачивать крупные военные силы на спорных и пограничных территориях. Железная дорога на участке Шахтахты — Джульфа переходила в ведение железнодорожного управления Армении, но использовать ее в военных целях было нельзя. В то же время Советская Россия гарантировала свободный проход в Армению, с оружием и снаряжением, «всем войсковым частям правительства Армении, оказавшимся за линией, занимаемой советскими войсками».²⁰⁸

Однако отказываться от глобального плана — советизировать все закавказские республики — большевики не собирались и отводили кемалистам роль «ледокола» в русле своей интернациональной идеи. Сказать, что в Армении не понимали, какая это опасность, — значит ничего не сказать. Но надежда на помощь союзников все-таки не покидала армянское руководство: зря что ли подписывался Севрский мирный договор?! Союзники же ничего не предпринимали для его претворения в жизнь: ждали арбитражного решения Вильсона, а тот, в свою очередь, ждал рекомендаций от комиссии.

В Карсской области тоже все чего-то ждали да гадали, по крупинкам собирая информацию от агентов и союзников. Но вести были такими противоречивыми, что сходу и не разобраться. 25 августа Корганов сообщил министру внутренних дел: «Англичане сегодня заявили, что в бли-

²⁰⁵ Армянский вестник. 1992. № 1 – 2. С. 137.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же.

жайшие дни турецкие войска совместно с курдами начнут наступление, и рекомендовали отодвинуть гражданское население в Александрополь, стянув войска в Карс. **На помощь Европы, добавили они, не рассчитывайте, спасайтесь сами** (выделено мною. — Ю.П.). Мои сведения таковы: вернувшийся сегодня мой агент сообщает, что турки наступать не будут... Пирумов осветит Вам сегодня вопрос со своей стороны. Благоволите поставить в известность о последствиях настоящей депеши».²⁰⁹

О чем доложил министру Даниэл-бек и стали ли слова англичан откровением для правительства Армении, я не знаю, но думаю, что к концу августа оно все еще продолжало рассчитывать на поддержку союзников, и не только моральную. Но в Севрском договоре в отношении Армении никакого конкретного механизма для его исполнения не предусматривалось. Кемалисты, смирившись с потерей арабских территорий, и слышать не хотели о передаче Армении оговоренных земель, а правительство последнего султана не решалось ратифицировать договор. Получалось, что «запустить» этот механизм можно было только открытой военной силой. Но в Англии и Франции большинство населения не хотело новой войны, хоть против Турции, хоть против Советской России, и правительства этих стран не могли не считаться с общественным мнением. К тому же «антанта» (от фр. слова «entente» — «согласие») как таковая уже перестала существовать. Каждая из главных стран-победительниц, получив мандат на арабские территории, во-первых, старалась упрочить там свое положение, а во-вторых, запуталась в паутине взаимного недоверия. Франция не была заинтересована в дальнейшем наступлении на анатолийскую часть Турции, подозревая, и не без оснований, что Англия, вооружавшая и подталкивающая Грецию к продвижению на восток, как обычно, хочет загрести жар чужими руками. Английские войска действительно не шли дальше Стамбула и его ближайших районов, контролируя лишь проливы. И поэтому Кемаль, воспользовавшись разногласиями и инертностью союзников, всю маневрировал резервами, сдерживая по возможности греков и готовя провокации против Армении. О чем, кстати, 26 августа Даниэл-бек сообщил командарму сразу в двух оперативных сводках штаба Александропольской группы. Сначала в 9 часов утра: «на Ольгинском направлении ночью 25 и 26 августа турки силою от двухсот до трехсот человек повели наступление на гору Васкут, и перед превосходными силами противника наши отошли на Каркиллуху, что севернее Васкута. Бой продолжается...»,²¹⁰ а затем вечером, в 18 часов: «на Ольгинском направлении к 14 часам нами на горе Васкут положение восстановлено. В районе соляных копей у противника появилось два орудия. На остальных участках группы без перемен».²¹¹

²⁰⁹ НАА. Ф. 199, оп. 1, л. 133 (номер дела не установлен).

²¹⁰ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 441, л. 160.

²¹¹ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 441, л. 163.

Обманчивая судьба в очередной раз лишь поманила Армению своими подарками. Как писал из Баку Арутюнян, дипломатический представитель Республики Армения в Азербайджане, «...стремление мусаватистского Азербайджана и иттихадской Турции создать единое турецкое государство от Константинополя до Баку отнюдь не исчезло: цели Советского Азербайджана и «революционной и красной Анатолии» одни и те же. То, что раньше осуществлялось под единым лозунгом тюркского племени, теперь осуществляется под лозунгом рабоче-крестьянской революции и борьбы с Англией. Более того, мусаватистское правительство в последние месяцы своего существования вроде бы было настроено на некоторые отступления от своей программы (конечно, оставляя на будущее ее полную реализацию), а советский Азербайджан считает излишними даже эти временные уступки и стремится покончить с проблемой сегодня же...»²¹²

Но тут специальная комиссия, созданная Вильсоном, закончила, наконец, собирать многопрофильную информацию по региону и в первой половине сентября представила сей объемный материал президенту на рассмотрение. Со свойственной ему ответственностью, заокеанский миролюбец принялся неторопливо изучать огромную кипу документов. Потекли дни томительного, но счастливого ожидания. А что еще оставалось Армении, когда в те же сентябрьские недели к Кемалю прибыла первая часть обещанного Советской Россией золота, оружия и боеприпасов?! Вынужденная, несмотря на соглашение с Россией, держать на востоке необходимые воинские контингенты, Армения задыхалась от дефицита людских резервов и не могла выделить для обороны своих западных границ достаточные силы, что позволяло мусульманам вместе с нелегально прибывающими турецкими военными провоцировать в Карсской области беспорядки почти играючи. Какое отчаянное, непосильное напряжение приходилось испытывать Даниэл-беку и его бойцам! 13 сентября в 9 часов 10 минут он отбил командарму телеграмму из Карса: «С рассветом турки перешли в наступление на Ольтинском направлении, а также на правый фланг Сарыкамышского отряда и заняли гору Васкут и селение Бердык. Часть Ольтинского отряда отходит на Панджуретский перевал, другая часть по ущелью. Атаки на правый фланг Сарыкамышского отряда отбиты. Генерал Осепянц приказал частям правого фланга Сарыкамышского отряда перейти в наступление для угрозы тылу турок, наступающих на Васкут и Косор. **Патроны на исходе, положение критическое, нет резервов, нет патронов. Прошу доставить в мое распоряжение конную бригаду. Прикажите поспешить с доставкой оружия и патронов. Ак-**

²¹² Нагорный Карабах в 1918 – 1923 г. Указ. изд. С. 583.

тивность турок может быть чреватой своим последствием (выделено мною. — Ю.П.).²¹³

А в тот же день, в 21 час 15 минут состоялся телефонный разговор Даниэл-бека с начальником штаба командарма, полковником Притомановым: «Генерал Пирумов: Прошу принять телеграмму: Эривань. Командарму. В дополнение прежних донесений передаю копию донесения полковника Мазманова: «12 сентября турки большими силами в 2 часа повели наступление на Васкут и на участок от горы Васкут до хутора Израил. Ввиду малочисленности солдат в ротах наступление не могло быть отбито, и турки, распространяясь с поразительной быстротой, отрезали дорогу на Косор и Панджурет. В 6 часов утра я отдал приказание отходить к Панджурету и занять позиции. Сейчас, к 3 часам, на Панджуретском перевале собралось около 60 человек, которыми пока занимаю перевал. Вся артиллерия осталась на дороге к перевалу. Большая часть солдат бежала в сторону Мерденека. **О потерях донесу дополнительно, но они колоссальны** (выделено мною. — Ю.П.).

Генерал Пирумов: Прошу доложить Командарму, что Парнаутский отряд слишком оторван от Кагызмана, который находится в опасном положении, потому считаю нужным оттянуть войска от Парнаута к Кагызману и держать там в кулаке. Об этом прошу уведомить полковника Векилова. Жду ответа.

Полковник Притоманов: Сообщаю резолюцию Командарма: «Ответ был уже дан насчет Парнаутского отряда. Прежде всего, Вам нужно восстановить положение в Ольгинском направлении, где из донесений усматриваю, что там была полная попытка к растерянности».²¹⁴

Мне показалось, что и в тексте телеграммы командарму, и в разговоре с полковником Притомановым действительно появился вдруг некий оттенок нервозности, обычно несвойственной Даниэл-беку. Может, благодаря опыту, он чувствовал в возросшей активности турок нечто большее, чем локальные стычки, и понимал всю меру своей ответственности при грозном развитии событий.

Но уже на следующий день, 14 сентября, в 9 часов утра Даниэл-бек посылает командарму оперативную сводку штаба Александропольской группы, выдержанную в строгой деловой тональности: «На Сарыкамьшском направлении наша разведка, высланная в направлении Бардуса и встреченная сильным огнем, отошла к своим позициям. Остатки Ольгинского отряда пробились после окружения, потеряв при отступлении все пушки, и после того, как все пулеметные номера были перебиты, потеряли все пулеметы, и отходят на Кеширские позиции числом до 200 человек. Наши удерживают за собой Агундирские позиции и ведут разведку на

²¹³ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 229.

²¹⁴ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 228.

Агундир. Ольгинский отряд, отступая, доблестно сражался, но, отрезанный местным населением от всех дорог, был не в состоянии вывезти материальную часть».²¹⁵

После этой сводки в архивной документации нет упоминания о Даниэлбеке в течение целых двух недель. Необъяснимый, мучительный провал. Ни приказа, ни телеграммы, ни клочка донесения...

²¹⁵ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 231.

Глава 10

1920 год: НОВАЯ ВОЙНА С ТУРЦИЕЙ И КАРССКАЯ КАТАСТРОФА. УХОД

*Какое нам, в сущности, дело,
Что все превращается в прах...*

Анна Ахматова.
Первое предупреждение

У затишья перед новым витком войны всегда есть своя точка отсчета и свои «часовые», запускающие этот адский механизм. Участники 1-го Съезда народов Востока, открывшегося в Баку 1 сентября 1920 года, ничтоже сумняшеся вписали в резолюцию необратимые слова: «...любой ценой, даже самыми чрезвычайными средствами содействовать подъему угасающего турецкого национального движения... достичь этого **нападением турецких войск на Армению под знаменем свержения дашнаков** (выделено мною. — Ю.П.)».

Получив благословение большевиков на войну против Армении, турки оговорку Кремля «...не идти дальше линии Сарыкамыш — Шахтахти» поняли именно в том смысле, на какой и рассчитывало большевистское руководство: как политический камуфляж, призванный скрыть истинный замысел — советизацию Армении. Главным для турок было, что Ленин и его присные, пусть и устно, но дали согласие на откровенную агрессию с захватом значительного куска от армянского государства. Менее откровенное письменное «Предварительное соглашение о дружбе» кемалистов тоже вполне устроило: большевики пообещали выделить им несколько миллионов рублей золотом, вооружение, боеприпасы и средства связи. Судя по многотомному изданию «Документы внешней политики СССР», большевики, не теряя попусту времени, перешли от слов к делу, «...в распоряжение Г.К. Орджоникидзе, члена революционного военного совета Кавказского фронта, для последующей передачи представителям правительства ВНСТ было направлено 6 тысяч винтовок, свыше 5 миллионов винтовочных патронов, 17 600 снарядов. В сентябре 1920 года в Эрзеруме было передано представителям турецкого правительства (кемалистского. — Ю.П.) и командования 200,6 кг золота в слитках».¹

¹ Цит. по соч. Хомизури Г.П. Социальные потрясения в судьбах народов (на примере Армении). М.: Интеллект, 1997. С. 102.

Конечно, к концу сентября в Турцию прибыла всего лишь часть из обещанных щедрот, но и этого оказалось достаточно, чтобы кемалисты почувствовали себя увереннее. Их глобальная цель — ликвидация Армении как государства — выглядела теперь не просто заманчивой, а вполне перспективной. Так что для развязывания войны все складывалось удачно. Советская подпитка позволила кемалистам одеть-обуть свою армию, выплатить офицерам и солдатам содержание за длительный период, качественно вооружить войска.

Армянская армия к тому времени тоже получила давно обещанную Англией военную помощь, но по своим масштабам она была несравнима с той, которую оказала Советская Россия Кемалю. Обмундирование для солдат, горючее да небольшое количество пулеметов и легкого оружия не могли серьезно повлиять на перевес сил в пользу Армянской армии. И когда в двадцатых числах сентября кемалистские войска без объявления войны начали крупномасштабное наступление на Армению, экс-победительница, брошенная своими союзниками по борьбе, превратилась в объект агрессии со стороны побежденного. Точную дату начала этой агрессии из-за отсутствия официального объявления войны историки называют приблизительно — между 21 и 24 сентября 1920 года.

Оправдывая свое нападение, кемалисты опубликовали заявление: «Агентство печати Анатолии считает своим долгом информировать мировое общественное мнение о тех боях, которые начались на Кавказе между нашими войсками и дашнакскими вооруженными группировками. Со дня основания правительства Армении существует решение уничтожить либо выселить турок, которые составляют 50 процентов населения Армянской Республики. Следуя этой политике, правительство заселяет беженцами те районы, где раньше проживали турки, и тем самым расширяет пределы своего национального государства. Пользуясь тем, что мусульманское население Армении было беззащитным, дашнаки в течение двух лет продолжали свою разрушительную работу. Печальная статистика показывает, что до конца 1919 года в Армении сожжены 199 турецких селений, а их население, общей численностью 135 000 человек, в основном уничтожено. И только незначительной части удалось бежать в Баку, где им было предоставлено пособие в размере 260 миллионов рублей. Дашнаки не ограничились этой резней и, ворвавшись в Азербайджан, сожгли 50 деревень в Карабахе и уничтожили все их население. Эта преступная политика проводилась и в других районах Армении. Защита наших братьев по ту сторону границы, которых преследуют и уничтожают, — наш священный долг. Турецкий народ не имеет захватнических целей ни по отношению к армянскому, ни по отношению к какому-либо другому народу. Поэтому ответственность за пролитую кровь ложится ис-

ключительно на плечи армян и их империалистических защитников, которые преследуют цель разложения турецкой нации».²

Что тут правда — мусульманское население Первой Республики было действительно значительным, а во многих местностях — сопоставимым с армянским и даже преобладающим. Но во всем остальном заявление Агенства печати Анатолии — сплошная ложь, жалкая попытка замаскировать откровенную агрессию. И ведь если подумать, а что еще оставалось правительству Первой Республики, когда восставшие мусульмане сами покидали свои населенные пункты, вот их и заселяли беженцами-армянами, лишенными теми же турками крова над головой. Неужто надо было миндальничать с мятежниками, до бесконечности уговаривать-умасливать их и даже не пытаться утихомирить?! А уж утверждение о принадлежности Карабаха Азербайджану и вовсе бессмысленное, поскольку Карабах не входил в состав первой Азербайджанской республики. Никогда не входил в ту и, надеюсь, никогда не войдет в нынешнюю.

Однако новая война с Турцией все-таки началась. И уже в первые ее дни турки добились серьезного успеха. Оттеснив армянские части, они продвинулись в сторону крупных населенных пунктов — Сарыкамыша и Мерденека. Слишком уж явным было их превосходство: «...Соотношение сил было полностью в пользу Турции. Численность армянских войск, действовавших против турок на Карс-Александропольском и Сурмалинском участках фронта, составляла около 12 тысяч пехотинцев и 1500 всадников. Турция же сосредоточила здесь 5 пехотных дивизий (свыше 22 500 человек), конную бригаду, два конных полка, отдельную курдскую конную часть, конный лезгинский отряд (в совокупности — свыше 3300 всадников); кроме того, в боевых действиях участвовали многочисленные иррегулярные группы местных турок и курдов (5-6 тысяч человек)...»³

Успеху турецких войск в сильной степени содействовала большевистская пропаганда в армянской армии. Строго секретная инструкция большевиков гласила: «центральный комитет коммунистов (большевиков) Армении предписывает всем партийным организациям, как в тылу, так и на фронтах, и прежде всего **большевикам, направляемым в Карсский гарнизон** (выделено мною. — Ю.П.), развернуть среди отдельных солдат и в группах, а если возможно, то и посредством листовок, широкую пропаганду против войны, уделяя основное внимание тому, что: нынешняя Турция — уже не прежняя султанская Турция и не преследует в отношении Армении агрессивных целей. Кемалистская Турция — союзница Советской России и борется за свое освобождение против империалистических госу-

² Цит. по очерку «Как турки и большевики в 1920 году расправились с Арменией». Pro Armenia. 1992. № 6. С. 38.

³ Энциклопедия «Армянский вопрос». Ереван: Главная редакция Армянской энциклопедии, 1991. С. 319.

дарств — Англии, Франции, Греции. Победа республиканской Армении над Турцией будет означать усиление империализма на Ближнем Востоке и поставит под угрозу победу Революции в Закавказье, и наоборот — поражение республиканской Армении ускорит советизацию всего Закавказья, а также Востока. Задачей армянских большевиков-коммунистов должно быть ускорение поражения республиканской Армении, что ускорит советизацию Армении. С этой целью необходимо:

1. Всеми средствами разлагать армянскую действующую армию: способствовать дезертирству и всячески препятствовать мобилизации; убеждать солдат на фронтах не стрелять по наступающим турецким солдатам, а покидать позиции и возвращаться домой; не подчиняться приказам офицеров и в случае необходимости уничтожать их.

2. Наряду с этим необходимо внушать солдатам республиканской Армении, что победоносный турецкий аскер — это революционный аскер, который не только не позволит себе какого-либо насилия по отношению к побежденной стране, не причинит вреда мирному населению, но и поможет трудовому армянскому народу освободиться от господства пособников империалистов — дашнаков.

3. Вновь и вновь объяснять, что, освободясь от господства дашнаков, Армения немедленно наладит связь с Советской Россией и навсегда закончит с войной, и край, разоренный голодом и постоянными конфликтами, наполнится российским хлебом и примет участие в великом деле революции.

Примечание: **читать в закрытых собраниях и сразу по прочтении сжигать** (выделено мною. — Ю.П.)».⁴

Понимали армянские большевики, что затеяли пакостное дело, потому и собирались зачитывать инструкцию в узком кругу, а после прочтения уничтожить документальный след от нее. Что им была многострадальная родина? Главное, что с помощью «революционных аскеров» можно было попробовать свергнуть правительство «империалистической Армении».

Свою «революционность» турецкие войска проявили просто, но весьма наглядно. Мой вывод основан на тексте первой же со дня наступления турок телеграммы, отправленной Даниэл-беком в 7 часов вечера 28 сентября 1920 года: **«Турки наступают с красными флагами** (выделено мною. — Ю.П.). В 3 часа дня бой шел в 7 верстах от Сарыкамыша по Караурганскому направлению. Сарыкамышской группе приказано отойти на Селим в 9 часов вечера. У Веришана целый день идет упорный бой, наши героически отбиваются. О результатах сообщу».⁵

О наступившем тяжелом моменте на фронте можно судить по телефонному разговору, состоявшемуся на следующий день, 29 сентября, в 10 ча-

⁴ Саркисян Е. За кулисами. Как рождался Московский договор 1921 года // Литературная Армения. 1991. № 1. С. 73.

⁵ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 258.

сов 45 минут по поручению Даниэл-бека по прямому проводу между поручиком Чергештовым и капитаном Хнцоряном:

«Поручик Чергештов: Примите телеграмму. «Сарыкамышский отряд за неимением удобных позиций у с. Ново-Селим отошел на линию Коша — Пунгар, высота — 918,7 и высота 900,6 — с. Агиар-В. и Н. Котанлы — с. Борна. Противник находится на линии горы Сулу-Даш-Кая (Дашкая. — Ю.П.)-Базаргян — Кечит — Кара-Хамза. Голова Мерденекского отряда отходит к с. Бегли-Ахмет. Кагызманский отряд в 18 часов выступит со станции Послы на станцию Бегли-Ахмет. Движение этой колонны задерживается вследствие большой массы беженцев. Конница Пилоса, Мурад-хана и Абгара рассеялась. Ген-лейт Пирумов.

Штабс-капитан Хнцорян: Не имеете ли каких-либо сведений относительно Ольгинского отряда?

Поручик Чергештов: Ольгинский отряд сегодня прибыл в Ново-Селим.

Штабс-капитан Хнцорян: Нет ли сведений относительно потерь в артиллерии?

Поручик Чергештов: О потерях вообще у нас сведений нет».⁶

В связи с фразой в этом телефонном разговоре о «рассеянии конницы» трех хмбапетов я вспомнил о другом телефонном разговоре, состоявшемся ранее — 16 августа 1920 года. Тогда Даниэл-бек, наряду с другими сведениями, передал военному министру, что «партизанские сотни Мурадхана и Пилоса дали повод ко многим инцидентам на почве грабежей и талана...» Да, от людей, способных на мародерство, трудно ожидать мужественного поведения на поле боя. К сожалению, Армянской армии так и не удалось до конца изжить эти негативные явления в своих иррегулярных формированиях.

А между тем турки 29 сентября взяли Сарыкамыш. Находясь к юго-западу от Карса и соединяясь с ним железной дорогой, захваченный Сарыкамыш представлял собой почти идеальный отправной пункт для развития наступления на главный город области по самому выгодному маршруту. Армянское военное руководство это отлично понимало, но не теряло оптимизма. Так, генерал Силиков в качестве командующего войсками Карсского и Александропольского районов послал командующему Армянской армией, генералу Назарбекову телеграмму (от 29 сентября 1920 года за № 1), подтвердив факт бегства конных частей Пилоса, Мурадхана и Абгара, но в то же время извещая его о том, что еще один хмбапет, Смбат (Сумбат), «предполагает к вечеру 1 октября собрать 800 конных и пеших и выступить в распоряжение Пирумова в Карс», и о том, что «приняты энергичные меры к набору и пополнению частей...»⁷

⁶ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 262.

⁷ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 2.

Но пока турки продолжали наступать. Уже 30 сентября под их натиском пал Мерденек, расположенный в самом центре Карсской области и связанный с Карсом узкоколейной железной дорогой на конной тяге. Отныне обе железнодорожные линии — Карс — Сарыкамыш и Карс — Мерденек — вели в никуда. Мирное армянское население, не успевшее вовремя уйти из городов, захваченных «революционными аскерами», якобы несущими освобождение от дашнакской империалистической диктатуры, подверглось жестокому избиению. Но удивляться тут нечему, кемалисты и не собирались отказываться от лучшего в их жизни сценария по уничтожению армянского народа.

К исходу сентября значительная часть Карсской области по линии Сарыкамыш — Мерденек оказалась в руках у врага. Тут-то и проявилось его пренебрежение устным пожеланием Москвы — остановиться на линии Сарыкамыш — Шахтахи. Турки рвались вперед, к Карсу. Армянское командование даже подумывало об эвакуации города. Но, к счастью, первоначальная деморализация армянских войск, возникшая под впечатлением быстрого турецкого продвижения, не пустила глубокие корни. Боевой дух армянских солдат возобладал над страхом перед противником. В зашифрованной телеграмме генерала Силикова, посланной 30 сентября командарму, сказано: «...настроение в войсках заметно изменилось в лучшую сторону... эвакуация Карса с шести часов утра приостановлена... жители проявляют большую интенсивность и помогают ловле дезертиров».⁸

Но, хотя и принято считать, что к 30 сентября 1920 года первый период войны закончился и армяно-турецкий фронт несколько стабилизировался, фактически турки продолжали свои попытки теснить армянские части на различных направлениях. Армяне то отступали, то пытались контратаковать.

Характерна в этом отношении оперативная сводка Штаба Командующего войсками Карсского и Александропольского районов к 19 часам 1 октября 1920 года:

«Обход турок на Гартам-Вартан, начатый вечером 29 сентября, не удался. Контрманевром колонны полковника Мазманова, двинувшегося из Исламзара в обход туркам на гору Сулу-даш, что западнее Коша-Пунгара, при поддержке 4-го полка по направлению на Олухлы и батальона 5-го полка из Берна, противник сегодня был поколеблен. Благодаря отсутствию патронов и усилению противника, успех не был развит, и колонна полковника Мазманова с потерями отошла на гору Святого Ильи. Сам полковник Мазманов пока не разыскан. Одновременно левый фланг Карсского отряда занял Ново-Селим, отбросив противника к западу, но ввиду выдвинутости этого фланга ночью будет оттянут на исходное положение.

1 октября 1920 года. 23 часа 30 минут. № 08.

⁸ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 4 с об.

Начальник Штаба Командующего войсками Карсского и Александропольского районов, Генерального штаба полковник Векилов».⁹

К счастью, полковник Мазманов на следующий день «нашелся невредим»¹⁰, но пройдет еще четыре недели, и этот энергичный офицер по собственной инициативе вычеркнет себя из списка живых: в день падения Карса он и еще двое военнослужащих покончат жизнь самоубийством.

Тем временем армянское военное руководство спешило воспользоваться замедлением темпов турецкого наступления, чтобы принять «энергичные меры к набору и пополнению частей», а также удовлетворению войск военным снаряжением, в первую очередь обувью.

Однако мероприятиям по пополнению и снабжению армии уже в первые дни октября стали мешать факторы, связанные с недостатками функционирования транспортного и хозяйственного механизма Первой Республики. Одни из них привели к трагедии, другие — если не к трагикомедии, то уж точно к конфузу.

О трагедии — крушении поезда говорится в двух телеграммах, посланных вечером 1 октября Силиковым и Векиловым с разницей в 10 минут. Одна — председателю Чрезвычайного суда с просьбой об экстренной командировке на станцию Караял (приблизительно в 45 километрах на северо-восток от Карса) следователя для выяснения причин происшествия и производства следствия, другая — одному из помощников министра путей сообщения, Тер-Микаэляну, о командировке эксперта-инженера.

О том, как и что конкретно произошло, можно узнать из оперативной сводки штаба Силикова, отправленной Командарму в 19 часов 30 минут 2 октября 1920 года:

«...Выехавший из Александрополя эшелон конного полка перед станцией Караял потерпел крушение. Сошли с рельсов 15 вагонов, частью вагоны разбиты, около ста солдат ранены, потерь в офицерском составе нет, количество пострадавших лошадей не выяснено. На место происшествия выехали Министр путей сообщения Джамалян и его помощник, полковник Шахмазян. Приняты экстренные меры по исправлению пути. Председатель Чрезвычайного суда приказал спешно командировать следователя с экспертом для выяснения причин крушения и производства следствия. Подробности донесу дополнительно. 2 октября 1920 года. 19 часов 30 минут. № 010. Начальник Штаба Командующего войсками Карсского и Александропольского районов, Генерального Штаба полковник Векилов».¹¹

⁹ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 7 с об.

¹⁰ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 8.

¹¹ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 9 с об.

Такая авария, в то время как на фронте остро ощущался дефицит людских резервов, казалось, должна была бы вселить в солдатские массы уныние и пессимизм, но, судя по оперативной сводке следующего дня, этого не произошло, хотя результаты железнодорожного крушения оказались более трагичными, чем это представлялось накануне.

«Эривань, Командарму. Оперативная сводка Штаба Командующего войсками Карсского и Александропольского районов к 7 часам 3 октября 1920 года. ...Настроение войск бодрое и хорошее, немного утомлены вследствие больших и трудных походов, прося отдыха. Сегодня высылается воздушная разведка. По полученным дополнительным сведениям крушение поезда произошло от расширения пути и неопытности машиниста, убито 15 и ранено 40 солдат, исковеркано 4 пулемета и много ружей, поврежденных лошадей около 40, путь испорчен на протяжении 70 сажень и завален разбитыми вагонами. Расчистку предполагают закончить сегодня к вечеру. Полное сосредоточение колонны полковника Корганова, вследствие крушения, переносится на утро 5 октября.

3 октября 1920 года. 8 часов 30 минут. № 011.

Начальник Штаба Командующего войсками Карсского и Александропольского районов, Генерального Штаба полковник Векилов».¹²

Потеря солдат, отвлечение сил и средств на ликвидацию последствий аварии, задержка сосредоточения колонны полковника Корганова, направлявшейся на правый участок фронта, возникшего у стратегически важного пункта — Бегли-Ахмета (на карте из Энциклопедии «Армянский вопрос» этот пункт назван Бегли-Ахматом), находящегося приблизительно в 23-24 километрах от Карса, — все эти события, сложенные воедино, могли обрушить хрупкое равновесие, установившееся на фронте, и позволить противнику продолжить свое наступление.

Не знаю, как быстро сумело руководство министерства путей сообщения навести порядок в своем хозяйстве, но, по-видимому, версии крушения, распространившиеся в народе, не способствовали популярности правительственных кругов, так что начальник штаба Командующего войсками Карсского и Александропольского районов, полковник Векилов, был вынужден послать следующую телеграмму губернатору Ширака:

«До меня дошли слухи, что население города Александрополя истолковывает причину крушения поезда 1-го сего октября между станциями Караял и Башкадыкляр в ином виде, чем в самом деле было.

Посему предлагаю Вам широко оповестить население города, что крушение поезда произошло от недозволительной скорости на крутом повороте, которую развил машинист. На месте катастрофы замечено рас-

¹² НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 10 с об.

ширение рельсов, которое произошло также от недозволительной скорости. Машинист и его помощник арестованы и преданы суду за неосторожное ведение поезда.

5 октября 1920 года. Гор. Александрополь. № 73».¹³

В данном случае виновных нашли, но как определить ответственных за падение воинской дисциплины — ведь без ее укрепления, и для армянского командования это было очевидным, переломить ход боевых действий не удастся. И чтобы Бегли-Ахмет не повторил судьбы Сарыкамыша и Мерденека, а защищающие это направление армянские части не сообразились бы примером конников Пилоса, Мурадхана и Абгара, нужно было принять самые крутые меры. Поэтому полковник Векилов телеграфирует Даниэл-беку в Карс (копии — в Караклис и в Александрополь, начальникам соответствующих гарнизонов):

«В дополнение к № 17 приказа Командующего войсками объявляю к исполнению: первое, утверждение приговора лежит на тех начальниках, распоряжением коих полевые суды учреждены, то есть на начальниках отрядов и гарнизонов. Второе, все дела, включая дознание и объявление приговора, должны быть закончены в течение 24 часов. На принесение жалобы подсудимому дается 24 часа. Жалоба подается начальнику, утверждающему приговор, и им же разбирается, после чего приговор немедленно приводится в исполнение, а в случае неутверждения — направляется старшему, в порядке подчинения, начальнику. Третье, военно-полевые суды учреждаются в Эривани, Дилижане, Игдыре, Новобаязете, Басаргечаре, Кешишкенде и Шарурском отряде. Четвертое, бежавшие после 28 сентября с.г. предаются ближайшему военно-полевому суду начальниками отрядов, гарнизонов и комендантом Эривани по представлениям командиров частей, заведующих сборными пунктами воинских начальников и комендантов этапов.

3 октября 1920 года. № 50».¹⁴

Перспектива оказаться под скорым судом и подвергнуться суровому наказанию вплоть до расстрела должна была охладить головы бойцов, помышлявших об оставлении позиций под Бегли-Ахметом. С другой стороны, командование как бы с пониманием отнеслось к тем военнослужащим, кто до 28 сентября — в первые дни стремительного турецкого наступления не выдержал и ретировался с поля боя, но как бы и предупреждало их, что впредь не будет рассматривать никакие смягчающие обстоятельства для оправдания дезертирства.

Итак, в результате трагедии с эшелонам фронт под Бегли-Ахметом и Даниэл-бек в Карсе лишились, по крайней мере, до 5 октября, значительного количества бойцов и некоторых видов вооружения, хотя кре-

¹³ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 73.

¹⁴ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 53 с об.

постной гарнизон, наконец, получил новую обувь — думаю, часть обещанного Англией снаряжения.

Видимо, передача обуви происходила через некую армянскую организацию, связанную с производством, заготовкой или поставкой резиновой продукции. И случился конфуз, правда, непонятно по чьей вине. То ли англичане решили, что в Армянской армии сражаются лилипуты, то ли армянская организация что-то напутала, но в Карс попала обувь неподходящего размера. И 3 октября в 10 часов 30 минут Районному интенданту генерал-майору Корганову (копия — заведующему этой самой организацией) направлена телеграмма: «Командующий войсками Карсского и Александропольского районов приказал Вам немедленно выслать в Карс, в распоряжение генерал-лейтенанта Пирумова приготовленные в «Зинкошин» 1000 пар ботинок крупного размера, взамен чего получите столько же пар ботинок малого размера. Об исполнении прошу донести комвойсками. Начальник Штаба полковник Векилов».¹⁵

Одновременно Векилов уведомляет и Даниэл-бека: «Командующим войсками сделано распоряжение Районному интенданту немедленно выслать в Ваше распоряжение 1000 пар ботинок крупного размера, взамен чего Вы должны вернуть ему столько же пар малого размера».¹⁶

В дело вмешался и генерал Силиков, посчитавший необходимым в тот же день 3 октября высказать просьбу-требование Главному интенданту: «Почти все войсковые части возвращают обратно ботинки, вследствие малого размера их. Не найдете ли возможным заменить их в Министерстве финансов (не очень понятно, почему замену осуществляли через это министерство. — Ю.Л.) на ботинки крупного размера».¹⁷

Хорошо, что недоразумение с обувью удалось быстро ликвидировать, и на радость солдат Карсского гарнизона и Даниэл-бека одними ботинками дело снабжения Карса в этот день не ограничилось, потому что районный интендант генерал-майор Корганов получил от генерала Силикова следующее предписание: «Приказываю немедленно выслать в Карс в распоряжение генерала Пирумова 1500 комплектов обмундирования и 3500 пар теплых носков, если еще не прислано.

3 октября 1920 года. 22 часа. Карс. № 61».¹⁸

По всему было видно, что армянское командование, воспользовавшись относительной стабилизацией фронта у Бегли-Ахмета, решило проявить усиленное внимание к Карсу и его нуждам на случай обороны. Срочно приводится в порядок автохозяйство города, в связи с чем Даниэл-бек получает телеграмму за № 62 от генерала Силикова: «Начальнику Александропольской группы, генерал-лейтенанту Пирумову. Приказываю

¹⁵ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 54.

¹⁶ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 55.

¹⁷ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 56.

¹⁸ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 63.

Вам немедленно принять в свое ведение автогараж и назначить одного офицера заведующим гаражом. Об исполнении донесите. Бензин и масло на днях будут присланы из Александрополя». ¹⁹ И, проявив оперативность, полковник Векилов тут же приказал работнику штаба, капитану Шахламову «сделать распоряжение о высылке первым эшелонном в Карс, в распоряжение генерала Пирумова 250 пудов бензина и 5 пудов масла». ²⁰

Тем не менее, меры по снабжению Карса, вероятно, были признаны недостаточными, и 5 октября Векилов телеграфирует районному интенданту: «В изменение № 62 Командующий войсками Карсского и Александропольского районов приказал выслать в г. Карс, в распоряжение генерал-лейтенанта Пирумова 2000 комплектов обмундирования, 4000 комплектов снаряжения, 4000 пар теплых носков и 2000 котелков. Кроме того, Командующий войсками приказал удовлетворить обмундированием и обувью в первую очередь по нарядам войсковых частей Карсского отряда, то есть тех частей, которые находятся в настоящее время на фронте, затем прочих строевых частей и в последнюю очередь — также учреждений и заведений Военного Ведомства. Об исполнении прошу донести Командующему войсками». ²¹

Качественное английское снаряжение, которым стали обеспечивать фронтовые части, могло ввести в соблазн нечистых на руку снабженцев. Стремясь минимизировать потери и по возможности снабдить защитников Карсской области всем необходимым, Силиков посылает 5 октября главному интенданту телеграмму: «Для устранения злоупотреблений в вещевом довольствии прошу сделать распоряжение, чтобы при передвижении войсковых частей из одного района в другой районные интенданты сообщали друг другу, чем каждая часть удовлетворена». ²²

Вообще, первые пять дней октября 1920 года отмечены различными мероприятиями армянского командования, и не только в сфере снабжения войск. Хотя турки в эти дни не предпринимали решительных действий, но отдельные акции противника имели место, и руководство армянскими войсками не оставляло без внимания эти вылазки, используя также имевшуюся в его распоряжении немногочисленную авиацию, как для бомбометания, так и для разведки.

Вот текст оперативной сводки Штаба Командующего войсками Карсского и Александропольского районов, отправленной Командарму:

«4 октября большая партия конных разведчиков противника из селения Кара-Хамза направлялась в Ново-Селим и заняла высоту 880, что севернее Ново-Селима, но частями четвертого полка отброшена обратно к Каракилису, причем занято селение Ново-Селим. Наш аэроплан 4 октя-

¹⁹ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 64.

²⁰ Там же.

²¹ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 68.

²² НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 69.

бря сбросил бомбы на селение Базат и на Сарыкамыш. На Мерденекском направлении разведка, высланная 4 октября от озера Айчер-гел и Ново-Воронцовки в направлениях Гечели — Чатак и Кара-Таук — Асла — Вартнис, выяснила, что население этого района переселяется и собирается правее Ардаганского шоссе в селении Кизил-оглы...

5 октября 1920 года. 10 часов. № 016».²³

«Карс, генералу Пирумову. Командующий войсками приказал воздушной разведке выяснить силы противника на его флангах, главным образом, Мерденекского и Ардаганского направлений. Об исполнении прошу телеграфировать.

5 октября 1920 года. № 76.

Полковник Векилов».²⁴

Понятно, почему этим двум направлениям уделялось особое внимание. В них упирался левый фланг турецких сил, чуть оттянутый назад по сравнению с центром у Бегли-Ахмета и с правым флангом. Если судить по имеющимся в моем распоряжении документам, план армянского командования в общих чертах вызревал в виде такого варианта: не отступая перед турками в центре, у Бегли-Ахмета, допустить энергичное, но не слишком глубокое наступление левого фланга, а затем перейти в контрнаступление: либо сначала только против этого фланга, либо сразу против обоих флангов, используя резерв — маневренную группу, сформированную скрытно от противника, за пределами Карсской области.

Но центральный участок у Бегли-Ахмета никоим образом нельзя было оставлять без внимания: слишком вялое сдерживание или даже небольшое тактическое отступление могли обернуться выходом турок на подступы к Карсу по самому короткому пути. 5 октября генерал Силиков отправился к Бегли-Ахмету и, ознакомившись с обстановкой на месте, послал командующему армией телеграмму: «Объехал позиции Бегли-Ахметского отряда, осмотрел войска и вынес самое отрадное впечатление от виденного. Настроение войск и народа бодрое и уверенное: войска ждут перехода в наступление, крепость (Бегли-Ахметская. — *Ю.П.*) быстро приводится в оборонительное состояние и действительно может дать серьезный отпор противнику. Принимаются самые решительные меры по снабжению войск продовольствием и перевозочным транспортом. В Александрополе сосредотачиваю и одновременно пополняю прибывающими пополнениями маневренную группу, которую вручил Сепу (Сепу или Сепух — настоящее имя Аршак Нерсисян, один из видных хмбапетов, командовавший отрядом, входившим в 1920 году в возглавляемую Даниэл-беком Карсскую группу войск. — *Ю.П.*). Рассчитываю через два-три дня довести эту группу до 2000 штыков из артиллерии

²³ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 15.

²⁴ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 76.

и тогда перебросить его (Сепу. — Ю.П.) для маневра либо для действия на одном из этих флангов Карсской группы».²⁵

Тактика с созданием маневренной группы Силикову и Даниэл-беку была знакома еще по временам Сардарапата. Она, безусловно, оправдала себя, и потому, думаю, Даниэл-бека не смутила телеграмма, полученная от Силикова 6 октября в 11 часов 30 минут: «Карс, генералу Пирумову. Родионовка, вслед полковнику Корганову, Джелаус, Сумбату, Александрополь, Сепу. В целях успешного разрешения поставленной Мерденекскому отряду задачи, нахожу необходимым и приказываю:

1) все части, расположенные в Джелаусе (относительно крупный населенный пункт, находившийся приблизительно в 40 — 45 километрах к северу от Карса. — Ю.П.) и имеющие задачи вести разведку в направлении Джелаус — Ардаган и прикрывающие это направление, подчинить в оперативном отношении Начальнику Мерденекского отряда, полковнику Корганову;

2) все части, расположенные в Зарушаде и имеющие однородную задачу в направлении Зарушад — Чалдырское озеро — Ардаган, подчинить Начальнику 4-й пехотной бригады Сепу, которому приказано одновременно выдвинуться с батальоном восьмого полка в сел. Зарушад с самостоятельной задачей;

3) все части, вошедшие в состав перечисленных начальников, исключаются в оперативном отношении из состава Карсской группы с утра 7 октября 1920 года;

4) все распоряжения по выключению указанных частей и включению их в состав новых отрядов сделать распоряжениями соответствующих начальников».²⁶

Карс, хотя и был в тылу, но расстояние в 25 километров, отделявшее его от Бегли-Ахмета, не могло усыпить бдительность армянского командования, посчитавшего, что, на случай непредвиденного развития событий, город, сверх уже присланного, будет нуждаться в дополнительном снабжении и пополнении людскими резервами. Я нашел целый ряд документов, подтверждающих такой вывод: «Коменданту станции Александрополь. Командующий войсками приказал к отходящему в Карс эшелону 8-го полка прицепить одну цистерну бензина и вагон с артиллерийским грузом. 6 октября 1920 года. 12 часов. Полковник Векилов»; «Карс, генералу Пирумову. Сегодня выезжает в Карс Штаб четвертой бригады. Отведите помещение. 6 октября 1920 года. Силиков»;²⁷ «Карс, Генералу Пирумову. Псылаю пополнение — четыреста человек, которых обмундируйте

²⁵ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 78 с об.

²⁶ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 85.

²⁷ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 86.

и вооружите при полках. Телеграфируйте, сколько еще пополнения требуется выслать Вам в Карс. 7 октября 1920 года. Полковник Векилов».²⁸

Выполняя обещание, полковник Векилов в тот же день телеграфировал заведующему передвижением войск, полковнику Бебутову (копии — воинскому начальнику и Даниэл-беку): «Командующий войсками приказал прибывающих сегодня из Караклиса (населенный пункт в Карсской области, северо-восточнее Сарыкамыша, не путать с городом Караклисом на севере Армении, ныне Ванадзором. — Ю.П.) 400 мобилизованных отправить тем же составом, без задержки, в Карс, в распоряжение генерала Пирумова. Об исполнении прошу донести Командующему войсками».²⁹ Но, похоже, перестраховались и направили больше, чем нужно, потому что Силиков сообщил Командарму: «Образуется некоторый избыток призванных по мобилизации. Прошу указаний, направить ли его в Эривань».³⁰

Тон документов и их содержание не оставляют сомнений, что армянское военное командование, вынашивая план контрнаступления, старалось не упустить из поля зрения ничего мало-мальски важного. Даниэл-бек то и дело получал телеграммы — либо от генерала Силикова, либо от полковника Векилова. 7 октября в 21 час — от Силикова: «Карс, генерал-лейтенанту Пирумову. Вышлите завтра воздушную разведку в сторону Родионовки и Демур-капы. Прикажите полковнику Семакешеву стать в резерв полковника Корганова». На следующий день — от Векилова: «Карс, генерал-лейтенанту Пирумову. Патроны высланы 7 октября утром на имя Командира Карсской крепостной артиллерии».³¹ В тот же день Векилов послал еще две телеграммы под общим номером: «Прошу срочно установить через Карсскую контору телеграфную связь с Зарушадом»,³² «Оружие и одежду пополнения должны получить в полках. Пополнение уже отправлено вам безоружное и не одетое».³³

Судя по телеграммам, посылаемым из штаба Силикова, с 1 октября 1920 года, то есть со следующего дня после падения Мерденека, обязанности Даниэл-бека шире, чем обязанности только коменданта крепости Карс. Но, видимо, к концу первой недели октября он уже не начальник Александропольской группы войск, каким был последние дни. Решения о его новом назначении я не нашел, но подтверждение своему предположению получил. В телеграмме от 8 октября полковник Векилов называет Даниэл-бека «начальником Карсской группы».³⁴ Не знаю, осталась ли Александропольская группа войск в неизменном виде или подверглась

²⁸ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 94.

²⁹ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 93.

³⁰ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 95.

³¹ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 107.

³² НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 108.

³³ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 112.

³⁴ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 114.

трансформации: вероятно, армянское командование пока рассматривало Александрополь как достаточно удаленный от фронта прочный тыл, и потому распорядилось «...Александропольскую оборону расформировать. Всех людей до 35-летнего возраста и офицеров передать в войсковые части, а остальных возвратит обратно в Александрополь»³⁵, о чем полковник Векилов и уведомил Даниэл-бека телеграммой от 9 октября.

Действительно, Карс был гораздо ближе к линии фронта. Для укрепления его обороны старались использовать даже небольшие резервы из новобранцев. Неслучайно Александропольский Воинский начальник еще за день до отправления полковником Векиловым уведомления Даниэл-беку о расформировании Александропольской обороны получил из штаба командующего Карсского и Александропольского районов (за подписью штаб-офицера для поручений штабс-капитана Агароняна) телеграмму:

«Командующий войсками приказал из прибывающих мобилизованных отправить в Карс для 1-го пехотного полка 400 человек, 4-го пехотного полка — 400 человек, 5-го пехотного полка — 500 человек... Сверх сего в каждый из названных полков следует дополнить и отправить по 100 человек, а остальных отправить в Эривань Воинскому начальнику.

8 октября 1920 года. Александрополь. № 120».³⁶

С этими пехотными полками связан один эпизод, который, на мой взгляд, отчасти напоминает направление офицера-вольнодумца Лермонтова на Кавказ в самую гущу боев. Такой «чести» удостоились штабс-капитан Саркисян и поручик Пинаджян, направленные генералом Силиковым соответственно в 1-й и 4-й пехотные полки. Командир каждого из этих полков получил 8 октября секретное распоряжение: «...По приказанию Военного министра предписываю Вам означенного обер-офицера обязательно назначить в роту с таким расчетом, чтобы он все время принимал участие в боях в наиболее опасных местах. По окончании операции донесите об его службе, какую он занимал должность и об его участии в боях».^{37,38}

Конечно, любопытно было бы узнать, как воевали эти офицеры, не знаю, за какие «заслуги» попавшие в поле зрения самого военного министра, но никаких других документов о них я не видел. Тем не менее, считаю этот эпизод интересным штрихом, иллюстрирующим порядки и правила в Армянской армии.

А она по замыслам командования должна была представлять серьезную силу на карсском направлении. Определенно, туда стягивались все людские ресурсы, которые можно было снять с других участков. Кроме того, как уже упоминалось, у генерала Силикова и Даниэл-бека был

³⁵ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 128.

³⁶ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 109.

³⁷ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 111.

³⁸ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 110.

план — маневренная группа. Правда, ее использование они, вероятно, видели несколько по-разному. Как в деталях — трудно сказать. Скорее всего, более темпераментный Даниэл-бек предлагал максимально использовать эту группу, бросая ее попеременно на разные направления центрального участка. На что осторожный Силиков, не отвергая идею целиком, дал ответ в двух телеграммах, посланных в один и тот же день 9 октября 1920 года:

«Принципиально согласен, в крайнем случае, для сохранения занимаемой ныне позиции. Имейте в виду, что, распыляя маневренный резерв, мы теряем возможность широко взять инициативу в свои руки»;³⁹
«Принципиально согласен, но приказываю расходовать этот резерв только в крайнем случае и только для сохранения занимаемой позиции. Ожидаю прибытия еще двух батальонов для перехода в наступление».⁴⁰

К этому дню турки продвинулись немного дальше оговоренной с большевиками линии Сарыкамыш — Шахтахи. Если провести на карте 1917 года эту условную линию, то селение Бегли-Ахмет окажется несколько выше нее, то есть севернее. А если провести условную линию Бегли — Ахмет — Шахтахи, то она пройдет к юго-востоку от Карса, по селению Нахичеван (не путать с Нахичеваном, находящимся в нынешней Нахичеванской Автономной Республике. — *Ю.П.*). Естественно, что в преддверии контрнаступления район этого селения и близлежащих сел, занятый турками, внушал армянскому командованию определенное беспокойство. Очевидно, Даниэл-бек владел информацией об опасном развитии событий в южной полосе Карсской области, но, направляя главные усилия на укрепление позиций в центре Бегли-Ахметского фронта и на Ардаганско-Мерденекском направлении, не имел дополнительных резервов для противодействия противнику в районе Нахичевана. Иллюстрацией возникшего положения служит телеграмма Силикова, направленная Даниэл-беку 9 октября 1920 года:

«Седьмого октября со станции Алагез (железнодорожная станция в Эчмиадзинском уезде, недалеко от границы с Кагызманским округом Карсской области. — *Ю.П.*) доносили, что слышны были орудийные выстрелы со стороны Кагызмана. Из Ваших донесений видно, что на левом фланге со стороны сел. Шабат (приблизительно в 40 километрах строго на юг от Карса. — *Ю.П.*) слышна была ружейная перестрелка. Вчера на станцию Алагез прибежали беженцы из Нахичевани (Силиков использует это название. — *Ю.П.*). Командарм приказал выслать конную разведку в Нахичевань для выяснения обстановки. На ст. Алагез из Эривани высылается полурота».⁴¹

³⁹ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 134.

⁴⁰ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 136.

⁴¹ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 24.

В тот же день в 23 часа Силиков уведомляет Даниэл-бека о принятых дополнительных мерах: «Сообщаю для сведения, что на станцию Ани направлены две роты Александропольского караульного батальона, которые, соединившись с отрядом капитана Джамгарова, должны очистить от противника район Нахичевани, Зырчи (приблизительно в 10 – 15 километрах к юго-западу от Нахичевана. — *Ю.П.*) и Ташняка (приблизительно в 35 – 40 километрах к северу от Нахичевана. — *Ю.П.*). Кроме того, 160 конных Сасунцев (кавалеристы Сасунского полка. — *Ю.П.*) завтра выступят для освобождения указанных селений».⁴²

Подход подкреплений, доставка оружия и снаряжения подняли дух Армянской армии, хотя некоторые симптомы, отмеченные, например, священником Гарегиним Овсепяном, должны были внушить армянскому командованию некоторое беспокойство. Это имя было мне знакомо в связи со ссылкой А.Г. Туршяна в статье «Сардарабадский герой» на воспоминания священника, опубликованные в 1958 году в США под названием «Самый горький день в моей жизни» (газета «Молодая Армения», номера за 11, 14 и 21 марта).

Но оказалось, что издан также и «книжный вариант» воспоминаний Гарегина Овсепяна, и вот во время приезда в Ереван в 2008 году я получил из рук Сони Суреновны Мирзоян ксерокопию той их части, где речь шла конкретно о карсских событиях октября 1920 года.⁴³

Рафаэл Абрамян и Эмануил Долбакян не пожалели времени, чтобы разобраться с текстом. Некоторые места в нем были очень близкими по смыслу с приведенными А.Г. Туршяном в его статье. Новым для меня стало впечатление Гарегина Овсепяна о солдатах, которые через несколько дней должны были по замыслам армянского командования обеспечить успех предстоящего наступления.

Гарегин Овсепян, видимо, решил повторить под Карсом то же, что ему удалось под Сардарапатоном, — вдохновить войска, и хотя, по его словам, не имея при написании воспоминаний под рукой своих записей, все дни и даты он вспомнить не мог, но, тем не менее, пишет, что 10 октября «перед вокзалом были собраны роты со своими офицерами, и когда очередь дошла до благословения мною солдат на лошади с крестом в руках, стали заметны небольшие явления, которые можно было считать зловещими признаками будущих неудач.

Войска выглядели хорошо, были чисто одеты и снабжены оружием, которое, как и одежда, было получено от англичан. Но весьма значительная их часть была совершенно неопытна и состояла из крестьян. Я был свидетелем, как во время моей речи у некоторых солдат падали винтовки из рук — явное свидетельство их неподготовленности. После падения Кар-

⁴² НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 137.

⁴³ *Овсепян Г.* Результат неупования на дух (Падение Карса 30 октября 1920 г. Воспоминания и документы). Ереван, 2002. С. 27 – 49.

са говорили, что многие из этих солдат не имели возможности научиться пользоваться данным оружием и что даже многие офицеры не настолько проникли в секреты вооружения, чтобы еще и обучать владению им солдат. Может, это выглядит преувеличением, но в какой-то степени не противоречит действительности. Конечно, были в ротах и старые солдаты, испытанные в бою, но они очень устали от предыдущих войн и продолжительных армяно-турецких локальных столкновений».⁴⁴

Может быть, отдавая себе отчет в том, что в Армянской армии есть еще определенные недостатки, командование не спешило с наступлением, желая подготовиться к нему как можно более тщательно и пытаться укрепить дисциплину.

Ведь войска Первой Республики частично состояли из полупартизанских групп, которые, невзирая на частое проявление подлинной отваги, «славились» еще и тем, что иногда позволяли себе неблагоприятные действия по отношению как к мусульманскому, так и к христианскому мирному населению. С этим также надо было справиться, и быстрее, чтобы сохранить лояльность жителей.

Гарегин Овсепян был не единственным, кто в первую декаду октября 1920 года, оказавшись в Карсе, отметил случаи насилия и грабежей. Характерен в этой связи телефонный разговор по прямому проводу, состоявшийся 9 октября между приехавшими в Карс министрами С. Врацянном и А. Бабаляном и Военным министром Р. Минасяном, находившимся в Ереване:

«Врацян, Бабалян. Здравствуйте. Вчера с губернатором (С. Коргановым. — Ю.Л.) поехали в Зарушад. По дороге все русские селения встретили нас с хлебом-солью, только в сел. Романовке пожаловались, что солдаты Сумбата производили насилие и изнасиловали одну женщину. ...Какой-то капитан Тараян, приводя в причину восстание, ограбил целый ряд татарских сел, мы распорядились, чтобы вернули обратно награбленное, возвратили население на места и чтобы капитан был послан в Карс для предания суду... Было бы хорошо, чтобы еще раз высшим командованием было решительно приказано дать конец подобным явлениям...»⁴⁵

Различные факты такого рода, видимо, быстро дошли до высшего командования, и оно не замедлило отреагировать в полном соответствии с предложением С. Врацяна и А. Бабаляна. В тот же день 9 октября полковник Векилов послал сразу две телеграммы: «Родионовка, вслед полковнику Корганову, копия: генералу Пирумову. Из Зарушада Сепу донес, что местное мусульманское население принимало его радушно, с хлебом-солью, но некоторые жаловались, что люди Вашего отряда занимаются грабежом. Командующий войсками приказал Вам сделать распоря-

⁴⁴ Там же. С. 31.

⁴⁵ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 317.

жение о прекращении грабежей мирного населения и виновных в неисполнении предавать полевому суду. Об исполнении донесите»;⁴⁶ «Карс, генерал-лейтенанту Пирумову; Зарушад, Сепу; Родионовка, полковнику Корганову. Военный министр приказал принять все меры для охранения мирного населения. Наблюдение возлагаю на Вас. Всех виновных в грабежах предавать полевому суду».⁴⁷

Эти документы наглядно свидетельствуют о несправедливости (если не сказать — лживости) утверждений большинства турецко-азербайджанских историков о том, что государственная политика Первой Республики была направлена на тотальное разорение и уничтожение многочисленного мусульманского населения страны. Да, отдельные эксцессы со стороны полупартизанских формирований имели место, но они в приказном порядке пресекались первыми лицами государства, а кадровые армянские части практически не были замечены в преступном поведении по отношению к любым группам населения.

Те же С. Врацян и А. Бабалян отметили, что даже жители села Романовка, где солдаты Сумбата изнасиловали женщину, «регулярной армией очень довольны». А побывав в войсках, министры остались удовлетворены внешним видом, питанием и настроением личного состава. И члены правительства сделали вывод: «...Затяжка операций вводит в нервность население и войска...»⁴⁸

Пока же противники обменивались только мелкими локальными стычками, но с обеих сторон понимали, что долго так продолжаться не может, особенно на центральном участке, около Бегли-Ахмета. Будущее Карса закачалось на весах случайной военной удачи. А этого Даниэл-бек, в силу своего характера, допустить не мог. И потому 11 октября, в качестве начальника Карсской группы, счел необходимым сообщить свое мнение и дать оценку положения, сложившегося к тому времени под Бегли-Ахметом.

Я узнал об этом из телеграммы Силикова, отправленной командарму 12 октября в 7 часов: «Вчера, в 22 часа, генерал Пирумов по прямому проводу доложил, что он только что вернулся с фронта, где имел совещание с генералом Осепянцем по вопросу положения Бегли-Ахметского фронта. Оба генерала пришли к заключению, что при создавшейся угрозе левому крылу и недостаточности частного и маневренного резерва в Карсском отряде, генерал Осепянц решил, а генерал Пирумов согласился, сделать перегруппировку частей в центре и на левом участке на новые позиции и отвести оба эти участка на новые позиции, расположенные от каменоломни до горы Аг-баба включительно, имея передовой отряд у Олухлы и наблюдение за флангом на горе Гек-Даг. Благодаря такому сокращению

⁴⁶ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 128.

⁴⁷ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 129.

⁴⁸ НАА. Ф. 200, оп. 2, д. 486, л. 317.

фронта у них появился резерв до пяти батальонов. Не желая вносить ночью путаницы отменой этого распоряжения, я вынужден был принять этот доклад, однако предупредил обоих генералов, что **вся ответственность за прочное удержание указанных позиций до прибытия моего резерва мною возлагается на них** (выделено мною. — Ю.П.). Лично полагал, о чем и сообщил генералу Пирумову, что можно было по всему фронту, не ожидая прихода моего резерва». ⁴⁹

Трудно сказать, инфинитив какого глагола был пропущен в последнем предложении этой телеграммы. Слова «распределить» и «наступать» как-то не вписываются. Силиков ведь, скрепя сердце, «принципиально согласился» на «распыление маневренного резерва», оставаясь при мнении, что в этом случае можно потерять возможность взять инициативу в свои руки. Но, судя по всему, 9 октября, когда он посылал по этому поводу две телеграммы Даниэл-беку, речь шла не обо всем фронте. Остается вариант со словом «наступать». Ясно, что высвобожденные пять батальонов оченьгодились бы при таком развитии событий, хотя риск ослабить позиции на важнейшем центральном участке был огромным. И все же Даниэл-бек решился на перегруппировку, понимая, что, как со старшего по должности, основной спрос за неудачу будет не с генерала Осеянца, а с него. Надо было успеть подготовиться к возможной атаке турок против правого фланга, а затем перейти в наступление на всех участках.

Не знаю, учел ли генерал Силиков мнение Даниэл-бека о положении Бегли-Ахметского фронта и знал ли о согласованном решении двух генералов об изменениях в центре и на левом участке, когда 11 октября «...отдал боевой приказ войскам произвести 13 октября усиленную разведку на фронте Карсской группы и маневренного резерва с **задачей — с рассветом 14 октября перейти в решительное наступление по всему фронту** (выделено мною. — Ю.П.), с обходом противника у горы Сулу-даш-кая, с целью разбить его и отбросить к югу» ⁵⁰, о чем и сообщил в оперативной сводке, отправленной командующему армией в 9 часов 13 октября.

В той же сводке Силиков доложил Назарбекову, что «...сегодня, с раннего утра, завязались бои на правом фланге Карсской группы и с противником, перешедшем в частичное наступление со стороны высот западнее селения Боз-гуш и со стороны горы Сулу-даш-кая. Меры по ликвидации этого наступления приняты решительные». ⁵¹

Пока все шло по намеченному плану. Ведь так и предполагало армянское командование — допустить «частичную» турецкую атаку против своего правого фланга, удерживая по возможности центр, готовя и осуществляя контратаку своим левым флангом, после чего ответным ударом армян должно было стать «решительное наступление по всему фронту».

⁴⁹ НАА. Ф. 200, оп. 2, д. 442, ч. 2, л. 486.

⁵⁰ НАА. Ф. 280, оп. 2, д. 35, л. 34.

⁵¹ Там же.

Веря в успех запланированного на следующий день ответственного мероприятия и, по всей видимости, желая лично убедиться, что для его осуществления все готово, Даниэл-бек начал объезжать новые позиции в центре и на левом фланге. И как раз в тот час, когда Силиков отправлял оперативную сводку командующему армией, с Даниэл-беком приключилось несчастье. Видно, сработало поверье о числе 13...

Как это произошло, известно из телеграммы, отправленной Силиковым командующему армией уже в 15 часов того же злосчастливого дня 13 октября. В этой телеграмме говорилось о боях на правом фланге, о некоторых других событиях и «на закуску» — о случае с Даниэл-беком: «Оперативная сводка Штаба Комвойсками Карсского и Александропольского районов. 13 часов 13 октября. Карсский отряд: в ночь на 13 октября турки прорвали фронт правого боевого участка и заняли гору Карахач, высланные из резерва два батальона первого полка под командой командира батальона, капитана Агаяна бросились в атаку на турецкие части, которые, не выдержав стремительного и неожиданного натиска, в панике отступили. На плечах турок заняли гору Карахач и восстановили совершенно положение. В отражении турок отличился капитан Агаян, проявивший инициативу атаки. Тяжело ранен капитан Кананов. Гора Святого Ильи занята нами. В наступлении участвовало три батальона турок с двумя орудиями и эскадром Сувари. Сегодня наш аэроплан сбросил бомбы в селение Долбанд, где замечалось большое скопление подвод и до 300 человек. Маневренный резерв сегодня в 8 часов выступил из Самовата (искажено). В Мерденекском отряде спокойно. Из Зарушадского и Нахичеванского отрядов сведений не поступало. По только что полученным сведениям, Кагызманские курды напали на селение Хаджи-Халил, бой продолжается, на помощь населению из Агбабы выслана одна рота. **Сегодня в 9 часов автомобиль генерал-лейтенанта Пирумова столкнулся с грузовиком, вследствие чего генерал Пирумов получил перелом кости на левой ноге выше ступни** (выделено мною. — Ю.П.)».⁵²

И хотя в тот же день, 13 октября, положение на правом армянском фланге было выправлено, а в центре и на левом фланге никаких активных действий со стороны турок не велось, и запланированному на 14 октября наступлению вроде бы ничто не мешало, и оно состоялось-таки, но... «не имело успеха».⁵³

На мой взгляд, это не совсем точное выражение, ведь в той же энциклопедии «Армянский вопрос», но строкой выше, сказано, что после падения Сарыкамыша и Мерденека «наступление турок было приостановлено и вплоть до 28 октября бои велись примерно на этой же линии».⁵⁴ Мне кажется, здесь логичнее было бы говорить не об отсутствии успеха

⁵² НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 337 с об.

⁵³ Энциклопедия «Армянский вопрос». Указ. изд. С. 319.

⁵⁴ Там же.

у армян, а о неполном достижении поставленных ими целей. Да, турок не удалось оттеснить от занимаемых позиций, но ведь их все же лишили возможности активно наступать на Карсском направлении в течение последующих дней. Конечно, события 14 октября удручающе подействовали на многих армянских солдат. Усилились и без того не сведенные окончательно к нулю тенденции к самовольному оставлению позиций и возвращению домой.

Я далек от мысли объяснить скромный результат этой операции только лишь несчастным случаем, произошедшим с Даниэл-беком, но мог ли он, испытывая сильную боль от перелома, ограниченный в передвижениях, полноценно руководить боевыми действиями частей Карсской группы?! Ни на позициях появиться, ни личный пример подать, ни за собой повести... Объективности ради добавлю, что на какое-то кардинальное изменение ситуации рассчитывать все равно было крайне затруднительно, слишком уж неравны были силы противоборствующих сторон, слишком тяжелым было экономическое положение страны и слишком невыгодной геополитическая ситуация. Армения оказалась брошенной своими союзниками, только Англия, как можно было увидеть, еще старалась «подбросить» какие-то крохи, но этого было явно недостаточно.

Еще 28 сентября 1920 года, когда даже не были взяты ни Сарыкамыш, ни Мерденек, правительство Первой Республики обратилось к Англии и Франции с просьбой о помощи. Но державы-победительницы не отреагировали на это обращение. Тогда 8 октября правительство Армении, уже потеряв значительную часть территории Карсской области, обратилось ко всему цивилизованному человечеству с призывом «не оставлять армянский народ в этот роковой момент в одиночестве».⁵⁵ Но и на этот раз ни одна страна не откликнулась. На Советскую Россию, убаюканную устным соглашением с турками о том, что они останутся на линии Сарыкамыш — Шахтахи, надежды тоже не было никакой. Она только-только (12 октября) заключила унижительное для нее перемирие с Польшей, испытыв горечь поражения после, казалось бы, многообещающего начала. И ей еще предстояло бороться с Врангелем в Крыму.

Где находился лишившийся подвижности Даниэл-бек в первые дни после 14 октября, когда активные действия на армяно-турецком фронте прекратились с обеих сторон, мне узнать не удалось. Учитывая временное затишье на фронте и ограниченные возможности генерала как руководителя, его могли отправить в тыловой Карс — выздоравливать. Никаких ведь особо значимых событий не наблюдалось вплоть до 28 октября, когда в Ереван для окончательного мирного разрешения территориальных споров между Арменией и Азербайджаном прибыл уполномоченный правительства РСФСР Б. Легран. Он и трое уполномоченных

⁵⁵ Там же.

правительства Республики Армения — Л. Шант, А. Тертерян и Л. Зарафян — подписали протокол заключительного заседания обеих мирных делегаций. По двум первым пунктам первой части этого протокола Зангезурский и Нахичеванский уезды оставались за Республикой Армения, а Карабах, за исключением «угла, образуемого восточной границей Новобаязетского уезда и частью восточной границы Шарур-Даралагезского уезда и северной границы Зангезурского уезда — по условной линии от горы Гикалдаг и горы Чичакли, отторгался от нее».⁵⁶

Горькая «карабахская пилюля» была подслащена третьим пунктом, по которому «РСФСР, во внимание к бедственному положению трудового народа Армении, дает безвозвратную ссуду в размере двух с половиной миллионов рублей золотом».⁵⁷

Достаточно сравнить размеры помощи Кемалю и Армении, чтобы понять, на чьей стороне были симпатии советского руководства, несмотря на дружественные заверения, которые прозвучали во второй части протокола. И если пункты первой части никак не касались армяно-турецких отношений, то вторая часть протокола кемалистам явно не понравилась, потому что в ней было сказано: «Республика Армения, исходя из намерений дружественного разрешения спорных территориальных вопросов в областях Турецкой Армении с правительством Великого Национального Собрания Турции, готова принять дружеское содействие правительства РСФСР в разрешении этих вопросов после того, как:

Правительство Великого Национального Собрания Турции ответит свои войска на бывшую русско-турецкую границу 1914 г.

Правительство Великого Национального Собрания откажется от Брест-Литовского договора и Батумской конвенции.

Правительство Великого Национального Собрания признает безоговорочно независимость Республики Армения в границах, определенных мирным договором РСФСР с Республикой Армения».⁵⁸

Отход турецких войск к границам 1914 года перечеркивал все их завоевания. Полагаю, что подписание такого протокола, в перспективе не сулившего кемалистам ничего хорошего, и подтолкнуло их к новым боевым действиям: надо было обрушить на посредника уже свершившийся факт разгрома Армянской армии. И «дезертирство из рядов Армянской армии», которое «приняло широкие размеры»⁵⁹ после 14 октября, кемалистам было только на руку. Солдаты устали воевать, они были измучены, угнетены. Многих томила неизвестность, они ничего не знали о судьбе своих близких. Перелом в войне никак не наступал, а тут еще большевики со своей назойливой пропагандой сбивали их с толку.

⁵⁶ Там же. С. 597.

⁵⁷ Там же. С. 598.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Энциклопедия «Армянский вопрос». Указ. изд. С. 319.

В общем, 28 октября, когда турки пошли в наступление, состояние духа армянских частей на Бегли-Ахметском фронте было не лучшим. А напор врага оказался таким сильным, что уже на следующий день турецкие войска очутились на подступах к Карсу.

Агитация большевиков сделала свое дело. В телеграмме, которую миссия РСФСР в Грузии отправила Г.В. Чичерину в Москву, говорится: «Армянские солдаты, большинство — сочувствующие Советской власти, сдавались поэтому кемалистам. Несмотря на свою сравнительную многочисленность, хорошее английское вооружение, армянская армия оказала очень слабое сопротивление. Были случаи отказа сражаться целых полков в районе Карса...»⁶⁰ На мой взгляд, численность и оснащение армии Первой Республики были несколько преувеличены, но вот силу сопротивления Армянской армии под Карсом советские представители в Грузии, похоже, оценили верно.

Немудрено, что 30 октября, и думаю, неожиданно даже для самих турок, Карс был ими захвачен практически без боя, а офицеры штаба Карсской группы войск и Даниэл-бек — начальник этой группы — попали в плен. Падение города было настолько молниеносным и неожиданным, что в Ереване заподозрили измену командного состава и чуть ли не добровольную сдачу в плен, хотя в телефонограмме о пленении нескольких руководителей высокого ранга говорится как о заурядном случае, как бы между прочим, в последнюю очередь: «Совершенно секретно. В собственные руки. Разговор по прямому проводу 31/—1920 г. в 9 часов 35 минут генерала Силикова — Александрополь и полковника Приотманова — Эривань.

Генерал Силиков и генерал Ахвердов: «В дополнение известных уже Вам сведений сообщаю: части Карсского отряда начали отходить в район Одинцово, а именно 4-й, 1-й и 7-й полки и артиллерия, за исключением взвода 2-й легкой батареи, оставшейся в Карсе. 4-й полк идет в порядке, а 1-й расстроен сильно. Артиллерия также в порядке. Идут также в беспорядке части Александропольского и Карсского караульных батальонов. Отряд Сепу двигается через Романов на Кизил-Чохчах. Сведений о состоянии его отряда не имеется, но полагаю, что должен быть в порядке, так как в боях не участвовал.

В Карсе, по сведениям генерала Осемянца и полковника Мириманова (командира 4-го полка. — Ю.П.), остался 5-й полк и части Карсского караульного батальона, крепостная артиллерия, по их же сведениям, ушла в беспорядке, конечно, и личный состав. 2-й полк полковника Гасанпашяна выдвинут на высоты Караялы (5950) и Башкадыкляра, передовой его отряд, в составе двух рот, двинулся на рассвете для занятия горы Кабах-Тапа, но она оказалась занятой турками, вероятно, неболь-

⁶⁰ Цит. по статье Саркисяна Е. С. 76.

шими частями. Роты 2-го полка залегли на скате, и мое личное мнение такое: что в ближайшие два дня оказать активную помощь Карсу невозможно, вследствие утомления и расстройств некоторых, отошедших от Карса частей, а после будет бесполезно, и турки усилятся, притянув все свои войска.

Поэтому задачей наших войск считаю оборону Александрополя по линии высот Караял — Башкадыкляр, выделив теперь же некоторые части для занятия М. Караклиса — Орта — Килиса в резерв. Доложите Командарму и скажите ему мое мнение.

Продовольственный вопрос в Александрополе принимает очень серьезный характер, ибо приходится кормить здешними средствами до 10.000 человек Карсского отряда. Передайте Главинту (главному интенданту. — Ю.П.), какие меры может он принять, а с нашей стороны придется уменьшить хлебный паек, как это ныне нежелательно».

Полковник Притоманов: «Теперь мне все ясно, будем поступать согласно этих соображений».

Генерал Силиков: «Относительно сдачи Карса и слухов об измене — злостная клевета, и я здесь не слышал об этом. По словам губернатора Корганова, генерал Пирумов как Начальник группы войск предполагал 29 октября перенести свой полевой (штаб. — Ю.П.) в Мацру (приблизительно в 40 км к северо-востоку от Карса. — Ю.П.), но этому воспротивился министр Бабалян, и генерал Пирумов отменил свое решение, оставшись как комендант крепости (выделено мною. — Ю.П.).

Когда турки уже вошли в город, заняв южные и Фадеева форты, генерал Пирумов и Штаб... решили уехать верхом, но, очевидно, это им не удалось, и они были взяты в плен (выделено мною. — Ю.П.). Я от Корганова об измене не слышал, да и здесь много прибывших из Карса, которые могут подтвердить нелепость этих слухов...»⁶¹

Этот записанный разговор с грифами «Спешно. Секретно» был представлен Назарбековым министру-председателю и 2 ноября 1920 года зарегистрирован под № 02002 временно исполняющим должность начальника штаба Генерального штаба полковником Притомановым.

Неизвестно, что чувствовали командующий армией и председатель правительства, получив ошеломляющее известие. Возникло ли у них ощущение катастрофы, после которой всякое дальнейшее продолжение войны могло показаться бессмысленным?

Не знаю, но в моих глазах отдаленного потомка захват турками Карса 30 октября 1920 года выглядит безусловной катастрофой, потому что важнейший в стратегическом отношении город пал, как говорится, без единого выстрела, не сыграв предназначенной ему роли неприступной крепости. А еще падение Карса явилось и личной трагедией Даниэл-бека.

⁶¹ НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 391.

Туркам достался весьма солидный трофей из высокопоставленных армянских офицеров, плененных в тот трагический день. Их имена еще недавно были олицетворением всего лучшего, что было в Армянской армии, и вот они звучат в телеграмме, почти напоминающей похоронное извещение: «Вне очереди. Шифрованная. 31/Х — 23 часа 00 минут из Штаба Комвойсками. 31/Х — 23 часа 30 минут (из Александрополя). Эривань. Министру-Председателю, копия — Командарму. По докладу генерала Силикова, в Карсе остались в руках противника большая часть 5-го полка с Комполка и офицерами, генералы — Пирумов, Араратов, Казаров, полковники — Векилов, Бабаджанов и другие (выделено мною. — Ю.П.). Спасена вся полевая артиллерия за исключением взвода второй батареи. Первый полк сильно расстроен. Из докладов выясняется, что настроение войск сильно упало. Для восстановления боеспособности армии необходимо время, между тем противник проявляет активность, сегодня сбил наши части с горы Кабах-Тапа, где, тем не менее, две роты второго полка, защищавшие ее, оказали упорное сопротивление. Многие полагают желательным дипломатическое выступление (подчеркнуто в документе. — Ю.П.). Завтра предполагаю лично объехать войска. 31 октября. № 1. Рубен (Тер-Минасян. — Ю.П.)».⁶²

Я уже писал, что впервые о некоторых подробностях того дня — 30 октября 1920 года — я узнал, прочитав перевод статьи А.Г. Туршяна «Сардарабадский герой». Туршян, рассказывая об этом событии, использовал воспоминания архиепископа Гарегина Овсепяна на армянском языке, опубликованные в 1958 году в США в газете «Молодая Армения» (номера за 11, 14 и 21 марта) под названием «Самый горький день в моей жизни». В них Овсепян предстает как непосредственный очевидец поведения Даниэл-бека. Он утверждает, что мой дед, несмотря на свое болезненное состояние, прыгая на одной ноге, пытался выяснить ситуацию по телефону, «но не получал ответа, все оставили позиции, пушки и убежали...» Была там и фраза о пленении Даниэл-бека вместе с начальником его штаба — Ваганом Тер-Аракеляном. Но о том, что в плен взяли других генералов, не было сказано ничего.

Тогда мне не очень верилось, что события происходили именно так. Дед представлялся мне человеком, неспособным сдаться в плен. И, по моему мнению, даже сломанная нога не могла служить серьезным препятствием, чтобы избежать печальной участи. Но не мог же архиепископ выдумать все это?!

Правда, мама мне много раз рассказывала, что мой папа, когда служил артиллеристом в Армянской армии, попал к туркам в плен незадолго до падения, как тогда говорили, «буржуазной Армении», и что он, якобы, был там вместе с дедушкой. И даже показывала мне нечеткую копию

⁶² НАА. Ф. 200, оп. 1, д. 486, л. 378.

фотографии, на которой с трудом можно было разглядеть двух мужчин в форме, сидящих на бревнах на фоне непонятного пейзажа. Их лица похожи на отцовское и дедовское, но именно похожи. Сказать что-то более определенное невозможно. Оригинал затерялся где-то в недрах семейного архива моей двоюродной сестры Люсик, и долгие годы наши с ней обоюдные попытки отыскать эту фотографию оказывались тщетными.

Мама моя еще была жива, когда я, познакомившись с отставным генералом Амаяком Николаевичем Ахназаровым, летом 1986 года принес домой листок, на который записал все, что Ахназаров рассказал мне при встрече, потом я напечатал эти слова, и автор воспоминаний, внимательно перечитав текст, подписал его. Мама очень удивилась, прочитав рассказ Ахназарова:

«В апреле 1918 г. я, Ахназаров Амаяк Николаевич, служил рядовым солдатом во 2-й горной батарее Сурмалинского отряда и тогда же впервые увидел Пирумяна (Пирумова) Даниэл-бека, командовавшего этим отрядом в чине полковника.

Очевидно, летом 1918 года он получил следующий чин, так как я несколько раз видел его в это время в г. Ереване в форме генерал-майора.

Последний раз я видел Пирумяна Даниэл-бека в конце декабря 1920-го или в начале января 1921 года в колонне арестованных офицеров прежнего режима, которые шли под конвоем красноармейцев по улице Абовяна. Слышал, что многие из арестованных были высланы из Армении на Северный Кавказ, а через год или полтора были амнистированы. Некоторые из этих людей получили должности в Армянской Красной армии, но был ли среди последних Пирумян Даниэл-бек, мне неизвестно».

Нет, ни я, ни мама, мы просто не могли согласиться с тем, в чем нас уверял Ахназаров. Мы по-прежнему считали, что с Даниэл-беком случилась другая беда. Чтобы отделить зерна от плевел, мне пришлось перелопатить много самой разнообразной литературы и документов. И поскольку в публикациях различных авторов до сих пор встречаются похожие версии, я перечислю основные события, происшедшие тогда в Армении и ставшие потом основанием для таких утверждений.

Хотя последнее правительство независимой Армении 2 декабря 1920 года и передало власть большевикам добровольно, тем не менее ни руководство Красной армии (ее части вступили в Ереван 4 декабря 1920 года), ни Ревком во главе с большевиком Саркисом Касьяном не доверяли армянскому офицерству (в состав Ревкома по соглашению между представителями Советской России и Республики Армения должны были войти пять большевиков и два левых дашнака, но левых дашнаков до власти так и не допустили, и в результате в составе Ревкома оказалось шесть большевиков). Уже в первые недели советизации Армении против офицеров начались репрессии, несмотря на то что в четвертом пун-

кте договора было даже зафиксировано, что **«командный состав армянской армии не привлекается к ответственности за те действия, которые исполнял до объявления Советской власти в Армении».**

17 декабря 1920 года комиссар 11-й Красной армии, еще находясь в Баку, распорядился перевести туда 300 армянских военнослужащих, а 10 января 1921 года для осуществления этого мероприятия от начальника военного штаба последовал приказ всем бывшим офицерам явиться к районному начальнику Еревана. И требование комиссара было даже перевыполнено. По данным В. Казахецяна, приведенным в статье «Ссылка армянских офицеров (первый акт массовых репрессий)»,⁶³ в распоряжение штаба 11-й Красной армии в Баку передали почти 400 офицеров, в том числе около 200 человек, служивших ранее в Белой армии. А в Ереване в это время началась регистрация офицеров, явившихся к районному начальнику.

Сначала у большевиков было вполне понятное, прагматичное намерение — влить армянское офицерство в армию Советской Армении, но постепенно в Ревкоме возобладали голоса тех, кто желал смотреть на Армению как на завоеванную территорию.

И вместо агитации офицеров в пользу добровольного продолжения службы во вновь создаваемых военных структурах начались их неоправданные задержания, иногда до нескольких суток, и насильственная отправка в части. В случае неповиновения офицерам угрожали долговременным арестом и ссылкой. А когда в середине января 1921 года в Армению во главе с Г. Атарбековым прибыли представители ВЧК, то угрозы эти стали претворяться в жизнь. Массе офицеров предстояло отправиться в изгнание под конвоем и, быть может, стать жертвами расстрелов по дороге.

26 марта 1921 года правоверный коммунист, нарком иностранных дел ССР Армения Александр Бекзаян написал письмо Ленину, Троцкому и Сталину (Б.А. Улубабян использовал его в своей статье «Февральский мятеж или народное восстание?»), в котором, в частности, говорилось:

«...Эта работа планомерной реорганизации армии была в корне нарушена приездом (14 января) Атарбекова, назвавшегося представителем ВЧК и Особого Отдела XI армии (Красной. — Ю.Л.). На заседании Ревкома и ЦК Армянской компартии Атарбеков, ссылаясь на инструкции ВЧК, потребовал спешной и безусловной высылки из пределов Армении всех бывших офицеров (как состоящих, так и не состоящих на службе в Красной армии).

Несмотря на предостережение Ревкома, считавшего это решение политически неблагоприятным и не вызванным необходимостью, могущим

⁶³ Республика Армения. 1991. 30 апр. (на арм. яз.).

привести к нежелательным последствиям, Атарбеков проводит в жизнь «инструкцию» ВЧК.

В 20-х числа января им отдано распоряжение о новой регистрации всех бывших офицеров (как состоящих, так и не состоящих на службе в Красной армии). На территории Армении назначаются соответствующие сборные пункты. У нас имеются сведения о том, как производилась регистрация в Эривани. Надо заметить, что на регистрацию явились все. Здание, куда явились подлежащие регистрации (бывшее здание Парламента в центре города), было оцеплено конными и пулеметными командами. Продержав (подлежащих регистрации. — Ю.П.) до вечера, их под конвоем отправляют в местечко Канакер (7 верст от Эривани). На следующий день, утром, под конвоем их отправляют через Семеновский перевал пешком в Акстафу, а оттуда по железной дороге — в Баку, в распоряжение Особого Отдела XI армии.

Никому не была дана возможность повидать своих родных, взять с собой что-либо на дорогу, в особенности теплую одежду и белье. Ввиду того, что никто не ожидал высылки, все явились в обычном городском одеянии, не приспособленном для похода в зимнюю стужу через снежный Семеновский перевал.⁶⁴

И случилось это уже после того, как зарегистрировали и отправили в Баку около 400 офицеров. В своей статье В. Казахецян дает количественную оценку информации А. Бекзадяна: «общее число зарегистрированных офицеров по всей Армении — 986 человек, из них только в одном Ереване — 647», «в одном из списков зарегистрировано 209 фамилий, в том числе и генералы Ф.И. Назарбеков, П.К. Пирумов, М.П. Силиков, А.Г. Овсепян и другие».⁶⁵ Но Даниэл-бека в этом списке не было, иначе Казахецян упомянул бы и его имя наряду с сослуживцами — двумя начальниками, одним подчиненным и троюродным братом.

Сслано офицеров было куда больше, чем зарегистрировано. И гнали их всех через советизированный Азербайджан. Через Грузию пути тогда еще не было, она сохраняла независимость. По Казахецяну, «общее число ссыльных доходило примерно до 1400 человек». Часть ссыльных офицеров была оставлена в Баку, остальные двинулись дальше — в Россию, где и были заключены, в основном, в рязанских концлагерях. Сохранился документ, выданный Всероссийской Чрезвычайной комиссией 29 марта 1921 года представителю Советской Армении в России, члену ЦК Компартии Армении Сааку Тер-Григоряну, по которому ему разрешалось вместе с рязанским областным представителем Чрезвычайной комиссии «ознакомиться с положением бывших офицеров Армении в концлагерях Рязани и с личным составом».⁶⁶

⁶⁴ Возрожденная Армения. 1990. № 1 (на арм. яз.).

⁶⁵ Республика Армения. Указ. изд.

⁶⁶ Там же.

Возвращаясь к свидетельству генерала А.Н. Ахназарова, могу предположить, что при таком количестве конвоируемых, да в нервной обстановке тех дней бывший рядовой мог запросто ошибиться и «увидеть» Даниэл-бека в толпе угрюмых, одинаково одетых людей. И кто мог поручиться, что кого-то из них не расстреляли?! Ведь только в ночь с 17 на 18 февраля в Ереванской тюрьме чекисты казнили почти 50 военнослужащих. Был среди них и армянский национальный герой — полковник Амазасп, чекисты зарубили его топором. Миф об аресте и расстреле Даниэл-бека при таком раскладе как-то сам собой превращался в реальность. А если учесть, что авторы, считавшие, будто Даниэл-бек в ту страшную годину был непременно расстрелян, публиковали свои статьи в очень популярных в Армении газетах, то и гадать не нужно, откуда такая информация разлетелась по всей стране. Тот же Б.А. Улубабян в статье «Карабах и карабахцы» заявил: «В первые же дни Советской власти председатель ЧК Армении Г. Атарбеков арестовал Д. Пирумяна, сотни героев сражений при Сардарапате и Баш-Апаране. Все они были расстреляны. Узнав об этом, застрелился П. Пирумян».⁶⁷

А потом в другой статье — «Февральский мятеж или народное восстание?» — Б.А. Улубабян даже обозначил место расстрела Даниэл-бека, написав, что «отважный командир 5-го полка Погос-бек Пирумян, узнав, что в Рязани расстрелян его родственник, известный военачальник, организатор Сардарапатского фронта Даниэл-бек Пирумян, так выразил свой протест...»⁶⁸

Не избежал ошибки в этом вопросе и Константин Захарян. В очень большой и интересной статье «Раздел Армении, большевизация и красный террор», он перенес место расстрела моего деда, написав, что «в феврале, в районе Дилижана, была расстреляна большая группа героев Сардарапатской битвы. В числе расстрелянных значится и полковник Даниэл-бек Пирумян, героически дравшийся против турок весной 1918 г. Его брат, тоже герой Сардарапата, полковник Погос-бек Пирумян, узнав о случившемся, покончил жизнь самоубийством».⁶⁹

Связь между этими двумя статьями несомненна, но вот кто был первоисточником такой информации? Улубабяна уже не спросишь, а Захарян, наверное, давно не помнит. Солидным газетам верили. Я и сам до начала 90-х годов лишь слегка колебался, и то скорее потому, что уже знал: Туршян иногда кое в чем ошибается. А что если он и слова Гарегина Овсепяна процитировал неточно? Но добратсья до подлинных воспоминаний архиепископа я тогда не смог: изданы в США, как их искать...

Совсем недавно, в 2005 году вышла книга современного писателя С. Саркисяна, в которой есть краткая биография Даниэл-бека и такие

⁶⁷ Коммунист. 1989. 25 ноября.

⁶⁸ Возрожденная Армения. Указ. изд.

⁶⁹ Республика Армения. 1990. 29 ноября.

вот строки: «...После установления Советской власти в Армении председатель Чрезвычайной комиссии Геворг Атарбеков взял под стражу Пирумяна, других героев Сардарапата и Баш-Апарана и отправил в Россию. 17 февраля 1921 года в Рязанской тюрьме Пирумян был расстрелян».⁷⁰

Два года спустя Саркисян переиздал книгу (биография моего деда в новом издании приведена на 497-й странице) все с теми же серьезнейшими ошибками. Я даже не говорю о расстреле как таковом и о надуманной дате гибели деда. Но место расстрела?! Как-то уж слишком легко, не подумав и не перепроверив, автор взял да и перенес события той трагической ночи — с 17 на 18 февраля 1921 года — из Еревана в Рязань. Ну не было Даниэл-бека в рязанской тюрьме среди арестованных армянских офицеров, и Государственный архив Рязанской области (ГАРО) ни от кого этот факт не скрывает и готов поделиться с каждым, кто догадается хотя бы запрос послать! Самому покопаться в документах тоже не запрещается.

Еще в 90-е годы выходец из карабахского села Чардахлу, профессор Гюлаб Арамович Мартиросян, который живет и работает в Рязани, узнав о моих исследованиях, засел в ГАРО и изучил в одном из фондов архива (Ф. Р–2817) несколько дел (оп. 1, д. 194 – 198), свидетельствующих о пребывании в рязанской тюрьме армянских офицеров, арестованных в 1921 году. Скопировал он и списки всех арестованных офицеров и показал мне. Ответ из архива, когда-то полученный мною, наглядно подтвердился: Даниэл-бека в рязанской тюрьме не было.

Через некоторое время на основе этих материалов Мартиросян написал небольшую журнальную статью «Об одной белой странице черного предательства»⁷¹ и опубликовал ее. В статье, конечно же, фигурируют и эти списки. Их всего пять. И они включены в разные «Дела», которые не следует путать с «делами» архивного фонда Ф. Р–2817. У списочных «дел» совсем другая нумерация.

В деле № 207 особого отдела при Реввоенсовете XI армии, названном «Именной список арестованных Деникинцев», 73 человека, среди них три генерал-майора: Бей-Мамиконян Александр Павлович, Гаджаев Александр Иванович и Андриевский Дмитрий Иванович. Фамилия нашей семьи здесь тоже есть, ее носитель — некий подпоручик Леон Ага-несович Пирумов.⁷² Следующее дело почему-то с тем же самым номером — 207, но с другим названием: «Список бывших офицеров, которые зарегистрировались в здании Вагаршапатского гарнизонного клуба, согласно приказа Предчека Армении за № 3». В этом списке 102 человека. Ни одного генерала.⁷³ Еще одно дело, без номера, но с обязательным названием: «Дело заключенных офицеров Армянской армии». В нем са-

⁷⁰ Саркисян С. Т. Энциклопедия Арцах-Карабаха. Издательский дом «Петрополис», 2005. С. 233.

⁷¹ Карта. 1994. № 4. С. 10 – 19.

⁷² Там же. С. 16.

⁷³ Там же. С. 16, 17.

мый большой список — 212 человек, среди которых четверо в звании генерал-майора: Базаев (правильно «Позоев») Рубен Аветович, Бржинский Юлиан Францевич, Васильев Иван Иванович, Иванов Андрей Афанасьевич.⁷⁴ Два последних списка обошлись без названия со словом «Дело...» Их обозначили простенько. Один назвали «Список бывших офицеров, подлежащих отправке в Россию», в нем 76 человек, нет ни генералов, ни полковников.⁷⁵ А другой — «Список 4-й партии, прибывшей 2-го февраля 1921 г. из Эривани», он самый маленький, всего 22 человека, зато и самый «урожайный»: в нем целых семь генералов. Возглавил список генерал-майор Иванов Андрей Афанасьевич, который уже фигурировал в другом деле — из 212 арестантов. Почему случилась такая неразбериха, непонятно. Только ли досадная опечатка? И как это следовательно не доглядели! И Назарбеков Фома Иванович у них в списке отчего-то просто генерал, хотя остальные шестеро названы точно в соответствии со своими званиями: генерал-лейтенант Гамазов Константин Михайлович и генерал-майоры — Хороманский Василий Михайлович, Павловский Николай Григорьевич, Баграмов Иван Сергеевич, Шелковников Григорий Артемьевич.⁷⁶

Конечно, Даниэл-бека могли расстрелять на любом из этапов ссылки и даже нигде этот факт не отразить. Но тогда почему именно его, а не, например, командовавшего Армянской армией Назарбекова. Но Назарбеков преодолел все этапы тяжелого перехода из Армении в Россию и попал в рязанскую тюрьму вместе с другими офицерами. Известно, что многие из них, в том числе и сам Назарбеков, в 1921 году были освобождены. Тем более удивительным для меня было узнать, что бывший командующий Армянской армией якобы оказался единственным спасшимся из рязанских застенков армянским офицером. Всех же остальных, в том числе и Даниэл-бека, бывшего в этой же тюрьме, расстреляли. Эта версия приведена священником Арсеном Симонянцем. Он же услышал ее из уст самого Назарбекова и опубликовал в бостонском журнале в статье под названием «Хушер» («Воспоминания»).⁷⁷

Как Назарбеков мог утверждать такое?! Ведь невозможно представить, чтобы командующий Армянской армией не знал в лицо всех подчиненных ему генералов и мог принять за Даниэл-бека кого-либо другого. И потом... Неужели Назарбеков забыл события трагического для Армении дня 30 октября 1920 года, когда пал Карс и когда в плен попали видные армянские военачальники во главе с комендантом Карсской крепости? Неужели он мог забыть, как сам же информировал об этом министра-председателя, представив ему текст телефонограммы разгово-

⁷⁴ Там же. С. 17, 18.

⁷⁵ Там же. С. 18, 19.

⁷⁶ Там же. С. 19.

⁷⁷ Айреник. 1922 (на арм. яз.).

ра генерала Силикова и полковника Притоманова 31 октября 1920 года? Нет, такие факты не забываются. Тогда что же? Возможно, это ошибка священника, неправильно понявшего слова Назарбекова. На этом примере можно лишний раз убедиться, как умирают подлинные факты и рождаются легенды.

А как бы мне хотелось, чтобы сдача Карса оказалась легендой, а не подлинным фактом. Но нет. Карс 30 октября 1920 года подвергся атаке, и под турецким натиском подразделения Карсского отряда стали отступать. Три полка и артиллерия, миновав Карс, продолжили пятиться на северо-восток. В самом Карсе защитников осталось немного, по моим подсчетам, не более 3000 бойцов: взвод 2-й легкой батареи, 5-й полк и части Карсского караульного батальона. Личный состав крепостной артиллерии «в беспорядке» покинул город, прихватив орудия.

Думаю, в этой ситуации Даниэл-бек, будучи начальником Карсской группы войск и одновременно — комендантом крепости, оказался перед нелегким выбором: либо поручить командование защитниками Карса кому-то из офицеров, а самому присоединиться к частям, не успевшим отступить далеко от Карса, и, возглавив их, повести в бой, либо лично руководить обороной Карса. Первый вариант, похоже, был предпочтительнее. Даниэл-бек больше привык действовать на открытой местности, основы наступательной стратегии освоил, а оборонительные действия внутри тесных крепостных стен не были его сильной стороной.

В пользу первого варианта было и то, что с защитой стратегической железной дороги на участке Карс — Мацра — Башкадыкляр — Караял — Чахчах — практически до самых границ Карсской области с Александропольским уездом — вполне могли справиться отступившие части 2-го полка Гасанпашяна и отряд Сепу. Не по этой ли причине Даниэл-бек предполагал перенести штаб Карсской группы войск в Мацру, ближайшую к Карсу с северо-востока крупную железнодорожную станцию?

Но переезду почему-то воспротивился министр призрения А. Бабалян — руководитель сугубо гражданского ведомства, ненароком оказавшийся в Карсе. Разве у него были полномочия для возражений военным властям? И какими вескими аргументами он воспользовался: что отъезд коменданта крепости вконец деморализует защитников города или что Даниэл-беку нет достойной замены? Ну почему, почему мой дед не уехал в тот роковой день? Не предпринял каких-нибудь более подходящих моменту действий?

Я годы потратил в поисках ответов на эти вопросы. Но, оказывается, должен был дождаться 2008 года, чтобы познакомиться с воспоминаниями священника Гарегина Овсепяна, ставшего невольным свидетелем падения Карса и поведения Даниэл-бека.

Они были знакомы — не могли не заметить друг друга под Сардарапатом и даже, как утверждает Гарегин Овсепян, состояли в родстве. Правда, мои генеалогические изыскания не дают ответа на вопрос «с какой стороны».

Гарегин Овсепян вспоминает, как в начале октября 1920 года на следующий день после приезда он был приглашен к моему деду на обед, на котором также присутствовали начальник штаба Даниэл-бека Ваган Тер-Аракелян и младший сын хозяина в чине поручика. Младший сын — Левон, мой отец, но ни в одном его документе нет упоминания о том, что он имел хоть какой-то офицерский чин. Напомню, что старшие сыновья Даниэл-бека Иосиф и Микаэл к этому времени соответственно — капитан и штабс-капитан. Конечно, священник не обязан разбираться в чинах, но Гарегин Овсепян давно находился при войсках и значит... Пока сделаю зарубку на память о возможном присутствии в Карсе моего папы.

То ли на правах почетного гостя, то ли на правах родственника, но Гарегин Овсепян, по всей видимости, остановился в служебной квартире Даниэл-бека и, может быть, из-за травмы деда изредка даже ночевал с ним в одной комнате. Во всяком случае, утро 30 октября застало священника в комнате Даниэл-бека. Сам Гарегин Овсепян описывает дальнейшие события этого утра так: «Я медлил, а генерал Пирумян лежал на своей кровати, неспособный двинуться с места. Несколько дней назад с ним случилось большое несчастье. По дороге на фронт, на повороте, столкнулись две автомашины, генерал сломал ногу и был вынужден неподвижно лежать в кровати с загипсованной ногой, приказы отдавал по телефону. Было примерно 10 часов, как генерал вдруг изменился в лице и заволновался. «Что случилось, генерал?» — спросил я. Однако он не ответил. Увидев, что он пытается встать, я поспешил на помощь. С костылями под мышками, прыгая на одной ноге, он с трудом покинул комнату. Одевшись, следом вышел и я. Узнал, что в какой бы форт он ни звонил, никто не отвечал. Все бросили свои позиции, орудия и побежали. Бежали группами и солдаты, и хмбапеты со своими всадниками, и жители города. Отчаявшийся генерал отправился в штаб, где были начальник штаба и несколько офицеров, лишившихся своих солдат. Были там и генералы Араратян и Газарян.

Подъехал Корганов на белой лошади и предложил мне тоже бежать, чтобы спасти свою жизнь. Сказал, что через несколько минут дорога закроется и идти в Александрополь через ущелье за крепостью уже будет невозможно. Но у меня не было лошади, да я и не помышлял о бегстве. Наоборот, я попытался с несколькими офицерами остановить бегущих солдат, чтобы организовать контратаку. Но как только солдаты продвинулись вперед, так сразу в толпе и растворились. Толстой палкой, которая была у меня в руке, я нанес несколько ударов по убегающим солда-

там. В это время подошел офицер-летчик, спустившийся из крепости, и сказал, что турки заняли крепость».⁷⁸

Свидетельство Корганова, каким его воспроизводит Овсепян, не вяжется с версией армянского командования. Я снова перечитал разговор Силикова (или Ахвердова), состоявшийся 31 октября по прямому проводу с полковником Притомановым из штаба командарма: «По словам губернатора Корганова... когда турки уже вошли в город... генерал Пирумов и Штаб решили уехать верхом, но, очевидно, это им не удалось». Почему же Корганов сумел ускакать на белой лошади, а штабу, Даниэл-беку и Гарегину Овсепяну уйти от врага не удалось? Может быть, даже в таких абсолютно провальных обстоятельствах Даниэл-бек и офицеры штаба, как и Гарегин Овсепян, просто и «не помышляли о бегстве», а до последнего старались еще хоть что-то предпринять?!

Овсепян пишет, что штаб находился в ущелье, ниже крепости, и «река Карс, протекая с западной стороны города, закруглялась к ущелью западной стороны крепости, где продолжалась несколько миль и выходила на поле, откуда можно было идти в Александрополь». Турки, захватив крепость, до ущелья, где был штаб, дошли не сразу. Значит, путь для отхода был. Почему Даниэл-бек и штаб им не воспользовались? Да, Даниэл-беку со сломанной ногой было бы тяжело ехать верхом, но в таких обстоятельствах, думаю, он сумел бы собраться и превозмочь боль и неудобства.

Не буду гадать. Не побежал — и все. Не захотел, не смог. И обвинять его и штаб не за что. Могли, говорят, покончить с собой. Некоторые так и сделали. Гарегин Овсепян написал и об этом: «В штабе узнали про самоубийство Мазманяна в тот же вечер» (тот самый полковник, якобы потерявшийся 1 октября и нашедшийся на следующий день, оказался не одинок в этом поступке: еще двое военнослужащих покончили с собой, когда турки вошли в город. — Ю.П.).⁷⁹

Но Даниэл-бек и штабисты не последовали их примеру. Не решились, не посчитали нужным. Были ли в жизни Даниэл-бека более тяжкие минуты? И как это — стоять на самом краю?

«Я подошел к генералу Пирумьяну, — вспоминает Овсепян. — Генерал, есть ли надежда на самооборону?

— Нет, все пропало, — ответил он.

— Тогда почему вы не посылаете людей, чтобы объявить об условиях сдачи и прекращения огня?» И дальше пишет: «Бедный генерал, потеряв голову от отчаяния и болей в ноге, он потерял и способность мыслить».⁸⁰

Однако Даниэл-бек смог взять себя в руки. Он понимал: единственное, что ему оставалось, это признать поражение, достойно повести себя с победителем и позаботиться о своих подчиненных — по возможности

⁷⁸ Овсепян Г. Указ. соч. С. 38 – 40.

⁷⁹ Там же. С. 41.

⁸⁰ Там же. С. 42.

избежать лишних жертв. Даниэл-бек приказал полковнику Тер-Аракеляну с двумя офицерами отправиться к туркам и сообщить им о добровольном прекращении огня. Но те довольно быстро вернулись, шквальный огонь был такой силы, что подойти к вражеским позициям поближе им не удалось.

«Тогда, — утверждает Овсепян, — генерал повернулся ко мне и сказал: «Владыка, вы должны попытаться добраться до вершины крепости и объявить, что мы сдаемся. Это нужно сделать ради спасения людей». Я согласился без колебаний, только попросил, чтобы мне дали одного офицера для сопровождения. Тер-Аракелян сказал, что готов присоединиться ко мне. Я зашел в комнату Даниэл-бека, переоделся, натянул на голову капюшон, повесил епископскую панагию и даже ленту «За храбрость» и решительно вышел. Двуконный экипаж генерала уже стоял у порога. Я сел, рядом примостился Тер-Аракелян. Офицер-летчик, имя которого я, к сожалению, не помню, тоже собрался ехать с нами. Мы привязали к палке какую-то белую простыню, перекрестились и пустились в дорогу».⁸¹

Какое-то уж слишком противоречивое описание событий. Если все бежали и никого из защитников крепости не осталось, то почему продолжалась стрельба? Что, турки вели предупредительный огонь — на всякий случай? И этот огонь преграждал путь к спасению? И если путь к спасению оставался, то на чем можно было вырваться из города? Положим, автомобиль Даниэл-бека, на котором он попал в аварию, либо не подлежал восстановлению вообще, либо требовал ремонта, который не успели произвести ни сразу после безрезультатного наступления, ни позднее. А теперь, оказывается, у коменданта Карсской крепости был еще и двуконный экипаж. Почему же тогда счастливо спасшийся губернатор Корганов рассказал в Александрополе Силикову, что Даниэл-бек и штаб намечали уехать верхом, коль в распоряжении у коменданта крепости был удобный транспорт и значит, Даниэл-бек мог спастись, избежать позорного плена и умчаться подальше от превратностей судьбы, даже с неким подобием комфорта? Почему же он этого не сделал?

У меня только один логичный ответ на все «почему». Не хотел Даниэл-бек спасения только лично для себя, зная, что и штабу, и сотням защитников Карса грозит опасность плена и расстрела. Он знал и понимал все. Только помочь уже не мог ни им, ни себе. И остался... и его поступок остался в истории навсегда.

И действия Гарегина Овсепяна теперь тоже принадлежат истории. Он самоотверженно отправился на голгофу — то есть на гору, где стояла Карсская крепость, полоненная турками. Парламентер запомнил, что «...в тот день шел проливной дождь... не успели мы и половину пути преодолеть, как нас внезапно окружили несколько десятков аскеров во главе с офи-

⁸¹ Там же. С. 42, 43.

цером. Он остановил наш экипаж и потребовал ответить, кто мы такие и куда направляемся. С помощью офицера-летчика, который в совершенстве владел турецким языком, я сообщил о нашей цели. Тогда турецкий офицер встал на подножку экипажа, чтобы нас сопроводить. Я подумал, что это хоть какая-то гарантия и нас теперь не расстреляют. Когда мы оказались на хребте горы, где стояла крепость, то увидели, как турецкие аскеры, окружив группу армянских солдат, снимают с них одежду и обувь, некоторых бьют... А мы прошли мимо, и не было возможности им посочувствовать... Наконец, к нам подъехал важный турок на коне.

Я обратился к нему с небольшой речью: паша, мы были с вами в состоянии войны, кто-то должен был выиграть, кто-то — проиграть, мы проиграли и пришли объявить, что сдаемся. Вот тут ваши окружили наших воинов, убьют, возьмут в плен — дело ваше, но видите, в ущелье полно простых граждан, женщин, безвинных детей. Военные должны быть столь же храбрыми, сколь и великодушными, милосердными. Мы взываем к вашему человеколюбию и просим прекратить огонь.

Полковник немного подумал и сделал знак рукой, стрельба прекратилась. Сердцу стало легче. Мы достигли своей цели. Я попросил турецкого офицера поехать вместе с нами в штаб. Но он сказал: «Напишите записку и через извозчика отправьте вашему генералу, чтобы он сам представился нашему командующему».

Я объяснил: мол, генерал не может двигаться, нога сломана. И даже предложил себя в заложники, но офицер не согласился. Пришлось писать записку и объяснять извозчику подробности, которые нужно передать генералу устно.

Когда извозчик уехал, полковник разрешил нам пешком вернуться в штаб... Со мной остался только Тер-Аракелян... Мы прошли совсем немного, как вдруг Тер-Аракелян повернулся ко мне и сказал: «Српазан, я хочу спуститься с горы прямо здесь, а вы ступайте по дороге. Если собираются убить — убьют, вместе или поодиночке». Я согласился. И Тер-Аракелян исчез, а я остался один. Мокрый капюшон облепил голову, зимнее пальто — длинное и тяжелое — к земле давит, дождь льет. Я был уверен, что это последние минуты моей жизни. Вот-вот пуля курда, рвущегося в рай, свалит духовного лидера гяуров...

И тут вижу — навстречу несется генерал Пирумян в экипаже, ноги у него чем-то обернуты, рядом адъютант.

— Что можете сообщить?

Повторяю то, что уже писал в записке. Бреду дальше. Дохожу до штаба. Там полно народу, генералы Араратян и Газарян тоже там. Я пересказал им все, что знал. И добавил, что встретил Пирумяна, тот поехал к Карабекиру. Не успел я закончить, как со стороны города появились несколько турецких офицеров. Мы приняли их вежливо. Я с двумя генералами

стал беседовать с гостями. У генерала Газаряна была красивая сабля, украшенная драгоценными камнями. Я заметил, что турецкие офицеры положили на нее глаз. И ведь кому-то из них она досталась...

Пока то да се, вернулся генерал Пирумян. Выяснилось, что гражданскому населению велено вернуться по домам. А рядовые вместе со своими офицерами и генералами должны собраться в одном месте и ждать указаний. Только я собрался устроиться вместе с Пирумяном и Тер-Аракеляном в их экипаже, как Тер-Аракелян сказал: «Владыка, зачем вам ехать с нами? Мы — военнопленные, обязаны повиноваться, а вы можете идти в город. Народу, оставшемуся без руководителей, вы будете полезнее». Я сошел с экипажа, едва успев подхватить чемоданчик с облачением для службы, вышел на дорогу и затерялся в толпе».⁸²

Теперь я достаточно подробно узнал, как действовал Даниэл-бек 30 октября 1920 года — в день, трагически отразившийся на его дальнейшей судьбе, о чем он еще не догадывался.

Не мог он догадаться и о том, что уготовила судьба жителям Карса: почти восемь тысяч горожан погибли от рук озверевшей турецкой солдатни.⁸³ Как, как могла произойти такая катастрофа?! «Кто бы мог подумать, что турки с равнины доберутся до вершины гряды за два часа и без боя захватят первоклассную крепость... такое позорное поражение... абсолютное отсутствие сопротивления врагу... лучше бы погибнуть тысячами у стен крепости, защищая родину и честь, чем позорным бегством спасти свою шкуру, — кручинится и Овсепян. — Чем объяснить такой провал, кого винить? Правительство? Безразличие народа? Отсутствие патриотизма? Большевистскую пропаганду? Или недооценку сил противника и невезучесть нашего народа?...»⁸⁴

И действительно, почему офицеры штаба находились в его помещении, вместо того чтобы по примеру Гарегина Овсепяна останавливать трусливо бегущих солдат?! И по какой причине никто из них ранним утром не доложил Даниэл-беку о том, что происходит?! Неужели на все про все ушли считанные минуты и предпринять ничего не успели?

В свидетельствах Овсепяна много неподдельных, искренних чувств, но нет главного — ответов на все эти «почему» и «кто виноват». Поэтому я очень обрадовался, когда мои друзья, Эмануил Долбакян и Арсен Мелик-Шахназаров, передали мне четыре номера журнала «Анив», где частями вышла статья «Второе падение Карса» — сокращенный перевод большой работы историка Геворга Акоповича Язычяна «Истинные причины падения Карса в 1920 году», опубликованной в сборнике «Вопросы стратегии и безопасности» (Центр стратегических исследований «Ара-рат», серия «Pro Armenia», т. 2, Ереван, 2006 г.). Увидев в конце обнаде-

⁸² Там же. С. 43 – 46.

⁸³ Данные по указ. соч. Хомизури Г.П. С. 103.

⁸⁴ Овсепян Г. Указ. соч. С. 46.

живающее обещание — «продолжение следует», тут же обратился в редакцию с просьбой прислать мне последнюю часть. И вскоре, став обладателем всей статьи «Второе падение Карса», принялся внимательно изучать ее. Слишком важным мне представлялось выяснить подоплеку произошедших 30 октября 1920 года в Карсе событий.

По мнению Г. Язычяна, в плен тогда попали «десятки тысяч армянских граждан, тысячи воинов, более чем 120 офицеров, в том числе три генерала (Араратян, Пирумян, Газарян), один министр (Бабалян)...»⁸⁵ О том, что были захвачены три генерала, я знал, но что в тот же капкан попал и министр Бабалян — стало новостью для меня. Выходит, активно возражая против переезда штаба Карсской группы войск из Карса в Мацру, он подписал приговор и себе.

Разобраться же по статье Г. Язычяна, сколько карсских военнопленных было на самом деле, — задача трудновыполнимая. Их количество разнится настолько, что понять, какая из цифр вернее, решимости не хватает. Есть сведения, что в плен попали 2000 армянских воинов и офицеров, из которых спустя восемь месяцев в Армению вернулись только 600. А есть — что в плену оказались 5 – 6 тысяч рядовых бойцов и спаслись из них лишь 464, а из 105 офицеров трое погибли. Как вариант, называются и 3700 человек, и даже 7000, из которых одиннадцать месяцев спустя вернулись всего-то 800 – 900.

Но какими бы ни были реальные цифры потерь, факт остается фактом: именно с карсской катастрофы началось массовое дезертирство, а за ним — падение Александрополя и унижительный Александропольский мир. В итоге — советизация страны со всеми вытекающими последствиями.

Большинство армянских исследователей объясняют карсскую драму в основном внешнеполитическими и дипломатическими факторами. Но Язычян считает, что корни этой беды кроются совсем в других причинах: идеологических, военных, организационных и морально-психологических. И, конечно, эти причины имели место. Но были ли они «истинными», или, если глубже понимать мысль автора, определяющими? Остановлюсь на некоторых утверждениях историка, тем более что Даниэл-беку в них уделено значительное внимание с негативным оттенком.

Вот, например, тезис об «анациональном-антинациональном облике высшего командного состава армии».

«Среди высшего и старшего офицерского состава Первой Республики (генералы, полковники и подполковники) значительный процент составляли офицеры царской армии неармянского происхождения (в большинстве своем русские)...» «Подавляющее большинство высших и старших офицеров армянского происхождения были чужими на своей роди-

⁸⁵ Второе падение Карса // Анив. 2007. № 3. С. 58.

не», — заявил Язычян, ссылаясь на мнения Ваге Арцруни и Арташеса Бабаляна. — Они «не знали не только армянского языка и армянской реальности, но даже армянского войска», не отождествляли себя психологически со своим народом, были оторваны от его культурно-исторического наследия... не могли иметь чувства национального достоинства, осознавать свою ответственность перед народом... В отсутствие глубинной психологической связи с армянской землей они не могли воспринимать ее сохранение или потерю как вопрос личной чести или трагедию...

Генерал Назарбекян знал всего лишь несколько армянских слов на тифлисском диалекте армянского, **а генерал Пирумян — на арцахском диалекте** (выделено мною. — Ю.Л.)... Выученные в русских школах офицеры являлись армянами «...только по имени, большей частью были людьми царского режима, не знакомыми с нашей жизнью, нашим языком. В большинстве своем они были хорошими армянами, но не патриотами...»⁸⁶

Ну как же так?! Не заметить, не понять и не оценить самого главного, что присутствие офицеров неармянского происхождения в Армянской армии — только плюс для нее, а для них самих — подвиг. И что остались они в разоренной нищей стране по зову сердца, рискуя жизнью, и именно их немалый военный опыт был позарез нужен наскоро сколоченной национальной армии.

И версия Язычяна об оторванности от армянского народа армянских же офицеров, прошедших школу русской армии, на мой взгляд, тоже сильно хромает. А с кем, спрашивается, Даниэл-бек побеждал в Сардарапате? Да, он прошел выучку в русской армии, но сражался-то **в мае 1918 года уже не за Россию, а за Армению!** И его солдаты это прекрасно понимали. А Даниэл-бек понимал гражданские чувства своих подопечных и верил в искренность их энтузиазма и патриотизма, опирался на них.

Не был для него непреодолимым и языковой барьер. Даниэл-бек родился и вырос в патриархальной армянской семье, все свое детство и юность провел в Карабахе, пока двадцатилетним не записался на военную службу, и, естественно, говорил на карабахском диалекте армянского языка. Вряд ли в ту пору в глубинке, какими были Карабах и деревня Нахичеваник, в домашней обстановке, а иной у него и не было, кроме разве что церковно-приходской школы, родня и односельчане Даниэл-бека разговаривали между собой по-русски.

Да и фраза С. Афанасяна о том, что Даниэл-бек, говоривший на армянском языке и хорошо знавший своих солдат, был бы лучшим кандидатом на роль командующего Армянской армией, заставила меня усомниться в утверждении Г. Язычяна.

Пришлось выяснить, мог ли Даниэл-бек наладить контакт с солдатами призывов второй половины 1918 года и 1919 — 1920 годов, которые не

⁸⁶ Там же. С. 62.

служили в русских частях и могли не знать русского языка. То есть позволяло ли Даниэл-беку свободное владение карабахским диалектом понимать рядовых бойцов, говоривших на армянском языке? Помог мне уроженец Степанакерта, Альберт Ренаевич Андриян, по специальности учитель географии и истории. С 2005 года он — Постоянный представитель Нагорно-Карабахской Республики в столице России.

Альберт Ренаевич объяснил, что карабахский диалект — всего лишь разновидность армянского языка, без собственной письменности, зато с общими грамматическими правилами, причем подавляющее большинство слов звучат одинаково. Но есть и частенько употребляемые в бытовом разговоре слова, в которых некоторые звуки изменены. Например, слово «видеть» по-армянски будет «теснел», а на карабахском диалекте — «теснал». Слово «пошел» соответственно — «гнац» и «кнац», а слово «открывать» — «бацел» и «пецел». Конечно, слова, совершенно отличающиеся по произношению, тоже есть, но их не так уж много. И, по мнению Альберта Ренаевича, человек, владеющий карабахским диалектом, не может не понимать армянского языка.

Однако трудно предположить, что знание диалекта не помогло Даниэл-беку за два с небольшим года научиться отдавать приказания солдатам и унтер-офицерам новых призывов на их родном языке. А с военнослужащими, сражавшимися еще в русской армии, общение не составляло труда.

Но Язычян, цитируя Бабаляна и губернатора Карсской области (он у него не Корганов, а Корганян), продолжает в том же духе: «Многие из высших командиров «мечтали о вводе русских войск в Армению... называли нашу армию воинской частью русской Добровольческой армии... считали независимую Армению временным явлением...», «с презрением и насмешкой... подшучивали над «армянским суверенитетом»... требования правительства о превращении армии в национальную считали курьезными и бредовыми... при этом все взоры поворачивались на север...»⁸⁷

Скорее уж политическим недомыслием нужно считать категорический отказ правительства Грузии и сдержанную реакцию руководства Армении на обращение Добровольческой армии морально (а лучше войсками) поддержать ее усилия по дебольшевизации России. Даже при создании по модели Деникина «единой и неделимой России», с ее непредсказуемым последующим политическим устройством, то, что в конце концов получилось, оказалось худшим выбором из плохих. И «все взоры поворачивались на север» не только потому, что русская государственность служила неким идеальным образцом для высшего и среднего звена армянского офицерства, но и потому, что пришло осознание опасности большевизации собственной страны.

⁸⁷ Там же. С. 63.

Чем дальше, тем Язычян все круче в своих негативных оценках высших офицеров Армянской армии: «Патриотическую жилку, серьезность, компетентность и воинскую честь в какой-то степени имели только генерал Силикян (хотя и он не знал армянского) и бывший командир первого полка армии Первой Республики полковник Арутюнян...»

Можно ли воспринимать эту сентенцию всерьез?! Не слишком ли огульная оценка остальных? Тем более что встать на защиту своей попорченной чести они уже не могут...

Причисляя к «истинным» причинам падения Карса «военную неподготовленность», Язычян заявил, что руководство республики ошибалось, считая, «что обеспечение армии оружием и боеприпасами, продовольствием и снаряжением, топливом и деньгами достаточно для поддержания ее боеспособности. При этом совершенно не учитывался уровень морально-психологической подготовки, который был довольно низким...»⁸⁸

Сказать, что этот тезис справедлив лишь отчасти, — значит ничего не сказать. Конечно, при таких огромных затратах на армию (около 85% бюджета) можно было бы ожидать и большей отдачи. И даже уровень морально-психологической подготовки держать на должной высоте, как хотелось бы автору. Но и не брать в расчет реалии, в которых командному составу армии лишний раз даже не приходилось уговаривать бойцов быть все время начеку, — тоже ни к чему. Внутренняя война на территории республики, тянувшаяся постоянно и повсеместно, никому не давала забыть, успокоиться, расслабиться. Каждый сам видел и знал не понаслышке: опасность подстерегает ежечасно и грозит непосредственно его дому, его семье.

Другой серьезнейшей причиной карсской катастрофы, по мнению Язычяна, стала запоздалая смена бездарных командиров: «В середине октября, после неудач на правом фланге карсского фронта из-за бездарного командования полковника Николая Корганова, этот офицер был заменен на данном участке Сепухом с частью его бригады, что стало достаточно запоздалой мерой. В течение 15 дней (с 20 сентября до 5 октября) правый фланг фронта вообще не имел командующего. Еще более преступной была запоздалая замена генерала Овсепяна, терпящего постоянные неудачи, генералом Газаряном. Она произошла только 28 октября, когда ситуация вокруг крепости значительно осложнилась...»⁸⁹

Думаю, в такой напряженный момент вряд ли можно было обойтись без каких-либо ошибок и упущений: человеческий фактор срабатывает во все времена. Но заявлять о недееспособности всей армии на основании неудач отдельных военных руководителей — по меньшей мере, неэ-

⁸⁸ Второе падение Карса // Анив. 2007. № 4. С. 62.

⁸⁹ Там же. С. 64.

тично. Достаточно припомнить многочисленные эпизоды европейской военной истории, чтобы признать эту концепцию несостоятельной.

И, конечно же, куда легче попенять за ненаказуемость при нарушении воинского долга, чем кропотливо разбираться, кто был кто? Ну, с чего, спрашивается, Язычян решил, что сбежавший с фронта и никак за это не наказанный полковник Мирзоев — зять Даниэл-бека? Из моего подробного описания состава семьи Даниэл-бека видно: такого зятя у Даниэл-бека не было. Ни дочери его, ни сестры не выходили замуж за человека с фамилией Мирзоев.

Немаловажной причиной неудачи под Карсом Язычян считает и «подчинение множеству вышестоящих командиров и копирование российских шаблонов»: «Как сама диспозиция, так и относительно малые масштабы карсского фронта требовали сосредоточить управление в руках одного командующего — видного, умелого, способного увлечь подчиненных и лично служить для них положительным примером. Однако в данном вопросе были допущены грубые ошибки. Центральное направление фронта подчинялось генералу Артему Овсепяну, чьим вышестоящим командиром являлся начальник гарнизона Карса и фактический командующий фронтом генерал Даниэл-бек Пирумян. Непосредственный начальник последнего и номинальный командующий фронтом генерал Мовсес Силикян находился в 70 км от театра военных действий, в Александрополе. Силикян, в свою очередь, подчинялся главнокомандующему вооруженными силами генералу Товмасу Назарбекяну, находившемуся в Ереване. Таким образом, сложилась четырехступенчатая система командования — одно тело и четыре головы...»⁹⁰

Что есть, то есть. Иерархическая многоступенчатость создавала массу неудобств. Да и копирование структуры русской Кавказской армии накануне Первой мировой, и деление немногочисленной Армянской армии на отряды и группы отнюдь не повысило эффективность управления войсками, наоборот, понизило. Ничего хорошего не было и в том, что многих командиров вынуждали совмещать по несколько должностей. Взять, к примеру, хотя бы связку Даниэл-бек—Силиков. Даниэл-бек одновременно: командир 1-й пехотной бригады, комендант крепости и начальник Александропольской и Карсской группами войск. А Силиков: командующий войсками Карсского и Александропольского районов и одновременно — заместитель командующего армией. Понятно, что так сложились обстоятельства и такая мера была вынужденной, не от хорошей жизни. И действительно, такая организация армии — одна из косвенных причин общего трагического результата. Но именно «одна из» и «косвенных».

⁹⁰ Там же. С. 65.

Армейская верхушка, по мнению Язычяна, допустила еще одну непростительную ошибку: она совершенно напрасно уповала «на неприступность укреплений Карса». Но, по моим сведениям, тот же генерал Назарбеков не разделял столь легкомысленного отношения и считал, что расслабляться негоже и что под турецким натиском еще, быть может, придется оставить город. И хотя Язычян довольно резко и категорично нападает на моего деда, утверждая, что «наплевательское (выделено мною. — Ю.П.) отношение к укреплениям Карса проявлял даже сам комендант крепости Даниэл-бек Пирумян»,⁹¹ я считаю, что Геворг Акопович ошибается, он просто недоучел тот факт, что до сентября 1919 года англичане не давали согласия на масштабное перевооружение Карсской крепости. В нее не только не ввозили военную технику, а наоборот — из нее увозили. «Опасаясь остаться ни с чем», — телеграфировал военному министру Даниэл-бек, обеспокоенный происходящим. Ведь даже то вооружение, что оставалось в крепости, нельзя было использовать по усмотрению комендатуры Карса, о чем Даниэл-бек опять-таки незамедлительно сообщил министру. Правда, с тех дней и до 30 октября 1920 года прошло достаточно времени, чтобы исправить ситуацию. Но Даниэл-беку-воину, похоже, не хватило административных талантов, и он не смог наладить эффективный контроль за работой складов и прочих интендантских служб крепости. Не было у него от рождения такой хозяйственной жилки, он все больше в бой рвался и подавлял мятежи, причем не без успеха.

Самым главным фактором падения Карса, а вслед за ним — и Первой Республики, Язычян называет «психологическую неготовность к войне, пренебрежение турецкой опасностью... как минимум, ее недооценку, а также переоценку собственных возможностей»: «Психологическая неготовность к войне и даже к ее угрозе неизбежно ведет к ослаблению боевого духа... Это психологически объяснимо. Первая республика получила Карсскую область весной 1919 года легко, без больших жертв, с помощью британцев. А то, что достается легко, обычно недооценивается, как недооцениваются значение и опасность потери доставшегося. Преуменьшению турецкой опасности сопутствовала безосновательная переоценка собственных возможностей, «так как мы были победоносными, начиная с первых дней нашей независимости», имели «хорошо вооруженную и экипированную, прославленную в боях... превосходящую по численности армию», «были сильны...»⁹² Но коль уж эти сентенции и справедливы, то лишь отчасти, если принять во внимание реальные экономические условия, сложившиеся в стране. И Карсская область досталась Первой Республике отнюдь не даром, ее переход под юрисдик-

⁹¹ Второе падение Карса // Анив. 2007. № 5. С. 94.

⁹² Там же. С. 95.

цию страны через англичан был только опосредованным результатом тяжелой борьбы армян, сопровождавшейся огромными, невосполними жертвами.

По мнению Язычяна, армянское военное командование «либо не интересовалось, либо было не в курсе реального положения дел в войсках, либо закрывало глаза на его отрицательные стороны».⁹³ Не могу отстаивать все командование поименно — не проверял, но что касается Даниэл-бека, то, судя по его донесениям и рапортам Силикову и Назарбекову, он был не только в курсе реального положения дел во вверенных ему войсках, но и порой даже излишне вдавался в детали их боевой жизни и быта, не передоверяя контроль своим подчиненным.

Язычян пишет, что дисциплина в Армянской армии ухудшилась еще до карсской катастрофы: «Безусловное, «беспрекословное и точное», выполнение приказов, особенно важное в обстановке войны, не имело места в армии Первой республики. Все «любили только произносить речи и возражать... Большая часть солдат, младших и высших офицеров... оставляли за собой право выбора — выполнять или не выполнять приказы...»⁹⁴ Но я так тщательно изучал все документы, что не мог не заметить случаев явного отказа от выполнения приказа кем бы то ни было. Однако, ссылаясь на Ваге Арцруни, Язычян утверждает, что «во время майского мятежа (1920 года. — Ю.П.) только малая часть высокопоставленных офицеров не примкнула к большевикам. В Александрополе армянское офицерство признало власть Революционного комитета, а **Пирумян с генералом Артемом Овсепяном и полковником Ваганом Тер-Аракеляном объявили о своем нейтралитете и беззаботно бродили по улицам** (выделено мною. — Ю.П.)».⁹⁵ И, кивая на газету «Айреник» (1926 г., № 4), Язычян выдвигает серьезное обвинение против Даниэл-бека и начальника его штаба: «неисполнение воинского долга и нарушение присяги...»

Но во время майского мятежа Даниэл-бек находился не в Александрополе, а в Карсе, где местные революционеры решили силой захватить власть. События, происходившие тогда, чуть было не вылились в кровавую бойню. Однако Даниэл-бек все дни большевистского выступления в Карсе не только продолжал выполнять свои повседневные обязанности, но и принял самое активное участие в мероприятиях по ликвидации мятежа. Это видно из телеграммы, которую Даниэл-бек послал командарму 14 мая 1920 года, указывая, что поскольку «настроение солдат за небольшим исключением было противоправительственное» и многие из них стали выполнять распоряжения Карсского большевистского ревкома, «действовать открытой силой не было возможности». Была велика опасность братоубийственной войны на улицах города с самы-

⁹³ Там же. С. 96.

⁹⁴ Второе падение Карса // Анив. 2007. № 6. С. 92.

⁹⁵ Там же. С. 93.

ми непредсказуемыми последствиями. И потому «вечером, на совещании с уполномоченным Правительства Николаем Агбалянном и губернатором было решено активных противобольшевистских выступлений не делать и командному составу до последней возможности оставаться на своих постах». Что не означало — бездействовать. Мятежники, вооружившись пулеметами, вместе с солдатами засели тогда в городском автоточараже. И «так как настроение правительственных солдат колебалось и атаковать днем большевиков открытой силой не представлялось возможным, предполагалось атаку произвести ночью».

В тексте телеграммы нет и намека на неисполнение долга и нарушение воинской присяги. Налицо проявление сдержанности и осторожности — качеств, необходимых ответственному командиру такого ранга, особенно когда события могут вылиться во взаимное уничтожение граждан твоей страны.

Как известно, с наступлением сумерек восставшие перебазировались в форт Александра II под защиту крепостной артиллерии и оттуда приступили к переговорам с Даниэл-беком и генералом Осепянцем. Даниэл-бек надеялся перетянуть на свою сторону колеблющихся солдат и горожан. Так и вышло. Уже через два дня «стало выясняться решение народа идти против большевиков, что подняло дух правительственных солдат». Оценив ситуацию, Даниэл-бек предпринял усилия для объединения колебавшихся солдат и местных жителей — создал комитет «Спасение родины», который и взял инициативу в свои руки. А далее мятежники, попытавшись оказать небольшое сопротивление и даже обстреляв из пушек город, пошли на попятную, их главари бежали, восстание захлебнулось. Даниэл-бек добился своей цели: и мятеж был ликвидирован, и, как он сам писал, «жертв с нашей стороны не было». И это называется — соблюдать нейтралитет?!

Обвиняет Г. Язычян армянских военнотружущих и в других грехах, например, продолжает настаивать на тотальном «отсутствии воли к борьбе и победе», мол: «Не только армия Первой республики, но и все армянство «было заражено болезнью нежелания войны и отсутствия стойкости»... Попавший в плен в Карсе министр Арташес Бабалян свидетельствует о том же: «Сопротивления не было: раненых и убитых (армян) в войске не было. У турок ранеными оказались только пять аскяров».⁹⁶ Между тем, коль существует «усталость металла», что если точно так же разрушительна «усталость от войны»? Вспомним впечатление Гарегина Овсепяна, произведенное на него рядовым составом Армянской армии, когда священник выступал в Карсе на вокзальной площади 10 октября 1920 года: «Конечно, были в ротах и старые солдаты, испытанные в бою,

⁹⁶ Там же. С. 94, 95.

но они очень устали от предыдущих войн и продолжительных армяно-турецких локальных столкновений».

Язычян же, приплюсовав к этому «...отсутствие единства, зависть и взаимные интриги в среде высшего командования и министерстве обороны» — и взяв в союзники Ваге Арцруни, утверждает, что «...генералы и полковники постоянно плели интриги против Сепуха... Раздоры между Пирумяном и Сепухом, «с одной стороны, были естественным развитием» противоборства Пирумяна с губернатором Корганяном, «с другой — неоспоримым свидетельством того разлада, который изначально имел место между нашими воинами-добровольцами и офицерством»... **Благодаря разногласиям при дележе «талана»** (награбленного имущества. — Ю.П.) **и в других вопросах, отношения между генералами Пирумяном и Овсепяном были плохими** (выделено мною. — Ю.П.). Последний «в непростительных масштабах» интриговал против своих непосредственных подчиненных — командира четвертого полка, полковника Мириманяна и командира первого полка, полковника Арутюняна, которого генералы недолго любили и «всегда держали в Карсе». Помощник военного министра, генерал Силикян **протестует против назначения Пирумяна начальником крепости Карс** (выделено мною. — Ю.П.) и конфликтует со своими вышестоящими начальниками — военным министром, генералом Араратяном и спарпетом Назарбекияном. **В ответ Пирумян «совершает паломничество в Ереван, во «дворец Звезд», «дружеские круги», и ситуация волшебным образом меняется»: он остается на своей новой должности. В свою очередь, генерал Пирумян, его начальник штаба полковник Тер-Аракелян и старший офицер штаба подполковник Авшаров «непрерывно боролись и ругались друг с другом...» Пирумян и начальник артиллерии укреплений Карса полковник Бабаджанов соревновались в попытках «подкопаться и свалить друг друга». Из-за постоянных разногласий в вопросе дележа трофеев большая часть генералов и полковников занималась взаимными обвинениями и оскорблениями»** (выделено мною. — Ю.П.).⁹⁷

Интриги, конфликты... Да какой коллектив обходится без них? Но в армейской среде такая ситуация чревата куда большими бедами. И несколько пренебрежительным отношением к выдвинувшимся в офицеры бывшим фидаинам, подобным Сепуху, кадровые военные действительно грешили. Думаю, связано это было не столько с его личностью, сколько с тем духом вольницы и партизанщины в его отряде, с которым он был не в силах справиться и даже невольно поощрял, не желая пресекать лишние поступки своих бойцов крутыми мерами.

Развивая мысль об интригах и разногласиях, Г. Язычян пишет, что у Даниэл-бека не сложились отношения с губернатором Коргановым,

⁹⁷ Там же. С. 95.

о чем «... говорят все мемуаристы. Отношения между губернатором Карсской области Степаном Корганяном, с одной стороны, и комендантом крепости, генералом Даниэл-беком Пирумяном, командующим центральным участком фронта, генералом Артемом Овсепяном и подчиненными им полковниками, с другой стороны, были крайне натянутыми. Фактически в провинции царило двоевластие. Это противостояние имело множество причин, главными из которых были большие аппетиты генералов и их подчиненных в отношении «талана» при жестком противодействии губернатора и диаметрально противоположные взгляды военных и губернатора на политику по отношению к мусульманскому населению провинции. Пирумян требовал назначить его генерал-губернатором с подчинением ему гражданской администрации, чему категорически противился губернатор Корганян. Благодаря действиям военных в области царили произвол и насилие. Власти Первой республики вместо того, чтобы разрубить этот гордиев узел двоевластия, ограничивались тем, что выслушивали обе стороны и... откладывали решение вопроса».⁹⁸

Да, видимо, все-таки отношения между двумя руководителями Карсской области постепенно портились, и к июлю 1920 года в Ереване решили, что пора что-то предпринять. Наверное, для этого и прибыл в Карс председатель парламента Саакян, как «шеф государства». Но, повторяю, о последствиях его миссии я ничего не знаю.

Ясно одно: разногласия между губернатором Карсской области и комендантом Карсской крепости явно вредили делу. Но по закону военного времени уступить должен был губернатор: обстановка диктовала необходимость подчинения гражданской власти военной. Это в мирных условиях они могли сосуществовать с несомненным креном в пользу гражданской администрации, когда главной целью стало бы налаживание бытовых сторон жизни. А когда в стране война, гражданская администрация обязана неукоснительно выполнять распоряжения военной власти, потому что только армия, с ее жесткой субординацией, может обеспечить само выживание. Недаром в комментарии, которым редакция журнала «Анив» снабдила публикацию статьи Язычяна, говорится об этом без обиняков: «Любые попытки отойти от четкой вертикали власти и принципа беспрекословного выполнения приказов неизбежно ведут к поражению. В нормальных условиях воюющего государства **Пирумян обязан был арестовать главу гражданской администрации и жесткими методами пресечь попытки каких-либо самостоятельных шагов, вплоть до расстрела на месте без суда и следствия**» (выделено мною. — Ю.Л.).⁹⁹

О том, что Силиков был против назначения Даниэл-бека комендантом Карсской крепости, я не знал. Скорее всего, он полагал, что чело-

⁹⁸ Второе падение Карса // Анив. 2008. № 2. С. 92.

⁹⁹ Там же.

веку, находящемуся на такой должности, недостаточно обладать только боевым талантом, проявленным не раз на полях сражений, — необходим еще и немалый административный опыт, который позволит наладить и поддерживать на нужном уровне крепостное хозяйство. А этого опыта Даниэл-беку, видимо, не доставало. И ведь дальнейшие события только подтвердили правоту Силикова: полноценное обустройство Карсской крепости так и не было закончено.

Отсюда, похоже, и натянутые отношения Даниэл-бека со Степаном Коргановым, на которые Гарегин Овсепян списывает немалую часть вины за случившееся: «...между гражданскими и военными властями существовало различие мнений, и это обстоятельство имело пагубные последствия. Губернатором был Корганян, опытный управленец... умел общаться с народом... и с мусульманами, коих в Карсской области было значительное количество... он сумел завоевать их симпатии. Военная власть в лице Пирумяна и его подчиненных желала сосредоточить в своих руках всю полноту власти. Но у Корганяна в правительстве тоже были свои люди, которые ценили его и защищали. Из-за этих столкновений часто возникали неясные ситуации».¹⁰⁰

Мемуары С. Корганова, хранящиеся в архиве, по словам Сони Суреновны Мирзоян, нынче практически не читаемы. Жаль, потому что когда я наткнулся в воспоминаниях Гарегина Овсепяна на строки: «...после падения Карса в мои руки попал документ... в нем подробным образом описаны эти противоречивые действия и их отрицательный результат... я знаю, губернатор Корганян... хранил специальный блокнот, который мог бы пролить свет на катастрофу...», то подумал: не об этих ли мемуарах идет речь, куда мне, к сожалению, путь заказан? И не оттуда ли Гарегин Овсепян когда-то почерпнул информацию о своем однофамильце — генерале Овсепяне (Осепяне, Осепянце), ближайшем подчиненном Даниэл-бека, который не только интриговал «в непростительных масштабах против своих непосредственных подчиненных», но и покровительствовал мародерам и даже сам поживился немало: «...его называли «таланчи» и «продавцом скота»... похищая у турок и курдов скот, якобы, в наказание мятежникам, он продавал его в Грузию».¹⁰¹

Мрачная тень генерала Овсепяна накрыла собой и Даниэл-бека, вызвав слухи, что их отношения «были плохими» из-за того, мол, что они никак не могли поделить этот «талан». Обвинение деда в совершении столь неблагоприятных и даже преступных деяний, пожалуй, больше всего удручило меня, но я не могу даже представить себе, что человек, столько раз смотревший смерти в лицо, вдруг опустился до непосредственного участия в грабежах и до дележа захваченной добычи. Нет, думаю, Даниэл-бек

¹⁰⁰ Овсепян Г. Указ. соч. С. 34.

¹⁰¹ Там же. С. 35.

просто не имел возможности крутыми мерами окончательно пресечь маордерство и поневоле стал морально ответственен за неблагоприятные поступки своих подчиненных. Да и определенные свойства характера сослужили тут моему деду плохую службу, ведь ни с того, ни с сего не появилась бы в его боевой аттестации именно такая вот отметина: «В отношении подчиненных сердечен и заботлив, но мало требователен и недостаточно строг». Но это вовсе не означает, что он автоматически сразу и «корыстолюбец», и «интриган», каким его рисует Г. Язычян в своем перечне из полутора десятков «истинных причин падения Карса».

Очевидно, желая окончательно закрепить за Даниэл-беком образ недееспособного командира, Г. Язычян в разделе «Отсутствие харизматичных политических деятелей и, в особенности, военачальников» пишет: «...командование Армянской армии заседало на мягких подушках — в Ереване, Александрополе или в здании штаба, находящегося в Карском ущелье (из которого «виднелся только кусочек неба» (Арташес Бабалян)), а не в господствующих над городом укреплениях Карадага, откуда из бинокля можно было наблюдать за происходящим на фронте. Пирумян «всего несколько раз покинул Карс, чтобы познакомиться со вверенным ему районом, позициями и укреплениями» (Ваге Арцруни). В эти судьбоносные дни он сломал ногу во время автомобильной аварии и лежал в здании штаба».¹⁰²

Аварию и травму Г. Язычян также как бы ставит в вину Даниэл-беку, хотя неизвестно, где автомобиль деда столкнулся с грузовиком — в пределах Карса или уже за городской чертой по дороге на Бегли-Ахметский фронт, куда в последний раз перед планируемым наступлением, скорее всего, направлялся командующий Карсской группой войск. И даже если действительно Даниэл-бек «всего несколько раз покинул Карс» (то есть еще, по крайней мере, один раз, кроме выезда 11 октября с генералом Осепянцем, о котором мы знаем из телеграммы Силикова от 12 октября) для осмотра района возможных будущих боев за город и подступов к нему, то значит с 1 октября, когда фронт под Бегли-Ахметом стабилизировался, и до дня аварии, имея еще множество обязанностей как командант крепости, дед каждые пять дней бывал на фронте.

Разбирая кратко причины падения Карса, изложенные в статье Г. Язычяна, я не ставил себе цель полностью опровергнуть их. Мне хотелось, анализируя конкретные детали, оценить степень ответственности Даниэл-бека за карсскую катастрофу, в чем-то запятнавшую его до того безупречную репутацию талантливого и храброго военачальника.

Мне было обидно за него, обидно и за Армянскую армию, на которую Г. Язычян не пожалел черных красок, не упомянув ни единым словом те исключительно трудные условия, в которых эта армия создавалась.

¹⁰² Второе падение Карса // Анив. 2008. № 2. С. 95.

В отличие от Г. Язычяна, который не уделяет особого внимания политическому влиянию большевиков, я считаю, что именно большевики Армении, действовавшие по указке Москвы и совершенно легально разложившие своими лозунгами армию, несут, конечно, не единственную, но **главную вину** за падение Карса и в конечном итоге — за крушение независимого армянского государства. А все вместе: большевистская агитация, провальная военно-политическая обстановка внутри страны и на ее границах, усталость народа от войны, плюс ко всему личные обстоятельства — так некстати сломанная нога — и в драматической военной истории моего деда тоже поставлена точка.

Уже через три дня после падения Карса правительство Армении предложило перемирие. 7 ноября 1920 года огонь был прекращен. По условиям соглашения, армянские войска должны были отойти от западного берега Арпачая (Ахуряна), а турецкие — хозяйничать на станции и в крепости Александрополь. Но турки традиционно нарушили договор и 9 ноября, уже заняв Александрополь, предъявили более жесткие требования, на которые армянская сторона поначалу пойти не решилась. 11 ноября на чрезвычайном заседании армянского парламента, к чести его депутатов, новые требования турок были отвергнуты — и война продолжилась. Но переломить военную ситуацию в свою пользу Армении не удалось. И 15 ноября ее правительство сдалось под натиском непреодолимых обстоятельств: 18 ноября в Александрополе были подписаны новые условия перемирия, а 25 ноября в этом же городе началась мирная конференция.

Правительство Амо Оганджяна ушло в отставку. У нового премьер-министра, Симона Врацяна, выбор был небольшой: либо соглашаться на советизацию Армении, либо — на туркизацию. Из двух зол правительство предпочло первый вариант и 2 декабря, днем, сложило свои полномочия, признав Советскую Социалистическую Республику Армения и до прихода Ревкома передав власть командующему вооруженными силами, военному министру Дро. Как раз к этому времени заканчивалась и мирная конференция в Александрополе. Договор с турками, главным итогом которого стала передача Турции некоторых исконных армянских территорий, включая Карсскую область, а также отказ Армении от Севрского договора подписывали в ночь со 2 на 3 декабря. Так что, на самом деле, правительство Врацяна уже не обладало необходимыми полномочиями для его подписания. Но этот хитроумный план премьер-министра — столкнуть турок с большевиками и похоронить Александропольский мирный договор по юридическим мотивам — не удался. Хищники не вцепились друг в друга, просто взяли да поделили свою жертву. Просуществовав всего два с половиной года, Первая Республика пала под ударами откровенных и завуалированных врагов — турок и большевиков.

Но для Даниэл-бека и многих защитников Карса, попавших вместе с ним в плен, военно-дипломатические события ноября 1920 года отодвинулись далеко. Их головы занимали более прозаические мысли: что с ними будет в ближайшее время. А турецкое командование, скорее всего, мучительно раздумывало, куда деть эту массу людей, на спокойное поведение которых в прифронтовой полосе рассчитывать было трудно. Да и исход войны в первые две недели после карсской катастрофы был еще не окончательно ясен. Думаю, логичное решение для турецкого командования выглядело так: отправить военнопленных подальше от мест возможного продолжения военных действий, то есть подальше от Карса, в идеале за пределы территории Армении.

Я уже писал о том, что у нас дома хранилась копия фотографии, на которой, по уверениям мамы, были изображены Даниэл-бек и мой папа во время нахождения в плену в Эрзеруме. Этот снимок не давал мне покоя. Слишком размытый, нечеткий, лица видны плохо. Хотелось увидеть оригинал, и я неоднократно пытался найти его у сестры Люстик. Но безуспешно. На какое-то время мы оставили попытки, но вот однажды, когда в очередной раз наша беседа уперлась в злощастный оригинал, сестра предложила мне возобновить поиск. Ей показалось, что она вспомнила, куда могла припрятать фотографию: «Я знаю, где она, просто мы на эту полку не заглядывали». Я встал на стул и по указанию Люстик потянулся к верхней полке, среди еще каких-то бумаг нащупал сморщенную папку. Люстик кинулась перебирать ее содержимое, а я замер в ожидании. «Вот она!» — торжественно прокричала сестра.

Осторожно беру в руки потрепанный квадратик сероватого цвета, начинаю разглядывать. Да, четкость тут, конечно, намного лучше. И сомнений нет, мама была права, это точно они, мои родные. Смотрю, что на обороте. Так и есть — это дедушкин почерк! Он знаком мне еще по эрзинджанским фотографиям. Читаю на обороте одно-единственное слово: «Н. Сарыкамыш». Это явно «Нижний» Сарыкамыш. Не «Новый» же. И название местечка (или городка?) «Нижний Сарыкамыш» мне знакомо. Когда-то, в середине октября 1915 года отсюда, из Нижнего Сарыкамыша, командир 153-го пехотного Бакинского полка полковник Арджеванидзе отдавал приказ нескольким подразделениям под командой Даниэл-бека выступить в село Ходык.

А я-то думал, когда изучал Сарыкамышскую операцию, что существует просто один город — Сарыкамыш, вблизи которого и развернулись в декабре 1914 года жаркие бои. А Нижний Сарыкамыш? Что это, предместье или некие выселки?

Читаю в Интернете в рубрике «История города Сарыкамыша»: «Первое упоминание о Сарыкамыше относится к XIX веку, когда он уже стал

важным населенным пунктом... в то время Сарыкамыш был разделен на две части: Верхний Сарыкамыш и Нижний Сарыкамыш...» Когда же сделана фотография и кем?

Ответ на первый вопрос, вроде бы, представляется несложным. Содержание пленных в районе боевых действий, ведь война продолжалась и после падения Карса, было связано для турок с определенными трудностями: обеспечение помещениями, питанием, охраной и прочее. Поэтому в интересах победителей было отправить арестованных в более спокойное место. И в этом смысле район Сарыкамыша был вполне подходящим местом, где месяц назад закончились бои и где уже в течение месяца турки устанавливали свои порядки. Поэтому, думаю, что часть пленных перевезли в Нижний Сарыкамыш уже в ноябре.

Наверное, в ноябре же в Нижний Сарыкамыш отправили и моего отца. Но он мог попасть туда никак не раньше 9 ноября, когда турки вошли в Александрополь и турецкая администрация арестовала его, как он писал в автобиографиях, по наущению местных жителей, не простивших ему участие в большевистском восстании. Тогда почему в справке, выданной отцу, сказано, что он находился в плену у турок с 30 октября 1920 года, то есть со дня падения Карса? А может быть, Гарегин Овсепян не ошибся, когда написал, что на обеде у Даниэл-бека, устроенном в начале октября в честь священника, присутствовал и сын генерала в звании поручика. Правда, повторяюсь, об этом звании отца я нигде в его документах не читал и никогда от мамы не слышал. Наоборот, в одной из пробных анкет четким почерком отец написал: «Служил рядовым в войсках Армении с 1919 по 1920 г. (г. Александрополь)». А в рукописных автобиографиях утверждал, что в конце декабря 1919 г. по возрасту был мобилизован в армию и направлен в 1-й Армянский полк рядовым солдатом. После подавления майского мятежа он скрывался в Александрополе, но вот дождался ли он прихода в город турок — это вопрос.

А что если правду говорят, хотя и каждый по-своему, и священник, и отец, который скрывался, скрывался в Александрополе, а потом взял, да и приехал в Карс, решив на время отсидеться под крылом всемогущего коменданта города, и попал на обед вместе с Гарегином Овсепяном, не разобравшимся в звании сотрапезника. Приехал и... задержался до самого дня падения города, и возможно, не остался безучастным к происходившим событиям, а применил свои навыки военного. И тогда получается, что в плен мой папа попал в Карсе одновременно с дедом, и значит и в Нижнем Сарыкамыше они могли оказаться вместе. А как же анкеты и автобиографии моего папы? У меня ответ один: в глазах советской власти он хотел предстать последовательным сторонником большевиков, скрывающимся от ненавистного правительства дашнаков.

Скорее всего в Нижний Сарыкамыш Даниэл-бек с младшим сыном попали в одни и те же дни, если вообще не в один и тот же день. Думаю, в ноябре 1920 года. Тогда же и сделана фотография.

Даниэл-бек и мой папа в турецком плену

Хотя вид у обоих пленных довольно безмятежный, но безвестный фотограф запечатлел их не в лучшие дни: если бы не печальные обстоятельства, отец и сын для единственной совместной фотографии могли бы найти место более подходящее, чем куча каких-то бревен. Возможно, их хотели использовать на физических работах, хотя что мог делать Даниэл-бек со сломанной ногой. Вряд ли за месяц кость на ноге могла срастись настолько, что позволяла свободные движения, да и видно, что там, где голень, прямо поверх сапога намотано что-то вроде веревки с узлом. Но как бы то ни было — сидят в расслабленной позе. Отец, который в зрелом возрасте много курил, в 1920 году, похоже, еще не пристрастился к этой привычке. А вот дед сидит себе на бревне и курит.

Видимо, настоящие холода еще не наступили. В статье «История города Сарыкамыша» сказано, что «главная особенность этой местности — очень

долгая зима, снег здесь идет в среднем 7-8 месяцев в году, лето короткое и сухое». Но, очевидно, в Нижнем Сарыкамыше теплее, чем в Верхнем, более высокогорном, и Даниэл-бек не только не надел шинель (она лежит слева от него), но даже расстегнул ворот мундира? Отец же почему-то застегнут на все пуговицы. И вообще одет не по-солдатски, а скорее по-студенчески: погон на плечах нет, а на голове фуражка. Причем в этой же форме он сфотографирован и на Ваганьковском кладбище у памятника Тарасову после своего приезда в Москву в 1921 году.

Что ж, ноябрь 1920 года, Нижний Сарыкамыш, плен. Даниэл-бек пока в «форме» в прямом и в переносном смысле. Мундир в порядке, погоны не срезаны.

Кстати, о погонах... Согласно свидетельству Арташеса Бабаляна, «в карсском плену большая часть русскоязычных армянских офицеров была рада тому, что в Армении установилась советская власть», и «только трое-четверо страдали сердцем и душой по поводу потери страны, остальные выбросили прочь погоны и стали использовать слово «товарищ».¹⁰³ Не думаю, что среди них был Даниэл-бек: его политические взгляды скорее можно назвать нейтральными.

На первый вопрос, где и когда сделана фотография, я попытался дать ответ. Но вот второй вопрос: кто же сфотографировал пленного генерала и его сына? Не турки же, скорее, кто-то из своих, причем из ближайшего окружения. А самым близким к Даниэл-беку в плену мог оказаться только начальник его штаба, Ваган Тер-Аракелян. По словам А.Г. Туршяна, во время плена Тер-Аракелян пользовался симпатией у турок, заворожив их своими вокальными данными, что неудивительно, ведь еще в духовной семинарии Тер-Аракелян, одаренный великолепным голосом, был любимым учеником Комитаса и считался лучшим исполнителем его песен. Своим хорошим знанием турецких и армянских печальных песен Ваган привлек внимание турецких военнослужащих. Особенно удавались ему армянская народная песня «Дле яман» и вокальное произведение Комитаса — «Антуни» («Бездомный»).

Как исключение, возможно, такому человеку турки разрешили носить при себе фотоаппарат, и начальник штаба использовал эту привилегию.

Но, видимо, Нижний Сарыкамыш показался туркам недостаточно надежным местом, а может быть, городок уже не вмещал все прибывающих армянских пленных. И туркам пришлось подыскать другой пункт для перевода большого количества людей, раз уж настали такие времена, что нельзя было их просто расстрелять, не рискуя омрачить отношения с союзником — Советской Россией. Ближайшим крупным турецким городом, способным принять тысячи пленных и обеспечить их надежную охрану, безусловно, был Эрзерум. С Сарыкамышем его связывала узко-

¹⁰³ Второе падение Карса // Анив. 2007. № 3. С. 64.

колейная железная дорога на конной тяге. Наверное, часть пленных турки переправили по ней, других же, скорее всего, гнали пешком. В любом случае — путь неблизкий, люди были измучены. А надеяться на хорошее отношение не приходилось...

Я считал, что раз мой отец был отправлен в Эрзерум, то и дед попал туда же. Тем более что в книге Ж. Каялова на 51-й странице со ссылкой на другую книгу я обнаружил фразу: «...среди других руководящих участников генерал-майор Даниэл-бек Пирумов был взят турками в плен в Карсе 30 октября 1920 года и содержался в Эрзеруме (выделено мною. — Ю.Л.)».¹⁰⁴

Но никаких архивных документов на этот счет в нашей стране я не нашел. Поэтому решил послать запрос в Турцию. Только не знал, в какое учреждение мне надо обращаться. Действовать начал наобум — позвонил в атташат по культурным связям посольства Турецкой Республики в России. Меня направили в военный атташат посольства, где сотрудниками оказались российские граждане.

Они пообещали помочь и с переводом запроса на турецкий язык, и с поисками адреса необходимого учреждения. Вскоре я написал письмо-запрос, его, как и обещали, перевели на турецкий и отправили в Архив военной истории Управления стратегических исследований Генерального штаба Турецкой Республики. А месяца через полтора оттуда пришел ответ: «Касательно сведений, затребованных в вашем заявлении, сообщаю, что в результате проверки в Архиве военной истории Управления стратегических исследований (ATASE) Генерального штаба и в Архиве Министерства национальной обороны никаких сведений и документов не обнаружено. Прошу принять к сведению. От имени начальника (атасе) Генерального штаба — Ахмет Тетик, д-р. преп. полковник, заведующий архивным отделом».

Какой-никакой, а ответ, пусть и безликий, формальный. Но он не означает, что Даниэл-бека в турецком плену не было. За давностью событий и из-за хаоса, в котором тогда пребывала Турция, такие документы могли и не сохраниться, а может, их и вовсе не заводили.

Но ведь утверждал Ж. Каялов, сославшись на книгу Оливера Болдуина «Охота на зверя», что Даниэл-бек «...содержался в Эрзеруме». Я пытался найти ее в Москве, но безуспешно. Помог друг, Сталик Севериновский, живущий в США. Он отыскал эту книгу в библиотеке, прочел ее, а потом сообщил мне самое важное: «Автор книги, по-видимому, сын известного британского политического деятеля Стэнли Болдуина, разведчик, решивший учить арабский язык, в августе 1920 года встретился в Александрии с Хатисяном (бывшим министром-председателем. — Ю.Л.) и убедил его в своей способности обучать армянские войска. В ноябре 1920 года он прибыл в Ереван через Грузию, а после советизации Армении бежал в Турцию: в конце февраля 1921 года перешел границу. Но турки его аре-

¹⁰⁴ Охота на зверя. Лондон: Грейсон и Грейсон, 1932. С. 245 (на англ. яз.).

стовали, признали шпионом и 9 марта привезли в Карс, а в конце марта перевезли в Эрзерум, в тюрьму, где сидели армянские офицеры Карсского гарнизона. Где-то между **25 и 30 марта 1921 года** напарник Болдуина по имени Шура (фамилия не указана. — *Ю.П.*), арестованный вместе с ним, указал на двух офицеров и сказал, что это Даниэл-бек Пирумян и Христофор Араратян». ¹⁰⁵

На мой взгляд, это очень ценное, внушающее доверие свидетельство, потому что исходит от незаинтересованных лиц. Значит, все-таки Эрзерум. Мой отец тоже там был, только в его справке об освобождении написано, что он находился в концентрационном лагере.

Какая злая насмешка судьбы! Город, победа над которым в 1916 году принесла славу русскому оружию, 153-му пехотному Бакинскому полку и лично Даниэл-беку, пять лет спустя обернулся для него тюремными застенками.

Март 1921 года, когда Болдуин и Шура видели Даниэл-бека, обрушил на Армению новые испытания. Пока в ней бушевало восстание, поднятое против большевистского террора, в Москве прошли переговоры между РСФСР и Турцией, в результате которых 16 марта был подписан Московский договор, лишивший уже Советскую Армению многих исконных армянских территорий. А такая проблема, как судьба пленных, в нем даже и не поднималась. И сотням армянских офицеров, и тысячам армянских солдат предстояло и дальше томиться вдали от родины.

Однако их родные и близкие не сидели сложа руки. Как только положение советской власти в Армении упрочилось, они направили заявление Александру Мясникяну, ставшему к маю 1921 года председателем СНК и наркомом по военным делам ССР Армения. Этот любопытный документ в конце ноября 2010 года привезла в Москву Соня Суреновна и передала мне. Вот его текст:

«Народному Военному комиссару тов. Мясникову. От семей и родных попавших в плен к туркам офицеров, при наступлении турок.

Заявление

После падения гор. Карса от 29-го октября 1920 года (ошибка, на самом деле 30 октября 1920 года. — *Ю.П.*) наши сыновья и мужья остались в плену у турок.

О судьбе их сведений не имеем.

Просим Вас сообщить, каково их положение в настоящее время и какие меры приняты или принимаются Правительством в смысле освобождения их и возвращения в Армению.

Участь и положение наше без них крайне тяжелое и безвыходное.

23 июля 1921 года. Гор. Эривань». ¹⁰⁶

¹⁰⁵ Там же. С. 211.

¹⁰⁶ НАА. Ф. 114, оп. 2, д. 10.

Более двадцати человек поставили под этим заявлением свои подписи. Среди них была и фамилия «Пирумова», но без инициалов.

Конечно, быть не может, чтобы родных людей не беспокоила судьба Даниэл-бека. Правда, его отца давно не было в живых, он умер в 1872 году, но, возможно, еще была жива мать. Хотя она, старая женщина, скорее всего, безвыездно оставалась в Карабахе в деревне Нахичеваник и вряд ли вообще знала, что произошло с сыном. Сестры Даниэл-бека с семьями жили в Баку, а жена с дочерьми — в Москве. Маловероятно, что кто-то из них специально приезжал в 1921 году в Ереван, чтобы подписать заявление Александру Мясникяну. Ведь для этого надо было заранее знать, что родственники пленных собираются обратиться к властям, и суметь вовремя добраться до Еревана, что было крайне сложно: хаос во всех сферах жизни не позволял еще быстро и свободно передвигаться по стране.

Так что, думаю, подписал заявление от имени Пирумовой кто-то из семьи тестя Даниэл-бека, Маркара Халатянца. Хотя он с домочадцами и жил в Александрополе, но все же этот город был ближе к Еревану, чем Баку или Москва, и при необходимости в столицу Армении к сбору подписей можно было успеть.

Жаль все-таки, что не удалось узнать, кто же из близких подписался, фамилией «Пирумова». Сколько раз мне приходилось ограничиваться гипотетическими рассуждениями только из-за того, что в большинстве документов тех времен рядом с фамилиями людей не указывали их имена или инициалы!

Так и с этим заявлением, к которому был приложен на двух листах еще один документ, правда, уже на армянском языке — как оказалось, список пленных, составленный, наверное, аппаратом военного комиссариата для Мясникяна. Несмотря на плохую печать и нечеткость слов в некоторых местах, Эмануил Долбакян (что бы я делал без него!) перевел мне текст на обоих листах и... зазвучали знакомые и незнакомые фамилии. Считаю важным привести весь документ:

«Направляю список армянских пленников, находящихся в Турции, на Ваше усмотрение.

Начальник общего отдела
/Ал. Мелян/
Начальник канцелярии
/Е. Тер Хачатрян/

СПИСОК

1. Даниел Бек Пирумян командир Карсской крепости, Шушинец
2. Христофор Араратян — артиллерист, командир, Тифлисец
3. Иван Казарян — полковник пехоты

4. Арташес Бабалян, инспектор здравоохранения Армении, Ереванец
5. Левон Пирумян, студент, сын Пирумяна, Тифлисец
6. Пирумян Серго, сын Пирумяна
7. Пирумян Асканаз?, сын Пирумяна
8. Корганян Васил, председатель снабженческого... Алек(сандрополец)
9. Александр Векилов, начальник штаба, Александрополец
10. Тигран Бастамян, пограничные войска, полковник
11. Александр Калантарян, начальник военного суда, Тифлисец
12. Николай Асланян, заведующий складом, Александрополец
13. Бадал Юзбашян, начальник филиала
14. Николай Шахриян, начальник 3-й роты, Тифлисец
15. Александр Свинский, помощник предыдущего, Темирханшурец?
16. Тигран Мелик-Шахназарян, начальник охраны Карса, Владикавказец
17. Иван Векилян, командир артиллерии, Тифлисец
18. Маргар Мелконян, заместитель командира 3-й роты?
19. Рубен Малхушян, помощник губернатора Карса, из Ростова
20. Венемедин Авшаров, заместитель начальника Карса, из Коба
21. Николай Тундаров, заместитель начальника штаба, Тифлисец
22. Вардан Арзуманян, заместитель».

И надо же, из двадцати двух человек, перечисленных в списке, четверо носят нашу фамилию. Ну, с Даниэл-беком ясно, а вот, что мой отец числится в этом списке студентом, наводит на мысль, что он попал в плен не как солдат, а значит, мои выводы относительно его пребывания в Карсе получили дополнительное документальное, хотя и косвенное, подтверждение. Что касается Серго Пирумяна, то, возможно, он сын родного брата Даниэл-бека, Микаэла. Писал же когда-то Феликс Георгиевич Пирумов Ремалю Николаевичу Пирумову о том, что два сына Микаэла, Сергей и Георгий, попали к туркам в плен.

Об Асканазе Пирумяне ничего не могу сказать, его имя мне встречается впервые.

Этот список, на мой взгляд, всего лишь одна из попыток аппарата военного комиссариата подкрепить имевшимися сведениями конкретное заявление родственников военнопленных. Наверное, таких заявлений было много – ведь число плененных турками армян исчислялось сотнями, если не тысячами. Например, при взятии Карса, согласно данным Г. Язычяна, количество пленных могло доходить до семи тысяч человек. Опирались ли армянские власти только на собственные сведения или воспользовались также помощью турецкой администрации, неизвестно, но процесс начался, и значит, новому руководству Армении предстояло в этом направлении работать дальше, находить фамилии всех томившихся в Турции армянских военнопленных. Рано или

поздно должно было наступить время новых переговоров с Турцией, на которых были бы поставлены вопросы, не решенные Московским договором, и, в частности, такая насущная и человеческая проблема, как порядок обмена пленными.

В какой мере советским властям в Армении удалось подготовиться по этой проблеме, не знаю, но когда кемалисты и большевики — представители трех закавказских республик и РСФСР собрались 26 сентября 1921 года в Карсе, теперь уже турецком, на конференцию для заключения договора, который бы окончательно закрепил соглашения, достигнутые в Москве, среди других вопросов рассматривались и условия обмена пленными.

И опять невеселая символика: город, который должен был стать костью в горле на пути наступающих турецких войск, теперь играл роль арены, на которой решали судьбу его защитников.

Исторически Карс входил в состав гавара Вананд провинции Айрарат Великой Армении. И то, что он в XVI веке вошел в состав Османской империи, отнюдь не предвосхищало его турецкую судьбу на вечные времена. В XIX веке шанс ухода города из-под турецкого владычества был реализован, но вот в XX веке Карс был вновь потерян для армян. Конечно, сегодня этот город выглядит лучше, чем на тех фотографиях, которые были приведены в настоящей книге на странице 444, в чем можно убедиться, взглянув на современные снимки Карса.

Вид современного Карса. Фото Григория Пирумова

Вид современного Карса. Фото Григория Пирумова

Вид современного Карса. Фото Григория Пирумова

Я думаю, останься он армянским, наш народ отстроил бы его лучше, используя свой накопленный веками опыт возведения зданий и сооружений.

Но судьба была неблагоприятна ни к этому городу, ни к его защитникам в октябре 1920 года, и горько видеть развевающийся и поныне турецкий флаг над мощной цитаделью, построенной не турками, но, вопреки всему, владеющими ею...

Карсская крепость. Современный вид. Фото Григория Пирумова

На протяжении всей книги я по возможности старался не отвлекаться на геополитические рассуждения, у меня была другая цель.

Однако вид современного Карса и особенно вид Карсской крепости с развевающимся над ней турецким флагом побудил меня здесь, на завершающих страницах книги, высказаться кратко, но с предельной откровенностью.

Реальность сегодняшнего дня такова, что наши исторические земли вместе со священной горой Арарат находятся вне пределов армянского государства. Очень близко – рукой подать, но вместе с тем так далеко...

Должны ли мы мириться с этой реальностью?! Думаю, нет. Должны ли мы ее учитывать? Думаю, да.

Судьба исконных армянских территорий, отданных Турции по злой воле большевистских руководителей, вопреки желаниям, чаяниям и во-

оруженному сопротивлению армянского народа, не перестает волновать многих представителей все новых и новых поколений наших соотечественников, как проживающих в Республике Армения, так и в диаспоре.

Этим поколениям рано или поздно придется обсуждать и решать вопрос с новыми поколениями турецких граждан о нормализации отношений между Арменией и Турцией. Встанет ли вопрос о возвращении территорий или переговоры приведут к возможности для армян покупать земли в Западной Армении (сейчас турецким законодательством это запрещено), неизвестно. Не знаю я и того, в какой форме и как долго будут решаться вопросы об установлении добрососедских отношений, которые нужны Армении в такой же степени, как и Турции. Но уверен, что такие отношения станут возможными только тогда, когда Турция станет не внешне, а внутренне по-настоящему светским и демократическим государством и когда новые поколения турецких граждан осознают, что в 1915 году были совершены неслыханные до той поры преступления против человечности.

И тогда, может быть, Турция последует примеру Германии, население которой не только признало преступный характер нацистского режима, но и сделало практические шаги во имя искупления вины перед народами, пострадавшими в тот короткий, но полный трагизма период.

Я очень буду на это надеяться...

Однако вернусь в 1921 год на Карсскую конференцию.

Хочу подчеркнуть: проблему пленных обсуждали не до конференции, а непосредственно на ней. Поэтому слова А.Г. Туршияна в статье «Сардабадский герой» о том, что «летом 1921 года, накануне Карсской конференции, Александру Мясникяну удастся из 150 офицеров, взятых в плен в Карсе, вернуть на родину 74, в числе которых были Даниэл-бек Пирумян и Ваган Тер-Аракелян»,¹⁰⁷ не соответствуют действительности. Вряд ли бы турки сподобились на такой аванс, учитывая их желание вести переговоры с каждой закавказской республикой отдельно.

Итогом конференции стал Карсский договор из 20 статей и 3 приложений. Подписание его состоялось 13 октября 1921 года в вагоне, который затем был подарен советским правительством своему турецкому союзнику. Этот вагон до сих пор находится в музее турецкого города Карса, символизируя дружбу между двумя государствами-агрессорами. Наверное, тщеславие турок было удовлетворено несомненным совпадением: капитуляция Германии в 1918 году была принята в железнодорожном вагоне, а Карсский договор в известном смысле и для армян, и для русских можно также рассматривать как капитуляцию. Не могу удержаться от желания акцентировать внимание на еще одном совпадении: в этот

¹⁰⁷ Туршиян А.Г. Указ. соч. С. 167 – 182 (на арм. яз.).

день ровно год назад в районе Карса Даниэл-бек сломал ногу. Мистика, да и только!

Но ближе к реальным фактам. Отныне, согласно статье 1, договоры, которые были «заключены между правительствами, осуществлявшими в прошлом суверенность на территориях договаривающихся сторон, считались утратившими силу». И Александропольский договор от 2 декабря 1920 года — в том числе. Недействительными стали и те договоры, что были заключены с третьими государствами и касались закавказских республик. Но одна фраза в Карском договоре до сих пор «аукается» Армении: «Признается, что Русско-турецкий договор, подписанный в Москве 16 марта 1921 года (Московский договор. — Ю.П.), изымается из этой статьи». Таким образом, договор, заключенный без участия Армении и отдававший Турции исконные армянские земли, легитимизировался. А согласно статье 2, договаривающиеся стороны не собирались признавать «никакие мирные договоры или иные международные акты, к принятию которых понуждалась бы силою одна из сторон». По сути, это означало, что Советская Армения отказывалась признавать Севрский мирный договор 1920 года.

Смысл статей о порядке обмена пленными предельно ясен. В статье 15 говорится, что «каждая из договаривающихся сторон обязуется объявить немедленно после подписания настоящего договора полную амнистию гражданам другой страны за преступления и проступки, совершенные вследствие войны на Кавказском фронте». А в статье 16 — о том, что «дговаривающиеся стороны согласны в **двухмесячный срок со дня подписания настоящего договора взаимно осуществить водворение на родину бывших военных и гражданских пленнх, остающихся на территории одной из договаривающихся сторон** (выделено мною. — Ю.П.)».¹⁰⁸

Представляю, как родственники пленнх замерли в ожидании. Увидеть своих родных живыми, обнять их — чудо стало возможным, ведь в соответствии с 16-й статьей они должны были вернуться на родину не позднее 13 декабря 1921 года.

Судя по справке, мой отец был освобожден из плена 19 октября 1921 года — спустя всего шесть дней после подписания договора. Рядовых солдат, коих было много, и прочий «студенческий» люд (в частности, мой отец, указанный студентом в списке, подготовленном аппаратом военного комиссариата), наверное, отпустили в первую очередь. Думаю, что высших офицеров освободили позже, но это только предположение. Попасть в плен Даниэл-бек с сыном могли и одновременно, а вот вернуться на родину, скорее всего, предстояло порознь. Во всяком случае, в воспоминаниях высокопоставленного железнодорожного служащего Егише Пахлавуня, описавшего картину прибытия в Александроп-

¹⁰⁸ Pro Armenia. 1992. № 6. С. 45 — 46.

поль поезда с пленными, из нашего рода упомянут только Даниэл-бек. Оно и понятно, в приводимом мною отрывке в переводе Эмануила Долбакяна речь идет всего о шестерых, но видных деятелях, которых, судя по всему, ждала на родине незавидная участь:

«...наше возвращение из плена было обусловлено Московским и Карским договорами. И турецкие военные власти нас заверили, что по отношению к нам не будет применено никакого насилия согласно договору. Доверившись этому заявлению военных властей, мы согласились из Эрзерума вернуться в Армению. Но когда это бандиты Ленина уважали свои многочисленные обещания, чтобы сейчас их соблюдать? Только мы добрались до Александрополя, как целая армия знакомых-друзей заполнила вагоны; все старались увидеть и забрать домой родственника, друга или знакомого. Многие подошли, обнялись, но моя племянница Ш.н., подойдя ко мне, поторопила меня, чтобы я как можно скорее вышел из вагона, потому что из Еревана пришло телеграфное распоряжение сразу арестовать шестерых: Е. Пахлавуня, доктора А. Бабаляна, полковника Д. Бек Пирумяна, Ваан Тер Аракеляна, Амбарцума Мелконяна и Михаила Арзуманяна. Эту новость я тут же сообщил вышеупомянутым, а сам вместе с Ш.н. поспешил в их дом, где ее мать сразу же решила проблемы с бельем и необходимой верхней одеждой. А барышня Ш.н., оставив меня у них дома, поспешила в Чека за информацией и, вернувшись, сообщила, что из Еревана получено второе распоряжение всех отправить в Ереван.

От своей благородной племянницы, имевшей ответственную должность, я узнал о вмешательстве и требовании сопровождавшего нас турецкого полковника, что «никто не имеет права арестовать кого-нибудь согласно нашей договоренности и по декрету Ленина, где сказано, что предыдущие преступления прощают всем без исключения. И поэтому вверенных мне 100 офицеров я должен в присутствии нашего (то есть турецкого. — Ю.П.) представителя сдать Ереванскому правительству». Эту процедуру он совершил на вокзале в Ереване, где были тысячи встречающих нас, несмотря на то что было раннее утро. Сцена была волнующая, и атмосфера давящая. Не было родственников многих. Одни умерли, не выдержав безграничный произвол чудовищного режима, преследований и истязаний. Некоторые были уничтожены в темницах чудовищных ленинско-сталинских чекистских выродков, а их родственники изгнаны на далекий север, в тундры Сибири или в Соловки. Многие еще были в пути или в тюрьмах других советских республик. А некоторым удалось перебраться в другие страны, Персию и т.д. Вместо ожидаемых радостной встречи, объятий и улыбок — плач, всхлипывания, обмороки и траур. Море слез встретило нас, и забыть этот день, не вспомнить его невозможно. Те тихие проклятия при объятиях старых людей, угрожающие лица молодых, с испепеляющими взглядами, в которых

мы видели накопившиеся чувства ярости, желания мести. Не знаю, что происходило...»¹⁰⁹

Что происходило?! Советская власть в Армении, якобы по «ходатайству» которой, как сказано в Энциклопедии «Армянский вопрос», был освобожден также побывавший в турецком плену генерал Араратов, видимо, на первых порах не знала, что делать с этой массой людей. На всякий случай по уже опробованному сценарию некоторых решили арестовать. Но вмешался безвестный турецкий полковник...

Итак, если бы не распоряжение из Еревана, Даниэл-бек сошел бы в Александрополь, где, может быть, еще оставались его родственники со стороны жены. И он мог бы остаться и как-то устроиться в этом городе, знакомом ему по многим годам службы. Но надо было отправляться дальше в Ереван, где турецкий полковник должен был сдать своих подопечных официальным армянским властям. Жаль, что Е. Пахлавунни не указывает даты прибытия поезда в Александрополь. Но в соответствии с Карсским договором это должно было произойти до 13 декабря 1921 года. Наверное, справедливо, хотя и хронологически неопределенно, например, в отношении Араратова в Энциклопедии «Армянский вопрос» написано: «в конце 1921 года возвратился в Советскую Армению». А может быть, и на самом деле возвращение высших офицеров произошло только в самом конце 1921 года. Ведь мало того, что их вообще могли отпускать только после освобождения и отъезда рядового состава, но причиной долгого ожидания возвращения на родину могли стать перебои с транспортом, о чем даже в Карсском договоре, в статье 17 упомянуто особо: «В целях обеспечить непрерывность сношений между своими странами, договаривающиеся стороны обязуются принять путем взаимного соглашения все необходимые меры для сохранения и развития с возможной скоростью железнодорожных, телеграфных и других средств сообщения, а равно и для обеспечения свободного передвижения людей и товаров между договаривающимися сторонами без каких-либо задержек; **однако признается, что как в отношении передвижения, въезда и выезда путешественников, так и передвижения товаров будут полностью применяться установленные в каждой стране на сей предмет правила** (выделено мною. — Ю.П.)».

Так что, несмотря на официальное освобождение, которое могло состояться в рамках оговоренного срока, возвращение армянских офицеров на родину могло произойти позже 13 декабря — из-за «малой скорости» и «установленных в Турции на сей предмет правил».

Но пока офицеры Армянской армии собирались в путь и ехали на родину по установленным в Турции правилам, на самой родине, по-видимому, не дожидаясь, когда возвращенцы физически появятся в ее пределах, на-

¹⁰⁹ Пахлавунни Е. Книга воспоминаний. Ереван.: Мугни, 2006. С. 161 – 162.

родный комиссар по военным делам А. Мясников, возможно, для начала ограничившись только 77 персонами, решил с 19 октября 1921 года зачислить всех их в резерв, считай уволить. Соответствующий приказ за № 111 был издан 28 октября 1921 года. Этот приказ наряду с Мясниковым подписал и назначенный новой властью начальником генштаба знакомый нам Притоманов.¹¹⁰

В приказе оказались и знакомые фамилии. Например, начальник штаба Даниэл-бека Ваган Христофорович Тер-Аракелянц, генерал Христофор Герасимович Араратов, а также генерал Иван Григорьевич Казаров (Газаров, Газарян), думаю, все-таки лишившийся в плену своей прекрасной сабли, которой так восхищался Гарегин Овсепян. Шестьдесят восьмым в списке фигурировал Даниэл-бек. Как и его товарищи по плену, он теперь «бывший» и, вероятнее всего, без пенсии. Во всяком случае, в приказе о пенсии ни слова.

Попав в плен 59-летним, уже не очень здоровым человеком, пережившим накануне серьезную травму, Даниэл-бек вернулся в Армению еще более ослабленным физически. Ж. Каялов в своей книге пишет, что «Даниэл-бек во время содержания под стражей в Эрзеруме стал серьезно болеть и уже не поправлялся».¹¹¹

Я не знаю, кто из близких Даниэл-беку людей встретил его в Ереване и встретил ли кто вообще, а также не знаю, где он поселился по прибытии в столицу Советской Армении.

Встал вопрос: как жить дальше? Снова идти в армию? Так тогда поступили многие, тот же Араратов с 1923-го по 1925 год был заместителем командира Армянской стрелковой дивизии. Но он был моложе Даниэл-бека на целых 15 лет..

Семья, по сути, распалась. Жена с двумя дочерьми уже несколько лет жила в Москве, мои дедушка и бабушка вели поневоле самостоятельную жизнь, и неслучайно Ж. Каялов отмечает, что Даниэл-бек «was separated from his wife»¹¹², что означает не развод, а раздельное проживание супругов. Хотя мой отец, по понятным соображениям, и написал в одной из автобиографий: «Мать моя, домашняя хозяйка, жила в разводе с мужем».

Даниэл-бек, к моему удивлению, работу нашел быстро. Я знаю об этом, потому что в моем архиве есть документ — свидетельство генерала Артака Арменаковича Варганияна, жившего в Москве, на Старом Арбате. 28 июня 1986 года Артак Арменакович письменно подтвердил, что Даниэл-бек в 1921 — 1922 годах работал под его началом: «После установления 29 ноября 1920 г. Советской власти в Армении по распоряжению командующего вооруженными силами Советской Армении я, Варганиян Артак Арменакович, был назначен военным комиссаром всех ра-

¹¹⁰ НАА. Ф. 942, оп. 1, д. 486.

¹¹¹ Каялов Ж. Сардарабадская битва. Париж: Мутон, 1973. С. 52.

¹¹² Там же (сноска 18).

диостанций Армении и в дальнейшем в течение 1921 – 1922 гг. занимал должности начальника и военкома радиодивизиона и начальника связи Красной армии Армении. Удостоверяю, что со второй половины 1921 г. должность заведующего хозяйством радиодивизиона Красной армии Армении, дислоцированного в г. Ереване, занимал бывший генерал-майор Пирумян Даниэл-бек Абиссогомович. Его служба в радиодивизионе продолжалась около одного года. В 1922 г. (точной даты не помню) Пирумян Даниэл-бек уволился по собственному желанию».

«Со второй половины 1921 года» — звучало для меня очень неопределенно, учитывая, что Даниэл-бек никак не мог вернуться в Армению раньше дня подписания Карсского договора, то есть 13 октября 1921 года.

Получив от Артака Арменаковича заверения, что он «все хорошо помнит», я сразу не придавал значения этой неопределенности, хотя меня вполне бы удовлетворили слова «в конце 1921 года». Но в водовороте происходивших тогда в СССР общественно-политических событий, захвативших и меня, пришлось несколько замедлить свои исследования. И только через пять лет я вернулся в них к периоду возвращения Даниэл-бека из плена, решив более подробно расспросить Вартапяна о его работе в радиодивизионе и о встречах с Даниэл-беком.

Он немало не удивился моей повторной просьбе и принял меня 13 августа 1991 года. Ему было уже 95 лет. Но он был вполне крепок и, как и при первой встрече, несколько раз заверил меня, что все хорошо помнит. Показал мне интереснейшие документы, один из которых был с личной подписью Дро Канаяна. Уходил я от Вартапяна с обновленным письменным свидетельством: «После установления Советской власти в Армении, я, Вартапян Артак Арменакович, 1896 года рождения, был назначен 1 января 1921 года начальником радиоотдела Наркомпочтеля ССРА (Народного Комиссариата Почт и Телеграфов Советской Социалистической Республики Армения. — Ю.Л.) и в дальнейшем в течение 1921 – 1922 годов занимал одновременно несколько должностей, в том числе должность начальника радиодивизиона Армянской Красной армии. Территория радиодивизиона тогда располагалась вблизи дороги, ведущей от района вокзала к бывшей Астафьевской улице (ныне улица Абовяна). На этой же территории находились и хозяйственные службы радиодивизиона. Удостоверяю, что во второй половине 1921 года я лично принял на работу в качестве заведующего хозяйством радиодивизиона бывшего генерал-майора Пирумяна Даниэл-бека Абиссогомовича (и в предыдущем своем свидетельстве, и в этом Вартапян допустил ошибку: последнее звание Даниэл-бека — генерал-лейтенант. — Ю.Л.). В то время его здоровье, по-видимому, уже было сильно подорвано, так как он ходил, опираясь на палку. Поэтому порученная ему работа была чисто канцелярской. Тем не менее, я иногда встречал его на территории

радиодивизиона и беседовал с ним на служебные темы. Встречал я Пирумьяна Даниэл-бека и после его увольнения со службы в радиодивизионе в 1922 году (точной даты увольнения не помню), но уже вне территории подразделения. В этот период я жил на Бебутовской улице (ныне улица Свердлова) и почти ежедневно возвращался с работы домой пешком через Астафьевскую улицу. Перед поворотом на нее я иногда видел сидящего на скамейке бульвара Пирумьяна Даниэл-бека, в шинели без погон и с палкой в руках. В этих случаях я останавливался около скамейки, и мы некоторое время беседовали на отвлеченные темы. Однако в том же 1922 году (точной даты не помню) эти встречи прекратились».

Я хотел все же «вытянуть» из Артака Арменаковича более подробный рассказ о знакомстве с Даниэл-беком, собирался снова его навестить, но тут разразился августовский путч, и настала совсем другая жизнь. В 1992 году я уволился из НИИ, который по счастливой случайности находился рядом с домом стареющего генерала, и какое-то время не имел возможности заниматься исследованием дедушкиной судьбы, а когда я, наконец, стал посвободнее и решил возобновить знакомство с Вартаняном, выяснилось, что он скончался, кажется, в 1993 году.

Его воспоминания совпадают с информацией из многочисленных автобиографий моего отца, в которых он сообщал о месте службы Даниэл-бека, хоть и несколько размыто, но все равно очень похоже: «отец мой после Октябрьской революции служил в отделе снабжения частей Красной армии», «отец мой служил в управлении по снабжению частей Красной армии в г. Эривани», «последняя его работа — в отделе военного снабжения и почтово-телеграфная контора». И специфика работы та же: заведующий хозяйством — у Вартаняна, отдел снабжения — в автобиографиях моего отца. И профиль учреждений близок — связь! — радиоотдел и почтово-телеграфная контора.

Но если Вартанян продолжал в 1922 году иногда встречать Даниэл-бека в городе, то, скорее всего, это было время поиска дедом возможности изменить свою жизнь. И тогда, может быть, прав был А.Г. Туршян, написав, что «в 1922 году генералу удастся найти адрес семьи. Он пишет в Москву, что скоро выедет из Еревана...»¹¹³

Но, как пишет далее А.Г. Туршян, «...жена и дети ждали напрасно. Перед самым отъездом Даниэл-бек скоропостижно умирает в возрасте 59 лет. Его похоронил архиепископ Гарегин Овсепян во дворе храма Гаянэ».¹¹⁴

Почти слово в слово вторит А.Г. Туршяну и Ж. Каялов, когда пишет о Даниэл-беке: «Он умер в Армении в 1922 году и был похоронен србазаном (владыкой. — Ю.П.) Гарегиним Овсепяном в ограде церкви Святой Гаянэ. Его безмолвная безымянная могила находится рядом с моги-

¹¹³ Туршян А.Г. Указ. соч. С. 182 (на арм. яз.).

¹¹⁴ Там же.

лами выдающихся армянских церковных деятелей».¹¹⁵ И только С. Афанасян утверждает, что Даниэл-бек похоронен в Тбилиси, но для подтверждения этой версии нет даже косвенных фактов.

Не знаю, из каких соображений Гарегин Овсепян похоронил Даниэл-бека во дворе храма Святой Гаянэ. Логичнее было бы — во дворе храма Святой Рипсимэ, настоятелем которого священник когда-то был. Но все, что он смог в тот момент, он сделал. И причина его выбора уже не важна. Как и казенная отписка члена Верховного Духовного Совета Католикосата, епископа Июсика Сантуряна: «По имеющимся у нас **достоверным сведениям** (выделено мною. — Ю.Л.) на Эчмиадзинском кладбище нет его могилы. В те времена на монастырском кладбище хоронили только церковнослужителей».

Потому что Соне Суреновне Мирзоян удалось-таки отыскать в Ереване метрические записи церкви Святого Лусаворича. И теперь у меня есть копия этих записей за октябрь 1922 года, где на армянском языке под номером 58 упомянут «**генерал Даниел-бек Пирумов, 60 лет, умер 15 и похоронен 17**» (выделено мною. — Ю.Л.).¹¹⁶ На обороте копии Соня Суреновна написала: «К сожалению, лист на этом обрывается, вторая половина, где обычно регистрируются причина смерти и место захоронения, не сохранилась».

Имя Даниэл-бека в метрических записях церкви Святого Лусаворича значится дважды. И во втором случае нужная половинка листа, где указаны причина смерти и место захоронения, каким-то чудом сохранилась: «19 января 1921 года. Даниел-бек (Погос) Пирумянц, генерал, в возрасте 64 лет. Причина — самоубийство. Похоронен 23 января 1921 года на военном кладбище». Однако сомнений нет: в этой записи имя Даниэл-бека лишнее. Самоубийца — его троюродный брат, Погос-бек, жизнь которого прослежена в моем докладе «Незабываемый Погос-бек Пирумян».¹¹⁷ А Даниэл-бек ушел из жизни осенью следующего года — в 1922-м, прожив не 59 лет, как написал А.Г. Туршян в статье «Сардарабадский герой», а почти 61 год.

Когда мы с Наташей в 2008 году были на праздновании 90-летия Сардарпатской битвы, то на аллее мемориального комплекса увидели, как какой-то мужчина кладет цветы возле портрета Даниэл-бека. Я подошел, спросил, почему из всех портретов он выбрал именно этот. Мужчина смущенно улыбнулся: «Я принес цветы всем героям битвы». И представился: «Юрий Максевич Аратян».

Я был растроган, мне показалось, что и он тоже. И мы решили тотчас же сфотографироваться, обменялись телефонами и адресами, и я вызвался помочь ему найти в Российском государственном военно-историческом

¹¹⁵ Каялов Ж. Указ. соч. С. 52.

¹¹⁶ НАА. Ф. 47, оп. 6, д. 365, л. 33.

¹¹⁷ Третьи Лазаревские чтения по истории армян России. М.: МАКС-пресс, 2009. С. 214.

*Юрий Максович Араратян (справа) и Юрий Левонович Пирумян.
Сардарпат. Май 2008 года*

архиве послужные списки его деда по женской линии генерала Христофора Герасимовича Араратова.

Я нашел по каталогу номера трех послужных списков, заказал их, пришел в назначенный день, но... мне было отказано в их выдаче. На мой вопрос «почему», мне показали на маленькую букву «у» рядом с номером каждого послужного списка. Это означало «уничтожен».

Вот так. Уничтожили, расстреляли человека в 1937 году, но этого было мало чекистам. Они поработали в архиве и уничтожили и документы о нем, думая уничтожить и самую память о генерале. И только ли об одном Араратове?!

Не сомневаюсь, не умри Даниэл-бек в 1922 году собственной смертью и его ждала бы участь быть расстрелянным. Возможно, и моего деда, как и его ровесника генерала Силикова, неспособного уже самостоятельно идти, несли бы на носилках к месту расстрела... И тогда я никогда бы не узнал, где находится могила Даниэл-бека, и никогда бы не смог установить на ней памятник в его честь.

Но мне повезло. Я повстречал Юрия Максовича.

Я не верю в случайность таких встреч. Я верю в их закономерность. И внук генерала Араратяна появился в моей жизни в нужном месте и в нужный час хотя бы для того, чтобы невзначай обронить, что он

*Памятник на могиле Даниэл-бека Абисогомовича Пирумяна
во дворе церкви Св. Гаянэ в Эчмиадзине*

и в храме Святой Гаянэ цветы на могилу Даниэл-бека положил. Я ахнул, услышав такое: она что, действительно там?! И ее можно увидеть и даже дотронуться?!

Поехать в Эчмиадзин тотчас – была моя первая мысль. Но дело было к вечеру, самостоятельно добраться до храма Св. Гаянэ и найти служителя, который бы указал могилу, времени не оставалось. А на следующий день утром мы улетали в Москву..

Пришлось обратиться к племяннице, Белле Пирумовой. Она помчалась в Эчмиадзин, встретила там с заместителем владыки храма Гаянэ, Паруйром, который показал ей заветную могилу и заверил, что Даниэл-бек захоронен именно здесь. Правда, Белла увидела, что год смерти на памятнике указан неверно, но мы решили, что это поправимо. А Константин Захарян разузнал, что памятник на могиле – работа скульптора Эдуарда Акопджаняна, и установлен он был еще в 2001 году, по инициативе Рафаэла Авакяна – члена общественной организации «Малатия».

К сожалению, с тех пор я не был в Армении, но фотографии могилы Даниэл-бека у меня есть. Первую прислал Константин Захарян. Он с другом Рубеном Джанибекяном специально ездили в Эчмиадзин. Вто-

рую — сделали мой троюродный брат Шмавон Шмавонян с сыном Рафиком.

Там, на плите, под крестом, надпись по-армянски: Даниэл-бек Пирумян, полководец Сардарпатских боев. Чуть пониже: герой Родины. А в самом низу выгравирован знак вечности. На надгробном камне высечен орел с мечом в когтях. Справа и слева — кресты. Меч направлен острием к земному шару. Под ним посвящение: Даниэл-беку.

И где бы на самом деле ни был похоронен Даниэл-бек, пусть его последним пристанищем будет двор храма Святой Гаянэ. Других, более вероятных версий все равно нет. Но в любом случае мой дед упокоен в родной земле. И «какое мне в сущности дело, что все превращается в прах», если он есть у меня, а я — у него...

ГОЛОС МНОГИХ ПОКОЛЕНИЙ

(Вместо послесловия)

*Голос многих поколений
Твердо мне велит идти...*

Егише Чаренц. Эпическое утро.
Пер. А. Ахматовой

Закончив книгу и оглядываясь назад, я только сейчас начинаю понимать, какую огромную пропасть между незнанием и знанием о своих предках с отцовской стороны я преодолел. И я со страхом думаю, что никогда бы их голоса не зазвучали в моей душе, если бы по воле случая мне не пришлось заняться исследованием жизни моего дедушки, Даниэл-бека. И теперь через него для меня связаны единой «ветвью» несколько поколений нашего рода — большая удача по нынешнему времени. Можно даже составить невымышленное генеалогическое древо.

Но кроме имен моих предков на страницах книги прозвучали еще и имена многих из тех, с кем Даниэл-беку пришлось встретиться в жизни: учителей в Тифлисском юнкерском училище, сослуживцев по 153-му пехотному Бакинскому полку, соратников по борьбе в рядах Армянской армии и даже... имена моих современников — жителей его родной деревни Нахичеваник. Ведь люди, их носившие, это тоже чьи-то поколения. Значит, голоса и этих поколений, пусть опосредованно, но также дошли до наших дней.

А теперь о поколении тех, кто помогал мне на исследовательском пути, часто даже без просьбы с моей стороны. Это тоже мои современники. Некоторых из них я даже никогда не видел, но слышал их «голоса» в письмах, публикациях и по телефону. Я постарался ни о ком не забыть в своей книге, так как без их помощи не сумел бы многого сделать. И потому хочу воспользоваться правом автора, чтобы выразить им свою признательность.

Благодарю:

Рафаэла Михайловича Абрамяна

Карена Агекяна

Валерия Павловича Азарьянца

Альберта Ренаевича Андрияна

Эрнеста Санатруковича Арустамяна

Ара Арменовича Арутюняна

Ашота Осиповича Арутюняна
Аршаруйса Михайловича Аршаруни
Армена Октемберяновича Асатряна
Амаяка Николаевича Ахназарова
Ашота Осиповича Арутюняна
Сержа Афанасяна
Люсик Оганесовну Барсегианц
Софию Даниловну Барсегианц
Оганеса Барсеговича Барсегианца
Артака Арменаковича Вартаняна
Сергея Владимировича Волкова
Кима Погосовича Григоряна
Аиду Фаддеевну Гюмреци
Александра Ильича Дерябина
Эмануила Егияевича Долбакяна
Рубена Александровича Заргаряна
Константина Константиновича Захаряна
Эльдара Эльхановича Исмаилова
Седу Сергеевну Иванашвили
Сурена Агабековича Карапетова
Леонида Петровича Кушвида
Голаба Арамовича Мартиросяна
Арсена Ашотовича Мелик-Шахназарова
Ирину Григорьевну Мелик-Шахназарову
Нонну Григорьевну Мелик-Шахназарову
Регану Каграмановну Мирзабекову
Соню Суреновну Мирзоян
Самвела Михайловича Мирзояна
Рипсимэ Оганесовну Мировицкую
Рубена Альбертовича Мурадяна
Самвела Хачатуровича Мурадяна
Александра Богдановича Пирумова
Владимира Семеновича Пирумова
Ремалю Николаевича Пирумова
Феликса Георгиевича Пирумова
Евгению Арамовну Пирумову
Марию Даниловну Пирумову
Меджи Богдановну Пирумову
Геворга Петросовича Пирумяна
Феликса Ашотовича Пирумяна
Сурена Тиграновича Сагумяна
Карло Сарухан-бека

Евгения Михайловича Соминского
Марию Александровну Тер-Минасову
Светлану Григорьевну Тер-Минасову
Евгению Арутюновну Тер-Оганову
Арутюна Геворковича Туршяна
Баграта Аршаковича Улубабяна
Вазгена Вагаршаковича Шмавоняна
Шмавона Рафиковича Шмавоняна
Татьяну Павловну Щербакову

Благодарю своего главного героя — Даниэл-бека — за то, что был. Благодарю своих папу и маму за то, что были. И свою любимую жену Наташу — за терпение и поддержку.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя.....	5
От автора	7
Глава 1. Появление второго дедушки.....	10
Глава 2. Генеалогический поиск	53
Глава 3. Карабах. Деревня Нахичеваник. Дом и семья.....	79
Глава 4. Учеба в Шуше и Тифлисе	116
Глава 5. Служба в 153-м пехотном Бакинском полку: мирное время	140
Интерлюдия «Дети»	
Иосиф	158
Микаэл	177
Мария	184
Александр	190
София	191
Левон	194
Глава 6. Служба в 153-м пехотном Бакинском полку на Кавказском фронте в 1914 – 1917 годах.....	224
Глава 7. Закавказье в период 1917 – 1918 годов. От февральской революции — до Сардарапата	294
Глава 8. Сардарапат	358
Глава 9. В независимой Армении	397
Глава 10. 1920 год: новая война с Турцией и Карсская катастрофа. Уход.....	515
Голос многих поколений. (Вместо послесловия)	588